

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 2789/5 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

III год

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАЩИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЛХХХVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38)

1869.

НОВАЯ ВОЛЯ.

(Изъ записокъ служившаго когда-то по крестьянскому дѣлу).

I.

Поясняющая, какъ я попалъ въ мировые дѣатели.

...Въ концѣ 1860-го года, покончивши со своими частными дѣлами въ одной изъ приволжскихъ губерній, я отправился въ первопрестольную столицу Москву и поселился въ ней, до присканія сколько нибудь опредѣленнаго занятія, на, такъ-называемой, Трубѣ. (Трубою называется или, вѣрнѣе, тогда называлась, часть города, прилегающая къ Трубному, или Цвѣтному бульвару).

Въ то самое время, когда я переселился на Трубу, во всѣхъ селахъ, деревняхъ и городахъ Россійской Имперіи, а въ Москвѣ по преимуществу, народъ толковалъ о предстоящей волѣ, которую ожидали со дня на день: одни со скорбью въ сердцѣ, другіе съ надеждою на лучшее будущее, но — и тѣ, и другіе съ большимъ нетерпѣніемъ. Нетерпѣніе вторыхъ до такой степени было естественно, что о немъ и говорить не стоитъ; что же касается до нетерпѣнія скорбѣвшихъ и зубами скрежещавшихъ, то и оно, по нѣкоторомъ размысленіи, дѣлалось понятнымъ. Представьте вы себѣ школьника старыхъ временъ, который навѣрняка ужъ знаетъ, что его будутъ сѣчь, какъ скоро очередь, по алфавиту, дойдетъ до начальной буквы его фамиліи, а между тѣмъ его злополучная фамилія начинается съ ферта, или съ оиты. Ну, не ясно-ли, что положеніе оиты несравненно хуже, чѣмъ какого нибудь Вѣди или Буки; а ужъ объ азахъ и говорить нечего. «Господи, хоть бы поскорѣе!» — тоскливо шепчетъ злополучная оита, заранѣе развязывая ремни у брюкъ...

Люди, посвященные въ государственныя тайны, или, просто, часто бывавшіе въ англійскомъ клубѣ, разумѣется, знали, ког-

да именно выйдет манифестъ; но мы, жители темной Трубы, впервыхъ, ничего не могли знать такого, о чемъ не было еще заявлено въ полицейскомъ листкѣ, а, ввоторыхъ, смотрѣли на все съ своей собственной, независимой точки зрѣнія. Между нами, жителями Трубы, ходили свои слухи, у насъ существовали свои собственные взгляды на внутреннюю и внѣшнюю политику, такъ что, когда ожидаемое всѣми съ нетерпѣніемъ 19-е февраля прошло безъ послѣдствій, тогда у насъ на дворѣ всѣ въ одинъ голосъ заговорили, что въ нынѣшнемъ году ничего ужъ не будетъ, а если что и будетъ, — такъ развѣ въ будущемъ, да и то еще Богъ вѣсть.

Надобно вамъ замѣтить, что многочисленное населеніе нашего старенькаго трехъ-этажнаго домика (до такой степени обветшалаго и сгнившаго, что архангельскіе мужики непременно бы его съѣли, еслибы подъ руку подвернулся) было населеніе въ высшей степени разнокалиберное, несогласное въ мнѣніяхъ и взглядахъ на вещи. Каждый этажъ у насъ, даже каждое отдѣленіе этажа толковало и думало по своему, совершенно независимо, несмотря на то, что квартиры отдѣлялись одна отъ другой тонкими перегородками съ порядочными щелчками; а нѣкоторые квартиры и вовсе не имѣли никакихъ перегородокъ; за то онѣ и назывались не квартирами уже, а просто углами, полъ-углами и четверть-углами.

Проживая въ лучшемъ этажѣ, или какъ у насъ порусски говорятъ въ *белъ-этажи* (название это, впрочемъ, нисколько не препятствовало нашему лучшему этажу быть хуже очень многихъ конюшенъ; я не говорю: всѣхъ); читая постоянно Московскія Вѣдомости, я подчасъ вмѣшивался въ разговоры нашихъ разнокалиберныхъ обитателей, но каждый разъ убѣждался все болѣе и болѣе, что эти самостоятельные люди ни въ какія газеты не вѣрятъ; что у нихъ существуютъ свои собственные, невидимыя газеты, издаваемые не Коршами и не Катковыми, а какими-то совсѣмъ иными людьми. Болѣе и болѣе убѣждался я, что эти невидимыя и неосязаемыя народныя газеты не нуждаются, для поддержки своей, въ казенныхъ объявленіяхъ, отдаваемыхъ на откупъ, и что подписчиковъ у нихъ бездна, несравненно больше, чѣмъ у лондонской Таймсъ. Жили у насъ внизу прачки, которыя, стирая бѣлье по разнымъ купеческимъ и дворянскимъ домамъ, каждый вечеръ приносили самыя свѣжія новости вмѣстѣ съ огромными узлами самаго грязнаго, запачканнаго дворянскаго и купческаго бѣлья. Жила внизу же, возлѣ печки, дворничиха, старуха лѣтъ восьмидесяти-пяти, изъ вольмоотпущенныхъ. Эта положительно отвер-

гала всякую возможность кабой бы то ни было воли и, безъ всякой церемоніи, по московско-старушечьему обычаю, обзывала дуракомъ въ глаза каждаго, занкнувшагося о «глупой энтой волѣ». — «Я те покажу волю! — кричала старуха, замахиваясь на неотвязнаго болтуна метлой — вотъ тебѣ воля какая будетъ: энта самая!» Жилъ въ нашемъ домѣ и отставной, пожилыхъ лѣтъ солдатъ, который, наперекоръ и на зло старухѣ, рассказывалъ, что у него въ Питерѣ служить въ гвардіи троюродный братъ, который стоитъ иногда на часахъ на самой что ни есть первой во всемъ Питерѣ гауптвахтѣ и потому онъ знаетъ очень много такихъ вещей, которыя прямо доказываютъ, что дворничиха — старая карга, дура, — и больше ничего. Дворничиха злилась, махала, какъ баба-яга неразлучной съ нею метлой, — но вѣдь извѣстно, что стараго солдата метлой не удивишь.

Несмотря однако же ни на фельетонную болтовню прачекъ, ни на солидныя слова опытнаго фельдфебеля, проводившаго свои убѣжденія съ такою же строгою послѣдовательностью, съ какою въ наше жалкое время проводить ихъ только лишь одна газета «Вѣсть» — несмотря на все это, — большинство населенія нашего дома крѣпко держалось мнѣній старой дворничихи и ея метлы. Когда день 19-го февраля прошелъ безъ послѣдствій, то всѣ порѣшили, что въ нынѣшнемъ году ничего ужъ не будетъ, да и въ слѣдующемъ едва-ли.

Оказалось однако же, что старуха дворничиха увлекалась излишнимъ консерватизмомъ, а фельдфебель былъ правъ.

Въ мартѣ — числа не упоминаю, чтобы не соврать — въ прощное воскресенье послали мы, жители бель-этажа, кухарку за хлѣбомъ къ чаю. Кухарка наша, обыкновенно отличавшаяся отъиной быстротой передвиженій, на этотъ разъ до такой степени замедлила, что мы съ пріятелемъ даже переглянулись и перегнулись по этому поводу нѣсколькими фразами.

— Ужъ не случилось-ли чего особеннаго? — говорю.

— Чему-же случится-то? Ты, можетъ быть, думаешь, не забѣжала-ли опять въ кабакъ?

— Нѣтъ, братъ, я не объ этомъ.

— Тагъ о чемъ-же?

— Да ужъ манифестъ не вышелъ-ли? говорю. Ты вѣдь знаешь, что воля эта всегда подкрадывается неожиданно, какъ тать въ ночи, по священному писанію...

— Ну, понесъ опять! сказалъ пріятель съ досадою. — Самъ говоришь, что воръ ночью подкрадывается; а теперь ночь, что-ли?

— Зачѣмъ же ты, говорю, такъ буквально понимаешь эти слова? Съ той поры времени прошло много и обычаи неизбѣжно измѣнились; притомъ же и мы далеко ушли впередъ. Московскій жуликъ теперь и въ полдень такъ ловко стащить шубу изъ прихожей, что и не замѣтишь. Ты какую-то азіатскую неподвижность начинаешь проповѣдывать!

Въ это время, впопыхахъ вбѣжала кухарка, съ такимъ сіяющимъ лицомъ, что и у насъ невольно на сердцѣ повеселѣло.

— Что вы сидите-то тутъ? кричала кухарка. — Каки тутъ чай: идите скорѣе на улицу! Тамъ на фонаряхъ ужъ воля прибита!

— Какъ на фонаряхъ воля прибита? Что за дичь?

— Да такъ вотъ, прибита, да и все! Народищу тамъ сколько всякаго — страсть!

Любопытство, разумѣется, забрало и насъ. Проглотивши второпяхъ по стакану чая, отправились и мы съ приятелемъ на улицу: посмотрѣть, какъ это ухитрились на фонаряхъ волю приколотить.

На перекресткѣ двухъ улицъ мы дѣйствительно на первомъ же фонарѣ увидали объявленіе московскаго генераль-губернатора, которымъ жители столицы извѣщались, что манифестъ объ освобожденіи крестьянъ полученъ и сегодня будетъ читаться въ церквахъ. Въ концѣ объявленія помѣщено было коротенькое извлеченіе изъ положенія о дворовыхъ, именно о томъ, что дворовые люди въ теченіе еще двухъ лѣтъ остаются въ полномъ повинненіи у владѣльцевъ.

У фонаря, когда мы къ нему подошли, тѣснилась уже довольно значительная толпа, личный составъ которой безпрестанно мѣнялся. Проѣзжавшіе по улицѣ купцы слѣзали съ санокъ, читали объявленіе, но по фізіономіямъ ихъ невозможно было замѣтить, какое впечатлѣніе произвела на нихъ новость: и къ фонарю отъ санокъ шли они съ самодовольными улыбающимися лицами и отъ фонаря уходили съ такими же, размышляя, вѣроятно, про себя, кака-така имъ изъ всего этого польза? Подходили къ фонарю разные оборванные чиновники — и штатскіе и военные, но эти, большею частію, были до такой степени выпивши, что фізіономіи ихъ уже и выразить ничего не могли, хотя бы владѣльцы ихъ этого и пожелаали. Подходили люди, одѣтые въ костюмы нѣмецкаго покроя, но съ фартуками на животѣ и съ кульками подъ мышкой — должно быть повара изъ дворовыхъ. Они читали объявленіе долго, въ высшей степени внимательно, но, когда дочитывали до конца, то, мах-

вувши рукой, отходили отъ фонаря быстрыми шагами, какъ будто сильно на что-то разсердившись.

Толги у прибитой воли шли, какъ читатель и самъ легко можетъ смекнуть, самые разнообразныя и неподходящія. Одни говорили, что воля будетъ дѣйствовать, начиная съ настоящаго дня, ровно два года, а потомъ опять все пойдетъ по старому, какъ было. Другіе, напротивъ, утверждали, что два года даны помѣщикамъ на размышленіе, чтобы, значить, они успѣли приготовиться къ отъѣзду изъ своихъ деревень, потому что чрезъ два года въ деревняхъ останутся одни только мужики съ деревенскими бабами, а господъ всѣхъ разселять по городамъ: въ деревняхъ-де вамъ совсѣмъ нечего дѣлать. — Третьи болтали... впрочемъ, всѣхъ мнѣній и не пересчитаешь. Это все равно, что пересчитывать всѣ своеобразныя мнѣнія нашихъ столичныхъ газетъ относительно какого нибудь политическаго, такъ-называемаго важнаго, животрепещущаго вопроса; да, притомъ, и не припомнишь всѣхъ-то, потому что съ той поры во-семь уже лѣтъ прошло. Помню только, что несмотря на раннее еще утро, пьяныхъ по улицамъ было замѣтно больше, чѣмъ ихъ бываетъ обыкновенно; впрочемъ, и то сказать: вѣдь манифестъ читался въ послѣдній день масляницы. Подъ фонарями, на которыхъ была прибита воля, валялось въ этотъ день не мало разнаго званія людей, можетъ быть только что получившихъ свободу, но лишившихся всякаго сознанія, — что, впрочемъ, въ Москвѣ не представляетъ особенной какой нибудь рѣдкости. Помню, какъ въ этотъ достопамятный день, на Дмитровѣ, какой-то пьяный, оборванный чиновникъ съ кокардой, въ фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ, остановилъ проѣзжаго генерала, который въ данномъ случаѣ былъ, по моему, совершенно правъ, ругнувъ пьянаго чиновника на всю улицу непристойными словами. Генераль переѣзжалъ чрезъ ухабъ, глубоко по уши лошади, — и въ этотъ-то самый моментъ чиновникъ, снявши шапку, закричалъ: «позвольте, ваше превосходительство!» Генераль остановилъ лошадь и спросилъ: «что вамъ угодно?» — «Съ свободой честь имѣю пр-р-оздравить ваше превосходительство!» гаркнулъ чиновникъ, махая шапкой. Мнѣ кажется, что еслибы чиновникъ подошелъ къ санямъ поближе то генеральскій кучеръ непременно вытянулъ бы его по спинѣ арапникомъ за это наивное поздравленіе генерала съ свободой въ ухабъ, около того самаго дома, изъ котораго впоследствии знаменитый Михаилъ Никифоровичъ разъяснилъ Россіи, какъ нужно понимать эту свободу.

Въ Кремлѣ, на мощеной плитами площадкѣ предъ соборами,

народу собралось ровно столько, сколько влѣзло. Разбившись на отдѣльныя группы, народъ слушалъ чтецовъ, повидимому, очень внимательно, но однако-же нельзя было не замѣтить, что самая густая толпа тѣснилась не вокругъ чтецовъ манифеста, а возлѣ патриаршей ризницы, гдѣ стояла карета митрополита, запряженная четверней, съ фореиторомъ. Народъ съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ въ зубы митрополичьимъ лошадямъ, весьма серьёзно обсуждая вопросъ, сколько которой изъ нихъ лѣтъ.

Извѣстно, что въ Москвѣ всевозможныя оваціи, имѣющія политическій отгѣнокъ, совершаются по преимуществу въ трехъ мѣстахъ: въ обжорномъ и охотномъ ряду, въ гостинномъ дворѣ и въ большихъ трактирахъ, наполненныхъ франтами-половыми въ бѣлыхъ рубашечкахъ. Въ описываемый мною памятный, историческій день, и тѣ и другія и третьи мѣста вполне оправдали свою репутацію. Тотчасъ по окончаніи обѣденъ, народъ, какъ вода чрезъ прорванную плотину, нахлынулъ на всѣ эти любимыя имъ мѣста — и тотчасъ же пошелъ носиться по всей матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной привлекательный для голоднаго человѣка запахъ кипящаго на раскаленныхъ сковородахъ масла. Въ одномъ изъ отдѣленій знаменитаго Гуринскаго трактира собрался патриоты-профессора съ цѣлью отпраздновать, какъ слѣдуетъ, радостное событіе. Не мало было сѣдепо и выпито, не мало патриотическихкихъ чувствъ было выражено, а въ концѣ-концовъ и трактирная прислуга не вытерпѣла, чтобы не принять непосредственнаго участія въ общемъ праздникѣ. Половые сюрпризомъ вынесли къ почетнымъ гостямъ поднось съ шампанскимъ, уже отъ себя собственно — и поднялось опять чоканье, поздравленье и целованье чисто братское, для всѣхъ сословіи одинаково пріятное.

Но отыскались, однакоже, и такіе злополучные люди, которымъ тогдашняя развеселая масляница показалась гораздо хуже великаго поста. Передавали за вѣрное, будто у одной московской барыни находилось въ Москвѣ до тридцати крѣпостныхъ ванекъ-извощниковъ, и что она, накануне объявленія манифеста, всѣхъ ихъ собрала на своей квартирѣ и потомъ, подъ предлогомъ различныхъ проступковъ, отправила ихъ всѣхъ въ кварталъ подъ арестъ. Барыня опасалась, чтобы ваньки-извощники, услыхавши вдругъ о волѣ, не взбѣсились бы и не причинили ей какого нибудь вреда; притомъ же и послѣднюю власть хотѣлось показать, да и сердце сорвать на злополучныхъ крѣпостныхъ ванькахъ, на которыхъ каждый москвичъ привыкъ срывать свою досаду и всяческія огорченія. Вечеромъ, къ театральнымъ подвѣздамъ потянулись, по обыкновенію, цѣ-

лые отряды жандармовъ, а по улицамъ появились пѣшіе патрули, съ заряженными, говорили, ружьями, но безъ штыковъ. Въ этотъ достопамятный день, какъ видно, всѣ были настроены толковать преимущественно о волѣ и объ улучшеніи быта, всѣ, не исключая даже и конныхъ жандармовъ, быть которыхъ съ давнихъ временъ уже улучшенъ и, вообще, какъ слышно, находится въ удовлетворительномъ положеніи. «Всѣмъ-то вотъ волю нынче даютъ — толковали жандармы между собою, пробираясь къ театрамъ шагкомъ — а мы, братцы, когда ее дождемся? Куда ужъ какъ надоѣло шляндать по театрамъ-то этимъ!»

Въ тѣ, хотя и неотдаленныя отъ насъ времена, не укоренился еще обычай давать въ высокаторжественные дни непременно патриотическія пьесы, въ родѣ известной оперы Глинки, а давали все, что подъ руку подвернется. Такъ и въ описываемый день на Большомъ театрѣ шелъ, почему-то, балетъ «Сатанилла» со всѣми своими ужасами, тартарарой преисподней, змѣями и дьяволами, при видѣ которыхъ богобоязненные и напершіея блинами мѣстные и заѣзжіе купцы охали и невольно крестились. Только лишь по окончаніи послѣдняго акта, когда публика схватилась-было ужъ за шапки и начала увязываться шарфами — театральныи оркестръ вдругъ заигралъ народный гимнъ и зрители, сначала какъ-то нерѣшительно, а потомъ и посмѣлѣе, начали подыматься съ своихъ мѣстъ. Немного лѣтъ прошло съ той поры, но относительно театральныи патриотическихъ заявленій Россія сдѣлала такіе громадныи успѣхи, что трудно даже вѣрится. Нынче ужъ если начать «ура» кричать или въ десятый разъ требовать повторенія какой нибудь, возбуждающей патриотизмъ, аріи, то и конца этому шуму не предвидится, а восемь лѣтъ тому назадъ наша театральная публика была, сравнительно съ нынѣшней, какъ стыдливая, скромная институтка въ сравненіи съ гарнизоннымъ солдатомъ. Событіе, подавшее тогда поводъ кричать «ура», было дѣйствительно крупное и радостное, но самыи-то крики оказались очень слабыми и нерѣшительными.

Спектакль, какъ это обыкновенно бываетъ въ послѣдній день масляницы, кончился довольно рано. Хлынувшая изъ театровъ толпа скоро расплылась по разнымъ закоулкамъ и переулкамъ и улицы очутились совершенно пустынными, какъ, впрочемъ, и слѣдовало наканунѣ чистаго понедѣльника. Ходили только по разнымъ направленіямъ молчаливыи, усиленные пѣшіи патрули съ ружьями безъ штыковъ; раздавался по пустыннымъ улицамъ ихъ мѣрный шагъ, кое гдѣ собаки лаiali, да часы на башняхъ

старательно выколачивали свои четверти. Всюду темнота, вездѣ запертыя двери. Смокли трактиры, кабаки и погребки, и даже у самого Николы въ Грачахъ не видно было на тротуарѣ валяющихся пьяныхъ, что составляло отгнѣнную рѣдкость. Правду послѣ писали, что народъ русскій встрѣтилъ свою, такъ называемую, «волю» не съ пѣснями и плясками, а въ глубокой тишинѣ и молчаніи, въ постѣ и молитвѣ. Большинство встрѣтило эту «волю» въ глубокомъ снѣ, а очень многихъ, по всей вѣроятности, и кошмаръ давилъ, или, «сусѣдушка», потому что у насъ въ этотъ день самая неудобоваримая пища, насквозь пропитанная саломъ и масломъ, пожирается въ размѣрахъ изумительныхъ, и дѣлается это больше всего въ видахъ экономическихъ, чтобы послѣ не пришлось ее собакамъ выгнѣвывать.

Не требовалось особенно тонкой наблюдательности, чтобы замѣтить, что москвичи (преимущественно изъ дворянскаго сословія) чего-то трусили, ожидали чего-то необыкновеннаго изъ области ужаснаго, чего-то въ родѣ страшнаго суда и свѣту-представленія, которыхъ москвичи не разъ уже ожидали въ опредѣленные сроки съ большимъ трепетомъ. Рассказывали, что многіе изъ самыхъ трусливыхъ въ ночь наканунѣ объявленія манифеста и спать не ложились, да и послѣ объявленія не могли заснуть сряду нѣсколько ночей, потому что цѣлые дни просыпали напролетъ. Конечно, одною изъ главнѣйшихъ причинъ бессонницы могли быть жирные, неудобоваримые блины и всякія другія масляничныя яства, но все-таки, безъ сомнѣнія, самую главную причину представляли собою нѣкоторыя колобродныя мысли, которыя въ русскихъ изнѣженныхъ головахъ перевариваются вообще несравненно труднѣе, чѣмъ жирное, непропеченое тѣсто въ привычныхъ желудкахъ. Оказалось, что тѣ самыя понятія о значеніи крѣпостнаго права, какія господствовали въ высшемъ слоѣ нашего общества сто лѣтъ тому назадъ, когда несчастнаго Радищева чуть-чуть было не казнили смертью за его мягкосердечіе, — оказалось, что эти самыя понятія здоровыми и невредимыми сохранялись и въ 1861 г., да и въ послѣдующіе за тѣмъ годы, не исключая и нынѣшняго, 1869 года. Оказалось, что многіе образованные москвичи въ 1861 году цѣликомъ повторяли слова извѣстной либералки Екатерининскихъ временъ, княгини Дашковой, которая, въ интимныхъ разговорахъ своихъ съ философомъ Дидро, высказывала, что «свобода безъ образованія непременно вызоветъ безначаліе и смуту. Что только когда нисшіе классы ея соотечественниковъ будутъ просвѣщенными, — только тогда они сдѣлаются до-

стойкими свободы и будутъ умѣть ея пользоваться, безъ вреда согражданамъ».

Многіе москвичи и москвитянки не только повторяли эти мудрыя княжескія слова, но даже буквально, на сколько было возможно, приводили ихъ въ исполненіе, какъ напримѣръ барыня, засадившая дюжину своихъ крѣпостныхъ извожиковъ, на первые дни по объявленіи свободы, въ кутузку. Вѣроятно, барыня эта предполагала, что ея вачки-соотечественники, посидѣвши нѣсколько дней въ кутузкѣ, если не совѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, отчасти успѣютъ сдѣлаться «достоинными свободы и будутъ умѣть ея пользоваться безъ вреда согражданамъ». Еслибы представилась какая нибудь возможность, еслибы позволили размѣры существующихъ на Руси кутузокъ, то примѣру московской барыни послѣдовали бы очень многіе, такъ-какъ очень многіе и теперь еще глубоко убѣждены въ томъ, что приучать къ разумному пользованію свободой всего удобнѣе на цѣпи. Многіе были глубоко убѣждены въ томъ, что, какъ скоро народу объявятъ свободу, то онъ немедленно начнетъ драться и, въ доказательство основательности такого, повидимому страннаго, предположенія, приводили не мало примѣровъ, хотя примѣры эти, по большей части, какъ къ коровамъ гусарскія сѣдла подходили къ тѣмъ общимъ правиламъ, къ которымъ они пристегивались.

— Нашъ народъ — это лютый звѣрь, безопасный только лишь до той поры, пока сидитъ въ клѣткѣ! — проповѣдывалъ одинъ ораторъ изъ помѣщичьяго сословія, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ. Нашъ мужикъ смиреннымъ кажется только «здали, когда, напримѣръ, онъ, отдѣльно отъ другихъ, виситъ подъ крышей пятиэтажнаго дома на веревкѣ точно паникадило и краситъ варнизъ; а полюбуется вы на него въ массѣ, напримѣръ въ дни народныхъ праздниковъ, когда для толпы поставятъ на площади высокія мачты, намазанныя саломъ съ приманкой на вершинѣ: Боже мой, да это просто и не люди, а скорѣе стадо дикихъ буйволовъ! Во время коронаціи народецъ нашъ, нечего сказать, съумѣлъ себя показать! По городу, знаете, разъѣзжаютъ посланники въ своихъ роскошныхъ каретахъ и костюмахъ; тутъ и Морни и Эстергази и вся эта знать, — а у насъ на улицахъ драка, крикъ, брань; растрепанные, растерзанные бѣгаютъ... такъ даже стыдно какъ-то дѣлается, бывало, что принадлежишь къ этой націи!.. Или припомните народный праздникъ въ дни коронаціи, этотъ несчастный народный обѣдъ... Боже мой, Боже мой, что это было за безобразіе!

— Расскажите, сдѣлайте милость!

— Въ послѣднихъ числахъ августа, не помню котораго именно числа, назначенъ былъ обѣдъ для народа на Ходынскомъ полѣ. Такъ-какъ гостей изъ города и изъ ближайшихъ деревень ожидалось видимо-невидимо сколько, то тогдашній генераль-губернаторъ Закревскій приказалъ все устроить заранѣе, чтобы послѣ никакихъ уже затрудненій не могло выйдти. По всему полю разставили столы, покрытые скатертями, на столы наставили круглыхъ этажерокъ съ врючками, на которые красивыми фестонами навѣшали колбасъ, устроили нѣсколько фонтановъ съ виномъ и помѣщеніе для избранной публики съ флагомъ надъ царскимъ мѣстомъ: поднятіе флага должно было означать тотъ моментъ, когда гости должны садиться за столы и приниматься за жареныхъ быковъ, которые тутъ же стояли цѣльными, во весь ростъ, съ золочеными рогами. Во избѣжаніе суматохи, кушанья изготовили и выставили на Ходынку еще дня за два до обѣда, такъ что поутру, въ день обѣда, пришлось только обтереть пыль кое съ чего, да еще подмѣнить кое что слишкомъ ужъ протухшее. Все шло, повидимому, какъ нельзя лучше, но, что же вы станете дѣлать съ нашимъ несуразнымъ народцемъ, въ которомъ нѣтъ ни капли деликатности? Сотысячная толпа забралась на Ходынку еще чуть свѣтъ, такъ что потребовались цѣлые поля, чтобы сдерживать въ предѣлахъ законности эту невообразимую, необузданную жадность. Еще цѣлѣй часть оставался до назначеннаго времени, какъ вдругъ какому-то полицейскому чиновнику вздумалось попробовать, хорошо ли подымается сигнальный флагъ и, Боже мой, что тогда произошло! Народъ, долго сдерживаемый въ предѣлахъ законности, смялъ и сшибъ все, что стояло на пути къ быкамъ съ золочеными рогами и къ фонтанамъ съ виномъ, которые едва только успѣли пустить. Красота и изящество обстановки, — все это вмгъ исчезло безслѣдно: виднѣлись только громадныя какія-то точно муравьиныя кучи движущагося народа другъ у друга на плечахъ, на спинахъ, на головахъ и на столахъ, накрытыхъ красными скатертями! Изыщные фонтаны съ виномъ моментально разрушены, столы переломаны. Массы народа, прежде всѣхъ завладѣвшія фонтанами, отломанными отъ нихъ мѣдными трубками начали отбивать аттаки новыхъ массъ, а вино, кому удалось, черпали сапогами, шапками, пригоршнями. Не обошлось, разумѣется, безъ убитыхъ и раненыхъ... Это, я вамъ скажу, революціонное что-то такое было, въ особенности около фонтановъ; тутъ и баррикады изъ обломковъ, тутъ и звѣрскія, окровавленные фізіономіи... Многіе даже, повидимому, забыли,

зачѣмъ собственно пришли: они только въ какомъ-то непонятномъ остервенѣннн лѣзли съ кулаками другъ на друга!.. И куда вразъ дѣвались эти красивые быки и бараны съ золотеными рогами! Кто первый успѣлъ, тотъ и тащитъ къ себѣ домой — бѣгомъ по улицамъ, точно воръ какой, — кто цѣлюю баранью ногу, кто лопатку, кто печенку... и отъ всего этого запахъ, я вамъ скажу... о, Боже мой, что это за народъ!.. На Цвѣтномъ бульварѣ меня обогнала толпа человѣкъ въ семь и у каждого за плечомъ висѣло по большому куску мяса... Я отстрапился, зажалъ носъ, но они, эти разбойники, не оставили меня въ покоѣ. «Что носъ-то, баринъ, заткнулъ? — кричатъ мнѣ съ адскимъ хохотомъ: — ототни, небойсь: духъ-то вѣдь хлѣбный — не угорншь!..» Звѣрь какой-то, а не народъ!

— И меня, старуху, чуть тогда не раздавили, вмѣшалась въ разговоръ старая помѣщица.—И врѣхалась-то я-было въ бѣду невзначай: плетусь разъ изъ Шереметьевской больницы около Сухаревой, вдругъ, откуда ни возьмись, сбѣжался точно на пожаръ народъ, прѣхали верховые и начали какія-то бумажки разрисованныя разбрасывать...

— Какія это бумажки разрисованныя? спрашиваю.

— А вотъ, что генералы-то верховые въ желтыхъ кацавейкахъ (тирольцами, что ли, ихъ тогда звали), по площадямъ-то разбрасывали, пояснила старушка, имѣя въ виду герольдовъ, ѣздившихъ за три дня до коронаціи съ объявленіями по главнымъ площадямъ Москвы.

— Иду я это по просторной площади, продолжала старушка:— вдругъ со всѣхъ сторонъ точно плотныя прорвало, и на площадь со всѣхъ концовъ народъ, какъ вода нахлынулъ, а изъ Срѣтенки выѣхали генералы въ желтыхъ кацавейкахъ, съ золотыми орлами на спинахъ, съ музыкантами, и начали они, генералы эти, выкидывать изъ мѣшка небольшіе листки бумаги въ народъ. Листочки, извѣстное дѣло, легонькіе, по вѣтру летятъ, а народъ такъ вотъ и мечется за ними по площади, точно будто сторублевныя бумажки разбрасываютъ: кто если успѣлъ подхватить налету, на того десять человѣкъ накидываются, барахтаются въ бучѣ, на землѣ, рожи другъ другу царапаютъ, пальцы ломаютъ въ остервенѣннн и рвутъ бумажку въ клочки, такъ что цѣльная рѣдко кому досталась. Одинъ мужикъ съ расквашеннымъ носомъ—сама видѣла—сунулъ бумажку въ ротъ и проглотилъ, чтобы никому не доставалась! Распустилъ кто-то, изволишь видѣть, между звѣрьемъ этимъ слухъ, что царь передъ коронаціей дастъ крѣпостнымъ мужикамъ волю и, что кому удастся поймать бумажку, или хоть уголочекъ какой-ни-

будь отъ бумажки, тотъ и вольный: такъ вотъ, видишь ли, отецъ ты мой, въ какую передѣлку-то я нечаянно врѣхалась! Прижалась я къ углу Сухаревой, да молю только про себя Бога, чтобы волку-то эту мужицкую какъ можно дальше вѣтромъ отъ меня относил, но видно Господь не внялъ моимъ грѣшнымъ молитвамъ: какъ разъ одинъ листокъ придетъ на чепецъ, да и запутался... Тутъ ужъ я ничего больше и не помню, что со мной было! Опаматовалась я уже послѣ, когда на площади было пустехонько, только тряпки отъ изорванныхъ платьевъ; да кое-гдѣ затоптанные башмаки валяются, а на мнѣ, щупаю, и чепца нѣтъ, да и волосъ-то моихъ сѣдыхъ, злодѣи, не мало выдрали!.. Вотъ она свобода-то какова, если ее дадутъ этимъ, прости Господи... Старуха плюнула.

— О, я сейчасъ же за границу уѣду, если освободятъ этихъ варваровъ! жеманно проищала внучка почтенной старушки, у которой толпа нечаянно выдрала волос.

— О, конечно, здѣсь, среди этого дикаго, необузданнаго народа оставаться невозможно! поддержать внучку краснѣйшей молодой человѣкъ съ изящными манерами. — Если ужъ во время коронаціи, при Морни, при Эстергази, въ виду всѣхъ представителей Европы, они держали себя такъ неприлично, то чего же отъ нихъ ожидать, когда они станутъ дѣйствовать по домашнему, безъ всякой узды и безъ желѣзной влѣтки? Не даромъ гдѣ-то какой-то король сказалъ когда-то, что только тотъ народъ достоинъ свободы, который заслужилъ ее продолжительнымъ служеніемъ отечеству...

Подобные разговоры происходили тогда чуть ли не въ каждомъ домѣ, то-есть, разумѣется, въ домѣ сколько-нибудь порядочномъ. Еще во время коронаціи многіе начали сильно побаиваться этихъ варваровъ, задумавшихъ о свободѣ, но, однако же, и самый страхъ не въ состояніи былъ пресодолѣть влеченія къ праздничнымъ зрѣлищамъ, которыя никогда не могутъ считаться вполне безопасными. Въ ожиданіи момента, когда, того и смотри, на площадь хлынутъ десятки тысячъ народа, любопытныя барыни становились за дорогую цѣну на опрокинутыя вверхъ дномъ кадки, корыта, и т. п. и, разумѣется, платились за это жестоко, такъ-какъ толпа тотчасъ же опрокидывала всѣ эти возвышенныя мѣста. За то ужъ послѣ барыни, свергнутыя съ кадокъ и корытъ, и честили же невѣжественную толпу. «Это санкюлоты какіе-то!» кричала барыня, оправляясь послѣ сверженія съ кадки... Нужно бѣжать поскорѣе за границу!.. И, дѣйствительно, нашлись такіе, которые удрали за границу, въ качествѣ шутовскихъ эмигрантовъ, и го-

сударство, разумѣтся, ни на грошъ не обѣдило отъ того, что они выѣхали, но, впрочемъ, и не обогатилось тоже нисколько, потому что шутовскіе эмигранты скоро опять воротились.

На первой же недѣлѣ великаго поста я получилъ съ мѣста моей родины вразъ два письма, которыя перевернули вверхъ дномъ всѣ мои московскіе планы и предположенія. Въ первомъ письмѣ, полученномъ отъ старухи - матери, излагалось приблизительно слѣдующее: «По полученіи сего письма пріѣзжай, если можешь, къ намъ въ деревню, покуда дорога еще не окончательно испортилась. При старыхъ порядкахъ я могла еще кое-какъ распорядиться имѣніемъ моимъ, но теперь, при новыхъ этихъ указахъ и манифестахъ, чувствую себя не въ силахъ. Крестьянъ, говорятъ, у насъ отнимутъ, землю съ усадьбами тоже, можетъ быть, отымутъ же, потому я и рѣшилась все, что останется (если только что нибудь останется) раздѣлить между вами, сыновьями моими, а сама пойду на покой, куда нибудь въ монастырь: много ли мнѣ, старухѣ, нужно? Когда всѣ съѣдетесь, то сами ужъ какъ знаете, такъ и дѣлайте, а я ничего въ нынѣшнихъ порядкахъ не знаю, ничего не понимаю и голова у меня идетъ кругомъ».

Другое письмо я получилъ тоже съ мѣста родины, отъ одного изъ пріятелей, который извѣщалъ меня, что мѣстный губернаторъ всячески старается разузнать мой адресъ, чтобы пригласить меня на службу по открывающемуся крестьянскому дѣлу; что губернаторъ даже отправилъ уже письмо, но адресовалъ его чуть ли не въ правленіе московскаго университета, на томъ единственно основаніи, что я прежде помѣщалъ свои корреспонденціи въ Коршневскихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Получивши вразъ два такихъ посланія, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ ѣхать немедленно. Впервые и «Труба» сама по себѣ не особенно-то меня привлекала, а, ввторыхъ, крестьянское дѣло влекло меня къ себѣ съ неудержимою силой; хотѣлось мнѣ только разяснить, по какому случаю губернаторъ, который меня, вѣроятно, и въ лицо не зналъ, приглашаетъ меня, какъ знакомаго? Все дѣло, впрочемъ, объяснилось очень просто и удобопонятно. Тогда, какъ читателю небезызвѣстно, было самое горячее время всевозможныхъ газетныхъ обличеній и самобичеваній, которыми и я, по молодости лѣтъ, увлекся, фабрикуя ихъ и отсылая отъ времени до времени въ разныя газеты, подъ видомъ корреспонденцій. Мѣстное дворянство вообще не терпѣло, да и теперь терпѣть не можетъ ни-

какихъ обличеній, и всѣхъ людей, ими занимающихся, называло сплетниками, безпкойными людьми, выносящими изъ избы соръ, людьми, которыхъ нужно стараться всѣми возможными средствами выжить изъ занимаемой ими мѣстности, что, разумѣется, постоянно бы ими достигалось, -еслибы тогдашнія времена не представляли собою нѣкоторыхъ, рѣзко выдающихся особенностей. Тогдашніе губернаторы, почему-то, за особенную заслугу считали *«не сходиться въ принципахъ»* съ дворянскими предводителями и, вообще, съ вліятельными мѣстными дворянами и, очень естественно, старались окружать себя людьми, ненавистными непріятельскому лагерю, а къ такимъ-то нарочито ненавистнымъ людямъ, само собою разумѣется, принадлежали и всѣ газетные корреспонденты, выносители сора изъ избы. Конечно, еслибы вникнуть въ дѣло повнимательнѣе, то никакого серьезнаго несогласія между пѣтушившимися партіями не оказалось бы. Въ сущности, никто изъ противниковъ не зналъ, кто за что стоитъ, какихъ кто принциповъ придерживается; но такъ-какъ подобныя ненормальныя отношенія неизбѣжно вызывали сотни различныхъ недоразумѣній, то эти самыя недоразумѣнія и казались съ виду, будто онѣ-то и есть несогласія въ принципахъ. Еслибы «во дни оны» всѣ коноводы враждующихъ лагерей сошлись въ уютной комнатѣ за бутылкой вина или за стаканомъ чая, да поговорили пооткровеннѣе, то каждый бы тотчасъ увидѣлъ, что никто изъ нихъ другъ другу не врагъ и что думаютъ они всѣ одинаково; но вотъ въ томъ-то и дѣло, что сойдтись этимъ людямъ за бутылкой вина не случилось, другъ друга сразу они не поняли и вышло тогда, что свой своего не распознала. Въ военное время нерѣдки такіе случаи, что свои артиллеристы начинаютъ дупить картечью своихъ же, внезапно появившихся предъ боевымъ лагеремъ въ незнакомой, измѣненной формѣ. Говорятъ, будто въ крымскую кампанію такіе случаи бывали.

Долго мѣшкать мнѣ никомъ образомъ не доводилось, потому что наступила уже вторая недѣля великаго поста и на московскихъ улицахъ сильно стало попахивать весной, то-есть, попросту, навозомъ. Запасшись экземпляромъ крестьянскихъ «Положеній» (которые продавались по кварталамъ, не болѣе одного экземпляра въ однѣ руки), я засѣлъ за его изученіе, такъ-какъ зналъ, что на дорогѣ меня вездѣ будутъ строго экзаменовать, а потомъ отправился въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ, которыя, какъ извѣстно, представляли, до окончатальной отдѣлки Нижегородской желѣзной дороги, почти единственный, доступный нашему брату, способъ сообщеній. Несмотря на то,

что за наружное даже мѣсто въ почтовомъ брикѣ брали тогда дороже, чѣмъ нынче за мѣсто въ первомъ классѣ на желѣзной дорогѣ, этотъ способъ сообщеній, въ особенности въ весеннее время, сильно напоминалъ собою ѣзду на долгихъ, или съ обзომъ: шуму было много, но толку мало. Глазь трубный выпившаго еще въ конторѣ кондуктора раздавался по московскимъ улицамъ неумолкаемо и пронзительно, но проѣзжіи по тѣснымъ улицамъ людѣ не оказывалъ къ этому гласу трубному ни малѣйшаго уваженія, не сторонился, останавливая безпрестанно ходъ нашей уродливой машины, влекомой шестернею тощихъ одровъ. Впрочемъ, отъ времени до времени и самъ кондукторъ не мало способствовалъ этимъ частнымъ остановамъ, забѣгая съ своей трубою въ попадавшіеся намъ по пути кабаки и харчевни.

Не разъ, при подъемахъ на крутыя горы, съ которыхъ свѣгъ снесло уже начисто вѣтромъ, наша тяжелая уродина останавливалась надолго, какъ парусное судно во времена безвѣтрія, и пассажиры наши приходили тогда въ полнѣйшее отчаяніе и находились въ немъ до той поры, пока кто-нибудь изъ проѣзжающихъ не выручалъ. Помню, поднимались мы возлѣ какой-то станціи на крутѣйшую гору, до конца которой лошади однако же тащить нашу посудину отказались наотрѣзъ. Мы, пассажиры, разумѣется, всѣ вылѣзли, вылѣзъ и возница и кондукторъ, который, покинувъ на время свою бесполезную трубу, вооружился внутомъ и вступилъ въ роль лошадиного палача. Сбросили мы даже съ экипажа нѣкоторыя излишнія тяжести, какъ это дѣлается на корабляхъ во время крушенія. Ржанье лошадей поднялось самое беспощадное, — но ничего однако же не помогало, такъ что мы остановились посреди грязи въ глубокомъ уныніи. Уныніе это усиливалось еще по поводу того обстоятельства, въ вдали, въ какой-нибудь верстѣ отъ насъ, видѣлась недостроенная желѣзная дорога, а вплоть, у горы, торчали новые столбы будущаго телеграфа, по которому однако же нельзя было сообщить намъ кому либо о своемъ безвыходномъ положеніи — и вдругъ, къ восторгу нашему, на встрѣчу обозъ. Первые подводы и подводчики прошли мимо насъ безучастно, нѣкоторые приостанавливались, кое-что совѣтовали, но физической силы однако же въ ходъ не пускали. Наконецъ, отдѣлились изъ толпы двѣ высокія, плечистыя фигуры, осмотрѣли экипажъ и лошадей нашихъ внимательно, постегали ихъ немножко своими внутами и отправились къ телеграфнымъ столбамъ, около которыхъ валялись короткіе, но довольно толстые обрубки. Сначала мы не могли понять, что именно проѣзжіе обозъ

чиви хотять дѣлать этими отрубками, но скоро наши недоразумѣнія разрѣшились положительно. Подошедши къ несчастнымъ нашимъ лошадямъ, плечистый мужикъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, со всего размаха, хватилъ бревномъ одну изъ лошадей, которая даже присѣла, бѣдная, отъ жестокаго удара. Пришлось намъ же опять отгонять отъ экипажа плечистаго, но глупаго мужика и рассчитывать уже болѣе на помощь божію, а не сыновъ человѣческихъ.

Но если на горы подыматься намъ не всегда приводилось удачно, за то подъ крутыя горы, на расположенные подъ ними мосты черезъ рѣки и овраги, мы мчались съ такой изумительной быстротой, что даже духъ захватывало. Такъ-какъ о вылѣзаніи изъ башнеобразнаго экипажа нечего было и думать, то приводилось смотрѣть на свою вѣроятную гибель въ оба глаза и слушать занимательные рассказы кондуктора о томъ, что вотъ въ такомъ-то году «энта самая карета, нагруженная солдатами, въ Царствѣ Польскомъ разъ опрокинулась, спускаясь съ горы, при чемъ у четверыхъ пассажировъ головы разбились въ дребезги, а у остальныхъ поломаны у кого ноги, а у кого руки». На дальнѣйшемъ пути отъ Нижняго, на всѣхъ станціяхъ, при переладкѣ лошадей, насъ окружала толпа народа и тщательно разспрашивала о новой волѣ, при чемъ выскazyвались мнѣнія почти такія же, какъ и въ Москвѣ, когда воля была на фонаряхъ прибита. Разсиротивши во всѣхъ подробностяхъ о новой волѣ, ямщики благодарили насъ за вниманіе, но тутъ же однако, снявши шапки, кланчили и на водку, по укоренившемуся обычаю. Въ особенности много желающихъ разузнать кое-что о новой волѣ появилось въ селѣ Лысковѣ, гдѣ почтовая станція помѣщалась въ гостиницѣ: тамъ намъ почти всю ночь спать не давали, да и поутру подняли раньше пѣтуховъ. Человѣкъ со спекулятивными наклонностями могъ бы нажить въ это время хорошія деньги на книгахъ «Положеній 19-го февраля», еслибы ухитрился закупить ихъ въ Москвѣ съ сотню и вздумалъ бы продавать ихъ по дорогѣ изъ барышей. Книги эти въ низовыя приволжскія губерніи въ большомъ количествѣ привезены были только лишь на шестой недѣлѣ поста, то-есть чрезъ мѣсяць послѣ моего отъѣзда изъ Москвы.

II.

Періодъ крестьянскихъ бунтовъ и волненій.

Съ грѣхомъ пополамъ, какъ говорится, чрезъ пень, да чрезъ колючу, а все-таки добрался я кое-какъ до родного пепелища,

на святую родину, въ маленькое, заваленное сплошь гнилой соломой село, съ погнившимъ отъ времени барскимъ домомъ, въ которомъ жила старуха, моя мать, такъ сильно озабоченная новымъ Положеніемъ, по которому крестьяне прямо изъ-подъ своихъ гнилыхъ соломенныхъ крышъ должны были, по предположенію, выйти на свѣтлое вольное житье. Не стану я описывать личныхъ впечатлѣній, испытанныхъ каждымъ, давно небывавшимъ на своей родинѣ. Не стану описывать я старыхъ, кривыхъ березъ въ барскомъ саду, которыя въ то раннее весеннее время изображали собою не болѣе, какъ обильные запасы розогъ, вполнѣ достаточные для цѣлой роты или даже батальона. Не стану описывать непроходимыхъ мостовъ чрезъ рѣчки и овраги, глядя на которые невольно вспоминаешь парижскія баррикады времени революціонныхъ. Обойду полѣвшимъ невниманіемъ и невнесимымъ *затм* на болотистыхъ мѣстахъ, названіе которыхъ, вѣроятно, происходитъ не отъ слова *затм* или *мстм*, а скорѣе отъ глагола *зидитъ*, *портитъ*. Все это картины родныя и всѣмъ близко извѣстныя, не исключая даже и столичныхъ жителей, въ особенности московскихъ.

Не стану я также утруждать читателя описаніемъ семейной встрѣчи въ домѣ родительскомъ. И цѣль моего разсказа вовсе не та, чтобы встрѣчи описывать, да притомъ знаю напередъ, что описаніе мое вышло бы слишкомъ слабымъ, такъ-какъ описанію встрѣчъ въ помѣщичьихъ домахъ специально посвятили свою литературную дѣятельность такіе литераторы-художники, какъ, на примѣръ, Гончаровъ и другія знаменитости. Надобно еще кстати замѣтить, что при моей встрѣчѣ не присутствовало ни трюродныхъ, ни четверюродныхъ сестрицъ, съ изслѣдованія характера которыхъ обыкновенно начинаются у насъ длинные, интересные романы. При моей встрѣчѣ присутствовала только семидесятилѣтняя старуха-мать, да еще нѣсколько совершенно взрослыхъ братьевъ: какой же тутъ могъ выйдти романъ?

О крестьянскихъ «Положеніяхъ» въ этой отдаленной мѣстности имѣли только лишь смутныя понятія, потому что книги еще почти не было, да у кого и были нарочно выписаны, тѣ прочесть ихъ не успѣли. На другой же день по приѣздѣ, въ домѣ родительскомъ я встрѣтился съ однимъ пожилымъ сосѣдомъ-помѣщикомъ, который постарался нарочно выписать книгу «Положеній», но, тѣмъ не менѣе, разспрашивалъ обо всемъ, что въ ней написано, съ такимъ же любопытствомъ, точно у него въ рукахъ этой книги никогда и не бывало.

— Да вѣдь вы сами ее читали, или штудировали, какъ вы выражаетесь?

— Читать-то я дѣйствительно читалъ, всю отъ корки до корки проштудировалъ, да сразу-то какъ-то, съ позволенія сказать, ничего не поймешь. Темнота такая, знаете, ужась! Ну, а вы все-таки столичный житель, слыхали тамъ кое что: оно все-таки для васъ-то понятнѣе!

Въ сельской церкви, наканунѣ моего приѣзда, читали манифестъ и дѣло не обошлось безъ маленькаго скандала. Народу собралось со всѣхъ приходскихъ деревень многое множество, такъ что бабамъ привелось стоять внѣ церкви, на оградѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали окончанія обѣдни, когда батюшка появится предъ царскими дверями съ манифестомъ. Наконецъ, дождались того, чего ожидали; батюшка прочиталъ манифестъ громко и внятно, но крестьяне, къ собственному изумленію, и послѣ прочтенія такъ и остались съ разинутыми ртами: очень ужъ не ясно показалось все прочитанное. Начался въ церкви говоръ и шумъ, который привелъ къ тому, что попа заподозрили въ подлогѣ. Появился откуда-то слухъ, что будто къ попу прислано два указа: одинъ изъ Петербурга — *взаправскій*, а другой изъ губерніи — поддѣльный, который имъ теперь и прочитанъ; что послѣдній сочинили сами помѣщики и подкупили все духовенство, постоянно получавшее главнѣйшій доходъ съ помѣщиковъ. Порѣшили идти послѣ обѣдни къ попу — просить прочтенія *взаправскаго* указа, а если не согласится, то требовать. Батюшка у насъ былъ человекъ хорошій, но сильно ужъ очень рюмочки придерживался, а это самое обстоятельство сдѣлало его человекъ до крайности нервнымъ и трусливымъ. Онъ съ такою робостью, съ такимъ дрожаніемъ въ голосъ отвергалъ странное требованіе, что многіе дѣйствительно могли подумать, будто онъ скрываетъ нѣчто. Долго галдели мужики предъ окнами перепуганнаго батюшки, но, наконецъ, разошлись по домамъ съ сильнымъ подозрѣніемъ, что если попъ даже и не скрылъ *взаправскаго* указа, то его непременно надняхъ пришлютъ, вмѣсто только что прочитаннаго, невразумительнаго.

Вообще, вся бѣда въ первое время обрушилась на одного только приходскаго батюшку, олицетворявшаго собою въ эти смутные дни поговорку о бѣдномъ Магарѣ, на котораго шишки валятся. Батюшка, какъ я уже сказалъ, былъ человекъ до крайности благодушный, но вотъ рюмочка-то его подчасъ ставила не совсѣмъ въ ловкое положеніе и дѣлала какимъ-то безличнымъ... Постоянная нужда заставляла его показывать по приходскимъ дере-

внимъ подь окна къ крестьянамъ съ лукошкомъ, въ которое каждый клалъ, что могъ: иной пятокъ яиць, иной шерсти клочокъ, а иной и ровно ничего не положить, да еще какъ будто не безъ насмѣшки проговорить: «Богъ подастъ, батюшка!» Поборы же эти, само собою разумѣется, ставили настыра передь овцами въ положеніе не очень удобное. Чуть кому не угодилъ — овца сейчасъ же и гровить, что нѣтъ, моля, тебѣ ни яиць, ни шерсти. Во время путешествій съ образами, онъ не гнушался мужицкой закуской, непрочъ былъ пройтись и по рюмочкѣ, да такъ иной разъ усердно, что прохаживается, бывало, до той поры, покуда не потеряетъ и вовсе возможности ходить. Не гнушался онъ въ то же время и болѣе щедрою подачкой управляющихъ и помѣщиковъ, предъ которыми видимо заискивалъ. Вотъ это послѣднее обстоятельство преимущественно ему и повредило и надѣлало не мало хлопотъ, въ особенности когда онъ, бывало, очень некстати вздумаетъ схитрить.

Разъ, наканунѣ какого-то большаго праздника, чуть ли не Благовѣщенья, смотрю, отецъ Василій плетется ко мнѣ съ особенно озабоченнымъ лицомъ, что съ нимъ случилось не часто, и объявляетъ очень оригинальное требованіе: сочинить для него проповѣдь для предстоящаго праздника, въ которой бы развивалась мысль о повинновеніи властямъ предрержащимъ.

— Я, говорить, одурѣлъ уже совсѣмъ здѣсь, въ захоlustѣ-то этомъ; а вы человекъ свѣжій: помогите!

Само собою разумѣется, что мнѣ, никогда не сочинявшему церковныхъ проповѣдей, подобная просьба показалась просто смѣшной, и я тотчасъ же отклонилъ ее; да, мало того, и его старался убѣдить, что теперь подобныя проповѣди едва-ли умѣстны, потому что народъ теперь все-таки нельзя считать совершенно спокойнымъ. Мнѣ казалось, что удалось его убѣдить, но это такъ только показалось: батюшка поставилъ на своемъ. Ужъ не знаю, какъ онъ ухитрился, послѣ откровеннаго признанія въ одурѣлости, написать свою диссертацию, но знаю только, что въ церковь на слѣдующій день онъ явился съ довольно толстенькой тетрадкой подь мышкой.

Народу собралось въ этотъ день, какъ нарочно, многое множество. Въ ожиданіи новаго манифеста и вообще какихъ бы то ни было важныхъ новостей, въ церковь начали похаживать и такіе, которые прежде никогда въ нее не ходили. Въ тѣсной, низенькой церкви даже ладанъ не могъ пересилить ужаснаго запаха овчинныхъ тулуповъ; свѣчи у образовъ гасли сами собою по недостатку въ кислородѣ, свободно дышать не представлялось никакой возможности, но народъ все-таки кое-какъ,

по привычѣ во всему неудобовыносимому, лишалъ, ждалъ и терпѣлъ. Начало проповѣди тоже было выслушано довольно спокойно, но только лишь несчастный ораторъ успѣлъ дойти до своего основнаго текста: «нѣсть власти аще не отъ Бога, и повинуйся власти» и проч. и замѣтилъ, что, на основаніи этого текста, крестьяне обязаны повиноваться безпрекословно своимъ помѣщикамъ, прикащикамъ и нѣмцамъ-управляющимъ, которые тоже поставлены самимъ Богомъ, какъ въ церкви поднался ропотъ.

— Видно, успѣли ужъ подкупить его лепешками-то своими сдобными... слышалось въ толпѣ.

— Знамо подкупили! Онъ и указъ-то намъ выносилъ не взаправскій, а теперъ вотъ и совсѣмъ ужъ закрѣпляютъ насъ вздумалъ!

Еслибы дѣло кончилось однимъ только ропотомъ, тогда бы еще не бѣда; но, къ сожалѣнію, вышло нѣчто худшее. Услыхавъ ропотъ, который до того усилился, что заглушалъ даже его рѣчь, отецъ Василій, по обыкновенію, струсилъ и мгновенно обратился къ алтарю, чтобы поскорѣе вынести крестъ и распушить по домамъ неспокойную паству, но исполнить этого ему не удалось уже. Ближайшая къ нему овца изъ стада схватила его за некрѣпко привязанную епитрахиль, которая такъ и осталась въ рукахъ у овцы, сильно, впрочемъ, смутившейся такою неожиданностью...

Отецъ Василій старался всячески скрыть эту печальную исторію, но послѣ, когда въ сосѣднюю деревню пришла рота солдатъ на усмиреніе и пріѣхалъ губернаторскій адъютантъ, дѣло это раскрылось по доносу самихъ же участвовавшихъ въ немъ крестьянъ. Трудно вообразить себѣ тотъ ужасъ, въ какой впалъ нервный отецъ Василій, когда его неожиданно пригласили къ адъютанту. Трусливый батюшка, сидя на своей высокой, выкрашенной черною краской тележкѣ, живо напоминалъ несчастной своей фигурой арестанта, котораго везутъ въ позорной колесницѣ на площадь.

Наконецъ, въ половинѣ поста появились ожидаемыя всѣми съ нетерпѣніемъ «Положенія 19-го февраля», о которыхъ еще до времени ихъ появленія въ народѣ сложились свои собственныя, своеобразныя понятія. Всеобщая, повальная безграмотность, недоступность газетъ и, какъ прямое послѣдствіе этихъ двухъ волъ, обиліе различныхъ, бѣдшею частью неосновательныхъ слуховъ, распространяющихся въ народѣ несравненно быстрѣе, чѣмъ по нашимъ телеграфамъ, вызвали такія печальныя явленія, какихъ, повидимому, никакъ нельзя было ожидать.

отъ такого прекраснаго дѣла, какъ освобожденіе крѣпостныхъ. Весна вступила уже тогда въ полныя свои права, по дорогамъ показались глубокія зазоры, маленькія рѣчонки выступили изъ береговъ и начали бушевать, а на большихъ рѣкахъ ледъ уже вздулся бугромъ и посинѣлъ, какъ сина у только что нагазаннаго шницрутенами. Въ эту-то самую пору, по разнымъ направленіямъ, тащились губернаторскіе чиновники съ книжми «Положеній», доставляя ихъ, по причинѣ невообразимо сивернаго пути, по деревнямъ не одновременно. Нѣкоторые изъ славоблюбовыхъ чиновниковъ рассчитывали даже получить за перевозку «Положеній» георгиевскіе кресты за храбрость: до такой степени ихъ собственное положеніе было небезопасно. Такъ-какъ чрезъ большія рѣки ѣздить никто уже не рѣшался, а нести на рукахъ огромную кипу книгъ не представлялось никакой возможности, то крестьяне придумали особенный, очень остроумный способъ переправы по вздувшемуся льду, испещренному широкими трещинами. Крестьяне кляли чиновника на широкій лубокъ съ закраинами, облачивали его кругомъ книгами, на подобіе того, какъ поварь облачиваетъ разварнаго осетра картофелемъ и зеленью, прикрѣпляли къ лубку длинную, черезъ всю рѣку, веревку и, такимъ образомъ, вытягивали мелкаго администратора на противоположный берегъ. Чиновникъ, обложенный книгами, спокойно лежалъ на лубкѣ внизъ брюхомъ, а народъ на противоположномъ берегу сбѣгался изъ ближайшихъ деревень толпами и нетерпѣливо ожидалъ, скоро ли къ нимъ притянутъ эту неизвѣстную имъ таинственную волю, издали представлявшуюся въ формѣ чиновника, распластаннаго на лубкѣ. Измученнаго, проголодавагоса чиновника и на берегу ожидала встрѣча незавидная. Крестьяне, разумѣется, готовы были его и отогрѣть и накормить, на основаніи поговорокы: «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», но вѣдь извѣстно, что великимъ постомъ наши крестьяне богаты только лишь кислой, протухлой капустой, да жидкимъ квасомъ; со стороны же помѣщиковъ нечего было рассчитывать на хлѣбосольство. На книгу «Положеній» многіе тогда, еще не знавшіе ея въ подробностяхъ, смотрѣли какъ на приближающагося врага, а слѣдовательно, и на неповиннаго чиновника не могли смотрѣть съ особеннымъ дружелюбіемъ. Вѣроятно, при видѣ приближающагося на лубкѣ чиновника, не въ одной головѣ тогда шевелилась недобрая мысль, выражающаяся фразой: «чтобы тебѣ провалиться!»

Особенно суровыми и безжалостными въ данномъ случаѣ оказались матушки-помѣщицы, вѣроятно, по свойству женской на-

туры, отличающейся, какъ извѣстно, впечатлительностью. Ма-тушки-барыни даже послѣ прочтенія манифеста въ церквахъ, никакъ не могли освоиться съ мыслью, что крѣпостное право уничтожается не шутя, а въ дѣйствительности. Онѣ все думали, что, Богъ дастъ, тучу и мимо пронесетъ; что это такъ, можетъ быть, болтають только; поболтають-поболтають, да и перестануть. Очень естественно, что при такомъ взглядѣ на вещи, невозможно было и требовать, чтобы на чиновниковъ съ Положеніемъ смотрѣли онѣ, какъ на друзей. На нихъ, напротивъ, смотрѣли скорѣе, какъ на бунтовщиковъ, какъ на членовъ ка-кого-то революціоннаго конвента, хотя чиновники были чисты и безупречны, какъ ангелы, потому что они не успѣли даже прочитать развозимыхъ ими книгъ и изображали собою барскаго мужика, посланнаго съ возомъ въ городъ, который, обыкновенно, на запросъ прохожаго: что такое у него въ возу? наивно отвѣчалъ: «а кто знаетъ, чего наклали!» Въ деревнѣ, по прїѣздѣ чиновника, суматоха начиналась страшная. Староста отдѣльной барщины бралъ изъ рукъ чиновника запакованный экземпляръ, и бережно, какъ какую-нибудь хрупкую хрустальную вещь, клалъ книгу въ шкафъ, а самъ отправлялся на барскій дворъ — извѣстить о прїѣздѣ чиновника. Чуть, бывало, появится чиновникъ съ книгой подъ мышкой въ барской калиткѣ, какъ ужъ въ домѣ поднимается суматоха. «Тащитса, балбесъ! отрывочно произноситъ барыня. — Не пускать его! кричитъ она повелительно. — Пусть кто-нибудь получить книгу и распишется, а барыни, молъ, дома нѣтъ!» Такъ и уходитъ иногда, бѣдняга, ни съ чѣмъ, только лишь съ разрушенными, весьма скромными мечтами о рюмкѣ водки съ чѣмъ-нибудь солененькимъ или кисленькимъ.

Крестьяне въ первые моменты смотрѣли на привезенную къ нимъ книгу какъ будто со страхомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, которое удовлетворить не всѣмъ удалось скоро, такъ-какъ въ иной деревнѣ грамотныхъ не оказалось на лицо вовсе, а въ иной хотя и водились, но крестьяне имъ почему-либо не довѣряли. Крестьяне полагали, что чтенію новыхъ законовъ необходимо обладать особою спеціальностью, которая всѣмъ не дается. Недостаточно было только умѣть читать; требовалось умѣнье *считывать*. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ были убѣждены, что экземпляры «Положеній», розданные ихъ старостамъ и господамъ — двѣ вещи совершенно разныя: барское Положеніе толкуетъ одно, крестьянское — совсѣмъ другое. Взглядъ этотъ, разумѣется, имѣлъ нѣкоторые основанія, потому что специалисты-грамотѣи дѣйствительно *считывали* изъ

крестьянскихъ экземпляровъ вовсе не то и не такъ, какъ разсказывали господа, вычитывая изъ своей книжки.

Приведу здѣсь примѣръ *вычитыванія* по крестьянской книжкѣ.

Въ приложеніи къ ст. 31-й находится образецъ, по которому должны составляться уставныя грамоты. Такъ-какъ образецъ примѣнялся ко всѣмъ мѣстностямъ, съ различнымъ числомъ душъ, то въ немъ количество населенія обозначено нулями.

«Въ селеніи значится по 10-й народной переписи мужскаго пола душъ:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00.

Изъ нихъ отпущено на волю:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00.

Затѣмъ состоятъ на лицо:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00.

Эту простую и удобопонятную вещь деревенскіе грамотѣ-специалисты вычитывали такимъ образомъ:

Въ селеніи такомъ-то дворовымъ — воля, воля.

Крестьянамъ тоже — воля, воля.

Слово *воля* для каждаго селенія упоминается въ законѣ сряду 12 разъ (число кабалстическое: 12 мѣсяцевъ въ году и 12 апостоловъ), а *воля*, помноженная на 12, равняется полной свободѣ, т.-е. освобожденію отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику: обстоятельство, которое помѣщики всечески стараются скрыть и объ этомъ обстояествѣ въ барскихъ книжкахъ умалчивается.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вычитывальщиками явились лица, принадлежащія къ старовѣрамъ, нули эти объяснялись еще хитрѣе. Тамъ, стоящіе одинъ надъ другимъ, нули соединяли вмѣстѣ, ставя одинъ на другой и, такимъ образомъ, выходила фигура Ξ , изображающая собою просеору; а гдѣ ужъ рѣчь идетъ о просеорѣ, изъ которой вырѣзываются части на приготовленіе тѣла Христова, тамъ, разумѣется, не могло быть никакой и рѣчи о притѣсненіяхъ и какой-либо зависимости отъ помѣщика, человека обыкновенно грѣшнаго, недостойнаго, служащаго антихристу.

Впрочемъ, всѣхъ разнообразныхъ толкованій и не пересчитаешь; ихъ было столько же, сколько вычитывальщиковъ, а этихъ господъ появилось какъ саранчи на хлѣбныхъ поляхъ въ благоприятное для ея развитія время. Читальщики выходили обыкновенно изъ той же среды, изъ которой впоследствии, при

введеніи судебной реформы, образовалась фаланга темных адвокатовъ у мировыхъ судей, обчищающихъ карманы невѣжественныхъ бѣдняковъ и каталкивающихъ ихъ вчинать иски въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ успѣха никакъ нельзя ожидать. Къ фалангѣ читальщиковъ тотчасъ же примкнули всѣ изгнанные изъ службы приказыные, уволенные цѣловальники, оставшие, несчастные господа офицеры, которые и въ настоящее время въ достаточномъ количествѣ попадаются на московскихъ улицахъ и останавливаютъ прохожихъ своими настойчивыми полупросьбами, полутребованиями пятака или гривенника, выражаемыми нерѣдко даже на французскомъ діалектѣ. Вообще, наша матушка Русь куда какъ богата этимъ добромъ! Едва-ли найдется какая-нибудь другая страна на земномъ шарѣ, въ которой бы больше, чѣмъ на Руси, обитало людей, привыкшихъ жить въѣвъ свой ничего не дѣлая, на чужихъ хлѣбахъ и немужющихъ рѣшительно ни за что приняться, кромѣ строченія каверзь и доносовъ. Мѣста зарожденія этой саранчи суть: безчисленные на Руси канцеляріи, помѣщичьи дворни и сами раззорившіеся ихъ господа, которымъ, впрочемъ, не съ руки никакая другая должность, кромѣ маркерской, нѣсколько напоминающей ихъ прежній родъ жизни.

Нѣкоторые изъ крестьянскихъ читальщиковъ, вычитывавшихъ позабористѣе, съумѣли въ короткое время прославиться, войти въ моду, какъ, напримѣръ, врачи въ большихъ городахъ, къ которымъ, какъ къ чудотворцамъ какимъ, ѣдутъ изъ-за тысячъ верстъ, или какъ ораторы сѣверо-американскихъ штатовъ, заискивающіе расположенія къ себѣ публики. Профессія читальщика, въ особенности извѣстнаго, давала доходъ порядочный: нѣсколько деревень иногда, въ количествѣ 300—400 и больше душъ, складывались по 10, по 15 к. Читальщикою, въ короткій промежутокъ времени, который можно назвать періодомъ анархіи, могли бы составить себѣ норадочные, по своему, капиталы, вполне достаточные на открытіе впоследствии, при дальнѣйшихъ реформахъ, лавочки «раснивовчно и на выносъ», еслибы, въ предчувствіи бѣды неминуемой, не поспѣшили *миллионировать* своихъ дѣлъ, то-есть, по просту, обратить свои денежные капиталы въ сивуху, безъ которой они никогда и не принимались за свои вычитыванья. По приѣздѣ въ село читальщика, за которымъ крестьяне посылали подводу иногда верстъ за 50 и больше, всѣ собирались въ назначенной заранѣе избѣ, попросторнѣе, ставили извѣстное количество водки, соразмѣрно съ тою славой, какую успѣлъ приобрести читальщикою, и потомъ, для большаго удобства, раздѣлялись по жеребью на рав-

ныя партіи, чтобы слушать не всѣмъ вмѣстѣ, а поочередно. Въ старыя годы въ нашихъ университетахъ существовалъ именно такой способъ слушанія лекцій, читаемыхъ старыми профессорами изъ нѣмцевъ. Чтобы не оскорбить профессора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, себя не обидѣть, студенты заводили очередь, въ какой день кому ходить, чтобы аудиторія никогда не была совершенно пустою. Такой порядокъ и студентамъ былъ удобенъ, и старику-профессору, повидимому, очень нравился: съ величайшимъ удовольствіемъ выкрикивалъ старецъ предъ неизмѣнной полудюжиной слушателей свои вѣчныя, неизмѣнныя фразы: *наши коноводы*, вмѣсто: наши законовѣды; *зудъ съ высшей ступени*, вмѣсто: судъ высшей ступени и *верховой римскій жрецъ*, вмѣсто: верховный римскій жрецъ.

Слѣбны дежурныхъ слушателей у крестьянскихъ читальщиковъ были довольно часты, потому что слушать долго монотонное чтеніе статей закона не подь силу — не то, что непривычнымъ къ такому дѣлу мужикамъ, но даже и старымъ, опытнымъ чиновникамъ упраздняемыхъ нынче присутственныхъ мѣстъ, которые, какъ извѣстно, все свободное отъ служебныхъ обязанностей время должны были посвящать чтенію законовъ. Даже и эти, занавенныя въ скучныхъ занятіяхъ, личности нерѣдко, говорятъ, дремали, или даже спали во время чтенія, а мужикито ужъ, разумѣется, и подавно. Посредствомъ этой остроумной системы слушанія законовъ поочереды, одна часть селенія знакомилась съ общимъ положеніемъ, другая часть слушала узаконенія о дворовыхъ, третья кое-что узнавала по выкупной части и т. д. Такимъ образомъ признанная нашей литературой привязанность русскаго человѣка къ общинному началу выразилась и въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ никому бы, повидимому, и въ голову не пришло его примѣнять. Каждый отдѣльный членъ общины слушалъ только лишь ничтожную часть положеній, но вся община выслушивала все, вполне, хотя, разумѣется, невозможно было ручаться, что дѣйствительно кто-нибудь изъ ея членовъ разслушалъ все и понялъ, какъ слѣдовало. Въ защиту безграмотныхъ крестьянъ нужно сказать, что «Положенія» составлены чрезвычайно сбивчиво, до такой степени сбивчиво, что даже у мировыхъ посредниковъ и стѣздовъ, послѣ двухлѣтняго ихъ существованія, постоянно встрѣчалось великое множество различныхъ недоумѣній и недоразумѣній; въ первый же годъ, можно безошибочно сказать, недоразумѣній было у нихъ несравненно больше, чѣмъ статей въ Положеніи, такъ что, нерѣдко, одна статья возбуждала въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ губерніи по два и, даже, по три недоразумѣнія.

Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ первое время были буквально завалены отовсюду сыпавшимися на нихъ, какъ снѣгъ, запросами и разспросами, и такъ-какъ у присутствій были другія дѣла и кромѣ чужихъ недоразумѣній множество своихъ собственныхъ, то большая часть ихъ отвѣтовъ выходила такого рода, что недоразумѣнія и послѣ разъясненія такъ и оставались недоразумѣніями, да еще иногда запутаннѣе, чѣмъ прежде. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ я еще стану говорить подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ.

Въ описываемый, печальный промежутокъ времени, который по справедливости можетъ быть названъ періодомъ всеобщихъ недоразумѣній и недоумѣній, немало совершенно ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ врыхалось въ бѣду немалую, со слѣпоты налетая прямо на пламя, какъ моль на свѣчку. Соблазнъ прослыть хорошимъ читальщикомъ былъ очень великъ. По мужицкимъ достаткамъ прослыть читальщикомъ тогда значило почти то же самое, что для обыкновеннаго петербургскаго врача, слушающаго при больницѣ сверхъ штата, сдѣлаться вдругъ петербургской знаменитостью въ родѣ доктора Эла, Боткина и т. д. И славы немало, а ужъ о деньгахъ и говорить нечего: знай обирай съ приходящихъ денежки, какъ попь богатаго приходи съ прихожанъ, во время говѣнья. Естественно, что на удочку съ подобной лакомой приманкой непременно голодная рыба должна была идти хорошо — и она, дѣйствительно, шла бойко, покуда не распугали бѣталомъ. Попалось тогда немало сельскихъ дьячковъ, пономарей, отцовъ дьяконовъ и даже батюшекъ, задумавшихъ попользоваться представившимся имъ, по видимому, удобнымъ и совершенно безопаснымъ случаемъ сколотить лишнюю копейку. Они, предварительно сторговавшись съ прихожанами, читали имъ «Положенія» какъ слѣдовало, ничего не прибавляя отъ себя и ничего не выпуская, мѣстами поясняя темныя мѣста, какъ Богъ на душу положить; но изъ невиннаго дѣла, какъ оказалось послѣ, вышло очень виновное: настоящая бѣда. Безграмотный мужикъ вообще очень туго на пониманіе вслухъ читаемыхъ ему книгъ, отъзываясь, что не при немъ онѣ писаны; но все, близко касающееся его интересовъ, хотя и не совсѣмъ понятное, онъ старается объяснить непременно въ свою пользу, именно такъ, какъ онъ бы желалъ. Ему, напримѣръ, дьячокъ вычитываетъ, что вотъ-де въ мѣстности съ высимъ надѣломъ въ 4 десятины, за отведенную землю нужно работать на помѣщика сорокъ дней — ну, онъ такъ и понимаетъ буквально, что сколько бы ни было въ его семействѣ малолѣтнихъ, старыхъ и умершихъ до новой ревизіи,

и сколько бы ему ни пришлось на них получить четырехдесятидневных надѣловъ — все-таки ему одному только придется отработать 40 дней въ году на помѣщика, а потомъ—и basta! Тамъ, по крайней-мѣрѣ, образомъ поняли этотъ расчетъ барщинныхъ работъ жители той мѣстности, о которой я говорю. Они сейчасъ же сообразили, что не нужно идти ни на оброкъ, ни на выкупъ, а слѣдуетъ оставаться на барщинѣ, на старомъ положеніи, потому что сорокъ дней въ году отработать за всю ту землю, которая при немъ и теперь—очень не трудно. Тотъ, кто читалъ мужикамъ «Положенія», и самъ въ большей части случаевъ хорошенько не понималъ, что читаетъ, и, во всякомъ случаѣ, никакъ не ожидалъ какихъ либо дурныхъ послѣдствій; но вотъ послѣ, не больше, какъ чрезъ мѣсяць, къ слушателямъ его аудиторіи внезапно ставятъ цѣлую роту солдатъ начинается передрага. Поднимаются вопросы и допросы, кто читалъ, кто толковалъ, кто зачинщикъ бунта? Струсившіе бунтовщики на колѣняхъ умаливаютъ о прощени, если въ чемъ провинились передъ начальствомъ, и указываютъ на виновника, свергнувшаго ихъ въ бѣду, на приходскаго дьячка или дьякона — и вотъ тащатъ несчастнаго дьячка или отца дьякона на расправу — на жестокую расправу, тогда какъ онъ и доходовъ-то отъ этого окаяннаго чтенія получилъ всего рублей какихъ нибудь пять-шесть, если только тутъ же ихъ не прощилъ. Два-три подобныхъ случая—и дешевыхъ охотниковъ вычитывать положенія, сначала появившихся-было десятками—невозможно было отыскать ни за какія коврижки; остались только спеціалисты, которые постарались одѣнить рискъ, сопряженный съ своимъ занятіемъ, какъ можно выше. Послѣ двухъ-трехъ несчастныхъ случаевъ, напуганные дьячки и отцы дьяконы начали отпѣкиваться и отмахиваться отъ крестьянскихъ приглашеній и руками, и ногами, и стали смотрѣть на самую книгу «Положеній», какъ на бомбу, начиненную порохомъ, къ которой стѣнать только неосторожно прикоснуться — ее сейчасъ же взорветъ и осколками переколотитъ всѣхъ близъ стоящихъ. Страхъ этотъ неволью перешелъ отъ запуганныхъ чтецовъ и къ мужикамъ, такъ что и они на свою книгу начали посматривать тоже, какъ на бомбу. Къ страшной книгѣ, за которую солдаты на постой становятся, и близко подойти боялись: «не замай ее, Ванька!—говорилъ опытный мужикъ неопытному, полуграмотному парню, рискнувшему раскрыть книжку — за это, братецъ ты мой, тово, знаешь, какъ вашего брата!» И Ванька, дѣйствительно, отходилъ прочь отъ опасной книги, за которую тово, а между тѣмъ, вредъ понесли крестьяне отъ такого стран-

наго порядка дѣлъ — неизмѣримый. Господа землевладѣльцы, которые не боялись книги, дѣйствовали въ это темное время на основаніи поговорки: «куй желѣзо покуда горячо» и извлекли изъ Положеній все, что только успѣли извлечь. Въ первые два года немало было заключено и утверждено такихъ *добровольныхъ*, выгодныхъ только для одного землевладѣльца сдѣлокъ, которымъ бы не существовать на бѣломъ свѣтѣ, если бы одна сторона, то-есть крестьянская, не смотрѣла на «Положенія», какъ на бомбу, начиненную порошкомъ.

Какъ ни темны, какъ ни непонятны могли показаться крестьянину нѣкоторыя статьи новаго закона, въ особенности о сложной выкупной операціи, которыхъ не легко понять и нашему брату, такъ-называемому образованному человѣку, но все-таки чтеніе производило на него извѣстнаго рода впечатлѣніе, разумѣется, не изъ разряда приятныхъ. Вопервыхъ, въ статьяхъ о *добровольныхъ соглашеніяхъ* не могло свѣдому человѣку не кинуться въ глаза то обстоятельство, что всѣ эти соглашенія дѣйствительно добровольны съ одной только стороны, а именно со стороны помѣщика, который имѣетъ право и согласиться, и несогласиться, мужику же дано одно только отрицательное право—не согласиться, да и то не во всѣхъ случаяхъ. Слушая внимательно статьи о выкупѣ, невозможно было и непонятливому мужику не понять, что не соглашаться съ помѣщикомъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ соглашаться. Если мужикъ добровольно согласится на выкупную сдѣлку, то съ него, кромѣ казенной, установленной платы за надѣлъ, требовали еще добавочныхъ 30 руб.; если же не соглашался, то 80 рублей съ него скидывались. Само собою разумѣется, что для помѣщиковъ добровольная сдѣлка была сподручнѣе, а потому и самый страхъ къ «Положенію» и взглядъ на него, какъ на начиненную бомбу — не безвыгоденъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, по незнанію, дѣйствительно, попались на удочку, но эти примѣры послужили за то урокомъ для другихъ, возбудивъ сильнѣе недовѣріе ко всякаго рода сдѣлкамъ, хотя бы и выгоднымъ. «Бумагъ мы никакихъ подписывать не станемъ и желаемъ жить по старому!» отвѣчали обыкновенно крестьяне на всѣ убѣдительные доводы ретиваго посредника, неравнодушнаго къ различнаго рода почестямъ и желанію прослыть человекомъ вліятельнымъ, популярнымъ. Непривлекательная перспектива платить въ теченіе почти полустолѣтія одинаковую сумму выкупа, да еще одновременно внести 30 рублей — все это, въ связи съ несообразно высокою оцѣнкою земли, возбудили недовѣріе къ закону даже со стороны тѣхъ крестьянъ, которые не

смотрѣли на книгу, какъ на бомбу. Всѣ вразъ заподозрили, что это положеніе—не настоящее, не взаправское; что и настоящее существуетъ, даже присламо въ губернію, но его помѣщики подмѣнили своимъ, своего собственнаго сочиненія, которыми теперь и угощаютъ; что чрезъ нѣсколько времени непременно пришлютъ къ нимъ и взаправское, въ особенности, если отъ міра выбрать ходоконъ и послать ихъ съ мирской просьбой и жалобой въ самую столицу Петербургъ, а, покуда, ни на что не идти, ни съ чѣмъ не соглашаться, а жить по старому. Разумѣется, мужики тогда не предполагали, что мирскіе ихъ адвокаты возвратятся къ нимъ съ своей адвокатуры по образу нѣшаго хожденія, по этапу.

Такое натянутое положеніе дѣлъ, при неопытности и неловкости мелкихъ административныхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ мѣстнаго управленія, знающихъ французовъ (преимущественно петербургскихъ французовъ), несравненно ближе, чѣмъ своихъ, русскихъ, подвластныхъ имъ мужиковъ — неизбежно должно было вызвать различія, непріятныя столкновенія съ народомъ, что, дѣйствительно, и случилось. На пятой и шестой недѣляхъ великаго поста въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ читателю небезъизвѣстно, разыгрались тѣ печальныя драмы, и даже трагедіи, которыя сдѣлались извѣстными всей Европѣ и всему свѣту. Не даромъ крестьяне трусили книги Положеній: для нѣкоторыхъ несчастливцевъ книга эта дѣйствительно обратилась въ настоящую бомбу, которую разорвало въ толнѣ отъ неумѣнья обращаться съ подобными снарядами.

Въ двухъ верстахъ отъ селенія, въ которомъ я тогда жилъ, находилось большое имѣніе нѣкоего, номинально-богатаго барина, управляемое особымъ намѣстникомъ изъ отставныхъ кавалеристовъ, такъ-какъ самъ баринъ наслаждался жизнью за границей или въ Петербургѣ. Тяготу крестьяне этого селенія несли немалую, потому, во первыхъ, что заграничная и столичная жизнь дорога, а, во вторыхъ, и потому еще, что барскій намѣстникъ не былъ самъ себѣ врагомъ. На барщину здѣсь выгоняли не по три и, даже, не по четыре дня въ недѣлю, а такъ, какъ приведется. Иной разъ выгоняютъ и всѣ семь дней сподрядъ, въ особенности, если время стояло жаркое и подходила уборка съ полей господскаго хлѣба. Господскій приващикъ, большой балагуръ и рюмоплетъ, сложилъ насчетъ этого предмета особую даже присказку, въ которой, между прочимъ, говорилось, что «барскій хлѣбъ въ жары осыпается, а колосья крестьянскій ужъ Господомъ такъ созидается, что чѣмъ солнышко жарче палить, тѣмъ въ немъ зернышко крѣпче сидить».

При уборкѣ съ луговъ сѣна тоже никто не стѣснялся назначеніемъ заранѣе опредѣленныхъ барскихъ и крестьянскихъ дней. Если время стояло сухое, хорошее, то сгребай и мечи въ стога до той поры, пока все не смечешь; если же въ промежутки между хорошими встрѣтится день дождливый, то его бери на себя, да и всѣ бери на себя, если дождь будетъ идти. Вообще, въ описываемомъ имѣніи, повидимому, особенныхъ формальныхъ стѣсненій не было никакихъ, а между тѣмъ, жизнь крестьянамъ казалась не легкою. Очень естественно, что въ подобномъ имѣніи съ особенною силою должны были возникнуть различныя юридическіе вопросы, возбужденные новымъ положеніемъ.

Всего сорокъ барщинныхъ дней въ теченіе года, вмѣсто прежняго безчисленнаго множества, разумѣется, сильно соблазнили крестьянъ, предполагавшихъ, какъ я уже замѣтилъ, что за душу будетъ считаться только существующій на этомъ свѣтѣ взрослый рабочій, не принимая въ расчетъ покойниковъ, малолѣтокъ и драхлыхъ стариковъ. Нѣкоторымъ пришла даже счастливая мысль: нельзя ли какъ нибудь отработать эти сорокъ дней теперь же, весной, напримѣръ, барскіе погребя набить, или что-нибудь подобное? Было бы очень недурно! Для окончательнаго ознакомленія съ новыми положеніями, пригласили къ себѣ какого-то гулящаго грамотѣя, прослышшаго знахаремъ по юридической части, чтобы онъ вычиталъ имъ законы. Время тогда было весеннее, отъ работъ еще свободное, слѣдовательно, торопиться некуда и не къ чему. Собирались на чтенія по вечерамъ въ заранѣе назначенномъ домѣ и просиживали тамъ ночи напролетъ, разумѣется, за ведромъ-другимъ водки, такъ-какъ съ водкой и скучными предметами заниматься не скучно. Веселье поднялось невообразимое; чтеніе, нерѣдко, для разнообразія, прерывалось разудалою пѣсней, а приглашеннаго читальщика до такой степени убоготворили, что, на третій день по прибытіи, онъ даже какъ будто нѣсколько помрачился разсудкомъ, принялъ на себя задумчивый видъ и началъ кое-кому заявлять потихоньку, что онъ—не кто иной, какъ секретный царскій посланникъ, что ему поручено открыть народу настоящее, взаправское положеніе, которое теперь скрываютъ. Хотя надъ такимъ бѣлгорячнымъ заявленіемъ не смѣялись только тѣ, которые и сами помутились разсудкомъ не менѣе посланника, но, однакоже, странная молва распространилась все далѣе и далѣе и нашла, разумѣется, людей вѣрующихъ; такъ-какъ, едва-ли существуетъ на свѣтѣ такая дичь и галimatья, которая бы не нашла себѣ вѣрующихъ въ мас-

съ полудикаго народа, лишеннаго всякихъ средствъ къ образованію. Притомъ и обстоятельства, какъ нарочно, сложились именно такимъ образомъ, чтобы удобнѣе было сдѣлать изъ мухи слона. Управляющій имѣніемъ, хотя человѣкъ нѣкогда служившій въ кавалеріи, слѣдовательно, по предположенію, храбрый, какъ только прослышалъ о появленіи посланника — до крайности перетрусилъ и немедленно, ночью, ускакалъ въ городъ, покинувъ вѣренное ему помѣстье на произволъ судьбы. Поступокъ его, впрочемъ, имѣетъ оправданіе въ самой исторіи Россіи за послѣднія столѣтія. Припомните, сколько у насъ во времена Пугачевского бунта храбрыхъ генераловъ и бригадировъ самовольно, свою шкуру жалѣючи, покинуло вѣренное охраненію ихъ пунеты? Изъ позднѣйшихъ изслѣдованій видно, что даже знаменитый нашъ поэтъ Державинъ понался разъ въ этомъ грѣшѣ.

Примѣру главнаго начальника послѣдствовали и его ближайшіе подчиненные — прикащики и сотскій. Не слишкомъ-то рассчитывая на свою популярность, эти администраторы сначала попрыгали по погребамъ и чуланамъ, а потомъ и вовсе удрали изъ деревни, придавши тѣмъ псевдо-посланнику такое значеніе, на какое онъ сначала не могъ и рассчитывать. Посланникъ, такъ просто, сдуру и спяна взболтнувшій о своей небывалой миссіи, теперь сталъ уже говорить смѣлѣе, тѣмъ болѣе, что это вымышленное званіе начинало ему доставлять нѣкоторую матеріальную выгоду. «Еслибы это былъ какойнибудь простой мѣщаниншика — разсуждали съ своей стороны крестьяне — то зачѣмъ бы убѣжали отъ насъ управляющій съ сотскими? Еслибы смѣли, то связали бы бродягу и отослали къ становому, а тутъ, небойсь, сами бѣгутъ! Нѣтъ, что-нибудь да не ладно тутъ, братцы!» Положили общимъ совѣтомъ — ждать вѣстей изъ города, а куда отнюдь не сдаваться. Немедленно прекратили ночные караулы на господскомъ дворѣ, послали ходоковъ въ сосѣднія деревни — съ приглашеніемъ отстаивать волю, отъ нихъ скрываемую, заодно съ ними и, въ ожиданіи результатовъ отъ такого рода распоряженій, принялись бражничать.

Разъ вечеромъ, именно въ это смутное время, я, по обыкновенію, вышелъ на берегъ разлившейся рѣчки, которая превратилась теперь въ обширное озеро, съ волнующимся селеніемъ на противоположномъ берегу. По широкому разливу явственно доносились хоровыя пѣсни и ликованья этихъ темныхъ бѣдняковъ, которые, по врожденной каждому человѣку любви къ свободѣ, даже видимый обманъ желали принять за дѣйствитель-

ность, чтобы имѣть право хотя нѣсколько дней въ жизни называть вполнѣ свободными. Ко мнѣ подсѣло нѣсколько парней и стариковъ, и, мало-по-малу, завязался разговоръ.

— Эбъ, какъ гадать! промолвилъ старикъ, кивая головою по направленію къ волнующемуся селенію.

— А что имъ? подхватилъ парень: — чего имъ не гадить-то? Воли, вишь, дожидаются...

— А вотъ, погоди, зададутъ имъ волю! сердито перебилъ старикъ. — Управитель-то ихній, небойсь, въ городъ уѣхалъ за солдатами... Вотъ, какъ придутъ, начнутъ пороть десятаго, да зорить — такъ узнаютъ они волю! Нашли, небойсь, кого за царскаго посланника считать!

Парень подтвердилъ, что и онъ знаетъ, кто такой этотъ посланникъ. Нѣсколько разъ ѣздивши въ городъ на базарь, онъ не разъ встрѣчалъ посланника въ кабагѣ въ селѣ Богородицкомъ. Стоялъ онъ прежде за кабацкой стойкой цаловальникомъ, а потомъ выгнали: спроворовался, знать, али бы что.

Другіе слушали происходившій разговоръ, не принимая въ немъ ни малѣйшаго участія, какъ будто даже съ неудовольствіемъ. Только, когда толпа понемногу разошлась, словоохотливый парень, съ которымъ мнѣ не разъ приводилось ѣздить въ городъ, подсѣлъ ко мнѣ съ разспросами.

— Ихніе-то сегодня къ намъ прислали, началъ мужикъ: — зовутъ къ себѣ всѣхъ насъ, чтобы вмѣстѣ солдатъ дожидаться. Худаго, бають, не выйдетъ ничего, потому что идутъ они не супротивъ закона, а за царское положенье; а все-таки, бають, ежели больше народу соберется, то и силы, значить, больше. Вотъ и думаемъ теперича: не знай идти, не знай нѣту?

— О чемъ же тутъ думать-то? говорю. — Извѣстное дѣло, что если за солдатами послали, то добра ожидать нечего. Сначала стануть уговаривать, чтобы такъ усмирились и разошлись, а потомъ, если словъ не послушаютъ, то стануть съчь: развѣ это новости? Если кому очень ужъ хочется, чтобы выпороли, тотъ, разумѣется, пусть туда и идетъ, только, во всякомъ случаѣ, торопиться-то нечего. Теперь дорога испорченная, рѣки разлились, солдаты придутъ не ранѣе, какъ дня черезъ три; слѣдовательно, охотники до порки могутъ поспѣть туда и послѣ завтра, или въ тотъ же день, какъ слышать о солдатахъ: расстояние небольшое...

— А вы почто смѣяться-то? возразилъ парень, и самъ, впрочемъ, улыбаясь. — На вольную порку кто же полѣзеть—развѣ мы, что ли? Мы и взаправду думаемъ, какъ бы намъ хуже не было, если мы одни-то останемся. Можетъ, ихъ, и въ самомъ

дѣлѣ, подѣ новнй законѣ подведутѣ, а насѣ, за то, что не пошли, при старомѣ оставятѣ: сами, молѣ, сдались?

— На что сдались?

— А на барское-то положеніе.

— Да кто же тебѣ сказалѣ, что оно барское? Самѣ ты, паренѣ, посуди: развѣ кто можетѣ, кромѣ царя, напечатать и разослать по всему государству столько тысячъ книгѣ, въ которыхѣ говорится все одно и то же? Развѣ попы стали бы въ церквахѣ читать манифестѣ, еслибы онѣ былѣ подложнымѣ?

— Это точно, проговорилѣ паренѣ, задумываясь: — только все же вонѣ они толкуютѣ, что *среди* имѣ отѣ солдатѣ никакой не будетѣ. Солдаты, баютѣ, и точно что придутѣ, но пальцемѣ никого не тронутѣ, а наибольшій ихній прочитаеѣтѣ взаправскій указѣ, вотѣ тотѣ самый, что изѣ Петербурху-то присланѣ...

Вѣ деревнѣ нѣсколько времени колебались: идти имѣ къ сосѣдямѣ, или нѣтъ. Сначала собрались-было совсѣмѣ идти, но одумались. Разсудили, что благоразумнѣе будетѣ подождать того времени, когда придутѣ солдаты. Если станутѣ по головкамѣ гладитѣ, то можно пристать къ нимѣ и послѣ, а если бѣда какая приключитѣся, то все же они въ сторонѣ. Соваться ни подѣ какимѣ видомѣ не слѣдуетѣ. Большинство очень хорошо понимало, что солдаты содержатѣя вовсе не затѣмѣ, чтобы манифесты о волѣ читать, такѣ-какѣ для чтенія подобныхѣ манифестовѣ вовсе не нужно ни штыковѣ, ни заряженныхѣ ружей.

Дня черезѣ три разнесѣя тревожный слухѣ, что цѣлая туча солдатѣ съ барабанами и мѣдными дудками двигаетѣся уже недалеко и задерживаетѣся только лишь перевозомѣ черезѣ разливѣ, а то бы давно ужѣ была на мѣстѣ. Вѣсть эту привезѣ мужикѣ, отправившійся-было на базарѣ въ ближайшее село, но, замѣтивши приближающихся солдатѣ съ горнистами, мужикѣ струсилѣ и стремглавѣ поскавалѣ домой. Подроты солдатѣ мужику, со страха, показались цѣлой несмѣтной арміей... «Выѣзжаю я, это, братцы мои, изѣ лѣсу-то—повѣствовалѣ мужикѣ—смотрю—а съ Дерюлевской горы точно табунѣ коровѣ гонютѣ... Остановился я, это, присматриваюсь: анѣ не коровы, не кони, а люди съ ружьями... Только что къ Дерюлямѣ начали подходить — въ барабаны затрещали, въ свистѣлки заиграли, а самихъ-то — видимо-невидимо, рать несмѣтная... Господи, къ намѣ это, видно! подумалѣ я: — ну, и поворотилѣ оглобли-то назадѣ, потому: Боже сохрани!»

Т. СLXXXVI. — Отд. I.

3

Вѣсть о приближающихся солдатахъ съ мѣдными дудками и барабанами подѣйствовала на всѣхъ чрезвычайно сильно: точно будто Наполеонъ двигался на Москву. Сейчасъ же всѣ поняли, что солдаты существуютъ на свѣтѣ вовсе не затѣмъ, чтобы читать по деревнямъ царскіе манифесты, а затѣмъ-то другимъ. Не дождавшись даже вступленія солдатъ, жители волнующейся деревни струсили, одумались; съ ничѣмъ необъяснимымъ ожесточеніемъ напали они на, одурѣвшаго отъ пьянства, царскаго посланника, котораго сами же и возвели въ такой крупный чинъ, связали его по рукамъ и ногамъ, привязали крѣпко на крѣпко веревками къ крестьянскимъ розвальнямъ и повезли въ губернской городъ подѣ стражею двѣнадцати дюжихъ мужиковъ съ толстѣйшими дубинами. Въ такомъ несчастномъ положеніи представленъ былъ посланникъ въ городъ, къ губернатору...

Несмотря на то, что сами крестьяне связали своего посланника и тѣмъ какъ-бы доказали свое раскаяніе, солдаты, которымъ, встать, нужно было идти по пути въ другія деревни, были разставлены на нѣсколько дней по квартирамъ въ селеніи, при чемъ съ домохозяевами поступали, какъ съ виновными. Вмѣстѣ съ солдатами пріѣхалъ губернаторскій адъютантъ и началось слѣдствіе со всѣми его допросами и разспросами, которые для мужика тяжелѣе самыхъ розогъ. Тутъ-то вотъ и притянули нашего сельскаго попа, о которомъ я говорилъ уже раньше. Скандалъ, случившійся въ церкви, былъ бы непременно скрытъ, еслибы не донесли о немъ сами же испуганные крестьяне, которые всѣми возможными и даже невозможными средствами старались ослабить наказаніе за свой проступокъ, хотя онъ, въ сущности, и безъ того былъ невеликъ. Солдатъ размѣстили по лучшимъ избамъ — по три по четыре человѣка, и житье имъ было тамъ славное, не то что въ казармѣ, или на лѣтнихъ квартирахъ, когда они стоятъ у мужиковъ не въ видѣ наказанія. «Развеселое, жирное было тогда намъ житье! — рассказывалъ послѣ одинъ солдатикъ изъ крещенныхъ евреевъ. — Чего только ни спроси, что на умъ взбредеть — все тебѣ сейчасъ же подадутъ съ поклонами и умаливаніями. У одного мужика-пчеловода медь увидали въ клетѣ — давай сюда медь! Да не то, чтобы чашку, али бы тарелку, а цѣльныя кадки подавай! Съли всѣ на лужайкѣ около кадки, взяли ложки — и давай обжираться. Съли одну кадку — другую давай! И все дадутъ, все подносятъ, да еще вланяются! Въ одной избѣ верзила-солдатъ ушибъ темя о матицу у низкихъ па-

латей — руби, говоритъ, матицу! И рубить, самъ хозяинъ рубить, а потомъ, тотъ самъ топоръ отъ него перенялъ... Славное было времячко!»

Но... «кошкинъ игрушки — мышкинъ слезки». Жирное это солдатское житье не очень-то жирнымъ показалось нашимъ увлекающимся бѣднякамъ сосѣдямъ. Всѣ женщины, и старыя и малыя, съ ребятишками и грудными ребятами, съ плачемъ и воємъ перебрались въ наше село, едва было не подвергшееся такой же участи. Сосѣди, когда, наконецъ, миновала ихъ грозная туча, до такой степени обрадовались, что, можно было подумать, будто и въ самомъ дѣлѣ получили новую волю. Въ память освобождения своего отъ нашествия, они сложились, и заказали для церкви новый мѣстный образъ въ серебряной ризѣ... Человѣкъ, только что перенесшій тяжкую, опасную болѣзнь, какъ на особенную благодать начинаетъ смотрѣть на свою жизнь, какъ бы она ни была поскудна...

— Вотъ те пальцемъ не тронуть! Вотъ те взаправское положенье! — толковали послѣ крестьяне, на вечернихъ своихъ уличныхъ сходвахъ...

— Какое вамъ тутъ еще взаправское положенье! — вступался въ разговоръ старикъ-скептикъ. — Чтò я вамъ прежде баялъ? Придутъ — начнутъ сѣчь, зоромъ раззорять, что не такъ, что-ли, вышло? Вѣрьте мнѣ: чего прислали — то и ладно, за то и благодаримъ покорно! А то еще...

Подобные мирные и безопасные, даже, вѣроятно, пріятные для солдатъ походы дѣлались въ тѣ тяжелыя времена такъ часто, что въ рѣдкую поѣздку куда бы то ни было, не встрѣтишь, бывало, по дорогѣ солдатъ, двигающихся *на усмирете*. Страхъ въ народѣ распространился неимовѣрный, такъ что въ разныхъ мѣстахъ начали уже серьезно поговаривать о страшномъ судѣ и пришествіи на землю антихриста. Разъ, помню, предъ солнечнымъ восходомъ, отправился я на рѣку, на рыбную ловлю. Многіе даже изъ крестьянъ еще спали и на рѣку тихимъ шагомъ съ горы плелись только три-четыре сонныя бабы съ ведрами. Вдругъ, откуда-то издали, какъ будто крики журавлей изъ-подъ небесья, послышались звуки солдатскаго рожка. Сонныя бабы внезапно оживились, поставили ведра на землю, внимательно прислушиваясь къ отдаленному, неопредѣленному звуку; но, лишь только звуки рожка горниста послышались явственнѣе гдѣ-то въ сторонѣ, за синѣющимъ лѣсомъ, изъ-за котораго только что начало подыматься солнце, какъ бабы, будто по сигналу, подняли плачь и вой и, покинувъ

свои ведра на берегу, стрелы бросились въ деревню, точно за ними и въ самомъ дѣлѣ неслась непріятельская кавалерія въ атаку.

Если теперь, восемь лѣтъ спустя по введеніи въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній, мы хладнокровно взглянемъ на всѣ эти крестьянскіе бунты, казавшіеся тогда опасными, то легко убѣдимся, что серьезнаго и опаснаго въ нихъ ровно ничего не было. Все это было не что иное, какъ одно огромное недоразумѣніе, охватившее тогда всѣхъ: и крестьянъ, и помѣщиковъ, и даже чиновниковъ. Недоразумѣніе это зародилось и успѣло вполнѣ развиться въ двухмѣсячный промежутокъ времени между объявленіемъ манифеста и назначеніемъ мировыхъ посредниковъ, въ этотъ злосчастный промежутокъ, когда никто не зналъ и не понималъ, что и какъ будетъ. Помѣщики (разумѣется, не всѣ) боялись, какъ бы у нихъ всей земли не отобрали, и рѣшительно не понимали, какъ они могутъ обойтись безъ крѣпостныхъ; а крестьяне съ ихъ читальщиками тоже предполагали, что та земля, которою они владѣли постоянно, достанется имъ дешевле, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Всѣ, такъ называемые, крестьянскіе бунты были точно такими же, какъ и описанный мною выше, но исходъ ихъ зависѣлъ, во первыхъ, отъ того, велика ли была населенность волнующагося селенія и, во вторыхъ, кто посылался на усмиреніе: хладнокровный ли, знающій крестьянскій характеръ человѣкъ, или какойнибудь неосновательный столичный франтъ, изучившій характеръ рабочаго русскаго человѣка по лихачамъ-извозчикамъ и по трактирной прислугѣ у Бореля, Дюссо, Доминика, и проч., у которыхъ, какъ извѣстно, исключительно служатъ касимовскіе татары, пользующіеся различными привилегіями.

Лишь только губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія открыли свои дѣйствія и мировые посредники успѣли по своимъ мѣстамъ, сейчасъ-же всѣ волненія прекратились, и всю эту эпидемію, считаемую многими чрезвычайно опасною, какъ рукой сняло. Мирные походы солдатъ сдѣлались ненужными, и рожки горнистовъ перестали распугивать трусливыхъ бабъ. Много-много, если иной разъ члену губернскаго присутствія придется съѣздить въ какуюнибудь деревню на разъясненіе. Это послѣднее обстоятельство, мнѣ кажется, какъ нельзя лучше доказало, что во всѣхъ крестьянскихъ волненіяхъ, не исключая даже и крупныхъ, въ родѣ Безднинскаго, кромѣ недоразумѣній, ничего не было, хотя оно и разрѣшилось очень плачевно, стрѣльбою пулями и смертью не одного десятка человѣкъ.

Нѣкоторые и теперь даже на плачевную Безднинскую исторію смотреть, какъ на что-то въ родѣ дѣла при Ментано, въ которомъ французы пробовали новую систему игольчатыхъ ружей надъ гарибальдійцами; но подобный взглядъ до такой степени нелѣпъ, что его и опровергать не стоитъ. Можно положительно сказать, что — случись подобная исторія въ наше время, при существованіи у насъ новыхъ, судебныхъ учреждений — она кончилась бы такъ же, какъ окончилось въ прошломъ году въ великолудскомъ окружномъ судѣ извѣстное дѣло о неповиновеніи законной власти крестьянъ Барановской волости, Ново-ржевскаго уѣзда, въ которомъ главнымъ двигателемъ былъ, вмѣсто Антона Петрова, дворовый человѣкъ Гусевъ.

Читатели «Судебнаго Вѣстника» вѣроятно помнятъ, въ чемъ состояло это дѣло. Крестьяне собственно своею властью хотѣли смѣнить волостнаго старшину и замѣнить его другимъ, по своему желанію. Мировой посредникъ, не удовлетворяя желанія крестьянъ, приказалъ имъ разойтись, но ему этого однако же не удалось достигнуть, послѣ чего о томъ же началъ хлопотать исправникъ, но такъ же неудачно. Въ деревню привели взводъ солдатъ, но крестьяне, въ увѣренности, что тѣ стрѣлять не станутъ, потому что не за что, сдѣлали на солдатъ нападеніе и уступили только силъ, разогнанные прикладами. По этому дѣлу состоялась, какъ извѣстно, слѣдующая резолюція:

«Сообразивъ вышеназложенное, судебна палата находить: что неповиновеніе, оказанное 10 января 1867 года болѣе 250 человѣками крестьянъ Барановской волости мировому посреднику и исправнику, было слѣдствіемъ недоразумѣнія тѣхъ крестьянъ, вполнѣ раскаявшихся въ своихъ поступкахъ, какъ только преступность ихъ была ими признана, почему нѣтъ достаточнаго основанія привлекать означенныхъ крестьянъ къ отвѣтственности». Я всегда чувствовалъ глубокое отвращеніе ко всякимъ мнимовосторженнымъ поэтическимъ сравненіямъ, въ которыхъ Россія обыкновенно изображается сказочнымъ богатыремъ, перешагивающимъ въ волшебныхъ своихъ сапогахъ чрезъ столѣтія и полустолѣтія. Въ исторической жизни какаго бы то ни было народа, хотя бы и русскаго, никакихъ слишкомъ быстрыхъ, волшебныхъ перешагиваній быть не можетъ, а существуетъ строгая послѣдовательность и постепенность, замѣчается постоянное движеніе впередъ, но до крайности медленное, до такой степени медленное, что простымъ, невооруженнымъ глазомъ сразу-то и не замѣтишь. Теченіе это до такой степени мало

замѣтно, что иной разъ можно подумать, будто вода течетъ назадъ, а не впередъ. Восторженные поклонники реформъ Петра Великаго предполагали, что тотчасъ послѣ извѣстнаго указа о брандирити и переѣнѣ русскаго костюма на нѣмецкій, Россія вразъ сравнялась во всѣхъ отношеніяхъ съ Западной Европой, тогда какъ не трудно убѣдиться, что въ главныхъ основаніяхъ и, принимая въ соображеніе все государство, Россія и теперь осталась почти такою же неблагоустроенной, безграмотной и непросвѣщенной страной, какою была и тогда. Прочнымъ и несокрушимымъ можетъ только то считаться, что выработано самимъ народомъ, что онъ всегда готовъ отстоять съ энергіей, «не щадя своего живота» — выражаясь стариннымъ канцелярскимъ слогомъ; слишкомъ же быстрое, волшебное это перешагиваніе напоминаетъ собою скорѣ смѣлый, но неразсчетливый походъ въ глубь чужой страны, при которомъ наступающіе позабываютъ, что позади ихъ собираются несмѣтныя массы непріятелей, съ большимъ удобствомъ могущихъ дѣйствовать съ тыла, то-есть съ затылка. Однимъ словомъ, перешагиванье это изображаетъ собою нѣчто въ родѣ Наполеонскаго похода на Москву, который начался цѣлымъ рядомъ торжествъ, потомъ вызвалъ цѣлый рядъ уступокъ, сначала какъ будто и незамѣтныхъ, а окончился полнѣйшимъ пораженіемъ и чуть не погловнымъ избіеніемъ галловъ съ двенадцатью языками.

Сравнивъ два вышеприведенныхъ, совершенно однородныхъ дѣла: Безднинское съ Гусевскимъ, рѣшенныхъ—одно въ 1861 году, а второе въ 1868 — дѣйствительно можно подумать, что въ семилѣтній промежутокъ времени Россія вразъ, безъ всякихъ усилій, перескочила чрезъ цѣлое столѣтіе, отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Мысль о гигантскихъ шагахъ можетъ въ насъ укорениться еще прочнѣе, если мы изъ сравненія двухъ дѣлъ увидимъ ясно, что послѣднее, т.-е. Гусевское было важнѣе и серьезнѣе Безднинскаго, хотя первое покончилось освобожденіемъ подсудимыхъ отъ отвѣтственности, а второе — выстрѣлами почти въ упоръ въ массу и разстрѣляніемъ главнаго виновника.

Изобразимъ въ короткомъ разсказѣ, какъ происходило то и другое дѣло.

Безднинская исторія, какъ и всѣ подобныя ей исторіи того времени, началась съ безтолковаго чтенія только что присланныхъ, непонятныхъ крестьянамъ, Положеній, и тѣломъ явился здѣсь, извѣстный читателю, крестьянинъ Антонъ Петровъ, воспитанникъ одной изъ нашихъ народныхъ школъ, въ которыхъ

все образованіе ограничивается умѣньемъ на распѣвъ читать псалтырь и толковать непонятный апокалипсисъ. Бездна — селеніе многояюдное, а потому, очень естественно, что на чтенія Положеній народъ началъ собираться большими массами, а, такъ-какъ время было тогда свободное отъ полевыхъ работъ, то въ Бездну народъ валилъ и изъ сосѣднихъ, ближайшихъ деревень, не имѣющихъ возможности нанимать особаго вычитывальщика. Собиралось иногда около дома Антона Петрова по тысячѣ человѣкъ и больше, что, разумѣется, обратило наконецъ на себя вниманіе трусливыхъ помѣщиковъ, которымъ въ то время вездѣ и во всемъ чудились бунты и возстанія. Окаченные извѣстной болѣзью, *delirium tremens*, обратившейся тогда въ эпидемію, помѣщики поспѣшно разѣхались изъ своихъ деревень въ губернской городъ, гдѣ, разумѣется, въ оправданіе своей трусости, старались увѣрить всѣхъ и каждаго, что начинается опять пугачевщина, неизбежность которой они предвидѣли уже давно, а именно съ той самой поры, какъ распространился слухъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Если бы тогдашнее мѣстное начальство благоразумно придержалось извѣстной народной поговорки: «перемелется — мука будетъ», то, само собою разумѣется, вся напрасная тревога кончилась бы ничѣмъ: ну что, въ самомъ дѣлѣ, могло выйдти серьезнаго даже изъ такихъ объясненій, по которымъ изъ двухъ нулей, поставленныхъ другъ на друга, выходила просеора, а изъ двѣнадцати нулей — полная свобода и проч.? Конечно, въ концѣ-концовъ, изъ всѣхъ этихъ нулей, сколько бы ихъ ни было, все-таки ничего бы не вышло кромѣ нуля, да и народу, рано-поздно, самому надоѣло бы, да и времени не хватило бы слушать такую галиматью; но всеобщая запуганность такъ была велика, что нечего было и думать о благоразумномъ невмѣшательствѣ. Въ Бездну явились дворянскій предводитель съ исправникомъ, тоже, разумѣется, дворяниномъ-помѣщикомъ, выбраннымъ самими же дворянами. Эти господа употребили въ дѣло всю силу своего краснорѣчія для убѣжденія крестьянъ въ неправомерности пониманія ими закона, но, разумѣется, безъ всякаго успѣха, потому что крестьяне тогда именно помѣщикамъ-то и не доверяли, считая ихъ не безпристрастными въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ замѣшаны ихъ личные интересы. Послѣ претерпѣнной неудачи, въ которой неизбежно пострадало и личное самолюбіе этихъ двухъ господъ, считавшихъ силу своего краснорѣчія неотразимой, — разумѣется, послѣдовали донесенія весьма мрачнаго свойства. «Если ужъ наше краснорѣчіе не подѣйстви-

вало — сообщали кому слѣдовало глубоко-оскорбленные чиновники — то видимое дѣло, что необходимы солдаты; иначе неизбежно вспыхнетъ бунтъ, да такой, что и конца ему не предвидится!» Послали тотчасъ же известное количество солдатъ съ ихъ *наболышнѣ*, котораго *бунтующіе* крестьяне приняли за настоящего царскаго посланника, явившагося объявить взаправскую волю, тщательно будто бы скрываемуя отъ нихъ мѣстными помѣщиками. Посланника съ войскомъ поджидали не только безъ всякаго страха, но даже съ большимъ нетерпѣніемъ и, даже, устроили ему торжественный пріемъ за версту отъ села, съ хлѣбомъ и солью, по русскому обычаю, и выслали для этой встрѣчи самыхъ старыхъ стариковъ. Губернаторскій адъютантъ, посланный предварительно въ волнующуюся деревню, рассказывалъ, что онъ, подъ вліяніемъ невольнаго страха, нагнаннаго на него рассказами членовъ дворянскаго клуба, велѣлъ ѣхать по люднымъ улицамъ села къ барскому дому какъ возможно скорѣе, во весь махъ, но ямщикъ, нечаянно, обронилъ внуть и остановился. Адъютантъ самъ признавался послѣ, что положеніе его въ эти моменты было крайне непріятное. Народъ густою толпой окружилъ экипажъ и, Богъ знаетъ, что могло прійти въ голову этимъ бунтовщикамъ? Къ крайнему удивленію пассажира, бунтовщики, наперерывъ одинъ передъ другимъ, снявши почтительно шапки, старались оказать ямщику услугу: поднять и подать внуть. Тогда только адъютантъ убѣдился, что Безднинское волненіе ничего не имѣетъ сходнаго съ февральской революціей, о которой онъ нарочно, предъ самымъ отъѣздомъ, прочиталъ книжку, чтобы не оказаться профаномъ.

Рассказывали, что *наболышнѣ*, не довольствуясь находящимся въ его распоряженіи отрядомъ, поджидалъ-было прибытія еще роты, чтобы обложить взбунтовавшихся и заставить ихъ сдаться, но, такъ-какъ разливъ препятствовалъ скорой доставкѣ солдатъ, то онъ рѣшился приняться за Суворовскую систему быстроты и натиска. Небольшая кучка солдатъ втиснулась въ тѣсную улицу селенія, и была вразъ со всѣхъ сторонъ плотно окружена громаднымъ количествомъ любопытствующихъ, сбѣжавшихся издалека — посмотреть на диковинку. Несмотря на увѣщанія священника съ крестомъ — разойтись по домамъ (словъ священника, впрочемъ, говорятъ, въ толпѣ нельзя было слышать), народъ не расходился. «Зачѣмъ мы разойдемся, — говорили крестьяне, — мы нарочно собрались сюда, чтобы увидеть и послушать царскаго посланника, который всю истинную правду

намъ скажетъ!» Между прочимъ, и самая давка въ тѣсныхъ улицахъ, быть можетъ, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ, почему народъ не расходился, несмотря на команду. Попробуйте вразъ разогнать толпу изъ туго набитой, въ заутреню предъ свѣтлымъ воскресеньемъ, церкви, съ однимъ узкимъ выходомъ! Бывали случаи, что во время несчастій въ церкви, народъ въ ней заживо сгоралъ, а выйти не могъ. То же самое бываетъ въ театрахъ; то же самое могло быть и въ деревнѣ, да не то что въ деревнѣ, а даже въ Москвѣ во многихъ ея безвыходныхъ переулкахъ и закоулкахъ, расположенныхъ по безтолковой чувашской системѣ. Въ возможность стрѣльбы пулами народъ, разумѣется, по невѣжеству, не вѣрилъ: «за что жь стрѣлять, разсуждала толпа, какъ это можно? Мы собрались слушать разъясненія начальства, а въ насъ стрѣлять будутъ? Вздоръ!»

Изъ разсказовъ очевидцевъ, да и изъ самыхъ опубликованныхъ извѣстій о Бездинскомъ дѣлѣ, ясно видно, что сопротивленія со стороны крестьянъ рѣшительно никакого не было, даже попытокъ къ сопротивленію не оказано. Послѣ говорили, будто нѣсколько голосовъ изъ толпы предлагало народу разойтись по дворамъ и запастись кольями; но подобные разсказы болѣе, нежели сомнительны. Вопервыхъ, была ли какая-нибудь возможность въ шумной, тысячной толпѣ слышать отдѣльные возгласы, а, вовторыхъ, еслибы подобные возгласы дѣйствительно существовали не въ одномъ разстроенномъ воображеніи слышавшихъ ихъ, то, вслѣдъ за возгласами, непременно послѣдовали бы и исполненіе, и ничтожному отряду солдатъ пришлось бы очутиться въ весьма незавидномъ положеніи. Небольшая гучка солдатъ съ слишкомъ уже большою самонадѣянностью втиснулась въ густую, тысячную толпу, которая, какъ въ церкви въ большіе праздники, имѣла полную возможность сдавить ихъ со всѣхъ сторонъ, лишить возможности дѣйствовать руками и просто вынести каждаго на плечахъ, какъ чучелу. Утверждаютъ, что и самая необходимость въ стрѣльбѣ явилась именно тогда, когда замѣтили, что позиція выбрана слишкомъ ужь неудачно, а между тѣмъ, *можно было предполагать*, что толпа вздумаетъ сопротивляться.

Вотъ какимъ образомъ, по разсказамъ очевидцевъ и, отчасти, по официально-опубликованнымъ свѣдѣніямъ, происходило это, надѣлавшее въ свое время не мало шума, событіе, которое теперь уже можно отнести «къ дѣламъ давно минувшихъ дней, преданьямъ старины глубокой». Въ настоящее время (теперь уже, не по

однимъ только предположеніямъ, а на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ мы можемъ утверждать это), такой ужасный исходъ дѣла, каковъ былъ Безднинскій, былъ бы немислимъ. Несомнѣнные эти факты — нѣсколько крестьянскихъ волненій послѣдняго времени, возникшія по которымъ дѣла разрѣшены обыкновенными судебными мѣстами, безъ посредства солдатъ и пороха, и, между ними самое видное — дѣло о неповиновеніи крестьянъ Барановской волости, которые хотѣли самовольно смѣнить выбранное ими же лицо — волостнаго старшину. Въ газетахъ это происшествіе описывается слѣдующимъ образомъ :

«Явился взводъ солдатъ. Гусевъ вышелъ изъ-подъ ареста, крестьяне бросились къ нему съ крикомъ: «ура», а онъ отвѣчалъ имъ: «не робѣйте, ничего не будетъ». Солдатамъ было приказано разогнать толпу.

«Остервенившіеся», «разъяренные» крестьяне хватаютъ ружья, бьютъ солдатъ, но, уступая силѣ, бѣгутъ, снова сходятся въ кучки, принимаютъ угрожающій видъ, снова вызываютъ преслѣдованіе солдатъ, пока ихъ не разгоняютъ окончательно прикладами. Гусевъ останавливалъ бѣгущихъ за руки».

Конечно, еслибы у крестьянъ Барановской волости мировымъ посредникомъ очутился человѣкъ дѣйствительно съ мирными наклонностями и хладнокровно-разсудительный, то никакой исторіи и выйти бы не могло изъ-за пустяшнаго, въ сущности, повода. Крестьяне очень хорошо знали, что имъ, какъ и дворянамъ, дано право выбирать изъ среды себя на извѣстныхъ должностяхъ, а въ числѣ ихъ на должность волостнаго старшины. Выбранный имъ почему-то, основательно или неосновательно, не понравился, признанъ негоднымъ. «Нужно его смѣнить! — разсуждали крестьяне. Ужь если намъ было позволено самими выбрать, то кто же запретить смѣнить самими же выбраннаго? Вѣдь смѣняетъ же дворянство своихъ предводителей, когда они окажутся негодными, проворуются, напримѣръ, или сдѣлаютъ чтонибудь подобное?» Разсужденія эти въ основаніи своемъ были правильны и ничуть не противозаконны, но вотъ въ исполненіе-то они приведены чисто уже помужички, безъ всякой пѣжности и деликатности, безъ соблюденія канцелярскихъ формальностей, которыхъ, по правдѣ сказать, мужикъ терпѣть не можетъ и не понимаетъ ихъ удивительно важнаго у насъ значенія. Знающее законы и всякія формальности и тонкости образованное дворянство, въ случаѣ замѣны проворовавшагося предводителя другимъ, исполнило бы это непріятное дѣло самымъ незамѣтнымъ и деликатнымъ маанеромъ. Написало бы къ нему,

напримѣръ, адресъ съ деликатнымъ, но неотразимымъ требованіемъ: сказаться на время, до выборовъ, большимъ и передать бумаги исправляющему должность, или что нибудь подобное; — но мужикъ всегда и во всемъ привыкъ обращаться грубо и неделикатно, какъ съ осиною, которую рубить съ плеча, или какъ съ сохой, которую подталкиваетъ сзади иной разъ до такой степени сильно, что даже лошадь принуждена упираться задними ногами, будто ѣдетъ съ возомъ подъ обрывистую гору. Вѣроятно, изъ желанія поближе познакомиться грубаго мужика съ канцелярскими формальностями, пустяшную въ началѣ исторію раздули, какъ гуттаперчевый пузырь и постарались изъ мухи сдѣлать слона. Возникъ, такъ-называемый, бунтъ — и кончился этотъ бунтъ сравнительно благополучно, благодаря только лишь введенію новыхъ судебныхъ учреждений, повидимому, радикально измѣнившихъ всѣ прежнія, неблагоприятныя условія.

А условія эти, по истинѣ, были крайне неблагоприятны для крестьянъ, съ которой бы стороны мы ни стали ихъ разсматривать. Дворянство (разумѣется, не безъ исключеній) до глубины души было оскорблено объявленной тогда реформой. Вслухъ хотя и называли реформу *благодѣтельной*, но модное это словечко сопровождалось обыкновенно такою же кислою гримасой, какую корчатъ только что высѣченный несовершеннѣйшій членъ благочестиво-русскаго семейства, отъ котораго отецъ требуетъ еще формальнаго изъявленія благодарности *за науку*. Про себя, въ своихъ кружкахъ, крѣпостники, и донимѣ еще называющіе сами себя *охранителями*, пророчили всякія несчастія государству, до сей поры видимо процвѣтавшему и приводившему въ ужасъ всю Западную Европу и, можно сказать, даже весь міръ; толковали (какъ и теперь толкуютъ печатно) о грозныхъ опасностяхъ, о необходимости немедленно пустить въ употребленіе *силу воли и энергію дѣйствія*. Съ ужающей настойчивостью Катона эти, повидимому, слабосильные, малохарактерные и износившіеся господа проводили, гдѣ только можно было, выработанную ими террористическую теорію, выражавшуюся въ сжатой, но энергичной фразѣ: «рѣжь другихъ, если самъ не хочешь быть зарѣзаннымъ» — и они, разумѣется, хотя и не всегда, но нерѣдко, однакоже, достигали своей цѣли, потому что, дѣйствуя постоянно съ упорствомъ неописаннымъ, непремѣнно достигнешь извѣстныхъ результатовъ и убѣдишь наконецъ тѣхъ, которые должны были дѣйствовать лично, какъ орудія чужой воли. Не даромъ дворянство съ такимъ усердіемъ толковало «о грозныхъ опасностяхъ»: мужики скоро, на своей

собственной шкурѣ, познали, что эти «грозныя опасности» дѣйствительно существуютъ. Одновременно съ появленіемъ, на-пророченныхъ дворянами, грозныхъ опасностей, между крестьянами распространился слухъ о близости страшнаго суда и пришествіи на землю антихриста...

Но вотъ, наконецъ, и мы дожили до блаженнаго времени, до открытія новыхъ гласныхъ судовъ, въ которыхъ, при обсужденіи проступковъ и преступленій крестьянъ, принимаются въ соображеніе непониманіе ими разныхъ тонкостей и формальностей и умственная неразвитость, въ которой едва-ли крестьяне сами виноваты. «Мы вразъ перешагнули черезъ цѣлое столѣтіе!» кричатъ восторженные, но неосновательные патріоты. — «Россія — это богатырь въ сапогахъ скороходахъ!»

— Хорошо, господа! — отвѣтимъ мы на это. Пусть будетъ по вашему. Пусть Россія остается богатыремъ въ волшебныхъ сапогахъ, но не забывайте, что надъ этимъ богатыремъ постоянно невидимо носится враждебный ему мальчикъ съ пальчикъ — локотокъ съ ноготокъ, на коврѣ самолетѣ, въ шапкѣ невидимкѣ. Богатырь наворотитъ себѣ съ разныхъ сторонъ пицци и собирается загусывать, — а несмѣтное количество невидимыхъ мальчиковъ съ пальчикъ, какъ разъ, откуда ни возьмись, налетятъ на собранную богатыремъ пиццу и всю ее съѣдятъ, покуда тотъ еще потягивается. Вообще, чтò бы ни придумалъ сдѣлать богатырь, хотя бы самую законную вещь, — ничего-то ему не удастся, все изъ рукъ и изо рта, какъ у вороны, вываливается, такъ что богатырь начинаетъ ревѣть, — а виноваты во всемъ невидимые, будто бы даже не существующіе, мальчики съ пальчикъ въ колпакахъ невидимкахъ.

Получивши въ даръ новыя судебныя учрежденія, мы, безъ сомнѣнія, выиграли крупный, очень крупный шагъ впередъ; но не нужно никогда забывать, что позади насъ, въ тылу, на этомъ перешагнутомъ, но непройденномъ пространствѣ, скопилось уже многое множество самыхъ неумолимыхъ и непримиримыхъ враговъ, болѣе предусмотрительныхъ, чѣмъ тѣ, которые встрѣтили отступающую изъ Москвы Наполеоновскую армію при Березинѣ... Мы — народъ молодой, увлекающійся; мы всему готовы радоваться, въ восторгѣ орать и аплодировать, хотя за это насъ изрѣдка и бьютъ. Сколько ужъ мы радостно и восторженно привѣтствовали этихъ, такъ-называемыхъ, быстрыхъ-то шаговъ впередъ? Уничтоженіе откупа, свобода печати, земскія учрежденія, судебная реформа и проч. и проч. — все это, несомнѣнно, широкіе шаги впередъ, а что же отъ нѣ-

которыхъ изъ нихъ даже теперь уже осталось, благодаря все этимъ же невидимымъ мальчпкамъ съ пальчикъ, отъ которыхъ мы не умѣемъ уберечься? Въ земскихъ управахъ предсѣдатели разрываютъ въ клочки подписанные всѣми членами журналы, на томъ единственно основаніи, что предсѣдателямъ *хочется распорядиться единолично*. На собранія, недавно еще казавшіяся привлекательными, публику нынче и калачомъ не заманишь, потому что грозитъ серьезная опасность быть внезапно изгнаннымъ... А, вы думаете, мало дѣлается и видимыхъ и невидимыхъ подкоповъ подъ новыя судебныя и мировыя учрежденія, возбуждшія въ публикѣ нашей неограниченное довѣріе къ своей прочности? Развѣ не было разъ уже печатно («Спб. Вѣд.») заявлено, что члены мирового института рѣшаются на нѣкоторыя уступки, въ видахъ сохраненія всего института, хотя и не сказано, какого рода эти *уступки*, и желательны ли, полно, самое существованіе такого института, который, изъ чувства самосохраненія, въ уступкахъ своихъ легко можетъ дойти до крайности?

Невидимые, благодаря своимъ волшебнымъ колпакамъ, мальчики съ пальчикъ, не упускаютъ до сихъ поръ изъ вида и крестьянской реформы. Они надъ ея порчей стараются даже еще усерднѣе, чѣмъ надъ какой другой, потому что реформа эта введена уже давно, восемь лѣтъ назадъ, слѣдовательно большинству успѣла уже надоѣсть порядкомъ. Вотъ, напримеръ, какъ отнесся къ рѣшенію судебной палаты по дѣлу Гусева, органъ крупныхъ землевладѣльцевъ «Вѣсть», называющая себя газетою охранительной, консервативной:

«Гусева арестовали, крестьянъ разогнали прикладами, *никто не раненъ и не изувѣченъ, и, слава Богу, но* (замѣтьте это *но!*)... но долго ли было до кровопролитія? Сегодня Гусевъ, вчера Антонъ Петровъ, а завтра?...»

«Трудно вѣрять, чтобы послѣ семилѣтней практики выборовъ, послѣ постоянныхъ толкованій мировыхъ посредниковъ и, наконецъ, послѣ терпѣливыхъ объясненій тутъ же, передъ употребленіемъ военной силы, крестьяне дѣйствительно не знали о законѣ и дѣйствовали по недоразумѣнію. Во всякомъ случаѣ, крестьяне не могли не знать, что сопротивленіе законной власти, дошедшее до «насильственныхъ дѣйствій», есть преступленіе уже само по себѣ.»

«И такъ, остаются два предположенія для объясненія, почему судебная палата не нашла основанія привлечь означенныхъ крестьянъ къ законной отвѣтственности.»

«Первое предположеніе заключается въ томъ, что сопротивлявшихся законной власти была цѣлая толпа, какъ видно изъ дѣла, человѣкъ болѣе двухсотъ пятидесяти.

«Второе предположеніе состоитъ въ томъ, что палата признала, что виновные въ неповиновеніи законной власти были люди не развитые, не образованные, безсознательные, взрослые дѣти, дѣйствовавшіе безсознательно, какъ дѣйствуютъ дѣти.

«На первое предположеніе служить отвѣтомъ то, что введеніе подобнаго прецедента въ нашу обвинительную практику оставило бы преступленіе бунта безотвѣтственнымъ именно тогда, когда оно всего опаснѣе, т.-е. при дѣйствіи цѣлыми массами, что предвидѣно законами, въ силу которыхъ дѣйствіе «скопомъ» или «заговоромъ» усиливаетъ отвѣтственность.

«Второе предположеніе, что палата смотрѣла на крестьянъ, участвовавшихъ въ сопротивленіи власти, какъ на безотвѣтственныхъ по своему неразвитію, гражданскихъ недорослей, опровергается невозможностью допустить, чтобы, въ судебномъ порядкѣ, было признано несовершеннолѣтнимъ и недозрѣвшимъ до полной отвѣтственности передъ судомъ, крестьянское сословіе, которому дарованы, въ законодательномъ порядкѣ, сословное самоуправленіе, участіе въ земскихъ учрежденіяхъ и мѣсто на скамьѣ присяжныхъ, въ судѣ *разныхъ*, наравнѣ со всѣми другими сословіями. Кажется, одно изъ двухъ: или крестьяне взрослые, и въ такомъ случаѣ отвѣтствуютъ передъ закономъ и судомъ, какъ взрослые; или же они дѣти, не только передъ судомъ, но и передъ избирательной урной.

«Нормальное ли это явленіе, что тотъ самый крестьянинъ, который, въ качествѣ присяжнаго, рѣшаетъ по совѣсти участь лицъ всѣхъ другихъ сословій, самъ изъять отъ отвѣтственности, по своему умственному несовершеннолѣтію?»

«Гдѣ же, наконецъ, то равенство передъ судомъ, о которомъ говорятъ теперь такъ много?»

«Не изъ ненависти къ крестьянскому сословію говоримъ мы это, какъ конечно отвѣтятъ намъ наши клеветники, а изъ того непоколебимаго убѣжденія, что безъ равновѣсія правъ съ возлагаемыми этими правами обязанностями невозможенъ прочный государственный порядокъ. Одно изъ двухъ: или крестьяне способны въ полноправности, или нѣтъ. Законодательствомъ положительно утверждено первое, слѣдовательно неумолимая послѣдовательность, въ виду самыхъ грозныхъ опасностей, требуетъ, чтобы крестьяне сознавали всѣ обязанности полноправныхъ гражданъ; а это можетъ быть достигнуто только посредствомъ фактовъ, фактовъ дѣйствительной отвѣтственности».

И законно въ высшей степени и логично: незнаніемъ законовъ никто у насъ, даже безграмотный и дикій инородецъ, отговариваться не можетъ. Само собою разумѣется, что взрослый, плечистый и бородатый мужикъ никоимъ образомъ не можетъ тоже быть признанъ и за малолѣтняго, неразумнаго ребенка; слѣдовательно, его за всякое преступленіе, а за самовольство преимущественно, какъ гражданина, совершенно равноправнаго съ другими російскими гражданами, нужно бить безо всякаго пощады. Хотя «Вѣсть» и утверждаетъ, что она говоритъ не изъ ненависти къ крестьянскому сословію; благодаритъ даже Бога, что въ Гусевскомъ дѣлѣ *никто не раненъ и не изувѣченъ*, но изъ послѣднихъ словъ статьи однако же довольно ясно видно, что маленькія раны и кое-какія увѣчья въ данномъ случаѣ были бы вовсе излишними, ибо до сознанія своей равноправности съ прочими гражданами крестьяне могутъ достигнуть только лишь «посредствомъ *фактовъ*, фактовъ дѣйствительной отвѣтственности». Намъ кажется, что, еслибы сознаніе своей равноправности могло быть достигнуто исключительно только однимъ, предложеннымъ «Вѣстью» способомъ, то въ крѣпостномъ мужикѣ сознаніе это съ незапамятныхъ бы временъ уже укоренилось, ибо рѣдкіе изъ гражданъ другихъ сословій такъ часто, какъ мужикъ, подвергались неумолимой отвѣтственности, иногда просто даже ни за что ни про что, здорово живешь! Этой ужасной равноправностью господа охранители рѣшительно не даютъ мужику покоя, такъ что онъ готовъ отъ нея съвозъ землю провалиться. Мужикъ, по старой привычкѣ, нарываетъ все, какъ бы на колѣна встать и крикнуть жалобное свое «простите, пощадите!» — а ему отвѣчаютъ: «нѣтъ, братъ, шалишь: простить тебя я, по закону, не имѣю права: ложись, или штрафъ плати!» Усядется ли мужикъ-гласный на земскомъ собраніи гдѣ-нибудь на невидномъ мѣстѣ, въ заднемъ ряду, — и тутъ его въ покоѣ не оставятъ. «Понимаешь ли, говорятъ, что ты вмѣстѣ съ нами, въ одной комнатѣ сидишь, что ты равноправный съ нами гражданинъ? Если понимаешь, то вотъ подписывай журналъ, потому что ты по закону обязанъ понимать все, о чемъ здѣсь толкуютъ!» Мужикъ, разумѣется, уполномочиваетъ кого-нибудь изъ равноправныхъ къ рукоприкладству, а между тѣмъ, въ большей части случаевъ, не знаетъ хорошенько, что именно онъ подписываетъ, потому что предложеніе, въ случаѣ надобности, обильно пересыпается иностранными словами: прогрессъ, инициатива, гуманный, эксплуатация, эмансипация, реэмуирировать и т. п. Отказаться отъ подписи журнала, мужику

опять-таки невозможно, потому что онъ обязанъ все знать и понимать, потому что онъ — гражданинъ равноправный съ другими гражданами, хотя въ душѣ и сознаетъ, что равноправность-то эта очень сомнительнаго свойства: мировой посредникъ, на примѣръ, мужика высѣчь можетъ, а дворянина и купца вправѣ только лишь убѣждать и уговаривать. Въ концѣ-концовъ и выходитъ, что мужикъ, по книгѣ закона какъ будто и дѣйствительно пользуется правами, почти равными съ лицами другихъ сословій, но эти новыя права столько навалили на него и новыхъ обязанностей и страшной отвѣтственности, что онъ самъ съ радостью готовъ передать эти права первому желающему, за цѣну самую ничтожную, дешевле чечевичной похлебки.

Такимъ-то образомъ, особенно радоваться и восторгаться гигантскими шагами русскаго богатыря — нечего. Никогда не нужно забывать, что на перешагнутомъ, но не пройденномъ пространствѣ, годъ отъ году все больше и больше скопляется непріятелей, которые потихоньку, не торопясь, вооружаются и организуются въ стройныя массы, дѣйствуя въ то же время мелкими, партизанскими отрядами противъ смѣлаго, но неразумнаго непріятеля, отнимая у него фуражъ и затрудняя все больше и больше возможность отступленія, до котораго рано-поздно, дѣло все-таки дойдетъ, въ особенности, если смѣлый врагъ, одураченный мнимыми успѣхами, позабудетъ необходимыя предосторожности.

Но я отклонился отъ разсказа.

Теперь, надѣюсь, совершенно понятно, почему Безднинское дѣло имѣло совсѣмъ иной исходъ, чѣмъ Гусевское, рѣшенное чрезъ шесть лѣтъ послѣ перваго: въ наше время теорія увѣчья проводится только лишь въ печати, а тогда она безпрепятственно могла примѣняться и на практикѣ. Въ наше время теорія эта, хотя и съ достаточною ясностію излагаемая, все-таки обставляется нѣкоторыми темноватаго свойства фразами, выражающими собою любовь къ человѣчеству, къ непреклонной твердости закона и т. п., а тогда, шесть лѣтъ назадъ, примѣнялась она къ дѣлу прямо, безъ обиняковъ, и никто не стыдился ея придерживаться. Фактъ почти невѣроятный, но однако же вѣрный: послѣ Безднинскаго «увѣчья», въ ознаменованіе радости по этому случаю, крупные и именитые губернскіе землевладѣльцы устроили торжественный обѣдъ, говорили торжественные, приличные случаю спичи, заливая ихъ шампанскимъ. (Впрочемъ, говорить, обѣдъ, по случаю великаго поста, былъ на половинѣ постный). Тада-какъ подобная безтактность (если здѣсь умѣст-

но это слово?) многимъ изъ землевладѣльцевъ даже показалась слишкомъ возмутительною, то люди противоположнаго образа мыслей рѣшились, какъ бы въ параллель къ обѣду, отслужить панихиду по покойникамъ. Обѣдъ, какъ рассказывали, удался и прошелъ бесслѣдно, но панихида не совѣтъ.

Ходило тогда по окрестнымъ губерніямъ множество анекдотовъ по поводу Безднинскаго волненія, но изъ нихъ нѣкоторыя до такой степени возмутительны, что и передавать даже не хочется. Въ числѣ раненныхъ, рассказывали, попался дворовый человѣкъ одной образованной, читающей французскія книжки помѣщицы. Бѣдняга, слышавъ о скоромъ прїѣздѣ въ Бездну настоящаго царскаго посланника, сопровождаемаго, вѣроятно, для церемоніи, войскомъ, попросился-было у матушки-барыни посмотрѣть на невиданный имъ парадъ, но, получивши рѣзкій отказъ, убѣжалъ туда самовольно, оставивъ огорченную помѣщицу безъ обѣда, такъ-какъ состоялъ при дворѣ поваромъ. Немилосердная судьба поступила съ непослушнымъ барской волѣ слишкомъ ужъ жестоко: дура-пуля угодила прямо въ холонскую спину. Раненаго, въ числѣ другихъ, отправили въ одну изъ временныхъ больницъ, устроенныхъ тогда по экстренному случаю, а потомъ, по принадлежности, препроводили къ помѣщицѣ. «Вотъ теперь ты самъ, негодяй, видишь, какъ строго Богъ наказываетъ за ослушаніе барской власти! — внушала помѣщица только что приведенному къ ней страдалцу. — Подожди вотъ у меня: если не околѣешь и вскочишь на ноги — расправлюсь я съ тобой посвойси. Однимъ только Божескимъ наказаніемъ ты отъ меня, свинья неблагодарная, не отвертишься!» Говорятъ, несчастный раненый послѣ этихъ внушительныхъ словъ совѣтъ съ толку сбился, не зная чего желать, выдворить ли, или умереть, потому что и то и другое представлялось ему почти одинаково сквернымъ.

Однакоже Безднинскій погромъ, на который высшее мѣстное дворянство, почему-то, смотрѣло, какъ на рѣшительную побѣду, одержанную надъ строптивымъ непріателемъ, оказался совершенно безплоднымъ и, даже, бесполезнымъ. Страхъ и уныніе дѣйствительно распространились на большое пространство; бабы начинали выть, лишь только слышать вдали рожокъ горниста, но уже самое это непрерывное странствованіе военныхъ отрядовъ по уѣздамъ, ясно доказывало, что система террора въ настоящемъ случаѣ не достигала цѣли. Крестьяне поняли, что другой воли должно быть дѣйствительно въ настоящее время еще нѣтъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то все болѣе и болѣе

стали укрѣпляться въ мысли, что новую эту волю скоро къ нимъ пришлютъ; что теперь только не нужно соглашаться ни подъ какимъ видомъ ни на какія сдѣлки, ибо новая воля принесетъ пользу только лишь тѣмъ, кто удержался отъ соглашеній съ помѣщиками, не закрѣпилъ себя вновь, добровольно. Какъ ни странно были вычитыванья, какъ ни дико казались вычитывальщики, но видно и они отъ правды-то были только лишь на полвершка, хотя и не съумѣли, по уважительнымъ причинамъ, подойти къ ней вплотъ. Статьи о добровольномъ и обязательномъ выкупѣ и переходѣ съ однихъ земель на другія по истеченіи девяти лѣтъ казались неясными не только темнымъ вычитывальщикамъ, но и просвѣщеннымъ мировымъ посредникамъ, сѣздамъ и присутствіямъ, которые всѣ поняли эти статьи уже изъ послѣдовавшихъ циркуляровъ министерства. Несогласіе идти на какія бы то ни было сдѣлки объяснялось обыкновенно упрямствомъ мужика; ретивые мировые посредники, всю свою славу основывающіе на количествѣ заключенныхъ ими сдѣлокъ, разумѣется сердились, выходили изъ себя, даже иногда обходились не безъ розогъ, но разъ упершагося на чемъ нибудь мужика нельзя ужъ пронять ничѣмъ. «Будетъ намъ, братцы, вторая воля, вмѣсто этой, *благой* * воли» — да и кончено!

Въ описываемый періодъ времени, судя по отзывамъ, доходившимъ со всѣхъ сторонъ, мужики вели себя такъ скромно и послушно, что, пожалуй, нѣкоторымъ изъ равноправныхъ имъ гражданъ даже въ душѣ хотѣлось, чтобы они были хоть немножко построптивѣе: придраться-то ужъ совсѣмъ не къ чему. На работу пошлютъ — идутъ безропотно, даже упираются, что они и впередъ хотятъ работать по старому, на барщинѣ. Позоветъ помѣщикъ къ себѣ соглашать — опять-таки идутъ всѣ гурьбой и стоятъ у крыльца безъ шапокъ, по старому положенью. Начнетъ помѣщикъ фразой: ну, любезные друзья! — и толкуетъ битый часъ или даже два, а тѣ все стоятъ себѣ — не шелохнутся. Только когда кончитъ помѣщикъ свою рѣчь и ласково сважетъ, протянувши руку: ну, любезные друзья, по рукамъ, что ли? — тогда только мужики, какъ будто отъ сна очнутся и заорутъ: «нѣтъ, не согласны, ни на что мы не согласны, остаемся по старому!» Потомъ, послѣ этихъ словъ, мужики готовы опять слушать часъ или два, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

* Слово *благой* крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей придаютъ не обыкновенное его значеніе, а свое собственное, оригинальное. *Благой* у нихъ значитъ — плохой, дрянной. Про тощую, больную и лицомъ уродливую женщину они обыкновенно говорятъ: ай, ай, бабенка-то *благая* какала! и т. п.

готовы и уйти безпрекословно, если помѣщику надобѣсть толковать: какъ; значить, вашей милости будетъ угодно!

Были, однакоже, случаи и болѣе серьезныя. Въ одномъ селеніи бездѣтный помѣщикъ, еще при жизни своей, постоянно толковалъ мужикамъ, чтобы они дали ему только спокойно умереть, а послѣ смерти всѣ они вольными будутъ, потому что прямыхъ наслѣдниковъ у него нѣтъ и духовное завѣщаніе на всякій случай давно уже готово. Завѣщаніе, однакоже, хотя было и дѣйствительно написано, но никѣмъ не скрѣплено, потому что старикъ расчитывалъ пережить и крестьянъ-то всѣхъ, которыхъ собирался отпустить на волю. При тапхъ-то, крайне неблагоприятныхъ для крестьянъ условіяхъ, старикъ скончался скоропостижно, одицетворивши своей смертью извѣстную шутовскую пѣсню о томъ, какъ «Устюшкина мать собиралась умирать».

Извѣстное дѣло: крестьяне формалисты плохіе, хотя отъ нихъ многіе и требуютъ, какъ отъ равноправныхъ съ другими гражданами, тонкаго знанія и гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. О существованіи завѣщанія они знали; но до того, засвидѣтельствовано ли завѣщаніе, или нѣтъ — имъ какое дѣло? Покойникъ баринъ всякую эдакую штуку самъ ужъ зналъ; слѣдовательно теперь нужно только сидѣть, да дожидаться, какъ тамъ начальство. И сидѣли мужики — дожидались; только вдругъ пріѣзжаетъ къ нимъ какой-то другой, молодой баринъ, пишетъ уставную грамоту, отрѣзываетъ отъ мужиковъ чуть не половину земли и объявляетъ, что если-де угодно мужичкамъ оставить за собой излишнюю за отрѣзкой землю (а ужъ какаая она *излишняя!*) на столько-то лѣтъ, то приплачивали бы вотъ столько-то. Наговорилъ съ три короба, чего-то настрочилъ, — да и маршь куда-то!

Обомлѣли совсѣмъ мужики, рты отъ удивленія разинули и руки врозь растопырили. «Какъ-такъ, что за диковина?... А баринъ-то на что, вотъ тотъ, что умеръ-то: онъ на что, а? Нѣтъ, братцы, шалишь: молодъ еще озорничать-то! Чуръ всѣмъ міромъ: ни на что нейти, ни на что не соглашаться. Мы по закону, и трогать насъ, значить, никто не смѣй!»

Успокоились-было деревенскіе юристы на своей законной почвѣ, но не надолго. Пріѣхалъ дворянскій проиводитель (предводитель), пріѣхалъ исправникъ съ казакомъ — опять отвѣтъ одинъ: «шалишь, молоды еще озорничать-то; мы вѣдь по закону. Пусть почище пришлютъ!»

«Прислали, наконецъ, и почище: губернаторскаго адъютанта съ казаками и солдатами, а казаки, какъ только пріѣхали, сей-

часть отправились въ ближній лѣсокъ — розги рѣзать. Привезли возъ розогъ, принесли изъ ближайшей набы двѣ скамейки, разложили двоику, по порядку, какъ стояли — и начали стегать съ двухъ сторонъ. Сѣкутъ, сѣкутъ, кровь давно ужъ ручейками такъ и сочится, а крика не слышно, потому что такъ на міру согласились: за законъ, значить. У сѣкуторовъ руки ужъ устали, перемѣнились другими, вмѣсто обезпамятѣвшихъ наваливаютъ свѣжихъ, а все никто не кричитъ и не стонетъ. Очередь доходить до молодого паренька, блѣдный такой стоитъ, потому, значить, не привыкъ, а къ нему, къ уху къ самому, мать навлонялась. Горькими слезами плачетъ, а сама шепчетъ: «смотри, баить, Митянька, отъ міру не отставай: не будетъ, баить, тебѣ моего материнскаго благословенія, если тово...»

Истинное это происшествіе почти цѣликомъ мною рассказано со словъ одного изъ очевидцевъ-соучастниковъ. Перепороли всю деревню, и все-таки покорности ни отъ кого не добились. Только чрезъ два дня перемѣнили систему: вмѣсто роговъ наломали таловыхъ палокъ, или, понѣмекки, шпиць-рутеновъ и для истязаній выбрали, на угадъ, нѣсколькихъ *зачинщиковъ*. Тогда повинились, уступили отрѣзку, и даже, чуть ли уполномоченные не приложили своихъ рукъ къ уставной граматѣ.

Еще одинъ случай *возмущенія*, или, правильнѣе, еще одинъ возмутительный случай. Помѣщикъ, устраивая на новый ладъ нѣсколько деревень своей сестры, въ одномъ имѣніи сдѣлалъ къ крестьянскому надѣлу значительной величины нарѣзку даромъ, а въ другомъ имѣніи, за строптивость крестьянъ, обкромсаль ихъ жестоко, хотя совершенно законно. Возмутились обиженные. «Какъ бы *сама* здѣсь была — разсуждали нѣкоторые — не то бы было. Это онъ отъ себя ужъ кудесить-то; не написать ли, не послать ли къ *самой*-то ходока, братцы?»

— А куда ты пошлешь, куда напишешь? Она, баить, тамъ гдѣ-то, въ нѣмецкинѣ живетъ. Какъ родилась, баить, такъ туда и уѣхала. Поди, чай, порусски-то и болтать не умѣетъ, и граматки-то нашей мужицкой не разберетъ!

Порѣшили, что дѣйствительно ходока въ нѣмецкую землю посылать не стоитъ, потому что никакой ходокъ эдакой земли не отыщеть, да, еслибы и отыскалъ, то можетъ тамъ сгинуть. Согласились только всѣмъ міромъ ни на что нейти, ни съ чѣмъ не соглашаться и оставаться на старомъ положеніи до «новой воли».

Началась опять старая исторія, но кончилась она довольно оригинально, благодаря смѣлности мѣстнаго дворянскаго предводителя, челоуѣка молодого и образованнаго.

Исправникъ въ уѣздѣ былъ человѣкъ смиренный (что бывало рѣдко), маленькій, пузатенькій, «потѣшный такой» — по выраженію крестьянъ, но слишкомъ ужъ преданный помещикамъ, отъ которыхъ, разумѣется, вполне зависѣлъ. Чтобы отличиться предъ своими патронами, онъ принялъ на себя видъ воинственный, препоясая мечомъ, на козлы въ сани (это происходило ранней весной) посадилъ плюгаваго казачишку — бурята, или валмыка съ нагайкой — и торжественно ввѣтилъ въ селеніе, которое во всемъ округѣ отличалось своими плечистыми, русыми молодцами-ребятами. Покуда исправникъ, сидя въ избѣ, придумывалъ грозную рѣчь, приличную случаю, — на улицѣ, предъ окнами избы, успѣла уже разыгратъся трагико-комическая сцена, которая въ конецъ уничтожила всѣ геніальные его планы. За ворота зачѣмъ-то вышелъ плюгавый исправничій казачишка и, по свойственной всѣмъ азіатамъ склонности — похвастаться предъ народомъ своимъ официальнымъ значеніемъ, махнулъ сначала плетью по направленію къ толпѣ, а потомъ зачѣмъ-то вынулъ изъ ножонъ ржавую свою пашку. Этого было вполне достаточно, чтобы возбудить толпу молодцоватыхъ парней. «Ахъ ты кривоногая крса!» — слышалось изъ толпы и, вслѣдъ за тѣмъ, въ одно мгновеніе, кривоногая крса уже барахталась ногами и руками, всунутая головою въ сугробъ, къ величайшему удовольствію народа. Хохотъ и гоготанье поднялись такіе громкіе и здоровые, что исправникъ, позабывъ свою рѣчь, немедленно велѣлъ ямщику-татарину содаться на козлы и, выручивъ кое-какъ, при посредствѣ сотскихъ, казака изъ сугроба, ускскалъ по добру по здорову. При самомъ отъѣздѣ, въ казака на козла подетѣло два полѣна, хотя и неудачно. Не выжидая неминуемаго вступленія солдатъ, изобрѣтательный дворянскій предводитель вздумалъ уладить дѣло домашнимъ манеромъ. Весь его расчетъ основывался на томъ, что волнующееся селеніе не велико, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ оно плотно обставлено деревнями съ татарскимъ населеніемъ, которое съ русскими постоянно враждуетъ и во всякое время готово идти съ ними въ драку, даже охотнѣе, чѣмъ кронштадтскіе моряки съ кронштадтскими же артиллеристами. Немедленно составила импровизированная осадная армія съ голыми кулаками, которая окружила со всѣхъ сторонъ осажденную крѣпость, вооруженную тоже одними лишь кулаками. Въ качествѣ главнокомандующаго отдалъ онъ по своей арміи строгій приказъ: никого не впускать къ осажденнымъ, а отъ нихъ принимать каждаго безпрепятственно. Эта игрушечная осада кончилась меньше, чѣмъ въ два дня.

Сначала половина осажденной деревни явилась въ перебѣжчикахъ, а потомъ, въ качествѣ военнопленныхъ, появилась и другая, съ полнымъ раскаяніемъ, такъ что солдатъ съ ружьями, за ненужностью, воротили назадъ съ полдороги...

Вообще, всѣ эти, такъ-называемые, крестьянскіе бунты и волненія 1861 года, носили на себѣ одинъ и тотъ же характеръ: всеобщаго, невыясненнаго недоразумѣнія. Революціоннаго и опаснаго не заключалось въ нихъ ровно ничего, но за то не мало иногда въ нихъ было комичнаго. Подобный взглядъ, ругаясь за его вѣрность, я имѣю полнѣйшее право высказывать прямо, несмотря на то, что до сей поры еще существуетъ въ нашемъ обществѣ сильная и многочисленная партія, которая серьезно думаетъ, будто и на самомъ дѣлѣ мужики наши постоянно готовы сознательно идти въ драку съ голыми кулаками противъ, заряженныхъ коническихкими пулями, ружей!

ЗАПИСКИ ПРИЧЕТНИКА.

I.

Краткій этнографическій очеркъ селенія Терновъ.

Я родился въ тихой глуши нашего пространнаго отечества, въ незнаемомъ уголкѣ —ской губерніи, въ селеніи Тернахъ.

Селеніе Терны скрыто отъ взоровъ любознательныхъ путешественниковъ, каждое лѣто посѣщающихъ на богомолѣ въ —скій монастырь, опоясывающими его съ трехъ сторонъ лѣсистыми горами, которыя, сходясь полукругомъ къ многоводной и быстрой рѣкѣ, образуютъ обширную впадину, нѣчто въ родѣ исполнскаго гнѣзда, веселящаго въ весеннее время бархатной мягкостью муравы и свѣжестью густолиственныхъ садовъ.

Самый ближній городъ отстоитъ отъ Терновъ на шестьдесятъ верстъ, но кругомъ не мало деревушекъ и хуторовъ, и въ праздники около терновскаго храма Богородицы всегда толпилось большое количество народа, что значительно оживляло селеніе и доставляло многія лепты священнику, отцу Еремѣю.

Зимой, въ мятель и непогоду, путь въ Терны или изъ Терновъ былъ сопряженъ съ опасностями: волки, доведенные до неистовства мученьями голода, даже среди бѣлаго дня нападали на отважныхъ, рѣшавшихся пуститься по лѣсу. Терновскіе жители старались обыкновенно отправляться въ путь обществомъ или отрядомъ въ три-четыре воза и, кромѣ того, вооружались длинными рогатинами съ желѣзными наконечниками въ родѣ пики — издѣліе и, если не ошибаюсь, изобрѣтеніе мѣстнаго кузнеца, Ивана Бруя.

Одно изъ многочисленныхъ терновскихъ преданій повѣствуетъ о нѣкоемъ Васильѣ Голубцѣ, отличавшемся необычайной красотой лица, зазубчивостью сердца и легкомысліемъ; онъ проводилъ дни свои, плѣняя легковѣрные толпы дѣвицъ, вдовъ и замужнихъ и вѣроломствуя съ ними самымъ жестокимъ обра-

зомъ. Обѣщавъ одной вдовѣ, на которую имѣлъ коварный умыселъ, пріѣхать въ гости, онъ, презирая вьюгу, собрался въ дорогу, на предостереженія сосѣдей отвѣчалъ веселыми шуточками и, съ удавою пѣснью, устремился въ лѣсъ, гдѣ и былъ на первой же верстѣ растерзанъ стаяй голодныхъ волковъ. Преданіе гласитъ, что персты его до того были унижены перстнями, залогоми нѣжности довѣрчивыхъ созданій, что даже проводящія звѣри не могли пожрать ихъ и всѣ десять найдены были на мѣстѣ ужаснаго происшествія, на небольшой прогалинкѣ, и понинѣ носящей названье «Голубцовой».

Бывало, отрокомъ, лежа въ зимнюю непогожую ночь безъ сна на ложѣ своемъ и прислушиваясь къ дикимъ завываніямъ, доносящимся изъ лѣсу, я живо представлялъ себѣ легкомысленнаго и вѣроломнаго красавца, Василья Голубца, лѣсную чашу, осыпанную инеемъ, сверкающіе со всѣхъ сторонъ глаза хищныхъ звѣрей, послѣдующую за тѣмъ страшную драму, и содрогался.

Если опушенные инеемъ лѣса и скованная льдомъ рѣка производили унылое впечатлѣніе на тѣхъ, кто, подобно мнѣ, осужденъ былъ, за неимѣніемъ теплыхъ и удобныхъ одеждъ, сидѣть у окна и завидовать нагло чирикающимъ воробьямъ, то весна, лѣто и осень сторицею вознаграждали его за претерпѣнныя зимой неудовольствія. Кромѣ обычныхъ, сельскихъ утѣхъ — разоренья птичьихъ гнѣздъ, отыскиванья сладкихъ корешковъ и зелій (я до сей поры сохраняю пристрастіе къ «козельцамъ», отличающимся особой свѣжестью и терпкой сладостью), купанья, ловли раковъ и рыбъ, игръ съ жеребятами и т. п. — въ Тернахъ было невѣроятное благораствореніе воздуха и изобиліе плодовъ земныхъ. Особенно славились наливчатая зеленая яблоня, по мѣстному названью «зеленки», которыхъ я нигдѣ больше не видалъ, и крупная, черная, какъ жидовское око, вишня, превосходящая сладостью самый медъ.

Ячмень, овесъ, греча давали прекрасный урожай; рожь отличалась удивительной пышностью колоса, густотой и вышиной. Я помню, терновскій пономарь, которому въ церкви самыя рослые прихожане доставали только по уху, входя въ ржи, почти весь исчезалъ въ волнахъ колосьевъ; мельвалъ только его высокой картузь съ длиннымъ, задраннымъ вверхъ козырькомъ, да конецъ дубовой палки, которую онъ имѣлъ привычку закидывать на плечо, на образецъ того, какъ держать оружіе воинъ Пилата, изображенный на священной картинѣ, приобрѣтенной имъ на городской ярмаркѣ и украсившей его скромное жилище въ одно окошечко, съ вертающимся пѣтушкомъ на трубѣ.

Жители селенія Терновъ всѣ безъ исключенія хлѣбопашцы и являютъ, свойственную хлѣбопашцамъ, простоту и кротость нравовъ.

Я полагаю, впрочемъ, что помянутая кротость нравовъ происходитъ не отъ особаго дара Божія, но преимущественно отъ чрезмѣрнаго физическаго утомленія. Самые лютые и строптивые быки, будучи выпряжены изъ ярма, не являютъ признаковъ буйства, ни ярости, а ложатся и съ томностью поглядываютъ на хозяина, приносящаго имъ кормъ.

Я встрѣчалъ въ книгахъ плѣнительныя разсужденія по поводу благодѣтельнаго вліянія земледѣльческой жизни и не менѣе плѣнительныя описанія благодушныхъ поселенъ, мудрыхъ, добродѣтельныхъ и довольныхъ своей скромной участію, но, полагаю, это пишетъ человѣкъ, обольщающій читателя, или же невинный, обольстившій самаго себя наружной прелестью вещей.

Можетъ быть, такіе блаженныя хлѣбопашцы жили въ незапамятные вѣка, или будутъ жить въ будущемъ, но въ наши времена я, исходившій, могу свазать, вдоль и поперекъ наши края, нигдѣ не встрѣтилъ подобныхъ. Всюду я находилъ, любезный читатель, подъ самыми розовыми цвѣтами, черныя тернія и пронзающія шиши, а въ самыхъ мирныхъ и уединенныхъ деревушкахъ страданіе, озлобленіе и всякія мятежныя чувства.

Тишина полей, журчанье тихоструйной рѣки, шелестъ лѣсовъ несомнѣнно производятъ умиротворяющее дѣйствіе; это я не разъ испытывалъ на самомъ себѣ, въ минуты нѣкоторыхъ душевныхъ бурь и сердечныхъ волненій. Но буря бурѣ рознь. Какъ бы прелестно ни пылала вечерняя или утренная заря, какой бы ласкающій зефиръ ни нѣжилъ своимъ легкимъ дуновеніемъ, какъ бы ни цвѣли и ни благоухали поля, луга и лѣса — можетъ ли умиляющая краса природы смягчить положеніе беззащитныхъ пернатыхъ, надъ которыми ежечасно паритъ хищный ястребъ? А въ невѣжественной деревушкѣ всегда витаетъ тотъ или другой ястребъ, который можетъ схватить въ когти любое бѣдное творенье, развѣять его перья и спокойно опять сѣсть на свой насѣсть.

Припоминая нѣкоторые факты и соображая ихъ, я могу заявить, что терновцы, подъ личиною простоты и кротости, отличались особой пылкостью нрава, изобрѣтательной мстительностью, постоянствомъ какъ злыхъ, такъ и добрыхъ чувствъ, неустрашимостью, хладнокровіемъ и великимъ лукавствомъ.

Наружность терновцевъ самая пріятная: они росли, статны, замѣчательно красивы, одарены звучнымъ голосомъ и, по большей части, безподобные пѣвцы и пѣвицы; напѣвы у нихъ во-

обще грустные; женскіе исполнены нѣжности и страсти, мужскіе — мрачной, пламенной энергіи и горечи. Слова пѣсенъ поражаютъ поэтическими красотою, а смыслъ ихъ всегда трезвый и здравый, несмотря на вліяніе разныхъ предрасудковъ и суевѣрій. То же можно сказать и о ихъ преданіяхъ и сказкахъ. Послѣднія могутъ развеселить самаго угрюмаго смертнаго своей живостью, мѣткой извительностью, игривостью, остроуміемъ и тонкимъ знаніемъ нашего грѣховнаго и слабаго естества. Въ нихъ преимущественно карается любостяжаніе, женское кокетство и легкомысліе, безхарактерность и лѣность мужчинъ, пошлость своимъ страстямъ, всякое цыганство, трусость и неустойчивость. Напротивъ того, поставляются въ примѣръ тѣ герои и героини, которые подають собой примѣръ мужества, непреклонной рѣшимости, бодрости, постоянства въ чувствахъ и мысляхъ и ничѣмъ несокрушимаго стремленія къ задуманной цѣли. Между прочимъ, въ одной изъ сказокъ герой-кузнецъ порѣшилъ или побѣдять столпаго великана, пожирающаго младенцевъ, или самому сложить голову, и отправился на битву. Съ перваго же удара великанъ его спшибъ, взявъ двумя перстами и закинулъ въ глубокую яму. Очнувшись, кузнецъ прежде всего, конечно, задумался о томъ, какъ бы ему выбраться изъ ямы. Онъ выбирался годъ, наконецъ, старанія его увѣнчались успѣхомъ и онъ, не заходя даже повидаться съ близкой сердцу особой, снова отправляется на борьбу съ столпавымъ чудовищемъ. Они бьются. Кузнецъ снова погранъ и закинутъ еще въ болѣе глубокую яму. Но придя въ себя, онъ выказываетъ ту же бодрость духа, что и прежде; два года кладетъ на то, чтобы выкарабкаться изъ пропасти и, не внимая голосу сердца, немолчно зовущему его подъ тихую сѣнь роднаго крова, стремится снова на битву. Онъ въ третій разъ бьется, въ третій разъ поверженъ въ прахъ, низринутъ въ бездну, выходитъ изъ нея только черезъ три года и, попрежнему, ничѣмъ неискусимый, является на битву. Ярость великана умѣряется изумленіемъ и тревогою. Онъ беретъ свою семисаженную сѣвиру, но задумывается, и обращаетъ къ кузнецу льстивую рѣчь:

- Кузнецъ, а кузнецъ!
- Чтò, великанъ?
- Коли ты человекъ Божій и блюдеши правду, такъ ты лувкавити не станешь, а признаешься мнѣ по чести!
- Признаюсь по чести!
- Чтò въ твоёмъ селѣ всѣ съ твоимъ же духомъ?
- Съ моимъ.

— И если я тебя испепелю и прахъ твой развѣю, то они тоже будутъ ходить ко мнѣ биться?

— Будутъ. Всѣ по очереди, другъ за дружкой. Пока ты будешь взрослыхъ истреблять, малые будутъ подростать.

— И нельзя васъ ничѣмъ ублажить?

— Ты никакъ думаешь, что я на твои посудки кинусь, какъ соловей на таракановъ, поклюю и попадусь? Давай лучше биться, что время понапрасну терять!

— Что въ битвахъ толку-то? И тебѣ скверно, и мнѣ неприятно. У тебя, надо полагать, живой кости ужъ нѣтъ; мнѣ ты вотъ повредилъ глазъ, вышибъ зубъ, переломилъ мизинецъ — все это, разумѣется, дѣло не первой важности да прискорбно: я великанъ молодой, желаю нравиться своей великаншѣ, а она вонъ вчера: пфа! говорить, кривой мизинецъ!

— Давай биться!

— А прекрасно мы бы съ вами зажить могли: я, пожалуй...

— Давай биться!

— Позволь мнѣ тебѣ сказать...

— Давай биться!

— Одно слово: вы точно ли всѣ такіе?

— Всѣ до одинаго однимъ муромъ мазаны.

— А ну, побожись женой и дѣтьми!

Кузнецъ побожился.

— Тьфу! сказалъ великанъ. — Съ такимъ народомъ и жить не стоитъ: одно безпокойство! Пойду въ другую землю!

Плюнулъ великанъ и ушелъ въ другую землю ребячь вѣсть.

А кузнецъ воротился домой, положилъ сѣвиру въ придобное мѣсто, чтобъ не ржавѣла, поцаловалъ жену и дѣтей и сѣлъ за столъ вѣсть коржи съ медомъ.

II.

Краткій очеркъ характеровъ и отношеній окружающихъ меня лицъ.

Еслибы ты, любезный читатель, очутился погожимъ лѣтнимъ утромъ въ Терновскихъ лѣсахъ, то, будь ты наивзыскательнѣйшимъ изъ смертныхъ, у тебя вырвались бы многія восклицанія удовольствія. Самое, такъ именуемое, каменное сердце не могло оставаться равнодушнымъ къ этимъ неподобнымъ переливамъ яркой зелени, къ аромату цвѣтовъ и травъ, тишинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду чувствуемому движенію жизни, свѣжести ^и неразнѣживающей, но трезвящей мягкости благодатнаго воз-

духа. Это плѣнительное уединеніе всегда напоминало мнѣ эдемъ, легкомысленно утраченный нашимъ праотцемъ Адамомъ.

Очутившись здѣсь, читатель могъ бы ходить около самаго селенія, не подозрѣвая близости жилищъ, скрытыхъ внизу сѣнью густолиственныхъ деревьевъ, полагать себя вдали отъ догучныхъ въ иные часы собратій и предаваться грустнымъ или пріятнымъ мечтаніямъ, не опасаясь стѣснительныхъ для мечтаний встрѣчъ. Но онъ скоро былъ бы выведенъ изъ самосозерцанія въ праздничные и воскресные дни слабымъ, какъ бы готовящимся закашляться, звономъ надтреснутаго колокола, призывающаго вѣрныхъ къ слушанію литургіи, а въ будніе дни пронзительнымъ дискантомъ попадья, заставляющимъ повторять эхо сосѣднихъ ущелій отрывки характерныхъ мѣстныхъ выраженій гнѣва.

Направивъ шаги свои по дребезжащему звону колокола, или по пронзительному дисканту попадья, читатель не замедлил бы попасть на гладко-утоптанную тропинку, далѣе увидалъ бы въ сторонѣ небольшую прогалину и на ней пасущуюся спутанную попову сивую кобылу съ жеребенкомъ и попову черную корову, привязанную на длинной веревкѣ за рога къ дубу; потомъ слухъ его былъ бы пораженъ заботливымъ кудахтаньемъ невидимыхъ, но близкихъ насѣдокъ и пискомъ робкихъ цыплятъ и, сдѣлавъ еще нѣсколько поворотовъ по тропинкѣ, онъ внезапно очутился бы на лѣсной опушкѣ и его взорамъ неожиданно бы представился амфитеатръ цвѣтущихъ огородовъ по отлогостямъ горы, сельскій, скромный, сѣроватаго цвѣта храмъ, окруженный вишневою изгородью, какъ бы вѣнкомъ, влѣво отъ храма поповъ бѣлый четырехъ-оконный домикъ съ крытымъ крылечкомъ, прилежащіе къ нему гумно, погребъ, амбаръ и фруктовый садикъ; еще лѣвѣе крохотную мазанку, жилище пономаря, увѣчанное деревяннымъ пѣтушкомъ, показывающимъ направленіе вѣтра; нѣсколько ниже довольно ветхую хижину, осѣненную громадной развѣсистой грушей, гдѣ, въ бѣдности и печали, но въ согласіи и дружбѣ, проводили дни дьяконъ и дьяконица, родители автора этихъ записокъ, а далѣе живописно разсыпавшееся селеніе, муравчатая улица, разбѣгающіися во всѣ стороны узкія, извивчивыя дорожки, свергающая въ низкихъ берегахъ рѣки, ѣзжая дорога вдоль берега, а за рѣкой круто поднимающіися лѣсистые утесы.

Дѣтей всего успѣшнѣе развиваютъ душевныя потрясенія; они развертываютъ дѣтское мышленіе, изоощряютъ наблюдательность, заставляютъ сравнивать и обсуждать и, такимъ образомъ, по-

сѣвають первыя сѣмена добра и зла въ неиспытанной младенческой душѣ. Смотри по благому, или злотворному свойству этихъ потрясеній, пробуждаются въ невинномъ твореніи высокія или низкія стремленія, укореняется великодушіе или жестокосердіе и незамѣтно, такъ-сказать, закладывается духовное зданіе будущаго гражданина.

Первыми тревогами и горестями, искусившими меня въ жизни, я обязанъ поманутой уже мной терновской попадѣ, Варварѣ Іосифовнѣ Македонской, а этимъ тревогамъ и горестямъ — первыми сѣменами низкихъ чувствъ, пустившихъ столь глубокие корни, что даже въ совершенныхъ лѣтахъ, призывая на помощь всю силу разума, я съ величайшимъ трудомъ могъ выходить побѣдителемъ въ борьбѣ съ ними.

Той же попадѣ Македонской обязанъ я и разнообразными свѣдѣніями о промахахъ, ошибкахъ и грѣхопаденіяхъ окружавшихъ меня лицъ, включая въ то число и моихъ родителей, ибо она имѣла обычай выбѣгать, въ порывахъ своего гнѣва, на крыльцо и, взявъ самую высокую ноту, варьировать біографію опальнаго лица до надсады своей мощной груди.

Такъ, я узналъ отъ нея, что дѣдъ мой по матери унижилъ іерейскій санъ бракосочетаніемъ съ мужичкой, за что попалъ въ отвѣтъ, откупался, этими откупками разорился въ конецъ, сталъ пить и въ пьяномъ видѣ просваталъ мою мать тоже за «хама», то-есть за простаго поселяннина Семена Куца. Но дьяконъ Македонскій во время увѣдомилъ брата безчинствующаго старца. Братъ подоспѣлъ, и его усердными стараніями все было приведено въ стройный порядокъ: дѣдъ мой былъ отставленъ по болѣзни «отъ поврежденія разсудка», мать перевѣнчана съ неизвѣстнымъ ей человѣкомъ, занявшимъ мѣсто дьякона Македонскаго, Македонскій возведенъ въ санъ священника за безпримѣрную ревность въ благочестіи, прежній женихъ заподозрѣнъ въ поджогѣ церкви и отправленъ куда слѣдуетъ для допроса.

— Проклятые голыши! вопила однажды Македонская съ своего крыльца, обращаясь къ нашей хижинѣ. — Не достанется вамъ моимъ добромъ свою поганую свинью живить, чтобъ ее, вмѣстѣ съ вами, розорвало! Не видишь, что въ чужой огородъ лѣзеть? Тебѣ выслѣпало, что ли? Или на умѣ все Сенька Куцъ? Воръ, душегубецъ, поджигатель! Святой храмъ хотѣлъ поджечь, антихристъ! Ты еще не ливуй, что онъ разъ вывернулся! Погоди, матушка! Попадетъ еще, не выкрутится! Не надѣйся прежними утѣхами забавляться! Не гулять ужъ съ нимъ по лѣсамъ обнявшись! Не

амурничать! У! срамница! позорница! Умовередный тебѣ мужъ попался! Другой бы тебѣ задалъ маку! Вислуухій дурень, пропасти на тебя нѣту! Няньчи, няньчи Сенькинаго сына за своего роднаго! А ты, слюнявецъ, погоди, я до тебя доберусь! Только бы ты мнѣ попался! Я изъ тебя ноги и руки повыдергаю! Чтобъ васъ полымемъ выжгло, да вихремъ вынесло! Чтобъ вы треснули, какъ лопухъ на огнѣ! Въ гробъ сведуть, обаянные! Ненила! дай ввасу испить! Чтò бѣлки-то показываешь? Чего тутъ стоишь столбомъ? Нѣтъ того, чтобъ матери помочь! Мыкайся за вами, лежнями! Наказаль Господь дѣтками! Гдѣ отецъ?

— Ушли, отвѣчала Ненила густымъ басомъ, которому могъ бы съ основаніемъ позавидовать любой молодой дьяконъ.

(Ненила была чернобровая, бѣлолицая, румяная поповна, благолѣпная, какъ писаная красавица, здоровая, какъ лось и прожорливая, какъ утица. Я разъ самъ тайно наблюдалъ за нею и былъ свидѣтелемъ невѣроятной, такъ сказать, чародѣйской быстроты, съ которой она проглотила три десятка грушъ-скоропѣлокъ, затѣмъ облизалась, впала въ краткое раздумье и пошла въ огородъ, гдѣ объѣла цѣлую гряду гороху; снова облизалась, снова впала въ краткое раздумье, и пошла дергать рѣпу и морковь, и истребивъ цѣлую фартучную полу этихъ даровъ природы, медленными шагами возвратилась въ горницу, сѣла у окна и стала глядѣть въ пространство. На сколько родительница ея отличалась неугомономъ, зоркостью, словохотливостью и крикливостью, на столько же Ненила была сосредоточенна, молчалива и тяжела на подъемъ. Впрочемъ, всякія зрѣлища ее привлекали неотразимо. Завязнетъ козелъ въ заборѣ, вытаскиваютъ корову изъ ямы, палятъ кабана, — Ненила Еремѣвна не полѣнится, придетъ, станетъ и глядитъ. Когда же свадьба или похороны, или гдѣ бранятся, такъ нечего и говорить: Ненила Еремѣвна явится первая и удалится послѣдняя. Едва родительница успѣвала вывести первую свою нотку, ужъ она выходила на крылечко, прислонялась къ дверной притолкѣ и внимательно слушала яростныя проклятія и угрозы).

— Что ты тамъ рываешь? Гдѣ отецъ, спрашиваю?

— Ушли куда-то.

— Носить нелегкая бородатаго чорта! Напоротъсь бѣ тебѣ на рононь! А Настя гдѣ?

— Въ горницѣ, шьеть.

— Ты чего не отвѣчаешь? Не слышишь мать спрашиваетъ? Или тебѣ глотку засадило? Гдѣ ты?

— Я здѣсь, шью, отвѣчалъ голосъ, ласкающій слухъ своей звучностью и мягкостью.

— Что жъ съ разу не отъликаешься? Или ты церкву обокрала? Или душу загубила? Я тебѣ, постой только, языкъ развяжу! Лизавета! Что жъ ты, собака, не уберешь кадки-то къ мѣсту? Или мнѣ тебя поучить пойти? Камень бы тебѣ на шею, да въ воду!

— Куда ее поставить? спрашивала полнолицаая, полногрудая работница Лизавета, домашній многотерпѣливый, отроду не издающій жалобъ, Муцій Спевола.

— Это кто мнѣ здѣсь соломою насорилъ? Прохоръ! Прохоръ! поди сюда, чортовъ сынъ!

Пословица говорить: «и у воробья есть сердце», тѣмъ паче у женщины. Читатель догадывается, что терновское женское населеніе не всегда владѣло своими чувствами и, случалось, всесокрушающей Македонской давали сдачи. Но я никогда не слыхалъ, чтобы моя мать хотя слово отвѣтила на сыпавшіяся на нее обиды. Не только не отвѣчала она самой попадѣ, но даже заочно, когда обидчицу, по мѣстному выраженію, «костили» (что дѣлалось тотчасъ же, какъ только сходилось два или три лица женскаго пола), она никогда не присоединяла своего голоса къ негодующему хору. Даже дома, въ своей семьѣ, когда отецъ начиналъ сѣтовать, она или уходила, или отвлекала его другими разговорами. Она не плакала, не жаловалась и, казалось, спокойно и безропотно покорялась злу, котораго ни избѣжать, ни отворотить не могла. Я только замѣчалъ, что, когда попадьина ярость заставляла ее врасплохъ, и она брала меня за руку и вела домой, то рука ея бывала холодна, какъ ледъ, и слегка трепетала, а губы бѣлѣли и дрожали.

Не взирая на всѣ уязвленія по поводу прежняго жениха, Семена Куца, моя мать открыто вела тѣснѣйшую и неразрывную пріязнь съ его сестрой, Ульяной.

Я помню, какъ вспыхивали ея глаза радостью, и какъ оживлялось лицо, когда появлялась эта Ульяна, строгостью и красотой чертъ, величіемъ осанки, напоминавшая язмычскую богиню Юнону, но ласковостью голоса и прिवѣтливостью улыбки, пробуждавшая во мнѣ самое тихое удовольствіе при встрѣчѣ.

Нѣсколько разъ въ году на попадью вдругъ находило отменно-пріятное расположеніе духа: она съ привѣтливостью спрашивала о вашемъ здоровьѣ, съ родственнымъ участіемъ осведмлялась о вашихъ дѣлахъ, любезно шутила, доврчиво повѣряла свои мысли, планы и предпріятія, предлагала разныя мелкія, но важныя въ убогомъ хозяйствѣ, услуги, настоятельно

звала на пирогъ или на чай, однимъ словомъ, дѣлалась столь доброю, что, по терновской пословицѣ, ее хоть до раны прикладывай. Въ подобныхъ случаяхъ, кроткій отецъ мой всегда первый довѣрялся этому ненадежному ведру, и возвращаясь домой послѣ поадына пирога или чаю, съ торжествомъ говорилъ матери, что вотъ, наконецъ, всякая распря окончена и настала миръ; причемъ сначала намекала издалека, а потомъ откровенно совѣтовала матери забыть старыя обиды и посѣтить обновишующуюся духомъ Барвару Іосифовну. Но мать никогда не переступала порога дома Македонскихъ, отвѣчала на всѣ заискивающія рѣчи и дѣйствія кратко и сдержанно, не принимала никакихъ услугъ, и даже умѣла отклонять тѣ, которыя принималъ отецъ. Отдговскія перемирія и посѣщенія ее, повидимому, не смущали; она, по поводу ихъ, не высказывала ни гнѣва, ни печали; но когда разъ я, оболщенный коржами съ медомъ, провелъ нѣкоторое время въ поповомъ жилищѣ, то, возвратясь, засталъ ее въ неопisanномъ волненіи. Схвативъ меня въ объятія и крѣпко прижавъ къ груди дрожащими руками, она сказала:

— Сердце мое! никогда не ходи туда!

Она ничего больше не прибавила, но эти простыя слова такъ сильно потрясли меня, что съ той поры ничто не властно было заманить меня даже къ попову крылечку.

Подобное поведеніе, конечно, не проходило безнаказанно ни матери, ни мнѣ.

— Гдѣ ей съ добрыми людьми знаться! кричала поадыя.— Ей со свиньями въ пору водиться! Мы ей не принесемъ вѣсточку объ милѣ дружкѣ, такъ съ нами она и рѣчей не находитъ! Какое сударикъ слово пересказывалъ? Небось жаловался: «ручки молю, отъ вандаловъ болятъ!» Очень я тобой нуждаюсь, смитѣ ты подворотное! Наплевать мнѣ, да ногой растереть твое все знакомство! Пусть только твой сморкачъ зайдетъ въ мой дворъ, я ему голову сверну!

Но «сморкачъ» (т.-е., авторъ этихъ записокъ) не только не заходилъ болѣе во дворъ, а даже при встрѣчахъ въ мѣстахъ нейтральныхъ проворно бросался въ сторону, стараясь гдѣ попало укрыться отъ взоровъ свирѣпаго неприятели.

Отецъ, хотя совѣтовалъ не отвергать случаевъ примириться съ поадыею, однако не только не настаивалъ на этомъ, какъ глава семейства, но даже не просилъ. Онъ обращался съ матерью чрезвычайно ласково, почтительно, и даже нѣсколько робко. Она, съ своей стороны, была всегда равна и кротка, внимательна къ его нуждамъ и удовольствіямъ. Отроду у насъ

дома не слыхалъ я спору, не видалъ ссоры; жизнь текла мирно и согласно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ было не весело. Не было того волшебного-живащаго луча любви, который столь чудесный свѣтъ бросаетъ на самую мрачнѣйшую обстановку жизни. Я, по дѣтскому несмыслию, конечно, этого не разумѣлъ, но смутно чувствовалъ.

Отецъ ласкалъ меня безмѣрно, и какъ умѣлъ баловалъ, но я самыми нѣжными его ласками, самыми заманчивыми его баловствами и въ половину не такъ дорожилъ, какъ единымъ простымъ словомъ матери.

У дѣтей есть инстинктъ, помогающій имъ безошибочно угадывать, на кого они могутъ положиться. Я охотно бѣжалъ съ отцомъ на рыбную ловлю, въ поле ловить перепеловъ, съ большимъ интересомъ бесѣдовалъ съ нимъ о различныхъ ежедневныхъ дѣлахъ, но чуть являлась у меня тревога посильнѣе, огорченіе поглубже, я спѣшилъ къ матери. Были тысячи простыхъ въ сущности и неголоволомныхъ вещей, о которыхъ у меня отроду не являлось желанія его спрашивать, между тѣмъ, какъ съ матерью я велъ о нихъ длинныя рѣчи.

Въ ту пору, съ которой начинаю я свои записки, какъ очевидно, въ Тернахъ случилось три происшествія. Первое, и въ то время по дѣтскому несмыслию для меня самое важное, было пріобрѣтеніе отцомъ рыженъкаго жеребенка съ лысиной, нареченнаго мною «Головастякомъ» за несоразмѣрно большую голову. Второе — смерть нашего дьячка, почти незнакомаго мнѣ человѣка; пожаръ, въ которомъ заподозрѣнъ былъ Семень Кущъ, спалилъ до тла его жилище, и онъ жилъ на концѣ села, у своего пріятеля и кума, пчеловода Захарченка; къ тому же, какъ человѣкъ больной и слабый, онъ рѣдко показывался даже и въ церкви. Третье—появленіе на мѣсто умершаго новаго дьячка, по имени Сафронія, саженаго молодца съ черными, сросшимися бровями, сокольими очами, пышно вьющимися, черными волосами и бороною, благозвучнымъ голосомъ и кроткой, отрывистой рѣчью.

Сафроній пріятно поразилъ меня всей своей осанкой, когда я черезъ заборъ наблюдалъ, какъ онъ входилъ въ поповъ дворъ.

Первая встрѣтила его Ненила и принялась глядѣть на него въ упоръ, затѣмъ явилась попадья изъ огорода.

— Ты у меня гляди, веди себя честно, сказала попадья.—Не пьянствуй.

Сафроній безмолвствовалъ.

— У насъ этого не позволяется. Ужь теперь такія времена

настали, что ни у кого стыда, ни совѣсти нѣту и всякій ведетъ себя, какъ самый послѣдній поросенокъ... Что жъ ты молчишь?

Вопросъ этотъ былъ уже сдѣланъ съ изряднымъ раздраженіемъ.

— На свѣтѣ, точно, много поросятъ, отвѣтилъ Сафроній.

— Ну, это не твое дѣло судить, ты знай за собой гляди! Только бы я замѣтила какія штуки за тобою...

Въ эту минуту я вдругъ почувствовалъ на правой своей щекѣ горячее дыханіе, съ ужасомъ обернулся и увидалъ около себя попову Настю, запыхавшуюся, розовую, какъ заря утренная. Слегка отодвинувъ меня отъ отверстія въ плетнѣ, она припала къ нему и нѣсколько времени оставалась неподвижна. Удовлетворивъ достаточно любопытство, она обратила на меня свои лучистые, веселые каріе глаза и съ живостью шепнула:

— Видѣлъ, какой богатырь?

— Видѣлъ, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ колебаніемъ, зная, что ко мнѣ обращается лицо изъ непріятельскаго лагеря, но въ то же время, плѣняясь противъ воли этимъ лицомъ и чувствуя къ нему непреодолимое влеченіе.

— Ты знаешь, онъ съ собой ружье привезъ, я сама видѣла! Я была въ лѣсу, а онъ какъ разъ мимо меня проѣхалъ, и ружье лежало около него,—длинное—длинное ружье! Возьметъ, прицѣлится—пафъ, и Тимошу карачунъ!

При словѣ пафъ! она легонько кольнула меня перстами подъ бока и подъ мышки; я содрогнулся, и хотя невольно взвизгнулъ, но почувствовалъ не досаду, а удовольствіе и отворотилъ лицо, чтобы скрыть несдержанную улыбку.

— Тимошъ! спросила она:—ты чего меня боишься?

Я смутился.

— Ты меня не бойся, Тимошъ! сказала она убѣдительно.— Поцалуй меня,—ну?

Она подставила губы свои, свѣжія какъ лѣсная земляника.

Я сомнѣвался, но все-таки напечатлѣлъ на нихъ робкій поцалуй.

— А вдругъ я тебя укушу, а?

И она звонко щелкнула своими бѣлыми, сверкающими зубами.

Я желалъ сохранить хладнокровіе, но не возмогъ и засмѣлся.

— Ну, поцалуй еще!

Я проворно исполнилъ.

— Ну, давай вмѣстѣ глядѣть!

Мы вмѣстѣ припали къ плетню и стали глядѣть на Сафронія, стоявшаго все въ той же позѣ, съ шапкой въ рукахъ и съ тѣмъ же, нѣсколько угрюмымъ, видомъ.

— У! вотъ бука-то! шепнула Настя.

— Бука! отвѣтилъ я.

— Чтò это ты за *незнайка* и за *несмѣйка* такой! говорила попадья съ большимъ уже раздраженіемъ.—Вѣдь ты жь сколько лѣтъ жилъ съ ними божь д-божь!

— Я не любопытенъ, такъ не глядѣлъ и не слушалъ, отвѣчалъ Сафроній.

Тутъ отецъ Еремѣи показался на крыльцѣ, благословилъ новоприбывшаго, принялъ отъ него письмо, прочелъ и спросилъ:

— Чтò-жь, отецъ Иванъ теперъ совсѣмъ поправился въ здорьвѣ?

— Поправился, отвѣчалъ Сафроній.

До сей поры, образъ отца Еремѣя, хотя и знакомый мнѣ ко-рошо, какъ-то исчезалъ у меня за другими лицами. Если онъ иногда и рисовался моему воображенію, то не иначе, какъ на заднемъ планѣ, и самыми отличительными чертами его особы представлялись мнѣ поясъ, шитый яркими гарусами, и широко-рукавная ряса, или же парчевая риза. Я впервые пристально взглянулъ на него сквозь плетень и долго не могъ оторвать глазъ. Ничего строгаго, суроваго не было въ благообразномъ его лицѣ; въ немъ даже выражалась приличествующая духовному пастырю кротость; онъ, какъ и прочіе церковнослужители, имѣлъ привычку поглаживать свою широкую, густую, темную, какъ бы спрыснутую серебромъ, бороду, и откидывать длинныя космы назадъ, потирать руки и набожно поднимать глаза къ небу; въ обращеніи онъ былъ мягокъ, въ словахъ привѣтливъ, улыбками изобилентъ; все это я видѣлъ и зналъ и прежде, но какъ бы въ туманѣ, а тутъ словно сдернули пелену и меня вдругъ поразила неподозрѣваемая до того яркость красокъ. Тотъ же отецъ Еремѣи былъ предо мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ другой, котораго я началъ съ этой поры бояться больше, чѣмъ самую его свирѣпую супругу.

— Ну, ты теперъ отдохни, сказалъ отецъ Еремѣи.

— Гдѣ мнѣ жить опредѣлите? спросилъ Сафроній.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда! Ты знаешь, тутъ у насъ пожаръ случился...

— Гдѣ эта Настя запропастилась? Куда ее носить? раздался голосъ попадья.

Мы оба отскочили отъ плетня.

— Ну, прощай! сказала мнѣ Настя. — Не бойся жь меня, слышишь? Не будешь?

— Не буду! отвѣчала я ей.

Но она, вѣроятно, уже не слышала моего отвѣта, скользнула въ конопли и пропала въ ихъ густой зелени.

III.

Сафроній выдвигается.

Новоприбывшій Сафроній сильно занялъ всѣ умы и сдѣлался, такъ сказать, героемъ селенія. Какъ передъ новокупленнымъ конемъ махаютъ красными лоскутьями, наблюдая, какъ онъ отпрянетъ назадъ, взовьется ли на дыбы или шарахнетъ въ сторону, такъ и его испытывали рѣчами и дѣйствіями.

Испытанія эти онъ выдержалъ удовлетворительно и только гѣмъ не пришелся по нраву, кто предпочитаетъ, вслѣдствіе личнаго вкуса или особыхъ обстоятельствъ, толстокопытую смиренную клячу гордому, быстрому, кипучему сыну степей. Хотя онъ еще и не закусывалъ удила, но прыть и ретивость сказывались достаточно въ живости блистающихъ взоровъ, скорой походкѣ, звукахъ мощнаго голоса, выразительности и силѣ слова, а иногда въ нетерпѣливомъ подергиваньи крѣпкихъ плечей.

На другой день своего приѣзда. Сафроній пришелъ къ намъ, и поучительно было видѣть, съ какою легкостію, въ одно мгновеніе она, онъ взялъ моего отца въ руки и сталъ, какъ говорится, вить изъ него веревку.

Случилось это, полагаю, безъ всякаго преднамѣреннаго коварства и умысла со стороны Сафронія. По крайнему моему разумѣнію, подобное подчиненіе слабѣйшаго сильнѣйшему такъ же неизбежно должно совершиться, какъ гибель мухи, поавшей въ миску со сметаню: безъ борьбы, по самовольному вкусу и непреодолимому влеченію.

Послѣ первыхъ привѣтствій, отецъ спросилъ:

— Ты давно ли овдовѣлъ?

— Два года.

— Молодая жена была?

— Молодая.

— Э-э! такова-то жизньъ наша человѣческая! Злакъ полей — больше ничего!

Сафроній кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Больше ничего! повторилъ отецъ со вздохомъ. — А вы съ ней хорошо жили?

— Хорошо.

— Ну, что-жь дѣлать! Воля господня. Онъ далъ, онъ и взялъ! Ты не унывай. Господь испытываетъ, кого любить, внушительно сказалъ отецъ, облокотясь своими тонкими, малосильными руками на столъ и глядя слабыми, тусклыми глазами на пышущаго здоровьемъ и мощію гостя. — Вотъ ты, богъ дастъ, устроишься, заведешь себѣ огородъ... Вотъ ты пока примись, да его оплети, а то заборъ-то совсѣмъ повалился. Покойникъ Данила слабъ былъ, ни на какія работы не способенъ, ну и все пришло въ запустѣнье, а ты теперь...

— Я прежде всего хочу себѣ хижку поставить, сказалъ Сафроній.

— Что? спросилъ отецъ съ изумленіемъ.

— Хижку поставить. Жить негдѣ.

— Отецъ Еремѣй приказалъ тебѣ съ пономаремъ жить.

— На что-жь мнѣ съ пономаремъ жить. Пономарь самъ по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Что-жь тебѣ пономарь не по праву, что ли?

— Отчего не по праву: пономарь, какъ пономарь.

— Такъ чего жъ ты жить ешь нимъ сомнѣваешься?

— А слыжали вы, отецъ дьяконъ, приказку, какъ ешь въ раю въ гостяхъ былъ? Выжилъ годъ да и ушелъ подъ лопухъ: нѣтъ, говорить, лучше, какъ подъ своимъ лопухомъ, — хочу въ клубокъ свернусь, хочу лапки протяну!

Отецъ засмѣялся. Я даже замѣтилъ, что мать, смѣвшая поодаль отъ нихъ за работою, слегка улыбнулась и послѣ этого нѣсколько разъ гляннула на гостя съ удовольствіемъ.

— Что правда, то правда, сказалъ отецъ. — Да что-жь подѣлаешь? По одежкѣ протягивай ножки: коли есть гдѣ, во всю длину, а негдѣ подожди.

— Я своихъ не вытягиваю, куда не надо. Есть дьячковское положеніе *, — я только того и хочу. Отдай онъ мнѣ мой — сборъ и конецъ! Съ этимъ дѣломъ надо поспѣшить, пора теперь самая для построекъ: сухо, тепло.

— Ну, ужъ этого я не знаю! сказалъ отецъ, опуская глаза въ землю, потирая руки и притворно впадая въ задумчивость, что всегда бывало у него признакомъ смущенія и тревоги. — Не знаю, не знаю...

— Сборъ собрали сейчасъ же послѣ пожара, стало быть...

* При пожарѣ или внезапно постигшемъ несчастіи въ нашихъ краяхъ существуетъ обычай, имѣющій всю силу закона, *сбираемъ сборъ* для духовныхъ лицъ и-для церковнаго причта, какъ монетомъ, такъ и натуромъ.

— Не знаю! Не знаю! нѣсколько поспѣшно, но съ той же задумчивостью повторялъ отецъ.

— Вы напрасно, отецъ дьяконъ, опасаетесь со мной объ этомъ говорить, сказалъ Сафроній.

Отецъ встрепенулся, какъ подстрѣленный; задумчивость слетѣла съ него, какъ спуганная птица.

— Не мое дѣло! проговорилъ онъ въ тревогѣ. — Не мое дѣло! Я тутъ ни при чемъ!

— Это-то и худо, что всё мы такъ: «не мое дѣло», да «я тутъ ни при чемъ». Ну, да я запою таки пѣсню, хоть и подголосковъ не будетъ.

— Что-жъ ты затѣваешь? Смотри, ты не супротивничай: зайтѣ! Гдѣ намъ, червямъ, на вороньевъ ходить! Лучше ты сиди смирно, вотъ тебѣ мой совѣтъ. Такъ смирно сиди, чтобы ни-ни-водой не замутишь!

— Я своего не уступлю.

— Эй, не связывайся! Истинно тебѣ говорю не связывайся! Вотъ я живу, угождаю имъ, какъ лихой болѣсти, да и то бѣда. А молчу — еле дышу...

— Какая жъ вамъ корысть, что вы еле дышите? Ужъ коли все одно волкъ козу обдереть, такъ лучше козѣ въ волю по лѣсу наскочаться.

— Эхъ, человекъ ты буйный! Послушайся ты меня! Ну, хоть пообожди маленько, отложи до поры, до времени.

— Отеладывать не годится.

— Ну, жаль мнѣ тебя! Ты знаешь ли, какой онъ человекъ? Изъ воды сухъ выдетъ! Я вижу, ты парень добрый, — меня не выдашь?

— Никого не выдаю.

— Ну, такъ я скажу тебѣ, что весь этотъ сборъ ухнулъ — понимаешь? Тогда послѣ пожара собрали, я знаю, тридцать рублей, и лѣсу привезли на срубъ, и соломы на крышу, все, какъ слѣдуетъ, и все ухнуло — понимаешь? Поставилъ себѣ новый анбаръ, пристроилъ горницу... Теперь только сунься къ нему, спроси — ухъ!

— Я ужъ спрашивалъ.

Отецъ подпрыгнулъ, какъ подкинутый искусной рукою мячъ.

— Что-жъ онъ?

— А, да! говорить. Обожди, теперь времени у меня нѣтъ. А я ему: только прошу васъ покорно, батюшка, не задерживайте долго, потому время теперь сухое — хорошо строиться.

— Что-жъ онъ?

— Хорошо, хорошо! говорить.

— И виду не показаль?

— Какъ вьюнъ ни хитёръ, а посоли его, такъ завертится. И этотъ покрутился, а, впрочемъ, благодушень и милостивъ распрощался.

— А она?

— Да она пустяки! Сычется, какъ оса въ глаза и все тутъ.

— Онъ тебя теперь водить станетъ, увидишь! Ужь я его знаю. Пообщаетъ все, а потомъ нынче да завтра, нынче да завтра... Вотъ покойный Данила такъ и въ гробъ сошелъ, ничего не дождался. Увертливъ, какъ блоха!

— И блоху случается ловять.

— Ну, а я тебѣ во всемъ помогать буду! сказалъ отецъ, вдругъ приободряясь. — Такъ на меня и положиись!

Будучи несмышленнымъ отрокомъ, я не могъ наблюдать съ должной тонкостью развитіе событій, но отъ меня не укрылось всеобщее смятеніе и чаяніе чего-то необыкновеннаго. Отецъ, долготѣ постоянно погруженный въ хозяйственныя занятія, а часы отдыха посвящавшій уженью рыбы, ловлѣ птицъ или сну, вдругъ сдѣлался непосѣдливъ, какъ молодой котенокъ, запустилъ хозяйство, при малѣйшемъ шумѣ выскакивалъ изъ дому, и вообще волновался, какъ хлябь морская.

— Ты какъ полагаешь? Что думаешь? часто спрашивалъ онъ мать, съ томленьемъ обращая на нее взоры.

— Не знаю, отвѣчала мать съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ и какъ бы отрѣшеніемъ отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ.

Но мнѣ казалось, что и она не совсѣмъ была равнодушна къ готовящейся драмѣ. Она теперь прислушивалась внимательно къ рѣчамъ отца, при его появленіи домой, бросала на него испытующіе взгляды и замѣтно стала оживленнѣе.

Пономарь, въ мирное время посѣщавшій насъ только въ торжественные праздники, или являвшійся попросить какого хозяйственнаго орудія, началъ теперь часто прокрадываться къ намъ, какъ тать, бурьянами, ползкомъ и, остановясь подъ окошечкомъ, выходящимъ на коношанникъ, подолгу шептался съ отцомъ.

Даже всѣхъ поселянъ и поселянокъ поглощала разыгрывавшаяся борьба. Гдѣ бы и кого бы ни встрѣчалъ я вдвоемъ или втроемъ, я непременно слышалъ то или другое характеристичное замѣчаніе по поводу отца Еремѣя или Сафронія.

— Ты погоди, говорилъ одинъ, дай срокъ: онъ его въ бараній рогъ согнетъ, даромъ что онъ на солнце не моргаетъ— глядитъ! Ты вспомни Семена Куца!

— Ну, этотъ, пожалуй, что и Семена за поясъ заткнетъ, возражалъ другой.

— Да что онъ! говорила женская партія. — Она всему злу причина! Коли бъ вотъ ее проучить!

— Проучить и ее! уповали другія.

Между тѣмъ герой Сафроній велъ себя отъѣнно политично, но неуловно. Каждодневно появлялся онъ у крыльца отца Еремѣя и, неуязвимый проклятіями попадаи (впрочемъ, она въ отношеніи Сафронія являла нѣкоторую сдержанность и по большей части проклинала его въ третьемъ лицѣ и скрывшись въ покои), терпѣливо ждалъ возможности увидаться. Такъ-какъ ему приходилось иногда ждать долгое время, то онъ сталъ приносить съ собою нити и челнокъ, и, умѣстившись въ сторонкѣ, у воротъ плелъ неводъ, вознаграждая такимъ образомъ, на сколько позволяли обстоятельства, потерю времени. Разговоры его съ отцомъ Еремѣемъ бывали умѣренные, тихіе, но, глядя на отца Еремѣя, мнѣ невольно приходило на память сдѣланное Сафроніемъ замѣчаніе о посоленномъ вьюнѣ. Не взирая на видимую ясность духа, можно было уловить кипѣніе мятежныхъ чувствъ, волновавшихъ его грудь.

Однажды, замѣтивъ, что отецъ, въ крайне возбужденномъ состояніи, прислѣлъ въ коноцянникѣ, примыкавшемъ къ поповому двору, что къ отцу присоединился вскорѣ проправшійся пономарь, и что даже мать моя съ интересомъ многократно всходила на всегда-ею избѣгаемый холмикъ около нашего курятника, откуда было видно попово крыльцо, я сообразилъ приближеніе какой-то катастрофы и поспѣшилъ обезпечить себѣ наслаженіе присутствовать при разраженіи грозы. Проскользнувъ мимо незамѣтившихъ меня отца и пономара, я пробрался къ тому пункту, откуда, вмѣстѣ съ Настей, наблюдалъ первое свиданіе Сафронія и попадаи. Такъ-какъ во всѣхъ случаяхъ, касающихся непріятельскаго лагеря, я всегда притекалъ къ этому пункту наблюденія, то здѣсь постепенно заведены были мною нѣкоторыя улучшенія: истреблена жигучая крапива, сложенъ изъ кирпичей столбикъ, на которомъ можно было присѣсть, и пр. тому подобное. Пріютившись подъ гостепріимной сѣнью широкихъ лопуховъ, я припалъ къ отверстию въ плетнѣ.

Отецъ Еремѣя сидѣлъ на своемъ крыльцѣ, на скамьѣ въ углу, одной рукой облокотясь на перила, другою поглаживая бороду; у крыльца стоялъ Сафроній съ шапкой въ рукахъ; у дверей прислонилась Ненила, внимательно слушая и глядя въ упоръ на Сафронія; изъ окна появлялась то и дѣло медузоподобная голова попадаи.

— Какой ты докучный человек! говорил отец Еремѣй съ выразительнымъ, но благодушнымъ укоромъ. — Вѣдь другой бы на моемъ мѣстѣ давно бы тебя отучилъ отъ этого!

— Не охота моя докучать, да приходится, отвѣчалъ почти-тельнымъ, хотя неровнымъ голосомъ Сафроній. — Пожалуйте мнѣ сборъ, и докуки не будетъ.

— Чтò это ты все мнѣ про сборъ толкуешь! Я ужь сказала разъ: обожди, не сомнѣвайся, я тебя не оставлю. На меня еще никто не жаловался, а всѣ, кого знаю, бывали благодарны. Я, Сафроній, много на вѣку нужды и горя приняла, а терпѣла все со смиреніемъ и, влады земные поклоны, повторяла: Господи! да будетъ воля твоя! За то Творецъ милосердный и исцѣлилъ язвы мои: живу теперь хотя скудно, но душу свою пропитать могу и тѣмъ доволенъ. Не ропщу ни на кого. За зло воздаю добромъ. Я, какъ духовный отецъ и наставникъ, говорю тебѣ: истребляя въ сердцѣ своемъ строптивость, злобу, гордость. Человекъ гордый, что пузырь водный: вскочить и нѣтъ его! живи со всѣми, не только со старшими, но и съ равными, и съ низшими, въ любви и согласіи. И низшій можетъ ужалить тебя. Равный вступить въ бѣдѣ, и хорошо если ты одолѣешь его, а если онъ тебя сокрушитъ? Вышнему же отъ самаго Господа дана власть надъ тобой и ты въ его рукахъ...

— Батюшка, скажите, вы значить мнѣ не дадите сбора? перебилъ Сафроній.

Я видѣла его лицо въ профиль, но и по профилю угадывала, что оно должно было выражать сдерживаемый гнѣвъ.

— Да ты опять за сборъ! Я, ты полагаешь, сколько на покойнаго Данила пролечилъ? Вотъ, погоди, я посчитаю на дняхъ...

— Нѣтъ, ужь я не буду этого счета дожидать. Я завтра пойду.

— Куда пойдешь?

— Откуда пришелъ. Прощайте.

Съ этими словами Сафроній поклонился отцу Еремѣю и быстрыми шагами вышелъ изъ его двора.

Нѣсколько минутъ отецъ Еремѣй оставался какъ бы пораженный громомъ, потомъ всталъ, прошелся по крылечку, поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы желая повѣрить все ли попрежнему въ окружающей его природѣ, и снова сѣлъ на лавку.

— Ушелъ? вполголоса спросила попадья, высовываясь изъ дверей.

— Ушелъ, отвѣчала Ненила.

— Самъ виноватъ! начала попадья, возвышая голосъ и обра-

щаяся къ отцу Еремѣю: — его бѣ, душегубца, съ перваго раза хорошенько проучить, а ты ему изъ священнаго писанья! Нѣтъ у тебя толку на грошъ, а борода съ лопату! Хоть бы ужъ мнѣ не мѣшала, безмозглый ты человѣкъ! Хоть бы ужъ...

Отецъ Еремѣй вдругъ быстро всталъ, двинулся къ дверямъ и сказалъ:

— Замолчи и не мѣшайся! Иди!

Я не могъ наблюдать, какой видъ представила попадья, но вдругъ наступившая тишина наполнила мое сердце страхомъ; замирая, я ожидалъ услышать пронзительнѣйшій вопль и затѣмъ насладиться зрѣлищемъ непримѣрнаго буйства и ярости.

Но тишина была мертвая.

Отецъ Еремѣй снова прошелся по крылечку и, обратясь къ прислоненной у притолки Ненилѣ, сказалъ:

— Чего ты тутъ стоишь? Иди, дѣлай свое дѣло!

Ненила скрылась.

Отецъ Еремѣй снова началъ ходить по крылечку. Я старался уловить выраженіе его лица, но не могъ этого сдѣлать. Мнѣ казалось, что онъ какъ бы изумленъ и недоумѣваетъ. Онъ по временамъ останавливался, глядѣлъ по сторонамъ и снова принимался ходить.

Между тѣмъ вечернія тѣни сгущались; скоро темнота обвила фигуру отца Еремѣя. Я только по скрипу его сапоговъ угадывалъ, что онъ все еще ходитъ, пріостанавливается и снова начинаетъ ходить. Попадья не показывалась; въ домѣ царило гробовое спокойствіе.

Волнуемый предчувствіемъ какого-то важнаго событія и теряясь въ догадкахъ, я возвратился домой, гдѣ засталъ пономаря.

При моемъ появленіи, отецъ ахнулъ, пономарь вскочилъ съ мѣста, мать вздрогнула, но узнавъ меня успокоились.

Пономарь плюнулъ и сказалъ:

— Тьфу! мнѣ представилось, что это самъ пожаловалъ!

Я старался изъ ихъ разговоровъ заключить что-нибудь опредѣлительное, но не могъ: отецъ и пономарь сидѣли погруженные въ уныніе, облегчали себя частыми вздохами и перекидывались краткими возгласами о горечи жизни и о несправедливости судьбы. Мать, по своему обычаю, сидѣла поодаль, за работою, въ молчаніи.

Утомленный бесполезнымъ напряженіемъ ума и слуха, я незамѣтно поддался дремотѣ, очнулся при словахъ матери: «види, ложись», поспѣшно сбросилъ съ себя одежды, уловилъ, но уже одолаваемый сномъ, любимое восклицаніе пономаря: «эхъ

жизнь-жизнь! встанешь, да за выть!» и, допавъ головой до подушки, мгновенно забылъ всѣ смуты и тревоги житейскія.

На утро меня пробудилъ торопливый шопоть отца и пономаря и, не успѣвъ еще отряхнуть съ себя ночныхъ грѣзъ, я уже угадалъ, по преобразеннымъ ихъ лицамъ, что произошло нѣчто утѣшительное. Глаза матери тоже оживлены были удовольствіемъ.

Я незамедлилъ удостовѣриться, что Сафроній получилъ отъ отца Еремѣя желаемый сборъ.

То было первое видѣнное мною торжество надъ угнетавшею насъ властію, и ввухеніе его было невыразимо сладко. Не только Сафроній безмѣрно возвысился въ моихъ глазахъ, но я и самого себя почувствовалъ бодрѣе, воинственнѣе и самоувѣреннѣе. Не ясно, но я уже почувалъ, что не все можетъ прихоть сильнаго и что многое зависитъ отъ нашего собственнаго мужества и твердости.

Нѣсколько разъ пономарь повторялъ свой драматическій рассказъ, и я всякій разъ слушалъ его съ живѣйшимъ наслажденіемъ.

— Только солнышко показывается, только я глаза продралъ, говорилъ пономарь: — а онъ и шастъ ко мнѣ! — Гдѣ, говоритъ, Сафроній? — А самъ желтый — желтый, какъ пулавка *. — Не знаю, говорю, батюшка; не ушелъ ли, — онъ вчера собрался: чѣмъ свѣтъ, говоритъ уйду. — Сафроній-то пошелъ на село хлѣба купить, только я въ этомъ не признался, понимаете...

— Какъ только я ему сказалъ, что Сафроній ушелъ, онъ такъ и почернѣлъ, какъ земля! — Сейчасъ, говоритъ, чтобы онъ здѣсь былъ! Мнѣ его надо, я ему деньги принесъ! Самъ какъ скрежетнетъ на меня! У меня ажъ въ пятки закололо! А тутъ Сафроній на порогъ, совсѣмъ готовый въ путь — и котомочка на плечѣ. — Вотъ, говорю, тебя батюшка спрашиваетъ. А онъ этакъ усмѣхнулся, и говоритъ Сафронію:

— Чтѣ это ты, Сафроній! то покою не даешь, а то бѣгаешь. На, вотъ тебѣ деньги. Перестань горевать и стройся. Коли чего еще не будетъ ставать, такъ добрые люди опять помогутъ. И подалъ Сафронію кошель. А Сафроній это взялъ, сейчасъ пересчиталъ, поклонился ему и поблагодарилъ... Ну! видаль я види, а такого еще не приводилось!

Душа моя рвалась насладиться лицебрѣніемъ несравненнаго побѣдителя. Я повиновался душевному влеченію и скоро нашелъ Сафронія у лѣсной опушки, гдѣ онъ варилъ въ котелкѣ кулешъ.

* Пулавка — цвѣтокъ прекраснаго желтаго цвѣта.

Надо полагать, что, несмотря на робость и дикость, восторгъ мой и сочувствіе пробивались довольно ясно, ибо Сафроній, глянувъ на меня раза два, три, кивнулъ мнѣ головою и сказалъ:

— Подходи, мальчуганъ! Садись кулешь хлебать.

Отъ столь неожиданной чести свѣтъ нѣсколько помрачился у меня въ очахъ. Однако я приблизился.

— Вотъ тебѣ ложка, сказалъ Сафроній: — а я ужъ буду черпачкомъ.

Въ волненіи я хватилъ полную ложку горячаго кулешу и обварилъ такъ ротъ, что лѣсъ, Сафроній, небо и земля завертѣлись у меня въ глазахъ и запрыгали. Я мужественно перенесъ, но не успѣлъ скрыть страданія.

— Эхъ, угораздило молодца! сказалъ Сафроній. — Набери поскорѣй воды въ ротъ!

Холодная вода произвела благотворное дѣйствіе, и хотя я не могъ уже ѣсть кулеша, но боль утихла.

— Ты вѣдь дьяконскій? спросилъ меня Сафроній.

— Дьяконскій, отвѣтилъ я.

Затѣмъ разговоръ у насъ перешелъ на уженье рыбы, ловлю перепеловъ и т. п. Онъ спросилъ, точно ли много волковъ въ лѣсу и случалось ли встрѣчать ихъ, на что я ему отвѣтилъ, что волковъ много, но что мнѣ не случалось ихъ встрѣчать.

— А вотъ коли желаешь, такъ пойдемъ когда-нибудь за нами на охоту, сказалъ Сафроній.

Я на нѣсколько секундъ замеръ отъ удовольствія.

Затѣмъ онъ началъ мнѣ рассказывать о разныхъ способахъ охоты за волками.

Забывъ весь міръ, я наслаждался бесѣдою моего героя и вѣроятно даже самый часъ обѣденный пролетѣлъ бы для меня незамѣтенъ, еслибы не начали то и дѣло появляться люди, преимущественно лица женскаго пола. У всѣхъ на языкахъ одинъ вопросъ

— А что правда? Отдалъ сборъ?

На что Сафроній, не вдаваясь въ подробности, отвѣчалъ однимъ словомъ: получилъ.

— А я тебѣ топоръ и весь инструментъ добылъ, сказалъ подкрившійся по своему обычаю, какъ тать, пономарь, внезапно появившійся изъ-за вустовъ. — Нечего тебѣ и въ городъ теперь ѣздить.

— Спасибо. Гдѣ жъ они?

— А я ихъ тамъ, поблизу припряталъ. Знаешь, чтобъ не пало подозрѣніе, что я тебѣ помогаю, — понимаешь?

Онъ исчезъ въ кустахъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ снова появился уже съ топоромъ и мѣшкомъ, заключающимъ плотничьи инструменты.

— Гляди, хороши ли?

Сафроній все оглядѣлъ и остался повидимому доволенъ.

— Спасибо, сказалъ онъ.—А цѣна кака?

— Какъ я тебѣ говорилъ.

— Хорошо. Когда жъ онъ придетъ?

— Завтра утречкомъ. Нынче некогда.

— Значить, я сейчасъ въ Великіе Верхи колье тесать. Какъ туда дорога?

Сердце у меня забилось.

— Коли хотите, я васъ туда проведу, проговорилъ я.

— Спасибо, проведи, благосклонно отвѣтилъ Сафроній.—Постой, только вотъ инструменты приберу да веревку возьму.

— Ты только смотри, мальчуганка! сказалъ мнѣ пономарь:— знаешь, что клеветникамъ на томъ свѣтѣ бываетъ? Ну, то-то!

Мы съ Сафроніемъ направились къ Великимъ Верхамъ. Я, гордый и счастливый, указывалъ путь.

Не доходя до Великихъ Верховъ мы встрѣтили Ненилу съ полной чашкой малины въ рукахъ; посоловѣлые глаза и алый ободокъ около устъ свидѣтельствовали о томъ, что она досыта наплатала свою душу сладкою ягодою. Она, не замѣтивъ насъ, прошла мимо. Затѣмъ слухъ нашъ поразилъ шумъ быстро раздвигаемыхъ вѣтвей, звонкое пѣніе, и показала изъ-за зеленыхъ вущъ Настя. Она очутилась съ нами лицомъ къ лицу, вздрогнула, ярко вспыхнула; пѣніе, еще повторяемое отголосками гѣса, замерло на ея устахъ и нѣсколько ягодь малины выпало изъ чашки.

Сафроній ей поклонился и въ отвѣтъ получилъ такой же поклонъ. Она опередила отяжелѣвшую сестру и скрылась.

Послѣ памятныхъ для меня разговора и поцалуевъ подъ поповымъ плетнемъ, Настя всегда при встрѣчѣ дарила меня улыбкой и веселымъ взглядомъ, а иногда ласковымъ словомъ. Теперь ни слова, ни улыбки, ни взгляда.

Это была тучка, и изрядно темная, омрачившая мое ясное небо.

— Она вѣрно расседилась, затѣмъ я кожу съ Сафроніемъ! подумалъ я съ грустію.

IV.

Праздникъ пасхи и невѣстовство Сафронія.

Сафроній выказалъ неописанную ревность и неутомимость въ работѣ. Съ зари утренней и до звѣзды вечерней онъ не

знать отдыха. Онъ самъ плотничалъ, оплеталъ плетнемъ огородъ, копалъ гряды, сѣялъ, и все, за что онъ ни брался, творилось какъ бы по волшебству: быстро и удачно. Видимо гнушаясь обременять поселянъ просьбами о помощи, какъ обыкновенно дѣлаетъ церковный причетъ, онъ, если случалось ему одолжаться, немедленно платилъ за это одолженіе не общаніемъ вознести молитву ко Всевышнему, а трудами рукъ своихъ, т.-е. помогалъ одолжившему его лицу возить хлѣбъ съ поля, или косить, или молотить.

«Хижна» его, не взирая на разныя помѣхи и докуки, быстро отстроивалась и служила предметомъ удивленія и удовольствія для терновскаго народонаселенія. Каждому было пріятно взглянуть на такое мастерство; каждый, идя мимо, останавливался и привѣтствовалъ усерднаго и мощнаго работника.

Самъ отецъ Еремѣй часто посѣщалъ Сафроніеву постройку. Онъ, противъ всякаго ожиданія, повидимому не питалъ ни малѣйшаго неудовольствія на Сафронія; напротивъ, какъ бы искалъ его общества и бесѣды: онъ одобрялъ Сафроніево прилежаніе, хвалилъ искусство, подавалъ совѣты касательно прочности дубоваго лѣса, и даже удѣлилъ ему блюдецъ турецкихъ бобовъ на посѣвъ.

На все это Сафроній отвѣчалъ съ пристойностію, но безъ умиленія.

Только попадья свирѣпствовала противъ Сафронія и съ высоты своего крыльца произнесла клятву «разсыпаться какъ трухлый пенъ» и «распасться по суставчикамъ», если хотя когда нибудь приблизится къ «антихристовой» постройкѣ, а также запретила дочерямъ подъ страхомъ «измолотить, какъ сырую рожь» въ случаѣ неповиновенія. Это запрещеніе глубоко огорчило любознательную Ненилу; она даже пролила нѣсколько молчаливыхъ слезъ, упершись лбомъ въ притолку крыльцевой двери, и угрюмое обалко покрыло ея, дотолѣ безмятежное лицо.

Попадья, находившаяся два дня въ опѣпенѣннн послѣ памятнаго вечера, снова получила употребленіе своихъ способностей. Теперь главный потокъ ея ярости былъ обращенъ на Сафронія; она почти бросила остальные распри, устремилась на свѣжую жертву и, принимая его спокойствіе за кротость, свирѣпла съ каждымъ днемъ.

Много пріятнѣйшихъ часовъ провелъ я, сначала на постройкѣ, а потомъ въ отстроенномъ жилищѣ Сафронія. Съ какою ревностію я мѣсилъ глину, волокъ кирпичи, таскалъ воду, носилъ, изнемогая подъ ихъ тяжестью, охапки соломы! Съ какою заботою наблюдалъ, прямо ли укрѣплена полка, прочно ли стоятъ

ножи у стола! Никогда впоследствии не дало мнѣ столь живого удовольствія даже чувство собственника, воздвигающаго свой «собственный» кровъ! Никогда я не бывалъ такъ доволенъ и гордъ, расхаживая по «своему» жилищу! Быть можетъ потому, что уже зналъ тщету, непрочность и тлѣнъ всего земнаго. Могу сказать, я любилъ «хижку» Сафронія, какъ нѣчто живое и одушевленное.

Сафроній обращался со мной благосклонно и, что было для меня всего драгоценнѣе, въ его обращеніи не выражалось ни столь несноснаго для дѣтей подтруниванья, ни высокомернаго, хотя мягкаго и ласковаго, одобренія, ни чрезмѣрнаго снисхожденія и въ то же самое время небрежности. Когда какой нибудь зритель, глядя на мое усердіе, говорилъ: «славный малецъ! славный! Смотри, каково работаетъ! Вотъ такъ работникъ! Ай-да молодецъ!»—Сафроній обыкновенно отвѣчалъ на эти чрезвычайныя похвалы просто и серьезно:

— Ничего, понемногу приучится. Съ разу мастеромъ нигто не бывалъ.

Если я брался что либо для него дѣлать, то онъ принималъ это не какъ дѣтскую пустую забаву, а какъ настоящую, хотя и плохую работу, цѣнилъ трудъ и усердіе, не допускалъ небреженія, критиковалъ безъ досады, а вмѣсто расточенія похвалы вротко говорилъ: «сидеть!» или: «годится!»

Я все болѣе и болѣе прилѣплялся сердцемъ къ Сафронію. Единственно поглощенный его неощеннымъ обществомъ и честію помогать ему, на сколько хватало моихъ силъ, я пренебрегалъ всѣми осенними сельскими утѣхами.

Наступила зима, пора, какъ я уже выше упоминалъ, самая для меня унылая. Такъ-какъ число барашковыхъ овчинонь, собираемыхъ отцомъ мнѣ на тулупчикъ, увеличилось съ чрезвычайною медленностію, а я росъ съ быстротою луговой травы, то вышло, что и на эту зиму я былъ осужденъ судьбою на домашнее заключеніе. Прежде я въ подобномъ положеніи услаждалъ себя краткими вылазками, доставлявшими мнѣ болѣе волненія, чѣмъ удовольствія, но теперь имѣлъ великую отраду посѣщать Сафронія и проводить иногда у него долгіе часы, занимаясь чинкою невода, или плетениемъ сѣти или дѣланіемъ зарядовъ.

Я еще и донинѣ живо помню, какъ я, завернувшись въ родительскія одежды, дрожа отъ пронимающаго холода, а еще болѣе отъ радостнаго нетерпѣнія, торопливо перебѣгалъ, спотыкаясь въ большихъ сапогахъ, небольшое пространство, отдѣляющее нашу ветхую хижину отъ Сафроніева жилища!

Въ одно изъ моихъ посѣщеній, мы съ Сафроніемъ заняты были плетеніемъ сѣтей на куропатокъ. День былъ солнечный, теплый. Поднявъ нечаянно глаза вверхъ, за стаей чирикавшихъ воробьевъ, я вдругъ увидалъ, къ величайшему моему изумленію, полнолицій образъ Ненилы, выглядывающей изъ отверстия въ поповой кровлѣ. Оправившись отъ изумленія, первое моею мыслию было: «ахъ, еслибы вмѣсто этого лица, показалось другое! Но нѣтъ! То никогда не покажется!»

И точно: то никогда не показалось. »

Тутъ первые я углубился въ думу о томъ, какъ неприятны распри человѣческія, какое огорченіе онѣ могутъ причинять и какъ бы хорошо могли жить люди въ братской любви и мирѣ.

— Посмотрите, откуда попова Ненила на насъ глядитъ! сказалъ я Сафронію, указывая ему движеніемъ головы на попову кровлю.

На что Сафроній, бросивъ бѣглый взглядъ по указанному мною направленію, спокойно отвѣчалъ:

— Пускай себѣ поглядитъ: не сглазить. Захотимъ, такъ и мы на нее поглядимъ.

— А Настя не глядитъ, сказалъ я и съ тайнымъ упованіемъ услышать что нибудь успокоительное, и поддаваясь желанію облегчить свою думу разговоромъ о милой мнѣ дѣвницѣ.

Но Софроній или нашелъ мое замѣчаніе празднымъ, не стоющимъ отвѣта, или пропустилъ его мимо ушей. Онъ былъ въ этотъ день вообще озабоченъ.

— Настя совсѣмъ не похожа на Ненилу, сказалъ я, не отступая при первой неудачной попыткѣ.

— Да, не похожа, отвѣчалъ Сафроній.

Я искоса глядѣлъ на него, стараясь по лицу его угадать, на сколько враждебно отнесется онъ къ плѣвившему меня неприятелю, и замѣтилъ, что на его устахъ мельнула, какъ молнія, улыбка, — улыбка, какая бываетъ при внезапно явившемся среди заботныхъ думъ и тяжелыхъ мыслей пріятномъ воспоминаніи.

— Настя веселая, добрая, сказалъ я, ободренный этой улыбкою.

— Ты развѣ ходишь къ нимъ? спросилъ Сафроній. — Кажется, ты туда не заглядываешь?

— Нѣтъ, я не хожу, только Настя со мной какъ встрѣтится, всегда разговариваетъ...

Поведи Сафроній этотъ разговоръ дальше я, можетъ статья, высказался бы, по свойственной всѣмъ смертнымъ, какъ великимъ такъ и малымъ, слабости духа и жадѣ сочувствія, но онъ не спрашивалъ болѣе и рѣчь перешла на зовлю куропатокъ.

Съ этого времени я всегда, въ ясныя погожіе дни, усматривалъ голову Ненилы, созерцающую съ высоты кровли наше окно.

Таково дѣйствіе тиранства! Ненила, невинно лишенная материнскою прихотію своего любимаго удовольствія, сильнѣе почувствовала влеченіе къ запретному плоду, что пробудило въ ней дремавшую и, быть можетъ, навсегда бы уснувшую, хитрость, и развило духъ противорѣчія, который побудилъ ее, не страшась опасности, провертѣть дыру въ кровль и тайно наслаждаться несправедливо отнятою у ней забавою.

Изрѣдка, вечерами, Сафроній приходилъ къ намъ и бесѣдовалъ съ отцомъ и матерью. Сколь много значить присутствіе умнаго и живаго человѣка! Сафроній и въ нашу, всегда печальную обитель вносилъ оживленіе и веселіе. Истинно можно сказать, что умница и дверь иначе отворить, чѣмъ человѣкъ, обойденный этимъ высшимъ даромъ божіимъ. Рѣчи, которыя Сафроній велъ съ моими родителями, не бывали особенно замысловатаго содержанія, а между тѣмъ имѣли чрезвычайную занимательность и открывали пытливому дѣтскому разуму, какъ бы случайно, многія, дотогѣ ускользавшія, стороны жизни. Я, при рѣчахъ прочихъ гостей и даже любезнаго родителя моего, начинавшій послѣ полчасоваго испытанія, чувствовать томленіе души и тѣла, готовъ былъ, слушая Сафронія, сидѣть цѣлую ночь напролетъ, не сморгнувъ окомъ и только улыбаясь отъ полноты душевной утѣхи.

Но Сафроній замѣтно становился съ каждымъ днемъ всемрачнѣе и мрачнѣе. Въ движеніяхъ его начало проявляться какое-то нетерпѣніе, безпокойство и онъ часто началъ впадать въ угрюмую, раздражительную задумчивость.

Пономарь, хотя рѣже прежняго, но все по временамъ забѣгавшій къ намъ, однажды, влетѣвъ, какъ пуля въ горницу, шепнулъ отцу:

— Я говорилъ: помяните мое слово! Я говорилъ: не сдобровать!

Затѣмъ онъ началъ шептать еще тише и я не могъ уже ничего разобрать.

— Что ты! сказалъ отецъ. — Тебѣ померещилось! Я самъ видѣлъ, какъ онъ нынче поутру остановилъ Сафронія и съ нимъ разговаривалъ...

— Цалуешь ястребъ курочку до послѣдняго перышка! отвѣчалъ пономарь, моргая то тѣмъ, то другимъ окомъ и съ самымъ зловѣщимъ выраженіемъ.

Встревоженный отецъ въ тотъ же вечеръ спрашивалъ Сафронія:

— Сафроній, чего ты завручинился? Что тамъ у васъ съ нимъ? Говорять, онъ у тебя попортилъ...

— Не поймалъ, такъ и воромъ назвать не могу! отвѣтилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Сафроній.

— Ну, и слава Богу! ну, и слава Богу! Это ты справедливо говоришь... и хорошо разсуждаешь... Такъ чего жъ ты кручинный ходишь?

— Да на свѣтѣ больше печали, чѣмъ радости, а я, какъ та Маремьяна старица, что за весь міръ печалится! отвѣтилъ Сафроній съ улыбкою.

Но улыбка эта была исполнена горечи и еще нище омрачила его угрюмое лицо.

— Конечно! конечно! проговорилъ отецъ. — Больше печали, чѣмъ радости! Гораздо больше!

Онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ и вскорѣ за тѣмъ ушелъ, вспомнивъ, что не задалъ скоту корму на ночь.

— Вы очень похудѣли, сказала мать Сафронію.

Сафроній сидѣлъ на скамьѣ, облокотясь на колѣни и подперши руками голову. При этихъ словахъ онъ поднялъ лицо и поглядѣлъ пристально, съ великою грустію, на мать.

— И вы не цвѣтете! сказалъ онъ.

— А вы плохихъ примѣровъ не берите! сказала мать улыбаясь.

Она какъ бы шутила, но изъ-за шутки слышалось столько живаго участія, что даже я, бессмысленный отрокъ, былъ этимъ взволнованъ.

— Что такое случилось? прибавила она.

— Что случилось? почти вскрикнулъ Сафроній, быстро поднимаясь со скамьи. — То, что случается вотъ уже дѣлую зиму! Онъ мнѣ покою не даетъ ни днемъ, ни ночью! Мнѣ не волчьихъ капкановъ жаль, не плетня, а жжетъ меня обидя! Что я ему сдѣлаю? Онъ за тремя оградами сидитъ!

При этомъ Сафроній съ такою страстію ударилъ кулакомъ по столу, что стекла въ окошкахъ задребезжали.

— Онъ нарочно васъ дразнить, сказала мать.

— Знаю! Знаю! Вѣдь каждое его подлое слово меня словно каленое желѣзо жжетъ, а я все молчу! Ужъ мнѣ горло сдавило.

Онъ подошелъ и сѣлъ около матери, на лавкѣ.

— Я думалъ: брошу, уйду — да нѣтъ! Будетъ заѣдать другаго, третьяго — останусь! Самъ пропаду, а его...

Въ эту минуту послышался въ сѣняхъ кашель возвращавшагося отца. Сафроній всталъ, сказалъ «прощайте» и направился къ двери.

Мать тоже встала.

— Сафроній! сказала она.

Онъ приостановился, а она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему и, съ глубокимъ волненіемъ, проговорила:

— Вы себя поберегите! Ужъ сколько хорошихъ людей...

Голосъ ея прервался и слезы хлынули изъ глазъ, но она тотчасъ отерла ихъ, овладѣла собою и договорила:

— Ужъ сколько хорошихъ людей даромъ пропало! Вы не отступайтесь отъ своего, только будьте осторожны! Будьте осторожны!

— Спасибо, отвѣтилъ Сафроній. — Я буду остороженъ. Я...

Отецъ отворилъ дверь и не далъ ему договорить.

— Куда жъ такъ рано? спросилъ отецъ. — Положи шапку, да еще посиди.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Сафроній. — До другаго раза!

И ушелъ.

— Бѣда, да и только! сказалъ отецъ. — Пономарь что рассказывалъ, слышала?

Мать снова сидѣла прилежно за шитьемъ, но лицо ея горѣло и руки слегка дрожали.

— До трехъ разъ, говоритъ, Сафроній ставилъ плетень, — глядь! за ночь опять поваленъ! Ахъ, царь небесный! заступи и помилуй насъ, грѣшныхъ!

Отецъ взвздыхалъ, похрапѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ задремалъ.

Но мать долго работала. Я видѣлъ, что она нѣсколько разъ послѣшнно отирала прорывавшіяся слезы.

Не довольствуясь догадками, я рѣшился уяснить себѣ все дѣло. Вооружившись всѣмъ хитроуміемъ, которымъ меня надѣлило провидѣніе, я черезъ нѣсколько дней узналъ, что неизвѣстнымъ зложелателемъ испорчено у Сафронія ружье, затѣмъ обваленъ троекратно плетень, затѣмъ опровернуты поставленные на волковъ капканы и причинено сотни мелкихъ, но несносныхъ неприятностей въ этомъ же родѣ.

Послѣ вышеписаннаго нѣсколько недѣль прошло благополучно: тайный зложелатель или удовлетворился уже причиненнымъ, или опасался, потому что Сафроній, починивъ ружье, держалъ его постоянно при себѣ заряженнымъ, да и вообще происшествія эти сильно всѣхъ заняли, каждому хотѣлось дознаться правды и каждый былъ, болѣе или менѣе, на сторожѣ. Но этимъ благополучнымъ теченіемъ дѣлъ Сафроній отнюдь не былъ успокоенъ. Ему, какъ человѣку крайне раздраженному, уже не требовалось новыхъ поводовъ для гнѣва и волненій; прежніе маленькіе, но ядовитые

уколы теперь разболѣвались все сильнѣе и сильнѣе и, сначала болѣе изумившіе чѣмъ уязвившіе, теперь начали мучить самымъ несноснымъ образомъ. Раздраженіе видимо росло съ каждымъ днемъ.

Хотя онъ попрежнему относился ко мнѣ съ благосклонностію, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что надо оставить его въ покоѣ. Покорясь голосу, я, съ болью сердца, прекратилъ свои посѣщенія. Сафроній тоже почти пересталъ ходить къ намъ. Кромѣ того, я замѣтилъ, что отецъ мой въ тѣ рѣдкіе часы, когда Сафроній бывалъ у насъ, смущался, заикался и вообще представлялъ видъ человѣка, попавшаго между двухъ огней, что онъ только по робости и вротости не бѣжалъ отъ лица Сафронія, и что вздыхалъ свободно только при его удаленіи. Это открытіе исполнило меня великаго огорченія.

Пономарь сталъ вести себя относительно Сафронія съ такимъ же малодушіемъ, но какъ человѣкъ увертливый, велъ себя искуснѣе.

Одна мать на маковое зерно не измѣнилась къ Сафронію. Напротивъ, она даже сдѣлалась какъ бы дружелюбнѣе; при рѣдкихъ ихъ встрѣчахъ всегда съ нимъ разговаривала, и своими разговорами не разъ успѣвала нѣсколько разъяснить его мрачное лицо и вызвать хотя томную улыбку на сжатія гнѣвомъ уста.

Никогда, казалось мнѣ, весна такъ не замедляла своего пришествія, какъ въ этотъ годъ. Дрожь нетерпѣнія пробѣгала по всѣмъ моимъ членамъ, когда я взиралъ на медленно осѣдавшіе сугробы снѣга.

Наконецъ, я могъ привѣтствовать журчанье покой воды, пробившіяся подъ заборами мягкія, ярко-зеленныя иглы молодой травы и первый теплый весенній дождь.

Наступленіе весны воскресило упавшій духъ мой. Къ тому же, Головастикъ (о которомъ я уже упоминалъ [въ концѣ второй главы этихъ записокъ]) за зиму значительно подросъ, окрѣпъ, и могъ теперь выносить тяжесть восьмилѣтняго всадника.

Скоро Головастикъ сдѣлался единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Утомленный постоянно царствовавшими, хотя неявными, но чувствуемыми, смутами, я искалъ отъ нихъ отдохновенія въ наѣздничествѣ и, съ яснаго разсвѣта до багрянаго заката, скакалъ по лѣснымъ тропинкамъ, по побережью, и даже проникалъ за черту терновскихъ земель.

Наступилъ торжественный и любимѣйшій мною праздникъ Пасхи. Я, какъ теперь, впиваю напитанный первыми весенними ароматами воздухъ тихой темной ночи, внимаю говору со всѣхъ

сторонѣ стеканшагося въ храмъ, невидимаго въ ночной мглѣ, народа, слышу полуночный благовѣстъ, смыкаю вѣжды отъ блеска вдругъ засіявшаго множествомъ свѣчъ храма и вздрагиваго отъ потрясшаго ветхіе своды звучнаго и мощнаго голоса Сафронія, который покрылъ собою медовое гвѣніе отца Еремѣя и дребежащіе возгласы моего отца.

При всеобщихъ праздничныхъ одеждахъ и братскихъ палованіяхъ, Сафроній поразилъ меня своею блѣдностью и мрачно-горящими взорами.

Очи отца Еремѣя, напротивъ того, сіяли благостью, ласковое лицо кротко улыбалось, и даже его борода, казалась, ложилась на исполненную христіанской любви грудь какими-то особенно мягкими волнами.

Попадаѣ, украшенная смѣсью желтыхъ и малиновыхъ одеждъ, пробывавшая правымъ плечомъ, какъ домою, путь въ тѣсной толпѣ, съ оглушительнымъ чмоканіемъ троекратно христосовалась съ прихожанами и обирала, подносящими ей, пасхальныя яйца. За нею слѣдовала Ненила, сіяющая серьгами, ожерельями, запястьями, перстнями и обозначававшая шествіе свое не менѣе громкимъ чмоканьемъ и не менѣе для народа отяготительнымъ сборомъ пасхальныхъ яицъ. Настя, какъ меньшая, долженствовавшая, по обычаю, не затѣвать, а выставлять, красоты старшей сестры-невѣсты, не поражала блескомъ золотыхъ украшеній. Я съ трудомъ слѣдилъ за нею, пробываясь сквозь толпу. Живая, стройная, она, какъ легкая серна, проскользнула къ боковымъ дверямъ, приостановилась, поднялась на ципочки, съ минуту кого-то искала блистающими очами, судя по измѣненію лица, нашла, нѣсколько мгновеній пристально созерцала, затѣмъ скользнула въ двери и скрылась.

Меня, слѣдившаго за нею съ тайнымъ упованіемъ прежнихъ ласкъ, она не замѣтила.

Такъ-какъ къ терновскому приходу, принадлежать нѣкоторые ближніе хутора и деревушки, то дѣлеть яицъ, собранныхъ церковнымъ причтомъ, совершается только на второй день праздника, ввечеру. Обыкновенно собранная добыча привозится на поповъ дворъ, куда являются и дольщики. У насъ, въ нашихъ краяхъ, положеніе слѣдующее: если священнику «десятокъ», то дьякону «осьмикъ», дьячку «пятокъ», а пономарю «тройка», но отецъ Еремѣй давно измѣнилъ это, общее положеніе, чему весь причтъ безропотно покорился, ограничась тихими вздохами и домашними жалобами.

Я всегда любилъ слѣдить за этимъ дѣлежемъ, и въ описы-

важный мною момент незамедлительно занялъ свой наблюдательный постъ.

У попова крыльца стояла телега съ добычею, а на землѣ четыре, различной вмѣстимости, шайки; на крылечныхъ ступенькахъ сидѣла попадья, а рядомъ съ нею Ненила (попадья была въ столь мирномъ и ясномъ настроеніи, что даже привѣтливо поклонилась появившемуся въ воротахъ Сафронію); пономарь велъ съ нею льстивыя рѣчи; мой отецъ робко стоялъ въ сторонѣ, а приблизившійся Сафроній мрачнымъ окомъ оглядывалъ разставленную посудину для принятія доли каждаго.

Ждали появленія отца Еремѣя, и онъ вскорѣ появился въ лиловомъ подрясникѣ и шитомъ гарусами пояскѣ, поглаживая бороду и чадолюбиво окидывая взоромъ присутствующихъ.

Благословивъ каждаго, онъ приказалъ съ осторожностію вынуть изъ телеги лукошки съ хрупкою добычею, и началъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, ее дѣлить такимъ порядкомъ: священнику, дьякону, дьячку и пономарю. Въ первомъ случаѣ персты волшебю удлинились, и онъ захватывалъ по пяти яицъ въ каждую руку, во второмъ случаѣ персты его мгновенно сводило, длани сжимало, и онъ, только съ великимъ, повидимому, затрудненіемъ, могъ удержать по три яйца въ рукѣ. Въ третьемъ случаѣ правая рука удерживала только два яйца, а лѣвая, какъ бы пораженная безсиліемъ, захватывала одно. Въ четвертомъ случаѣ дѣйствовала только одна правая, опускавшая въ пономарскую шайку одинокій бѣлый шарикъ.

Дѣлежъ, совершавшійся въ глубокомъ безмолвіи, окончился; отецъ Еремѣй выпрямился, откинулъ назадъ роскошныя пряди волосъ, погладилъ бороду и готовился обратиться къ присутствующимъ съ какой-то привѣтливою рѣчью, какъ вдругъ Сафроній быстро къ нему приступилъ и спросилъ громовымъ голосомъ:

— Такъ у васъ такой дѣлежъ?

Отецъ Еремѣй поблѣднѣлъ и затрепеталъ. Попадья вскочила со ступенекъ съ громкимъ крикомъ; даже Ненилу подняло. Прочіе пятились въ ужасѣ.

— Сафроній! началъ, нѣсколько оправившись, отецъ Еремѣй торжественнымъ голосомъ.

Но онъ не кончилъ.

— Вотъ она, пастьрская часть! вскричалъ яростно Сафроній, и прыгнувъ, какъ свирѣпый тигръ, въ попову шайку, до верку наполненную яйцами, онъ принялся неистово топтать ихъ ногами, превратилъ въ безобразную личицу и удалился, оставивъ всѣхъ въ оцепенѣніи.

Марко Вовчокъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ.

I.

ДУША И ТѢЛО.

Промыгавъ жизнь въ трудѣ, въ заботѣ,
Старикъ смыкалъ отжившій взоръ;
Какъ вдругъ съ душою на отлѣтѣ
Заводитъ тѣло разговоръ.

«Душа моя, простимся кротко;
Въ жизнь безъ печали, безъ конца,
Не устремляйся, какъ коготка
Отъ разореннаго глупца».

Бальзамированнымъ особамъ
Почетъ въ гробу и лесть за гробомъ.
Простую плоть зарыть свезуть —
И все ужъ тутъ.

Душа и мысли не имѣла,
Что удержать ее могло бѣ
Дрянное, старческое тѣло.
— Молчи, ложись въ свой темный гробъ.
Тебѣ — ничтожество и тлѣнье;
Мнѣ — свѣтъ негаснущихъ лучей.
А тамъ, пожалуй, пусть растенья
Изъ щели выростутъ твоей.

Бальзамированнымъ особамъ
Почетъ въ гробу и лесть за гробомъ.
Простую плоть зарыть свезуть —
И все ужъ тутъ.

«Душа безъ тѣла и безъ чувства!
 Во мнѣ всего пять чувствъ простыхъ;
 Но мнръ науки и искусства
 Тебѣ открыть посредствомъ ихъ.
 Тебя, детей, ни крикъ невольный
 Не обнаруживалъ, ни взглядъ —
 Кто жь былъ тебѣ учитель школьный?
 Все я вѣдь, твой молочный братъ».

Бальзамированнымъ особамъ
 Почеть въ гробу и лестъ за гробомъ.
 Простую плоть зарыть свезуть —
 И все ужь тутъ

«Настала молодость; весною
 Мы всѣ бываемъ хороши;
 Не я, а ты гордилась мною:
 Лицо есть зеркало души.
 И чтò же? въ жизненномъ потокѣ
 Ты извратила по веснѣ
 Мои потребности — въ пороки,
 И въ страсти — склонности во мнѣ».

Бальзамированнымъ особамъ
 Почеть въ гробу и лестъ за гробомъ.
 Простую плоть зарыть свезуть —
 И все ужь тутъ.

«Позднѣе, испытавъ невзгоду,
 Ты за обманутую страсть,
 Меня, какъ есть, стащила въ воду,
 Превысивъ надо мною власть.
 Но страхъ затмилъ твое сознанье:
 Я сталъ барахтаться въ волнахъ
 И спасся — и твое страданье
 Излилось все въ моихъ слезахъ».

Бальзамированнымъ особамъ
 Почеть въ гробу и лестъ за гробомъ.
 Простую плоть зарыть свезуть —
 И все ужь тутъ.

«Потомъ лишенья и болѣзни
 Переноса, я не ропталъ;

Но ты вѣдь утонула въ безднѣ
 Метафизическихъ началъ.
 Я голодалъ — а ты алкала;
 Но путь свершали мы вдвоемъ:
 Душа — на крыльяхъ идеала
 А тѣло — чуть не босикомъ».

Бальзамированнымъ особамъ
 Почетъ въ гробу и жизнь за гробомъ.
 Простую плоть зарыть свезуть, —
 И все ужъ тутъ.

«Насъ старость наконецъ накрыла;
 Устали оба — я и ты
 И утомленье насадило
 Въ сознаньѣ мудрости цвѣты
 Но тамъ не хвастай, что душою
 Была ты рѣдной на землѣ:
 Цвѣты подобны зимю
 Морозъ рисуетъ на стеклѣ».

Бальзамированнымъ особамъ
 Почетъ въ гробу и леть за гробомъ.
 Простую плоть зарыть свезуть —
 И все ужъ тутъ.

«Освобождаясь отъ неленокъ,
 Въ безвѣстный направляясь путь,
 Въ далекихъ небесахъ, ребенокъ,
 Земной свой обликъ не забудь.
 Не забывай, что это тѣло,
 Отдавшись на землѣ трудамъ,
 Все выносило, все терпѣло,
 Не порываясь къ небесамъ».

Бальзамированнымъ особамъ
 Почетъ въ гробу и леть за гробомъ.
 Простую плоть зарыть свезуть —
 И все ужъ тутъ.

II.

ФЕНИКСЪ.

Мирныя семьи простыхъ пастуховъ
 Жили когда-то въ долинѣ цвѣтущей
 И управлялись, ужъ много вѣковъ,
 Сами собою, безъ власти гнетущей.
 Фениксъ является вдругъ за рѣкой;
 Кличетъ къ себѣ ихъ на берегъ крутой.
 Вышелъ герольдъ. Торопитесь! кричитьъ:
 Рѣдкая птица, какъ разъ улетить.

Птица великая мой властелинъ:
 Крыльями въ кесарскомъ ихъ трепетаньи
 Двадцать народовъ покроетъ одинъ.
 Ради ихъ блага готовъ на закланье —
 Фениксъ не можетъ вполнѣ умирать:
 Онъ возродится изъ пещла опять.
 Ей, торопитесь! герольдъ имъ кричитьъ:
 Рѣдкая птица, какъ разъ улетить.

Ей, торопитесь! Молчанье въ отвѣтъ.
 Эхъ! Кабы вышелъ властитель мой чудный,
 Васъ ослѣпилъ бы невиданный свѣтъ;
 Гребень алмазный и клевь изумрудный —
 Что твое солнце, не выдержать глазъ —
 Сразу бъ колосья созрѣли у васъ.
 Ей, торопитесь! герольдъ имъ кричитьъ:
 Рѣдкая птица, какъ разъ улетить.

— Будетъ болтать! отвѣчаетъ старикъ:
 — Что ты заладилъ: моль, рѣдкій, да рѣдкій!
 Нашъ братъ хозяинъ къ такимъ не привыкъ,
 Въ домѣ потребнѣ куры-наседки.
 А на счетъ пѣсень — для здѣшнихъ людей
 Пѣсня малиновки будетъ нѣжнѣй.
 Экое счастье, что гребень блеститъ:
 Рѣдкая птица — пусть мимо летитъ!

Наши прапрадѣды видѣли разъ
 Феникса этого пепель горящій.
 Что жъ въ немъ нашли? Въмѣсто сердца алмазь,
 Крупный, взаправду, какъ солиде блестящій.
 Точно, красивъ — да тепла, значить, нѣтъ.
 Не ко двору намъ твой фениксъ, мой свѣтъ.
 Такъ-то не грѣя, и мѣсяць блеститъ.
 Рѣдная птица — пусть мимо летитъ!

III.

ТИРАНЪ СПРАКУЗСКІЙ.

Какъ Діонисія изъ царства
 Изгналъ храбрець Тимолеонъ, —
 Тиранъ, пройдя чрезъ всѣ митарства,
 Открылъ въ Коринѣ пансіонъ.
 Тиранъ отъ власти не отстанеть:
 Законы въ школъ издаеть;
 Нѣтъ взрослыхъ, такъ дѣтей тиранить.
 Тиранъ тираномъ и умереть.

Вѣдь нужно все чинить и вѣдать —
 Онъ справедливъ, хотя и строгъ:
 Какъ подадутъ дѣтямъ обѣдать —
 Сейчасъ съ ихъ трапезы налогъ.
 Несутъ, какъ нѣкогда въ столицу,
 Орѣхи, виноградъ и медъ.
 Цалуйте всѣ его десницу!
 Тиранъ тираномъ и умереть.

Мальчишка, глупый, какъ овечка,
 Послѣдній въ школъ ученикъ
 Въ задачу разъ ввернулъ словечко:
 «Тиранъ и въ бѣдствіяхъ великъ».
 Тиранъ, бессмыслицу читая,
 «Онъ далеко», сказалъ «пойдетъ» —
 И сдѣлалъ старшимъ негодяя.
 Тиранъ тираномъ и умереть.

Потомъ, другой разъ, какъ-то слышать
 Онъ отъ фискала своего,
 Что тамъ въ углу товарищъ пишетъ,
 Должно быть, пасквиль на него.
 «Какъ? Пасквиль?! Это все отъ воли!
 Ремнемъ его! И чтобъ впередъ
 Никто писать не смѣлъ бы въ шкодѣ!»
 Тиранъ тираномъ и умереть.

И день и ночь его страшили
 Слѣды измѣны и интригъ.
 Разъ дѣти на дворѣ дразнили
 Двоихъ какихъ-то забуддыгъ.
 Кричить: «сидите безъ боязни
 Имъ нуженъ чужеземный гнѣтъ.
 Я имъ отецъ — имъ нужны казни».
 Тиранъ тираномъ и умереть.

Отцы и матери озлились
 На непотребный пансионъ
 И Діонисія рѣшилися
 И изъ Коринѳа выгнать вонъ.
 — Такъ чтобъ, какъ прежде, благодатно
 Тѣснить и грабить свой народъ, —
 Въ жрецы вступилъ онъ. Вотъ такъ знатно!
 Тиранъ тираномъ и умереть.

В. Курочкинъ.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ДИКІЯ ПЛЕМЕНА.

17. Два елемента цивилизації.

Сравнивая современный нашъ общественный строй съ государствомъ насѣбныхъ, мы нашли въ нихъ общій элементъ, и въ первомъ нашли элементъ, который совершенно отсутствуетъ во второмъ, незамѣтенъ вообще въ мірѣ безпозвоночныхъ, начинается проявляться въ классѣ позвоночныхъ животныхъ, но подавляемый обстоятельствами, наконецъ выработывается въ человѣческомъ обществѣ, высказывается въ немъ все съ большею силою и, своимъ присутствіемъ, обусловливаетъ для человѣческаго общества возможность имѣть исторію, своимъ преобладаніемъ — прогрессъ общества, своимъ подчиненіемъ — его гибель. Нельзя не считать справедливымъ обособить эти два элемента.

Второй изъ нихъ не нуждается въ особомъ названіи, потому что этотъ элементъ есть не иное что, какъ *мысль*, съ ея критическимъ отношеніемъ къ обстановкѣ, въ видахъ удовольствія, пользы, истины или справедливости. Что касается до перваго элемента, общаго всякому обществу, съ опредѣленною системою привычекъ, преданій и обычаевъ, ему можно, повидимому, продать названіе, употребляемое уже теперь для внѣшнихъ проявленій общественной жизни авторомъ, наиболѣе обратившимъ вниманіе на эту сторону соціальныхъ явленій, Клеммомъ, именно названіе *культуры*. Правда, что онъ и большинство авторовъ, употреблявшихъ это слово, какъ мы видѣли выше, не ограничились *только* внѣшними формами общественной жизни, но подразумѣвали, подъ словомъ культура, и большую часть проявлений мысли въ обществѣ, однако, съ одной стороны, *никто* не выдѣлялъ обычныхъ формъ общественности изъ этого слова; съ другой — приходится или сочинять для этого значенія новое слово или употреблять одно изъ прежнихъ, близкихъ по смыслу; съ третьей — въ нашей литературѣ уже есть примѣры употреб-

ленія слова «культура» именно въ этомъ смыслѣ; наконецъ, съ четвертой, — обозначая словомъ *культура* исключительно элементъ привычки, обычая и преданія въ общественной жизни, мы имѣемъ возможность обособить это слово отъ слова *цивилизация*, съ которымъ первое сливается; и тогда послѣднее получаетъ возможность найти себѣ точное примѣненіе къ совокупности двухъ разсмотрѣнныхъ общественныхъ элементовъ.

Въ этомъ мы опять держимся возможно ближе къ народному употребленію словъ. И тѣ, которые употребляютъ слово *цивилизация* въ самомъ широкомъ значеніи, и тѣ, которые ограничивали его по возможности, были согласны въ томъ, что это слово примѣнимо къ современному намъ строю европейскаго общества, для котораго мы и сохранили его, принявъ этотъ строй за исходную точку анализа. Но лишь самые рѣшительные обобщатели, подобно Кудро, подвели подъ слово «цивилизация» государство безпозвоночныхъ, да и тутъ не рѣшились остаться послѣдовательными, потому что для привычекъ общественной рѣчи было неудобно говорить о *цивилизации муравьевъ*. При томъ значеніи терминовъ, которое здѣсь принято, подобное обобщеніе и ненужно. Весь міръ безпозвоночныхъ, не представляя слѣдовъ протеста личной мысли и переработки культуры мыслию, остается при одной *культуре*, то-есть онъ имѣетъ *одни* изъ элементовъ цивилизаціи, ея формальную сторону, жизнь общественную какъ наследственный, необсуждаемый, ненарушимый, безусловно обязательный обычай, какъ преданіе и привычку. Этотъ элементъ есть и во всякой человѣческой цивилизаціи, но къ нему здѣсь присоединяется другой элементъ, *мысль личности*, постоянно перерабатывающая культуру и развивающаяся въ этой переработкѣ,—это элементъ *человѣчный*; хотя его можно прослѣдить и въ мірѣ позвоночныхъ, но тамъ онъ постоянно подавленъ внѣшними обстоятельствами и не можетъ доработаться до состоянія прогрессивности въ обществѣ. Въ высшихъ обезьянахъ каждое существо заключаетъ уже возможность прогресса своей организаціи, но неизбѣжно приходитъ къ невозможности его въ теченіе жизни. Въ низшихъ человѣческихъ обществахъ противъ возможности прогресса, заключенной въ мысли личности, вооружаются двѣ силы, внѣшнія обстоятельства и культурное стремленіе къ застою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество не выдерживаетъ борьбы. Но остановиться оно почти не можетъ: по самымъ условіямъ внутренней работы мысли личности, общество должно идти впередъ или гибнуть. Оно и слѣдуетъ этой судьбѣ. Одни общества пытаются остановиться и гибнуть. Другія развиваются, достигаютъ высшихъ формъ цивилизаціи, по-

стоянно переработывая мыслию личностей свою систему привычекъ, преданій и обычаевъ, постоянно оживляя и осмысливая свою культуру. Чѣмъ болѣе въ нихъ элементъ мысли преобладаетъ надъ элементомъ культуры, тѣмъ цивилизація ихъ стоитъ выше.

Становясь на эту точку зрѣнія, мы чрезвычайно удобно разрѣшаемъ противорѣчія, встрѣчавшіяся въ употребленіи слова «цивилизация» *. Они происходили частью оттого, что авторы недостаточно ясно различали два, раздѣленные нами, элемента, частью оттого, что тотъ или другой ученый обратилъ исключительное вниманіе на одинъ изъ этихъ элементовъ въ ущербъ другому. Имѣя въ виду преимущественно культуру, можно было ставить на одну ступень общество безпозвоночныхъ и общество современныхъ парижанъ, находить прогрессъ элементомъ чуждымъ цивилизаціи. Имѣя въ виду преимущественно работу мысли, можно было считать прогрессивность исключительнымъ содержаніемъ цивилизаціи (какъ Лартэ, Летурно). Желая согласить и то и другое, Кудро могъ впадать въ неизбежныя противорѣчія, потому что онъ сначала называлъ цивилизаціею *только* культуру, а потомъ принималъ въ соображеніе *только* работу мысли. Называя цивилизаціею состояніе, въ которомъ живутъ существа, «находящаяся въ общественномъ союзѣ», и прибавляя для объясненія: «муравьи, бобры, обезьяны, французы — цивилизованы», Кудро имѣлъ въ виду зоологическій, обычный элементъ цивилизаціи, человѣческую *культуру*; когда же онъ перешелъ къ замѣткѣ, что началомъ цивилизаціи надо считать моментъ сознательнаго прогресса общества, онъ перешелъ на точку зрѣнія работы мысли. Гарригу, допускаяшій, что антропофагія составила *устыю* цивилизаціи, имѣлъ въ виду, что могли быть формы человѣческой культуры, еще низшія, чѣмъ та, которую встрѣчаемъ при людоедствѣ. Въ развитіи наукъ и искусствъ видѣли цивилизацію тѣ, которые темно сознавали, что работа мысли составляетъ существеннѣйшую принадлежность цивилизаціи, видѣли въ наукахъ и искусствахъ вѣрнѣйшій признакъ этой работы и не различали критической, развивающей работы мысли въ ученыхъ и художественныхъ трудахъ отъ компилятивныхъ и рутинерныхъ произведеній, нисколько не стоящихъ выше архитектуры улья. Когда же Прюнеръ-бей допускалъ существованіе цивилизаціи лишь въ государствѣ, при поощреніи развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, онъ слишкомъ тѣсно ограничивалъ терминъ цивилизація культурными

* См. гл. 4.

идеалами послѣдняго періода и близко подходилъ къ Пелларену, который, отходя (съ Фурье) отъ всей традиціи обычной рѣчи, придавалъ слову уже смыслъ *одной* специальной культурной формы. Подобнымъ же образомъ можно бы уяснить и всѣ существовавшія опредѣленія и взгляды на цивилизацію, какъ ограниченіе или затемненіе того значенія, которое здѣсь принято для этого слова. Въ двухъ отрасляхъ литературы о культурѣ и цивилизаціи, упомянутыхъ въ началѣ, произошло само собою то раздѣленіе элементовъ цивилизаціи, на которое мы теперь указываемъ. Одни писатели, вслѣдъ за Клеммомъ, стали разрабатывать все съ большею старательностью въ наше время культуру обществъ, ихъ внѣшнія формы, такъ-какъ тутъ они имѣли дѣло съ большинствомъ общества, изучали не только умственную аристократію философовъ, художниковъ и ученыхъ, а жизнь большинства людей *присутствующихъ* при цивилизаціи, *работающихъ* на нее, *терпящихъ* отъ нея. Другіе писатели остались вѣрны традиціи прежняго времени, и, не обращая вниманія на культурный элементъ общества и на его измѣненіе подъ вліяніемъ мысли, слѣдили въ цивилизаціяхъ только исторію тѣхъ «свидѣтелей и истолкователей идей минувшаго», по словамъ Лацаруса, тѣхъ «идеальныхъ произведеній», въ которыхъ мысль оставила прочныя, неумирающіе слѣды своего развитія. Но остановимся нѣсколько на главныхъ писателяхъ, нами упомянутыхъ въ началѣ, и посмотримъ, на сколько они уяснили себѣ дѣйствительное значеніе цивилизаціи и отношеніе ея двухъ элементовъ въ ихъ взаимодѣйствіи.

Гизо * противопоставилъ въ цивилизаціи два, другъ друга вызывающіе, элемента: развитіе дѣятельности личной и дѣятельности общественной, измѣненіе внутренняго челоуѣка или внѣшняго его состоянія. Это было уже не маловажное указаніе, хотя понятіе о развитіи общественной дѣятельности оставалось туманнымъ: послѣдняя собственно можетъ развиваться исключительно путемъ большаго развитія дѣятельности личной. Прогрессъ общественныхъ сношеній, увеличеніе общественнаго богатства, лучшее его распредѣленіе столь же мало могутъ совершиться сами собою, какъ научное открытіе, философская идея или художественное произведеніе могутъ явиться на свѣтъ внѣ сознательной дѣятельности ученаго, мыслителя и художника. Если, при худшемъ общественномъ строѣ, процвѣтають гдѣ либо науки и искусства, то это признакъ одного изъ двухъ случаевъ. Или общество идетъ къ перевороту, потому что мысль

* См. гл. 2.

въ немъ сильна, но *проявляется* лишь въ мирныхъ сферахъ, допускаемыхъ культурнымъ строемъ, а *тайно* работаетъ надъ разрушеніемъ строя, доставляющаго обществу худшее положеніе сравнительно съ другими. Или общество идетъ къ паденію, потому что жизнь цивилизованнаго меньшинства, обеспеченнаго культурною обстановкою, разошлась съ жизнью большинства: первое направило свою мысль на сферы чуждыя второму, изолировалось въ области отвлеченнаго мышленія, и не замѣчаетъ, что культура, необновляемая мыслию, гниетъ въ своемъ основаніи, не сегодня — завтра рухнетъ, и унесетъ съ собою тѣ высокія созданія науки и искусства, которыми наслаждается меньшинство, не позаботившееся укрѣпить свою цивилизацію лучшимъ общественнымъ строемъ. Но у Гизо, хотя нѣсколько смутно, высказалось различіе личной дѣятельности, измѣняющей общество во имя своего идеала, и общественной культуры, представляющей лишь среду для развитія личностей и обуславливающей болѣе или менѣе удобное ихъ развитіе. Особенно важно у Гизо указаніе на прогрессивное стремленіе, какъ на характеристическій признакъ цивилизаціи. Послѣдующіе мыслители, разбирая болѣе подробно, *какъ* можетъ совершиться прогрессивное движеніе, и *идти* можетъ появиться стремленіе въ этомъ направленіи, должны были неизбежно придти къ открытію, что перерабатывающая мысль личности и заключаетъ въ себѣ это стремленіе. Что касается до различныхъ культурныхъ формъ, отнесенныхъ Гизо частью къ общественному, частью къ личному или человѣчному развитію, то всѣ эти формы на столько человѣчны и прогрессивны, на сколько въ нихъ работаетъ критическая мысль; на сколько же онѣ — дѣло обычая и привычки, на столько онѣ стоятъ не выше постройки термина, только онѣ послужнѣ.

Гердеръ * обратилъ болѣе вниманія на вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на личность, чѣмъ на участіе личности въ развитіи общества. У него встрѣчаемъ мысль, что культура общества есть воспитаніе человѣка подѣ вліяніемъ среды и общества. Слѣдовательно, онъ замѣтилъ измѣненіе личности, ея прогрессивность, но упустилъ изъ виду, что этотъ прогрессивный элементъ, въ присутствіи данной среды и даннаго общественнаго строя, будетъ не только приравниваться къ нимъ, но и перерабатывать ихъ. Тѣмъ не менѣе его замѣчаніе о воспитаніи личности обществомъ не могло пропасть даромъ для послѣдующаго времени. Вслѣдствіе своей точки зрѣнія

* См. гл. 2.

Гердеръ усвоивалъ разнымъ климатамъ и мѣстностямъ разную цивилизацію, которую онъ называлъ культурою; онъ не видѣлъ достаточно ясно изъ этого понятія элементъ, дѣйствительно обусловленный временемъ и обстоятельствами: преданія, привычки и обычаи; этотъ культурный элементъ разнообразенъ почти до безконечности. Но въ понятіи о цивилизаціи есть другой элементъ, недопускающій такого различія: это — *мысль* съ ея критикою. Значеніе этого элемента должно было быть уяснено трудами новыхъ идеалистовъ.

Собственно *личная* мысль играла въ ихъ построеніяхъ довольно жалкую роль. Творческое я Фихте старшаго быстро перешло въ *безусловное я*, въ разумъ вещей, разумъ міра, разумъ исторіи. Когда у Гегеля * исторія сдѣлалась поприщемъ развитія духа, и послѣдній развивался путемъ сознанія собственной свободы, то это былъ не духъ личности, а духъ безусловный. Иначе говоря и прилагая въ частности процессъ Гегеля къ разсматриваемому вопросу, свобода безусловнаго духа заключалась въ болѣе и болѣе разумныхъ формахъ *культуры*; общественныя формы (объективный духъ) были предъидущимъ фазисомъ для самосознательности безусловнаго духа. Личностямъ же предстояло быть игрушкой «хитрости» безусловнаго духа, воображать, что онѣ преслѣдуютъ свои цѣли, свои идеалы, а въ сущности исчезать въ процессѣ развитія культурныхъ формъ, быть жертвами осуществленія неизмѣнныхъ цѣлей, необходимой послѣдовательности въ развитіи культуры. Тѣмъ не менѣе личностямъ было дано мѣсто: проницательный умъ Гегеля замѣтилъ, что безъ нихъ, хотя бы въ видѣ орудій, дѣло никакъ обойтись не можетъ.

Какъ ни незначительно оно съ перваго взгляда, но это указаніе драгоцѣнно, и вотъ у Лацаруса ** идеи *прежде* всего и *чище* всего проявляются въ личностяхъ. Эти личности, проникаясь идеями, становятся ихъ представителями. Въ самое глухое время исторіи, въ личностяхъ идеи хранятся для потомства. Идеальное содержаніе личности служитъ мѣркою для умственной и нравственной высоты личности, для ея историческаго значенія. Здѣсь работа личной мысли поставлена на надлежащее мѣсто. Проницательность Лацаруса высказывается и въ томъ, что онъ не увлекся значеніемъ втораго проявленія идеи въ исторіи, именно идеальными произведеніями науки, искусства и техники. Онъ указалъ, что творческая сила личности въ этой области

* См. гл. 3.

** См. гл. 3.

можетъ быть весьма отлична отъ исторической силы личности, какъ представителя современныхъ идей; иначе говоря, что ученый, художникъ и техникъ иногда можетъ быть болѣе представителемъ культуры, чѣмъ мысли. Последнею формою проявленія идей Лацарусъ призналъ культурныя формы, которыя «живутъ въ исторіи и исторія въ нихъ», и составляютъ «самую ткань» человѣческой жизни. Но какъ ни высоко онъ поставилъ эти «историческіе результаты идей», тѣмъ не менѣе онъ настолько проникъ сознаниемъ необходимости ихъ переработки, что прямо указалъ на неизбежную гибель народности, которая «узко и односторонне» преслѣдуетъ одну и ту же идею (понятую здѣсь въ ея проявленіи въ культурныхъ формахъ), и на движеніе человѣчества впередъ «лишь вслѣдствіе появленія новыхъ идеальныхъ элементовъ». Отъ Лацаруса не ускользнули и обстоятельства, вытекающія изъ сопоставленія элемента культуры и мысли; именно, что личность, углубляющаяся въ свою работу мысли, можетъ потерять пониманіе потребностей современной культуры, нравственную связь съ тѣми, которые живутъ этою культурою или ею подавлены; и что культурные процессы, поглощая всю дѣятельность личности, могутъ ослабить работу ея мысли, нужную для обновленія культуры; что работа мысли, концентрируясь въ небольшомъ числѣ лицъ, можетъ достигнуть значительной высоты («смысленіе можетъ уплотниться», какъ выражается Лацарусъ), но это меньшинство настолько отдѣлится въ своей работѣ отъ большинства, что цивилизующая мысль можетъ распространяться крайне туго («будетъ недостаточно улетучиваться»). Можно сказать, что Лацарусъ почти вполне формулировалъ ту теорію отношенія работы мысли къ формамъ культуры, которую здѣсь мы пробовали развить; но онъ получилъ свою терминологію въ наслѣдство отъ идеалистовъ, и придалъ болѣе полемическую цѣль своей статьѣ, гдѣ мысли, выписанныя въ началѣ, составляютъ лишь эпизодъ; это помѣшало ему, можетъ быть, развить указанную теорію болѣе отчетливо.

Если, на этой точкѣ зрѣнія, цивилизація является культурою, развивающеюся подъ влияніемъ критической мысли, то само собою разумѣется, что мы не можемъ уже принять опредѣленіе Пелларена, ограничивающаго, вслѣдъ за Фурье, смыслъ слова обозначеніемъ одного изъ фазисовъ культуры *. Если допустить это обозначеніе, то пришлось бы создать новое слово для того обобщающаго значенія, которое здѣсь придано цивили-

* См. гл. 14.

лизаціи и, при этомъ, отойти отъ всѣхъ привычекъ языка. Въ послѣднихъ мы не находимъ, при употребленіи слова *цивилизация*, ни одного признака, который бы помѣшалъ намъ положить это слово къ болѣе гармоническому общественному строю, чѣмъ строй современной Европы, какъ бы мы ни разрисовывали въ нашемъ воображеніи этотъ ожидаемый строй. Все-таки это будетъ какая либо система обычаевъ и привычекъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе мыслию и переработываемыхъ ею въ виду болѣе обширной истины и болѣе полной справедливости. Если мы, съ нѣкоторымъ правомъ, можемъ сказать объ общественной жизни животныхъ и нѣкоторыхъ элементарныхъ чело-вѣческихъ обществъ, что это *еще* не цивилизація, но нѣчто низшее, то едва-ли есть такое матеріальное удобство, или умственное и нравственное совершенство въ развитіи личности и общества, которое было бы не совсѣмъ удобно обозначить этимъ терминомъ, и, при появленіи котораго, мы почувствовали бы себя вынужденными сказать: это *уже* не цивилизація.

Поэтому слова Уэка (Wake), что «цивилизация есть окончательный продуктъ чело-вѣческой умственной дѣятельности» *, мы можемъ допустить лишь въ томъ смыслѣ, что это продуктъ, постоянно развивающійся, получившій мѣсто уже весьма давно въ исторіи, проявляющійся въ весьма различныхъ формахъ культуры и въ весьма разнообразныхъ процессахъ дѣятельности мысли на эти формы. Впрочемъ, едва-ли Уэкъ имѣлъ въ виду подобный смыслъ, и его фраза, вмѣстѣ съ послѣдующими разъясненіями, скорѣе указываетъ на полнѣйшую темноту слова для высказавшаго его автора.

18. Взаимодѣйствіе цивилизацій.

Зная составные элементы цивилизаціи, намъ уже легче раз-смотреть, что должно произойти при столкновеніи двухъ раз-нородныхъ цивилизацій. Мы сказали выше, что общество, остано-вившееся въ своемъ развитіи, и слабѣющее вслѣдствіе этой остановки, дѣлается легкою жертвою другой народности. Это и есть причина, почему рѣдко общества умираютъ отъ вну-тренняго истощенія. Являются сосѣди, пошедшіе нѣсколько да-лѣе; являются они съ намѣреніемъ эксплуатировать ослаблен-ное общество въ свою пользу, и столкновение кончается поте-рей автономіи со стороны общества, недостаточно зашедшаго впередъ. Иногда, конечно, это происходитъ и въ обществѣ

* Гл. 4.

развивающемся, но встрѣчающемъ напоръ сильнѣйшаго врага. Впрочемъ, мы видѣли, что и безъ войны, отъ одного прикосновенія съ высшею цивилизаціею, инныя народности гибнутъ. Здѣсь намъ представляется важный вопросъ, который, какъ мы видѣли, вызвалъ столько споровъ и не нашель себѣ надлежащаго разрѣшенія, вопросъ о гибели низшихъ расъ въ присутствіи европейской цивилизаціи *. Для уясненія этого вопроса разберемъ, что происходитъ, когда двѣ расы, стоящія на разныхъ ступеняхъ общественнаго строя, сталкиваются, и выше стоящая, какъ обыкновенно, получаетъ преобладаніе.

Общество высшаго развитія приносить съ собою два элемента: зоологическій элементъ культуры, состоящій въ преданіяхъ, привычкахъ и обычаяхъ, и человѣческій — мысль, стремленіе къ лучшему, критику существующаго во имя пользы, изящества, истины, справедливости. Если общество стоитъ выше, значитъ въ его цивилизаціи элементъ мысли развитъ болѣе; но этотъ элементъ, критика мысли, прилагается одинаково ко всѣмъ формамъ; слѣдовательно притокъ людей лучшей и высшей мысли въ низшее общество можетъ быть для него лишь благомъ. Они лучше туземцевъ различаютъ недостатки общества, его нужды, его средства, и лучше туземцевъ воспользуются средствами общества, чтобы исправить его недостатки; конечно, предполагая, что они сблизятся съ туземцами, какъ педагогъ сблизается съ ученикомъ, войдутъ въ строй мысли низшей расы и пожелаютъ искренно посвятить себя ея развитію. Но приходятъ большею частію не люди мысли, а люди, которые, при помощи людей мысли, выработали себѣ только болѣе искусную технику, и приносятъ то, что имъ всего дороже и свойственнѣе, т.-е. свой зоологическій элементъ, свои преданія, привычки и обычаи. Тогда начинается борьба не мысли съ культурою низшей расы, а двухъ культуръ, двухъ зоологическихъ началъ. Если они близки, то происходитъ слитіе или вытѣсненіе одного другимъ безъ особеннаго вреда для народности. Катрфажъ замѣтилъ, что цивилизующій элементъ дѣйствуетъ удачнѣе, когда воспитатели не очень далеко отстоятъ отъ цивилизуемыхъ по развитію **. Это вовсе несправедливо для распространенія *истинной* цивилизаціи, какъ несправедливо въ педагогіи, что учитель менѣе развитый сьумѣетъ лучше научить вовсе неразвитаго ученика. Замѣчаніе Катрфажа справедливо лишь въ предѣлахъ передачи другихъ формъ культу-

* См. гл. 4 и 11.

** Гл. 11.

ры. Эти формы, дѣйствительно, тѣмъ легче усваиваются расою низшей культуры, чѣмъ сама культура ближе. Случается даже, что побѣжденное общество господствуетъ при этомъ надъ побѣдившимъ нѣкоторыми культурными элементами. Но при столкновении двухъ, сильно различающихся, культуръ подобное примирение уже не имѣетъ мѣста. Преданія, привычки, обычаи одного племени на столько разнородны съ преданіями, привычками, обычаями другого, что для низшихъ скачокъ невозможенъ. Оно сопротивляется до конца и гибнетъ, если не въ силахъ сопротивляться.

Это исторія дикихъ въ столкновении съ европейцами. Чтò принесли дикарю послѣдніе: критику ли мысли, изощренной наукою? искусство ли рукъ, пріучившихся къ техникѣ? мастерство ли психолога-педагога, способнаго приноровиться къ низшему состоянію ума и возвести его на высшую ступень? Нѣтъ; европейцы принесли дикарю слова, приличія, обычаи, привычки, преданія, т.-е. свою культуру. Европейцы заставили дикаря говорить *mi Deus* вмѣсто Мумбо-джумбо *. Они сказали ему, что ходить голымъ неприлично. Они захотѣли, чтобы онъ жилъ въ домѣ, ходилъ въ школу, читалъ учебники, повторялъ заученныя фразы. Они пріучили его пить воду и захотѣли пріучить къ европейскимъ формамъ жизни. Развѣ прогрессъ заключается въ усвоении европейской культуры? Развѣ формы культуры не могутъ быть столь же многообразны, какъ гнѣзда остъ и пауковъ при совершенно равномъ нравственномъ достоинствѣ? Развѣ сила и величіе современной цивилизаціи заключаются въ ея культурныхъ формахъ, а не въ методической выработкѣ мысли новаго времени? Понятно возмущеніе противниковъ миссій при видѣ этой, совершенно безтолковой дѣятельности наклеиванія на нѣсколько десятковъ дикарей, остающихся при прежнемъ процессѣ мысли, мелкихъ внѣшностей европейской культуры.

Но и Колензо, Гэриксъ и ихъ единомышленники ** еще не могутъ обѣщать себѣ успѣха, потому что и они не уяснили себѣ различія европейской мысли отъ европейской культуры и тоже имѣютъ въ виду, хотя частью, прививать *культуру*, а не работать надъ дикимъ матеріаломъ европейскою *мыслью*. Оно и понятно, потому что въ самой Европѣ идетъ борьба гораздо болѣе между людьми разной культуры, чѣмъ между людьми мысли и людьми культуры.

Между тѣмъ гибель дикихъ племенъ замѣчается при самыхъ

* См. сл. 18.

** См. гл. 18.

разнообразныхъ условіяхъ, и мы привели выше удивленіе ученыхъ членовъ парижскаго общества, относительно племени, жившаго на островѣ Гаваіи¹, которое цивилизовалось, говорятъ они, само собою, до колонизаціи страны европейцами, осталось независимо и все-таки не спаслось отъ вымиранія безъ особенныхъ болѣзней. Но спрашивается, на сколько насилія великаго Тамеа-меа должны быть сочтены нѣжнѣе и разумнѣе при введеніи европейской культуры на Гаваіи, чѣмъ еслибы на туземцевъ дѣйствовали прямо европейскіе колонисты? Что Тамеа-меа и его династія остались независимы и нашли для себя выгодными формы европейской культуры, это мы знаемъ. Но желало ли этихъ формъ население? Не были ли онѣ ему навязаны насильно? Не послужили ли къ удобнѣйшему подчиненію туземцевъ ихъ правителямъ? На сколько работа европейской мысли усвоилась на почвѣ Гаваіи? — Все это намъ очень мало извѣстно, слѣдовательно и здѣсь, до новыхъ, болѣе точныхъ изслѣдованій, вѣдѣ всѣхъ таинственныхъ причинъ или ослабленія жизненной силы туземцевъ, какъ говорилъ Шафгаузенъ², можно просто приписать гибель туземцевъ тому, что культурныя формы, весьма различныя отъ прежнихъ, навязаны туземцамъ насильно, и племя, не будучи въ состояніи на столько измѣнить своихъ привычекъ, вѣдѣ разумнаго, цивилизующаго дѣйствія мысли, не выдерживаетъ и гибнетъ.

Но должны ли неизбѣжно гибнуть дикія племена подѣ вліаніемъ цивилизаціи? Для правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ обратимъ вниманіе на мысль, высказанную Пеллареномъ³ и довольно важную для уясненія факта, что *наша* цивилизація для низшихъ племенъ оказывается невозможною, не имѣетъ для нихъ привлекательности и фактически истребляетъ ихъ. Пелларенъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументомъ, что, при допущеніи невозможности прогресса для расъ дикихъ, пришлось бы подписать смертный приговоръ всѣмъ дикимъ племенамъ, и не рѣшается допустить возможность этого. Аргументъ, приведенный Пеллареномъ, конечно ненаученъ. Изъ того, что, въ случаѣ невозможности совершенствоваться, низшія расы были бы обречены на погибель, нельзя еще ничего заключить о фактѣ ихъ способности къ прогрессу. Предполагать въ природѣ сожалѣніе, разумность и цѣлесообразность вѣдѣ чувствующихъ и желающихъ особей, значило бы вносить въ науку тѣ causes occultes, о которыхъ⁴

¹ См. гл. 11.

² Гл. 12.

³ Гл. 14.

⁴ См. гл. 4.

слишкомъ уже долго задерживали науку; если онѣ недоступны опиту по самой своей сущности, то объ нихъ можно сказать, что онѣ не существуютъ. Природа подписала смертный приговоръ слишкомъ многимъ группамъ существъ, чтобы позволительно было усомниться въ ея готовности столь же безжалостно исполнить подобный приговоръ и надъ сколькими угодно расами людей. Человѣку *можетъ* быть и *должно* быть это жаль; человѣкъ, подписывающій смертный приговоръ человѣку безъ крайней необходимости, едва-ли по своему развитію стоитъ высоко въ ряду существъ своего рода. Но природа знаетъ *только* необходимость. — Впрочемъ, неправильность одного аргумента оставляетъ нетронутыми другіе. Согласимся въ фактъ, что низшія расы гибнуть подъ вліаніемъ нашей цивилизаціи; допустимъ, что онѣ *могутъ* погибнуть безъ малѣйшаго нарушенія общихъ законовъ природы относительно жизни и смерти единичныхъ и коллективныхъ существъ; положимъ даже, было бы доказано, что не только миссіонерство, но пропаганда европейской цивилизаціи по мысли Колензо и Гэрриса оказалась бы совершенно безсильною предъ отвращеніемъ дикихъ племенъ отъ формъ нашей жизни. Все это еще не доказательство, что они *должны* погибнуть и не могутъ вообще совершенствоваться. Европейская цивилизація въ такомъ только случаѣ могла бы объявить себя *окончательнымъ* идеаломъ человѣческаго общества, когда бы человѣкъ сталъ на точку зрѣнія муравья и рѣшился бы столь же энергически противодѣйствовать всякому измѣненію въ настоящемъ строѣ, какъ члены муравейника отстаиваютъ неподвижность своихъ частей, своихъ невольниковъ, дойныхъ вшей и т. п. Голоса, протестующіе противъ неизмѣнности культурныхъ формъ, не переставали раздаваться съ тѣхъ поръ, какъ въ XIII вѣкѣ пробудилась новая Европа. Тогда протестовали противъ другихъ культурныхъ формъ. Эти формы измѣнились значительно. Но, по мѣрѣ ихъ измѣненія, требованія новыхъ, еще болѣе обширныхъ измѣненій все росли, особенно съ того времени, какъ новая Европа вступила въ свой настоящій фазисъ въ XVII вѣкѣ. Критика науки написана на знамени ея представителей. Измѣненіе общественнаго строя соотвѣтственно требованіямъ справедливости или пользы большинства есть явно высказанное требованіе ея соціальныхъ теоретиковъ и ея популярнѣйшихъ предводителей въ политическихъ столкновеніяхъ. Все это указываетъ на существованіе въ самомъ умственномъ и жизненномъ строѣ современной Европы глубокаго убѣжденія, что ея культура не окончательная, что эта культура есть *одна* изъ историческихъ фазисовъ развитія человѣчества, что буду-

щее представить болѣе полное осуществленіе идеаловъ, которые теперь лишь темно рисуются въ воображеніи большинства. Дѣло не въ томъ, будетъ ли этотъ неосуществленный еще идеалъ называться въ свое время *гармоніей* или какъ нибудь иначе, но въ немъ потребности человѣка отдѣльно и коллективно будутъ удовлетворены лучше, чѣмъ онѣ удовлетворяются теперь. Слѣдовательно нисколько не лишено вѣроятности изложенное выше предположеніе Пелларена; въ чловѣкѣ существуютъ требованія личной свободы и устраненія неравенства; эти требованія въ культурѣ дикарей осуществляются нѣсколько ощутительнѣе для личности, чѣмъ при господствѣ юридическихъ формъ и конкуренціи капиталовъ, составляющемъ отличительную черту культуры настоящаго періода; не лишено вѣроятности предположеніе, что эти требованія будутъ полнѣе осуществлены въ ожидаемую эпоху высшей культуры, чѣмъ нынѣ, и что, слѣдовательно, дикія племена, которыя доживутъ до нея, будутъ совершенно способны принять эту высшую культуру, хотя совершенно неспособны принять нашу. Что подобные случаи представлялись и представляются, тому служить доказательствомъ исторія. Негры оказались способными жить въ Либеріи и участвовать, какъ полноправные граждане, въ передовомъ государствѣ міра *, хотя весьма сомнительно, чтобы они оказались способными примкнуть къ феодальному строю прежней Европы или даже къ той смѣси феодализма съ юридически-промышленнымъ строемъ, которая осталась въ культурѣ современной Европы. Здѣсь мы имѣемъ фактъ, что культуры прежней и новой Европы удовлетворяютъ меньшему числу человѣческихъ потребностей, чѣмъ культура американская, и потому могли лишь избивать негровъ, развращать ихъ или обращать въ невольничество, тогда какъ послѣдняя дозволяетъ имъ участвовать въ общественной жизни. Еще разительнѣе примѣръ, можетъ быть, представляютъ евреи, которые остались особнякомъ въ присутствіи всѣхъ восточныхъ, древне-классическихъ и феодальныхъ цивилизацій, а, подъ вліяніемъ движенія новыхъ европейскихъ идей, сами оказались способными къ реформамъ и приняли самое живое и вліятельное участіе въ жизни Европы нашего времени, болѣе и болѣе сливая свои интересы съ интересами государствъ юридически-промышленнаго строя. Если юридически-промышленная цивилизація новаго времени сдѣлала такіа пріобрѣтенія, какъ въ своихъ менѣе чистыхъ формахъ (европейскихъ), такъ и въ болѣе чистой (американской), то совершенно

* Гл. 12.

дозволительно надѣяться, что слѣдующая ступень ея будетъ способна охватить еще нѣкоторыя расы человѣчества, и ввести ихъ въ общечеловѣческое общеніе; новый шагъ можетъ обозначиться опять новыми завоеваніями цивилизаціи; и, по аналогіи, нѣтъ причины не допустить, что можно придти къ формѣ цивилизаціи, доступной всѣмъ расамъ, не потому что она достаточно *низка*, а потому что она достаточно *высока*, т. е. такъ несложна въ своихъ формахъ, такъ нестѣснительна для личностей, такъ прямо относится къ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ ихъ потребностямъ, и такъ хорошо выработала технику для удовлетворенія этихъ потребностей, что достаточно быть человѣкомъ для пониманія ея выгодъ и для участія въ ея механизмѣ. Степень этого участія будетъ уже опредѣляться не различіемъ расъ, а различіемъ индивидуальныхъ способностей, подобно тому, какъ участіе въ политической жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ опредѣляется уже теперь лишь способностью личности къ успѣшной конкуренціи съ другими на почвѣ юридической и промышленной. Такимъ образомъ, кажется, можно допустить съ нѣкоторою увѣренностью предположеніе: чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ она доступнѣе большому числу личностей.

Но уже слово *доступнѣе*, нами употребленное, указываетъ, что цивилизація не есть что-либо само собою достигающееся личности. Это — благо, которое находится въ кругѣ *возможности* для личности, но требуетъ отъ нея самостоятельнаго труда. Еврей въ Европѣ можетъ сдѣлаться Мозесомъ Мендельсономъ, Мейерберомъ, Гейне, Кремье, д'Израэли или Лассалемъ, но для этого нужно, чтобы онъ, какъ личность, доработался мыслию до одного изъ первыхъ мѣстъ въ обществѣ по наукѣ, по искусству или по общественной дѣятельности. Негръ *можетъ* занять мѣсто среди законодателей одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ міра, но для этого онъ долженъ приобрѣсти *умственное* вліяніе на согражданъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся опять съ элементомъ *мысли*, необходимымъ при усвоеніи цивилизаціи. Личность или общество можетъ возвыситься съ низшей точки цивилизаціи на высшую или усвоивъ высшую культуру, вмѣстѣ съ мыслию, ее оживляющею, или прилагая къ своей собственной культурѣ процессъ переработывающей мысли. Какъ первое, такъ и послѣднее можетъ быть принесено личности и обществу извнѣ. Первый приемъ удаченъ иногда, но не всегда, и чѣмъ выше культура, чѣмъ болѣе она даетъ простора мысли, и чѣмъ доступнѣе перера-

боткѣ, тѣмъ бѣльшій кругъ личностей и племень она можетъ захватить. Но второй приѣмъ не имѣетъ этихъ недостатковъ.

Мысль есть общій элементъ для самыхъ различныхъ цивилизацій. Онѣ разнятся культурными формами, и эти формы, какъ мы уже говорили, могутъ быть до крайности разнообразны. Но мысль въ своемъ критическомъ процессѣ обща всему мыслящему. Ея методы вездѣ и всюду одинаковы, вездѣ и всюду приложимы, потому что требуютъ постоянно одного и того же, и только этого: улучшения существующаго помощью средствъ, данныхъ этимъ же существующимъ. Они требуютъ истины и справедливости, но не истины вычитанной, завѣщанной или прорицаемой, а истины, вытекающей изъ фактовъ, доступныхъ наблюденію; не справедливости, заключенной въ обычаи, въ законъ или въ догматы, а справедливости, вынесенной изъ жизни. Поэтому мысль есть элементъ цивилизаціи, принадлежащій всѣмъ временамъ и народамъ, приложимый повсюду и всегда; культура же есть начало мѣстное и временное, подлежащее критикѣ и измѣненію по мѣрѣ надобности и возможности. Перве сказалъ, что всемірныи культъ, всемірныя учрежденія и всемірное воспитаніе столь же невозможны, какъ общій языкъ и общій миръ *. Относительно послѣднихъ слишкомъ дерзко предсказывать невозможность ихъ въ будущемъ. Невозможность всемірнаго культа и всемірныхъ учрежденій довольно вѣроятна, вслѣдствіе разнообразія культуръ, да и стремиться къ подобнымъ всемірнымъ формамъ — дѣло лишнее. Относительно же воспитанія можно сказать, что, при крайнемъ разнообразіи его приѣмовъ, вслѣдствіе личнаго разнообразія между учениками, его методы всемірны и единообразны, какъ сама мысль. Когда Пелларенъ, вслѣдъ за Фурье, ставилъ рубрики общественнаго строя въ ихъ послѣдовательной серіи, онъ не могъ не ошибиться, точно также, какъ нельзя примѣнить къ развитію цивилизаціи серіи религиозныхъ формъ. Политензмъ, монотензмъ и фетишизмъ такія же культурныя, зоологическія формы въ человѣчествѣ, какъ полигамія и моногамія, невольничество, патриархатъ, деспотизмъ, торговая олигархія и т. п. Сами они, какъ обычаи и преданія, не имѣютъ никакого значенія; они важны въ моментъ своего появленія, какъ признаки мысли, стремящейся къ улучшенію общества, къ истинѣ и справедливости, или къ эксплуатациіи общества въ виду частныхъ цѣлей или узко-понятой пользы. Присутствіе или отсутствіе той или другой общественной формы само по себѣ ничего не доказы-

* Гл. 11.

васть въ пользу или во вредъ племени, гдѣ она присутствуетъ или отсутствуетъ. Та или другая форма семейнаго союза столь же мало свидѣтельствуетъ о высшемъ развитіи человѣческой расы, какъ болѣе или менѣе тѣсная семейная связь у птицъ, служить, по Вундту *, свидѣтельствомъ умственнаго развитія того или другаго вида. Невольничество, при своемъ появленіи, какъ замѣна избіенія плѣнныхъ, было результатомъ прогрессивной мысли. Невольничество, какъ требованіе плантаторовъ южной конфедераціи, было результатомъ мысли реакціонной. Невольничество во множествѣ странъ міра есть не болѣе, какъ культурный обычай предковъ, противъ котораго мысль должна бороться, внушая невольникамъ, что они не должны терпѣть своего положенія, а рабовладѣльцамъ, что они не должны терпѣть у себя невольниковъ, но минута освобожденія опредѣляется всею исторіею общества. Крѣпостное право было дикимъ анахронизмомъ въ Россіи 1855 года, какъ въ продолженіи всей исторіи нашего отечества, потому что было время, когда этотъ обычай не существовалъ; но тамъ, гдѣ онъ служилъ переходомъ отъ худшаго положенія, онъ имѣлъ свой періодъ исторически-правомѣрнаго существованія. Это прилагается и ко всѣмъ культурнымъ формамъ.

Для трезваго мыслителя есть культурныя формы индифферентныя, пріятныя, отвратительныя, сравнительно лучшія, но нѣтъ ни одной *безусловно-истинной* и *безусловно-справедливой*. Мы видѣли, что Лацарусъ прямо указалъ, на сколько для движенія человѣчества необходимо «появленіе новыхъ идеальныхъ элементовъ». Нѣтъ «наилучшей организаціи общественныхъ отношеній», какъ Гизо опредѣлилъ вначалѣ цивилизацію по первому представленію о ней **. Мысль личности, изъ всякой данной организаціи, можетъ выработать другую, лучшую. Въ строѣ европейскаго общества, какъ и всякаго другаго, обычай и преданія, накопленныя исторіею, сами по себѣ не имѣютъ никакого человѣчнаго значенія. Они важны на столько, на сколько осмыслены и сознаны, какъ *возможно лучше* при современныхъ условіяхъ распредѣленія знаній и потребностей. Они имѣютъ свою историческую причину, потому, что было время, когда они составляли результатъ работы мысли. Они имѣютъ свое оправданіе въ настоящемъ, потому что потребности бѣльшаго или меньшаго класса ими удовлетворяются. Но мыслитель не борется противъ нихъ лишь до тѣхъ поръ, пока новая мысль

* Гл. 6.

** Гл. 2.

не вироботала *лучшаго* средства удовлетворять насущнымъ потребностямъ. Вся европейская *культура* есть лишь временная одежда общества, пока европейская *мысль* не найдетъ новой.

И протестъ противу наличныхъ формъ культуры, стремление переработать ихъ въ лучшія, не исчезаетъ. Въ передовыхъ племенахъ міра элементъ мысли настолько уже силенъ, что можетъ съ успѣхомъ заявлять свои протесты, частью приводить ихъ въ дѣло, а, главное, расширяться замѣтно въ обществѣ. Этому способствуютъ двѣ культурныя особенности новаго общества: распространяющійся обычай научнаго образованія и научнаго авторитета; расширяющееся преданіе свободныхъ политическихъ учреждений, обеспечивающихъ личности безопасность при критикѣ существующей культуры. Эти два культурные элемента, входя болѣе и болѣе въ привычки передовыхъ народовъ, даютъ уже несравненно болѣе правильное и несгнсенное теченіе мысли, перерабатывающей современную культуру во всѣхъ ея областяхъ.

Но эти условія не даютъ еще намъ права ставить современную цивилизацію особнякомъ и отнимать это названіе у предшествовавшихъ фазисовъ общественнаго развитія. Если теперь существуютъ условія, при которыхъ работа мысли идетъ успѣшно, то и при другихъ культурныхъ условіяхъ она могла имѣть обезпеченія другаго рода; а какъ только работа мысли была обезпечена и могла побороть совокупность двухъ силъ, ей противодѣйствующихъ, природную обстановку и культурный застой, то прогрессивный элементъ преобладалъ надъ зоологическимъ и цивилизація имѣла мѣсто. Научное образованіе, научные авторитеты, свобода мысли обезпечены въ передовыхъ націяхъ нашего времени закономъ и опираются на общественный капиталъ. Законъ и капиталъ образуютъ въ своемъ соединеніи тотъ культурный элементъ, который, если не ошибаемся, составляетъ существенное отличіе современнаго строя отъ предыдущаго. Государство, это «божественно-земное» (irdisch-göttliches) начало Гегеля *, помощью бюджета, стало преобладающимъ капиталистомъ; на основаніи этого преобладанія, оно оцѣпило общество служебною сѣтью администраціи, и сквозь всѣ тѣни живаго общественнаго тѣла проткнуло скелетъ закона съ его искусными механическими сочлененіями. Въ политическихъ учрежденіяхъ личность приобрѣла право критически относиться ко всѣмъ этимъ существеннымъ элементамъ культуры,

* G. W. Fr. Hegel: «Grundlinien der Philosophie des Rechts» (1833) 354.

но на основаніи *изъ же*. Личность, обеспеченная капиталомъ, и стоящая на твердой юридической почвѣ, можетъ, въ большой части передовыхъ націй, быть самостоятельна въ своихъ дѣйствіяхъ, смѣла въ своей критикѣ, энергична въ ея перенесеніи въ жизнь. Но громадное преобладаніе государственнаго капитала надъ частнымъ и законной формы надъ личными усилями дѣлаютъ для большинства личностей борьбу невозможною. Къ тому же, одно изъ слѣдствій юридически-промышленнаго строя современности есть зависимость правоспособности личности отъ ея капитала. Эта зависимость, въ большей части государствъ Европы, вошла даже въ законъ, въ формѣ различныхъ цензовъ, ограничивающихъ правоспособность личности въ разныхъ областяхъ; только сѣверо-американскій строй исключилъ ее изъ закона, хотя не могъ исключить изъ жизни. Если юридически-промышленный строй государства далъ личности болѣе и болѣе возможности критически относиться къ культурѣ и перерабатывать ее мыслию, то онъ же установилъ предѣлы дозволеннаго, и болѣе прежняго стѣснилъ мысль въ ея поискахъ *за этими предѣлами*, такъ-какъ, при лучшей администраціи и при болѣе строгой систематичности законодательства, труднѣе стало личности ускользать отъ кары за нарушение даннаго культурнаго порядка. Въ уясненіи отношенія личной воли къ государственному закону и личныхъ силъ къ капиталу лежитъ основная соціологическая работа мысли въ наше время, именно потому, что законъ и капиталъ составляютъ основные культурные принципы настоящаго европейскаго строя и могутъ быть точно также направлены во вредъ развитія общества, какъ и въ пользу его.

Вообще, въ тѣхъ самыхъ націяхъ, которыя теперь стоятъ во главѣ цивилизаціи, еще много остается сдѣлать для переработки культуры мыслию и для правильнаго взаимнаго отношенія этихъ элементовъ. Около самыхъ двигателей цивилизаціи, около людей мысли, стоитъ въ самыхъ высшихъ слояхъ общества значительное число личностей, для которыхъ все добытое европейскою мыслию, наравнѣ съ остатками исторіи прошлыхъ вѣковъ, есть не что иное, какъ обычай, преданіе, привычка, т. е. чисто-зоологическій элементъ. И ниже, во всѣхъ слояхъ, на которые давитъ современная культура, еще большинство живетъ лишь культурною, зоологическою жизнію привычки и преданія. Правда, мысль просыпается на всей глубинѣ слоевъ европейскаго общества. Всюду слышится требованіе лучшаго строя, болѣе осмысленныхъ отношеній между личностями, болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ. Но еще преданія крѣпки, ру-

тина сильна, и работа людей мысли въ областяхъ теоріи и практики не довольно согласна, чтобы переработка нѣтъшней европейской цивилизаціи въ новую, лучшую, шла такъ быстро, какъ того бы требовало положеніе дѣлъ.

На прежнихъ ступеняхъ общественнаго развитія личность была поставлена иначе въ отношеніи къ культурѣ. Законы государства опирались на меньшій капиталъ, онъ преобладалъ въ рукахъ частныхъ лицъ и семей. Оттого законъ былъ слабѣе, государственный строй былъ не на столько въ состояніи связывать личность. Борьба сильныхъ личностей: капиталистовъ, собственниковъ, главъ городскихъ и религіозныхъ общинъ, подвергала слабыхъ безпрестанному произволу, но, въ то же время, давала имъ возможность безнаказанно вносить критику мысли въ самыя заповѣдныя области теоріи; иногда даже удавались попытки внести ее въ жизнь. Наука не имѣла методовъ, усвоенныхъ традиціею университетскихъ кафедръ, но личность отыскивала свои методы болѣе или менѣе точныя и удивляющія насъ иногда силою и гибкостію мысли. Привычка къ неприкосновенности личности не существовала, но личности, не огражденныя отъ произвола, вырабатывали въ себѣ тѣмъ болѣе энергіи для борьбы, исходъ которой онѣ не могли прочесть въ кодексѣ, и приискивали новые способы сплотиться и оградить себя, не стѣсненныя никакими постановленіями о дозволенныхъ ассоціаціяхъ. Тогда другіе обычаи, другія преданія стѣсняли работу мысли. Фетишизмъ въ многообразныхъ его формахъ былъ болѣе распространенъ; необезпеченность личности дѣлала для большинства прогрессивную дѣятельность невозможною; культурные элементы преобладали въ большемъ числѣ личностей и занимали болѣе мѣста въ строѣ мысли самыхъ передовыхъ личностей; наконецъ самыя формы культуры были менѣе удобны и въ особенности менѣе прочны. Но именно послѣднее обстоятельство, неудобство и непрочность формъ, вѣчная борьба, вѣчное безпокойство за завтра — возбуждали въ высшей степени дѣятельность личностей, работу мысли, недовольство существующимъ. Культурный строй не могъ окончить, потому что постоянно подвергался потрясеніямъ и въ этихъ потрясеніяхъ мысль находила возможность крѣпнуть и отыскивать новые способы дѣйствія.

19. Соціологическія рубрики.

Придя къ рассмотрѣнію общественныхъ формъ, предшествовавшихъ нашей цивилизаціи, мы встрѣчаемся съ разнообраз-

ными рубриками, употребленными тѣмъ или другимъ авторомъ для обозначенія послѣдовательныхъ періодовъ развитія челоуѣчества, и, прежде всего, намъ приходится вернуться къ періодамъ Фурье-Пелларена *. Мы уже говорили о неудобствѣ приложить какія либо крупныя рубрики къ явлениямъ, столь разнообразнымъ, какъ общественныя формы, въ точно-научномъ смыслѣ. Разговорный языкъ, конечно, употребляетъ и будетъ употреблять термины дикости, варварства, патриархата и цивилизаціи для отличенія одного общественнаго строя отъ другаго, но въ довольно неопредѣленномъ значеніи. *Дикость* при этомъ остается приличнымъ терминомъ для всего того, что стоитъ на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, такъ что животныя, обособляющія влеченія, преобладаютъ надъ всякимъ связующимъ общественнымъ идеаломъ. Терминъ *патриархата* вызываетъ представленіе о строѣ, гдѣ преобладаетъ родовое начало. Терминъ *варварства* — представленіе о преобладаніи союза для военныхъ хищническихъ цѣлей. Что касается до *цивилизациі*, то еслибы это слово дѣйствительно вошло въ употребленіе, какъ терминъ, обозначающій *особенную* культурную форму, то для него нельзя было бы найти болѣе вѣрной и добросовѣстной характеристики, какъ слова: культура, похожая на строй жизни современной Европы. Все, что мы вздумали бы сдѣлать для обособленія этихъ четырехъ терминовъ съ болѣею точностью, свелось бы, для втораго и третьаго, на дедуцію изъ понятія о родовомъ и военно-хищническомъ бытѣ, или на черты, надерганныя отсюда и оттуда. Затѣмъ характеристика цивилизаціи заключала бы фактическое развитіе характеристики, приведенной выше, т.-е. мы бы старались внести въ это развитіе всѣ самыя крупныя особенности общественнаго строя современной Европы. Для дикости, намъ бы остались отрицательныя признаки обществъ, не подходящихъ, по нашему мнѣнію, подъ рубрики варварства и патриархата.

Если же мы отнеслись бы къ нашему вопросу съ болѣею научностью, то съ нашими рубриками совершилось бы то же, что нынче совершается съ рубриками видовъ и родовъ въ естественной исторіи. Онѣ бы расплылись на множество разнообразныхъ формъ. Мы бы нашли сотню различныхъ дикостей, различныхъ патриархатовъ, различныхъ варварствъ, различныхъ цивилизацій; и каждая изъ этихъ формъ имѣла бы свои весьма характеристическія черты, и, при внимательномъ изученіи, оказалось бы, что иная дикость гораздо менѣе разнится отъ инаго

* Гл. 14.

патріархата или варварства, чѣмъ отъ какой либо другой дикости; иное варварство съ такимъ же правомъ можно отнести къ патріархату или къ цивилизації, какъ къ варварству; иная цивилизація до такой степени проникнута элементами варварства, патріархата и даже дикости, что лишь произволъ классификатора можетъ быть здѣсь рѣшительнымъ аргументомъ. Что же останется научнаго въ нашихъ крупныхъ соціологическихъ рубрикахъ? Для удержанія ихъ придется обратиться отъ *естественной* классификаціи (составляющей цѣль всѣхъ наукъ, гдѣ классификаціи нужны) къ классификаціи *искусственной*, т.-е. по одному или по немногимъ признакамъ. Но польза ея для соціологіи весьма сомнительна, и признакъ, принятый Фурье и Пеллареномъ для отличія цивилизації отъ варварства, не можетъ не вызывать улыбки. Это — единоженство. Но спрашивается, много ли мужчинъ живутъ въ *дѣйствительномъ* единоженствѣ въ центрахъ европейской цивилизації и въ классахъ, составляющихъ главныхъ представителей ея. Можно ли мормоновъ потому лишь считать варварами, что они приняли многоженство и ввели его въ религиозный обычай? Положеніе женщины въ обществѣ есть, конечно, весьма важный признакъ высшей или низшей ступени общественнаго развитія, но существованіе или несуществованіе закона о единоженствѣ составляетъ весьма маловажное обстоятельство для этого разносторонняго вопроса.

Между тѣмъ мысль объ установленіи рубрикъ для соціологическихъ періодовъ человѣческаго общества постоянно возвращается подъ разными формами. Мы видѣли, что Летурун пробовалъ ее осуществить унодобленіемъ періодовъ развитія общества періодамъ развитія личности, 'періодамъ питанія, чувства, нравственнаго аффекта и мысли *. Эти періоды также могутъ найти себѣ оправданіе, если ихъ принять за неопредѣленные рубрики разговорной рѣчи, и столь же мало могутъ имѣть притязанія на научную точность, еслибы вздумали подвести всѣ человѣческія общества подъ одну изъ этихъ рубрикъ и дать имъ строгую характеристику. Разнообразіе конкретныхъ формъ обществъ и разнообразіе развитія личностей въ одномъ и томъ же обществѣ составили бы здѣсь, можетъ быть, и еще болѣе рѣшительное препятствіе, чѣмъ для членовъ серіи III. Фурье. То же можно сказать и о трехъ ступеняхъ общественнаго развитія, на которыя указалъ Диксонъ въ своей запискѣ «О великихъ лугахъ и луговыхъ индіанцахъ», читанной въ послѣднемъ собраніи британской ассоціаціи. Мысль о томъ, что охот-

* Гл. 7.

ничество и земледѣліе представляютъ эти три ступени, очень не нова, а мысль, что лишь перехода чрезъ эти ступени въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ общество можетъ развиться — сомнительна, хотя она и нашла въ британской ассоціаціи поддержку извѣстнаго путешественника Вамбери и епископа Лабунанскаго, пробывшаго 20 лѣтъ въ Борнео *. Къ этой же категоріи относится и раздѣленіе Уэструпа (Westrupp), высказанное предъ лондонскимъ антропологическимъ обществомъ ** о неизмѣнномъ порядкѣ четырехъ фазисовъ цивилизаціи: первобытно-варварскаго, охотничьяго, пастушескаго и земледѣльческаго. Къ тому же здѣсь первый періодъ не имѣетъ смысла, какъ особенный періодъ жизни человѣческаго общества. Пока человѣкъ не существовалъ охотою, и жилъ еще плодами (если былъ такой періодъ, на что, впрочемъ, есть современныя указанія Бэтса, для Бразиліи) то едва-ли онъ былъ человѣкомъ, или если и можно было его признать человѣкомъ, едва-ли онъ жилъ въ постоянномъ обществѣ. Поэтому первый періодъ Уэструпа слѣдуетъ слить съ послѣдующимъ, и остаются прежніе періоды Диксона, извѣстные уже и изъ учебниковъ со всею ихъ неопредѣленностью.

Но если намъ приходится отвергнуть термины, употребленные Ш. Фурье и Пеллареномъ, въ смыслѣ социологическихъ періодовъ, какъ пришлось бы, вѣроятно, отвергнуть всякія другія необходимыя рубрики этого рода для тысячъ разнообразныхъ культуръ, представляемыхъ исторіею, — это еще не значитъ, чтобы мы не придавали этимъ терминамъ важности въ другомъ смыслѣ. Такъ-какъ народженіе личностей, связывавшее ихъ въ семью и въ родъ, было *естественнымъ* условіемъ, способствовавшимъ сближенію людей и ссрѣвленію связи между ними; такъ-какъ безпрестанная борьба была также *естественною* традиціею, полученною изъ до-человѣческаго, зоологическаго періода, и должна была вызвать союзы съ военными дѣлами, — то термины *патріархатъ* и *варварство*, какъ обозначающіе общественные *элементы*, имѣютъ полное право на мѣсто въ социологіи и выказываютъ большую проникаемость ума со стороны тѣхъ, кто ихъ поставилъ на видъ. Но это *элементы*, а не *періоды*. Въ различныхъ степеняхъ смѣшенія, и усложненные большею или меньшею обособленностью элемента теократическаго, элемента промышленной ассоціаціи и другихъ менѣе значительныхъ, они давали культурѣ самыя разнообразныя формы, образуя, при

* «Quart. Journ. of Science» № XX, 535 и сл.

** «Journ. of the A. S.» V, CXCH и сл.

различныхъ обстоятельствахъ, историческія серіи, едва-ли схожія одна съ другою. Мало по малу въ нихъ выработывался и изъ нихъ выдѣлялся элементъ закона съ его отдѣльными органами, укрѣпляясь присвоеніемъ все болѣе значительнаго капитала безличному собственнику, государству, присутствующему въ буквѣ кодекса. Современная культура получила свое начало съ той минуты, когда государство стало преобладающимъ элементомъ надъ прочими.

Если перейдемъ къ низшей ступени общественной лѣстницы по Фурье и Пелларену, то здѣсь мы встрѣчаемъ терминъ *дикости*, охотно противопоставляемый *цивилизаци*, какъ ея отсутствіе или ея противоположность; такъ что, съ одной стороны, мы находимъ стремленіе расширить его на весьма многія культурныя формы, въ представленіи наблюдателя рѣзко отличающіяся отъ *нашей* цивилизаци; съ другой, мы замѣчаемъ побужденіе ограничить его приложеніе самыми элементарными культурными формами, выдѣля изъ него всякую общественность, сколько нибудь развитую въ ея проявленіяхъ. Иные ученые, держась ближе этимологій слова, готовы признать дикарями лишь тѣ отдѣльно живущія личности, о которыхъ мы имѣемъ отрывочныя и не особенно достовѣрныя свѣдѣнія. Другіе готовы назвать дикими и дагомейцевъ. Мы видѣли, что многіе члены антропологическаго общества прямо протестовали противъ употребленія этого термина въ научномъ смыслѣ: конечно, довольно странно встрѣтить, хотя бы у Шафгаузена, *общій* портретъ дикихъ *. Самая попытка подобнаго портрета, обобщающаго племена, весьма различныя по происхожденію, отстоящія по мѣсту жительства на огромныя пространства — не можетъ не возбудить сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, и для термина *дикости* можно найти значеніе довольно опредѣленное, хотя болѣе отрицательное, но, при этомъ, сходное съ обычнымъ значеніемъ термина въ разговорномъ языкѣ. Всякое общество, въ которомъ ни родовой союзъ ни военный не являются еще преобладающими элементами, можетъ быть отнесено къ дикимъ; и въ культурѣ всякаго общества можно отнести къ элементу дикости всѣ тѣ проявленія личнаго эгоизма, гдѣ человекъ, не оспаривая культурныхъ формъ и не выработываясь изъ нихъ мыслію, употребляетъ ихъ, какъ орудіе для своихъ личныхъ цѣлей, въ ущербъ другимъ людямъ, съ которыми онъ связанъ этими формами. Въ такомъ случаѣ дикость, въ смыслѣ культурнаго состоянія, обниметъ всѣ низшія культурныя формы,

* Гл. 9.

что согласно съ общимъ употребленіемъ слова. Въ смыслѣ же культурнаго элемента, она обвинетъ тѣ проявленія мысли, и обычаи изъ нихъ истекающіе, которые принадлежатъ низшимъ формамъ отношенія личности къ обществу, именно эксплуатаціи общественныхъ формъ личностью для своихъ цѣлей. Какъ прогрессивная работа мысли надъ культурою есть элементъ развитія цивилизаціи, такъ регрессивная работа мысли, эксплуатаціи культуры личностями, ведетъ, какъ мы говорили выше, къ гибели общества, и потому едва-ли не удобно примѣнить къ подобному разрушающему общественному элементу терминъ *дикости*. Можно считать совершенно правильнымъ приложеніе названія дикаго къ эксплуататору общества съ высшими формами, который неспособенъ усвоить себѣ цивилизующаго элемента общества, его прогрессивной мысли, неспособенъ подчиниться культурнымъ формамъ, какъ люди культуры, усвоившіе себѣ привычки семьянина, члена рода, члена сословія, сектатора даннаго культа и т. под., но противопоставляетъ всѣмъ интересамъ цивилизаціи свои личныя, болѣе или менѣе животныя влеченія. Подобную же неспособность войти въ интересы высшей цивилизаціи приписываютъ и дикарямъ вообще. Прюнеръ-бей пришелъ къ нѣскольکو искусственному заключенію, что есть только дикія личности, а не дикіе народы *. Мы допустимъ то и другое въ смыслѣ, довольно близкомъ при употребленіи слова въ приложеніи къ тѣмъ и другимъ.

Если въ этомъ смыслѣ мы станемъ употреблять терминъ дикости и прилагать его къ различнымъ обществамъ, живущимъ въ низшихъ культурныхъ формахъ, то прежде всего мы встрѣчаемся съ обвиненіемъ дикихъ въ неспособности цивилизоваться вообще. Мы уже имѣли случай замѣтить, что подобное обвиненіе, въ его общемъ смыслѣ, едва-ли справедливо. Съ одной стороны, согласно замѣчанію Пелларена, европейская культура, приносимая дикарямъ, можетъ быть имъ негодна, и это еще не доказываетъ, что имъ не будетъ годна культура, нѣскольکو высшая. Съ другой же стороны, они могутъ цивилизоваться инымъ путемъ, приложеніемъ методовъ европейской мысли къ ихъ цивилизаціи, безъ перенесенія къ нимъ формъ европейской культуры, и этотъ приемъ до сихъ поръ приложенъ не былъ, насколько извѣстно, къ цивилизованію дикихъ народовъ. Но оставляя въ сторонѣ это обстоятельство, самая неспособность ихъ усвоить основы европейской культуры подлежитъ еще въ значительной степени сомнѣнію, и при этомъ всегда слѣдуетъ

* Гл. 11.

припомнить замѣчаніе, высказанное Руфцомъ въ преніяхъ 1860 года, что народы высшей цивилизаціи весьма часто считали неспособными къ цивилизаціи племена, для которыхъ послѣдующая исторія доказала противное *. Для австралійцевъ, относительно которыхъ мы имѣемъ наибольшее число данныхъ, и противъ способности которыхъ къ цивилизаціи Брокъ собралъ такую массу фактовъ, мы имѣемъ и прямо-противоположныя свидѣтельства Прюнеръ-бея и Герштейкера, тоже не голословныя, а основанныя на фактахъ. Брокъ и другіе говорятъ, что они неспособны дойти до понятія о трудѣ; это пишутъ и о другихъ дикихъ. Прюнеръ-бей указалъ на такіе примѣры техники туземцевъ въ Австраліи, что остается лишь допустить существованіе нѣсколькихъ, различно развитыхъ, племенъ на этомъ материкѣ. Однако, и относительно австралійцевъ, ближайшихъ къ англійскимъ колоніямъ, Прюнеръ-бей сослался на свидѣтельства, что они толпами приходятъ въ города *искать* работы, не говоря уже объ отрасляхъ труда, къ которымъ ихъ приучили. Руфцъ справедливо замѣчаетъ, что ошибка заключалась въ «принужденіи къ труду», и дѣйствительно, это противно здоровой педагогіи. Былъ поставленъ вопросъ: выше ли американскій индіанецъ негра или ниже его, такъ-какъ первый не могъ быть приученъ къ труду, подобно послѣднему, и это спасло перваго отъ невольничества, но способствовало его вымиранію. Но и этотъ вопросъ поставленъ не совсѣмъ вѣрно, потому что негръ былъ приученъ къ *принудительному* труду, а трудъ свободный могъ быть доступенъ и другимъ дикимъ племенамъ, да и на самомъ дѣлѣ *былъ* доступенъ, потому что у всѣхъ народовъ мы находимъ ту или другую культуру, ту или другую *технику*, что немислимо безъ нѣкотораго труда.

Впрочемъ, аргіогіи нельзя отвергнуть, что между племенами людей можно встрѣтить различную способность къ цивилизаціи: именно, какъ указалъ Брокъ **, вѣроятно, есть племена способныя, по своимъ физиологическимъ даннымъ и по обстановкѣ, выработать собственною мыслью высшую цивилизацію; есть другія племена, способныя усвоить данную высшую культуру, до которой бы они сами не дошли; наконецъ, есть племена, положительно неспособныя въ принятію данной культуры (что не отнимаетъ возможности и для нихъ цивилизоваться однимъ изъ путей, указанныхъ выше); они будутъ присутствовать при данной цивилизаціи, но не войдутъ въ ея жизненное движеніе.

* Гл. 11.

** Гл. 11.

Это совершенно совпадает съ тремя группами личностей въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ, группами, о которыхъ сказано выше. Первѣ правильно замѣтилъ, что въ равенствѣ всѣхъ человѣческихъ умовъ теперь уже вѣрить нельзя, но онъ же допустилъ, что всѣмъ людямъ доступно воспитаніе, то-есть, что ко всѣмъ племенамъ можно приложить развивающій процессъ мысли. Если же это возможно, то, при правильномъ приложеніи процесса, нѣтъ основанія сказать, до чего можетъ быть доведенъ воспитываемый, и это подрываетъ всякое догматическое увѣреніе о различной способности расъ къ совершенствованію, увѣреніе, которое встрѣчаемъ и у Первѣ. Столь обычное сближеніе дикарей съ дѣтьми скорѣе говоритъ въ пользу бѣльшей вѣроятности ихъ способности къ развитію, чѣмъ въ пользу меньшей. Ребенокъ есть существо, въ которомъ лежитъ возможность развиться всесторонне, но также и возможность умереть и возможность огрубѣть, испортиться и т. п. Значительное число дѣтей подвергаются случайностямъ послѣдняго рода, но нѣкоторые, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, развиваются. Отчего это все неприложимо и къ дикимъ племенамъ? Дѣло лишь въ томъ, чтобы найти благоприятныя обстоятельства. Въ противность этому выставляютъ аргументъ, что низшія расы въ дѣтствѣ способнѣе, также какъ и человѣкообразныя обезьяны, но, подобно имъ же, теряютъ способность, по мѣрѣ того, какъ входятъ въ возрастъ*. На это можно отвѣтить, что мы до сихъ поръ не умѣемъ приручить человѣкообразныхъ обезьянъ, да едва-ли и съумѣемъ это сдѣлать, такъ-какъ человѣкъ приручилъ лишь тѣхъ животныхъ, которыхъ обратилъ въ неволю. Слѣдовательно, намъ невозможно и на столько измѣнить условія существованія человѣкообразныхъ обезьянъ, чтобы устранить роковую судьбу, останавливающую развитіе всякой особи. Относительно дикихъ племенъ человѣка мы все-таки ближе, и не лишены на столько возможности сблизиться съ ними, чтобы облегчить для особей борьбу за существованіе и дать способнѣйшимъ возможность выработаться. Припомнимъ, что отношеніе высшихъ классовъ въ Европѣ къ низшимъ схоже съ отношеніемъ высшихъ расъ къ низшимъ. Было время, когда высшіе классы считали свою культуру совершенно недоступною низшимъ, говорили: это для народа; это для насъ. Люди, выходившіе изъ народа въ школы высшаго сословія, были потеряны для народа, потому что сближались въ интересахъ съ высшимъ сословіемъ, если не гибли

* См. гл. 11 и 16.

отъ своего ложнаго положенія. Но теперь уже сдѣлалась обычной истина, что желательнo и вполнѣ возможно развити низшія сословія не разрушая ихъ связи между собою, не вырывая личностей изъ ихъ среды, а только внося въ эту среду болѣе благоденствія и болѣе пониманія.

Для того, кто обратилъ вниманіе на законы психологін, очевидно, что всѣ свѣдѣнія о дикихъ племенахъ указываютъ не на *особый* психическій процессъ, а только на низшую ступень этого процесса. Изъ трехъ ступеней психического процесса: ощущенія, представленія и понятія, у нихъ весьма сильно развита первая и весьма слабо послѣдняя. Свидѣтельства, собранныя Лэббокoмъ и Шафгаузенoмъ, указываютъ, какъ ясно и отчетливо дикари различаютъ ощущенія *. Относительно второй ступени мы имѣли тоже согласныя показанія лингвистовъ о богатствѣ ихъ языковъ для отдѣльныхъ предметовъ, отдѣльныхъ явленій и т. д., т.-е. всего, что можно ясно представить себѣ. Напротивъ, обобщеніе представленій въ понятія у нихъ, какъ пишутъ, слабо; даже существуютъ свидѣтельства, будто у нѣкоторыхъ племенъ вовсе не существуетъ обобщающихъ словъ для понятій. Надо признаться, что это сомнительно во многихъ случаяхъ, такъ-какъ самый обыкновенный процессъ обобщенія есть распространеніе на родъ названія, существующаго для вида. Можетъ быть, это явленіе и имѣло мѣсто у дикихъ, но могло ускользнуть отъ вниманія свидѣтелей, болѣею частью миссіонеровъ, которые не должны быть особенно сильныя психологи, или путешественниковъ, недолго остававшихся въ странѣ. Конечно, еслибы было доказано, что племя не имѣетъ словъ для понятій и не можетъ еще перейти отъ представленій къ понятіямъ, то пришлось бы поставить подобное племя весьма низко въ умственномъ отношеніи, но и тутъ еще возможность не исчезла довести до составленія понятій сначала нѣсколько особей, а потомъ распространить привычку этого процесса. Оно можетъ быть неудачно въ двухъ-трехъ поколѣніяхъ, но не должно отчаиваться еще успѣть въ будущемъ. Катрфажъ сказалъ, что порода совершенствуется лишь двумя путями: подборомъ родичей и скрещиваніемъ **. Онъ полагалъ, что къ чelовѣческимъ расамъ приложимо лишь послѣднее средство и, въ смыслѣ физическаго подбора, онъ правъ. Но развивая способнѣйшія личности и давая имъ возможность имѣть болѣе обширное духовное потомство, развѣ нельзя приложить самый общій

* Гл. 10.

** Гл. 11.

пріемъ техниковъ-скотоводовъ и къ самому высшему техническому вопросу: къ полученію болѣе развитой расы людей?

Тѣмъ менѣе можно придавать значенія различію нравственныхъ качествъ, которое находятъ у разныхъ племенъ, что Брокъ совершенно справедливо поставилъ внѣ преній. И здѣсь особенно часто смѣшиваютъ ту обычную нравственность (Sittlichkeit), которая нераздѣльна отъ той или другой формы культуры, съ нравственными началами, развивающимися въ личности по неизмѣннымъ психическимъ законамъ и образующими личную нравственность (Moralität), столь же общеприложимую ко всѣмъ людямъ, какъ и процессъ мысли. При этомъ слѣдуетъ припомнить и замѣчаніе Вайца *: «Достаточно постыдныхъ фактовъ заставляеть насъ признаться, что грубая безчувственность и варварство встрѣчаются не въ меньшей степени среди бѣлой расы, какъ и среди краснокожихъ», и «пропасть, отдѣляющая цивилизованнаго человѣка отъ такъ-называемаго дикаго, вовсе не такъ велика, какъ воображаютъ». Лэббокъ говоритъ, что возмутительныя явленія у насъ исключеніе, у нихъ — правило **, но даже съ этой точки зрѣнія едва-ли болѣе достойны порицанія люди, слѣдующіе безъ разсужденія культурному обычаю, хотя и возмутительному, чѣмъ люди, сознательно совершающіе возмутительное дѣло въ противорѣчій съ общею культурою. Да и точно ли наши потомки скажутъ, что у насъ не было ничего возмутительнаго, возведеннаго въ правило?

Если при этихъ условіяхъ мы посмотримъ на задачу европейскіхъ цивилизаторовъ среди дикіхъ, то она оказывается двойною. Обычный пріемъ заключается въ привитіи дикимъ европейской культуры, но мы видѣли, что на европейскую культуру нельзя смотрѣть ни какъ на послѣдній результатъ развитія чловѣчества, ни, даже, какъ на заключающую въ себѣ нѣкоторыя, безусловно-годныя формы. Къ чему же навязывать эту одежду, которая, не сегодня — такъ завтра, износится и нами, народомъ, неспособнымъ напялить на себя это платье, спитое изъ разныхъ лоскутьевъ довольно изящно, но все-таки не такъ, чтобы оно могло годиться всѣмъ. Теперь наша культура, очевидно, не годится многимъ племенамъ. Но противъ нея раздаются многочисленныя протесты и среди насъ. Когда Европа сама, собственною мыслию, выработываетъ себѣ лучшую культуру, можетъ быть, и миссіонерская дѣятельность европейцевъ пойдетъ успешнѣе. Высшій фазисъ развитія, ожидаемый Пел-

* Th. Waitz: «Anthropologie d. Naturvölker», III, 259.

** Гл. 10.

дареномъ, можетъ захватить многія племена, упорно противо-дѣйствующія нашей цивилизаціи. Пока въ передовыхъ націяхъ міра зоологической элементъ культуры не подчинился въ достаточной степени человѣчному элементу мысли, до тѣхъ поръ мало вѣроятности, чтобы миссія этихъ націй среди низшихъ расъ могла быть прогрессивною, а не подавляющею.

Но вторая сторона задачи цивилизаторовъ заключается въ принесеніи дикимъ единственнаго элемента цивилизаціи, именно *мысли*. Когда на острова Южнаго моря явятся люди съ проповѣдью мысли, то-есть съ твердымъ намѣреніемъ не переносить къ чуждымъ племенамъ европейскаго обычая, а выработать изъ *даннаго* знанія туземцевъ нѣсколько болѣе истинны, изъ *даннаго* быта туземцевъ нѣсколько болѣе справедливости, возбудить въ нихъ самодѣятельность, а не подражательность, тогда, можетъ быть, дикіе не будутъ вымирать, но будутъ доступны прогрессу. Конечно, это требуетъ самаго тщательнаго изученія привычнаго способа мышленія и привычнаго взгляда на жизнь, существующаго между дикими. Но уже Перье замѣтилъ, что надо приноровиться къ культурѣ дикихъ, подобно тому, какъ мы говоримъ съ ними на ихъ языкѣ; переимчивость же ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться прогрессомъ *. Лишь въ возбужденіи самодѣятельности заключается возможность его, и примѣчаніе Делазіова остается справедливо въ отношеніи къ дикимъ, какъ въ отношеніи къ низшимъ классамъ болѣе цивилизованнаго общества: они противятся-даже хорошему, но навязанному извнѣ, какъ бы стѣсняющему ихъ свободу **. Можетъ быть, повторяемъ, болѣе искусный педагогическій приѣмъ спасетъ ихъ отъ гибели. Но для этого надо, чтобы въ самой Европѣ возможны были миссіонеры мысли, а мы сказали уже, что въ ней еще, для самыхъ передовыхъ общественныхъ группъ, не довольно ясно отдѣленіе элемента мысли отъ элемента культуры, человѣчнаго — отъ зоологическаго. Много въ ней самой надо еще поработать, чтобы это отдѣленіе вошло въ обычный приѣмъ мысли европейскихъ общественныхъ двигателей. Слѣдовательно, ждать приходится долго въ обоихъ случаяхъ, и для возможности обширнаго миссіонерства европейской мысли, и для того, чтобы Европа, перейдя въ новый культурный фазисъ, принесла далекимъ племенамъ культуру, способную обнять болѣе число личностей. Поэтому представляется печальный вопросъ: доживутъ ли дикія племена врасно-

* Гл. 11.

** Тамъ же.

кожихъ, полинезцевъ, австралийцевъ, быстро гибнущія на нашихъ глазахъ, до періода, когда эта лучшая миссія спасеть ихъ отъ гибели? Или участь тасманійцевъ должна совершиться надъ всѣми низшими расами, кромѣ негровъ и нѣкоторыхъ племенъ Южной и Центральной Америки?

20. Основной признакъ цивилизаціи.

Современныя намъ племена и пренная исторія народовъ, стоящихъ нынѣ въ числѣ наиболѣе цивилизованныхъ, представляетъ намъ примѣры преобладанія культурныхъ элементовъ военнаго союза, родоваго союза, теократіи, или еще низшихъ формъ, и потому мы справедливо можемъ называть нѣкоторыя націи варварскими, патріархальными или дикими въ извѣстную эпоху ихъ жизни, но стоитъ внимательно взглянуть въ строй европейскаго общества послѣдняго времени, чтобы замѣтить, какъ еще много въ этомъ строѣ слѣдовъ патріархата и варварства, теократіи и промышленной ассоціаціи, и какъ недавно еще тотъ или другой изъ этихъ элементовъ обуславливалъ въ значительной степени юридически-промышленную жизнь общества. Короли-помѣщики и теорія лояльности въ отношеніи къ династіямъ, дипломатія съ цѣлію перехитрить, ограбить другаго и неполноправность женщинъ, государственныя религіи и неполноправность инновѣрцевъ, цехи и сословія — все это еще недавно жило, а частью и теперь живетъ; но все это—остатки старыхъ элементовъ въ безличномъ государствѣ, законѣ настоящаго, съ его безразличнымъ отношеніемъ ко всему, кромѣ капитала. Борьба новой мысли съ современнымъ строемъ усложняется именно тѣмъ, что за юридически-промышленнымъ строемъ новой культуры мысль еще всюду наталкивается на остатки еще болѣе старыхъ культуръ, не вполне побѣжденныхъ, разложенныхъ и поглощенныхъ юридически-промышленною культурою. Тайлоръ, какъ мы видѣли, показалъ остатки самой низшей ступени человѣческаго міросозерпанія въ нѣкоторыхъ европейскихъ обычаяхъ, принадлежащихъ къ культурнымъ привычкамъ высшихъ общественныхъ слоевъ *, а если спуститься немного ниже, то подобныхъ слѣдовъ варварскихъ и дикихъ возрѣній можно указать гораздо болѣе. Нѣкоторыя культурныя формы современности можно даже возвести за предѣлы человѣческаго развитія обществъ къ культурѣ животныхъ. Примѣромъ тому можетъ служить смертная казнь, которую замѣчаемъ и въ об-

* Гл. 8.

ществахъ низшихъ классовъ существъ, какъ наказаніе нарушителей принятаго обычая.

Всѣ эти побѣжденные и полупобѣжденные культуры, въ своемъ разнообразіи, представляютъ особенный интересъ по тому, насколько простора онѣ давали человѣчному элементу мысли, и насколько онѣ представляли матеріала для ея работы. Летурино замѣтилъ, что человѣку нельзя развиваться въ одномъ, не отставая въ другомъ *. Эта мысль съ виду совпадаетъ съ указаніями Лапаруса на то, что цивилизація представляетъ борьбу элементовъ, когда работа мысли концентрируется въ немногихъ ученыхъ, и выигрываетъ въ накопленіи, теряя въ распространеніи; или когда личность, заботясь аскетически о своемъ индивидуальномъ совершенствѣ, теряетъ изъ виду необходимость участія въ общественномъ дѣлѣ; или когда общественная культурная работа поглощаетъ дѣятельность личности и не даетъ ей развиваться **. Но если Лапарусъ правъ, указывая на возможность и дѣйствительность подобныхъ столкновений—это еще далеко отъ догматическаго утвержденія Летурино. Необходимости *дѣйствительно* отставать въ одномъ отношеніи, развиваясь въ другомъ, не только не существуетъ, но истинное развитіе общества неизбежно всесторонне. Оно заключается въ болѣе широкомъ внесеніи критическаго процесса мысли въ общественную жизнь, то-есть въ лучшемъ изученіи недостатковъ общественной культуры и средствъ къ ихъ исправленію, въ болѣе энергіи личностей при этого рода дѣятельности и въ призваніи болѣе большого числа личностей на это дѣло. Но при этомъ что же могло бы произвести отступленіе общества въ какомъ бы то ни было отношеніи? Оно возможно лишь при уменьшеніи работы мысли на какомъ либо пунктѣ, при преобладаніи на этомъ пунктѣ реакціонеровъ и эксплуататоровъ культуры надъ людьми прогрессивной мысли. Подобный случай, при всестороннемъ развитіи работы мысли, былъ бы рѣдкимъ исключеніемъ, если еще допустить его возможность, но въ правило его возвести крайне странно. Конечно, Летурино имѣлъ въ виду другое, именно культурныя измѣненія, которыя ставятъ попеременно то ту, то другую сторону общественной культуры на первое мѣсто въ обществѣ при его историческомъ развитіи, смотря по потребностямъ мысли, употребляющей ту или другую культурную форму своимъ воплощеніемъ и орудіемъ своей работы. Но преобладаніе различныхъ культурныхъ формъ не есть

* Гл. 7.

** Гл. 3 и 17.

ни успѣхъ общества, ни его отступленіе, а не что иное, какъ измѣненіе его внѣшности, причѣмъ *дѣйствительный* успѣхъ или *дѣйствительное* отступленіе связано съ процессомъ совѣмъ инымъ, именно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ работы мысли въ этихъ формахъ.

Относительно простора для мысли и побужденій къ ея непрестанной работѣ надъ существующей культурой надо знать, что наша культура, съ ея крѣпкою, юридически-административною связью, съ ея большими удобствами и огромными матеріальными средствами, находящимися въ распоряженіи государства, представляетъ болѣе возможности застою, чѣмъ прежнія культуры, о которыхъ мы говорили, и уже указано выше, что вѣроятность прогресса лежитъ не въ этой, самой крѣпкой, сторонѣ современной культуры, а въ привычкѣ къ научному методу и къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Научная мысль и свободныя учрежденія стремятся выработать въ человѣчествѣ личное разнообразіе особей при полнѣйшемъ возможномъ развитіи каждой изъ нихъ. Это соотвѣтствуетъ болшему разнообразію формъ головъ, встрѣчающемуся, по замѣчанію Гратіолэ, приведенному Пеллареномъ, въ передовыхъ обществахъ *. Между тѣмъ, единообразіе юридически-административныхъ формъ и фактическія касты, на которыя раздѣляется наше общество по наслѣдственному капиталу и по культурнымъ формамъ жизни, обусловленнымъ этимъ капиталомъ, болѣе могущественно влекутъ къ уменьшенію разнообразія между личностями, чѣмъ прежній, болѣе беспорядочный общественный строй. Поэтому прежнія культуры мы не имѣемъ право отодвинуть очень далеко въ соціологическомъ отношеніи отъ нашей собственной. Мысль находила въ нихъ достаточную долю простора и матеріала для своей дѣятельности, и при своей работѣ находила возможнымъ преодолѣть и естественныя препятствія, и культурное стремленіе къ застою. Поэтому всѣ эти культуры принадлежать исторіи цивилизаціи. Всѣ онѣ имѣли способность обновляться, и обновлялись. Всѣ онѣ заключали въ себѣ неизбежное требованіе не только естественныхъ перерожденій, разложеній и новообразованій, но и человѣчное требованіе *историческаго развитія*, прогресса, стремленія къ болѣе полной истинѣ, къ болѣе обширной справедливости. Всякая культурная форма, въ самыхъ условіяхъ которой лежатъ возможность и вѣроятность успѣшной работы мысли, должна быть отнесена къ одному изъ фазисовъ цивилизаціи.

* Гл. 14.

Гдѣ же начало цивилизація? Гдѣ точка, отдѣляющая *цивилизованное* общество отъ общества только культурнаго? Когда является ручательство, что исторія началась и пойдет своимъ законнымъ процессомъ для общества, если какая нибудь катастрофа не вычеркнетъ этого общества изъ числа коллективныхъ особей человечества? Для рѣшенія этого вопроса опять взглянемъ на новое общество. Что даетъ вѣроятность нашей цивилизаціи не придти къ застою, но дать лучший строй обществу, путемъ ли медленной прогрессивной реформы культуры, или путемъ разрушенія основъ современной культуры для воссозданія изъ ея началъ новаго общества? Вѣроятность этого заключается въ усиленіи научной, методической мысли, критически относящейся по всякому преданію, прилагающей свои приемы къ области теоріи и къ практикѣ жизни. Все остальное: искусство, разныя формы вѣрованій и преданій съ соответствующими культами, большій или меньшій комфортъ жизни, болѣе или менѣе искусная техника, могутъ имѣть мѣсто и при застоѣ или при стремленіи къ нему. Ни одно изъ этихъ явленій не заключаетъ въ себѣ требованій критики и прогресса. Наука одна принадлежитъ культурному элементу лишь въ своемъ накопленіи фактовъ, но въ своихъ методахъ и въ своемъ требованіи всесторонняго приложенія она есть прогрессивная форма мышленія. Философія есть настолько существенно-прогрессивная форма, на сколько она опирается на науку и расширяетъ ея положенія до включенія въ нихъ всего остальнаго. Если философія ставитъ свой основной принципъ внѣ науки и, при своихъ построеніяхъ, подчиняетъ научные результаты ненаучнымъ соображеніямъ, то лишь историческія обстоятельства опредѣляютъ прогрессивное, регрессивное или чисто-культурное значеніе философской системы. Мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ, что въ наше время невозможенъ застой и переходъ въ культурное зоологическое состояніе, потому что расширение привычки въ научной критикѣ позволяетъ надѣяться на научную разработку *всякаю* будущаго затрудненія. Если мысли человѣка противопоставятъ преграду, если личности или массы будутъ страдать отъ условій общественной обстановки, то научныя привычки позволяютъ надѣяться, что постоянно будетъ возрастать склонность къ строгому разбору вопросовъ: почему здѣсь преграда? почему здѣсь страданіе? нельзя ли устранить то и другое? И научная критика не остановится ни предъ какими идолами, не испугается никакого обычая; она сломитъ рано или поздно то, что принадлежитъ лишь преданію, и остановится лишь тамъ, гдѣ приходится остановиться всякой мысли: предъ *естественною*

невозможностію. Эта рѣшимость — прямо глядѣть на предметъ, разлагать его мысленно на элементарныя условія, исправлять все, что можно исправить — составляетъ достоинство науки, и дѣлаетъ изъ нея главное орудіе прогресса, которому подчинены всѣ остальные. Но именно въ настоящее время въ жизни цивилизованнаго общества замѣчаемъ два стремленія, указывающія на усиленіе научной мысли въ обществѣ. Философскія міросозерцанія, долго искавшія себѣ опоры внѣ науки и пытавшіяся подчинить себѣ *эмпиризмъ*, въ послѣднее время возвращаются къ требованіямъ Аристотеля и Бэкона, именно видятъ въ точныхъ данныхъ науки свое самое прочное основаніе, въ близости къ эмпиризму — свое совершенство. Съ другой стороны, тотъ самый элементъ общества, который, по выраженію Рютимейера *, «представляетъ болѣе прочную основу для удержанія высоты общественнаго развитія», именно женщины, болѣе мужчины вліяющія на образованіе привычекъ общества, на сохраненіе и на измѣненіе этихъ привычекъ, теперь почти во всемъ цивилизованномъ мірѣ заявляютъ стремленіе участвовать въ научномъ движеніи мысли наравнѣ съ мужчинами и сдѣлаться, по выраженію Рида **, «столпами» новой церкви, какъ онѣ были «столпами» прежней.

Если мы обратимся къ прошедшему, то увидимъ и тамъ, что успѣхи общественной перестройки, выработки новаго, болѣе истиннаго и справедливаго, въ теоріи или на практикѣ, были тѣсно связаны съ успѣхомъ научнаго мышленія. Слѣдовательно, его начало должно быть намъ ручательствомъ прогресса. Но гдѣ начало научной мысли, и что ее отличаетъ отъ мысли ненаучной? Наука начинается съ образованія *понятій* изъ представленій. Только съ той минуты, когда ребенокъ усвоитъ общее понятіе, онъ можетъ приступить къ систематическому изученію предметовъ того класса, гдѣ понятіе образовалось. Только тогда народъ перешелъ со ступени зоологическо-культурной на ступень цивилизованную, когда психологическій процессъ мышленія достигъ въ немъ формированія общихъ понятій, и логика можетъ начать свой процессъ анализа и синтеза надъ этими *человѣческими формаціями* мысли. Если есть дѣйствительно народы, языкъ которыхъ не заключаетъ общихъ понятій, то народы эти стоятъ еще въ сферѣ зоологій. Если бы указанія Летурино были вѣрны (въ чемъ позволительно сомнѣваться) и встрѣчались бы люди, лишеныя всякаго созна-

* Гл. 16.

** Гл. 18.

нія справедливости, то ихъ слѣдовало бы отнести не къ *чувственному* періоду человѣческаго развитія, какъ сдѣлалъ Латурно * , но допустить, что они имѣють культуру, еще вовсе нетронутую человѣческою мыслию. Это—*культурные народы*, подобно тому, какъ есть культурныя животныя въ разныхъ классахъ. Возможности подобнаго факта отвергать нельзя, потому что мы видимъ въ одномъ и томъ же классѣ животныхъ, напримѣръ, пчелъ, виды, стоящіе на разныхъ ступеняхъ соціологическаго развитія. Можетъ быть, и въ видахъ, группируемыхъ подъ словомъ: *человѣкъ*, есть группы чисто-культурныя, недопускающія цивилизаціоннаго развитія. Но до сихъ поръ существованіе подобныхъ группъ надо считать недоказаннымъ. Какъ только образовались въ мысли личности и перешли въ языкъ общества общія понятія, такъ и цивилизація въ обществѣ началась, потому что мысль имѣеть прочную основу для своей дѣятельности. Лингвисту и антропологу слѣдуетъ рѣшить, который народъ перешелъ за эту черту, и который не достигъ ея. Для всѣхъ племенъ, переступившихъ ее, есть полная вѣроятность, что лишь неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства, въ совокупности съ подавляющею культурою, останавливають развитіе племени. Оно уже цивилизовано, но недостатокъ прогресса столь же мало зависитъ отъ туземцевъ, какъ отъ мексиканцевъ времяя Кортеса зависѣла печальная катастрофа, недавшая ихъ цивилизаціи долѣе существовать.

21. Потугинская цивилизація въ видѣ послѣсловія.

И теперь вернемся къ началу, къ Потугину съ его растянутой *ци-ви-ли-за-ці-е-ю*. Потугинъ (вмѣстѣ съ авторомъ «Дыма») держится или мнѣнія, что всякая общественная жизнь предполагаетъ цивилизацію, или того, что всякое развивающееся общество есть общество цивилизованное, или того, что цивилизація есть переходная ступень отъ варварства къ гармоніи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ его требованіе цивилизаціи для Россіи не имѣеть никакого яснаго смысла, потому что во всѣхъ трехъ случаяхъ Россію приходится считать вступившею въ періодъ цивилизаціи. Это, конечно, не особенно еще лестно для нашего отечества, потому что, по предъидущему, не только Китай и Бухара, но Дагомея и Фиджи находятся въ этомъ періодѣ, да едва-ли еще и есть человѣческое общество или племя, его недостигшее. Оно не мѣшаетъ и тому, чтобы въ нашемъ отече-

* Гл. 7.

ствѣ оказывалось весьма немалое количество слѣдовъ всякихъ варварскихъ, патріархальныхъ, дикихъ и другихъ низшихъ культуръ. Оно не мѣшаетъ и существованію громаднаго процента людей культуры, присутствующихъ при цивилизаціи, но въ ней неучаствующихъ, людей безпозвоночнаго преданія рядомъ съ позвоночными. Все это не помѣха тому, что придется строй нашей жизни признать цивилизаціею.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, Потугинъ не придерживается ни одного изъ упомянутыхъ мнѣній о цивилизаціи, а просто не составляетъ о громкомъ словѣ, имъ употребленномъ, никакого яснаго понятія. Это, съ его стороны, благодушество и красноглагольство — болѣе ничего. Въ такомъ случаѣ мы ему скажемъ: «вы немножко ошиблись, не цивилизаціи надо нашему отечеству»; это выраженіе слишкомъ темное, годное и прогрессисту, и реакціонеру, и бессмысленному попугаю громкихъ словъ. Нашему отечеству, какъ всѣмъ народамъ міра, надо побольше *людей мысли* и поменьше *людей культуры*. Побольше людей, которые бы прямо и смѣло смотрѣли на существующія преграды, путаницы, на остатки старыхъ и старѣющихъ культуръ, на обычаи и привычки. Нужно намъ побольше людей, которые бы смѣло разбирали дѣйствительныя основы всего этого историческаго нарастанія, и посвящали свою жизнь и мысль на критику настоящаго, на борьбу со всѣмъ гнилымъ, на развитіе болѣе строгой истины, на осуществленіе болѣе полной справедливости. Нужно намъ поменьше людей, которые бы говорили громкія слова, не понимая ихъ, людей, бессильныхъ для оживляющей мысли, жаждущихъ успокоиться на томъ, что *было* когда-то свѣжею прогрессивною мыслию, а теперь обратилось въ дряхлое преданіе, въ зоологическую культуру; людей, качая своею утомленною сѣдою головою, говорятъ борпамъ мысли: «довольно! довольно! вся ваша борьба и ваша мысль — дымъ! все это пройдетъ; пора остановиться; пора успокоиться; пора устроить муравейникъ!»

Великій алхимикъ улетучилъ въ дымъ и мысль реакціи и мысль прогресса. Съ гордостью представляетъ онъ намъ оставшееся послѣ процесса золото, и подноситъ его своему отечеству подъ словомъ: *цивилизация*. Мы провѣряемъ этотъ драгоценный результатъ, и онъ оказывается: *культура безпозвоночныхъ*.

Покорно благодаримъ: *этой* у насъ довольно.

ПЕРВАЯ БОРЬБА.

(Изъ записокъ.)

Вдругъ, мнѣ пришло въ голову спросить:

— Часто вы видите съ Марьей Васильевной?

— Она часто заѣзжаетъ; добрая она дѣвушка, отвѣчала Любовь Александровна и вышла за мной въ прихожую. — Голубчикъ мой, зашептала она: — вѣдь тебѣ, я думаю, деньги нужны; возьми, вотъ, покуда... Я хотѣла ужъ сполна за два мѣсяца, да не достало. (Она какъ-то улыбнулась) Не взыщи; послѣ сочтемся...

И мягко пожимая мнѣ руку, она всунула въ нее бумажку. На крыльцѣ, я разглядѣлъ десятирублевую ассигнацію.

Я, можетъ быть, потому запомнилъ эти подробности, что никому о нихъ не рассказывалъ. Отецъ, правда, спрашивалъ меня о моей ученицѣ и, казалось, не удовлетворялся моими короткими отвѣтами, но я не давалъ другихъ.

Это было особенно скучное, молчаливое, самое тяжелое время моей молодости. Осень, короткіе дни, особенно темные въ бѣдной квартирѣ, особенно невыразимо длинные вечера, которыхъ дѣвать было некуда. Мое общество распалось, другаго я себѣ еще не составилъ, да и составить не было случая и возможности: Кармаковъ и, на прощанье, Талицынъ повредили мнѣ гдѣ могли и какъ могли; исторія *чета и нечета*, несмотря на объясненія Ветлина, продолжала толковаться для меня весьма неприятно; нѣкоторые изъ господъ учителей, подмѣтивъ, что я больше не въ дружбѣ съ нареченнымъ директорскимъ зятемъ (какимъ почти явно признавали Кармакова), начали ко мнѣ придираться. Я изнывалъ; я чувствовалъ, что завядаю, теряюсь, упадаю духомъ, тупѣю. Я былъ одинокъ. Отъ скуки, отъ необходимости, я началъ сильно учить урокъ, ^{но} ужаснулся самъ: я втягивался въ мой образъ жизни!

Да, не было сомнѣнія: я принималъ тотъ складъ, котораго добивался мой батюшка. Класъ въ гимназiи, класъ у Смутовыхъ; газеты, читаемыя вмѣстѣ съ родителемъ; трудовая копейка, цифра которой извѣстна родителю, также какъ день и часъ ея получения, — онъ, правда, не требуетъ въ ней отчета, но знаетъ, что она есть!... Онъ начиналъ быть доволенъ мною; это доказывало его измѣнившееся расположенiе духа: онъ начиналъ уже вызываться на разговоры и охотно, оживленно поддерживалъ разговоръ, если я заводилъ его о чемъ бы ни было... Эта потѣха продолжалась уже цѣлый мѣсяць.

Я оглянулся въ пору: еще немного прилежанiя — и я сталъ бы вѣрвать въ познанiя нашихъ учителей и трепетать *«мзурю»*... Оглянувшись, я съ разу протестовалъ тѣмъ, что три дня сряду не ходилъ въ классы. Вечеромъ на третiй день, отецъ спросилъ, не боленъ ли я.

— Нисколько. Почему вамъ показалось?

— Ты не выходишь изъ дома.

— Нѣтъ, я вчера ходилъ къ Смутовымъ, возразилъ я и захохоталъ: такъ неловко и забавно онъ обошелъ прямой вопросъ.

Онъ не спросилъ, чему я смѣюсь, побѣда осталась за мною... Говорятъ, мелочи заставляють мельчать характеръ: неправда. Я зналъ, что я силенъ и убѣждался въ этомъ еще болѣе, упражняя свою силу. Четыре года моею задачей было — не давать надъ собою воли. Неужели уступить теперь, когда, съ возрастомъ, мои права сдѣлались еще законнѣе? Нѣтъ! я поставилъ себѣ обязанностью быть вѣчно на-сторожѣ, я выучился еще лучше владѣть собою, и батюшкѣ не удавалось отгадать, что происходило въ моей головѣ, покуда онъ произносилъ свои ораторскiя рѣчи. Я оградилъ свою независимость, — но, понемногу, кто знаетъ, что могло произойти во мнѣ? Я былъ обязанъ сохранить себя, я долженъ былъ поддержать въ себѣ жизненность. Но чѣмъ? Газеты были мое единственное чтенiе; вся эта, тогда только начавшаяся севастиопольская исторiя меня очень мало интересовала. Огголоски общественной жизни столицъ доходили немногiе, отрывочно, по рассказамъ фельетонистовъ; они только дразнили мое любопытство, мучили меня неудовлетворенной жаждой, доводили мои стремленiя до страданiя. Никогда не создавалъ я себѣ разныхъ идеаловъ любви, дружбы и тому подобныхъ сантиментальныхъ отвлеченностей, которыми тѣшились кругомъ меня люди моего возраста, благоговѣнно принимавшiе свѣчку за солнце; слѣдовательно, у меня не могло найтись развлеченiя по части любви и дружбы: я зналъ цѣну всего этого. Но еслибы даже, какъ-

нибудь, я и допустилъ себя мечтать — что въ моей средѣ могло наводить на мечтанія? Любить особу съ поддѣльными кораллами на шеѣ! призывать друга, который потому не идетъ, что отдалъ въ починку валонн!.. Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ ужасна даже шутка! Мнѣ было необходимо лучшее, высшее, то, что я видалъ въ дѣтствѣ, и что оставалось вѣчно передо мною, какъ свѣтлое видѣніе...

Я приходи.ть въ отчаяніе. Я хотѣлъ описать свои чувства; но писать для себя, — что это такое? Еслибъ не было публки, никогда-бы не было поэтовъ. Вздоръ все, что толкуютъ о созерцаніи, анализѣ, углубленіи въ самого себя. Если это повторяютъ и писатели, то ради собственной важности. Вдохновляютъ рукописканія, шопотъ удивленія, зависть соперникъ въ, улыбки женщинъ... Кому бы я прочелъ мои произведенія? Моему батюшкѣ? Александрѣ Александровнѣ, которая каждый классъ уставляла столъ смюквами, мочеными, печеными и всякими яблоками, ублажая меня за свою Дунечку? Знаменитому Егору Егоровичу, котораго я, наконецъ, удостоился видѣть?..

Я былъ одинъ... Въ часы безсонницъ, въ эти часы, когда-то полные мечтаній и вдохновеній, я съ горькимъ презрѣніемъ спрашивалъ себя: неужели скука, безлюдье доведутъ меня до того, что я пожелаю общества моего отца, пожелаю сблизиться съ моимъ отцомъ?.. Ужасная мысль! я рѣшился не спорить съ нимъ, чтобъ не волновать себя, слушать его рѣчи машинально, какъ слушаютъ сгукъ маятника; но, кто знаетъ? — отъ скуки, отъ безлюдья, по впечатлительности моей натуры, эти рѣчи все-таки могутъ сдѣлать на меня впечатлѣніе; незамѣтно для самого себя, я могу усвоить мнѣнія этого человѣка... Ужь не совершается ли это со мною? Ужь не дѣйствуетъ ли на меня это неуловимое вліяніе? Онъ что-то сталъ покойнѣе... Ужасная мысль! я все-таки для него собесѣдникъ, олицетворенное вниманіе, хотя бы даже и не слушалъ его рѣчей; я доставляю ему развлеченіе ужъ одинъ моимъ присутствіемъ; я потѣшаю его самолюбіе моимъ молчаніемъ, — онъ считаетъ его за согласіе! онъ воображаетъ, будто дѣлаетъ мнѣ снисхожденіе! онъ, торжествуя, надѣется овладѣть моимъ умомъ!..

Я пересталъ выходить изъ своей комнаты. Проходили цѣлыя дни, что въ домѣ не произносилось другихъ словъ кромѣ «здравствуй!» и «прощай!». Даже Маланья, я слышалъ, жаловалась хозяйкѣ, что въ домѣ у насъ тоска...

О, ужасъ! я прислушивался къ рѣчамъ Маланьи!...

Я рѣшился спать половину дня, чтобъ не допускать себя до подобныхъ впечатлѣній...

Я погибалъ. Судьба спасла меня. Могъ ли я вообразить, гдѣ встрѣтится это спасеніе?... Теперь, конечно, оно мнѣ забавно, но первые шаги всегда важны...

Разъ, поправляя ошибки dictée моей ученицы, при свѣтѣ единственной свѣчки, среди глубочайшей тишины, нарушаемой только стукомъ ножа, которымъ Александра Александровна разрѣзала арбузъ въ гостиной, я былъ развлеченъ шумомъ потоковъ, вдругъ ударившихъ въ окно. Я поднялъ голову.

— Дождигъ, сказала, улыбнувшись, Дунечка.

Чему было радо это глупое созданіе? Тому ли, что случилось нѣчто неожиданное, или тому, что я, учитель, поплетусь по грязи пѣшкомъ? Въ ихъ «прекрасномъ мѣстѣ, отъ церкви близко» никогда не встрѣчалось извощика, а въ такую погоду особенно. Выходя изъ дома, я не рассчитывалъ на это удовольствіе.

— Какъ вы пойдете?... замѣтила, все улыбаясь, Дунечка.

Мнѣ она была такъ противна въ эту минуту, что я шаркнулъ перомъ отъ верху до низу страницы, не кончивъ поправокъ, и сказалъ, вставая:

— Je suis très-mécontent de vous, mademoiselle.

Я взялъ фуражку, перчатки, и пошелъ въ гостиную. Тамъ меня встрѣтила тѣмъ же Любовь Александровна:

— Какъ ты это пойдешь!

— Да какъ, — ногами! подхватила остроумная Александра Александровна: — вотъ онъ посидитъ, переждетъ, а тамъ что Богъ дастъ.

Любовь Александровна стала утѣшать меня, что это милость божеская: осень слишкомъ сухая, мужики жалуются, октябрь на дворѣ, а всего первый дождь. Но эта «милость божеская» все-таки должна была промочить меня до нитки. За извощикомъ послать было некого: дѣвка не знала улицъ.

— Э, да почувте у насъ, рѣшила Александра Александровна: — пуховикъ вамъ здѣсь постелемъ; батюшка знаетъ, гдѣ въ, безпokoиться не станеть...

Объ заговорили разомъ. Выгоды, удобство, занимательность и пріятность этой выдумки принимали такіе огромные размѣры, что я рѣшился бѣжать, хотя бы по колѣно въ водѣ, лишь бы избавиться. Я накидывалъ шинель; сѣнная дверь распахнулась передо мною; въ нее, вмѣстѣ съ шумомъ всего, что лило на дворѣ, вбѣжало мнѣ на встрѣчу, чуть не сваливъ меня, чуть не упавъ на порогъ, что-то закутанное, забрызганное, хохоча во все горло.

— Тетенька, это я! пріютите!

— Машенька! воскликнули обѣ дѣвы.

— Я, я, тетенька! отвѣчала она, освобождаясь отъ большаго платка, бурнуса, и бросая все мнѣ на руки: — ахъ, это вы, Сергѣй Николаевич! извините, и не взвидѣла!

— Да откуда ты?

— Въ гости ѣхала. Какъ это полно — я къ вамъ... Богъ съ нами; къ старухамъ ѣхала, тагъ и быть. У васъ лучше.

— Ахъ, ты провазница! а мы развѣ не старухи? сказала Любовь Александровна.

— Это она, вотъ, молодаго человѣка увидѣла, замѣтила Александра Александровна.

— Да молодой-то человѣкъ бѣжить.

— Кто бѣжить? спросила Марья Васильевна: — вы?

Она обратилась ко мнѣ.

— Я.

— Вотъ вздоръ какой. Оставайтесь. Сидите. Я васъ доведу.

— Тагъ позвольте мнѣ лучше воспользоваться вашимъ экипажемъ, покуда вы остаетесь здѣсь, сказалъ я.

— Нечѣмъ пользоваться: я пролетку домой отправила, верхъ надѣтъ. Сидите, покуда я сижу.

Пришлось возвратиться въ гостиную. Мое возвращеніе и пріѣздъ этой дѣвицы необыкновенно обрадовали хозяекъ. Любовь Александровна, по праздничному, не взяла работы. На столѣ, между арбузомъ и смоквами, явилась колода картъ. Александра Александровна раскладывала пасьянсъ. Одна Дунечка, на другомъ столѣ, привинтила стальную подушечку и принесла шитье.

— Отдохни, замѣтила Любовь Александровна, проходя мимо и погладивъ ее по головѣ.

Но моя ученица была печальна, вслѣдствіе выраженного мною неудовольствія. Я былъ молчаливъ и серьезенъ. Марья Васильевна, хохотавшая безъ умолку, расхохоталась и этому.

— Какой страшный! вскричала она: — будетъ вамъ сердиться. Дайте карточки, тетенька; вотъ я его дуракомъ десять разъ оставлю, онъ и повеселѣетъ.

Мы стали играть. Ея румяное лицо, темные волосы, еще влажные и распустившіеся, ея яркіе глаза были красивы при свѣчахъ. Хохоча, она показывала мелкіе, какъ сахаръ бѣлые зубы. Я заглядывался на нее и безпрестанно проигрывалъ; мнѣ было пріятно ея оживленіе, и чтобы поддержать его, я дурачился, проигрывалъ нарочно и притворялся, что мнѣ это очень обидно.

— Да что мы даромъ играемъ! вскричала она: — тетенька,

дайте чепчикъ! онъ изъ него не выйдетъ. Или, нѣтъ, Дуня, дай мой капоръ!

Въ одинъ мигъ она схватила его и навинула мнѣ на голову. Капоръ былъ темный бархатный, очень легкій и нѣжный; отъ него пахло резедой. Хвастаясь своей красивой вещью или кокетничая, Марья Васильевна дернула его мнѣ на лобъ и прижала къ щекамъ.

— Завяжите, сказалъ я, покорно протянувъ подбородокъ.

Она завязала, хохоча, но краснѣя, и тщательно расправила широкій бантъ. Я принялъ серьезную мину, отъ которой показилась со смѣху Александра Александровна и даже степенная старшая сестрица. Не забавлялась только Дунечка; она даже не оглянулась, не переставая звенѣть наперсткомъ о свою стальную подушечку. Эта дѣвчонка возбуждала во мнѣ необъяснимо-непріятное чувство, и именно въ тѣ минуты, когда я хотѣлъ развлечься, забиться, когда я рѣшался дурачиться. Она точно протестовала своей неподвижной холодностью, точно позволяла себѣ судить мои поступки. Нетерпѣливая, вспыльчивая досада помогла мнѣ оживиться... «Борьба вездѣ, со всѣмъ, даже съ этой Дунечкой!» подумалъ я, и мнѣ стало смѣшно. Мнѣ стало даже не скучно. Борьба, такъ борьба! Это меня подстрекнуло. Я припомнилъ школьничанья гимназистовъ на вечеринкахъ, куда меня нѣкогда водилъ мой батюшка; это все можно было пускать въ ходъ съ незатѣливой Марьей Васильевной. Проигрывая нарочно каждую игру, я притворялся сердитымъ, огорченнымъ, бралъ на счастье руку Любови Александровны, которая взяла меня подъ свое покровительство и удивлялась моему неумѣнью, шепталъ и порожилъ надъ картами, бранилъ ихъ, бросалъ подъ столъ, спорилъ, шумѣлъ, бранилъ Марью Васильевну, чему она хохотала, и улыбался ей изъ-подъ капора, чего она будто не замѣчала. Наконецъ, я поймалъ ее за руки, крича, что она мошенничаетъ и, вслѣдъ за тѣмъ, такъ неожиданно оставилъ ее въ дуракахъ, что она ахнула.

— Извольте вамъ! вскричалъ я, сбрасывая капоръ.

Она какъ-то вдругъ пресмѣшно сконфузилась.

— Что, Машенька, не вѣкъ пировать? отозвалась ея защитница, Александра Александровна, мгновенно переходя на сторону побѣдителя.

— Чтѣ-жь капоръ? надѣвайте, Марья Васильевна!

— Вотъ домой поѣду — надѣну.

— Какъ? за чтѣ-жь я даромъ игралъ? мнѣ нужно вознагражденіе.

— Конечно, конечно, подхватили старья дѣвы.

— Какое же вамъ вознагражденіе?

— Придумайте.

— Сами придумайте, выдумывать долго.

— Извольте, за мной дѣло не станетъ, я сейчасъ придумаю!

— Нѣтъ, ужь поздно, возразила она: — вотъ и пролетка прѣѣхала.

— И точно, поздно, девять часовъ, рѣшила Любовь Александровна.

Простились. Я посадилъ въ дрожки свою даму и сѣлъ подлѣ нея. Дождь пересталъ; было особенно тепло и тихо; изъ-за немногихъ, послѣднихъ облаковъ свѣтилъ полный мѣсяцъ.

— Вамъ не сейчасъ нужно домой? спросила моя притихнувшая спутница, когда мы отъѣхали нѣсколько шаговъ.

— Миѣ все равно.

— А миѣ хочется прокатиться... Поѣзжай чрезъ валъ; тамъ и ѣзда лучше, сказала она кучеру и обратилась опять ко миѣ: — люблю я такую погоду.

— Я очень равнодушенъ къ красотамъ такой природы, отвѣчалъ я, подирыгнувъ на толчкѣ.

— Какую же вы природу любите?

— Ту, которая получше нашей.

— Гдѣ-жь это?

— Ну, Швейцарія, Италія.

— Да вѣдь вы тамъ не были?

— По крайней мѣрѣ, знаю.

— Э, журавли въ небѣ! Лучше синицу въ руки, возразила она и засмѣялась: — то чужое, а вотъ это — мое, я знаю.

Я не отвѣчалъ. Она помолчала и опять спросила:

— Который вамъ годъ?

— Въ январѣ будетъ семнадцать.

Ея вопросъ былъ роковой: онъ напомнилъ миѣ всю пустоту моей жизни... И эта глупая поговорка о журавляхъ...

— Чтѣ-жь я вамъ проиграла? спросила она опять, желая, что ли, занимать меня.

Миѣ стало смѣшно; меня взяло раздумье... Можетъ быть, это — синица?..

— Слышите? чтѣ я вамъ проиграла? я не хочу быть въ долгу.

— Попалуй, отвѣчалъ я коротко.

— Вотъ вздоръ какой!

Она, казалось, обидѣлась. Я спросилъ серьезно:

— Почему, вздоръ?

— Вы не маленькій ребенокъ.

— Я бы тогда и просить не сталъ: я самъ терпѣть не могу цаловать ребятъ.

— Охъ, какой вы уморительный! вскричала она и засмѣялась.

Я поцаловалъ ее въ эту минуту не одинъ, а десятокъ разъ; она не отвѣтила ни однимъ. Кучеръ былъ занятъ колеями, на которыхъ чуть не опрокинулись дрожки.

— Перестаньте; вы съума сошли, сказала Марья Васильевна. — Ступай домой, прибавила она кучеру:—а потомъ, вотъ, еще надо ихъ отвезти.

Она не сказала больше ни слова; впрочемъ, мы скоро доѣхали. Я высадивъ ее у ея подъезда, ввелъ на крыльцо, позвонилъ, дождался, когда ей отворили, и тогда ужъ простился и поѣхалъ. Она или не понимала моей учтивости, или ждала, что я, непростенный, ворвусь къ ней, потому что все повторяла:

— Чтò вы беспокоитесь?...

Это маленькое приключеніе меня оживило. Разобравъ, я нашелъ, что забавляться съ Марьей Васильевной—позволительно. Комизмъ этого удовольствія такъ очевиденъ, что мнѣ не грозитъ ни серьезное увлеченіе, ни страданіе. Удовольствіе это, конечно, не изящно, но Марья Васильевна все-таки недурна собой, и ничего не представляется лучше. Она не поэтична, но я давно зналъ, что поэтическія женщины существуютъ только въ поэмахъ и кипсекахъ, и что наши собственные чувства всѣ вообще являются возвышенны только тогда, когда мы сами потрудимся украсить ихъ воображеніемъ. Уступая необходимости, чтобы быть понятнымъ и доступнымъ моей героинѣ, я рѣшился нѣсколько измѣнить свое обращеніе, свой складъ; приходилось нисходить до маленькихъ пошлостей, извѣстныхъ мнѣ по теоріи, по примѣрамъ другихъ. Такъ, для начала, въ первый случившійся праздникъ я отправился къ обѣднѣ въ соборъ, зная, что Марья Васильевна всегда тамъ бываетъ. Она увидѣла меня и часто оглядывалась. Я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю, и поклонился ей только тогда, когда она проходила мимо меня, по окончаніи службы. Она предложила «подвезти» меня домой; я отказался.

На другой день она явилась къ Сматовымъ, и пришла подъ конецъ класса въ комнату, гдѣ я занимался съ ученицей; предлогъ былъ, какъ она громко объявила, входа — «посмотрѣть, чтò у нихъ дѣлается».

— Вотъ чтò. Не хотите ли заняться? сказалъ я, подавъ ей грамматику, и продолжая диктовать.

Она тихо взяла книгу, заглянула въ нее, сѣла, молчала и слушала.

— Какой вы терпѣливый, сказала она, когда я кончила: — что бы вамъ меня учить?

Я не отвѣчалъ. Когда Дунечка вышла, убирая свои книги, Марья Васильевна не поднялась съ мѣста, и спросила меня, понижая голосъ, зачѣмъ я вчера не подошелъ къ ней въ церкви.

— Зачѣмъ вы тамъ были? спросилъ я очень серьезно.

— Ахъ, Господи, зачѣмъ всѣ бываютъ! Богу молиться.

— Я это зналъ, и не смѣлъ вамъ мѣшать.

— Вы бы и не помѣшали.

— Благодарю, сказалъ я, слегка поклонившись. — Значить, я такъ ничтоженъ въ вашихъ глазахъ, что вы не обратили бы на меня вниманія. Стало быть, я умно догадался, и не навязывался.

Она вспыхнула, смутилась, и вдругъ вскричала, краснѣя еще гуще:

— Ну, что вы это говорите! Да я сама звала васъ ѣхать съ собою!

— Извините, отвѣчалъ я, пожавъ плечами: — я затрудняюсь вамъ объяснить... Тамъ было столько вашихъ знакомыхъ... Что сказали бы, еслибы я сѣлъ съ вами и поѣхалъ?

— Ничего бы никто не сказалъ.

— Еще лучше! возразилъ я, захохотавъ: — выходить, что я — окончательная ничтожность, когда меня можно подхватить на улицѣ, мчаться куда угодно, не компрометируясь!

Я продолжалъ смѣяться, глядя ей въ лицо; она краснѣла до слезъ.

— Вы, пожалуйста, такъ не смѣйтесь.

— Вамъ не нравится?

— Какой вы злой!

Я пожалъ плечами.

— Нѣтъ, ради-Бога, вы меня простите... я не знала... Вѣдь вы еще гимназистъ...

— Но не ребѣнокъ... Вы это сами недавно сказали, выговорилъ я, напирая на слова и продолжая глядѣть ей въ лицо.

Она взглянула на меня, какъ будто испуганная. Я улыбнулся и подаль ей руку.

Я сталъ чаще ходить въ СмUTOвыи; классы сдѣлались не скучны. Марья Васильевна являлась почти всякій разъ. Она завела себѣ тоже какое-то громадное вязанье и приѣзжала учить-

са у Любови Александровны. Но все-таки ей приходилось дожидаться въ гостиной окончанія класса, а я не всегда оставался долго сидѣть и не всегда принималъ ея предложеніе — ѣхать домой съ нею. Я отказывался по многимъ причинамъ: это «одолженіе экипажемъ» нѣсколько роняло мое достоинство; это наскучало мнѣ, какъ повтореніе; это было не изящно, и такъ далѣе. Къ тому же, я не желалъ дѣлаться слишкомъ доступнымъ: тогда забава потеряла бы для меня послѣднюю занимательность. Мнѣ хотѣлось еще посмотрѣть, какъ найдется Марья Васильевна, если ей встрѣтятся затрудненія видѣть меня долго и часто. Она нашлась, и даже очень ловко. Она сказала старухамъ, что, глядя на Дунечку, какъ та учится, какъ прилежна — она сама еще больше горюетъ о своемъ невѣжествѣ, что ей хотѣлось бы хоть получше выучиться пофранцузски, а для того, она будетъ слушать, какъ занимается Дунечка. И она явилась въ классъ, съ своимъ вязаньемъ. На дѣлѣ вышло, конечно, что она ничего не вязала, и мы болтали съ ней, повуда Дунечка переводила *Le génie du christianisme*, котораго я постарался достать для нея въ гимназической библиотекѣ. Не знаю, что такое выходило изъ ея перевода; должно быть, она успѣвала, потому что Любовь Александровна, однажды, умилившись, сказала мнѣ, что Дунечка показывала свои тетради Егору Егоровичу, и онъ былъ доволенъ.

— Конечно, ребѣнокъ способный, но и тебя-то намъ самъ Богъ послалъ, заключила она ужъ со слезами:—труднись ты...

Я былъ тоже очень доволенъ такимъ результатомъ моихъ трудовъ, и боялся только, чтобы слишкомъ быстрые и блестящіе успѣхи Дунечки не внушили ея покровительницамъ мысли, что учиться достаточно. Отгадала ли Марья Васильевна мои опасенія, но она принялась твердить старухамъ, что дѣвчкѣ, именно потому, что она способна, и нужно какъ можно больше, сильнѣе заниматься. Егоръ Егоровичъ, услыша это, похвалилъ Марью Васильевну за такія мнѣнія, поддержалъ ихъ, а послѣ этого можно было ужъ ни о чемъ не беспокоиться. За мной было упрочено мѣсто и слава преподавателя. Марья Васильевна нѣсколько классовъ не являлась, такъ что я натолковался съ Дунечкой опять надолго, и выказалъ ей столько неудовольствія, что отнялъ всякую возможность возмечтать, будто своими успѣхами она обязана своимъ собственнымъ талантамъ. Она, пожалуй, могла бы какъ нибудь выразить это своимъ покровительницамъ, или Егору Егоровичу; а себя обезпечилъ на всякій случай. Но эта дѣвчонка была преглуно лишена всякаго самолюбія, всякой женственной хитрости; а убѣ-

дился, что могъ быть несправедливымъ къ ней сколько мнѣ угодно, лишь бы задавалъ ей урокъ, лишь бы, выговаривая, объяснялъ то, что ее затрудняло. Часто, меня просто сердило ея совершенное, вполнѣ искреннее невниманіе къ присутствію Марьи Васильевны, къ тому, что мы говорили: въ моихъ глазахъ росло дерево, а не женщина!...

Зима проходила однообразно, какъ вообще все мое время. Марья Васильевна не выдержала характера, и позвала меня къ себѣ. Правда, на первый разъ, это было сдѣлано официально, церемонно; она приглашала и тетокъ къ себѣ пить чай, по случаю какого-то торжества; звали даже и моего батюшку, — онъ догадался отказаться.

— Извини меня передъ нею, сказалъ онъ мнѣ:—дѣла много, некогда, такъ и скажи, чтобъ она не подумала, будто я не хотѣлъ придти.

Я думалъ, что больше объ этомъ не будетъ рѣчи, и очень удивился, когда онъ заговорилъ, въ сумерки, во время своей прогулки изъ угла въ уголъ:

— Она добрая, искренняя, неглупая дѣвушка. Пуста, къ несчастію. Праздность губить. Обрадовалась, что на волѣ, состояніе есть... Понятно, что обрадовалась, но что жъ — все одни наряды, да смѣхъ. Жаль ее; изъ такой дѣвушки, при ея сердцѣ, былъ бы прокъ, да голова-то у ней праздная. Сегодня вздоръ, завтра вздоръ, а глядишь — и жизнь прошла...

Чтобъ не расколотаться этому надгробному слову, я поспѣшилъ оправдаться къ живой и живучей Марьѣ Васильевнѣ. Ради того, что въ этотъ день ей исполнилось двадцать-три года, она была вся въ розовомъ, называла себя старухой, и закатилась самымъ радостнымъ смѣхомъ, когда я тихо и серьезно сказалъ ей, чтобъ она не смѣла при мнѣ повторять этихъ глупостей.

— Какъ, глупостей? а въ самомъ дѣлѣ, состарѣюсь? морщины пойдутъ?

— *Le soeur n'a pas de rides*, отвѣчалъ я.

У нея въ домѣ было недурно, уютно, опрятно, даже со вкусомъ. Сходились гости, все мнѣ незнакомые; она принимала развязно, щебетала, подчивала въ родѣ своихъ тетокъ, и конфузилась, взглядывая на меня. Я былъ серьезенъ, и пробылъ не болѣе часа.

Съ этого времени я сталъ бывать у нея, но рѣдко, чтобы не дать ей привыкнутьъ къ моимъ посѣщеніямъ, а отчасти и оттого, что эти посѣщенія не всегда и меня занимали: для нихъ нужно было особенное настроеніе — настроеніе забавляться.

Вообще, я держался съ нею неровно: былъ то черезъ мѣру весель, и именно тогда, когда она была невесела, то упорно молчалъ, не отзываясь на шутки, то неожиданно смущалъ ее какой нибудь похвалою, то дразнилъ насмѣшками. Когда я бывалъ не въ духѣ и хмурился, она робѣла, краснѣла, просила извиненія, и тихонько, по десятку разъ, умоляла сказать, что со мною, готовая заплакать. Чтобъ угодить мнѣ, она стала читать разрозненные русскіе журналы—если не ошибаюсь, «Пантеонъ», и достала себѣ *Les mémoires du diable* и *Arthur* по-французски. Я доставлялъ ей удовольствіе, читалъ вслухъ; литературныхъ сужденій не было, но нерѣдко рѣчь заходила о любви. Бывая въ духѣ, я позволялъ себѣ шалить, говорилъ долго, патетически, приводилъ мою слушательницу въ восторгъ, и вдругъ обрывалъ все какой нибудь прозаической шуткой, которую слушательница не знала, какъ понять, падая съ неба, почти испуганная. Разъ она зафантазировалась сама, строила разные воздушные замки, и даже довольно граціозно; я слушалъ молча, вдругъ всталъ и, не простясь, ушелъ. На другой день, не вытерпѣвъ, она явилась къ Смутовымъ, но не посмѣла войти въ классъ. Послѣ класса, я усѣлся на диванчикъ въ углу гостиной и сказалъ громко:

— Присядьте сюда, Марья Васильевна, скажите сказочку; я вчера подъ нея славно вздремнулъ.

Старухи спросили, что за сказка. У меня хорошая память,— я пересказалъ все, но въ самомъ комическомъ видѣ. Александра Александровна хохотала, Дуничка тарачила глаза, а Любовь Александровна сказала тихо и съ пренебреженіемъ:

— И, матушка, бредъ какой! Какъ въ голову приходитъ говорить это молодому мальчику...

Марья Васильевна дѣлала выговоръ за меня! Это было такъ прелестно, что я хохоталъ. Она разсердилась, конечно, не надолго. Вообще я отучалъ ее сердиться. Мнѣ было любопытно, какъ я подчинялъ ее моей волѣ. Надъ собою я не давалъ ей никакихъ правъ. Конечно, все вертѣлось на бездѣлицахъ, но ей никогда не удавалось уговорить меня остаться даже нѣсколько лишнихъ минутъ, если я былъ намѣренъ уйти; ей нравились мои вьющіеся волосы, — я остригся. Приѣзжалъ одинъ московскій артистъ: я какъ-то сказалъ, что хочу его видѣть; она взяла ложу и умоляла ѣхать съ нею, я отказался; она взяла въ другой разъ, — я былъ въ театрѣ и не зашелъ къ ней. Она выспрашивала меня о нарядахъ, старалась одѣваться по моему вкусу, — я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю. Наконецъ, собираясь однажды на балъ въ собраніе, она упросила меня прійти взгля-

нуть на ее туалетъ. Я пришелъ; она вертѣлась передъ зеркаломъ. Я такъ разобралъ все, отъ прически до башмака, что ей оставалось только раздѣться и остаться. Она этого, конечно, не сдѣлала и поѣхала.

— Съ Богомъ! сказалъ я, провожая ее на крыльцо: — и я глупъ, тратилъ слова напрасно: какая барышня, ради чувства изящнаго, откажется отъ кадрили съ гарнизоннымъ офицеромъ!

У нея было необыкновенно незлобное сердце. Она пренаивно, съ великимъ расканіемъ, рассказала мнѣ на другой день, что съ ней никто не танцевалъ, вѣроятно, потому что она была дурно одѣта.

— А гарнизоннымъ я сама отказывала... Съ тѣхъ поръ, какъ вы про нихъ сказали, не могу ихъ видѣть!

Она влюблялась въ меня, я это видѣлъ и это меня занимало. Когда я оглядываюсь теперь, — все это было глупо, неизящно, но это—первое испытаніе моихъ молодыхъ силъ, молодой гордости. Я могъ бы увлечься, какъ многіе юноши моихъ лѣтъ, влюбиться самъ, поддаться вліянію провинціальной дѣвы, и кончить тѣмъ, что эта же дѣва, занявшись мною, за неимѣніемъ взрослого поклонника, осмѣяла бы меня нотомъ, — въ угоду такому поклоннику, или въ очищеніе собственной совѣсти, что «занималась мальчишкой»... Женщины, когда оставляютъ игрушку, то ломаютъ ее. Это дѣлаютъ даже такіа, которымъ, казалось бы, и не къ лицу и не по чину роскошь самолюбія и мщенія. Я понялъ это съ моего перваго шага, а потому и не отворачиваюсь отъ моего перваго приключенія, не возмущаюсь его неизящностью. Я позволялъ себя любить и не позволялъ владѣть собою.

Въ день моего рожденія, въ январѣ, чтобы показать моему батюшкѣ, что я нисколько не желаю праздновать, я ушелъ утромъ въ классъ, обѣдалъ у Ветлина, отъ него прямо—на урокъ къ Смутовымъ. Приѣхала Марья Васильевна, пришла въ классъ, и когда вышла Дунечка, принялась поздравлять меня какъ-то глупо, потихоньку, и вручила подарокъ — шелковый кошелекъ собственной работы.

— Хотѣла я положить въ него или новенькій пяточокъ, или новенькій золотой на счастье, говорила она: — да не смѣла...

— И прекрасно сдѣлали, что не смѣли, отвѣчалъ я, смѣясь, принимая подарокъ будто шутку и расшаркиваясь.

Я пошелъ показать его старухамъ, шутилъ, школьничалъ, разсмѣшилъ ихъ, распалился съ Дунечкой, посадилъ ее почти насильно играть въ дураки и въ ту же минуту проигралъ ей кошелекъ.

Марья Васильевна обидѣлась, вѣрнѣе, огорчилась, и два дни не была у Смутовыхъ. Я не шелъ къ ней. Она опять не выдержала, пріѣхала въ классъ и заговорила первая. Я былъ молчаливъ; вечеръ не клеился. Она предложила отвезти меня домой; я согласился, потому что шелъ рѣзкій мелкій снѣгъ, но продолжалъ молчать и дорогой. Она еще разъ не выдержала.

— Зачѣмъ вы не хотѣли взять кошелька?

— Я взялъ.

— И отдали Дунечкѣ.

— Не отдашь, а проигралъ.

— Подарокъ-то!

— Я не люблю подарковъ.

— Но вѣдь это былъ не подарокъ, сказала она, помолчавъ и надумавшись...

— А что же?

— Я вамъ проиграла, тогда... Помните? на первый разъ...

— Вы тогда же расплатились. Я думаю, вы это тоже помните.

Она притихла. Я видѣлъ, какъ она жалась въ своей пубкѣ.

— Славно на дворѣ, вдругъ сказалъ я. — Хорошо прокатиться.

— Холодно, проговорила она.

— Какъ хотите, отвѣчалъ я и отвернулся.

Она приказала ѣхать къ заставѣ. Конецъ былъ длинный; я самъ боялся простудиться отъ нелѣпой шутки, но выдерживалъ характеръ, не подавалъ признака, что забну, не говорилъ ни слова, не смотрѣлъ по сторонамъ. Вьюга стала сильнѣе.

— Вы намѣрены морозить до полуночи вашего кучера? спросилъ я равнодушно.

— Вѣдь вы хотѣли... просили... выговорила она.

— Я ничего не хотѣлъ и не просилъ.

Тутъ случился перекрестокъ. Я велѣлъ остановиться и сошелъ.

— Куда же вы?

— Пройдусь пѣшкомъ до дому; согрѣюсь хоть движеніемъ...

Она что-то закричала мнѣ вслѣдъ, но кучеръ, обрадовавшись, что барыня наконецъ ѣдетъ домой, погналъ во всю прыть.

Я пришелъ домой запыхавшись. Когда я постучалъ въ нашу дверь, она ужъ отворилась, будто мнѣ шли на встрѣчу. Отворялъ мнѣ самъ мой отецъ, и даже свѣтилъ. Я былъ съ головы до ногъ въ снѣгу.

— Ты пѣшкомъ? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ я, и прошелъ прямо въ свою комнату. Тамъ

топилась печь; это никогда не дѣлалось по два раза въ день. Было десять часовъ, а въ гостиной шумѣлъ самоваръ, какъ будто запоздали съ чаемъ. Меня, очевидно, ждали. Мой батюшка, однако, не выказывалъ большаго нетерпѣнія и возился со стаканами.

— Ну, Сергѣй, иди! закричалъ онъ наконецъ.

Я въ самомъ дѣлѣ перезабъ и пилъ съ жадностью, не говоря ни слова. Протягивая стаканъ, чтобы его налили, я невольно передохнулъ и взглянулъ на отца. У него въ лицѣ свѣтилась какая-то улыбка, глаза какъ-то сѣззились и блестяли: особенно мелькнулъ мнѣ въ эту секунду его высокій лобъ и красивыя руки. Онъ вѣрно; все это время, смотрѣлъ на меня пристально, потому-что поймалъ мой взглядъ.

— Что, молодецъ, спросилъ онъ: — согрѣлся?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ я, возмущенный этимъ ухаживаніемъ и опять потупляясь въ стаканъ: — впрочемъ, не беспокойтесь еще дѣлать чай; я больше пить не буду.

— Тебѣ надо хорошенько согрѣться.

— Я не согрѣюсь, а только не засну.

Чтобъ скорѣе окончить эту комедію, я выпилъ въ нѣсколько глотковъ второй стаканъ, всталъ и взялъ свѣчу.

— Ты приляжешь?

— Нѣтъ, буду заниматься.

Я ушелъ, не слушая, что онъ говорилъ. Переходъ отъ холода къ теплу въ самомъ дѣлѣ разстроилъ меня, но разстроилъ пріятно; въ усталости была своя нѣга; по тѣлу пробѣгала мелкая нервная дрожь... самое счастливое физическое состояніе для вечера въ избранномъ кружкѣ; умъ возбужденъ нѣсколько лихорадочно, фантазія живѣе, слова краснорѣчивѣе... Я взялъ книги, потому-что сказалъ, что хочу зацѣматься, но вмѣсто геометрическихъ задачъ, мой карандашъ чертилъ имена, отрывочныя строки стиховъ, пламенемъ пролетавшія въ моей памяти. Я серьезно спросилъ себя, когда же я начну мечтавшій мнѣ романъ изъ моей собственной жизни? Не могло быть благопріятнѣе ни времени, ни настроенія. Я подложилъ себѣ тетрадь бумаги и остановился. Мнѣ хотѣлось начать роскошной сценой бала, нужно было еще сильнѣе вызвать свѣтлые образы, приблизить ихъ къ себѣ, уяснить, разобраться въ краскахъ, вслушаться въ звуки, надышаться ароматомъ. Все это только еще сливалось передо мною въ одно золотое облако... Я бросился на постель, закинулъ руки за голову и сталъ мечтать...

Я опомнился, почувствовавъ на своемъ лбу чью-то руку. Это былъ мой отецъ.

— Ты уснулъ, Сергѣй? Тебѣ нездоровится!

Я видѣлъ передъ собою ряды залъ, убранныхъ цвѣтами, отраженіе люстръ въ паркетъ, тоненькіе носки бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ... Надо мной гремѣли аккорды оркестра... Я сжималъ въ своей рукѣ трепещущую, облитую перчаткою руку престальной женщины...

— Еще рано, рано, шептала я ей...

— Два часа, раздалось надъ моимъ ухомъ: — встань, я помогу тебѣ раздѣться.

Я всталъ, шатаясь; у меня пробѣжала мысль: неужели это горячка? было что-то неизъяснимо пріятное въ этой мысли, неизъяснимо нѣжащее. Отецъ, — я видѣлъ его въ туманѣ — возился надъ постелью; я позволилъ уложить себя и проговорилъ, закрывая глаза:

— Умереть... мнѣ семнадцать лѣтъ...

Я рано проснулся; сквозь ставни едва бѣгло. Печь топилась, передъ нею на полу сидѣла толстая Маланья и ея толстый котъ. Дрова щелкали, въ трубѣ вылъ вѣтеръ. Я чувствовалъ, что я бодръ, свѣжъ, здоровъ. Заснувъ съ вечера безъ ужина, я страшно хотѣлъ ѣсть, и все, что я видѣлъ кругомъ — меня бѣсило... Кто, послѣ восхитительныхъ сновъ, не проспался въ такомъ пандемоніи, тотъ меня не пойметъ!

Глупая баба, обрадовавшись, что я не сплю, потому что это давало ей право стучать и кричать во все горло, объявила мнѣ, что папеньки дома нѣтъ, что онъ тутъ ночь сидѣлъ, а въ раннюю обѣдню ходилъ, да еще тамъ было заперто, такъ теперь опять пошелъ, авось пустять.

— Куда это?

— Да къ доктору.

Она пошла отворять ставни и воротилась, жалуюсь, что на дворѣ «страсть господняя». Я смотрѣлъ, лежа; какъ въ огнѣ крутилась вьюга, какъ выросли сугробы. Мнѣ становилось грустно. Я охотно еще бы заснулъ, но сна болѣе не было; я хотѣлъ спросить чаю, но удержался, по какому-то враждебному движенію. Мнѣ было досадно, что я здоровъ.

Мой батюшка воротился съ докторомъ. Я ужъ одинъ разъ имѣлъ дѣло съ этимъ невѣждой и терпѣть его не могъ. Я сдѣлалъ видъ, что дремлю и отвѣчалъ ему полусловами. Оба вышли въ полуотворенную дверь; я слушалъ робкій шопотъ отца; докторъ возражалъ сначала тихо, потомъ очень громко:

— Увѣряю же васъ честью, онъ здоровъ совсѣмъ и ничего ему не нужно. Коли есть охота лежать... Вы бы лучше о себѣ подумали...

Отец прервалъ его и заговорилъ тихо; тотъ отвѣчалъ также тихо, говорили долго... Меня это возмутило. Легко успокоившись за молодую жизнь, онъ пользовался случаемъ консультаціи для себя! О какомъ недугѣ? Тамъ даже что-то писалось. Надѣвая шубу, Эскулапъ произнесъ, — я слышалъ все сквозь перегородку, тѣмъ болѣе, что онъ стукнулъ въ нее рукой:

— Вы передъ нимъ, передъ сыномъ обязаны...

Да, онъ много былъ обязанъ передъ сыномъ!

Я не вставалъ съ постели весь день. Отецъ предложилъ мнѣ читать какой-то журналъ. Я слушалъ, закрывъ глаза, и въ самомъ дѣлѣ, дремалъ отъ скуки. Онъ ходилъ на цыпочкахъ; это было несносно. Еслибы я зналъ, куда дѣвать свое время, я бы всталъ, но это было все-таки разнообразіе. Къ тому же мнѣ не хотѣлось такъ скоро дать ему успокоиться. Я хорошо разобралъ чувства этого человѣка: его ухаживанье, его безпокойство были слѣдствія позднего раскаянія. Надо было дать ему сильнѣе понять его вины передо мною. Это было законно и полезно. Я видѣлъ, какъ онъ поглядывалъ на стѣны комнаты, въ которой заключилъ меня; ясно: — онъ воображалъ, что было бы, еслибы опустѣла эта комната... Люди понимающіе обязаны учить непонимающихъ, какъ дорожить невозвратнымъ.

Еще день я давалъ ему этотъ урокъ, покуда у меня самого не стало терпѣнія. На третій день я всталъ и, молча, покорно взялъ свои книги. Это занятіе всегда меня утомляло; я былъ блѣденъ. Отецъ хмурился и украдкою заглядывалъ мнѣ въ лицо. Я кашлялъ такъ упорно, что наконецъ вызвалъ опасеніе самого доктора. Я много смѣялся, убѣдившись, какъ нетрудно водить за носъ непогрѣшающую науку.

Съ недѣлю, кажется, продолжалась эта комедія. Наконецъ въ одно утро, когда я накидывалъ шинель, чтобы въ первый разъ идти въ гимназію, отецъ остановилъ меня. Онъ былъ почти жалокъ; ему хотѣлось, чтобы я остался; онъ сначала шутилъ, потомъ упрашивалъ, приказывалъ.

— Полноте, прервалъ я: — право, послѣ всего, изъ такой малости и хлопотать не стоитъ.

Мнѣ вспоминается школьничанье въ этотъ день. Діетный обѣдъ мнѣ надобѣлъ; возвращаясь изъ гимназіи, я думалъ о немъ съ комическимъ ужасомъ и съ еще болѣе комической радостью вспомнилъ, что деньги были у меня въ карманѣ. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ такъ не торопятъ, какъ торопился я, наѣдаясь въ гостиницѣ; прибѣжавъ, запыхавшись, домой, я коротко и рѣзко отказался отъ всякаго подчиванья, сказалъ, что утомился и бросился на постель. Лежа слушалъ,

какъ Маланья упрекала барина, что самъ-то онъ ничего не кушаетъ.

— Что жь, и не сядете? Такъ со стола и убирать?

Школьничья потѣха, что я оставилъ его безъ обѣда, смѣшила меня до слезъ. Досадно было одно, что не съ кѣмъ подѣлиться этой комедіей.

Вечеромъ я объявилъ, что иду къ Сматовымъ. Отецъ сказалъ, что они прислали просить его къ себѣ сегодня, слѣдовательно, я могу не идти: онъ объяснилъ, что я боленъ..

— Миѣ откажутъ отъ урока, возразилъ я, надѣвая перчатки:— можетъ быть, и васъ зовутъ для того, чтобъ объявить это полегче.

— Сматовы не такіе люди, чтобъ это сдѣлать, отвѣчалъ онъ:— пора тебѣ выучиться узнавать людей. Ты раздражаешься отъ лихорадки, и тѣмъ болѣе тебѣ слѣдуетъ сидѣть дома.

— Я не потому раздраженъ, что боленъ, возразилъ я:— а наоборотъ, я боленъ, потому что раздраженъ. Людей я хорошо узналъ, и, надѣюсь, не такъ долго заживусь на свѣтѣ, чтобъ мнѣ очень понадобилась эта мудрость.

У Сматовыхъ мы застали новое лицо. Это былъ сынъ «прекраснѣйшаго человѣка» г. Бревнова, которому старня дѣвы были должны подѣ залогъ дома. «Прекраснѣйшій человѣкъ» недавно умеръ. Когда его сынъ и наслѣдникъ извѣстилъ Сматовыхъ, что желаетъ съ ними повидаться, старня дѣвы чего-то перепугались и пригласили моего отца на всякій случай, на подкрѣпленіе. Посѣщеніе оказалось вовсе нестрашно. Мы застали юнаго Бревнова ужъ тамъ. Это былъ молодецъ въ косую саженъ ростомъ, завѣтый, распомаженный, румяный, глупый и скромный; онъ вертѣлъ въ рукахъ свою высочайшую шляпу, густо обмотанную крепомъ, — предметъ моды и роскоши, съ которымъ онъ не могъ разстаться даже и для визита къ дѣвицамъ Сматовымъ. Онъ все помалчивалъ и улыбался, и, казалось, обрадовался, когда мы вошли. Хозяйки встрѣтили насъ съ восторгомъ.

— Изъ мертвыхъ воскресшіи! вскричала, увидѣвъ меня и воздѣвъ руки, Александрѣ Александровна.

Бревновъ долженъ былъ дожидаться, чтобъ воротиться къ дѣловому разговору, покуда до послѣдней подробности выспросить, что такое со мною было.

— Вотъ, Николай Петровичъ, сказала наконецъ отцу Любовь Александровна, указывая на гостя: — затѣмъ къ намъ и пріѣхалъ, чтобъ насъ успокоить; говорить, что какъ отецъ его насъ не тревожилъ, такъ и онъ, покуда мы сами будемъ въ возможности уплатить нашъ долгъ, хотя по частямъ...

— Да-съ, какъ угодно... Я, какъ папенька... подтвердилъ наслѣдникъ.

— Проценты тебѣ, мой родной, будутъ аккуратнo....

— Да вѣдь у насъ за прошлый годъ заплачены, прибавила Александра Александровна.

— Какъ же-съ, мнѣ это извѣстно, отвѣчала наслѣдникъ: — у бабушки была готова росписка для васъ; да такъ это скоро случилось, что онъ скончался... Я вамъ эту росписку привезъ, докончилъ онъ, открывая туго набитый портфель и не зная, какой изъ сестеръ подать бумагу, положилъ ее на столъ:—вотъ-съ, его руки.

— Вотъ ужъ человѣкъ былъ, такъ человѣкъ! отозвалась Александра Александровна.

— Истинный христіанинъ, подтвердила старшая.

Ни та, ни другая не коснулись росписки; сцена была чувствительная. Бревнова стали (и вѣроятно не въ первый разъ) разспрашивать подробности о болѣзни и смерти его отца. Это грозило никогда не кончиться. Мой отецъ повернулъ разговоръ, спросивъ молодаго человѣка, что онъ самъ намѣренъ дѣлать.

— Я хотѣлъ въ военную службу, въ Севастополь-съ. Папенька не пустила.

— Вѣдь, вотъ, стало быть, предчувствіе было! разстаться не хотѣлъ! сказала Александра Александровна.

— А теперь ужъ вовсе нельзя, потому, — деревня. Вотъ, какъ управлюсь... Мое желаніе есть.

— И съ Богомъ! хорошее дѣло! сказала весело Александра Александровна.

Она ужъ хлопотала о чаѣ. Отецъ и гость разговорились. Дунечки не было и я рѣшился спросить Любовь Александровну, гдѣ же она.

— Тамъ, что-нибудь у себя дѣлаетъ, отвѣчала она тихо:— да ты отдохни; ты себя для отца побереги... Что онъ?

— Да ничего, отвѣчала я въ недоумѣніи отъ тревоги, съ которой она разспрашивала, и въ время припомнивъ, что эта особа вѣчно тревожилась.

— Охъ, вѣдь онъ!... (Она закачала головою).—Къ Богу должно, душа моя, чаще прибѣгать. Онъ, милосердый, твои молитвы услышитъ... Ты молодъ; отецъ твой такой человѣкъ... ну, ты его еще лучше знаешь! А такіе-то Богу и нужны! заключила она ужъ въ страхъ.

Мнѣ было до крайности неловко. Хорошо, что бормотанье и слезы происходили въ сторонѣ отъ другихъ, въ углу, гдѣ не было свѣчки. Перемѣщаясь къ чайному столу, Любовь Алексан-

*

дровна еще вытирала глаза. Тутъ явилась и Дунечка. Ее рекомендовали Бревнову, который вскочилъ и расшаркался. Ему, конечно, объяснили, что она прилежна и все умѣетъ дѣлать, что она любитъ бѣгать въ саду. По этому поводу, любезничая, Бревновъ обѣщался ей на лѣто прислать изъ деревни цвѣточныхъ семянъ, высадковъ и даже садовника.

— Ну, вотъ, Дуня, утѣшайся, а то все горевала — цвѣтовъ нѣтъ, сказала Александра Александровна. — Оно, правда, куда ягоды не поспѣли, ребенку въ саду скучно, пояснила она. — А знаете, нашъ садъ какой? Диковинный. Тогда все отъ вашего батюшки брали, насаживали. Да, вотъ какъ — мнѣ вчера, купецъ здѣшній Полозовъ, — знаете?

— Знаю-съ. Онъ съ вами рядомъ домъ каменный строить.

— Да, вотъ домъ-то онъ строить, каменное зданіе воздвигъ, а повернуться негдѣ: мѣсто тѣсно, садъ нашъ и приглянулся. Вчера мнѣ, — встрѣтилъ меня у ранней обѣдни, — говоритъ: «Продайте, говоритъ, домъ: не глядя, говоритъ, полторы тысячи дамъ». Я говорю: «Ошалѣлъ ты, отецъ родной; кто намъ велитъ съ такой благодатью разстаться, развѣ нужда придетъ». А онъ, знаете, продолжала она таинственно: — какъ прослышалъ, что вашъ батюшка скончался, а мы ему должны, ну, и полагагъ... Разсчетецъ свой, коммерческій!

Она засмѣялась.

— Нѣтъ-съ, что же-съ я... Какъ папенька, такъ и я... заговорилъ Бревновъ.

— Мы еще и сами поживемъ, да вотъ еще и свадьбу спразднуемъ, — невѣста растетъ! заключила Александра Александровна, указывая на Дунечку.

— Прекрасная невѣста, сказалъ Бревновъ.

— Слышала, Дуня? что жъ не благодарить?... Да и женихи на лицо, вотъ два сидятъ, любого выбирай.

— Я боюсь: старъ; за меня не пойдетъ Авдотья Ивановна, сказалъ, любезничая, Бревновъ.

— Старъ? А вамъ который годъ?

— Двадцать-два-съ.

— Ну, точно старъ, ей не годитесь. Такъ тебѣ, Дуня, значить, Сергѣя Николаича?

— Нѣтъ, я его не возьму, отвѣчала она, не конфузясь и глядя на меня прямо.

Всѣ захохотали.

Я помню эту дѣвчонку, потому-что она — одна изъ самыхъ моихъ рѣзкихъ антипатій. Я чуждъ самолюбія; конечно, не оно поднялось во мнѣ при этомъ шутовскомъ отказѣ: меня

эстетически возмутили рѣшительность, твердость, самоувѣренность ея тупоумія. Мнѣ хотѣлось отвѣчать ей дерзостью, но всѣ кругомъ были такъ глупы! Я презрительно взглянулъ на нее и вынулъ свои часы. Я давно замѣтилъ, что мое молчаніе и мои равнодушныя движенія имѣли свойство охлаждать слишкомъ разыгравшуюся пошлость. Всѣ притихли. Александра Александровна еще было-попробовала захохотать.

— Ой, какой онъ серьезный! Всѣ у васъ такіе-то въ гимназіи?

— Нѣтъ, онъ, я вижу, благоразуменъ, сказала Любовь Александровна: — ужъ десять часовъ скоро. Онъ въ первый разъ сегодня выѣхалъ. Ему надо отдохнуть.

— Ваша правда, сказалъ мой отецъ и всталъ прощаться

Мнѣ показалось, что онъ взглянулъ на меня, будто хотѣлъ сказать: — «тебя выгнали»...

Я вспыхнулъ и едва овладѣлъ своимъ бѣшенствомъ. Старухи прощались привѣтливо, какъ ни въ чемъ не бывало.

— О тебѣ вчера Машенька спрашивала, сказала Любовь Александровна.

— Я завтра буду у нея и поблагодарю за вниманіе, отвѣчалъ я.

Мы вышли; отецъ пошелъ впередъ и докричался извозчика. Меня душила злость, мнѣ хотѣлось высказаться.

— Послушайте... началъ я.

— Не говори на вѣтру, ради Бога, прервалъ онъ: — скажешь дома.

Дорогой я передумалъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ ему было высказывать? Не все ли было давно ясно? Тѣмъ болѣе, что у него достало, — какъ это назвать? — лицемѣрія или непониманія, пріѣхавъ домой, обходиться со мною, какъ ни въ чемъ не бывало, въ родѣ дѣвицы СмUTOвыхъ!...

Одна изъ самыхъ странныхъ людскихъ наклонностей — это стараніе настроить себя на торжественность и благоговѣніе въ извѣстныя минуты, насильно вызывать въ себѣ нѣжность и чувствительность; а когда неудалось — сожалѣть и упрекать себя будто въ неисполненіи какого-нибудь долга. Но, если мы сотворены розно съ другими, хотя бы въ десять разъ кровными людьми; если мы, по нашей натурѣ, не можемъ съ ними сблизиться, хотя бы десять разъ трудились умилиться надъ ними, благоговѣть передъ ними, сблизиться съ ними, — изъ чего еще должны мы хлопотать? Къ чему натягивать это сближеніе, изъ чего себя уродовать, стѣсняясь, мучась, наконецъ, — мельчая?

Примѣряться поднимать то, что намъ не по силамъ, безобразиться, наряжаясь въ чужое...и эта нелѣпость возведена чуть ли не въ законъ! Добрые люди угрызаются совѣстью, если его не исполнили, а не оглянется никто, что отъ исполненія этого закона только размножается пошлость, которой, конечно, выгодно, когда достоинство, деликатно не желающее ее огорчить, уступаетъ ей дорогу, просторъ, и она благоденствуетъ, развертываясь во всю свою ширину...

И сколько умныхъ людей подчинялись этому закону, даже искренно раздѣляли этотъ узенькій, фальшивый взглядъ! «Снисходительность — говорили и говорятъ они — гуманность...» Я признаю своимъ правомъ быть всегда самимъ собою и жить для себя. Мнѣ возражали не разъ рассужденіями объ ограниченіяхъ этого права; я просилъ рассуждающихъ быть послѣдовательными и объяснить, на чемъ, наконецъ, останутся эти ограниченія! И за что такое неравенство: умъ долженъ стѣсняться, примѣняться; пошлость можетъ дѣлать все, что ей разсудится!..

Говоря спокойно и прямо, я не дѣлалъ надъ собою подобныхъ испытаній. Я жилъ, какъ жилось, какъ хотѣлось, и не раскаиваюсь, что бы ни сдѣлалъ: стало быть, такъ было мнѣ нужно. Я не раскаиваюсь, если въ какія-нибудь минуты жизни, у меня не было чувства, которое *принято имѣть*. Не было — такъ не было. Я не скрываюсь, не стыжусь. Стыднѣе было бы припоминать мелкіе страхи, слезливыя сантиментальности, суевѣрныя глупости, натяжки, извращенія, лицемѣріе предъ самимъ собою, все, отъ чего краснѣютъ взрослые люди.

Въ мартѣ занемогъ мой отецъ. Не знаю, какъ это началось. Мы видались только за обѣдомъ; я приказалъ подавать чай къ себѣ въ комнату со времени своей болѣзни. Я не имѣю привычки предлагать вопросовъ о здоровьѣ и, не имѣя что говорить съ человѣкомъ, не люблю глядѣть ему въ лицо. Въ одно утро, я ушелъ въ классъ, онъ еще не вставалъ съ постели; воротаясь, я узналъ, что онъ еще не вставалъ. Я отобѣдалъ одинъ; въ сумерки я зашелъ навѣдаться, что это, наконецъ, такое и получилъ короткій отвѣтъ.

— Не тревожься. Такъ, нездоровится!

Я провелъ вечеръ у Марьи Васильевны, и, по возвращеніи, услыша отъ Маланьи одно таинственное: — «почиваетъ», — заперся у себя. Маланья шепнула мнѣ въ дверь, что былъ докторъ. Тѣмъ лучше. Я убѣдился въ истинѣ этого визита, увидя поутру двѣ стклянки въ комнатѣ отца. Онъ спалъ. Я не сталъ дожидаться доктора и ушелъ въ классъ. Вечеромъ опять то же —

онъ спать. Наконецъ, на третій день мнѣ надоѣла и таинственность Маланьи, и безпорядокъ дома, и я рѣшился не выходить и дожидаться доктора. Я не пошелъ съ нимъ въ спальню, но въ гостиной, гдѣ онъ присѣлъ писать, просилъ объяснить, что все это значить.

— Надѣюсь, ничего серьезнаго, прибавилъ я.

— Напротивъ, очень серьезное, возразилъ онъ.

Зная ученость этого господина, я невольно улыбнулся и, должно быть, худо скрылъ улыбку, потому что его будто укололо.

— Вашъ отецъ боленъ давно, продолжалъ онъ, помолчавъ и съ какою-то злостью.

Я пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Если онъ давно боленъ, то странно, что не принималъ мѣръ.

— Мѣры и принимались, да...

— Что «да»? переспросилъ я, любуясь, какъ онъ расчеркнулся на цѣломъ листѣ, изорвалъ его, укусилъ перо, и старался вдохновиться съизнова.

— Условія жизни такія, что не всѣ мѣры дѣйствительны.

— Это—условія жизни тысячей людей, возразилъ я серьезно.

— Не совсѣмъ вѣрно, отвѣчалъ онъ и взглянулъ на меня.— И подъ одной кровлей люди живутъ на разныхъ условіяхъ: вотъ, въ той комнатѣ (онъ кивнулъ на мою) полъ теплый, а въ батюшкиной дуетъ изъ всей панели.

— Квартуру выбиралъ мой отецъ, отвѣчалъ я, тоже глядя на него въ упоръ.

Онъ потупился въ бумагу и рисовалъ на ней завитки.

— Чтонибудь сложное? спросилъ я, помолчавъ и улыбаясь его затрудненію.

Какъ сейчасъ вижу, онъ поднялъ голову и пристально, глупо, молча глядѣлъ на меня, будто намѣревался дѣлать мой портретъ. Я доставилъ ему полнѣйшее удобство наблюдать: не шевельнулъ бровью и не сгладилъ улыбки. Наконецъ, насмотрѣвшись, онъ всталъ, шумно откинулъ стулъ, будто забывая, что рядомъ лежитъ больной, засунулъ руки въ карманъ и прошелъ раза два по комнатѣ. Я ужъ забылъ свой вопросъ, когда онъ собрался съ отвѣтомъ.

— Очень несложное! все въ двухъ словахъ! вдругъ сказалъ онъ: — онъ былъ боленъ давно, а вотъ послѣднее еще подбавило.

— Что «послѣднее»?

— Когда вы его напугали, грубо отвѣчалъ онъ: — простудился, взволновался, не спалъ нѣсколько ночей...

— Я не могу принять всего этого на свою совѣсть, возразилъ я: — я не виноватъ, что самъ боленъ.

Онъ оглянулся на меня и продолжалъ ходить.

— Вы какъ-будто боитесь сказать мнѣ, что не надѣетесь, сказалъ я.

Онъ остановился и опять вытаращилъ глаза.

— Что же?

— Ну, да... Не надѣюсь, отвѣчалъ онъ, съ какимъ-то ожиданіемъ, вѣроятно, того, что я упаду въ обморокъ.

— Благодарю, что сказали, продолжалъ я моимъ обыкновеннымъ тономъ: — я, по крайней мѣрѣ, имѣю время позаботиться о своемъ собственномъ положеніи.

— Такъ поторопитесь, сказалъ онъ сквозь зубы и будто пряча отъ меня своё лицо; сѣлъ опять къ столу, обмакнулъ перо и опять ничего не написалъ. Мое присутствіе его замѣтно сконфузило. Мнѣ вздумалось ободрить его и подарить ему отговорку.

— Видно, все напрасно? спросилъ я: — вы не находите больше средствъ?

Онъ, не отвѣчая, всталъ, прошелъ въ комнату отца и притворилъ дверь. Они долго толковали. Я не слушалъ, что именно, но отецъ говорилъ что-то очень твердо для человѣка, такъ близкаго къ смерти; онъ даже довольно громко разсмѣялся... У меня мелькнула мысль, что со мною играютъ комедію. Я обдумывалъ, какъ показать, что я ее понимаю, хотѣлъ уйдти и запереться въ своей комнатѣ, хотѣлъ уйдти изъ дому, почти рѣшался на послѣднее, когда опять появился докторъ.

— Подите къ отцу, сказалъ онъ себѣ подъ носъ, прошелъ въ прихожую и уѣхалъ. Я былъ еще очень молодъ. Во мнѣ что-то дрогнуло. Помню, что въ первую минуту я не понялъ чувства, которое меня смутило, но вслѣдъ за нимъ всталъ сознательный вопросъ: если это не комедія, что же со мною будетъ?

— Сергѣя! послышался голосъ отца.

Было ли что-нибудь особенное въ звукѣ этого голоса, или это была послѣдняя минута моего ребячества, но я бросился со всѣхъ ногъ, широко распахнулъ дверь и въ одинъ мигъ былъ у его постели.

— Что вамъ угодно, батюшка?

Онъ лежалъ навзничъ, повернулъ ко мнѣ голову и улыбнулся.

— Ничего. Посмотрѣть на тебя.

Я тоже взглянулъ на него. Занавѣска была поднята, какъ оставилъ ее докторъ; былъ свѣтлый мартовскій день. Можетъ быть, отъ него рѣзче выдавались предметы, но я никогда

не видалъ такой худобы и блѣдности, какъ въ эту минуту на лицѣ моего отца. Я убѣдился мгновенно: это была смерть, — и содрогнувшись отъ прикосновенія горячихъ, сухихъ, черствѣющихъ пальцевъ, невольно потянулъ назадъ мою руку, которую онъ взялъ. Онъ выпустилъ ее и продолжалъ улыбаться, полузакрывая глаза. Онъ хорошо дѣлалъ, что закрывалъ ихъ; они показались мнѣ страшно велики, когда вдругъ взглянули быстро. Я опустилъ голову.

— Тебѣ сказали?

Я молчалъ. Мнѣ вспомнилось мое первое свиданіе съ нимъ, пять лѣтъ назадъ, въ домѣ ma tante, но вспомнилось мелькомъ. У меня было полное, отчетливое пониманіе моего настоящаго положенія; я, мысленно, былъ не гдѣ-нибудь, а именно тутъ, у постели умирающаго; я зналъ, что этотъ умирающій — мой отецъ, но я этого не чувствовалъ. Я вѣрилъ поэтамъ, вѣрилъ, что люди, трепеща, дорожатъ каждой секундой агоніи близкаго существа, потому что эти секунды — вся ихъ жизнь; но здѣсь онъ казался мнѣ страшно долги и это была еще не агонія... Наконецъ, эта смерть меня не поражала. Величавая драма была обстановка совсѣмъ по провинціальному. Это, конечно, общая участь драмъ, но оттого-то, я замѣтилъ, онъ мало и производятъ впечатлѣнія. Внѣшность, слѣдовательно, не вызывала чувства, — напротивъ, еще охлаждала его, напоминая о предстоящихъ дрязгахъ, среди которыхъ необходимо самое прозаическое самообладаніе. Внутренно, я очень опредѣленно сознавалъ, что, въ настоящую минуту, сердечно уже ничего не теряю, что если что и потеряно, то потеряно давно и не по моей винѣ. Вопросъ: «Тебѣ сказали?» напомнилъ мнѣ о докторѣ и повернулъ мою желчь. Этого было довольно, чтобы возвратить мнѣ всю силу моего характера, поколебавшюся на минуту отъ неожиданности, отъ молодой непривычки. Мой отецъ, казалось, ставилъ себѣ задачей — мужественно умереть; для меня было вопросомъ чести доказать, что я съумѣю прожить. Для чего бы я сталъ измѣнять себѣ, выражать чувство, котораго у меня не было, лицемѣрія, или, что все равно, допуская себя нервически растрогаться! Меня ужаснуло безобразіе смерти, потому что я видѣлъ его въ первый разъ; но одной уступки, одного невольнаго содраганія, — было довольно. Я былъ озабоченъ, смущенъ, но не настоящимъ, а будущимъ.

Онъ все смотрѣлъ на меня и молчалъ. Этотъ пристальный взглядъ начиналъ раздражать меня. Я рѣшился защититься отъ этого *очарованія*, поставивъ силу противъ силы, и посмотрѣлъ на него также пристально. Его глаза вдругъ опять странно блеснули.

— Сергѣй!.. началъ онъ какъ-то рѣзко, не то привазывая, не то прося пощады, и вдругъ удержался, или былъ не въ силахъ продолжать, — не знаю, — откинулся на подушкѣ и вперилъ взглядъ въ потолокъ, также неподвижно, какъ вперилъ въ меня. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ пошарилъ рукой на столѣ. Я подаль ему воды.

— Я просилъ, сказалъ онъ едва слышно: — заѣхать къ Егору Егоровичу...

Я понялъ, что дѣло шло о докторѣ.

— Тутъ будутъ, можетъ быть, какія-нибудь формальности, хлопоты; ты не справишься... Впрочемъ, деньги есть и у тебя будутъ.

Онъ замолчалъ и, казалось, забылся. Я съ невольной улыбкой спросилъ себя, что же у меня будетъ? Предмѣстникъ отца, родитель Марьи Васильевны, правда, заставлялъ ее лазить по погребамъ и амбарахъ, кормилъ трехгодовальными запасами, но все-таки озаботился оставить ей приличное состояніе; говорятъ, онъ нажилъ его нечестно, — не знаю, но вижу, что онъ принесъ пользу хоть своей дочери, и она можетъ наслаждаться своимъ наслѣдствомъ безъ угрызений совѣсти: вѣдь (разбирая строго) люди никогда до подробности не знаютъ, чѣмъ стоить ихъ наслѣдства, какихъ трудовъ, грѣшковъ, грѣховъ и униженій... Но что и добираться до этихъ тонкостей? Давно сказала кто-то, что на деньгахъ не бываетъ пятенъ... Сколько помнится, мой батюшка не признавалъ этой истины. Такъ что же у меня будетъ?

Я былъ утомленъ всей предыдущей сценой и молча сидѣлъ у окна. Прошло довольно времени, часы въ гостиной что-то пробили; я не слушалъ, но мое раздумье было прервано внезапнымъ вопросомъ:

— Сергѣй, чтожь ты не обѣдаешь?

Былъ великій постъ, а Маланья была такъ глубоко огорчена, что я едва удержался, не бросилъ въ нее обѣдомъ, которой она мнѣ подала. Не считая сыновней обязанностью умирать съ голоду, я хотѣлъ идти въ гостиницу, но въ окно увидѣлъ подъѣхавшія сани. Съ нихъ спустился Егоръ Егоровичъ и ожидалъ, пока слѣдомъ подъѣхали другія. Оттуда онъ снялъ закутанную въ шубахъ и платкахъ Любовь Александровну; ему помогала въ этомъ подвигѣ молодая горничная, которая съ нею пріѣхала, но которую, за массой госпожи, не было и видно до этой минуты. Все это втѣснилось въ нашу првхожую. Любовь Александровна, еще не опомнясь отъ совершеннаго путешествія, отправилась съ Маланьей раскутываться въ мою комнату. Егоръ

Егоровичъ, — маленькая фигурка, тщедушная, не презентабельная, старавшаяся держаться съ достоинствомъ, вошелъ торопливо и подалъ мнѣ руку. Я очень холодно отвѣтилъ на его рукопожатіе, съ первой минуты ограждая себя отъ состраданія и протекціи, которыя ужъ читалъ готовыми въ его глазахъ.

— Можно къ батюшкѣ? спросилъ онъ.

— Если вамъ угодно, отвѣчалъ я и далъ дорогу.

Впрочемъ, я пошелъ за нимъ вслѣдъ. Они обнимались долго. Я прислонился къ двери и слышалъ за нею всклипыванье Любови Александровны. Я будто еще вижу эту сцену при свѣтѣ безконечнаго мартовскаго дня. Отецъ пожелалъ скорѣе начать «о дѣлѣ». Подозвали меня, и Егоръ Егоровичъ объявилъ, что отецъ оставляетъ мнѣ съ небольшимъ тысячу рублей. Эти деньги накоплены въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, вкались въ разное время въ банкъ, въ Москвѣ, и должны были лежать тамъ до моего поступленія въ университетъ.

— Почему же въ Москвѣ, а не здѣсь? спросилъ я: — и почему мнѣ объ этомъ не говорили?

— Здѣсь, при нуждѣ, могло быть искушеніе взять ихъ и прожить, отвѣчалъ Егоръ Егоровичъ: — а поступаая въ университетъ, студенту пріятно вдругъ узнать, что онъ обезпеченъ на нѣсколько лѣтъ.

Я поблагодарилъ. Дѣла касающіяся меня были кончены. Егоръ Егоровичъ спрашивалъ о разныхъ служебныхъ подробностяхъ, подавъ ли рапортъ о болѣзни, съ кѣмъ нужно повидаться изъ сослуживцевъ, какъ и зачѣмъ обратиться къ начальству. Мнѣ до этого не было дѣла; я вышелъ. Любовь Александровна заключила меня въ объятія и облила слезами. Я былъ утомленъ до невозможности.

— Ты, душа моя, не убивай себя, твердила она: — Господь знаетъ, чтѣ дѣлаетъ. Такіе люди здѣсь не жилицы...

И прочее, въ этомъ тонѣ. Я не слушалъ. Мнѣ еще яснѣе и ужаснѣе представилась моя будущность: ничего въ цѣломъ мірѣ! Потому что, вѣдь, жалкой тысячью рублей съ пятакими не «обезпечень» же я на нѣсколько лѣтъ, какъ выражается этотъ бывшій кандидатъ, магистръ, — кто его знаетъ! И никого въ цѣломъ мірѣ!... Не время было, а готовъ былъ я попросить моего отца признаться по совѣсти, куда дѣвались письма къ ма tante, которыхъ я отправилъ болѣе десятка въ послѣдніе десять мѣсяцевъ, ни на одно не получивъ отвѣта... И я долженъ остаться здѣсь, жить здѣсь... Какъ жить? Гдѣ-нибудь на квартирѣ, на хлѣбахъ, — какъ братія мои, гимназисты?..

Мое порывное движеніе обратило вниманіе и прервало краснорѣчіе Любовь Александровны.

— Душа моя, заговорила она чрезъ минуту, еще внушительнѣе: — такому отчаянію предаваться грѣшно. Поди лучше къ себѣ, помолись, отдохни, сберись съ силами; онѣ тебѣ нужны. А я къ нему пойду...

Она подала мнѣ спасительную мысль. Я не заставилъ ее повторить и ушелъ въ свою комнату. Въ домѣ ходили, послали, распоряжались; пріѣзжалъ докторъ. Любовь Александровна совѣщалась съ Маланьей, съ хозяйкой; двигали мебелью, звенѣли посудой. Въ прихожей раздалось топанье тяжелыхъ сапоговъ и хриплое отгашливанье. Вдругъ все притихло. На дворѣ стемнѣло; моя комната была полна голубыхъ сумерекъ. Какой-то чужой голосъ заговорилъ за стѣной, въ комнатѣ отца; отецъ говорилъ тоже... Это продолжалось недолго. Снова поднялись шумъ, возня, ходьба, стукъ сѣнными дверями, незнакомый говоръ. Въ щель моей двери свернула полоска огня и потянуло какой-то гарью. Я узналъ невыносимый мнѣ запахъ ладона. Усталый, голодный, одурѣлый, я поднялся на постели, будто кто меня позвалъ.

Меня, точно, позвали. Вошла Любовь Александровна.

— Пойдемъ, мой другъ, помолимся. Онъ желаетъ исполнить весь долгъ христіанскій.

Она плакала и вела меня за руку. На порогѣ гостиной, дяконъ, ходившій съ цукомъ зажженныхъ свѣчъ, сунулъ и мнѣ свѣчку. Я оглянулся: народу было что-то очень много. Кто, откуда? спрашивалъ я себя, протирая глаза отъ рѣзкаго перехода изъ темноты къ мерцанью множества мелкихъ, коптящихъ огоньковъ. Я прислонился къ стѣнѣ; изъ комнаты отца слышалось чтеніе и пѣніе. Егоръ Егоровичъ выкатился оттуда съ оплывающей толстой свѣчю.

— Вы тутъ? сказалъ онъ мнѣ: — пройдите же.

Онъ втолкнулъ меня въ спальню.

Говорили, что отецъ очень утомился. Я думаю!... Когда кончилась церемонія, всѣ подходили къ его постели, кланялись и поздравляли.

— Поди, мой другъ, поздравь его, сказала мнѣ Любовь Александровна, возвращаясь оттуда и ужъ не плача.

Я подошелъ, и если неохотно, то потому что не хотѣлъ умножать собою число тѣхъ, кто его тревожилъ; я искренно сочувствовалъ страданію, которое видѣлъ на его измученномъ лицѣ. Я взялъ его руку, горячо пожалъ ее и поднесъ къ губамъ. Онъ оглянулся.

— Что ты это! сказалъ онъ, встрепенувшись, но какъ-то бодро и весело, съ выраженіемъ шутки и нѣжности, которое мелькнуло мнѣ будто знакомое, и его рука, сжимая мою, впилась въ нее. Онъ закрылъ глаза. Я еще ждалъ.

— Позвольте... сказалъ кто-то, тронувъ меня за плечо.

Я посторонился, его пальцы выскользнули. Подлѣ меня блажась въ землю Александра Александровна, явившаяся неизвѣстно когда; она высвободила откуда-то Дунечку и приподняла ее подъ руки на постель. Дунечка ткнулась лицомъ въ грудь отца, покуда Александра Александровна цаловала его въ лобъ.

— Прощай, батюшка Николай Петровичъ, выговорила она особенно явственно, безъ слезъ, будто причитанье.

Я растолкалъ кругомъ себя и выбѣжалъ изъ комнаты. Я очнулся на своей постели, безъ мысли, безъ движенія, не отличая шума въ собственной головѣ отъ шума, происходившаго за перегородкой. Мой отдыхъ былъ недолгій. Вошла Любовь Александровна, ея горничная и Маланья со свѣчей, отыскивать капоры и шубы; я лежалъ на нихъ. Любовь Александровна говорила, что теперь, я почему-то могу быть совершенно спокоенъ; сама она уѣзжаетъ домой, Егоръ Егоровичъ отвезетъ Дунечку; Александра Александровна остается здѣсь... нельзя же!

Чего «нельзя» — я не понималъ, но мнѣ было все равно. Она обняла меня и крестила. Я вышелъ за нею машинально и заглянулъ въ гостиную; тамъ сидѣли незнакомые люди и священники. Я отворилъ дверь къ отцу, — тамъ было тихо; въ углу, на покрытомъ столигѣ передъ образомъ горѣла тоненькая свѣчка. Онъ спалъ. Я возвратился къ себѣ и не узналъ своей комнаты. Бумаги, книги съ письменнаго стола были свалены на постель, на мѣстѣ ихъ стоялъ самоваръ. Александра Александровна распоряжалась съ помощью хозяйки и Маланьи. Это было оживлено, почти весело. У печки сидѣлъ старый дьячокъ, что-то рассказывалъ и пилъ чай. Мнѣ тоже предложили стаканъ чаю.

— Знаешь, что, сказала мнѣ Александра Александровна, выждавъ, когда на минуту вышла хозяйка: — ты переходи къ намъ жить. У насъ комната есть, на верху, — не видалъ? свѣтло, тепло. Я ужъ и Егору Егоровичу говорила. Тебѣ будетъ и покойно, и столъ...

• Сама она поважѣсть завладѣла моей комнатою, хотя всю ночь не ложила и совершала безпрестанныя путешествія оттуда въ комнату отца. Я прилегъ въ гостиной на диванѣ, и, всякій разъ проходя со свѣчою, Александра Александровна окликала меня: — «Спишь?» Рано утромъ, она уѣхала; ее смѣнилъ Егоръ Егоровичъ и я могъ хотя немного успокоиться.

Нѣсколько слѣдующихъ дней прошли въ ожиданіи, безъ суеты и шума. Знакомые отца приходили навѣщать его, но онъ былъ постоянно безъ памяти, и они уходили скоро. Я наглядѣлся всякаго народа. Со мной они разбѣивались только поклонами, — конечно, не оттого, что деликатно не желали меня тревожить, а просто, не находили что говорить. Ихъ принималъ Егоръ Егоровичъ. И онъ почти также держался со мною, — молча. Наступала страстная недѣля. Хозяйка пожаловалась что, завтра, вербное, такъ, пожалуй, къ празднику ни съ чѣмъ не справишься, и спросила, оставлю ли я за собой квартиру? скоро первое число.

— А то бы я себѣ покуда жильцовъ искала, прибавила она. Егоръ Егоровичъ вознегодовалъ, что она гонить съ квартиры умирающаго.

— Всякому свое; живой живое и думаетъ, возразилъ я, удовлетворяя его поговоркой. — Ищите себѣ жильцовъ, прибавилъ я хозяйкѣ.

— Что вы, Сергѣй Николаевичъ? Какъ же... Что вы сдѣлаете...

Онъ оглянулся на спальню.

— Тамъ кончится не сегодня, такъ завтра, отвѣчалъ я, замѣтно пугая его моимъ хладнокровіемъ: — а самъ я, думаю, что переселюсь въ гостиницу.

— Не лучше ли ко мнѣ... началъ онъ.

— Благодарю, прервалъ я: — я васъ стѣсню.

Кончилось, въ самомъ дѣлѣ, въ эту ночь. По случаю страстной недѣли, съ похоронами спѣшили. Были и чиновники, были разныя формальности. У меня голова шла кругомъ. Столько лицъ, которыхъ я не зналъ, или не припоминалъ, и всѣ меня знали или помнили; всѣ приступали ко мнѣ съ разспросами, съ утѣшительными сентенціями... Только къ вечеру остался я одинъ. Знакомые, друзья, утѣшители, плакальщицы исполнили свой долгъ и отправились отдыхать. Я самъ испытывалъ благодатное ощущеніе отдыха, хотя въ ушахъ еще звенѣли разговоры и пѣніе, а въ душевныхъ комнатахъ еще стоялъ ладонъ. Я позвалъ Маланью и приказалъ выставить одну зимнюю раму. Выставить рамы, когда на дворѣ еще снѣгъ — дѣло неслыханное. Маланья сообщила свое изумленіе хозяйкѣ; та прибѣжала протестовать, что я порчу ей домъ. Я заставилъ ее молчать, напомнивъ, что, до перваго числа — я хозяинъ, что другихъ жильцовъ у нея еще нѣтъ, и послѣ покойника врядъ ли скоро найдутся; а Маланья, когда она кончила съ окномъ, велѣлъ сбирать свои пожитки и уходить, потому что мнѣ ее больше

совѣмъ ненужно. Это было мое первое распоряженіе на свободѣ.

Я отворилъ окно; было свѣжо и тихо, ручьи на тротуарѣ не застывали, въ небѣ горѣли двѣ-три звѣзды. Во мнѣ поднялось какое-то новое ощущеніе; я разобралъ его и понялъ, что любилъ бы природу, еслибы она являлась мнѣ въ болѣе привлекательномъ видѣ. Эта мысль напомнила что-то говоренное съ Марьей Васильевной и самую Марью Васильевну. Она не пріѣзжала этими днями, потому, какъ сказала мнѣ Александра Александровна, что боится мертвыхъ. Это на нее похоже. Я обѣщался выговорить ей объ этомъ страхѣ и спросилъ себя, отчего же я его не чувствую? Мнѣ только стало грустно. Оглядываясь и отыскивая предметовъ страха, я какъ-то вдругъ, особенно ясно замѣтилъ, что я одинъ.

— Вотъ, пожаловать бы Марьѣ Васильевнѣ, сказалъ я себѣ съ горькой усмѣшкой.

Для молодого человѣка, полного силъ и сознанія, жизнь начиналась среди непробудной пошлости, безцвѣтно, безрадостно, безстрастно. Ни средствъ, ни связей, ни общества, ни даже кружка, гдѣ бы вздохнуть привольнѣе. Правда, я не былъ друженъ съ товарищами, но изъ нихъ были же еще знакомые. Во все время, меня не навѣстилъ ни одинъ, хотя бы изъ приличія... И все дѣло въ деньгахъ! Еслибы они знали, что я все-таки владѣю порядочной суммой, еслибы я самъ зналъ это года два назадъ...

Меня возмущала эта скрытность: боялся растратить, желалъ сдѣлать сюрпризъ студенту и потому молчалъ! Не вѣрнѣ ли: боялся, что молодой человѣкъ законно потребуетъ средствъ во время, когда душа просить, не дожидаясь, чтобы опошлится голова и грудь вогнулась до чохотки? «Обезпечень на будущее!!» Кто возвратитъ прошедшее?..

И какъ же я обезпечень? чтѣ я буду дѣлать? питаться на проценты?..

Я вскочилъ и заметался по комнатѣ. До сихъ поръ я зналъ нужду, теперь стояла нищета. О, я негодовалъ законно! Всякая печаль, всякое разнѣживающее воспоминаніе были бы глупы, постыдны, унизительны. Я былъ оскорбленъ и обманутъ... Время изглаживаетъ несчастья, но и оно не приноситъ прощенія: я вѣчно помню эти минуты!

Мнѣ было необходимо высказаться. Я зажегъ свѣчу, отыскалъ въ беспорядкѣ своей комнаты все нужное для письма и возвратился въ гостиную. Часы принялись бить, когда я входилъ. Они вѣчно были мнѣ ненавистны. Мнѣ попала подъ руку тол-

стая отцовская палка; я ударилъ ею по маятнику, по циферблату, не знаю; часы зазвенѣли, затрещали и упали на земь.

Я сѣлъ писать къ ma tante. Но, подумавъ, я рѣшился не говорить съ нею тѣмъ откровеннымъ, нѣжнымъ языкомъ, которымъ избаловалъ ее. Я, просто, рассказывалъ, что случилось; мое положеніе высказывалось само собою, если только она сколько-нибудь обращала вниманія на все писанное ей прежде. Она не могла не получать моихъ писемъ, я обдумалъ это: я самъ всегда отдавалъ ихъ на почту; оставалось убѣдиться, были ли отвѣты. Я хотѣлъ справиться объ этомъ завтра въ почтовой конторѣ, а въ настоящую минуту можно было поискать ихъ въ бумагахъ отца. Я пошелъ въ его комнату. Егоръ Егоровичъ отдалъ мнѣ ключи отъ шкапулки и стола, которые при мнѣ заперъ; онъ не могъ унести, еслибы тамъ что было. Я отворилъ; тамъ было почти пусто, немного денегъ, немногіе старые счеты, старья письма. Должно быть, отецъ ничего не хранилъ. Мнѣ пришла поздняя догадка, что всего меньше сталъ бы онъ хранить перехваченную переписку. Я стоялъ, задумавшись, досадно теряя нить того, что хотѣлъ написать ma tante, и невольно прислушиваясь, какъ кругомъ меня все было тихо.

Вдругъ раздался стукъ въ сѣнную дверь. Я почти испугался, бросилъ назадъ въ шкапулку все, что изъ нея вынулъ, защелкнулъ ключъ и оставался на мѣстѣ. Вѣроятно, напряженное состояніе всѣхъ этихъ дней сдѣлало меня такимъ нервнымъ. Въ дверь еще постучали. Я вспомнилъ, что Маланья, получивъ свою отставку, а хозяйка, имѣя на меня неудовольствіе, не побеспокоится отворить, и пошелъ самъ. Гость былъ Егоръ Егоровичъ. Увида, что я удивленъ позднимъ визитомъ, онъ сталъ извиняться, что не могъ придти раньше, очень усталъ, разстроенъ, но между тѣмъ, не могъ и не думать обо мнѣ: какъ я остаюсь одинъ? и началъ умолять меня отправиться ночевать къ нему.

— Я не суевѣренъ, отвѣчалъ я, предлагая ему сѣсть и, садясь:—какъ видите, я даже вполне владѣю собою, потому что занимаюсь.

Это его не удовлетворило; наставляя, что мнѣ безпокойно, онъ, въ самомъ дѣлѣ, напомнилъ мнѣ, что я безъ прислуги, а всѣ эти дразги меня утомили.

— Пожалуй, поѣдемте, сказалъ я:— только позвольте мнѣ собраться.

Я ушелъ въ свою комнату, взялъ въ дорожный мѣшокъ кое-какія вещи и, возвращаясь, увидѣлъ, что Егоръ Егоровичъ

стоитъ въ размышленіяхъ на порогѣ комнаты отца, въ которую тянулся свѣтъ изъ двери гостиной.

— Ну-съ, сказала я и, проходя, захопнула эту дверь.

— Вотъ видите, заговорилъ онъ, засуетясь, утираясь клѣтчатымъ фуляромъ и ловя меня за рукавъ: — я понимаю, что вамъ не хотѣлось бы отсюда, особенно, въ первый же день; но сразу ужъ лучше, а то и вовсе не оторветесь... Или ужъ я съ вами здѣсь останусь... А то, кажется, точно, будто я васъ съ первой минуты покинулъ...

Не отвѣчая, я накинулъ шинель и кликнулъ изъ кухни хозяйку. Егоръ Егоровичъ бросился искать свою шапку. Я приказалъ запереть ставни, погасить огонь, позвалъ извозчика и, садясь, заплатилъ впередъ за повѣзку. Егоръ Егоровичъ нѣсколько оторопѣлъ. Я молчалъ всю дорогу, пока мы достигли моего жилища.

— Извините же, сказала я, входя: — если я, безъ церемоніи, попрошу васъ позволить мнѣ сейчасъ лечь спать.

Старый холостякъ жилъ довольно комфортно; онъ привелъ меня въ чистенькій кабинетъ, гдѣ мнѣ была уже готова постель: меня ждали. Мнѣ очень хотѣлось выспаться утромъ, но меня разбудили рано. Смутовы, узнавшія, что я ночую въ ихъ сосѣдствѣ, прислали просить къ себѣ. Егоръ Егоровичъ ужъ всталъ и торопился повидаться до обѣдни, потому что онѣ гонѣли. Онъ пошелъ со мною.

— Другъ мой, нѣсколько торжественно встрѣтила меня Любовь Александровна: — я буду тебя просить—не откажи. Я сегодня исповѣдываюсь, готовлюсь къ великому дѣлу; это мнѣ отрадой будетъ...

И обѣ принялись умолять меня жить у нихъ; я не успѣвалъ вставить слова, какъ мнѣ высчитывались всѣ удобства и все ихъ утѣшеніе. Мнѣ, наконецъ, удалось выговорить, что я не желаю жить даромъ, а такія роскоши, пожалуй, будутъ мнѣ не по средствамъ.

— Только-то? закричали онѣ въ одинъ голосъ, а затѣмъ Любовь Александровна расплакалась, а Александра Александровна расхохоталась.

— Охъ, согрѣшишь съ тобой, въ великую среду! Уморительный ты человѣкъ! Да вѣдь комната наверху стояла и вѣкъ стоитъ пустая, а расходъ, гдѣ трое, тамъ четвертый, и пословица такая есть. Ну, свѣчку тебѣ лишнюю; покойникъ говаривалъ, что ты всѣ глаза по ночамъ исчислялъ. Поди ты какое разоренье! И нечего его слушать, Любушка. Я, вотъ, пойду,

сейчасъ отражу съ тобой Пелагею; ступай, собирай свое добро, да вези сюда, куда морозъ держитъ.

Я настаивалъ на своемъ.

— Душа моя, вступилась Любовь Александровна, будто вдохновляясь: — да вѣдь Дунечку ты учишь!

— Я не имѣю возможности давать уроковъ даромъ, возразилъ я.

Любовь Александровна даже испугалась.

— Да я не хотѣла этого и сказать, заговорила она: — какъ можно, даромъ! Развѣ я могу тебѣ это предложить? Господь съ тобой, какъ можно! Я хотѣла сказать, что за все, что ты, мой другъ, для нашей Дунечки сдѣлалъ, за все твое одолженіе...

— Но я не хочу принимать одолженій! прервалъ я.

— Но какъ же ты жить будешь?

— Конечно, бѣдно!

— Господи Боже! Съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ случится.

— Другъ мой, что тебѣ за радость...

— Да еще съ кѣмъ свяжешься! прибавила Александра Александровна.

Споръ былъ очень долгій.

— А, ну тебя совсѣмъ, ей-Богу, нагрѣшишь! вскричала опять Александра Александровна: — ну, давай торговаться, коли ты такой! Ты берешь за ученье шесть рублей въ мѣсяцъ — бери половину и оставайся у насъ.

— На три рубля мнѣ жить нечѣмъ, возразилъ я: — а живи у васъ, я принужденъ буду отдавать все мое время Дунечкѣ...

— Зачѣмъ же? вмѣшался Егоръ Егоровичъ: — васъ не стѣснять въ вашемъ времени. Я вамъ достану еще уроки.

Я колебался, потому что страшно усталъ.

— Ну, по рукамъ, что-ли? вскричала Александра Александровна: -- съ уступкой?

Она захохотала.

— Извольте, сказалъ я: — я согласенъ.

— А я — нѣтъ, прервала важно Любовь Александровна: — не хочу я никакихъ уступокъ, торговъ этихъ. Уроки Дунечки сами по себѣ; кому еще онъ самъ захочетъ давать, — какъ хочетъ, его воля. А я хочу, чтобъ онъ у меня, въ память его отца, какъ сынъ родной жилъ; чтобъ успокоить мы его могли, сколько въ нашихъ силахъ...

На послѣднихъ словахъ, ея слезы завапали. Она протянула мнѣ свои объятія. Было необходимо уступить ей и согласиться безусловно. И пора была: заблагоувѣстили къ обѣднѣ.

— Ну, слава Богу! сказала, крестясь и поднимаясь; Любовь Александровна: — теперь я могу съ спокойной душой... А возвращусь, тебя уж здѣсь найду, другъ ты мой!

— А ты воротись, чай на столѣ будетъ, заключила, обращаясь ко мнѣ, Александра Александровна: — я не говѣю, къ службѣ не пойду, Богъ проститъ. Мнѣ еще тутъ дѣла много. Праздникъ вмѣстѣ встрѣтимъ...

— Великій праздникъ! «Избавленіе скорбей!» прошептала Любовь Александровна, удаляясь.

Черезъ нѣсколько минутъ, ее, въ огромномъ капорѣ и шубѣ, переводила по лужамъ служанка; онѣ шли въ церковь. Дунечка, въ такомъ же страшномъ капорѣ, прыгала за ними. Я видѣлъ эту процессію, возвращаясь къ Егору Егоровичу. Онъ удержалъ меня, когда я хотѣлъ ѣхать на свою квартиру, толковалъ что-то объ опека, которую, вѣроятно, назначать надо мной, но, такъ-какъ у меня нѣтъ имѣнія, это будетъ несложно и для меня нестѣснительно. Обо всемъ, что мнѣ нужно, онъ просилъ обращаться къ нему.

— Такъ мы положили съ батюшкой, прибавилъ онъ: — а вотъ, какъ вы устроитесь на мѣстѣ, возьмите у меня ваши билеты. Они всегда у меня хранились.

— Отъ искушенія? сорвалось у меня невольно.

— Отъ искушенія, отвѣчалъ онъ со вздохомъ: — вы сами знаете, что нужда бывала.

Я не видалъ нужды моего отца, но самъ часто нуждался; объяснять это, конечно, не стоило.

— Однако, пришло время почать это сокровище, сказалъ я: — я попрошу у васъ теперь эти билеты; мнѣ сейчасъ надо будетъ расплачиваться.

Онъ сталъ увѣрять, что тамъ, на квартирѣ, ничего ненужно, что у него еще остались деньги изъ выданныхъ казной на похороны, показывалъ счета. Всѣ эти грошевые итоги мнѣ надоѣли. Билеты онъ отдалъ, но навязался ѣхать со мною на квартиру. Впрочемъ, потомъ, я былъ этому радъ: онъ считался съ хозяйкой, распорядился перевозкой. Возня въ старомъ хламѣ, въ старомъ платьѣ поднимала во мнѣ тошноту. Я собралъ свои вещи и книги, и предоставилъ Егору Егоровичу заняться остальнымъ.

— Мнѣ ничего ненужно. Нельзя-ли устроить, чтобъ это мнѣ и на глаза не попадалось? сказалъ я: — бросьте все куда нибудь.

Онъ взглянулъ на меня съ испугомъ; я едва держался на ногахъ отъ усталости.

— Вамъ дурно? спросилъ онъ и подвинулъ мнѣ кресло.

Стукъ этого кресла неприятно раздался въ пустотѣ; я вздрогнулъ. Егоръ Егоровичъ, растерявшись, засуетился еще больше.

— Я уѣду, сказала я.

— Да, да, лучше уѣзжайте, не разстройвайтесь. Я сберу. Я знаю, что вамъ оставить на память...

— Ничего! Бросьте все! повторилъ я, уходя въ прихожую.

Онъ слѣдилъ за мной глазами, какъ будто я шелъ не въ ту дверь. Я понялъ его мысль, остановился на минуту и прибавилъ:

— Я ничего не могу видѣть!

Онъ возразилъ мнѣ что-то, но я уже былъ на крыльцѣ. Весенній теплый вѣтеръ освѣжилъ меня. Переулокъ былъ недалеко отъ главной улицы; я повернулъ туда. Тамъ было какъ-то еще свѣтлѣе, свободнѣе; чистая мостовая, нѣсколько отворенныхъ оконъ, цвѣты въ окнахъ и колыхающіяся занавѣски, стукъ шаговъ, движеніе, все смотрѣло весело, по праздничному. Праздникъ былъ въ самомъ дѣлѣ близко, къ нему уже готовились. Предъ магазинами стояли кареты, швей бѣгали съ картонками. Мнѣ встрѣтилась одна знакомая, бѣлокуренькая, съ вздернутымъ носикомъ, — какъ сейчасъ ее вижу, хотя забылъ ее имя. Она остановилась, пожаловалась, что много работы, пожалѣла, что со мной, къ празднику, случилось несчастье и спросила, не иду-ли я себѣ за обновкой. Она напомнила необходимость, которую я давно сознавалъ. У меня явилось жаркое желаніе обновки и какая-то ребяческая радость, что я могу сейчасъ удовлетворить ему. Билеты лежали у меня въ карманѣ. Мѣнять ихъ въ лавкахъ было бы долго, хлопотливо. Егоръ Егоровичъ что-то говорилъ, будто я, несовершеннолѣтній, лучше сдѣлаю, если не буду ихъ показывать; что ихъ слѣдовало бы по смерти отца опечатать, кому-то заявить... Не помню. — Мнѣ былъ знакомъ содержатель гостиницы, гдѣ я питался. Я вошелъ туда и вызвалъ его въ пустой номеръ. Послѣ очень недолгихъ переговоровъ, онъ размѣнялъ мнѣ одинъ мелкій билетъ, сладко взглянувъ на другіе, когда я выбиралъ его изъ бумажнива. Онъ взялъ жидовскій промѣнъ, но за то, когда я попросилъ позавтракать, угостилъ меня бесплатно образчиками того, что готовилось къ святой, извиняясь, что въ такой великій день какъ настоящій, въ страстную среду, у него ничего не было на кухнѣ, даже постнаго. Я смѣялся его извиненіямъ, онъ самъ неменьше, только просилъ не выдавать его: онъ былъ церковнымъ старостой какого-то прихода.

Я, впрочемъ, спѣшилъ завтракать и отправился къ портному. Лучшій портной — всегда дорогой, — слѣдовательно, въ про-

винциальному городѣ незаваленъ работой, и берется шить въ какой угодно срокъ, когда не торгуются. Многие стыдятся признаваться въ томъ, что называютъ малодушными движеніями. Я не считаю малодушіемъ того радостнаго омущенія, которое испытывать, заказывая изящную пару платья, той заботы, съ которой объяснялъ свой вкусъ и свои привычки, того удовольствія, когда убѣдился, что меня понимали. Только дикарь или упрямецъ не сознается, что неудавшаяся пара платья есть утрата — не матеріальная, — а утрата ожиданій, надеждъ, оскорбленіе эстетическаго чувства. Великое послѣдствіе ничтожной причины: испорченный кусокъ ткани — портить характеръ человѣка!

Я поселился у Смутовыхъ. Праздникъ былъ ранній, погода северная, и пришлось сидѣть дома. Это, впрочемъ, было встать въ моемъ положеніи. Слишкомъ недавній трауръ не позволялъ мнѣ принимать участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ, и потому я ограничился нѣкоторыми визитами — къ матери Талицына, гдѣ можно было встрѣтить порядочное общество, къ Ветлинымъ, гдѣ мнѣ были рады. Ветлицъ, хотя пустоватый, но добрый малый, жалѣлъ, что давно не сошелся со мною ближе. Я объяснилъ ему, что пропущенное еще не потеряно и что мы устроимся, какъ пріятнѣе проводить время. Довольно безтактный пріемъ m-me Талицыной поддержалъ мою прихоть посмотреть, что такое общество другаго кружка. Я былъ и у Марьи Васильевны; она вздумала-было соболѣзновать и ахать, но я, разъ навсегда, объявилъ ей, что не терплю состраданія и не желаю впередъ никогда заводить подобныхъ рѣчей. Дома я проводилъ весь день у себя наверху, читая, набравъ книгъ изъ публичной бібліотеки, гдѣ абонировался. Прежде эта бібліотека была для меня недоступна; отецъ воображалъ, что я могу удовлетворяться классиками изъ гимназій и тѣмъ, что самъ онъ предлагалъ мнѣ по своему вкусу. Мои хозяйки, благоговѣя передъ тѣмъ, что я лежу съ книгой въ рукахъ, тревожили меня только для призыва кушать, что, впрочемъ, дѣлалось разъ шесть въ день. Дунечка отъ меня пряталась. Это даже замѣтила Александра Александровна и успокоивала ее, что на праздникахъ я не задамъ ей уроковъ. Наѣвшись, оставалось спать. Сначала мнѣ мѣшали колокола, звенѣвшіе цѣлый день на сосѣдней церкви, потомъ я привыкъ къ нимъ и засыпалъ на громадномъ ложѣ, которое мнѣ устроили. Комната была просторна и довольно высока; одно окно на площадь,

другое въ садъ. Повторивъ еще разъ Егору Егоровичу, что не хочу видѣть ничего изъ того, что было у насъ въ домѣ, я избавилъ себя отъ надобныхъ мнѣ предметовъ; выгода вышла двойная: я спасъ свое расположеніе духа и получилъ отъ Егора Егоровича порядочную сумму, вырученную отъ продажи этихъ вещей. Онъ даже представилъ мнѣ счетъ. Но ненавистные часы, которые я, кажется, добросовѣстно постарался уничтожить, исправленные, отчищенные, опять шелкали на стѣнѣ у Егора Егоровича; онъ купилъ ихъ, должно быть, для сувенира, надобности въ нихъ не было. Бывая у него, я дѣлалъ видъ, что ихъ не замѣчаю, вообще, не давалъ себя ловить на разныхъ чувствительностяхъ и скоро убѣдился, что дѣлалъ благоразумно: мнѣ бы не дали покоя. Благочестивыя дѣвы считали дни всякихъ поминовений и моленій, и устраивали все это необыкновенно торжественно. Я, конечно, покорялся только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда приличія уже непременно требовали моего присутствія при обрядахъ. Впослѣдствіи, я привыкъ къ стуку калитки, который всякій день, на зарѣ, возвѣщалъ, что Любовь Александровна отправилась къ ранней обѣднѣ.

Съ окончаніемъ праздниковъ возобновились мои занятія въ гимназій и уроки Дунечки. Егоръ Егоровичъ, вѣрный своему обѣщанію, предложилъ мнѣ еще урокъ въ одномъ богатомъ домѣ, гдѣ самъ училъ чему-то. Это было ужъ слишкомъ поспѣшно. Протекція этого господина, неловкость положенія, скупка — все вообразилось мнѣ разомъ, и я отговорился, что мнѣ некогда, что я готовлюсь къ экзамену, а пожалуй, возьму этотъ урокъ, перейдя въ пятый классъ, лѣтомъ, на вакацію — если только не уѣду къ своимъ роднымъ въ Москву. Я, въ самомъ дѣлѣ, это задумалъ. Узнавъ положительно на почтѣ, что писемъ ко мнѣ не было, я хотѣлъ розыскать *ma chère tante*. Она не отвѣчала мнѣ и на послѣднее извѣстіе о смерти отца, хотя я послалъ его страховымъ и подробно далъ свой адресъ.

Весна начиналась прелестная. Отраднo вспоминаю эту первую весну моей юности; я былъ свободенъ, я былъ покоенъ. Кругомъ говорили, что времена тяжелыя, что веселье никому на умъ не идетъ, война, забота, дороговизна, неурожай, страхи, слезы... Съ какой гордой молодостью повторялъ я себѣ, что мнѣ ни до чего этого нѣтъ дѣла! Странны казались мнѣ улыбки, встрѣчныя лица; они будто негодовали на меня, между тѣмъ, какъ я былъ больше вправѣ негодовать на нихъ, разрушающихъ гармонию свѣта, простора, покоя, которымъ я наслаждался. Меня смѣшили вздохи моихъ старыхъ дѣвъ и нахмуренное чело Егора Егоровича, когда, бывало, оживленный,

весело усталый, я возвращался вечеромъ, и все это общество укоризненно поднимало на меня взоры изъ-за листовъ газеты, пораженное моей быстрой походкой, звонкимъ смѣхомъ, вопросомъ, неотносящимся къ тому, что ихъ поглощало. Я не мѣшалъ имъ горевать, если имъ это нравилось; не моя вина, если я не могъ имъ сочувствовать. Однажды, какъ-то, Любовь Александровна попыталась-было возбудить во мнѣ сочувствіе къ «великому дѣлу», какъ она краснорѣчиво выразилась, но контроверсы съ нею были бы смѣшны, а внимательства Егора Егоровича я твердо рѣшилъ не допускать. На одно его замѣчаніе, я, просто, отвѣтилъ, что не нуждаюсь въ совѣтахъ, Это было выражено такъ учтиво и ловко, что старшій педагогъ не съ разу сообразилъ, что ему отказали отъ мѣста наставника, но, сообразивъ, притихъ и только хмурился. Я поставилъ себѣ правиломъ не обращать вниманія на подобныя вещи. Меня не могли ни въ чемъ упрекнуть: я всякій день бывалъ въ гимназій, старательно занимался съ моей ученицей, не заставлялъ ждать себя къ обѣду, а для позднихъ вечернихъ возвращеній, съ разрѣшенія хозяйекъ, на свои собственные деньги, сдѣлалъ въ дверяхъ подъѣзда замокъ, который могъ отпираться и изнутри и снаружи. Я устроилъ это, едва у нихъ поселился и на первый разъ это, какъ новизна, привело въ восхищеніе Александру Александровну; Любовь Александровна трогательно поняла, что я никого не хочу беспокоить; легионъ вѣчно спящихъ горничныхъ былъ мнѣ очень благодаренъ, а я былъ свободенъ. Первое время я, конечно, рѣдко пользовался моимъ двойнымъ включомъ, но когда составилъ нашъ клубъ у Веглина, когда стали устраиваться пикники, гулянья, разные удовольствія, мнѣ случалось еще не успѣвать уснуть, какъ раздавался благовѣстъ къ заутрени и шорохъ вставанья Любви Александровны. Въ домѣ никогда не знали обстоятельно часа моего возвращенія; это было забавно.

Это знала Марья Васильевна и ей это не нравилось; я рассказалъ ей изъ глупой откровенности, вѣрнѣе, потому, что пришлось къ слову. Она вздумала читать мнѣ мораль, но Марья Васильевна, ужъ нисколько не церемонясь, я объявилъ, что не терплю морали. Она вскорѣ и сама убѣдилась, что этимъ только отдалить меня и ей же будетъ скучнѣе. Она тоже стала собирать знакомыхъ, дѣлать вечеринки, устраивать прогулки; мое присутствіе одушевляло эти затѣи, слѣдовательно, нужно было поддерживать хорошее расположеніе моего духа...

Мой экзаменъ шель удачно; я долженъ приписать это моему необмысленной даровитости, потому что занимался мало, въ

промежуткахъ удовольствій и лѣни — невольнаго, необходимаго слѣдствія физическаго утомленія. Я обдумывалъ, какъ расположить моимъ временемъ. Было начало іюня. Случайно, въ лавкахъ, двое незнакомыхъ купцовъ поманули фамилію *ma tante*. Я вмѣшался въ разговоръ и узналъ, что они гдѣ-то на дорогѣ встрѣтили ея мужа, ѣдущаго въ саратовскую деревню, «съ семействомъ». Я не могъ доспроситься, изъ кого состояло это семейство — однѣ ли дочери, жена ли съ ними. Искать ее въ Москвѣ было бы сомнительно. Лѣтомъ Москва не представляла ничего заманчиваго, война наводила на всѣхъ ужь слишкомъ много скуки, ѣхать не стоило.

Кончивъ съ послѣдними формальностями экзамена, получивъ свой билетъ, я возвращался изъ гимназіи въ Сматовымъ. Тамъ ожидали этого великаго событія — моего перехода въ пятый классъ, и едва я отворилъ дверь, Александра Александровна привѣтствовала меня громогласно:

— Честь имѣемъ! Честь имѣемъ!

— Я еще издали видѣла, какъ онъ шелъ, мой голубчикъ, промолвила, прослезаясь, Любовь Александровна.

Меня заключили въ объятія, на столѣ явились пироги и была отправлена посланница за Егоромъ Егоровичемъ. Я уже давно привыкъ ко всѣмъ празднованіямъ и всей обрядности, которые свято соблюдались въ этомъ домѣ. Дѣвы желали торжествовать мои успѣхи — я не мѣшалъ имъ, тѣмъ болѣе, что пирогъ былъ хорошъ и Александра Александровна, съ этого дня, разрѣшила готовить для меня скоромное. Былъ какой-то постъ.

— Поговѣлъ съ нами недѣлку и будетъ, а то похудѣеть, приговаривала она.

Явилась и Марья Васильевна; ее будто не ждали, но она была особенно нарядна и, подавая мнѣ руку, тихонько сказала:

— Поздравляю васъ.

Это ужь было глупо. Я нахмурился. Ей очень хотѣлось, чтобы я замѣтилъ ея нарядъ, съ иголки, по новой тогдашней патріотической модѣ: клѣтчатая юбка, въ подражаніе крестьянскимъ паневамъ, бѣлая рубашка со множествомъ краснаго кумача, на шеѣ корольки, гранаты и большой крестъ. Кажется, это называлось «ополченкой». Егоръ Егоровичъ пришелъ въ восхищеніе.

— Давно пора, твердилъ онъ: — вспомнить родной костюмъ — свободно, ловко! А ужь какъ къ вамъ пристало! Только бы косу распустить — совсѣмъ русская красная дѣвица!

— Да это недолго, подхватила она, вытащила изъ головы

гребень и тяжелая коса, какъ жгутъ, ударила ее по спинѣ. — Давайте ленту, тетеньки!

Ей подали, она вплела себѣ бантъ и, войдя въ роль, ужъ и держалась и говорила съ крестьянскимъ отгѣнкомъ. Я молчалъ и смотрѣлъ въ окно.

— Вамъ не нравится? спросила она, не выдержавъ.

— Оригиналы, каковы бы ни были, все-таки сносите подражанія, а я скоро ихъ увижу, отвѣчалъ я равнодушно и обратился къ Егору Егоровичу. — Вы говорили, что можете доставить мнѣ урокъ на вакацію?

Урокъ, точно, былъ. Я спросилъ, чтобъ подразнить Марью Васильевну, но потомъ и самъ не обрадовался: куча ребятъ, съ которыми надо было говорить пофранцузски, а двухъ старшихъ готовить въ первый классъ гимназій.

— Все это дѣльно, сказалъ я: — но главное, мнѣ бы хотѣлось отдохнуть въ деревнѣ; я былъ опасно боленъ зимою...

— Эта деревня — рай! отвѣчалъ Егоръ Егоровичъ.

— Только когда же имъ пользоваться, этимъ раемъ, если будетъ столько дѣла? Впрочемъ, такъ-какъ предлагаютъ большую плату...

— Я узнаю акуратно.

— Узнайте. Необходимость заставить на все согласиться, хотя бы и съ потерей здоровья.

Старухи глядѣли на меня съ состраданіемъ. Марья Васильевна притихла и щипала ленту въ своей косѣ. Егоръ Егоровичъ посмотрѣлъ на часы.

— Они дома теперь; я пойду и разспрошу, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, не было для васъ стѣснительно.

— Да, мой другъ, разспросите, вмѣшалась Любовь Александровна: — я вѣдь вижу, что онъ хочетъ сказать, Сережа нашъ... Извини, такъ назвала... Послѣ такой потери... Занять онъ дѣльный день. Здоровье въ его года нужно беречь... просто, оправиться нужно, какъ ребенку. Еще отецъ его сколько разъ говаривалъ, что онъ на грудь жалуется...

Егоръ Егоровичъ ушелъ. Марья Васильевна тихонько и будто украдкой подобрала свои волосы. Александра Александровна обратилась ко мнѣ.

— Погляжу я, вздоръ ты затѣваешь, другъ мой сердечный, извини меня. Крайности тебѣ нѣтъ, деньгу копить — рано начинать, а для здоровья — на чтò тебѣ деревня лучше нашего сада? а то и луга — тутъ и есть. Пей себѣ молоко — двѣ коровы на дворѣ, да хотъ съ бѣлой зарю гуляй, право...

— И совершенная правда! подтвердила Любовь Александровна.

— Ты никакъ, Машенька, нынѣшнимъ лѣтомъ еще нашего сада не видала? продолжала Александра Александровна. — Посмотри-ка, какія тамъ затѣи. Илья Семенычъ Бревновъ высадковъ цвѣточныхъ насладъ; садовникъ его тамъ, разными фигурами, цвѣтникъ разбилъ, бесѣдку изъ акаціи заплелъ. Дунечка тамъ цѣлый день и шьетъ, и читаетъ, и сама возится, полить, поливаетъ. Сходи, погляди.

— Вы были въ саду? спросила меня Марья Васильевна.

— Раза два.

— Проводите меня.

Я пошелъ за нею, но, придя туда, она не обратила вниманія ни на цвѣтникъ, ни на бесѣдку, ни на Дунечку, которая, увидя насъ, спрятала то, что читала. Она всегда прятала отъ меня свои книги, хотя, безъ сомнѣнія, онѣ всѣ были высоко-нравственныя: ихъ давалъ Егоръ Егоровичъ. Я, конечно, не бралъ на себя труда развивать ее, доставлять ей чтеніе и вообще, вромѣ класса, не говорилъ съ нею десяти словъ въ день.

Марья Васильевна шла впереди меня все дальше, въ чашу сада. Я замѣтилъ ей, что малина еще не поспѣла и стремиться не къ чему. Она не отвѣчала, но зайдя такъ далеко, что насъ уже не могли видѣть, сѣла на траву и принялась плакать — точно будто выбирала для этого удобное мѣсто. Я постоялъ, подождалъ, когда это кончится и, наконецъ, повернулся, чтобы уйти. Она схватила меня за руку.

— Ради самаго Бога... зачѣмъ вы хотите уѣхать?

— Затѣмъ, что здѣсь скука, отвѣчалъ я.

Она рыдала еще пуще.

— Пустите же меня, сказалъ я: — вѣдь такъ еще скучиѣе.

— И неправда! вскричала она: — и вовсе вы не скучаете! Слава Богу, пріятелей у васъ довольно, въ гостяхъ вы всякій день; на прошлой недѣлѣ на дачѣ танцовали; у Грачовыхъ театръ взялись устроить...

— Чтѣ-жъ изъ этого? возразилъ я: — вы будто попрекаете мнѣ пустяками. Ну, я прыгаю, играю въ карты — наконецъ, упрыгаешься, средства нужны...

— Да вѣдь у васъ деньги есть?

Я захохоталъ и пошелъ. Она вскочила, бросилась за мной, заставила воротиться и сѣсть съ ней рядомъ. Вѣтки зацѣпились мнѣ за волосы; мнѣ было непріятно.

— Милые волосы, простите меня! вскричала она и робко, послѣшно, пригладила мнѣ голову. — Послушайте, простите меня, я вздоръ сказала... Ну... Видите, что... Неужели ужъ вамъ такъ скучно?

— Конечно, отвѣчалъ я: — всѣ эти удовольствія безъ цѣли; умъ не занятъ, сердце не занято.

— А, вотъ что! сказала она и примолгла.

Она опять-было собиралась заплакать, но, догадываясь, что я уйду при первомъ поднесеніи платка къ носу, удержалась и спросила:

— А тамъ, въ деревнѣ, чѣмъ же вы займетесь?

— Буду учить дѣтей, читать, напишу что-нибудь. Я давно хотѣлъ.

— Это все-таки для головы, а не для сердца. Это можно и здѣсь. Только ребятъ противныхъ не будетъ: еще лучше. Будетъ съ васъ одной Дунечки...

Она улыбнулась, примѣтя мою улыбку; я отвернулся и молчалъ. Она продолжала, глупо смущаясь, смѣясь отъ смущенія, и заглядывая мнѣ въ лицо:

— Вы не воображайте, что вамъ будетъ свободно. Эти господа дорого заплатятъ, пожалуй, но за то ужъ и потребуютъ. Вѣдь что же, смѣшно, право... Вы не обижайтесь!.. Вы учите Дунечку... Ну, не сердитесь, грѣхъ нашъ общій съ вами! Покуда она что-нибудь дѣлаетъ, мы съ вами болтаемъ свое. Знаетъ она или не знаетъ, вамъ все равно... никто не возьметъ. А тамъ, маменька сама сидитъ въ классѣ. Вѣдь васъ берутъ, покуда настоящаго француза нѣтъ; ихъ теперь, въ войну, мудрено достать... Эти господа изъ гордости ни съ кѣмъ изъ сосѣдей даже незнакомы; аристократическій домъ...

— Я самъ выросъ въ аристократическомъ домѣ; этотъ складъ, привычки—мнѣ родные...

— Господи Боже, да вѣдь вы тамъ сами были родной! Сами же вы рассказывали, что вы вашему русскому учителю соль въ чай сыпали, не знаю что ему дѣлали, а онъ не смѣлъ жаловаться! Вѣдь тутъ ваша роль такая же: вы учитель, а они аристократы!..

— Въ какія вы пускаетесь разсужденія, Марья Васильевна! прервалъ я, захохотавъ, хотя вспыхива этой дѣвицы вдругъ, какъ-то особенно освѣтила предо мною мое положеніе.

— Извѣстно, что такое дѣти-аристократы: сорванцы! сказала она, разсердясь.

— Извините, Марья Васильевна, но если вы такъ выразились обо мнѣ, то я возражу и вамъ: такъ разсуждаетъ только умственная малость. Потрудитесь понять: во всякомъ аристократическомъ ребенкѣ болѣзненно затронута чувство порядочности при видѣ плохо выбритаго, улылаго учителя въ вытертомъ сюртукѣ; непріятное ощущеніе вызываетъ непріязнь; у

ребенка она выражается школьной шалостью. Но и самая неприязнь, и ея послѣдствія—натуральны, законны. Не дѣтей надо винить, а учителямъ слѣдуетъ подумать, какъ держаться приличнѣе... Понимаете?

Она поняла, что я раздраженъ, но не унялась.

— Вашъ гувернеръ французъ и прилично держался, а вы его презирали!

— Ай-да Марья Васильевна! Я не ожидалъ отъ васъ такихъ подвиговъ,—спорить!... Но я-то, я? развѣ я то же, что эти люди?

— Господи, вскричала она:—я знаю, что я глуха и не умѣю разсудать, но... Жить съ аристократами, такъ надо ужъ и самому быть аристократомъ... то-есть, богачомъ: бросаю свое пригоршнями и знать никого не хочу! а отъ нихъ получать, зависѣть, на жалованнѣ быть... да сохрани Господи! униженіе одно!

Я не могъ возразить: она указала мнѣ бездну, отъ которой меня отдѣлялъ одинъ шагъ. Съ ея стороны, конечно, это случилось нечаянно. Я не счелъ нужнымъ отрывать ей, на сколько она меня поколебала и долго молчалъ.

— Одно скучно, сказалъ я, наконецъ:—здоровья не поправишь и романа не напишешь. Времени не будетъ... А моя мысль мнѣ дорога; я не одинъ годъ ее берегу. Прощай, романъ!

— Да здѣсь-то, кто вамъ мѣшаетъ его писать? вскричала она:—вотъ, тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, въ саду? Хорошо, густо, тихо, — посмотрите, — просто, прелестно! Я вамъ стога пришлю; вшутку большую кожаную, мягкую, на пружинахъ,—лежать. Тетеньки сейчасъ согласятся. Никифору сама прикажу. чтобъ на ночь, или подъ дождь закрывать... два ковра пришлю, клеенку, рогожки пришлю...

— Какъ проворно! вскричалъ я, расхохотавшись.

— Да чего же мѣшвать? возразила она, свонфуженная и радостная.

— Подумать надо.

— Чего думать? Вы хотите писать, ну, и пишите. И свободно тутъ, и — захотѣли, развлечения есть...

— Какія?

— Какія найдутся, а тамъ вовсе никакихъ... А ужъ какъ вы тетенькѣ утѣшите! вѣдь онѣ какія славныя... Чего вамъ, ей-Богу, еще? Не поѣдете?

— Не поѣду, сказалъ я, помолчавъ.

— Ахъ, душа какой! вскричала она и запрыгала.—Господи, какъ я рада!

Она быстро заврестилась своей кругленькой ручкой: я поймалъ

эту ручку, мѣшая ей и смѣясь, сжалъ ей пальцы; она закричала, что больно; я, прося прощенія, обхватилъ ее за талію и поцаловалъ. Она вся покраснѣла и отвѣчала тихимъ поцалуемъ въ голову.

— Это за то, что умникъ, здѣсь остаетесь, сказала она серьезно, будто въ оправданіе, но тотчасъ же пошла впередъ и довольно скоро. Я догналъ ее.

Въ домѣ мы нашли возвратившагося Егора Егоровича; онъ принесъ отъ своихъ «аристократовъ» необыкновенно выгодныя условія: въ гимназію никого не готовить; только два часа въ день занятій съ дѣтьми, а остальное время какъ мнѣ угодно; отдѣльный павильонъ въ саду для жилья, и проч. Марья Васильевна взглянула со страхомъ и отвернулась къ окну.

— А мнѣ такъ полюбился вашъ садъ, тетенька, сказалъ я, подходя къ Любови Александровнѣ: — что я никуда уѣзжать не хочу.

Съ минуту всѣ примолкли.

— Умникъ, умникъ! вскричала вдругъ Александра Александровна: — это онъ меня послушалъ!

— Это онъ Дунечку оставить не хочетъ, прошептала Любовь Александровна: — нашь, старухъ...

Она прослезилась и мягкими пальцами тихо пожала мои пальцы. Марья Васильевна вся высунулась въ окно. Одинъ Егоръ Егоровичъ смотрѣлъ неудомѣвая, повертывая свои ястребинныя глазки и острый носъ. Я посмотрѣлъ на него съ секунду въ упоръ, чего, какъ я примѣтилъ, онъ боялся, — привелъ его въ еще большее недоумѣніе, и вдругъ, сказавъ, что я страшно усталъ, попросилъ позволенія уйти въ свою комнату и не обѣдать. Изумленную Александру Александровну я успокоилъ тѣмъ, что сытъ пирогами, а проголодавшись попрошу.

Не помню, гдѣ я прочелъ выраженіе: «se sentir vivre». Оно мнѣ нравится, оно вѣрно. Всякій молодой человѣкъ испыталъ это ощущеніе. Лежать, закрывъ глаза, подъ листовою, не думать и только чувствовать, что живешь; изящная нѣга, въ которой вѣбнуть силы. Ложь и заблужденіе, будто онѣ работаются трудомъ. Какимъ трудомъ? Физическимъ? Неужели нужны примѣры, что онъ огрубляетъ и отупляетъ и нравственно и физически? Мастеровой, котораго всѣ помышленія сосредоточены на его верстахъ, на его станкѣ, а руки въ мозоляхъ — человѣкъ ли онъ?... Или, такъ-называемый строгій, серьезный трудъ мысли? Желчное, безрадостное существо, осуждающее три

четверти земныхъ наслажденій (ужь не потому ли, что они ему не по карману?...), односторонне сочувствующее только страданію — человѣкъ ли это?... И этому, говорятъ, юношество должно поучаться! То-есть — сохнуть преждевременно, множить собою число нахмуренныхъ «тружениковъ-мыслителей», какъ они себя величаютъ, — по просту: несносныхъ, безпокойныхъ плакальщиковъ, которыхъ такъ безконечно много развилось въ послѣднее время, во имя кого-то, во имя чего-то и никому не въ пользу!

Я жилъ, прожилъ и живу счастливо. Я самъ помогъ себѣ выдти на путь жизни, сохранивъ себѣ все свое достоинство. Я тотъ же и теперь, въ двадцать-семь лѣтъ, когда пишу эти строки.

Я знаю, меня упреваютъ въ эгоизмъ. Но, спрошу я серьезно, — эти господа хлопотуны за человѣчество, не точно ли такіе же они эгоисты? Вѣдь они сами кричатъ, что были бы удовлетворены *лично*, счастливы *лично*, еслибъ имъ удалось устроить безмятежный, трудовой міръ по своему вкусу. «Мы бы, говорятъ они: — блаженствовали». Такъ для кого же, какъ не для себя они стараются? И въ чемъ же разница между ими и мною? Въ томъ, что я разумно понялъ глупость ихъ стремленій, незыщность ихъ затѣй, и, отвернувшись, беру свое благо изъ источниковъ болѣе привлекательныхъ, не забочусь о людяхъ, которые обо мнѣ не заботятся, не навязываюсь въ опекуны и не допускаю надъ собой опеки. *Всякій за себя*, — пусть другіе дѣлаютъ то же. Если и выйдетъ разладница, то, господа мудрецы, хуже не будетъ того, что было и есть, а на нашъ вѣкъ еще достанетъ и тепла и корму на земномъ шарѣ!...

Обстоятельства складывались такъ, что могли бы втянуть меня, если не навсегда, то на долго въ пошленькую колею провинціальной жизни. Въ этой жизни есть своя заманчивость. Это остатокъ нашего стариннаго барскаго лежанья на пуховикахъ, съ его сладкой ѣдой и безконтрольнымъ произволомъ. Это восточная нѣга; иногда она можетъ казаться незыщна, но, въ сущности, она завлекательна. Только переимѣните, украсьте обстановку, дайте настоящую роскошь, — золото, шелкъ, перлы, розы, пальмы, фонтаны, — и кто не мечталъ объ этихъ наслажденіяхъ, кто имъ не завидовалъ, кто, когда могъ, не искалъ ихъ?... Но человѣкъ способенъ уступать во многомъ, мириться со многимъ; онъ обрѣзалъ свою фантазію, обезцвѣтилъ свою мечту, уступилъ невозможности, помирился съ не-

граціозностью формы — и вмѣсто восточнаго кейфа явилась провинціальная полудремота. Ея первообразъ слишкомъ завлекателенъ, и потому столько завлекательности въ ея первыхъ минутахъ; но она — плодъ укрощеннаго воображенія, измельчавшаго чувства, и потому, продолжаясь, заставляетъ человѣка мельчать.

Мнѣ грозила эта опасность измельчанія, омертвѣнія. Молодой, впечатлительный, неопытный, я былъ готовъ поддаться растлѣвающему вліянію. Сильный предъ деспотизмомъ, предъ грубостью, предъ невѣжествомъ, я могъ не устоять предъ обольщеніемъ отдыха, свободы, приволья. Опасность не меньшая. Мнѣ были нужны совѣтъ и помощь...

Судьба послала мнѣ человѣка...

Недѣли двѣ-три я жилъ эпикурейцемъ, или настоящимъ провинціаломъ, въ покоѣ и бездѣльѣ. Лѣто, говорили, было грозное, — на самомъ дѣлѣ, даже безъ дождей, не только грозъ, — но эту метафору усвоили N — скіе жители, читавшіе газеты и реляціи и толковавшіе о политикѣ у порога всякой лавчонки. Ополченцы и рекруты то и дѣло проходили партіями, оглашая пѣніемъ улицы и слободы; на плацу, гдѣ учились солдаты, съ утра до ночи трещалъ барабанъ. Въ знойный день это одолевало.

Въ городѣ не оставалось никого изъ порядочнаго круга, но, въ послѣднее время, я отдалился отъ этого круга; онъ сталъ мнѣ какъ-то непріятенъ. Необъяснимая прихоть впечатлительныхъ натуръ! я предпочиталъ брать то, что было у меня подъ рукою. Съ утра я уходилъ въ садъ, писалъ, чаще ложился въ тѣни, читалъ или мечталъ; приходила Марья Васильевна. Время тянулось однообразно, покойно и незатѣливо весело до обѣда. Она рѣдко оставалась обѣдать у старухъ и, не прощаясь съ ними, уходила домой прямо изъ сада. Иногда и я дѣлалъ то же. Это не совсѣмъ нравилось старухамъ, но мы не обращали вниманія: Мы бѣжали къ Марьѣ Васильевнѣ; приходили ея знакомые, устраивалось какое-нибудь катанье или гулянье въ большой компаніи. На открытомъ воздухѣ, общество средняго кружка выносимѣе, чѣмъ въ комнатахъ; хохотъ не такъ раздраетъ уши; дѣвицы и юноши, неумѣющіе говорить, все-таки умѣютъ бѣгать въ горѣлки...

И я бѣгалъ въ горѣлки! И я слушалъ, какъ отпускались пошлѣя любезности и пѣлись романсы съ акомпаниментомъ гитары! Общество понимало мое превосходство, мою снисходительность, и мнѣ не разъ говорили:

— Вамъ съ нами скучно.

Но мнѣ не было скучно. Конечно, я забавлялся не благами этой жизни, но ихъ отрицаніемъ. Я смѣялся, шутилъ, наблюдалъ, импровизировалъ эпиграммы, приноравливаясь къ понятіямъ моей публики. Конечно, я читалъ ихъ не въ кружкѣ, а каждой слушательницѣ порознь, но въ скромности слушательницъ былъ увѣренъ: меня боялись. Мужская часть общества—мелкіе чиновники, гарнизонные офицеры, боялись меня еще больше. Они заискивали моего расположенія, копировали меня какъ могли и умѣли, и, при случаѣ, выдавали мнѣ одинъ другаго. Съ ними, впрочемъ, я былъ осторожнѣе, чѣмъ съ женщинами. Четыре года въ гимназій заставили меня убѣдиться, что и у ничтожества бываетъ своя дерзость, — дерзость опасная именно своей пошлостью, на которую неприготовленный порядочный человѣкъ не вдругъ найдетъ отвѣтить. Холодный безъ высокоумія, снисходительный къ мелкимъ оплошностямъ, часто серьезный,—отчего больше цѣнилась шутка,—изобрѣтательный для оживленія кружка, я приобрѣлъ авторитетъ непоколебимый. Я зналъ и чувствовалъ, какъ много значу для этого маленькаго міра: я давалъ ему движеніе, я его облагораживалъ. Чужство собственнаго значенія возвышаетъ насъ въ собственныхъ глазахъ. Я не соглашусь, если, въ настоящемъ случаѣ, это назовутъ мелкимъ тщеславіемъ. Это была законная гордость. Мірокъ былъ не великъ, но до меня, вѣдь, никто же не взялся имъ управлять? Вѣдь онъ коснѣлъ и тупѣлъ, никого не интересую, никому ненужный, даже для потѣхи. Теперь, онъ служилъ мнѣ и я пробовалъ на немъ свою силу. Въ семнадцать лѣтъ это замѣчательная дѣятельность. Впослѣдствіи, я не говорилъ о ней въ своемъ кругу: меня бы не поняли; меня бы приняли съ недоумѣніемъ, какъ провинціального франта,—репутация, гибельнѣе которой нѣтъ. Теперь, стою уже твердо, а спокойно рассказываю свое прошедшее; оно уже не можетъ повредить мнѣ, а только возвыситъ мнѣ цѣну: мое общество меня знаетъ. Вѣроятно, что оно удивится, узнавъ въ первый разъ изъ этихъ строкъ, что De-Sergy былъ когда-то львомъ и законодателемъ провинціального муравейника...

«Законодатель» не пустое слово. Въ короткое время, сознательно или несознательно, забавляясь, первенствуя, научая, а я сдѣлалъ свое дѣло. Мои уроки, порицанія или одобренія вспомнить не разъ въ своей жизни, и не одинъ изъ обитателей этого мірка. Я могу смѣло приписать себѣ все порядочное, что легло на нихъ, хотя бы слабымъ, незамѣтнымъ отгѣнкомъ. Не довѣряя никому того, что перенесъ я самъ въ пять лѣтъ

испытанія подъ одной кровлей съ отцомъ, — я умѣлъ намекомъ, предостереженіемъ указать на необходимость стойкости въ подобной борьбѣ, на необходимость хладнокровнаго расчета, на опасность откровенностей, на забавную сторону дружбы, на неясность увлеченій. Я осмѣивалъ педанство въ его малѣйшихъ проявленіяхъ; я преслѣдовалъ плебейскую заносчивость и остроумнымъ сарказмомъ сбивалъ съ ногъ либеральничанье. Я охлаждалъ глупую сантиментальность, мѣщански-драматическіе порывы, которые дѣлаютъ женщинъ неграціозными, а любовь ихъ смѣшною. Прямо и смѣло, не ублажая ихъ, я отказывалъ женщинамъ въ правѣ раздумывать надъ собою, и обращалъ ихъ къ ихъ настоящему назначенію: быть дѣвками нашей жизни и заботиться единственно о своей изящности. Я училъ жить легко — этой первой задачѣ жизни! Я училъ вкусу, обращенію, приличіямъ, и все это я начиналъ съ азбуки... Господа профессора воскресныхъ школъ, господа насадительницы дѣтскихъ садовъ! если, какъ говорятъ, ваши труды велики, — мой трудъ былъ не легче и гораздо шире по своему значенію: я развивалъ, я создавалъ общество...

Впрочемъ, тогда я и самъ не такъ полно понималъ всю важность моей дѣятельности. Я жилъ, увлекаясь, не думая, на долго ли станетъ во мнѣ одушевляющаго огня, если я буду, не щадя, раздавать его, — и въ этой неравсчитливости была моя опасность: примѣняясь, хотя бы для того, чтобы властвовать, я все-таки умалчался. Но мнѣ было не скучно, и этого, покуда, мнѣ было довольно.

Я тратилъ много, это было необходимо. Мой мірокъ вышелъ бы изъ повиновенія, еслибы замѣтилъ, что я нуждаюсь. Моимъ затратамъ завидовали, но не очень удивлялись, что мнѣ было съ одной стороны приятно: стало-быть, меня не считали бѣднякомъ. Я не разочаровывалъ и не спрашивалъ поясненія. Наконецъ, это высказали.

Разъ мы играли у Ветлина. Я игралъ несчастливо и, для расплаты, подаль ему одинъ билетъ. Хотя его мамаша достаточно снабжала его изъ взятокъ папаша и сундука бородатаго дѣдушки, но у него не набралось сдачи. Ему помогли въ размѣнѣ другіе игроки, вытаращившіе глаза на мой бумажникъ и еще больше на мое равнодушіе. Ветлинъ былъ радъ выигрышу.

— Вотъ ты бабъ! вскричалъ онъ въ сердечномъ изліаніи. — А вѣдь знаешь, твоего отца здѣсь прозвали *собака на стнѣ*... а онъ, видно, того, какъ всѣ грѣшныя!...

Я не возражалъ. Не рассказывать же цѣлому свѣту свои дѣла, не оскорблять же людей, когда они мнѣ нужны, не него-

довать же за понятія, которыми они жили, живутъ и вѣкъ будутъ жить, — тѣмъ болѣе, что, въ глубинѣ души, я не могъ совершенно осудить этихъ понятій: «благородныя убѣжденія» моего родителя оставили меня нищимъ... Разстроенный всѣмъ, что вдругъ и разомъ поднялось у меня въ мысли и въ сердцѣ, я не измѣнилъ себѣ и оживилъ ужинъ, для котораго, на свой счетъ, послалъ за шампанскимъ. Ветлинь было-обидѣлся сначала и заспорилъ, какъ хозяинъ.

— *Les battus paient l'amende*, возразилъ я весело, утрачивая его совѣстливость, и перевелъ поговорку непонимавшимъ.

Шампанское, которое рѣдко доставалось этимъ господамъ, скоро ихъ одурило и склонило почивать. На меня оно всегда имѣло обратное дѣйствіе; въ Москвѣ, послѣ вечеровъ *ma tante*, я часто до зари болталъ съ Мишелемъ; на вечерахъ Талицины я обыгрывалъ всѣхъ послѣ ужина. Въ этотъ разъ, мнѣ не нашлось товарища ни на какое дальнѣйшее удовольствіе и оставалось только идти домой. Я медленно брелъ по пустымъ улицамъ; ночь была ясная, безлунная и душная; ставни вездѣ заперты, ни извозчика, ни прохожаго, ни собаки. Я шелъ, куда глаза глядѣли. Вдругъ мнѣ мелькнуло, среди запертыхъ, одно отворенное окно, и въ глубинѣ, въ темнотѣ комнаты, маленькое мерцанье лампадки. Я осмотрѣлся и узналъ — это былъ переулокъ, домъ, комната Марьи Васильевны. Вглядываясь съ противоположнаго тротуара, я разглядѣлъ и ее, въ бѣломъ; она спряталась, замѣтя прохожаго. Я перебѣжалъ улицу, остановился подъ окномъ и зашѣлъ:

— «Я здѣсь, Инезилья...»

- Ахъ, Господь съ вами! вскричала она, не показываясь.
- Марья Васильевна, это я.
- Вижу, что вы, отвѣчала она разсерженная, подошла и хотѣла запереть окно. Я поймалъ ее за руки.
- Что это вамъ не спится? Или кого ждете?
- Пустите... Просто, жарко; окно и отворила. Пустите меня.
- Нѣтъ, вы меня пустите; я сейчасъ къ вамъ влѣзу.
- Нѣтъ, вы съ ума сошли! закричала она, испугавшись, что я ступилъ на подоконникъ, и старалась захватить раму. — Что это за глупости, Сергѣй Николаевичъ! Ступайте! что это, въ самомъ дѣлѣ, по окнамъ лазить...
- А вы не отворяйте ихъ ночью. Такъ отворите мнѣ дверь. Вамъ не спится, мнѣ тоже. Я посижу, отдохну. А не то — стану стучать, кричать...

Я, въ самомъ дѣлѣ, застучалъ въ стекла. Она чуть не плакала.

— А, ты, Господи!... Ну, отворю, сейчасъ, сказала она, наконецъ: — только не шумите, ради самого Бога!

— Извольте, буду тихъ.

Ея бѣлая фигура исчезла. Я долго ждалъ. Было слышно, однако, что она въ комнатѣ. Я запѣлъ:

— «Что медлишь? Ужь нѣтъ ли
Соперника здѣсь?...»

— Уймнись, Христа-ради, отвѣчалъ ея голосъ: — сейчасъ. Идите на крыльцо.

Я вошелъ. Она меня встрѣтила. Въ прихожей, въ залѣ, въ маленькой гостиной горѣли свѣчи; она, вѣроятно, зажгла ихъ, идя отпирать подъѣздъ. Сама она была уже не въ бѣломъ, а въ клѣтчато́мъ пышномъ платьѣ съ оборками; туалетъ тщательный, для приѣма гостей. Въ гостиной она зажгла еще двѣ свѣчи и сѣла на диванъ, будто и въ самомъ дѣлѣ принимала.

— Послушайте, сказала она: — можете пробыть здѣсь десять минутъ и ступайте домой.

Я церемонно поклонился.

— Въ такомъ случаѣ, къ чему же эта иллюминація? спросилъ я серьёзно:—человѣкъ, котораго выгоняютъ, не стоитъ свѣчекъ.

Ея полныя губки были ужъ готовы смѣяться, но удержались.

— Вы хотѣли отдохнуть. Садитесь.

— Для отдыха мнѣ было бы довольно скамейки, тамъ, — отвѣчалъ я смиренно показывая на прихожую.

— А, будете вамъ представлять комедію! вскричала она, захохотавъ. — Рассказывайте, откуда вы?

— Изъ вертепа, отвѣчалъ я со вздохомъ.

— Батюшки мои! Игралъ? Опять?

— Опять.

— У исправнига? У Ветлина?

— У Ветлина.

— И проигралъ?

Мнѣ вдругъ все это надоѣло, и разпросы, и она, все. Едва присѣвъ, я всталъ опять и принялся ходить по комнатѣ.

— Проиграли? много? приставала она.

— Все! отвѣчалъ я со злостью.

— Какъ, все? Возможно ли все? повторила она съ испугомъ, который окончательно вывелъ меня изъ себя.

— Да вы знаете ли, какъ велико это «все?» вскричалъ я: — этимъ «всѣмъ» порядочному человѣку мало прожить мѣсяцъ!

*

Мои слова произвели совсѣмъ неожиданное дѣйствіе: Марья Васильевна принялась горько плакать. Очень ли ее встревожил мой гнѣвъ, такъ ли, отъ нечего дѣлать полились эти слезы, но онѣ были неудержимы. Еслибы не дѣнь и усталость, я сейчасъ бы ушелъ на улицу. Эти слезы меня бѣсили. Я самъ, часть назадъ, былъ возмущенъ; теперь, глупая дѣвушка безтактно все опять поднимала и усиливала горечь и пошлость моего положенія.

— Уймитесь, сказалъ я: — чтò такое съ вами подѣлалось? Вамъ-то чтò?

— Ахъ, голубчикъ, отвѣчала она безобидно: — какъ не плакать! Теперь я вижу, въ чемъ дѣло. Подите сюда, сядьте, я расскажу.

И она рассказала, что сегодня была у СмUTOвыхъ, и въ совѣтѣ дѣвъ и Егора Егоровича говорилось о моей безумной жизни. Любовь Александровна, конечно, только ахала и соболѣзновала, но Александра Александровна ужь острила, что молодой человѣкъ крылышки пробуесть, расправляетъ, и распранивала Марью Васильевну по секрету, не влюбленъ ли я въ кого-нибудь; а Егоръ Егоровичъ сказалъ, что я, просто, погибъ, что мнѣ нечѣмъ будетъ содержаться въ университетѣ, и описалъ впереди такое безпомощное положеніе, такую студентскую крайность, которой мнѣ никогда не вынести.

— Я все слушала, продолжала Марья Васильевна: — и думаю, что, положимъ, вы вынесете; здоровье у васъ, слава Богу... Но, Боже мой, ваково выносить! О чужихъ, о незнакомыхъ послушаешь — сердце разрывается. Голубчикъ мой, что жь это будетъ? Въ углу какомъ-нибудь, въ холодѣ, въ грязи... грошевая булка на цѣлый день...

Она зарыдала и повалилась лицомъ на подушку — ея собственноручный великій трудъ, по вѣнвѣ, шерстью и мѣднымъ бисеромъ. Я смотрѣлъ, какъ этотъ бисеръ впивался въ ея пухлыя щеки.

— Перестаньте плакать, сказалъ я: — это, право, глупо. Одна сантиментальность.

— Ахъ, я глупая, зачѣмъ я это сдѣлала, вскричала она: — зачѣмъ я отговорила васъ ѣхать въ деревню!

— Тогда чтò же было бы?

— Не баловались бы вы, вотъ чтò! И деньги были бы цѣлы!

— Вамъ прежде всего — деньги, сказалъ я съ хладнокровнымъ презрѣніемъ: — въ женщинѣ, особенно, необыкновенно-изящная страсть! Вы воображаете, что если вы въ нихъ влюб-

лены, то и всякій способенъ на нихъ тушить сердце. Ошибаетесь. Я вовсе не думаю объ этой дряни. Нужда, такъ нужда. Я гордъ, перенесу. Нужда — участь повтовъ.

Она глядѣла на меня во всё глаза. Надъ диваномъ было зеркало, въ которомъ я видѣлъ свое блѣдное лицо, при свѣтѣ множества отраженныхъ огней.

— Вы такъ и вообразили меня въ университетѣ? продолжалъ я съ горькой ироніей. — Но кто же вамъ сказалъ, что я когда-нибудь о немъ думалъ? Захожу ли я уронить себя, захожу ли я исгнѣть, не живя? Еще три года безобразиться здѣсь, да четыре года тамъ? Матушка, Марья Васильевна, пощадите! Вы себѣ нарисовали картину разныхъ мученій, а этого не потрудились вообразить: скуки бѣшеной, траты ума, потери достоинства, засухи сердца. Благодарю васъ!.. Вы думаете — пуховикъ подъ бокъ, пряникъ въ ротъ, и *мальчику* ничего больше не нужно? Увѣрю васъ, я не мальчикъ!

— Но что же вы будете дѣлать? выговорила она, приподнявшись въ испугѣ.

— Вы спрашиваете?

Я захохоталъ. Она смотрѣла и ждала.

— Что сдѣлали Жильберъ, Чаттертонъ?.. Съѣмъ родительское наслѣдство и пулю въ лобъ. Покойной ночи.

Я взялъ фуражку и пошелъ. Она бросилась за мною.

— Сергѣй Николаевичъ, голубчикъ!..

— Что вы?

— Ради самого Бога... Куда вы?

— Да не сейчасъ, еще неиду ни топиться, ни стрѣляться, возразилъ я: — успокойтесь, еще не все прокутили; вотъ вамъ, считайте!

Я бросилъ на полъ свой бумажникъ.

— Ну, что-жь, полюбуйтесь, вы въ этомъ знаете толкъ, продолжалъ я, раздражаясь въ самомъ дѣлѣ волненіемъ и нелѣпостью этой сценки. — Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что у васъ достанетъ сообразительности не выболтать всего этого вашимъ тетенькамъ. Да и ради самой себя, болтать вамъ неловко: дѣло, видите, происходитъ ночью. Такъ ужъ, какъ говорится, побратски, помолчите.

Она тихо подняла бумажникъ, положила его на столъ и, безъ слезъ, будто думала.

— Вы сейчасъ одно слово сказали... начала она. — Извините, я, кромѣ его, ничего не слышала... Вы сказали: «побратски»... Еслибъ я была вамъ сестра, стали бы вы меня такъ мучить?

— Такъ я мучу васъ, а не самъ измученъ? вскричалъ я.

— Охъ, Господи, все не то!.. прервала она. — Погодите, пожалуйста... Какъ это сказать?.. Ну, еслибы я была вамъ сестра, взяли бы вы отъ меня деньги?

Я засмѣялся. Она вспыхнула, такъ что покраснѣлась даже ея шея. Я смотрѣлъ на нее пристально.

— Но вѣдь вы мнѣ не сестра, Марья Васильевна.

— Я васъ люблю все равно какъ сестра, проговорила она медленно и вдругъ, вся помертвѣвъ, опустилась на стулъ. Ея руки упали вдоль платья, голова наклонилась... Это какъ-то мгновенно напомнило мнѣ привычную граціозную позу *ma tante*; шелестъ шолка, яркая, тихая гостиная, легкій дымъ кассолетки, теплившейся въ углу...

— Но я люблю тебя побольше брата... прошептала я, падая къ ея ногамъ.

Нѣсколько секундъ она не шевелилась, потомъ вдругъ вѣрно захватила и стала цаловать мою голову. Слезы такъ и катились. Никогда послѣ не встрѣчалъ я женщины, которая бы принимала любовь такъ умиленно, почти благоговѣнно. Она дѣлала изъ простой вещи нѣчто торжественное. Это вовсе не шло къ кругленькой Марьѣ Васильевнѣ, а ея ласки своимъ неудобствомъ напоминали порывныя объятія моего батюшки. Это воспоминаніе чуть не спугнуло моего расположенія духа...

— Ой, задушила! сказалъ я, смѣясь и вырываясь: — развѣ такъ любить?

Но и на мои ласки и объятія она еще долго отвѣчала слезами, и даже когда мнѣ удалось ее утѣшить, продолжала твердить, что если мы — одно, то должны быть всѣмъ за одно, что я долженъ ее слушаться, что, слушаясь ее, я буду счастливъ, а что она — моя, моя до гробовой доски. Разочаровывать женщину въ чемъ бы ни было не слѣдуетъ, среди первыхъ восторговъ любви, а потому я оставилъ Марьѣ Васильевнѣ убѣжденіе, что она приобрѣла надо мной полную власть. Что же касается «гробовой доски», то я попросилъ ее не говорить о плачевныхъ предметахъ, особенно теперь, когда наша жизнь только начиналась. Она имѣла наивность вѣрить въ вѣчность этой любви, въ чемъ, конечно, я тоже ее не разочаровывалъ. Она вышла, прощаясь, за мною въ подъѣздъ. Я видѣлъ, ей хотѣлось плакать и, шутя, погрозилъ ей пальцемъ; она бросилась мнѣ на шею, прижалась вѣрно, безъ поцалуя, убѣжала въ домъ и громко заперла дверь.

На дворѣ былъ уже день; мы его не замѣтили при глухо-запертыхъ ставняхъ, а въ домѣ Марьи Васильевны прислуга пол-

нималась, когда ее будила барыня. Я шель домой; на площади народъ расходился изъ церкви. Вслѣдъ мнѣ раздалось мое имя; звала Любовь Александровна.

— Нивакъ и ты былъ у обѣдни? спросила она радостно.

— Да.

— Я тебя не видала; вѣрно на паперти стоялъ?

— Да. И я васъ не видалъ.

— Я всегда тамъ, за клиросомъ, въ придѣлѣ. Нынче заказная обѣдня, по «сна брани убѣненнымъ», такъ ужъ просили батюшку пораньше: жарко. Который часъ?

— Блиско шести, сказалъ я.

— Это ты поднялся! И то правда, въ домѣ жарко. Гулялъ?

— Да, гулялъ и зашелъ.

— Хорошо сдѣлалъ, другъ мой сердечный. Когда является такое чувство, что вотъ будто позоветъ тебя въ храмъ — иди, иди во всякое время, чтобъ тебя никакая земная работа не удерживала. Это самъ Богъ зоветъ. А въ молодые годы и молитва чище... Душа ты моя! договорила она, опираясь на мое плечо и входя на свою галлерейку. — Сашенька! Александра Александровна! пожалуйста намъ чаю, вотъ и мы пришли!

— А, ранняя птичка, какими судьбами? шутливо спросила Александра Александровна, увидя меня: — откуда пожаловать?

— Въ церкви былъ, отвѣчала ей Любовь Александровна протаяно и нѣсколько строго.

— А, въ церкви!.. повторила меньшая, получивъ уроекъ и угрощая свою веселость, и занялась чаемъ.

Я сѣлъ къ окну и досталъ пахитоску. Любовь Александровна, выходявшая снять бурнусъ, возвратилась и опять положила мнѣ руку на плечо.

— Только вотъ зачѣмъ ты, душа моя, къ этимъ глупостямъ себя приучаешь. Для груди вредно... и для кармана! прибавила она, улыбаясь въ видѣ извиненія.

— Какая у него вещичка славная, сказала Александра Александровна, взявъ мой филиграновый портсигаръ. — Посмотри-ка, Любушка. Откуда у тебя это?

— Подарокъ, отвѣчалъ я.

— Дамскій?

— Конечно! сказалъ я и раскохотался: портсигаръ былъ выигранъ у Ветлина.

— Какая же это такая дама подарила? спросила Любовь Александровна съ неудовольствіемъ.

— Молоденькая и красавица, отвѣчалъ я, продолжая смѣяться: — madame Ветлина.

— И, провазникъ! вскричала, засмѣявшись тоже, Александра Александровна: — чего не выдумаетъ! Ужь и нашелъ красавицу — мнѣ ровесницу!

— За что же это она тебѣ вздумала дарить? продолжала Любовь Александровна, еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, но ужь замѣтно спокойнѣе.

— Я занимаюсь съ ея сыномъ, объяснилъ я холодно: — мы товарищи; денегъ предложить мнѣ нельзя.

Я замолчалъ и онѣ примолкли. Все это были неудачныя попытки навести рѣчь на мою «безумную жизнь». Любовь Александровна вздыхала и возводила очи къ потолку, ища и не находя тѣмы. Александра Александровна поняла ея безпокойство.

— Что это Егоръ Егоровичъ не идетъ, а общалъ, замѣтила она, заглянувъ въ окно. — Ну-съ, Сергѣй Николаевичъ, такъ какъ же-съ?..

— Что, какъ же? спросилъ я, зѣвнувъ.

— Отецъ родной, проглотишь!.. Эхъ, молодежь! Одинъ разъ всталъ помолиться, да ужь и носомъ клюеть!

— Я ночь не спалъ, сказалъ я, вставая и, иди къ себѣ, остановился на порогѣ. — Дунечка, какъ вы думаете, не пора ли намъ приняться за занятія? Мѣсяцъ вакаціи, право, довольно. Мнѣ скучно безъ дѣла; думаю, и вамъ тоже? вы не охотница терять времени...

— О, голубчикъ мой!.. слышался шопотъ Любви Александровны.

— Какъ хотите, отвѣчала Дунечка.

— Это какъ вы хотите, возразилъ я, будто не замѣчая присутствующихъ: — казенная вакація — до августа; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы занятіе было для васъ пріятнѣе всякаго удовольствія. Только тогда я сочту себя въ правѣ сказать, что сдѣлалъ для васъ что-нибудь, когда вы почувствуете истинную любовь къ труду, къ наукѣ; когда вы сами себѣ скажете, что всякая праздная минута есть грѣхъ, такой же, какъ праздное слово...

— Поди сюда ко мнѣ! прервала Любовь Александровна.

Она обливалась слезами.

— Поди сюда. Дай я тебя обниму, да перекрещу. Господь съ тобой!.. Прости ты меня... Отдохни поди, лучше усни. А тамъ и займетесь. Она умное дитя, она тебя понимаетъ...

Я поцаловалъ руку Любви Александровны, потомъ — ужь самъ не знаю зачѣмъ — пожалъ костлявую цыплячью лапу Дунечки, и бѣгомъ на лѣстницу, въ свою комнату, бросился на постель и проспалъ до вечерень.

Если противъ меня составлялся заговоръ увѣщаній, предостереженій, всякой морали, то, моею рѣчью къ Дунечкѣ, я нанесъ ему ударъ еще до начала, а потомъ разрушилъ окончательно: въ теченіе трехъ раскаленно-жаркихъ дней я имѣлъ мужество переспросить у моей ученицы всего «Нозля и Шапсая» съ миллиономъ примѣровъ изъ какографіи. Я принялъ свои мѣры и обдавался холодной водой, но Дунечка изнывала — только не прилежаніемъ, за которое ее награждали новымъ вареньемъ. Любовь Александровна была очаровательна; я принималъ тоже свои мѣры поддерживать ея милое расположеніе и, являясь въ частые часы ѣды, столько говорилъ и рассказывалъ серьезнаго и занимательнаго, разсуждалъ такъ чувствительно, шутилъ такъ оживленно, что она начала употреблять разные уловки, чтобы удержать меня хотя нѣсколько минутъ подольше. Но я взглядывалъ на часы и, восклицая: «Дунечка, пора!» стремился въ классную комнату, часто даже напѣвая пѣсню, отчего еще поразительнѣе казалась наступавшая затѣмъ торжественная тишина класса.

— Дивлюсь я на тебя, сказала Александра Александровна, которую я ублажалъ тѣмъ, что ѣлъ неимовѣрно: — что съ тобой сдѣлалось?

— Я всегда такой, отвѣчалъ я.

— Въ первый разъ вижу.

— И, что ты говоришь, Сашенька, вступилась Любовь Александровна: — мы когда стали его знать? за какіе-нибудь полгода до кончины отца! Шло-ли веселье на умъ? А вотъ онъ теперь... Милость Господня! молодость свое беретъ!.. И видно, точно всегда такой былъ: покойникъ, бывало, говаривалъ, что ты его утѣшеніе... Надѣйся, мой другъ, на Бога: и впередъ, что бы ни случилось, не оставитъ!

Предъ такими пророчествами, предъ веселіемъ и согласіемъ, царившими въ домѣ, предъ успѣхами Дунечки и моимъ примѣрнымъ прилежаніемъ, Егору Егоровичу оставалось пошепнуть головою и безмолвствовать. Онъ только посматривалъ, будто не вѣря глазамъ своимъ. Я постарался еще получше его озадачить. Разъ онъ навязался бродить со мною по саду въ сумерки.

— Жалѣю, сказалъ я: — что не исполнилъ одного своего предположенія.

— Какого?

— Выдти изъ гимназіи до вакаціи, до экзамена.

— А потомъ?

Онъ произнесъ это съ такимъ торжествомъ, это коротенькое

слово было такъ похоже на прелиминарное ворчанье маленькой собаченки, готовой разразиться тавканьемъ, вся его вознегодовавшая, завертѣвшаяся фигурка такъ напоминала это милое животное, что я далъ себѣ минуту насладиться и помедлить отвѣтомъ.

— А потомъ? повторилъ онъ, усиливая тонъ, какъ истинный риторъ.

— А потомъ, въ августѣ, держать приемный экзаменъ въ седьмой классъ. А то два года пройдутъ даромъ.

— И вы надѣялись выдержать?

Я пожалъ плечами.

— Что-жь, продолжалъ онъ, не то пойманный, не то иезуитски желая изловить: — время еще не ушло, можно и теперь...

— Нѣтъ-съ, время ушло, прервалъ я. — Съ мая, или апрѣля, я бы успѣлъ подготовиться; а теперь — нѣтъ. Я не такъ самонадѣянъ, чтобы воображать, будто звѣзды съ неба хватаю. Къ тому же, лѣтомъ слѣдовало позаботиться и о здоровьѣ. «Наука долга, жизнь коротка» — слѣдовательно: «барскую работу вѣкъ не переработаешь» и человекъ долженъ думать о жизни...

Этими днями у меня было, впрочемъ, не маленькое затрудненіе: я забылъ свой бумажникъ у Марьи Васильевны. Я былъ, просто, заарестованъ: куда пойти безъ денегъ? Меня мучила досада; Ветлинъ очень основательно могъ предположить, что я испугался, разогорчился отъ большого проигрыша, что мнѣ не на что играть. Марья Васильевна не показывала глазъ дѣлю недѣлю, такъ что даже Любовь Александровна выражала недоумѣніе, куда она запропастилась. Было глупо, что она не шла къ теткамъ; бумажникъ былъ мнѣ необходимъ, но видѣть ее мнѣ не хотѣлось, а пойти просто за бумажникомъ было неловко. Но даже и въ этомъ посѣщеніи она вообразила бы вниманіе, любовь, непреодолимое влеченіе; поди я къ ней — я далъ бы ей надъ собой право. Признаюсь, я боялся, и доннѣ боюсь, неизящныхъ сантиментальностей, порывовъ. Образчикъ ихъ Марья Васильевна уже успѣла показать мнѣ своими послѣдними объятіями и стукомъ, съ которымъ захлопнула дверь; при встрѣчѣ, меня, конечно, ждало что-нибудь въ этомъ родѣ. Самое выжиданье моего визита показывало съ ея стороны самонадѣянность и настойчивость, которымъ я былъ не намѣренъ давать поблажки. Чтобы заставить ее исполнѣ въ этомъ убѣдиться, я не шелъ къ ней. И просто, мнѣ не хотѣлось ее видѣть, мнѣ было неприятно о ней думать. Это чувство усилилось до такой степени, что я вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, когда,

разъ вечеромъ, Дунечка сказала, выглянувъ въ окно во время класса:

— Вотъ Марья Васильевна идетъ.

— Занимайтесь, сказалъ я такъ строго, что она оторопѣла; она ужъ было-отвыкла отъ моей строгости.

Я слышала, какъ Марья Васильевна вошла, какъ здоровалась со старухами; она что-то показывала; онѣ восхищались, понижая голосъ, но ея голосокъ звенѣлъ какъ-то не попрежнему. Обо мнѣ она не спросила. Обо мнѣ вспомнила Любовь Александровна, особенно полюбившая мое общество.

— Что это онъ сегодня какъ долго. Переведи ты часы, Сашенька, пусть пробьютъ.

— Э, нѣтъ, онъ по своимъ всегда! возразила Александра Александровна.

— Ну, такъ я, просто, позову.

— Любушка наша распалилась, съострила меньшая сестрица безмолвной Марьѣ Васильевнѣ, покуда старшая сестрица тяжело подступала къ дверямъ.

— Сережа, другъ мой сердечный, довольно вамъ. Ты совсѣмъ утомился; я нынче ужъ надъ тобою волю возьму. Прибирай все, Дунечка.

— Посмотри-ка, Дуня, что тутъ! закричала Александра Александровна.

Дунечка побѣжала въ гостиную и тамъ раздался ея радостный визгъ и подалун.

— Машенька ей принесла... объясняла мнѣ шопотомъ Любовь Александровна: — вотъ ея отпу съ матерью годъ кончился... Бурнусикъ, шляпку, разные разности. Не можетъ она видѣть сиротку равнодушно; чѣмъ только можетъ... Поди, посмотри.

Она повернулась въ гостиную; я, конечно, остался. Въмѣсто Любови Александровны вошла Марья Васильевна; она какъ-то заторопилась, точно испуганная моимъ учтивымъ поклономъ, вѣско сжала мнѣ руку и тихонько сказала, подавая мой бумажникъ:

— Вы забыли...

Я еще разъ поклонился и, молча, положилъ его въ карманъ. Она вся вспыхнула и поскорѣе вышла. Мнѣ мелькнуло подозрѣнiе, нѣтъ ли сюрриза, но разяснять было некогда: старухи заставляли меня любоваться бурнусикомъ. Марья Васильевна покойно усѣлась въ гостиной, замѣтно намѣреваясь провести здѣсь весь вечеръ. Я сказалъ, что ухожу купаться и чтобъ меня не ждали въ чай, и, на улицѣ, поторопился заглянуть въ бу-

мажннѣ. Онѣ былѣ туго набитѣ; ассигнаціи были завернуты въ розовую узорчатую бумажку, на которой, каллиграфически и несовѣмѣ грамотно, адресованы ко мнѣ разныя нѣжности. Это было смѣшно, глупо, но наивно, и разсердиться не было возможности. Я поспѣшилъ къ Ветлину и не засталъ его, что меня въ высшей степени раздосадовало: не быть еще день, будто прятаться, значило, компрометироваться. Десять разъ повторивъ приказаніе сказать ему, что я приходилъ, что не былъ недѣлю за нездоровьемъ, что прошу прислать сказать мнѣ, какъ только онѣ вернется, я въ отвратительномъ расположеніи духа, самъ не зная зачѣмъ, пошелъ домой. Я надѣялся, что ужъ не застану гостей, и чтобъ не толковать съ старухами, прошелъ прямо въ садъ. Но я ошибся въ расчетѣ: меня не только ждали, мнѣ вздумали дать праздникъ. Столъ, на которомъ я занимался, былъ накрытъ и заставленъ самоваромъ, всякими ягодами, простоквашами, ячницами, — полдникъ, ранній ужинъ, что угодно. Мнѣ въ ту же минуту рассказали, что это придумала Марья Васильевна, и все сама она сюда съ Дунечкой носила, устанавливала. Любовь Александровна, свершивъ великій подвигъ, дойдя въ даль своего сада, отдыхала на моей кушеткѣ, любовалась природой и удивлялась, что она, никакъ, лѣтъ десять тутъ не была.

— И мѣста не узнаю, право, будто новое.

— Пикникъ у насъ, пикникъ! восклицала Александра Александровна.

Онѣ ѣли, и приговаривали только, какъ жаль, что не могъ прийти Егоръ Егоровичъ: у него, несмотря на тепло, ревматизмъ разыгрался. Подробности этого ревматизма, должно быть, еще прибавляли аппетита дѣвницамъ, но я спугнулъ ихъ ликованія; я не былъ, не могъ и не хотѣлъ быть въ духѣ.

— Чтѣ носикъ повѣсилъ? игриво спросила Александра Александровна.

— Я прозябъ, отвѣчалъ я.

— Береги себя, душа моя — сохрани Богъ! произнесла Любовь Александровна, мгновенно умилаясь, еще вся преисполненная мысли о Егорѣ Егоровичѣ. — Машенька, чтѣ жъ ты его не подчуешь, чѣмъ готовила? Ужъ такъ и быть; видно съ вами, молодѣжь, не переспоришь!

— Да и Машенька тоже, замѣтила Александра Александровна: — чтѣ не весела? Ну, подчуй.

Марья Васильевна, молча, подала мнѣ пачку пахитось; Дунечка ужъ трещала сличкой; старня дѣвы улыбались. Я поблагодарилъ, но отказался. Любовь Александровна похвалила

мое воздержаніе, но бесѣда этимъ не оживилась. Солнце сѣло. Убирать надо было много, и хотя Александра Александровна замѣтила: «кто принесетъ, тотъ бы и уносилъ», но охотницы не вызывались. Дунечка побѣжала въ комнаты вслѣдъ за Любовью Александровной; въ садъ явился полкъ горничныхъ; Александра Александровна одушевила ихъ командой: «На царя!», и чаши, миски, самоваръ, все вмигъ исчезло, и она сама за ними.

— А ты, Машенька, еще погуляешь? спросила она у выхода.

— Да, тетенька.

Марья Васильевна такъ мало говорила во весь вечеръ, что это слово, показалось мнѣ, заввенѣло какъ-то особенно рѣзко. Она шла ко мнѣ на встрѣчу; какъ сейчасъ смотрю на нее. Первые впечатлѣнія, будь они самыя пошлыя, не забываются... Устраивать это пированье — было безтактно; остаться въ саду, когда я такъ замѣтно былъ не въ духѣ — еще безтактнѣе. Наконецъ, идти мнѣ на встрѣчу — зачѣмъ? Она должна была ожидать, что я загляну въ бумажникъ, пробывшіі цѣлую недѣлю въ чужомъ домѣ, въ чужихъ рукахъ... она шла за благодарностью! Въ такихъ случаяхъ полезно дать почувствовать благодарителямъ, что мы отгадываемъ ихъ намѣренія...

Я всталъ и самъ пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Благодарю васъ за деньги, сказалъ я:—я видѣлъ, но не успѣлъ счесть. — Скажите, сколько? Завтра доставлю вамъ росписку.

— Чтò? спросила она.

Я повторилъ.

— Чтò вы? На чтò росписка? Какой это долгъ!

— Какъ же не долгъ? И не маленькій.

— Вовсе пустяки.

— Конечно, вы богаты, но все-таки. Если вы довѣряете мнѣ на слово...

— Господи, чего довѣрять! Я, право, не знаю... Я хотѣла, просто, такъ...

— Подарить мнѣ? подсказалъ я, усмѣхаясь.

— Да... Возьмите... выговорила она.

Я помолчалъ.

— Видите ли, Марья Васильевна, хотя вы очень сострадательны, помогаете сироткамъ, но вѣдь подарки дѣлаются съ оглядкой: они могутъ и оскорбить...

Тутъ поднялся взрывъ слезъ и рыданій... Я не зналъ потомъ ни одной женщины, которая бы плакала съ такой страстью, какъ-то подѣтски, покрестьянски, жалобно, съ безсвязными

восклипаніями, безъ малѣйшей женственной заботы о граціозности своихъ движеній, о порядкѣ своего наряда. Если Марья Васильевна не была безобразна въ слезахъ, то единственно благодаря своей неподдѣльной свѣжести и замѣчательной красотѣ своихъ волосъ, за которые могла хвататься безъ опасенія растерять ихъ. За то она и хватала ихъ немилосердно, заламывая руки.

— Довольно! сказалъ я, отводя эти крошечныя, круглыя и грѣпкія лапки: — изъ чего столько крику? Люди подумаютъ, Богъ-знаетъ что.

— А развѣ не Богъ-знаетъ что? вскричала она: — я тебѣ мою жизнь отдала, а ты не берешь какого нибудь вздора!... Не нужно мнѣ твоихъ ласкъ, а дай мнѣ для тебя что-нибудь сдѣлать — вотъ что!... Развѣ въ ласкѣ любовь? развѣ въ стихахъ любовь? Заодно надо быть — вотъ любовь!

Конечно, опредѣленіе довольно оригинальное и довольно сбивчивое, но она въ эту минуту была прехорошенькая. Она приняла мое раскаяніе съ радостными, очень красивыми слезами, успокоилась, повеселѣла, но все какъ-то тихо, сдержанно; она скорѣе покорялась мнѣ, нежели сочувствовала.

Это была, въ самомъ дѣлѣ, оригинальная женщина, и я никакъ не ожидалъ въ ней такой быстрой, замѣтной и безгнѣвной перемены: у ней почти исчезла ея веселость; «хохотунья» стала смѣяться «по праздникамъ», какъ выразился одинъ изъ гарнизонныхъ *jeunes-premiers*. Мои рассказы о старыхъ дѣвахъ, о моей кротости, воздержаніи, прилежаніи, пораженіяхъ Егора Егоровича ее не забавляли; она слушала ихъ какъ-то испуганно, совѣстливо, а раза два, полунедовольная, даже меня остановила, — въ чемъ, конечно, попросила прощенія. Впрочемъ, я нисколько не заботился переработывать ея понятія; я былъ къ нимъ совершенно равнодушенъ, и не допустилъ бы ихъ стѣснять меня. Съ своей стороны, соглашаясь на ея «заодно» въ матеріальномъ отношеніи, я, ужъ конечно, не намѣревался мѣнять моихъ убѣжденій — что, впрочемъ, было бы и невозможно. Она сама могла это замѣтить и понять, и, полагаю, замѣчала и понимала. Какъ она уживалась съ этимъ — не знаю; я не спрашивалъ. Я позволялъ себя любить и «дѣлать для меня что-нибудь». Она добивалась этого «высшаго» счастья; для меня же лучше, если это счастье такъ дешево мнѣ стоило.

Она была ревнива. Я не пробовалъ отучать ее; я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю. Догадалась ли она, что упреки ни къ

чему не поведутъ, или разсудила, что изъ «барышень» и «дамочекъ» кружка, гдѣ я вертѣлся, она была все-таки самая презентабельная; разочла ли, что съ нею трудно соперничать въ свободѣ и средствахъ, но ограничивала проявленія своей ревности только легкой задумчивостью и, иногда, заплаканными глазами. Последняго я терпѣть не могъ, что и объявилъ. При постороннихъ она держалась со мной довольно неловко: то слишкомъ чопорно, то слишкомъ запросто. Можетъ быть, это мнѣ такъ только казалось; можетъ быть, это замѣчали и посторонніе, можетъ быть, и не замѣчали никто—мнѣ было все равно, я не раздумывался. Она не могла постигнуть, какъ я могу встрѣчаться съ нею безъ восторговъ, а при гостяхъ, при теткахъ, даже спокойно до равнодушія; какъ я могу продолжать и даже растягивать классъ съ Дунечкой, когда она «пришла, и сидитъ тамъ, и ждетъ меня»; какъ не бѣгу я тотчасъ въ садъ, какъ у меня достаетъ духу говорить въ ея присутствіи всякіе пустяки. Она пробовала пожаловаться, что я бываю у нея рѣдко; я не возражалъ, но не приходилъ къ ряду четыре дня...

Разъ она спросила съ глупенькой, робкой шуткой:

— А у Ветлина, все понтируешь?

— Прикажете отдать отчетъ? отвѣчалъ я, поднося руку къ карману за бумажникомъ.

— Ты съума сошелъ! вскричала она, захохотавъ, но поблѣднѣвъ, какъ смерть.

Я, впрочемъ, игралъ меньше. Марья Васильевна все-таки отвлекала меня отъ игры. Еслибы сказать ей это, она бы возрадовалась, хотя, конечно, объяснила бы по своему. Къ тому же, мнѣ надобны ветлинскіе ужины. Смѣясь этому, она, однажды, вздумала угостить меня, и хотя мы были съ ней только вдвоемъ, это вышло изящно и пріятно. Я былъ оживленъ, любезенъ, и, благодаря, сказалъ, что хорошее чтеніе пошло ей въ прокъ.

— Первый и послѣдній, отвѣчала она. — Разъ пошутить можно, а то люди толковать стануть.

— Вы очень осторожны, замѣтилъ я.

— Скоро наскучить, возразила она холодно, какъ я не ожидалъ.

У нея въ домѣ жила старая родственница, но во все время знакомства я видѣлъ ее раза три; нѣчто ископаемое или подпольное. Она ни съ кѣмъ не говорила, когда появлялась; на нее никто не смотрѣлъ. Кто-то прозвалъ ее «домашней тетенькой», въ отличіе отъ тетенокъ Смутовыхъ. По имени ее не

называли. Это было существо, состоявшее при хозяйствѣ покойнаго казначея, но только по части кухни и вурятниа: въ кладовую оно не допускалось. Она цѣлые дни сидѣла у себя въ комнатѣ, тамъ и обѣдала. Она жила на повоѣ, и жилось ей недурно. Я, однажды, заглянулъ въ эту комнату — она была просторнѣе, наряднѣе, чѣмъ спальня Марьи Васильевны; старуха, страшная какъ вѣдьма, въ бѣломъ, набрахмаленномъ копотѣ, въ шелковой мантильѣ, засѣдала передъ полведернымъ кофейникомъ.

— Вы свою тетеньку очень лелѣете, сказалъ я Марьѣ Васильевнѣ.

— Не лелѣять — меня Богъ убьетъ, возразила она съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ: — чего она, несчастная, не натерпѣлась!

Мнѣ жилось не скучно. Если удовольствія этой жизни были и не совсѣмъ по моему вкусу, все-таки я могъ не стѣсняться, брать ихъ сколько хотѣлъ и разнообразить сколько было возможно. По крайней-мѣрѣ, не притуплялась фантазія, и я сохранялъ себя внутренно и наружно — порядочнымъ человѣкомъ...

Провинціальныя дома — рѣшето, въ которомъ вода не держится. Кто, какъ, когда провѣдалъ о моихъ отношеніяхъ къ Марьѣ Васильевнѣ и распространилъ о нихъ свѣдѣнія — я не трудился узнавать. Но стали бродить толки. Марья Васильевна узнала, вѣроятно, чрезъ горничныхъ, и пересказала мнѣ съ ужасомъ.

— Ты слишкомъ трусишь, возражалъ я.

— Еще поплатимся, погоди! твердила она, и опять принималась пересчитывать всѣхъ кумушекъ, которыя на нее косятся: — а то и вовсе съѣдятъ, когда узнаютъ...

— Чтѣ узнаютъ? спрашивалъ я.

Я доказывалъ ей, что скрыть или разгласить наши отношенія — отъ нея самой зависитъ. Ей стоитъ только держаться умно, не смотрѣть на меня при постороннихъ восторженными глазами, не бросать ревнивыхъ взглядовъ, не выказывать, будто имѣеть надо мною какую-то власть, не давать замѣчать на своемъ лицѣ даже раздумья, не только огорченія, не задаривать своихъ горничныхъ, а напротивъ, быть съ ними строже; тогда, если кто и вздумаетъ наблюдать за нею, то не найдетъ къ чему привязаться. Тайна всѣхъ удачъ: смѣлость и — «хороши концы!» Я убѣжденъ въ этомъ и теперь, какъ тогда. Всякая выставка чувствъ и отношеній неприлична, непріятна, не

ведеть ни къ чему, ко многому обязываетъ, и — что всего хуже — обязываетъ не того, кто выставляетъ чувство, а того, для кого оно выставлено... Я не терплю такой цѣпи, и ограждаю себя заранѣе, когда сближаюсь съ кѣмъ бы ни было, тѣмъ болѣе съ женщиной. А ради Марьи Васильевны компрометировать свою свободу — было бы уже крайне-наивно.

— Есть правило, говорилъ я ей: — «L'homme peut braver l'opinion publique, la femme doit s'y soumettre». Но еслибы женщина слѣдовала этому буквально, она не имѣла бы двухъ счастливыхъ дней. Между тѣмъ, правило необходимо для общественнаго порядка. Что же дѣлать женщинѣ? Покоряться тому, кого она любитъ, покоряться общественному мнѣнію и ловко хоронить концы. Вотъ и вся задача!

Она оказывалась, однако, трудною въ благоустроенномъ городѣ N. Разъ я игралъ у Ветлина.

— Ты, говорятъ, подхватилъ красотку? сказалъ онъ мнѣ, и примолкъ, оглянувшись на постороннихъ.

— Такъ что же? отвѣчалъ я. — Не стѣсняйся, продолжай. Кому до этого дѣло?

— Но вѣдь ты... человекъ подначальный.

— Въ гимназін у меня за поведеніе — *натерка*, а полицей-мейстеръ можетъ удостовѣрить, что на улицахъ я стеколь не билъ.

— Да, но все-таки...

— Что «все?»

— Ты женишься, что ли? Она вѣдь старше тебя...

Я пожалъ плечами и не отвѣчалъ.

Не прошло, кажется, и двухъ дней, я лежалъ у себя въ саду, ко мнѣ прибѣжала Марья Васильевна, разстроенная. Она была у тетокъ; онѣ приняли ее холодно, недружелюбно. Я посоветовалъ ей не обращать на это вниманія.

— Какъ ты такъ легко говоришь! возразила она.

— Такъ не ходить къ нимъ вовсе.

Вмѣсто отвѣта, она заплакала. Вышла неприятная сцена, въ заключеніе которой я объявилъ, что если такія исторіи еще хоть разъ повторятся — между нами все кончено.

— Я съѣду отъ вашихъ почтенныхъ родственницъ и расплачусь съ вами.

Послѣдней угрозой можно было укротить всякія ея амитаціи. Зная это, я берегалъ угрозу къ концу сцены, и такимъ образомъ не терялъ власти надъ «собожаемой» женщиной. Я, впрочемъ, не взялъ на себя труда продолжать комедію: ублажать тетенежъ и поддерживать ихъ милое расположеніе. Мнѣ

надоѣло. Тетеньки охладѣли къ намъ, но мнѣ это было рѣшительно все равно, тѣмъ болѣе, что охлажденіе выразалось только вздохами одной сестрицы и прекращеніемъ шутокъ другой. Егоръ Егоровичъ не могъ быть призванъ на помощь. Онъ, какъ мнѣ удавалось слышать, лежалъ на одрѣ болѣзни, о чемъ дѣвы очень сокрушались.

Такъ прошелъ мѣсяць. Былъ ужъ конецъ іюля. Какъ-то однажды, воротясь на зарѣ и проспавъ поздно, я былъ удивленъ необыкновенной тишиной въ гостиной и возней въ дѣвичьихъ. Я сошелъ. Въ гостиной у чайнаго стола была одна Дунечка, раздѣлявшая свое вниманіе между двумя книжками—одной, въ старомъ кожаномъ переплетѣ съ застѣжками, другой, такой же на видъ, но безъ застѣжекъ. При моемъ приходѣ она заторопилась, не зная, которую спрятать.

— Гдѣ же тетушки? спросилъ я.

— Тамъ, у Егора Егоровича, отвѣчала она, и вдругъ, рѣшившись, выложила изъ-подъ фартука на столъ обѣ книжки. Я только тутъ примѣтилъ, что у нея глаза заплаваны.

— Чтѣ жъ, васъ въ гости не взяли?

— Я тамъ сейчасъ была... Онъ кончается.

— Егоръ Егоровичъ?

— Да. И васъ ночью ходили звать; васъ дома не было. Я васъ чаемъ напою, опять туда пойду.

Она стала дѣлать чай.

— Въ васъ не умереть Александра Александровна, замѣтилъ я, глядя, какъ она распоряжалась.

Она глупо посмотрѣла и не отвѣчала.

— Чтѣ жъ это Егоръ Егоровичъ такъ проворно?

— Онъ давно съ постели не вставалъ. Вы къ нему пойдете?

— Я не докторъ.

— А проститься?

— Какая вы старая-старуха, Дунечка, все бы вамъ прощаться, поминать. Умеръ, такъ умеръ. Отъ Адама люди умирають.

— Много я видѣла покойниковъ, продолжала она, въ раздумьи, вода ложечкой по подносу: — папашу съ мамашей, вашего папашу...

— И еще всякихъ папашъ и мамашъ; вѣдь васъ все по раннимъ, заупокойнымъ обѣднямъ водятъ, прервалъ я.— Оставьте этотъ печальный предметъ; отъ него только старыхъ дѣвъ не тошнить. Какіе это у васъ фоліанты?

Я риснулъ притронуться: книжка съ застѣжками была какой-

то молитвословъ, какъ слѣдуетъ закапанный воскомъ и масломъ. Другая — нѣмецкій Шиллеръ.

— Онъ мнѣ вчера подарилъ... выговорила Дунечка.

— Э, такъ живъ будетъ, если еще Шиллера дарить! вскричала я, хохоча, развернулъ книгу и продекламировалъ, какъ интересный принцъ Карлосъ повѣствуетъ о своей преступной любви. Я всегда особенно удачно комически читалъ подобныя вещи. Моему оживленію, однако, не отвѣчали.

— Да вы понимаете ли? спросилъ я.

— Онъ меня всему училъ... отвѣчала она, и разрыдалась надъ чашками.

Я бросилъ ей книгу и ушелъ.

Кончина праведника и вся послѣдовавшая за нею возня выгнали меня изъ дома; хорошо, что нашелся пріютъ. «Домашняя» тетенька Марья Васильевна поплелась на всѣ церемоніи, и поселилась у Смутовыхъ. вмѣсто нея, я прожилъ у Марьи Васильевны всѣ эти пять дней траура и моленій. Наше время шло недурно. Марья Васильевна смѣялась, боялась, задумывалась, радовалась, была счастлива.

— Богъ знаетъ, что такое, говорила она: — никогда я такъ хорошо не жила.

— Сважи спасибо Егору Егоровичу, что умеръ.

— Не грѣши! восклицала она.

Наконецъ, возвратилась старуха и пора была возвращаться и мнѣ. Я рѣшилъ, что пойду туда вечеромъ, когда ужъ всѣ успокоятся. Обѣ сестрицы засѣдали на своихъ мѣстахъ; Любовь Александровна съ чернымъ бантомъ на чепцѣ. Александра Александровна, по привычкѣ, выглянула въ прихожую, произнесла себѣ подъ носъ: — «Это Сергѣй Николаевичъ», и опять усѣлась за спицы. Я вошелъ. На мой поклонъ отвѣтили молча. Молчаніе, впрочемъ, скоро ихъ утомляло.

— Показалъ глазки, замѣтила Александра Александровна.

— Я не ожидала, начала Любовь Александровна, снимая черезъ голову свои очки, что было у нея признакомъ волненія: — я не ожидала этого съ вашей стороны. Другъ отца, истинно благородный, святой человекъ, который въ тебѣ бралъ такое участіе, какъ если-бы, можно сказать, въ сынѣ родномъ... И вдругъ... И помолитесь не придти, и послѣдняго долга не отдать!

— Да, ужъ именно, послѣдняго! подтвердила Александра Александровна.

— Ему ненужно, онъ — тамъ! (Любовь Александровна куда-то махнула рукою). Онъ и не требуетъ, чтобъ его помнили. И молитвы ему ненужны — самъ заслужилъ!.. Но вы-то, молодой

человѣкъ, я не понимаю, — никакого чувства! Тяжело это видѣть, другъ мой сердечный. Жизнь твоя вся впереди; что жъ ты себѣ готовишь, если никого не любишь? За тебя горько. (У нея полились слезы) Видѣть ужъ не поправишь, не воротишь что схоронили...

Я чуть не раскохотался: меня пугали невозможностью повторенія похоронъ святаго человѣка! У меня былъ готовъ отвѣтъ, но онъ пришелся бы не по размѣру этихъ головъ.

— Вы ошибаетесь, возразилъ я съ достоинствомъ: — я довольно молился и скорбѣлъ въ душѣ. Но не расказываю, что не присутствовалъ при печальныхъ обрядахъ: я не могу ихъ видѣть.

— Отца же хоронилъ, вмѣшалась Александра Александровна.

— И оттого именно — тѣмъ болѣе не могу.

— Ахъ, батюшка, ну, дурнота бы съ тобой сдѣлалась, водой бы отпоили!

— Отговорка, произнесла Любовь Александровна.

— Вы неснисходительны къ очень обыкновенной, но необходимой физической слабости, возразилъ я.

— Чувства нѣтъ, такъ мы физической слабостью себя извиняемъ, сказала Любовь Александровна тихо, но такъ презрительно, какъ я отъ нея не слыхивалъ, и со вздохомъ отвернулась къ окну.

Я счелъ сцену оконченною и ушелъ къ себѣ наверхъ.

На другой день, съ утра мои хозяйки ходили утѣшаться молитвой въ потерѣ друга; съ ними, конечно, ходила и Дунечка, такъ что, по крайней мѣрѣ, все утро я былъ избавленъ отъ этихъ несносныхъ физиономій. Онѣ молчали, молчалъ и я. После обѣда, я занимался съ Дунечкой, когда пришла Марья Васильевна. Приѣмъ былъ безъ выговоровъ, но холодный; Марья Васильевна конфузилась. Глупость всего этого меня бѣсила, я чувствовалъ, что не въ силахъ заниматься, отослалъ Дунечку въ садъ и сказалъ, что буду просматривать ея переводы. Въ неплотно-затворенную дверь я видѣлъ и слышалъ, что дѣлалось въ гостиной. Старухи чинно работали. Марья Васильевна перебирала бахрому своей мантильи. Всѣ помалчивали, или перекидывались извѣстіями о погодѣ, о рожденіи и ростѣ луны и тому подобномъ. Любовь Александровна пожаловалась, что съ кончиной Егора Егоровича и книгъ нѣтъ, и газетъ нѣтъ.

— Все, что было у покойника, разказала Александра Александровна: — племянникъ какой-то, вчера приѣхалъ, забираетъ. Теперь тамъ такой погромъ. Смѣхъ, право. При жизни глазъ не казалъ, и не слыхали о немъ, а тутъ, — какъ изъ дома покойника выносить, — наследникъ выискался. И еще богатень-

кій, — на что ужь ему все!.. А покойникъ, я знаю, самъ не-разъ мнѣ говорилъ, что есть здѣсь семейства два три, такіа, которымъ онъ желаетъ оставить, — потому — крайность. «А книги», говаривалъ, «дѣтямъ моимъ», ученикамъ, то-есть...

— Да, вотъ, Дунечка... замѣтила Марья Васильевна. — Вѣдь ее надо было бы куда нибудь замѣстить, тетеньки, учиться.

— Куда замѣстить-то? сказала Любовь Александровна. — Ужь послѣ Егора, Егоровича!..

— Да вѣдь учиться все-таки надо. Еслибы въ пансіонъ...

— Не по денешкамъ! прервала Александра Александровна.

— Но, тетеньки, развѣ вы мнѣ не позволите... вѣдь я имѣю возможность...

— Ну, ужь эти пансіоны! прервала Любовь Александровна, махнувъ рукою. — Спасибо! договорила она какъ-то горьво и отвернулась.

— Э, никакъ борозь пригнали; чтѣ такъ рано? вскричала Александра Александровна и побѣжала справляться о причинѣ.

Я не могу забыть, какъ меня насмѣшило ея восклицаніе, среди всѣхъ прочихъ чувствительностей. Марья Васильевна продолжала сидѣть молча, нагнувъ голову; мнѣ показалось, у ней наворачивались слезы. Кресло Любви Александровны было рядомъ съ моею дверью; я не могъ видѣть, какое движеніе сдѣлала старуха, но Марья Васильевна вдругъ бросилась къ ней.

— Тетенька, за что вы на меня гнѣваетесь?

И начались такіе поцалуи и рыданія, что я думалъ, имъ не будетъ конца. Эти двѣ особы были художницы въ своемъ дѣлѣ; тутъ было состязаніе.

— Тетенька, за что вы на меня гнѣваетесь?

— Другъ мой, душа моя, голубка, за что мнѣ? Развѣ ты передо мною виновата?

Дѣло доходило до воплей.

— Ты добра, ты насъ любишь... кроткая! Ты передъ собою невиновата-ли? Передъ собою... и передъ *нимъ*? Мальчикъ онъ еще, дитя...

Не знаю, что бы отвѣчала моя кроткая голубка, еслибы въ эту минуту не увидѣла меня передъ собою. Старуха сидѣла спиною, съ глуху не оглянулась на скрипъ отворившейся двери, а въ экстазѣ не замѣтила испуга, съ которымъ Марья Васильевна спрятала свое лицо ей въ колѣни.

Я ждалъ; мнѣ было любопытно, чѣмъ это кончится; мнѣ почти хотѣлось, ради эффекта, чтобы Любовь Александровна повернулась и меня увидѣла. Марья Васильевна чувствовала, что я не укрожу. Она молчала недолго, не столько, чтобы можно

было принять молчаніе за раскаяніе. Я самъ удивился, какъ твердо и отчетливо она выговорила, поднявъ голову, хотя не поднимая глаза:

— Нѣтъ, тетенька, я передъ нимъ ни въ чемъ невиновата.

Послышались шаги Александры Александровны. Я скрылся. Любовь Александровна, должно быть, удовлетворилась отвѣтомъ, потому что зашептала разными благословеніями и приглашеніями оправиться. Если Сашенька, входя, и была озадачена раскрасѣвшимися глазами и нзмѣтеными прическами, то должна была тутъ же успокоиться: Любушка заговорила хотя дребезжащимъ, но добродушнымъ, почти веселымъ голоскомъ. Стали звать и искать меня что-то кушать. Я сбѣжалъ со двора чрезъ садовый плетень.

Отвѣтъ Марьи Васильевны и, главное, его тонъ не выходили у меня изъ памяти. Это было что-то очень увѣренное, рѣзкое. Она всегда была искренна, — и тутъ, не возразила, что не виновата предъ собою, но, стало-быть, была убѣждена, что права въ отношеніи меня, когда осмѣлилась выговорить это мнѣ въ глаза. Что-то неожиданное. Такия замашки я впослѣдствіи встрѣчалъ въ женщинахъ, но только много лѣтъ поздне; теперь я присмотрѣлся къ нимъ, тогда это произвело на меня впечатлѣніе. Но ни на другой день, ни въ слѣдующіе, никогда потомъ, между Марьей Васильевной и мною не было слова объ этой сценѣ. Только разъ, цалуясь съ тетеньками, которыя отчасти возвратили ей свое благоволеніе, она встрѣтила мой насмѣшливый взглядъ и вспыхнула. Я не попросилъ объясненія.

Но мнѣ становилось скучно. Забава впадала въ однообразіе, мелкая драма становилась пошлою; «безконечно-малые», среди которыхъ приходилось вращаться — одолѣвали. Кумушки и матушки, изъ болѣе обтесанныхъ, перестали бывать у Марьи Васильевны и отпускать своихъ дочекъ; юное чиновничество и воинство стало позволять себѣ держаться съ какимъ-то неприятно развязнымъ отгнкомъ, который въ нѣсколько дней уже успѣлъ нѣсколько разъ вывести меня изъ себя. А мнѣ было необходимо себя сдерживать, избѣгать скандала... Я впадалъ въ пошлость!..

Въ гимназіи почему-то отложили начало классовъ до сентября. Я не зналъ, куда дѣвать эти съ небольшимъ двѣ недѣли. Классы вырвали бы меня изъ этой колен; но что такое классы? Куда дѣвать время послѣ класса, что дѣлать?.. Я тысячу разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, никогда не рѣшая.

Однимъ утромъ, я перебиралъ тетради моихъ стихотвореній

и начатаго романа, раздумывая надъ нимъ и надъ своимъ будущимъ, когда меня позвали.

— Кто-то васъ спрашиваетъ, объявила Александра Александровна.

Я сошелъ. Лакей изъ гостиницы принесъ мнѣ записку отъ прїѣзжаго, который тамъ остановился. Я прочелъ, не вѣря глазамъ: это Мишель! Мишель здѣсь! Мишель зоветъ меня къ себѣ!.. Цѣлые годы не взглядали изъ моей памяти этой радостной минуты, со всей полнотою ея впечатлѣнія. Съ нея началась моя жизнь...

— Сію минуту... бѣгу!.. отвѣчалъ я, не помня себя, бросилъ денегъ посланному, удививъ его щедростью, бросился на верхъ, и... не зналъ, что дѣлать. Все выпадало у меня изъ рукъ. Къ счастью, у меня оставалось сознание, что мнѣ надо одѣться; что сейчасъ я явлюсь на глаза человѣку, имѣющему право потребовать отъ меня отчета въ моемъ прошедшемъ, въ моемъ значеніи; что дѣло идетъ о моей чести, о моемъ достоинствѣ и я долженъ доказать, что не измелъчалъ... Отрадно встрѣтить превосходство, — еще отраднѣе, безъ смущенія, стать передъ нимъ лицомъ къ лицу!..

Я одѣлся прелестно; самая поспѣшность моего туалета придавала ему особенную грацію. Несмотря на войну, на затрудненія, на дороговизну, у меня были всегда настоящія французскія перчатки. Въ гостиной, гдѣ ужъ разспросили лакея, составлялись предположенія, къ кому я ѣду.

— Онъ какъ тебѣ родня? кричала, догоняя меня, Александра Александровна.

— Un ami de ma tante! отвѣчалъ я, проходя и предоставляя переводъ Дунечкѣ; я чувствовалъ себя не въ состояніи выразиться иначе, и, главное порусски.

Мишель прїѣхалъ только въ эту ночь, но въ гостиницѣ ужъ успѣли понять, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Меня тамъ тоже знали. Прислуга засуетилась, когда я спросилъ прїѣзжаго.

— Михаила Ивановича? Пожалуйте...

Я вошелъ. Мишель занималъ лучшія комнаты...

Я буду безпристрастенъ. Я много обязанъ Мишелю моимъ развитіемъ въ дѣтствѣ, нравственной поддержкой и пробужденіемъ моихъ силъ въ эту эпоху перелома, благоразумнымъ совѣтомъ и дѣятельнымъ участіемъ позднѣе, въ затруднительныя минуты жизни. Способности этого человѣка несомнѣнны и онъ не отказывался служить мнѣ ими какъ наставникъ, какъ товарищъ, какъ любитель. *Какъ любитель*, — потому что тревога жиз-

ни была его сфера, занятие, искусство... Я отдаю ему полную справедливость, но я буду безпристрастенъ.

Я шелъ къ нему, какъ идутъ мальчишки на первое любовное свиданіе, фанатики — на исповѣданіе своихъ убѣжденій, рекруты — на смотръ. Передо мной носился образъ изящнаго молодого человѣка съ огненнымъ взоромъ, при свѣтѣ матевыхъ лампъ. Мнѣ было досадно на яркое утреннее солнце, которое такъ провинціально-пошло свѣтило въ пыльный корридоръ, въ отворенную дверь пыльной комнаты ..

Я увидѣлъ плотнаго господина съ бородой, остриженного порусски, въ сѣромъ кафтанѣ на распахну, сверхъ красной рубахи, вышитой бѣлымъ; какъ мнѣ показалось и какъ я убѣдился потомъ, узоръ изображалъ пѣтуховъ. Черные бархатные панталоны были засунуты въ сапоги съ красной оторочкой, лакированные, неестественно безобразной формы. Положивъ на нихъ морду, спала громадная меделянская собака. Она поднялась, увидя меня, и зарычала. Господинъ считалъ столбиками мѣдныя деньги и обернулся.

— Лежать!.. Позвольте узнать, кто...

Я назвалъ себя.

— А, Сергѣй!.. Лежать, Султанъ! убирайся, чортъ!... А, Сергѣй, да какой же ты... Здравствуй!

Онъ пихнулъ каблукомъ своего пса и сталъ обнимать меня.

Нужно ли говорить, что я упалъ съ неба? Все разлетѣлось, чтò я хотѣлъ сказать ему. Простое наблюденіе заняло мѣсто чувства. Мнѣ бросились въ глаза дворянская медаль и еще какой-то крестикъ на его кафтанѣ.

— Чтò это у васъ? спросилъ я.

— Съ этимъ, топ сшег, скорѣй лошадей дадутъ на станціи; теперь проѣздъ страшный, и туда, и оттуда... Ну, какъ живаешь? Давно не видались! Рассказывай.

Я былъ совершенно развлеченъ. Я смотрѣлъ на него, не вѣря глазамъ. Свѣтскаго человѣка уже не было. Мой идеаль былъ разбитъ; на его развалинахъ вставало что-то матеріальное, что-то провинціально грубое. Мое сердце смалось тоской одиночества, но въ немъ поднялась и гордость превосходства; я не хотѣлъ скрывать ее.

— Рассказывать долго и неинтересно, отвѣчалъ я, небрежно бросивъ шляпу на столъ, но давъ замѣтить хозяйну, что я вижу всю пыль этого стола: — и, я полагаю, вы знаете...

— Что твой отецъ умеръ? знаю, мнѣ сказали; и у кого ты живешь.

— Вамъ сказали здѣсь? Но я тоже писалъ ma tante.

— Да! И это слышала... Погоди, мы прежде закусимъ.

Онъ поввонилъ. Прибѣжалъ лакей.

— Завтракать. Я, тамъ, заказалъ. А моего Филиппа Лукича такъ и не добудешь?

— Спать-съ.

— Ну, хорошо, Христось съ нимъ. Видите, усталъ очень. А вотъ, я его завтра представлю въ приемъ, въ здѣшнее ополченіе, такъ лучше отдохнетъ. Это твой бывшій пажъ Филька. Меня имъ, отъ щедротъ своихъ, наградила наша та tante. Полтора года бьюсь его человѣкомъ сдѣлать; вотъ, увидишь, полюбуешься.

Меня, конечно, не интересовали ни свиданіе съ Филькой, ни подробности его воспитанія, но о нихъ мнѣ наговорили много. Подали завтракъ. Я и тутъ не узналъ прежняго Мишеля. Онъ ѣлъ грубо, графинчикъ скоро пустѣлъ, хотя Мишель нисколько не терялъ самообладанія и не измѣнился въ расположеніи духа... Послѣ перваго, признаюсь, непріятнаго впечатлѣнія, я всмотрѣлся серьезнѣе и сталъ ему удивляться. Чтò-то подсказало мнѣ, что это — тоже сила, только въ другой формѣ.

— Рассказывайте лучше вы, сказалъ я: — что та tante?

— Вотъ спохватился! отвѣчалъ онъ, захохотавъ: — да развѣ она тебя не извѣстила? Я другой годъ, какъ съ ней расстался.

— Неужели? Зачѣмъ? Почему?

— Чтò за диковинка — расстаться?.. Только ты, пожалуйста, перестань мнѣ говорить *ем*; будемъ по старому... — Затѣмъ, что незачѣмъ было тамъ оставаться, а почему — причины всегда бывали достаточныя. Тетенька твоя, другъ мой, непѣтая дура.

Онъ сказалъ это изумительно хладнокровно и захохоталъ моему изумленію.

— Она больше года мнѣ не пишетъ, сказалъ я.

— Ну, такъ и есть. И не высылаешь тебѣ ни копейки?

Я былъ вынужденъ рассказывать всю исторію моихъ затрудненій, также какъ вмѣшательство моего отца, которое, — я полагаю, — все испортило.

— И нимаго: оно подоспѣло какъ-разъ ко времени. — Проводивъ тебя, тетенька вдругъ, ни съ-чего, бросилась въ необыкновенную материнскую любовь; не къ дочкамъ только, а къ своему Валерьяну. Все шло въ него. Чтò она, по разнымъ закоулкамъ, за него долговъ переплатила — не сочтешь. Немудрено, что она тебя забывала: ты не свой и не на-глазахъ; но мнѣ-то приходилось каково? вообрази положеніе! И къ этому — ревность! а сама дуритъ, желтъетъ, — вѣдь подъ сорокъ! ровно десять лѣтъ меня старше. Казалось, могла-бы по-

нять, что не ради ея прекрасныхъ глазъ ея любить, да ужъ и скрѣпитъ духомъ, довольствоваться тѣмъ, что дадутъ. Такъ вѣтъ. Сцены глупѣйшія. Я и разсудилъ: если я дамъ что могу, то имѣю право и брать что могу. Такимъ образомъ, мой милый, въ прошлую зиму (не эту, а въ тотъ годъ: война только начиналась, особенно всѣ закутили) мы съ Валерьяномъ вдвоемъ того ей стонли, что она — руками врозь. Ну-съ, какъ ты думаешь, кто тутъ вступился?

— Ужъ и не знаю, сказалъ я. — Негѣло предположить, что ея супругъ.

— Онъ-то, именно. Супругъ и родитель. Вышелъ погромъ, — святыхъ войъ выноси! Онъ послалъ меня ко всѣмъ чертямъ, я его туда же, и мы разстались. Сынка онъ — въ тотъ же часъ въ юнкера, не взирая на плачь родительницы: она вѣдь разомъ теряла насъ обоихъ! На прощанье, она подарила мнѣ Фильку.

— Такъ Валерьянъ — юнкеръ? спросилъ я: — гдѣ онъ?

— Теперь? не знаю. Онъ ужъ былъ представленъ, да напалилъ; его, нынѣшней весной — въ рядовые, въ Р-скій пѣхотный.

— Что ты говоришь?

— Ты такъ не ужасайся! у него маменька. Сѣла, да поѣхала за нимъ слѣдомъ; бросила мужа, дочерей...

— А они отправились въ Саратовъ?

— Почему ты знаешь?

— Случайно слышала.

— Ну да. Онъ-таки, муженежъ, выказалъ характеръ. Да ну его совсѣмъ. Я къ нимъ другой годъ ни ногой.

Меня взяло раздумье. Вотъ конецъ блестящей драмы, которой я, ребенокъ, былъ свидѣтелемъ! А я вдохновлялся ею!... какая грубая насмѣшка!.. Мнѣ вообразилась сентиментальная ма tante, приносящая свое покаяніе къ ногамъ законнаго супруга; мнѣ стало горько, во мнѣ поднялось какое-то презрительное отвращеніе...

— Такъ она пожалѣла о деньгахъ? пожаловалась на тебя? спросилъ я съ усмѣшкой.

— А, ну ихъ! повторилъ Мишель и сталъ кормить Султана съ своей тарелки.

Я невольно подобралъ ноги, когда подошло это чудовище. Мишель хохоталъ.

— Нѣженка! Въ жизни слѣдуетъ ко всему привыкать.

Я не сталъ выражать, какъ меня неприятно затрогивала переѣзна его привычекъ, и воспользовался его нецеремонностью, чтобъ предложить щекотливый вопросъ:

— Какъ же ты живешь?

— То-есть, въ какомъ отношеніи? Не въ сердечномъ ли? Ты, тетенькинъ возлелѣанный, только, можешь быть, и воображаешь, что пламенные страсти. Нѣтъ, милый мой, все это вздоръ.

— Ты въ-правѣ такъ говорить, потому что разочаровался... сказалъ я нерѣшительно.

Онъ угадалъ меня.

— Въ тетенькѣ-то разочаровался? Отроду не былъ и очарованъ. Да ты не хитри: ты не то хочешь спросить; по лицу видно... Живу я, милый, недурно, получше прежняго, потому что самъ себѣ баринъ. Вотъ катаю куда хочу, и за мной гонцовъ не посылаютъ; да и не угонишься. Есть такая любезная особа Наталья Петровна Высотина, вдова второй гильдіи купца, двадцати-пяти годовъ отроду, черноглазая, чернобровая; сыночекъ у нея маленькій, да капиталецъ такъ-себѣ, на нашъ вѣкъ хватать, коли жить умно. «Дѣловъ» всякихъ у нея много, да подрядишки кое-какіе въ настоящую тяжелую годину всей Россіи переживаемую. Такъ, вотъ-съ, мы отечеству пользу и приносимъ. Вотъ, за нынѣшнюю поставочку, — поѣздочка небольшая, а тысчонокъ пять съ хвостикомъ намъ перепало. Это ужъ мое собственное, и отчета не отдавай. Твоя тетенька ахнула, какъ меня нынѣшней зимой въ собольей шубѣ встрѣтила... Правило тебѣ на всю жизнь, другъ мой: если женщины глухи, то мы не должны быть глухи. Онѣ вѣдь тоже насъ обманываютъ, — ну, что-жь! à trompeur — trompeur et demie!

Онъ всталъ, говоря это, и оттолкнулъ собаку. Передо мной былъ прежній Мишель, вся его стройная, выпрямившаяся фигура, его повелительное движеніе, его грація, его звучный насмѣшливый голосъ, его великолѣпный парижскій выговоръ, улыбка, пробѣжавшая по всему лицу, отъ яркихъ губъ до слегка приподнявшихся бровей...

— Ты смотришь, что я таскаю вотъ это? продолжалъ онъ, показавъ на свой кафтанъ: — ты думаешь, я забылъ какъ люди говорятъ? Ошибаешься. Пошу ссрмгау и вру прибаутки, потому что такъ нужно. Выждать надо, а наше дѣло еще не ушло. Пройдетъ мода класть *du patriotisme à toutes sauces* — и образованные люди понадобятся. Безъ насъ, вѣдь, скучно. А потому, повторяю, люди съ волей не должны быть глухи. Насъ, покуда, отстранили, поставили въ тѣнь; мы должны воспользоваться этимъ промежуткомъ времени и обезпечить себѣ средства на будущее... Что? спросилъ онъ, встрѣтивъ мой взглядъ и очаровательно засмѣявшись.

— Я удивляюсь тебѣ! выговорилъ я неволью съ восхищеніемъ.

— Ты всегда былъ славный малый, понималъ вещи... сказалъ онъ и заходилъ по комнатѣ.

Во мнѣ проснулась вся потребность ему довѣриться, вся полнота довѣрія.

— Мишель, началъ я: — я тебя понялъ... Признаюсь, первые минуты нашего свиданія были мнѣ тяжелы, но теперь, — ты мнѣ возвратилъ себя! Я тебѣ удивляюсь, я хотѣлъ бы слѣдовать за тобою, но я художникъ, я молодежь! для будущаго я не могу отказываться отъ настоящаго, я не могу ждать, беречь не въ моей натурѣ, я хочу наслаждаться...

— Постой, прервалъ онъ: — еще наговоримся. Я здѣсь нѣсколько дней пробуду. Теперь, мнѣ надо съѣздить... Нѣтъ-ли у тебя часовъ? мои стали.

Прерванный на полусловъ, съ досадою, не отвѣчая, я показавъ ему часы. Они были замѣчательно хороши и отданы мнѣ недавно: какой-то закладъ, оставшійся въ сундукахъ покойнаго казначея. Знатоку они должны были броситься въ глаза.

— О, о, вскричалъ онъ:—да ты роскошничаетъ! Откуда?

— Я тоже живу... отвѣчалъ я, сдѣлавъ спромную мину, и оба мы расхохотались.

Это былъ взрывъ откровенной, свѣжей веселости. Мы понимали другъ друга; между нами съ этой минуты совсѣмъ исчезла и безъ того малозамѣтная разность возраста; ему, конечно, было приятно имѣть дѣло ужъ не съ ребенкомъ; мнѣ давалось возвышающее меня равенство.

— Слушай, сказалъ онъ, наконецъ, положивъ мнѣ обѣ руки на плеча и глядя мнѣ въ глаза:—я вижу, изъ тебя можетъ быть прокъ, но я все-таки постарше, ну, когда-то кое-чему выучился, стало быть, имѣю право исповѣдывать. Отвѣчай безъ утайки: tu n'es pas trop encanaillé?

— Mais, pas davantage que toi.

— Однако, не изъ общества?

— Такъ-себѣ.

— Rien!—Замужняя? Вдова?

— Дѣвица.

— Ну!... Ты, надѣюсь, не давалъ обѣщаній жениться?

— Pas si bête!

— Но родные, или отъ кого она зависитъ?

— Ничего этого нѣтъ.

— Стало быть, старая дѣва?

— Старый шут! вскричалъ я, толкнувъ его и захохотавъ:— ты за кого меня считаешь?

— Неужели молодая?

— Молодая и хорошенькая. Попроси повѣжливѣе, я тебя представлю.

— Вотъ ты какъ! bravo! Хорошо, представь, я погляжу. Только когда? Я сейчасъ поѣду по дѣламъ; надо тутъ въ деревню гдѣ-то, а вернусь поздно, часовъ въ десять.

— Это, по твоему, поздно? Ты покулечески облѣнился. Приходи ужинать; я зайду сюда за тобою.

Я надѣлъ шляпу, пожалъ ему руку и ушелъ, не настаивая на приглашеніи, чтобъ не дать ему подумать, будто я стану готовиться къ его посѣщенію. Но, въ самомъ-дѣлѣ, мнѣ хотѣлось показать ему, что я умѣю жить. Маленькій, роскошный ужинъ съ огнями и цвѣтами на столѣ, съ игривымъ разговоромъ и веселыми куплетами, заманивалъ меня какъ что-то еще неиспытанное: я зналъ это еще только по романамъ. Тутъ, я былъ-бы самъ героемъ праздника.

Дорогой къ Марьѣ Васильевнѣ, я расчелъ быть осторожнѣе и скрыть отъ нея, что Мишель знаетъ о нашихъ отношеніяхъ. Я рассказалъ ей, что пріѣхалъ мой родственникъ, другъ, веселый, славный, всегда меня любившій; что мнѣ хотѣлось бы провести съ нимъ вечеръ по душѣ, угостить его, но у старыхъ дѣвъ тоска смертная и я позвалъ его—къ ней.

Она обрадовалась случаю сдѣлать чтонибудь мнѣ угодное.

— Даже вотъ какъ, прибавилъ я:— ты и вовсе не говори теткамъ, что онъ тутъ будетъ; я скажусь у нихъ, что самъ иду къ нему.

— Хорошо. А я пойду куда-нибудь въ гости и останусь тамъ подольше.

— Зачѣмъ?

— Какъ же? Вѣдь вы будете тутъ, двое.

— Нѣтъ, возразилъ я:— тебя-то и надо, хозяйничай. Безъ хозяйки, что за ужинъ. Принарядись.

Она сначала конфузилась, отговаривалась, не понимала, какъ принять незнакомаго, но я объяснилъ ей, что Мишель не знаетъ моихъ хозяекъ въ лицо, а она все-равно—«mademoiselle Смутова»; да хоть бы онъ и узналъ, то, все-равно, уйдетъ и никому не расскажетъ, а главное—это будетъ чудо какъ весело, а самое главнѣйшее—я расцаловалъ ее, повторяя десятковъ разъ, что она прелесть. Она согласилась и, въ самомъ дѣлѣ, къ вечеру, одѣтая по моему вкусу, оживленная, была очень мила.

— Друзья нашихъ друзей—намъ друзья, сказалъ ей Мишель,

когда я привелъ его, и чрезъ минуту, сталъ звать ее «кузиной». Она приняла это сначала за ошибку и сказала, что не родня мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что знаетъ это, и продолжалъ говорить «кузина», не обращая вниманія, что прозваніе ее смущало. Онъ былъ очень одушевленъ. Въ его веселости, на его шуткахъ былъ именно тотъ бойкій оттѣнокъ, который умѣютъ придавать только мастера дѣла. Его рассказы были нестоими, увлекательны. Я былъ отъ него въ восхищеніи. Это былъ Мишель прежнихъ дней по остроумію и смѣлости, но и въ прежніе дни я не видалъ его такимъ: тогда я еще не зналъ маскарардовъ и parties саггѣес.

— Какая она интереснейшая, когда задумается, сказалъ онъ, указывая на Марью Васильевну, которая, сидя противъ него, потупилась надъ непочатымъ бокаломъ, тихая и неподвижная. — О чемъ, прекрасная? стоить-ли о чемъ-нибудь думать? Лучше спойте. Serge, поетъ она у тебя?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—еще не выучилась.

Она подняла на меня свои большіе глаза тихо, медленно, и смотрѣла, будто спрашивала.

— Надо выучиться, продолжалъ Мишель: — *c'est de rigueur*. Большаго голоса не нужно, но живость, декламация. Женщина съ умомъ всегда умѣетъ декламировать. Развивайтесь, прекрасная; я вижу, это еще вашъ первый дебютъ.

— Тебѣ спать пора, сказалъ я сухо и рѣзко, говоря ей *ты* въ первый разъ вслухъ.

Она вспыхнула, опять поблѣднѣла и встала.

— Да, я устала. Прощайте.

Шатаясь, она пошла въ спальню.

— Не привыкла, сказалъ ей вслѣдъ Мишель, снисходительно.

За затворявшейся дверью, мнѣ послышалось, будто кто вскрикнулъ, будто что упало. Я, конечно, не поспѣшилъ на помощь и возобновилъ разговоръ. Мишель скоро усталъ тоже, я проводилъ его въ гостиницу и возвратился въ обитель къ старухамъ.

Отпирая и запирая ихъ дверь своимъ двойнымъ ключомъ, я подумалъ, что подобная двойная жизнь сдѣлалась для меня уже невозможна. Клѣтка была слишкомъ тѣсна, воля ужъ испытана. Но это страшное *ничего* впереди!... Я не спалъ ночь, раздраженный всѣмъ, что испыталъ, и сошелъ въ гостиную за полдень, уже одѣтый, чтобы идти къ Мишелю.

— А сюда родственникъ вашъ не пожалуетъ? спросила Александра Александровна.

— Я думаю, нѣтъ, отвѣчалъ я и откланялся.

Надѣвая пальто, я видѣлъ и слышалъ, какъ игривая Сашенька

прыгнула съ спицами и влукбомъ къ недвижной Лбушгѣ и зашептала таинственно. Явственно раздалось только:

— Клубный поваръ готовилъ...

Съ базара, вѣроятно, были доставлены свѣдѣнія о вчерашнемъ ужинѣ; мнѣ хотѣлось исправить ихъ и дополнить, но это бы не переѣнило моего расположенія духа. Веселость возвращается весельемъ; гдѣ было искать его?... Я ускорилъ шаги: если теперь, когда здѣсь Мишель, — единственный мой человѣкъ во всемъ мірѣ, — я не успѣю устроить своего будущаго, я его никогда не устрою...

— Слушай, сказалъ я, бросаясь у него на диванъ:—слушай меня и не прерывай! Ты можешь, слѣдовательно, долженъ помочь мнѣ.

Я рассказалъ ему все подробно; я заставилъ его понять мое нравственное страданіе. Онъ слушалъ непрерывая, только смѣялся.

— Ты глупъ, сказалъ онъ:—корчить взрослога, а еще мальчишка. Сознайся, что глупъ, сдѣлай рѣшительный шагъ, и ты человѣкъ.

Онъ не ошибался; я, въ самомъ дѣлѣ, былъ еще очень молодъ: я искренно, дѣтски оробѣлъ предъ его упрекомъ. Не краснѣю при этомъ воспоминаніи. Это была минута моего перерожденія. Упрекъ меня поднялъ; стыдъ за робость вызвалъ во мнѣ гордость и заставилъ работать мой умъ.

— Что надо сдѣлать? спросилъ я.

— Догадайся.

— Я хочу жить, какъ ты, я на все готовъ для этого! Ты опытиѣ—укажи средства.

— Развѣ у тебя ихъ нѣтъ?

— Но развѣ ты не видишь моего стѣсненія, моей обстановки, этого глупаго города...

Онъ захохоталъ.

— Ты меня доведешь до отчаянія! вскричалъ я, вскочивъ съ мѣста.—Я сейчасъ иду, беру свои бумаги изъ гимназіи и бѣгу, куда глаза глядятъ!

Я былъ уже у двери.

— Ну, вотъ и отлично. Видишь, подумалъ, самъ нашелъ, сказалъ онъ хладнокровно.—Воротись, сядь; поговоримъ дѣльно.

Мы стали говорить. Онъ объяснилъ мнѣ, что я трачусь въ провинціи, ломаю свои наклонности, что мнѣ не нуженъ университетъ. Онъ доказалъ, что я еще никогда серьезно не останавливался на этомъ убѣжденіи, ни на что опредѣленно не рѣшался, дѣтски откладывая рѣшеніе куда-то въ даль. Теперь наступила пора. Мы говорили недолго; все смѣлое, широкое, твердое, плодотворное

рѣшается съ разу. Мы рѣшили, что я сейчасъ пойду къ своему опекуну (мнѣ дали какого-то чиновника, котораго я едва зналъ въ лицо), возьму отъ него прошеніе въ гимназію, — отъ него — къ директору, и все кончу этимъ днемъ или завтра.

— А потомъ? невольно сорвалось у меня.

— Если хочешь, поѣдемъ со мною въ Москву, отвѣчалъ онъ, глядя на меня проникательно: — запишемъ тебя въ какую ни есть палату...

— Изъ гимназистовъ въ писаря? вскричалъ я: — я шутить надъ собою не позволю! Я жить хочу, а не пресмыкаться!

— У тебя есть средства, повторилъ онъ. — Не горячись и не бросайся изъ стороны въ сторону. Ты, пожалуй, поэтъ, художникъ, но веди свои дѣла аккуратно. Одно другому не мѣшаетъ. Пустя въ ходъ на всѣхъ парахъ свою поэзію: заставь свою Марью Васильевну переселиться съ тобою въ Москву и живи куда. Понялъ? Ну, не мальчишка ли ты, что тебѣ это до сихъ поръ на умъ не приходило?...

Я бросился ему на шею.

У опекуна все было кончено въ полчаса. Я заѣхалъ въ домъ Смутовыхъ — надѣтъ въ послѣдній разъ гимназическій сюртукъ, обѣщая себѣ непременно сжечь его на другой день; мнѣ хотѣлось ознаменовать какой-нибудь эксцентричностью мое освобожденіе.

Въ домѣ директора, первый мнѣ встрѣтился Кармаковъ. Онъ былъ на дняхъ объявленъ женихомъ директорской дочки и особенно глупъ. Я былъ не въ духѣ насмѣшничать или вспоминать старое, а потому, при встрѣчѣ, поздравилъ и подалъ ему руку. Онъ обрадовался.

— Хлопочешь о перекрестномъ? затормошился онъ, впрочемъ, не безъ важности, какъ лицо, имѣющее силу протекціи.

— Не имѣю надобности. Прихожу отряхнуть прахъ ногъ моихъ отъ вашей гимназіи.

Я не далъ ему дальнѣйшихъ объясненій, кромѣ того, что уѣзжаю въ Москву съ богатымъ родственникомъ. Съ директоромъ разговоръ былъ еще короче. Меня уволили, бумаги обѣщали доставить завтра.

— Ты тоже женишься? спросилъ Кармаковъ, провожая меня и не вытерпѣвъ.

— И не помышляю, и законныхъ лѣтъ не имѣю, и другимъ не совѣтую, отвѣчалъ я, захохотавъ.

— Какъ же, всѣ говорятъ...

— Толкуйте, пожалуй, кому есть охота, сказалъ я и отправился къ Марьѣ Васильевнѣ.

Она была очень печальна и, увидя меня, будто испугалась. Вчерашній вечеръ, какъ видно, пришлось ей не по вкусу, но я не спрашивалъ, а заговорить самой — у нея не хватило смѣлости. Она спросила только, долго ли еще пробудеть здѣсь Михаилъ Ивановичъ.

— Онъ хотѣлъ дня два, небольше, но я его задержу, я думаю, еще на день, своими сборами, отвѣчалъ я, будто нехотя.

— Какими сборами?

— Я вышелъ изъ гимназіи и ѣду съ нимъ.

Она помертвѣла.

— Ты шутишь?

— Нѣтъ. Я сейчасъ отъ директора и подаю прошеніе.

— Ты шутишь?

Она повторяла это на всѣ лады, умоляла, приказывала перестать обманывать. Она мнѣ надоѣла. И все это съ перерывомъ то смѣха, то поцалуевъ, то слезъ; и все это надо было вынести до конца, чтобы договориться до дѣла, достигъ своей цѣли. Убѣдивъ ее наконецъ, что я не играю комедіи, что я точно завтра сожгу свой скрутокъ, я не зналъ, куда дѣваться отъ отчаянныхъ рыданій. Мишель совѣтовалъ мнѣ «пустить въ ходъ поэзію», — онъ не зналъ этой женщины! Съ нею можно было дѣйствовать только самой рѣзкой прозой, и, если ужъ щадить нервы, то не ея, а свои собственные... Первымъ словомъ этой згойстки было:

— Что же со мною будетъ?

— А со мною что? спросилъ я холодно, право, даже изъ любопытства, какъ далеко можетъ зайти это тупоуміе.

— Ты меня забудешь!

— И самъ еще скорѣе буду забыть. Утѣшители найдутся!

Женщина съ понятіемъ—показала бы мнѣ дверь; Марья Васильевна бросилась мнѣ на шею и влялась въ вѣчной любви.

— Любовь доказываютъ, сказалъ я, освобождаясь отъ объятій.

— Я доказала.

— Нѣтъ. Доказать можно только, слѣдуя за тѣмъ, кого любимъ.

— Ыхать за тобой въ Москву?

— Да.

— На долго?

— На вѣки.

Она остолбенѣла.

— Ну, вотъ, сказалъ я, выждавъ минуту и смѣясь: — зна-
Т. СLXXXVI. — Отд. I.

ночка и выглянула. Извольте же толкомъ понять: я уѣзжаю, потому что здѣсь пропадать мнѣ невозможно; но я зову васъ съ собою, а вы стали — приустрѣшились. Спрашивается: кто кого любить, я — васъ, или вы — меня?... Рѣшайте скорѣе. Дѣла мнѣ еще много; я не желаю себя разстроивать. Говорите — да, или нѣтъ, — а тамъ, потолкуемъ, или сейчасъ совсѣмъ простимся. Мнѣ некогда.

— Подожди; Христа ради, минутку! закричала она, бросаясь за мною.

Минутка вышла — битыхъ два часа. Она, конечно, не рѣшилась, но я, если возможно, еще больше убѣдился въ необходимости успѣха: Марья Васильевна въ первый разъ сказала огромный итогъ своего состоянія, — этого плода сорокалѣтней жатвы на поляхъ казенной палаты, казначейства, откупа, рекрутскихъ наборовъ, ходатайства по дѣламъ, роста и закладовъ, этого золота, собраннаго въ грязи и осужденнаго воротиться въ грязь, если чья-нибудь дѣльная рука о немъ не позаботится. Еслибы даже не писарство предстояло мнѣ въ Москвѣ, было бы безумно не постараться приобрести этотъ капиталъ, было бы граждански нечестно дать ему непроезжительно, безтолково растратиться... Достаюсь онъ мнѣ, я сразу отгѣснилъ бы Мишеля на второй планъ; Мишель долженъ былъ еще трудиться, тутъ было готовое... Кровь прилила у меня къ сердцу при этой мысли, у меня захватило дыханіе, я поблѣднѣлъ и едва не лишился чувствъ...

Она бросилась ко мнѣ.

— Оставьте, сказалъ я слабымъ голосомъ, но овладѣвъ собою, чтобы не измѣнить осторожности, не выдать возмущившаго меня чувства. — Оставьте... Вы меня не любите, вамъ легко со мной разстаться... Наслаждайтесь вашимъ богатствомъ, а я... Я умру!...

Я былъ не въ силахъ продолжать, я изнемогалъ. Я всталъ, шатаясь, оттолкнулъ ее, не обращая вниманія на ея слезы, и вышелъ.

Какъ годъ тому назадъ, я считался по улицамъ, достигъ того же самаго бульвара, той же скамейки, упалъ на нее, — но старшій цѣлымъ годомъ, зарыдалъ какъ дитя! Трудно доставалась мнѣ моя жизнь. Благо, — желанное, предвкушаемое, заслуженное цѣною молодой любви, моя неоспоримая собственность по всѣмъ законамъ логики, — это благо было близко и не давалось въ руки! Глупое упрямство женщины становилось мнѣ поперегъ дороги и я не умѣлъ побѣдить его! И въ груди моей вставало отчаяніе, а не энергія! Мнѣ было стыдно самого

себя. Я холодѣлъ при мысли, что скажу Мишелю. А я бы могъ сказать ему... Я бы могъ завтра, сегодня, сейчасъ этого избалованнаго, обвинившагося фата, теряющаго память и привычки порядочнаго круга, я бы могъ изумить его роскошью, заставить краснѣть его мѣдныхъ пятаконъ и лабазныхъ прибаутокъ, заставить его грызть кулаки отъ зависти...

Мои руки замерли у меня въ волосахъ. Не разъ потомъ, глядя на игроковъ, ставившихъ на карту послѣднее, я вспоминать эту свою минуту...

Куда я пойду? Къ Мишелю? Нелѣпость! я не знаю, что отвѣчать на его первый, и такой естественный вопросъ. Къ Марьѣ Васильевнѣ? Она вообразить, что я пришелъ ей кланяться, потому что въ крайности. Одно убѣжище — у старыхъ дѣвъ... я захохоталъ отъ отчаянiя.

Въ самомъ дѣлѣ, завтра, послѣ-завтра, когда увидеть этотъ блестящiй другъ, этотъ искуситель, толкнувшiй бросить все и обѣщавшiй только писарство, — что останется исключенному гимназисту? Писарство здѣсь, на позоръ цѣлому свѣту, чердакъ у полоумныхъ старухъ, да унылый билетъ въ триста цѣлковныхъ, послѣднiй сувениръ родителя...

Прежде... Воспоминанiя неслись предо мной вереницею... Прежде, даже полгода назадъ, я бы считалъ себя богачемъ, я бы довольствовался, я бы надѣялся. Теперь, я зналъ, я испыталъ, я жаждалъ, я понималъ что могло и должно было быть *момъ*, и борьба была ужасна въ виду такой яркой цѣли... Меня била лихорадка. Машинально, я вспомнилъ мой прошлогоднiй голодный день. Теперь, я не чувствовалъ голода. Меня сжигало внутреннее пламя, меня томила страсть, желанiя, меня охватило какое-то болѣзненное, но увлекательное раздумье; мечты, фантази пролетали одна другой пестрѣе, одна другой прихотливѣе. Я уже не вѣрилъ въ свое несчастье; какое-то неопредѣленное ощущение упорно отгоняло эту увѣренность; мнѣ было страшно и отвратительно на ней остановиться: мученiе дѣлалось физическимъ...

— Это не можетъ быть! сказала я громко и очнулся.

Изъ этого положенiя было необходимо скорѣе вырваться, какъ-нибудь успокоиться, какъ-нибудь развлечься... Если мысль становится бессильна, не отдаться ли на произволъ инстинкту?

Меня вдругъ будто освѣтило: мнѣ мелькнуло еще одно средство дѣйствовать на эту сумасшедшую женщину, измучить ее, какъ она меня измучила...

Я пошелъ къ Смутовымъ. Было около шести часовъ вечера и, хотя уже половина августа, но ясно и тепло, почему обѣ

стария головы торчали въ отворенныхъ окнахъ гостиной. Я подозвалъ проѣзжавшаго извозчика, велѣлъ ему дожидаться у крыльца, и, такъ-какъ меня окликнули въ окно, то повелъ переговори съ улицы.

— Цѣлый день, батюшка, ждали, сказала Александра Александровна.

— А сейчасъ пропаду и на ночь, отвѣчалъ я, приподнявъ фуражку предъ другимъ окномъ, изъ котораго мнѣ едва отвѣтили поклономъ.

— Куда же это?

— Да все туда же.

— Гдѣ прошлую-то ночь вы покутили?

— Нѣтъ, ужъ слишкомъ часто будетъ, отвѣчалъ я равнодушно. — Къ Мишелю, въ гостиницу.

— Опомнись, прошептала она, перевѣсившись чрезъ подоконникъ: — вѣдь на тебѣ мундиръ...

— А вотъ, я пойду, сейчасъ его сниму, да заберу что нужно. Завтра, пожалуйста, не безпокойтесь, ни съ чѣмъ меня не ждите.

Я вошелъ въ домъ, къ себѣ на верхъ, перемѣнилъ платье, заперъ свою комнату на ключъ и, проходя въ переднюю, остановился. Подъ окномъ велись разговоры, объяснала уже Любовь Александровна.

— Сейчасъ туда ѣдетъ и не велѣлъ себя завтра ждать.

— Вотъ и извозчикъ его стоитъ, присказала Александра Александровна.

— Мнѣ до крайности надо его видѣть, отвѣчалъ голосъ съ улицы, голосъ Марьи Васильевны: — онъ вамъ не говорилъ?...

— Почему же я знаю, матушка, какія такіа крайности. Ну, зайди, да сама его и спрашивай.

Я выскочилъ на крыльцо и сѣлъ на дрожки; это было слѣдано спорѣе, нежели Марья Васильевна успѣла подойти, сторчась отъ лошади.

— Пойдите... сказала она.

— Стунай! сказалъ я извозчику и, отъѣзжая, почтительно раскланялся въ оба окошка.

Она заторопилась, что-то заговорила, я не слушалъ. Съ половины площади я оглянулся: она не вошла къ Смутовымъ, а шла дальше къ полю, гдѣ была одна дорога — къ городскому кладбищу. Солнце садилось. Должно быть, моя возлюбленная была очень разстроена, когда избирала для прогулки такое мѣсто, въ такую пору... Во мнѣ шевельнулась маленькая надежда...

Комната Мишеля была полна гостей, большею частью, ополченцевъ; играли. Это приходилось какъ нельзя болѣе кстати: и занятіе и недосугъ для объясненій. Я тоже присталъ къ игрѣ и, какъ всегда, когда бывалъ раздраженъ, удачно. Я заштилъ по глазамъ Мишеля, что онъ удивлялся моею рѣшительности и равнодушію и, съ этой минуты, игра сдѣлалась для меня битвой за мое достоинство. Миѣ почти хотѣлось проиграть, чтобъ показать, какъ принимаютъ это порядочные люди. Это случилось на большомъ кушѣ; я отвѣчалъ тѣмъ, что хладнокровно его три раза удвоилъ и, наконецъ, выигралъ. Не знаю, что сталъ бы я дѣлать, еслибъ проигралъ: у меня не было и четверти суммы для уплаты, но эта удача послужила миѣ урокомъ на всю жизнь, — ни передъ чѣмъ не задумываться.

Быль день, когда мы стали считаться; Мишель совсѣмъ дремалъ, я былъ бодръ, хотъ начинать съизнова. Слѣдовало, однако, немного уснуть, чтобы приличнѣе отправиться за полученіемъ моихъ бумагъ. Я и уснулъ, но, по ошибкѣ, до вечера, и когда пришелъ въ канцелярію директора, миѣ сказали, что бумаги ужъ отосланы ко миѣ на квартиру. Это была любезность Кармакова. Онъ опять выѣзжалъ ко миѣ. Онъ былъ ужасно похожъ на щенка, котораго заперли и не выпускаютъ, побрякивалъ цѣпочкой Гименея и метался до жалости.

— У васъ тамъ, вчера, говорятъ, было море по колѣни? спросилъ онъ.

Я захоталъ ему въ носъ. За бумагами я, конечно, не пошелъ. Онѣ могли спокойно лежать у Смутовыхъ; старня дѣвы могли, сколько угодно, недоумѣвать и составлять предположеній надъ запечатаннымъ конвертомъ. Я зашелъ въ магазинъ, взять сигаръ и шампанскаго, разбудилъ, возвратясь въ гостиницу, все еще спавшаго Мишеля, пообѣдали вдвоемъ, отпраздновали мой выпускъ, а въ сумеркамъ опять собрались офицеры и ополченцы, и повторилось вчерашнее.

Между ополченцамъ былъ юный Бревновъ; этотъ дѣтина, отъ красной рубахи и безконечныхъ сапожищъ, казался еще толще и длиннѣе, чѣмъ прежде. Но нравомъ онъ былъ вротокъ попржнему. Исполнивъ плачь по папенькѣ, приведя въ порядокъ дѣла, онъ позволилъ себѣ исполнить и свое завѣтное желаніе—послужить за вѣру, царя и отечество. Для этого онъ вступилъ въ N-ское ополченіе, гдѣ, скоро, изъ товарищей его не обманывалъ и не дурачилъ только тотъ, кто не хотѣлъ. Онъ не обижался, потому что очень добросовѣстно сознавалъ свою оплошность и богобоязненно не питалъ ни на кого зла. Онъ проигрывался наивнѣйшимъ образомъ, не смывая аза въ

игрѣ и не находя въ ней даже удовольствія, расплачивался съ улыбкой и продолжалъ, потому что ему говорили, что надо продолжать. Наканунѣ, Бревновъ, хотя раскланялся со мной, какъ знакомый, но поглядывалъ на меня съ недоумѣніемъ и не заговаривалъ. Въ этотъ, второй вечеръ, мы встрѣтились съ нимъ въ пустой комнатѣ, куда я ушелъ отъ играющихъ, чтобы покойнѣе выпить чаю. Бревновъ сообразилъ, что если отъ игры могъ уйти кто-нибудь, то можетъ уйти и онъ, и появился осторожно. Я сидѣлъ на открытомъ окнѣ, положивъ ноги на единственный стулъ, бывшій въ комнатѣ. Бревновъ оглядывался.

— Милости просимъ, сказалъ я, уступая ему стулъ и предложивъ портсигаръ.

— Что вы беспокоитесь... А вы отсюда ушли?

— Тамъ сильно пахнетъ ромомъ, я не люблю.

— Ахъ, какъ я его терпѣть не могу!

— Не терпите? Кто жъ васъ неволить?

Я показалъ на его стаканъ съ чаемъ.

— Да, вѣдь, что жъ дѣлать?..

— Вотъ, что.

Я выплеснулъ его стаканъ за окно. Ему это показалось очень весело.

— Ахъ, какой вы, право!.. Ни на кого не попали?

— Не знаю.

Я велѣлъ дать ему чаю; онъ усѣлся подлѣ меня, налилъ себѣ сливочекъ, набралъ сухарей, блаженствовалъ. Надо было доставить ему блаженство полнѣйшее, побесѣдовать съ нимъ.

— Ну, что, спросилъ я: — каково живется?

— Ничего. Вы какъ?

— Вотъ, ѣду служить въ Москву.

— Вы на сѣверъ, мы на югъ, сказалъ онъ, и вздохнулъ.— Когда Богъ приведетъ еще свидѣться!

— Вы ужъ здѣсь со всѣми распростились? спросилъ я, подражая его благоговѣйному тону.

— Нѣтъ еще. Вотъ, общія наши знакомыя старушки, Любовь Александровна и Александра Александровна; у нихъ надо быть. И еще мнѣ хотѣлось сдѣлать... Время такое; не знаешь, кто сегодня живъ, кто нѣтъ. У меня, послѣ папеньки, вексель на нихъ остался и скоро ему срокъ...

— Вы хотите получить?

— Нѣтъ-съ... Я хотѣлъ отдать имъ... уничтожить, то-есть. Богъ съ нимъ. Потому, старушки, что ихъ безповоить. Къ чему

нынче обязательства, когда не знаешь... Тамъ вѣдь, говорятъ, теперь очень опасно.

— Что у васъ за мрачныя мысли! прервалъ я: — опасно, ну, тѣмъ лучше; не успѣете и дойти *туда*, какъ ужъ все кончится.

— Какъ знать, чего не знаешь! возразилъ онъ, но въ его гробовомъ голосѣ ужъ зазвучала маленькая нотка не то сомнѣнія, не то надежды, вѣрнѣе, желанія, чтобъ его скорѣе утѣшили. — Я, на всякій случай, завѣщаніе написалъ. Такъ и пошу въ карманѣ; тутъ — оно, а тутъ — вексель этотъ... чтобъ ужъ совсѣмъ все кончить.

— Э, Христось съ вами! вскричалъ я: — уничтоженіе обязательствъ, послѣдняя воля... Пойдемте играть!

— Да мнѣ, что играть, сказалъ онъ, конфузаясь, но ужъ глупо, улыбаясь: — денегъ нѣтъ.

— Какъ денегъ нѣтъ? Вѣдь вы помѣщикъ, собирались же ..

— Да-съ... Но вѣдь время такое, пожертвованія были. Опять то же, я недонму, да еще оброкъ за годъ впередъ простилъ. Билеты папенькины все крупныя, именныя. Что было наличныхъ... Я вѣдь не воображалъ, ей-Богу, что въ походѣ это занятіе будетъ! Я почти все проигралъ; почти не знаю, какъ дойду туда...

— Тутъ-то, значить, и надо играть, прервалъ я: — вчера, вы видѣли, какъ я сдѣлалъ? Полноте, что за ребячество. Пойдемте.

Это было несчастье рѣдкое, примѣрное, хотя вмѣстѣ и рѣдкая, примѣрная глупость. Къ утру, Бревновъ проигрался и заплатилъ только Мишелю. Его товарищи согласились сыгратъся въ походѣ; оставался проигрышъ мнѣ. Онъ было-сталъ отговариваться, просить меня подождать, но я напомнилъ ему его собственныя предчувствія, что мы, Богъ-вѣсть, когда свидимся. Я замѣтилъ, что, если онъ заплатилъ моему родственнику, то я имѣю право требовать того же, потому что я не ребенокъ, и просилъ его принять во вниманіе, что между порядочными людьми такъ не дѣлается. Мишель и другіе меня поддержали. Бѣдному недорослю становилось такъ неловко отъ этого вмѣшательства, что я сжалился и вызвалъ его поговорить въ другую комнату, къ окну, гдѣ ему было такъ пріятно вечеромъ.

— Вы рѣшительно не имѣете денегъ? спросилъ я.

— Ей-Богу, какая-нибудь сотня... пѣшкомъ пойду съ дружиной! А вѣдь вамъ надо восемьсотъ.

Я выждалъ минуту и сказалъ, глядя ему въ глаза:

— Вы, просто, не хотите платить, а деньги у васъ въ карманѣ.

— Помилуйте, какія?

— Вексель на госпожъ Сматовыхъ, въ тысячу рублей.

— Приважете оставить его у васъ, покуда я вамъ выплачу? Вѣрьте моему слову: это для меня священный залогъ...

— Чтò за вздоръ, чтò за залогъ? Продайте его кому-нибудь и расплатитесь.

— Это нельзя-съ.

— Такъ пойдѣте, я при вашихъ товарищахъ скажу вамъ, чтò вы такое.

Холодный, рѣшительный, непреклонный тонъ, какъ я потомъ не разъ убѣдился, всегда производить свое дѣйствіе. Бревновъ оторопѣлъ, сталъ просить, умолять. Я стоялъ среди комнаты предъ отворенной дверью, въ виду гостей, и отвѣчалъ черезъ плечо, каждую минуту готовый сдѣлать шагъ впередъ и выдать моего противника на позоръ. Я громко отвѣчалъ на его шопотъ, я казнилъ его насмѣшкой,—урокъ бесполезный и для зрителей. Окончательно одурѣлый, Бревновъ сталъ предлагать надписать мнѣ передачу этого векселя.

— Опомнитесь, сказалъ я, смѣясь: — я несовершеннолѣтній!

— Скоро вы кончите? спросилъ издали Мишель.

— Пойдѣте, чтò больше толковать! сказалъ я.

— Позвольте... Но помилуйте, куда же я сунусь съ этимъ векселемъ? говорилъ Бревновъ, чуть не плача и лова меня: — кому я его предложу? Кто купить таковой долгъ...

— А вы предлагали передать его мнѣ? Это мило!

— Время нужно... нужно искать человека... а мы вечеромъ выходимъ...

Мнѣ что-то смутно припомнилось.

— Обратитесь къ купцу Полозову, сказалъ я: — онъ купить навѣрное, если не станете прижиматься и уступите за ровно восемьсотъ. Теперь раннія обѣдни отходятъ, вы его застанете дома. Совѣтую вамъ поторопиться. А не то, не взыщите, я, для вечерней прогулки, пойду къ заставѣ, на проводы вашей дружины; тамъ будутъ и градоначальники, и все воинство... Я держу мое слово.

Я пропустилъ его выдти, бросился на диванъ и уснулъ. У Мишеля тоже разошлись. Часа черезъ два меня разбудили, подавъ мнѣ пакетъ отъ Бревнова: записка довольно дерзкая, деньги сполна; просить отвѣта. Я написалъ, что за его аккуратность прощаю ему его незнаніе приличій и орфографіи.

Мишель былъ весь этотъ день занятъ своими дѣлами, и только въ торопяхъ спросилъ меня:

— Ну, а твои дѣла?

— Да что, отвѣчалъ я, вѣвая: — глупо и скучно; надо побѣждать разные предрасудки, а игра-то почти не стоитъ свѣчки. Удастся—хорошо, а не удастся, пожалуй, еще лучше. Мнѣ всего дороже свобода.

— Какъ знаешь, сказалъ онъ: — пожалуй, что и такъ, если не изъ чего хлопотать.

Выказывая равнодушіе, я ограждалъ себя отъ насмѣшекъ надъ неудачей... Чего мнѣ стоило это равнодушіе! Конечно, я не проговорился, чего лишаюсь! Я поклялся, что Мишель не узнаетъ этого вовѣки, или увидитъ въ моихъ рукахъ. Тогда—дѣло другое!.. Какъ онъ казался мнѣ смѣшонъ и мелокъ съ своими грошевыми счетами! Я увидѣлъ вблизи, какъ грязно наживаются люди и презрѣлъ ихъ, со всѣмъ негодованіемъ порядочнаго человѣка. Мнѣ стала понятна ненависть ко всей породѣ взяточниковъ... Невольный, хотя ядовитый смѣхъ поднимался у меня среди всей моей тревоги и печали, смѣхъ надъ этой жадной вознею. И отчаянно я говорилъ себѣ, что этой вознѣ, этому ничтожеству суждена удача, тогда какъ я...

Я обѣдалъ одинъ. Не знаю, гдѣ пропадалъ Мишель; онъ заѣхалъ за мной вечеромъ на отличной ямской тройкѣ; мы провожали ополченцевъ до первой деревни. Дорогой, онъ сказалъ мнѣ, что встрѣтилъ на улицѣ Марью Васильевну, очень печальную.

— Изъ церкви шла, подъ вуалью, но я видѣлъ, расплакана. Я хотѣлъ заговорить, поклонился,—не узнала, даже бѣжать скорѣй. Ты видѣлъ ее сегодня?

— Нѣтъ, коротко отвѣчалъ я.

Съ проводовъ мы воротились рано утромъ. Я ушелъ въ свой номеръ и еще не ложился; полусонный Филька ввелъ горничную Марью Васильевну. Она сказала, что ужъ давно здѣсь дожидалась и передала мнѣ записку. Эта дѣвушка знала тайны госпожи, и, должно быть, не очень свято ихъ берегла. Она сообщила мнѣ, въ дополненіе къ тому, что я читалъ, чтобы я сдѣлалъ божескую милость, пожаловалъ хоть на минутку; что барышня не кушаетъ, не почиваетъ, всѣ глазки проплакала. Изъ дому, Богъ знаетъ, куда уходитъ и, пожалуй, что-нибудь надъ собой сдѣлаетъ. Всѣ эти подробности она рассказывала мнѣ очень трогательно и очень громко. Я попросилъ ее умолкнуть и кратко написалъ Марьѣ Васильевнѣ, что считаю излишнимъ къ ней являться, такъ-какъ прощанія между

нами кончены, а могу придти къ ней только въ случаѣ, если она рѣшительно скажетъ мнѣ, что ѣдетъ со мною. — «Это мое послѣднее слово», заключала я: — «я подожду вашего отвѣта до шести часовъ вечера и, если его не будетъ, завтра утромъ уѣду...»

Помню я этотъ день. Чего не сдѣлали три бессонныя ночи, то сдѣлала эта пытка ожиданія, замиранье сердца при каждомъ звонкѣ въ сосѣднихъ номерахъ, при каждомъ входѣ негѣлаго Фильки: я была разбитъ. Мишеля не было дома. Я не вышелъ изъ комнаты весь день, я не могъ подняться съ дивана. Выигрышъ и то, что у меня оставалось — было почти столько же, или немного болѣе того, что завѣщала мнѣ мой батюшка. Если этого было недовольно на нѣсколько мѣсяцевъ пошлой нищенской жизни въ дрянномъ провинціальномъ городишкѣ, — что же будетъ въ столицѣ?... Никакого другого вопроса не рождалось, не мелькало въ моей головѣ. Настойчивое однообразие мысли проводить за собою помѣшательство; минутами, какъ молнія, у меня прорывалось отчаянное предположеніе, что я схожу съ ума...

Филька, въ другой комнатѣ, топтался и возился. Наконецъ, онъ явился съ вопросомъ, ѣду ли я и что прикажу укладывать.

Было почти шесть часовъ. Ждать было больше нечего. Я отправился къ Смутовымъ за своими вещами. Дорогой, я вспомнилъ, что не видалъ старухъ съ того вечера, какъ объяснялся съ ними подъ окнами, что онѣ, вѣроятно, будутъ разспрашивать... Ну, и могутъ остаться при вопросахъ! Кончить все какъ можно короче и уйдти.

Меня приняли странно, — конечно, гнѣвались, но всѣ наши отношенія должны были кончиться чрезъ полчаса, а моя собственная забота была слишкомъ тяжела, чтобы еще прибавлять къ ней скорбь о старухъ дѣвахъ. Онѣ и сами, впрочемъ, были какія-то странныя, — сидѣли безъ дѣла, понигнувъ головами; одна Дунечка слѣпила глаза за шитьемъ у окна; супруга отца Алексѣя, сложивъ руки, жалась у стѣны. Всѣ безмолвствовали. Я съѣлъ не выпуская фуражки. Заговорила Любовь Александровна.

— Давно не видались.

— Да. И я пришелъ проститься.

— Ёдешь въ Москву? спросила Александра Александровна.

— Да, съ Мишелемъ, завтра.

— Вотъ, третьяго дня принесли, должно быть, отпускъ тебѣ; я росписалась, что получила, сказала Любовь Александровна, подавая мнѣ конвертъ.

Я распечаталъ, просмотрѣлъ бумаги и опустилъ ихъ въ карманъ.

— Это не отпускъ, а увольненіе. Я вышелъ изъ гимназіи.

— Вотъ тебѣ разъ! вскричала Александра Александровна.

— Стало быть, надолго уѣзжаешь? А потомъ какъ? спрашивала старшая.

Даже Дунечка обернулась и слушала:

— Я уѣзжаю совсѣмъ, навсегда, сказала я.

— Завтра?

— Завтра утромъ.

— Какой проворный! отозвалась Александра Александровна.

Попадья заохала.

— Съ Марьей Васильевной видѣлся? спросила, помолчавъ, Любовь Александровна.

— Нѣтъ. Мнѣ нѣтъ времени. Потрудитесь передать ей мое почтеніе. Теперь, позвольте мнѣ собраться, поблагодарить васъ за ваше вниманіе... Если когда случится быть въ N, конечно, заѣду...

— Да ужъ не застанешь, сказала тихо и спокойно Любовь Александровна: — насъ самихъ недѣли черезъ двѣ здѣсь не будетъ.

— Какимъ образомъ?

— Такъ случилось! храбро отвѣчала Александра Александровна, и тотчасъ же заплакала.

Старшая сестра только отвернулась. Попадья тоже захныкала. Дунечка, вдругъ залившись слезами, побѣжала изъ комнаты. Любовь Александровна поймала ее за платье у своей двери.

— Куда ты?

— Это она о садѣ, о вишенкахъ своихъ! сказала Александра Александровна: — вотъ тебѣ, Дуня, и вишенки!

— Ей не вишень жаль, ей насъ жаль, возразила настойчиво Любовь Александровна и прижала Дунечку къ своему сердцу. — Она видитъ наше огорченіе. Полно, мой другъ. Его святая воля. Богъ далъ, Богъ и взялъ. Мы было все тебѣ прочили, а прочить ничего не должно. Смирись и трудись... Люди же живутъ...

— Тетеньки... раздался робкій голосъ...

Въ комнатѣ была Марья Васильевна. Она вошла незамѣченная среди сумерекъ и печали, да впереди ея еще Пелагея тащила самоваръ.

— Тетеньки, правда ли, я сейчасъ услышала...

— Правда, матушка, отвѣчала Александра Александровна. — Утромъ сегодня приходилъ. «Веселье ваше, теперь, говорить,

у меня, а срокъ ему четвертаго сентября; такъ какъ вамъ угодно, потому — проценты не плачены. А я знаю, говорить, у васъ денегъ нѣтъ, и капитала нѣтъ; такъ домъ, если угодно, я возьму въ уплату...» Утромъ, вотъ, сегодня говорилъ...

— Кто это? спросилъ я.

— Полозовъ, купецъ, сосѣдъ ихній, отвѣчала мнѣ попадьа.

— Какъ же попалъ къ нему вексель, тетеньки? спрашивала Марья Васильевна.

— А ужъ какъ попалъ! вскричала, размахнувъ руками, Александра Александровна: — про то Богъ вѣдаетъ!

— Бревновъ ему продалъ, отвѣчала Любовь Александровна. — Самоваръ *уйдетъ*, Сашенька.

Она будто рисовалась своимъ спокойствіемъ; своего рода кокетство, не оставляющее женщинъ ни въ какомъ возрастѣ.

— Сынокъ-то не въ батюшку, рассказывала Александра Александровна: — продалъ да съ дружиной ушелъ, — лови его! Хоть бы, по крайности, слово связалъ, предупредить бы...

— Ну, чтожь бы изъ его предупрежденія? возразила Любовь Александровна: — заплатитъ намъ нечѣмъ, это всякій ребенокъ знаетъ. Еслибъ еще мѣсяцъ назадъ... Егоръ Егоровичъ былъ живъ...

Тутъ воспоминаніе о другѣ ее смутило. Необыкновенная живучесть женственности! И главное — женственность безкорыстная, въ чужъ удостоверила попадьа.

— И, матушка Любовь Александровна! сказала она: — а у Егора-то Егоровича какіе были достатки? все равно — ничего. Что господину Бревнову было, отъ его богатства, покойнику, возможно...

— Вотъ сынокъ-то покойникову богатству глазки протреть. прервала Александра Александровна: — сказывали, онъ тамъ дѣв ночи къ ряду, «на право, на лѣво», у Орлова въ гостиницѣ. и чего-чего не было...

Я пошелъ въ свою комнату, собраться; это было очень недолго, благодаря порядку, котораго я всегда строго требовалъ отъ безчисленной женской прислуги. Никифоръ повезъ въ гостиницу мои чемоданы; я закричалъ ему въ окно — послать мнѣ извозчика, и въ ожиданіи, убралъ свои бумаги въ дорожный мѣшокъ. Я сошелъ внизъ, увидѣвъ подѣхавшія дрожки.

Въ гостиной, уже давно, громко и жарко говорили. При моемъ входѣ Марья Васильевна убѣжала въ другую комнату и всѣ принужденно замолкли. Попадья и Дунечки не было. Обѣ дѣвы смотрѣли на меня съ ожиданіемъ — конечно, ждали чувствительности, которой я не имѣлъ, не могъ и не желалъ имѣть.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тупоуміе окружающихъ заразительно: мнѣ было глупо-неловко въ этой сценѣ.

— Ну-съ, прощайте, сказалъ я, подходя къ старшей сестрицѣ и колеблясь — обречь, или не обречь себя на поцалуй этой желтоватой магкой руки: — позвольте еще разъ поблагодарить васъ, пожелать всего лучшаго, всѣхъ успѣховъ...

— Это молодымъ — успѣхи, отвѣчала, приподнимаясь, Любовь Александровна: — наша жизнь кончена.

— Да и молодому-то надо, съ чистой совѣстью!... начала меньшая.

На прощанье, вмѣсто смоквъ, игривая Сашенька угощала меня моралью! Я чуть не разразился хохотомъ и, чтобы зажать его, ткнулся носомъ въ руки обѣихъ дѣвъ, — иначе, не хватило бы рѣшимости. Свершивъ подвигъ, я выскочилъ на крыльцо. Кажется, звали Дунечку; мнѣ показалось, что и попадья гонится за мною...

У Мишеля были кто-то двое. Говорили о дѣлахъ, считали деньги и стали играть. Я сдалъ свои вещи и остался въ своей комнатѣ. Мнѣ хотѣлось разсѣяться игрой, но по сердцу проползло отвратительное чувство: что, если я проиграюсь?... Всѣ тревоги дня возобновились еще упорнѣе, а за ними, вдругъ, мгновенно, будто упало на голову что-то тяжелое, удушающее, лишающее сознанія. Я сидѣлъ у окна, одинъ, даже не глядя предъ собою, жегъ сигары, опьяняясь крѣпкимъ куреньемъ, и понимая только одно, — что у меня ничего не оставалось...

— Вамъ записка, сказалъ Филька.

«Пріѣзжайте ко мнѣ, сдѣлайте одолженіе; очень нужно васъ видѣть, посылаю пролѣтку».

Любовныя записки провинціаловъ очень оригинальны.

Эта записка меня будто толкнула; я читалъ ее, будто не очнувшись съ просонка. Будь я настроенъ иначе — я сталъ бы надъ нею раздумывать; я сталъ бы взвѣшивать, насколько, уступая этой просьбѣ, я уступлю своего собственного достоинства. Но я не могъ думать, я былъ безсиленъ... Будь благословенна судьба, пославшая мнѣ въ эту минуту это отсутствіе силы! Еслибы во мнѣ оставалась рѣшимость, сознаніе, я бы не поѣхалъ и... я бы все погубилъ!

Мишель и его гости были на крыльцѣ; завидя еще въ окно, они выбѣжали смотрѣть съраго рысака, котораго за мною прислали. Это былъ прелесный «Демонъ», еще похорошѣвшій въ этотъ годъ отъ нѣженья и корма. Онъ не стоялъ, ржалъ, сверкалъ глазами, билъ копытами. Господа любовались, восхища-

лись; спрашивали кучера, спрашивали цѣну, суетились кругомъ, какъ цыгане.

— Его надо на бѣга! призъ возьметъ! кричалъ Мишель, знатокъ дѣла.

— И то Марья Васильевна хотѣла, да пожалѣла мучить, разсказывалъ кучеръ: — Марья Васильевна ужъ такъ его любить, просто, целуетъ, изъ своихъ рукъ сахаромъ кормить...

Я дрервалъ болтовню, садясь на дрожки.

— Поѣзжай шагомъ; еще этотъ чортъ шею сломить.

— Когда васъ ждять, Сергѣй Николаевичъ? спросилъ Мишель.

— Черезъ полчаса, отвѣчалъ я хладнокровно.

Откровенно признаюсь — у меня замирало сердце; я не былъ готовъ ни на отказъ, ни на новую борьбу. Я до сихъ поръ не могу придумать, чтò сдѣлалъ бы я, чтò было бы со мною...

Въ гостиной едва мерцала свѣчка. Марья Васильевна ходила взадъ и впередъ. Я остановился въ дверяхъ.

— Сережа! вскрикнула она и упала ко мнѣ на шею.

Буря слезъ и поцалуевъ.

— Я ужъ тебя и не ждала! Возьми меня въ собою!

Это было коротко и ясно. Я отвѣчалъ жаркими объятіями и бросился къ ея ногамъ. Въ эту минуту, я въ самомъ дѣлѣ любилъ ее: она меня спасала... Судьба избавила меня отъ такого униженія: оказывалось на дѣлѣ, что я спасалъ ее.

— Тетеньки все знаютъ... весь городъ все знаетъ! лепетала она, рыдая: — мнѣ нѣтъ мѣста здѣсь, нѣтъ мѣста нигдѣ, у меня нѣтъ никого, кромѣ тебя... Я съ тобой, твоя, вездѣ, хотъ на край свѣта!...

Я остался у ней; такъ-какъ она ужъ рѣшилась, прятаться больше было нечего. Но она ужъ ничего и не помнила, въ слезахъ, въ заботѣ, въ восторгахъ. Она была счастлива, я любилъ ее, я рисовалъ ей поэтическія картины счастья, я былъ веселъ, доволенъ, я тысячу разъ страстно твердилъ ей, что счастливъ; я заставилъ ее сознаться, что необходимъ ей, что безъ меня ея существованіе безцѣльно, темно, что высшее счастье для женщины — полное самоотреченіе для счастья любимаго человѣка...

— А ты любишь меня? повторила она.

— Ты спрашиваешь? повторялъ я, заключая ее въ объятія.

Не надо было давать ей опомниться и потому я былъ противъ долгихъ сборовъ и рано утромъ, приказалъ ей собраться. Открылось, что въ эти три дня, хотя не рѣшаясь, хотя почти отказы-

ваясь—она уже соображалась, и готовилась. Она называла свою блажь тоже «борьбою»; я не стал спорить о словах, но просил ее обратить внимание на истинный, который заставлял ее «соображаться и готовиться».

— Не ясное-ли доказательство, что безъ меня ты жить не можешь? спрашивалъ я.

Послѣдовало много междометій, послѣ которыхъ мы заговорили связнѣ. Я спросилъ о существенныхъ обстоятельствахъ; все было въ порядкѣ. Начались сборы, явились люди, горничная, сундуки. Поднялась и старая вѣдьма, тетенька, и явилась вл�сть непокорную племянницу, которая опять принялась за слезы. Мнѣ это надоѣло, я вступился, но такъ ловко и деликатно, что успокоилъ обѣ стороны, сколько могъ.

— Милый ты мой! воспециала Марья Васильевна, когда тетенька удалилась:—добрый, ласковый!... Ты не думай, чтобъ я о ней не позаботилась. Нѣтъ, слава Богу, она у меня устроена, давно устроена. Какъ только папенька скончался, я ей три тысячи записала, да этотъ домъ на ея имя купила; она совсѣмъ успокоена...

— Изъ чего ты это дѣлала? къ чему такія роскоши?

— Ахъ, на случай, милый! какъ-же не обезпечить? Ну, я бы вышла замужъ... или, вотъ, теперь, куда ей съ нами? А какъ-же ее оставить безо всего? Теперь у нея весь полный домъ, мебель, все остается, и я покойна...

— Не дурно!... сказалъ я, удерживаясь, единственно чтобы не испортить добраго согласія.

— Да вѣдь ты подумай: ей почти семьдесятъ! она и къ людямъ привыкла, которые ей служатъ, и къ углу своему...

— Не дурная богадѣльна съ шелковой мебелью! прервалъ я.— Однако, нечего толковать о вздорахъ. Угладывай сама серебро и всѣ остальные цѣнные вещи, чтобъ не растащили. Тетенькѣ этого, полагаю, оставлять не нужно. А мнѣ дай сейчасъ шватулку съ вазной и брилліантами, я отвезу ее къ себѣ, а то въ суматохѣ, ты и не усмотришь, какъ украдутъ.

— Твоя правда, отвѣчала она безпрекословно.

— Однако, тяжеленька! сказалъ я, смѣясь и взявъ шватулку: — пожалуй, и не довнесешь.

— Я велю заложить пролетку; прикажешь «Демона?»

Мнѣ пришла чудесная мысль.

— Нѣтъ, не надо, сказалъ я:—есть и извошники. А вотъ что. Лошадку эту надо или продать, или съ собой взять. Продавать здѣсь—кому? продешевить. Вести — куда? У насъ въ Москвѣ

покуда ни квартиры, ни людей. Здѣсь до тѣхъ поръ оставить? Безъ насъ, пожалуй, испортятъ.

— Ахъ, нѣтъ! я прикажу, попрошу тетеньку...

— Что твоя тетенька смыслить и кому ты прикажешь? Нѣтъ, вотъ что. Все равно терять; лучше подарить Демона.

— Кому?

— Мишелю. Онъ вчера любовался. Ты этимъ его мило расположишь... вѣдь Мишель — твоя новая родня.

Я смѣялся; она призадумалась.

— Впрочемъ, какъ тебѣ угодно; это твое, прибавилъ я, я, будто машинально, поставилъ шкатулку на столъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не мое... Только, вотъ что... ты ему ужь отъ себя подарил, сказала она и заплакала, обнявъ меня.

— Ребеночекъ! сказала я, смѣясь: — жаль лошади? Еще лучше будутъ!

— Нѣтъ, не лошади жаль...

Я далъ себѣ мысленно вѣтъ никогда не дослушивать подобныя вещи.

— Такъ прислай же Демона черезъ часокъ туда, сказалъ я, взявъ опять шкатулку. — А я похлопочу. Надо купить экипажъ, не въ телегѣ-же трясись. Тутъ въ гостиницѣ оставлена продавать чья-то карета, не новая, но можетъ быть, годится.

— Хорошо, купи, сказала она: — возьми же ключъ отъ шкатулки.

— У меня есть деньги, отвѣчалъ я, пряча ключъ въ карманъ. — Вѣдь у насъ — общее?

— О, радость моя, конечно, конечно общее!... Ахъ, нѣтъ, не общее, а все твое! Но развѣ у тебя еще были?

— Какъ-же, я выигралъ.

— У кого? у Ветлина?

— У Бревнова, отвѣчалъ я неосторожно, и больше, по забывчивости, потому что спѣшилъ.

Мишель было-заупрямился и не хотѣлъ еще оставаться, но я уприсилъ его. Я рассчитывалъ на его практическую мудрость для сборовъ и путешествій, на его присутствіе для лучшаго и благополучнаго устройства дѣла... я былъ еще очень молодъ! Теперь я даже не могу опредѣленно объяснить, чего собственно мнѣ было отъ него нужно. Правда, онъ выгодно сторговалъ мнѣ старую четырехмѣстную карету, напомнилъ скодить къ опекуну, исправить разныя формальности, научилъ взять видъ изъ полиціи для Марьи Васильевны, но затѣмъ, усѣлся за карты. Меня тревожилъ дѣтскій страхъ за шкатулку, которую я сначала не зналъ куда спрятать, а наконецъ догадался вовсе не прятать,

потому что старая вещь изъ какого-то бурога перетрескавшагося дерева не могла обратить ничьего вниманія. Совершенно справедливо, что первый успѣхъ туманить. Мнѣ нужно было призывать на помощь всю мою выдержанность порядочнаго человѣка, чтобъ сохранить хладнокровіе, не казаться слишкомъ веселымъ и не хвастаться... потому что, признаюсь, минутами у меня являлось и это мелкое желаніе и нужно было много силъ, чтобъ обуздать его!...

Я не игралъ; мнѣ даже странно не хотѣлось играть. Взглянувъ въ окно, я сказалъ, — признаюсь, сдерживая волненіе:

— Мишель, тебѣ вчера понравилась моя лошадь. Вотъ, ее ведутъ. Ты меня очень обяжешь, если возьмешь ее себѣ.

Игравшіе были вчерашніе господа; они, и самъ Мишель разинули рты отъ удивленія... Это была первая минута официального признанія моего значенія, первая минута моего водворенія въ мои же правахъ.

Мишель угостилъ насъ славнымъ обѣдомъ; это было ужъ прощанье; отъѣздъ назначенъ непремѣнно завтра. Только вечеромъ могъ я придти къ Марьѣ Васильевнѣ. Въ прихожей я увидѣлъ чей-то картузь, изъ гостиной слышались голоса. При моемъ входѣ, Марья Васильевна вскочила съ дивана, блѣдная. Посѣтитель, сѣдой, бородатый старикъ въ кафтанѣ, поднялся тоже и кланяясь, смѣрилъ меня взглядомъ. Я поклонился холодно, молча:

— И такъ, прощенья просимъ, барышня, заговорилъ гость:— счастливаго вамъ пути и всякаго благополучія. У насъ соскучились, ну, тамъ повеселитесь; Богъ пошлетъ вамъ за вашу добрую душу. Кто стараго да малаго не оставляетъ, тому самъ Богъ помощникъ; вотъ и вамъ...

— За что васъ такъ прославляютъ, Марья Васильевна? спросилъ я, заинтересовавшись комедіей.

Она не отвѣчала, блѣднѣя еще болѣе; заговорилъ опять гость.

— Вотъ-съ, за ихъ добрую душу. Узнала барышня, что нечаяннымъ образомъ должнокъ есть у меня на ихъ тетенькахъ, Любовь Александровнѣ и Александрѣ Александровнѣ, да нынче весь день съ утра меня искала, то въ домъ ко мнѣ, то въ лавку, покуда мнѣ, вотъ, къ вечеру удосужилось самому придти. Не хочу передъ Богомъ грѣшнить, Марья Васильевна, кабы вы такъ не просили, не приставали ко мнѣ, — ни за что бы я вашихъ денегъ не взялъ!

— А вы взяли? спросилъ я.

— Какъ же-съ; вѣдь я заплатилъ господину Бревнову чистымъ, такъ и мнѣ слѣдовало. И вѣдь мнѣ расцѣтъ, потому, — домъ ихъ тетенокъ какъ разъ у меня подъ бокомъ, очень мнѣ

выгодно. Ни за что бы я не уступилъ никому, да ужь барышня разжалобила. И какъ она это скоро—денегъ нѣтъ — серебро въ лавку, шали къ татарамъ. И напрасно вы, сударыня, продали; я бы серебро у васъ въ ту же бы цѣну взялъ... Вѣдь кака, какъ молила-то! Это вы, матушка, никогда впередъ, ни передъ кѣмъ не дѣляйте; сказано: «единому Господу поклонимся»... Ну-съ, такъ дай вамъ Богъ! Вотъ, встали, и свидѣтель случился, что я деньги получилъ, — вотъ онѣ, — и вексель подписалъ и самъ его изорвалъ. Отъ своего слова не откажусь.

Онъ перекрестился на образъ, поклонился и опять сказалъ:

— Прощенья просимъ, я въ Москвѣ буду, васъ навѣщу.

Она побѣжала провожать его, захвативъ со стола разорванную бумагу. Это довершило мѣру моей злости.

— Такъ-то у васъ *все за одно?* вскричалъ я, когда она появилась: — тайны, сдѣлки, продажи? Такъ-то вы бережете *наше общее?* Вы еще называли это *моимъ!* Если *мое*, такъ вы у меня градете, поймите это! Кто жь мнѣ поручится, что вы и во всемъ меня не обманете?...

Она упала на колѣни, влялась, что это изъ какихъ-то «состатковъ», изъ какихъ-то «сразмѣненныхъ»... Мнѣ было гадко! И слезъ цѣлые потоки, и полиѣйшее непониманіе, что она меня одурачила, обобрала, продала! Я узналъ этотъ характеръ; мнѣ предстояла вѣчная осторожность, и я мечталъ о свободѣ... Я не помнилъ себя отъ гнѣва; не помню своихъ словъ, не помню своихъ поступковъ въ этотъ вечеръ, — я былъ ужасенъ... Но я сломалъ ее, я покоришь ее, я заставилъ ее у ногъ моихъ просить прощенья, заставилъ ее поглядѣться, что она не выйдетъ изъ моей воли... Да и куда бы пошла она? средства были въ моихъ рукахъ!...

На другой день, наконецъ, отъѣздъ былъ рѣшенъ. Карету нагружали съ утра у Марьи Васильевны, но укладки и ящики дотянули дѣло до вечера. Я не выходилъ отъ нея, и только когда все было готово, пошелъ къ Мишелю звать его ѣхать. Воротясь съ нимъ вмѣстѣ, мы оба очень удивились, узнавъ, что Марья Васильевна нѣтъ въ домѣ.

— Пропала? сказалъ Мишель, хохоча очень обидно. — Остальное все ли цѣло?

Все было цѣло, но тѣмъ глупѣе, тѣмъ хуже: она доказывала, что жертвуетъ всѣмъ, но не хочетъ знать меня! Виѣ себя отъ этого новаго, неожиданнаго, невообразимаго оскорбленія, я по-звалъ горничную, которая должна была ѣхать съ нами. Она

тоже бѣгала куда-то прощаться и объявила, что Марья Васильевна сейчас воротится, пошла ко всенощной.

— Какая богомольная! замѣтилъ Мишель.

— Куда жъ она пошла? спросилъ я.

— Къ Покрову, къ тетенькамъ.

Я взялъ фуражку.

— Вы ее не найдете; позвольте, я съ вами.

Субретка проводила меня, благо не далеко. Всенощная ужъ кончилась, расходились. Въ сумеркахъ конца августа, среди множества народу, я, въ самомъ дѣлѣ, затруднился бы найти Марью Васильевну, тѣмъ болѣе, что она была закостюмирована.

— Вотъ онѣ, сказала горничная, показывая на особу въ темненькомъ платьѣ, неуклюже-закутанную ковровымъ платкомъ, которая отдѣлилась отъ темноты, гдѣ пряталась, и догнала какую-то дѣвчонку, въ торчащей шляпкѣ. Всѣ эти фигуры двигались какъ тѣни. Я подошелъ и разслышалъ:

— Дунечка!

Дѣйствительно, это была Дунечка, отставшая отъ своихъ благодѣтельницацъ; тѣ ужъ всплывали на свое крыльцо. Марья Васильевна шепталась съ дѣвчонкой, сунула ей что-то въ руку, потомъ еще что-то и принялась цаловаться.

— Не довольно ли? Успѣли бы цѣлую станцію отѣхать, свазалъ я.

Дунечка убѣжала. испугавшись. Марья Васильевна испугалась не меньше.

— Ъдете ли вы со мною, или нѣтъ? спросилъ я.

Двѣ проходящія барыни заглянули ей въ лицо.

— Пойдемъ, сказала она.

Я посадилъ ее на дрожки.

— Зачѣмъ вы сюда бѣгали?

— Помолитесь... Проститесь.

— Да онѣ тебя за порогъ выгнали!...

— Никогда! Я сама имъ не смѣю показаться. Я къ Дунечкѣ...

— Что ты ей отдала?

— Тотъ вѣсель, что разорванъ...

— И еще что?

— Еще... ничего.

— Точно ничего?

— Сережа, такъ, немножко, ей дѣвчонкѣ... Ну, и имъ немножко. Сережа, вѣдь у насъ все есть! А имъ... зима подходит...

— Когда жъ ты перестанешь лгать и обманывать? возразилъ я. Съ чувствительными особами надо брать свои мѣры...

*

Но я увезъ ее въ Москву.

Сначала я остановился въ *chambres-garnies*, потомъ нанялъ домъ и устроился. Марья Васильевна не оставляла меня три года, послѣ которыхъ избрала себѣ мѣстопробываніемъ одинъ изъ безчисленныхъ монастырей, украшающихъ первопрестольную столицу. Эта милая особа умѣла утаить отъ меня сумму, заплаченную за нее въ обитель. Недавно, *Floirine* хотѣла видѣть мою «первую», «*mon ancienne*», мы ѣздили туда и я видѣлъ самъ: у Марьи Васильевны двѣ комнаты; въ московскихъ монастыряхъ такія кельи не дешевы. Эта предусмотрительная особа только ошиблась, рассчитывая на помощь «домашней тетеньки»; та распорядилась отдать святымъ людямъ все, что имѣла, — тоже не бездѣлица. Не знаю, что стало съ Смутовыми. Дунечку я какъ-то встрѣчалъ бѣгающую съ книгами и тетрадами; она очень высоко поднимала носъ и не удостоивала мнѣ кланяться. Должно быть, достигла своей цѣли — выспихъ познаній...

Вотъ мое начало. Я сломалъ препятствія, не давъ имъ сломить себя, я укрѣпилъ и развилъ свои силы; я покорилъ себѣ жизнь и людей, я боролся и вышелъ побѣдителемъ и съ тѣхъ поръ мнѣ во всемъ удача. Я иду прямо и не знаю глупыхъ оглядокъ: моя счастливая звѣзда меня никогда не оставляла. Марья Васильевна была не единственная и не послѣдняя женщина на свѣтѣ...

Я пишу эти строки обезпеченный, довольный. Я удивляю и удивляю своимъ умѣньемъ жить, роскошью, свѣтскимъ тактомъ. Я счастливъ...

Мое первое счастье досталось мнѣ не безъ труда, и перемѣны счастья проходятъ не безъ заботъ... Я знаю, противъ этого резонеры-моралисты и всякіе «труженики» найдутъ сказать много. Но, если говорить, что голова и руки могутъ и должны зарабатывать намъ существованіе, то почему же не можемъ и не должны употреблять столько же въ дѣло нашу красоту и привлекательность? То и другое равно — способность, сила; то и другое доставляетъ средства; то и другое, наконецъ, равно — даръ божій.

В. Крестовскій (псевдонимъ).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Пятая часть.

X.

Древняя Русь, для удовлетворенія законовъ справедливости, считала неизбѣжнымъ разбойниковъ и татей бить внудомъ, а пушкѣ заводчиковъ поднимать на висѣлицы по одному человѣку въ городѣ; зажигателей также вѣшала; дѣлателямъ фальшивой монеты отсѣвала обѣ ноги и лѣвую руку; женъ, за убійство мужей, закапывала живыми въ землю. Отступниковъ отъ вѣры, религіозныхъ мыслителей, заурядъ съ колдунами, ставили въ деревянные срубы и сожигали живьемъ. Государственныхъ преступниковъ колесовали, четвертовали или отрубали имъ головы. Въ большинствѣ же случаевъ къ нимъ примѣняли ссылку въ самыя глухія и скудныя мѣста въ расчотѣ на медленныя муки нравственной тоски и одиночнаго заключенія и на вѣроятіе мучительной смерти отъ голода.

Таковыми путями гонялись за правдой и полагали ее удовлетворенной во все время, пока неизвѣстна была Сибирь и мѣстами ссылки и заточеній могли служить сѣверные монастыри и пограничныя остроги, но къ мѣрамъ короткой расправы прибѣгалъ еще и тотъ московскій царь, который впервые сталъ титуловаться сибирскимъ. Потухающими глазами одряхлѣвшаго старика, измучившій всѣхъ и самаго себя до острой и смертельной болѣзни, взглянулъ Иванъ Грозный на соболей, привезенныхъ атаманомъ Кольцомъ отъ Ермака; успѣлъ выговорить казнь завоевателямъ дѣлаго татарскаго царства, за разбой и грабежи на Волгѣ, за своеволія на Камѣ, но за приращеніе московской земли новымъ громаднымъ косякомъ плодородныхъ земель на Иртышѣ и Тоболѣ, усталый и изнеможенный царь послалъ Ермаку съ своихъ надломленныхъ плечъ бархатную шубу и охотливо выговорилъ прощеніе на этотъ

разъ, — во всю жизнь не терпя никаких своеволий. Затѣмъ едва успѣлъ онъ послать въ Сибирь своихъ воеводъ, годъ одинъ повеличаться въ московскихъ соборахъ царемъ сибирскимъ, въ началѣ марта 1584 года, тяжело занемогъ и, едва успѣвъ уже полумертвымъ постричься въ монахи, скончался. Сыну его досталась готовою страна во всѣхъ соблазнительныхъ условіяхъ лучшаго ссыльнаго мѣста въ цѣломъ свѣтѣ: въ 1592 основанъ одинъ изъ первыхъ сибирскихъ остроговъ Пелымъ, и для заселенія его употреблены огуломъ первые ссыльные люди за государскія винны—угличане, сосланные по дѣлу царевича Дмитрія. Черезъ десять лѣтъ въ городкѣ этомъ сидѣлъ уже новый сибирскій ссыльный В. Н. Романовъ, сосланный за государственный преступленія «за намѣреніе отравить ядомъ царя Бориса». Съ этихъ поръ возмездіе за государственный преступленія стало считать себя удовлетвореннымъ съ удаленіемъ виновныхъ людей въ самыя глухія мѣста Сибири въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ. Оставляя преступниковъ за приставами въ тяжелыхъ желѣзахъ, возмездіе находило предѣлъ собственному успокоенію въ лишеніи ссыльныхъ общенія съ людьми, облегченнаго урѣзываніемъ языковъ. Виновные стали получать патенты на ссыльное право съ вырѣзанными ноздрями, ушами и приняныхъ способахъ искалеченія. Справедливость считалась отысканною и месть удовлетворенною, если ссыла въѣла подвергнутыхъ ей измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, какъ непремѣнная принадлежность ссылки, на томъ же основаніи, какъ обязательно было до сихъ поръ это голодное право для всѣхъ, подвергавшихся монастырскому и острожному заточенію еще до предѣловъ Уральскаго хребта.

Молодой юноша Василій Никитичъ Романовъ, сосланный въ 1607 году по доносу холопа, къ утѣшенію тосковавшихъ «объ московскомъ винѣ и табакѣ» приставовъ, истаялъ отъ голоду въ одинъ годъ и умеръ въ душевной землянкѣ въ оковахъ, несмотря на то, что — по преданію — пелымскіе жители выучили дѣтей своихъ, играя возлѣ тюрьмы, носить узнику въ дудочкахъ квась, молоко и подобныя припасы. Приставъ поступалъ съ нимъ круто: держалъ скованнымъ въ избѣ, мимо которой проходной дороги не было. Василій былъ боленъ все время «счуть живой на цѣпи; ноги опухли: я цѣпь снялъ (пишетъ приставъ). Сидѣлъ у него братъ Иванъ, и дѣтина (слуга) Сенъба. И я ходилъ и попа пускалъ». Когда умеръ, — похоронилъ: далъ по немъ тремъ попамъ да дьячку да пономарю 20 рублевъ. Иванъ боленъ старую болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ (Ивана Никитича перевели по-

томъ въ Уфу и поверстали на службу въ Нижній). Старшій братъ его, любимецъ московскаго народа, посаженный въ земляную тюрьму въ селѣ Ныробѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Чердыня Пермск. губ.), не прожилъ въ заточеніи и одного года, несмотря на то, что владѣлъ громадною физическою силою, о которой слава ушла въ преданіе, обладалъ высокимъ ростомъ и весьма плотнымъ тѣлосложеніемъ. Пока копали яму для тюрьмы и ссыльный стоялъ у саней, на которыхъ привезли его (говорить народное преданіе), и когда завалило его снѣгомъ, М. Н. Романовъ схватилъ обѣими руками сани и отбросилъ ихъ шаговъ на десять въ сторону, а сани едва трогали съ мѣста пять чело-вѣкъ. До сихъ поръ въ Ныробской церкви показываютъ однихъ желѣзъ его на два пуда вѣсомъ: такъ называемый стулъ или плечныя желѣза въ 39 фун., ручныя желѣза въ 12 фун., кандалы или ножныя въ 19 и замокъ въ 10 фунтовъ. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными съѣстными припасами, приставъ не замедлилъ шесть чело-вѣкъ отослать въ Москву за крѣпкимъ карауломъ: при царѣ Шуйскомъ, изъ нихъ вернулись домой только двое; остальные, послѣ жестокихъ пытокъ, умерли въ московскомъ заточеніи.

«Не постыдился бы я (пишетъ позднѣйшій заключенникъ въблизи устьевъ Печоры въ Пустозерскѣ Артамонъ Серг. Матвѣевъ) не постыдился бы я, — свидѣтель мнѣ Господь Богъ, — именемъ Его ходитъ и проситъ милостыню, да никто не подастъ, и не можетъ подать ради нужды. Жители голодомъ таютъ и умираютъ. Избенка дана мнѣ, а другая червь моему сынишку, ей-ей! — обѣ безъ печи и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а нынѣ дни мало что не замерзнемъ, а отъ угару безпрестанно умирали. А въ поддѣлтишкѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ. Таемъ голодомъ, а хлѣбъ привезли: мука чѣ отруби, и той не продаютъ». Сынъ страдальца, подкрѣпляя слова отца, свидѣтельствуешь, что бывали времена, когда у нихъ оставалось только три сухаря; приставъ (Тухачевскій) удѣлилъ имъ изъ своего запаса половину, самъ получая всего шесть пудовъ ржаной муки — и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти.

«А хлѣба даютъ намъ по полутора фунту на сутки (пишетъ въ посланіи царю Алексѣю другой пустозерскій заточникъ, товарищъ Авваума, распопа Лазарь) да квасу нужное даютъ, ей-ей, — и псомъ больши сего пометають, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же: ходимъ срамно и наго». Впрочемъ, четыре товарища по ссылкѣ за государственныя и религіозныя преступ-

ленія отъ голодной смерти избѣгли смертью въ срубѣ и огнѣ, уже въ царствованіе Алексѣева сына — Ѳедора.

«Мучаемъ животь своей (пишетъ В. В. Голицынъ—любимецъ Софіи изъ ссылки съ Пинеги) и скитаемся христовымъ именемъ; всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И помереть будетъ намъ томною и голодною смертію».

Уходя изъ XVII въ начало прошлаго столѣтія, мы видимъ, что на той же окраинѣ (на устьяхъ Двины въ Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ) надъ однимъ ссыльнымъ (новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ), разыгрывается продолженіе древней русской драмы, ованчивавшейся въ послѣднемъ актѣ тою же голодною смертію. Этому сопернику и врагу Ѳеодана Прокоповича, сосланному за дерзость противъ Екатерины I, и за бранныя слова на дворцовой караулъ, удалось прожить въ заточеніи всего 7 мѣсяцевъ и 11 дней. Получалъ онъ только хлѣбъ и воду. Архангельскій губернаторъ (Измайловъ), навѣстившій «растригу Ѳедоса» чрезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что онъ еще живъ. Ему отвѣчали: «когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернецу Ѳедосу» губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тюремной кельѣ, двери которой послѣ того «по прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить накрѣпко», а придетъ смерть похоронить въ томъ же монастырѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ церкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Ѳедосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее, — его перенесли на рукахъ. Старецъ успѣлъ проговорить на переносѣ: «ни я чернецъ, ни я мертвецъ: гдѣ судъ и милость?» Губернаторъ сказалъ ему «съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душъ своей милости». Измайловъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? «И на тотъ вопросъ ничего онъ, Ѳедосъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камилавкою, не открылъ». Съ тѣмъ губернаторъ и уѣхалъ. 3-го февраля получилъ онъ отъ фендрика рапортъ, что «онный Ѳедосъ, по многому клику для подавнїя пищи отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ». Велѣно фендрику еще покричать въ окно, какъ возможно громко и ежели по многому крику отвѣту онъ не дастъ, то на другой день тюрьму, распечатавъ, отпереть и его, Ѳедоса, осмотрѣть. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ и 5-го февраля съ нарочнымъ солдатомъ прислалъ губернатору объявленіе, что «онный Ѳедосъ умеръ». Не удалось примѣнить первое столичное предписаніе (предусмотрѣть близость смерти и причас-

тить узника) — попробовали исполнить второе: похоронили тѣло при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ; но петербургская тайная канцелярія этимъ не удовольствовалась! Велѣно «счинить анатомію, изъ Федосова тѣла внутренности вынуть», а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, положи тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы они ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами». Указъ о томъ послѣдовалъ 20 февраля; 2-го марта писано: мертвое тѣло не возить, — но было поздно. Кабинетскій курьеръ встрѣтилъ тѣло Федоса въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, на единѣ: «не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ — и того не явилось». 12 марта 1726 года тѣло похоронено въ Кириловомъ бѣлозерскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ новый вѣкъ выступалъ только съ тѣмъ новымъ прогрессомъ, что перестали ссылатъ колокола * и земляныя тюрьмы стали смѣняться надземными. Въ Ныробѣ въ каменной часовнѣ, подлѣ иконостаса, показываютъ въ каменномъ полу четырехъугольное отверстіе, служившее окномъ для свѣта и мѣстомъ, чрезъ которое подавали узнику Романову пищу. Надлѣво отъ входа въ часовню по спуску, устроенному позднѣе, и по каменнымъ ступенямъ вводятъ въ яму вышиною въ 2¹/₂ аршина. И теперь въ подземельѣ такъ мало свѣта, что глазъ съ трудомъ успѣваетъ разглядѣть мокрыя и мрачныя стѣны, выведенныя сводомъ въ одинъ кирпичъ на фундаментѣ изъ дикаго камня и надлѣво чуть-примѣтныя остатки печи. Печь эту сложили — поясняетъ преданіе — вскорѣ какъ привезли узника, когда морозы стали вѣрннуть. Народъ чтитъ желѣзныя оковы за святныя и надъ землянкой мученика выстроилъ каменную часовню, намѣсто деревянной и древней, въ 1793 году по указу Екатерины II. Въ теплой церкви на мѣстѣ сгорѣвшей вмѣстѣ

* До сихъ поръ въ Тобольскомъ Кремлѣ, подлѣ архіерейскаго дома, въ особенномъ, огороженномъ, мѣстѣ виситъ ссыльный углицкій колоколъ, въ который били набатъ послѣ убіенія царевича Дмитрія. Ссыльный колоколъ виситъ въ товариществѣ другихъ четырехъ, подобранныхъ подъ тонъ, и отличается отъ нихъ урѣзанными (отломанными) ушами, но съ цѣлымъ языкомъ, за то обгрызанными краями. На колоколѣ надпись: «сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку во градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на Торгу (теперь на яру, на берегу Иртыша), а потомъ на Софійской (соборной) колокольнѣ былъ часобитный». На вопросъ нашъ у туземцевъ: за что колоколъ сосланъ? Мы получили въ отвѣтъ: «пожаръ гдѣ-то былъ, — такъ гулку онъ не давалъ: за то и сослали».

съ церковью деревянной гробницы хранится сдѣланная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума съ товарищами, при благодушномъ царѣ Алексѣѣ, велѣно было рубить лѣсъ на Ижмѣ и сплавлять внизъ по Печорѣ въ Пустозерскъ: тамъ срубили четыре избы, пригодныя для человѣческаго жилья (судя по прописаннымъ въ указѣ размѣрамъ). Однако и послѣ Петра, при заточеніи Θεодосія Яновскаго, еще хлопотали борисовымъ обычаемъ о томъ, чтобы и наземная тюрьма походила на подземную. Борисъ Филарета Никитича Романова вѣдывалъ въ Антонія-Сійскомъ монастырѣ въ подцерковной кельѣ въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $1\frac{1}{2}$ ар. ширины, — посланный при Екатеринѣ I ревизоръ изъ Петербурга нашель, что у Θεодосовой кельи окно велико. Ревизоръ этотъ велѣлъ окошко завласть кирпичемъ, такъ что новое имѣло $\frac{1}{4}$ аршина въ вышину и $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину. Мостъ (т.-е. половницы) изъ той кельи были выбраны: узникъ оставленъ на сыромъ и холодномъ полу. Платя при немъ оставлено только что на немъ до постеля; денегъ ему ничего не дано. Приобщать его заказано разъ въ годъ въ великій постъ, не въ церкви, а въ темницѣ. Въ темницѣ сидѣлъ онъ «за тремя дверьми и замками и за печатями и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ — одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ. Показалось, что и тутъ близко люди ходять, — велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили мимо люди и тутъ построить другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и насыпать деревянный полъ, а печь топить съ надворья «и устье печное чтобъ близъ караула было».

Въ этомъ вѣкѣ, и именно въ началѣ его (въ 1724 году) въ Березовѣ былъ выстроенъ изъ зданія Воскресенскаго монастыря острогъ, специально предназначенный для государственныхъ преступниковъ: въ 1727 году вошелъ въ него А. Д. Меншиковъ съ семействомъ, а тотчасъ по выходѣ его и слѣдомъ за нимъ (въ 1730 году) князя Долгорукіе, потомъ въ 1743 году графъ Остерманъ. Послѣ него острогъ былъ заброшенъ и снесенъ на другое мѣсто подъ прісутственные мѣста: вмѣсто Березова полюбилась Камчатка. Уже Петръ не придерживался охранить Западной Сибири, и радѣя о портахъ приморскихъ, сдѣлавшій изъ Рогервнга (Балтійскаго порта) и Петербурга торговныя мѣста, послалъ государственныхъ преступниковъ въ Охотскій портъ.

До Петра тюрьмами для государевыхъ лиходѣевъ служили еще остроги и острожки, одинъ за другимъ, какъ грибы, выросшшіе въ лѣсныхъ мѣстностяхъ дивой и новой Сибири. Въ

остроги эти являлись государственные преступники въ числѣ первыхъ обновлять тюрьмы и справлять новоселья. Въ 1666 г. основанъ былъ за Байкаломъ Селенгинскій острогъ, и пока укрѣпляли его чеснокомъ или частоколомъ, пока внутри ограды успѣли построить церковь и деревянные избы съ застѣнками—по московскимъ образцамъ—для пнтокъ простыхъ ссыльныхъ, успѣшили срубить и избу съ «темными каютами» для великоважныхъ преступниковъ. Въ селенгинской секретной избѣ въ 1673 году сидѣлъ уже малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшной. Около 1630 года отстроенъ былъ Кузнецкій острогъ, и долго подвергался опасностямъ отъ нападеній татаръ и киргизъ, но лишь смирились послѣдніе и стало безопасно — въ Кузнецкій острогъ привезли нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвннговку, и т. д. Въ началѣ XVII вѣка такихъ остроговъ въ Сибири было уже много: на «Великой рѣкѣ Ленѣ» стоялъ острогъ Якутскій; въ дальнихъ Даурахъ—Нерчинскій, и Селенгинскій и даже «на великой рѣкѣ Амурѣ» — Албазинскій, гдѣ пѣлъ первый молебень государственный ссыльный протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Сверхъ того такія же сырыя и темныя тюрьмы стояли готовыми и въ монастыряхъ Туруханскомъ (Троицкомъ), Киренскомъ (Троицкомъ), Иркутскомъ (Вознесенскомъ), Селенгинскомъ (Троицкомъ, близъ Байкала), Нерчинскомъ (Успенскомъ) и даже въ Якутскомъ (Спасскомъ). Для женщинъ выстроены были особыя тюрьмы съ желѣзными рѣшотками въ монастыряхъ женскихъ богородицкихъ (тобольскомъ и енисейскомъ Рождественскихъ, Долматовскомъ Успенскомъ, и Иркутскомъ Знаменскомъ).

Семнадцатый вѣкъ, кончавшійся всплывами неудовольствій по поводу присоединенія Малороссіи, расприями съ раскольниками, нашедшими опору въ своевольныхъ стрѣльцахъ, передалъ новому вѣку много нерѣшенныхъ споровъ государственной важности. Восемнадцатый вѣкъ къ тому же начинался для Россіи громадною ломкою всего стараго отечественнаго и народнаго, распадавшагося подъ ударами тяжелой руки, направляемой и восполняемой иноземцами. Сильно хлынувшая волна схватывала отсталыхъ и, изуродовавши тѣла ихъ, выкидывала на пустынныхъ далекихъ берегахъ Сибири. Въ числѣ отсталыхъ и погибшихъ первыми и на большую часть оказались лица духовнаго званія: больше монаховъ, чѣмъ людей изъ бѣлаго духовенства. Второй напоръ волнъ потопилъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія и руководившихъ судьбами обновляемаго государства, потопилъ ихъ во время споровъ за престолонаслѣдіе и во время борьбы съ иноземцами. Волна была нераз-

борчива: съ равнымъ хладнокровіемъ хватала она противниковъ новизны, потащила слѣдомъ за ними и заводчиковъ новыхъ порядковъ. За ними впослѣдствіи понесла волна и мелкихъ людей, горожанъ и сельчанъ, людей слободскихъ и чернососныхъ, купцовъ и крестьянъ, злоупотребившихъ государевымъ «словомъ и дѣломъ», т.-е. объявившихъ ихъ за собою и не доказавшихъ одного изъ слѣдующихъ въ тому пунктовъ. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать исключительно такимъ, когда за государственныхъ преступленія ссылались преимущественно люди русскаго происхожденія, и ссылались въ такомъ множествѣ, подобное которому можно найти только въ Испаніи и во Франціи. Въ отнѣну отъ текущаго прошедшій вѣкъ, въ частности, представлялъ еще ту особенность, что наибольшее количество нѣмцевъ сослано въ Сибирь въ тѣ времена опредѣленной и энергической борьбы съ ними. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ нѣмцы въ ссылкѣ — поразительная рѣдкость, и нашъ вѣкъ, по роду государственныхъ преступленій, объявилъ перевѣсъ ссыльныхъ поляковъ надъ всѣми національностями, входящими въ составъ разноплеменнаго русскаго царства. Семнадцатый вѣкъ былъ безразличенъ.

Слѣдомъ за угличанами и Романовыми — ссыльными Бориса Годунова, въ молодую страну ссылки и пушчихъ страданій стали прибывать тѣ, которыхъ милости царицы избавляли отъ смертной казни: Борисъ прислалъ Богдана Бѣльскаго, предварительно выщипавъ ему по волоску густую длинную бороду. Съ главными заводчиками все-таки продолжали еще разсчитываться въ Россіи: Шуйскій Болотникова съ атаманомъ Нагибой утопилъ въ Каргополѣ; Лжепетра повѣсили, Заруцкаго посадили на колъ въ Москвѣ, Марина умерла въ тюрьмѣ, сына Марины повѣсили, Шаховскаго «всей крови заводчика» заточили на Кубенскомъ озерѣ въ пустынѣ. Если Дмитрій Самозванецъ и вызвалъ изъ ссылки всѣхъ Романовыхъ, тѣла умершихъ въ Сибири перевезъ въ Москву и съ почестями похоронилъ въ Новоспаскомъ монастырѣ, то онъ же отправилъ въ Сибирь изъ Галича дядю Отрепьева, гласно объявлявшаго о настоящемъ происхожденіи царя; дворянина Петра Тургенева и калачника Федора, толковавшихъ народу, что царь — обманщикъ и орудіе сатаны, Дмитрій казнилъ въ Москвѣ на той же площади, гдѣ они все это рассказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимофеева, дерзнувшаго уличать царя съ очей на очи.

При царѣ Михаилѣ отправили въ Сибирь изъ Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшаго войску, что не надо признавать новаго царя, такъ-какъ онъ избранъ безъ совѣта

съ царствомъ Казанскимъ. Сослали Салтыковыхъ за то, что государевой радости (женитьбѣ) причинили помѣху измѣною, когда царь хотѣлъ жениться на Марьѣ Хлоповой, и она занемогла, и несмотря на то, что дядя невѣсты Гаврило приписывалъ болѣзнь племянницы неумѣренному употребленію сладкихъ яствъ на радостяхъ. Въ 1634 году услали въ Сибирь остальныхъ отъ казенныхъ смоленскихъ воеводъ, позволившихъ въ городѣ укрѣпиться полякамъ и говорившихъ о смерти Филарета Никитича много непригожихъ воровскихъ словъ (чего и написать нельзя: Семена Прозоровскаго и Михайлу Бѣльскаго безъ женъ и дѣтей; одного сына Измайлова (Василья) простили; другаго били внудомъ и сослали въ сибирскую тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ съ литовскими людьми, съѣзжался и говорилъ многія непригожія слова и литовскихъ людей дарилъ; за то же самое и туда же пошлѣ Гаврило Бавинъ и Любимъ Ананьевъ (последній жилъ во дворѣ у Шенна въ шшахъ и подслушивался, и ссорилъ воеводу). Въ концѣ царствованія Михаила появленіе двухъ новыхъ претендентовъ, оспаривавшихъ у царя московскій престолъ, вызвало толпу доврчивыхъ людей, изъ которыхъ часть поплатилась за свою простоту ссылкой въ Сибирь, хотя и на этотъ разъ съ главными заводчиками успѣли раздѣлаться домашними средствами казней и Сибири имъ не судили. При сынѣ Михаила, Алексѣѣ, злое дѣло противъ государя обрекало на смертную казнь уже по прямому смыслу законѣвъ, собранныхъ въ Уложеніе. Самъ царь принялъ на себя право судебного приговора и въ томъ случаѣ, когда «кто учнетъ извѣщать великое государево дѣло, а свидѣтелей никого не поставитъ и ничѣмъ не улчить, и смысквати будетъ нечѣмъ», и въ томъ случаѣ, когда «кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество, въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ». Обо всѣхъ такихъ велѣно извѣщать государя или его бояръ, или ближнихъ людей, а въ городахъ воеводъ и приказныхъ людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажутъ за собою государево дѣло) — не вѣрять и пытать за татьбу, а послѣ пытки уже разспрашивать.

При царѣ Алексѣѣ сибирскіе остроги, слѣдомъ за гилевщиками (ходившими къ царю въ Коломенское смугой и толпой съ жалобой на упадокъ мѣдныхъ денегъ), увидѣли новыхъ доврчивыхъ людей, повѣрившихъ новымъ самозванцамъ: Стенькѣ Разину на Волгѣ и самозванцу царевичу Симеону Алексѣевичу въ Запорожьѣ. Анкудинова (Тимошку), выдававшего себя за сына Василія Шуйскаго въ Швеціи и не успѣвавшего найти со-

общниковъ въ Россіи, четвертовали въ Москвѣ; но товарищей донскаго казака Ѳедьки Шелудяка сослали въ Сибирь. Сибирскіе остроги въ это царствованіе начали, мало по малу, приобрѣтать значеніе государственныхъ тюремъ, и въ концѣ царствованія, этого государя обладали большимъ запасомъ политическихъ ссыльныхъ. На послѣднее обстоятельство въ значительной степени повліяло присоединеніе Малороссіи и тѣ замѣшательства, какими сопровождались непривычныя и неопредѣлившіяся отношенія добровольно присоединившагося края по смерти Богдана Хмѣльницкаго. Въ 1671 году малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго за то, что писалъ хульные рѣчи на государя и государство, и обѣщаль отдаться турецкому султану и служить ему, привезли въ Москву съ сообщниками: протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, Грибовичемъ и есауломъ Гвинтовкой. Бояре присудили имъ смертную казнь, привезли на болото за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислалъ гонца: пожаловалъ, по упрощенію дѣтей своихъ, велѣлъ Демку, да Ваську (брата его), Грибовича и Гвинтовку сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житіе. На другой день велѣлъ дать имъ въ милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвинтовкѣ по 5-ти; и отдать гетману всю его рухлядь. Бояре приговорили отпустить съ ними ихъ женъ и дѣтей: съ Демьяномъ отправились жена его Настасья, сыновья Петръ и Иванъ, дочь Елена, племянникъ Михайло Зиновьевъ и двѣ работницы. Съ Гвинтовкой жена и двое сыновей (Ефимъ и Ѳедоръ). Въ Тобольскѣ указано ихъ держать за вѣрными карауломъ скованными, но сибирскія вѣрныя не сдержали Василья Грибовича: онъ изъ Сибири бѣжалъ, скоронился отъ ссылки въ Запорожьѣ, но усугубилъ тѣмъ муки неволи для товарищей. Велѣно было разослать ихъ по дальнимъ острогамъ въ пѣшую казачью службу и держать скованными въ тюрьмахъ: Демьяна Многогрѣшнаго съ женою и однимъ сыномъ — въ Ягутскѣ (гдѣ онъ потомъ жилъ на свободѣ и оттуда, по просьбѣ, переведенъ въ Селенгинскій острогъ); брата гетмана, черниговскаго полковника Матвѣя Гвинтовку съ семействомъ — въ Кузнецкій острогъ. Въ томъ же году и по тѣмъ же городамъ разосланы изъ боярскихъ дѣтей пять челоуѣкъ съ женами и дѣтьми, каковыя всѣ — послѣ бѣгства Павла Грибовича — въ Туринскѣ разсажены были по тюрьмамъ, и когда изъ нихъ успѣли нѣкоторые также бѣжать — пойманныхъ бѣглецовъ велѣно бить кнутомъ въ Тобольскѣ и отослать въ дальніе сибирскіе города. Въ Ягутскѣ, на мѣсто Многогрѣш-

наго, присланъ былъ въ ссылку другой малороссійскій гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ съ сыномъ Яковомъ, гдѣ оба и умерли (одинъ въ 1692, другой въ 1695 г.). Къ нимъ не допускали людей, не давали ни чернилъ, ни бумаги; невѣстка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была въ Рождественскомъ енисейскомъ монастырѣ, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращенъ изъ Сибири и знаменитый запорожецъ Сѣрко, страшный Крыму, но показавшійся опаснымъ тѣмъ, что казаки хотѣли его избрать на мѣсто Многогрѣшнаго. Впослѣдствіи въ Якутскій острогъ, послѣ разныхъ казачьихъ смуть, присланы были: полковникъ Конюховскій, андрусовскій полковникъ Деценъ, кievскій Семень Третьякъ, ирклеевскій Малашъ, много казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. При Петрѣ въ Енисейскій острогъ былъ посаженъ полковникъ Семень Палѣй, какъ измѣнникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и загубленный Мазею * . Въ 1708 году онъ былъ возвращенъ изъ Сибири, но слѣдомъ за нимъ отправленъ былъ въ Якутскій острогъ племянникъ Мазепы, Андрей Войнаровскій, расплатившійся этою ссылкой за бѣжавшаго за границу дядю.

Такимъ образомъ, передовыми, выборными людьми отъ народа и его любимцами проторенъ былъ путь въ Сибирь изъ Малороссіи, начатый при царѣ Алексѣѣ, незаброшенный и при его трехъ преемникахъ до времени самаго меньшаго изъ его сыновей—Петра. Этими ссылками Великая Россія заявила свои владѣльческія права, въ нихъ Малая Россія получила первые уроки подданнической вѣрности и крупными жертвами искреннихъ и устойчивыхъ патріотовъ низведена была до того уровня, гдѣ ея права очутились въ зависимости и подчиненіи съ правами и стремленіями централизующей Москвы. Сибирь, посреди этихъ расчетовъ двухъ главныхъ и основныхъ пле-

* Въ 1708 г. при Петрѣ ушли въ Сибирь избавленные отъ висѣлицы общинники Булавина (успѣваго застрѣляться). Пострадали казаки; казачеству нанесенъ былъ сильный ударъ. Въ 1709 году разгромлена была Запорожская Сѣчь и нѣкоторые изъ запорожцевъ примкнули къ составу служилыхъ людей сибирскихъ остроговъ. Въ Селенгинскѣ, въ старомъ городѣ, хранится похъ навѣсомъ деревянный крестъ съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя, и съ надписью назади тропара: «Кресту твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста соблюдается надпись: «строилъ ятманъ (гетманъ) Діатьевъ 1690 (1690)», вѣроятно, одинъ изъ множества запорожскихъ казаковъ, поселенныхъ за Байкаломъ. Крестъ вырытъ въ песчаныхъ буграхъ стараго города, гдѣ былъ старинный острогъ и гдѣ теперь вѣтеръ насыпалъ высокіе бугры и заставилъ перенести городъ на новое мѣсто. Народное преданіе называетъ Діатьева знахаремъ, лечившимъ народъ отъ болѣзней; крестъ почитается чудотворнымъ.

мень своей территоріи, нашла для себя несомнѣнную выгоду въ томъ, что сторожевая казачья служба въ молодой странѣ выиграла пріобрѣтеніемъ людей опытныхъ и способныхъ, встала въ наилучшія условія боевой жизни. Черкасскіе люди, пріуроченные къ сибирской странѣ навѣчно и принужденные слить интересы личной безопасности съ государственными выгодами страны, — не помня зла, пособили кореннымъ сибирскимъ казакамъ отбить набѣги враждебныхъ инородческихъ племенъ. Тотъ же Демьянъ Многогрѣшный, на долю котораго выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальняго заточенія, счумѣлъ отстоять забайкальскія страны отъ набѣговъ самаго воинственнаго изъ сибирскихъ народовъ монгольского племени — бурятовъ. Подъ тѣмъ же Селенгинскомъ, гдѣ онъ наполь конецъ своимъ мученіямъ, до сихъ поръ, сохраняется въ памяти народа гора *убіенная*, названная такъ потому, что здѣсь на свиту посла Ѡ. А. Головина, ѣхавшаго въ 1689 году въ Нерчинскъ для переговоровъ съ китайцами, напали буряты, били его людей, тѣснили войска; самому послу грозили великою опасностію, но изъ селенгинской крѣпости вышелъ тамошній гарнизонъ подъ начальствомъ Многогрѣшнаго. Умѣлый гетманъ разбилъ буряты на-голову; отразилъ въ послѣдствіи набѣги монголовъ и табунгутскихъ сойотовъ, и, исполняя такіа дворянскія службы, успѣлъ сдѣлать то, что съ тѣхъ поръ, бурята — мирные сосѣди русскаго города. За службу отца, сына Сергѣя, родившагося уже въ Сибири, пожаловали въ сыны боярскіе. 180 человекъ запорожскихъ черкасъ, выселенныхъ при царѣ Михаилѣ на Лену за Киренскъ вмѣстѣ съ чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости, состоящей изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія, завѣщанныя на память о ррдинѣ: Чугуевка, Гребенская, и проч. Жители поражаютъ всѣхъ наивною простотою, патриархальностію, и теперь въ новомъ поколѣніи представляютъ смѣсь русскихъ, тунгусовъ и запорожцевъ. То же явленіе — и на сибирской линіи, населенной 138-ми запорожцами, присланными за участіе въ набѣгахъ Максима Зализняка съ Гонтою и Швачки. Гонту поляки четвертовали, Зализняка судила Россія; по наказаніи кнутомъ, его сослали въ Сибирь. За ними ушли всѣ тѣ, которые уцѣлѣли отъ ужаснаго польскаго суда въ Кондѣ, рубившаго руки и ноги, вѣшавшаго, четвертовавшаго и пускавшаго ползать по міру и внушать народу страхъ и новиновеніе.

По скольку малороссійскому казачьему элементу удавалось оживлять, освѣжать и усиливать старожилое сибирское казачество, и вмѣстѣ съ нимъ служить всякіа службы, по столько же

(если даже не больше) тому же старожилу населенію сибирскихъ остроговъ послужили новыя выселенцы изъ Россіи — московскіе стрѣльцы въ тѣхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ многочисленныхъ казней и многообразныхъ расселеній по отдаленнымъ пунктамъ Россіи. При Алексѣѣ началось и при Екатеринѣ II, разрушившей свѣчь, на 138-ми запорожскихъ казакахъ въ 1700 году кончилось вліяніе малороссовъ, высылаемыхъ за государственныя преступленія: при Петрѣ Сибирь начала заручаться стрѣльцами и увидѣла ихъ въ такомъ множествѣ, подобнаго которому ни до того, ни послѣ Сибирь не видала. Петромъ же, положившимъ конецъ крамольному войску, кончена была и стрѣлечья высылка, ознаменовавшаяся тѣмъ, что не стало безъ ссыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ удскій, анадырскій, колымскій, охотскій, братскій, илимскій, балаганскій, тунгинскій. Стрѣльцами положено было основаніе первымъ изъ нихъ; на стрѣльцахъ въ прошломъ вѣкѣ завершились крупныя высылки ссыльныхъ огромными толпами за преступленія государственныя.

Первые 30 стрѣльцовъ, замѣшанные въ дѣлѣ Ѳеодора Шаковитаго, послѣ его казни, явились въ различныхъ сибирскихъ острогахъ на вѣчное житье «за злодѣйское покушеніе на жизнь малолѣтняго царя Петра»,—послѣ того, какъ въ Москвѣ вали ихъ головы на плахи, урѣзывали языки и били кнутомъ. Слѣдомъ за этими (въ 1690 г.) 13 менѣ виновныхъ сообщниковъ съ женами и дѣтьми прибыли въ Сибирь на службу и поступили въ какую погодились. Въ 1697 году объявлена, вмѣсто казни, политическая смерть, и послѣ нещаднаго битья на козлѣ кнутомъ и урѣзанья языковъ—ссылка на вѣчное житье въ сибирскіе города съ женами и дѣтьми сообщникамъ Ивана Циллера, составившаго второй заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ окольничимъ Соковнинимъ и стольникомъ Ѳеодоромъ Пушкинымъ. Главные злоумышленники четвертованы; второстепенные приговорены въ ссылку; между прочимъ ушелъ туда ни въ чемъ не повинный отецъ казненнаго Матвѣя Степановичъ Пушкинъ со всѣмъ семействомъ. Старика лишили въ Москвѣ боярской чести, въ Сибири — заключили въ тюрьмѣ, въ Енисейскѣ, жену и дѣтей его въ тамошномъ рождественскомъ женскомъ монастырѣ. По праздникамъ дозволялось имъ свиданіе; впоследствии Пушкина поверстали въ городовую службу.

Въ 1698 году начался въ Москвѣ казни, направленные къ наказанію возмущившихся стрѣлечьихъ полковъ во время пребыванія царя за границей; одновременно съ ними производилась высылка

ка стрѣльцевъ въ отдаленные сибирскіе остроги, имѣвшая цѣлю въ корень истребить мятежное старорусское войско. До приѣзда царя бояре успѣли сослать главныхъ застрѣльщиковъ: одного въ Дауры, двухъ въ Западную Сибирь. По розыску Шеина 74 человекъ были въ іюль 1698 повѣшены, 140 ч. наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, 26 малолѣтковъ оставлены безъ наказанія, 1,965 ч. разосланы по русскимъ городамъ съ провожатыми въ тюрьмы. Осенью этого года, началась расправа, начались новыя казни въ присутствіи самаго царя. 19 сентября изъ 341 приговоренныхъ къ смерти, приговоръ исполненъ надъ 201 человекомъ; сто малолѣтковъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) наказали кнутомъ, заклеили въ правую щеку и погнали въ сибирскіе города. Съ 3 по 18 октября изъ приговоренныхъ къ смертной казни только 93 несовершеннолѣтнимъ дарована пощада. Группы казненныхъ 5 мѣсяцевъ валялись неприбранными. Въ началѣ 1699 года начались новыя казни: изъ 508 оставленныхъ для розыска 137 колесованы, четвертованы и повѣшены, 285 малолѣтковъ, по наказанію кнутомъ, сосланы на каторгу; 86 опять оставлены для новыхъ розысковъ. 9-го февраля 1700 года изъ этого числа отобраны 40 человекъ для казни, 25 частію отправлены на каторгу, частію въ Сибирь (9 оправданы). Въ 1707 произошла расправа съ послѣдними: Маслова, за вѣроятное сокрытіе царевнина письма, казнили; Жукова и Михляева сослали въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Въ 1705 году пошли въ Сибирь астраханскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ тамошними казаками за бунтъ, поднятый ими за русскую старину, противъ государя. Сибирь стрѣльцовъ не смирила: затѣвались попытки соединиться всѣмъ ссылочнымъ въ поле и идти на Москву; уговорили тѣмъ, что, размельчивъ стрѣлецкія группы, разослали одиночками ихъ въ самыя неудобныя и дальнія мѣста, носившія названія зимовьевъ: болымское, анадырское, удское. Поселенные здѣсь отъ крайнихъ лишеній голодовки сбивались въ шайки и изыскивали пропитаніе грабежами каравановъ и обозовъ торговыхъ людей и разбоями по рѣкамъ и дорогамъ. Много урочищъ сохранило память объ этихъ подвигахъ. Грабежи и разбой прекратились съ тѣхъ поръ, когда стрѣльцы переселены были южнѣе и когда острожную службу смѣнили на пашенную, какъ сдѣлали это съ стрѣльцами Братскаго и Балаганскаго остроговъ, водворенныхъ на р. Ангарѣ (въ нынѣшней Ядинской волости). При лучшихъ условіяхъ климата и почвы стрѣльцамъ удалось выродиться въ здоровое, рослое и даровитое племя коренныхъ сибиряковъ; при данныхъ, менѣе благоприятныхъ, привелось переродиться въ племя вялое, мелкое,

глуловатое и безпечное по подобію жителей Орленской волости, отличающейся зобами иногда такъ, что одинъ зобъ наростаеъ на другомъ (особенно въ деревняхъ Дядиной, Голдой и Шамановой). За то въ началѣ теченія Лены и особенно ниже (въ Витимской волости) народъ боевъ, смѣтливъ, богатъ: до сихъ поръ носятъ московскую шапку, коротенькій армякъ до колѣнъ и, называя его свысока шемелью (шинелью), до сихъ поръ отличается мягкимъ говоромъ, особенно рѣзко выдающимся среди крутаго новгородскаго говора — кореннаго для цѣлой Сибири. Въ дальнихъ Даурахъ стрѣлцкіе слѣды замело налетомъ ссыльныхъ, а въ Западной Сибири пробиваются они такъ рѣдко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствованіе Петра, ослабившаго ссылку въ Сибирь обычныхъ преступниковъ и восполнившаго этотъ недостатокъ высылкою цѣлыхъ сотенъ государственныхъ преступниковъ въ видѣ стрѣльцовъ, осталось памятнымъ для Сибири между прочимъ и тѣмъ, что слѣдомъ за стрѣльцами и вмѣстѣ съ ними ссылались за государственныя вины различныя отдѣльныя лица разныхъ служилыхъ сословій. Въ 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы въ Сибирь единомышленники типографщика Григорія Талицкаго, печатавшаго воровскія письма и называвшаго въ нихъ Петра антихристомъ: 7 человекъ и вмѣстѣ съ ними 5 вдовъ, оставшихся послѣ смертной казни мужей ихъ, въ дальные города, выбитые вкutomъ и запятанные. Въ 1715 г. обазались виновными въ такихъ же дѣлахъ Левинъ, керженскіе раскольники и многіе другіе. Въ 1718 году, за подобныя же тетради, колесовали на смерть подъячаго Ларіона Докукина и сослали тѣхъ, которые прислушивались и вѣрили его разговорамъ и подметнымъ письмамъ, вызывавшимъ противъ царя возмущеніе въ народѣ. Этими десятками ссыльныхъ, сдѣлавшихся извѣстными благодаря усердной разработкѣ матеріаловъ той эпохи, опредѣляются сотни такихъ лицъ, которые заплатились Сибирью за недовольство нововведеніями и исторія которыхъ обрѣтается еще подъ спудомъ въ архивныхъ грудяхъ. Крутая расправа со стрѣльцами въ началѣ Петрова царствованія не предотвратила недовольства народнаго и ссылка, вмѣсто прежнихъ массъ располагавшая единицами, въ концѣ Петрова царствованія стала карать безразлично людей всѣхъ сословій отъ монаховъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ монастырей до приверженцовъ заточенной царицы Евдокин и казненнаго царевича Алексѣя *. По той же мѣрѣ, въ какой укрѣпля-

* По дѣлу царевича Алексѣя сослано было въ Сибирь много и между прочимъ въ Солякамскъ фельдмаршалъ Вас. Влад. Долгорукій за слишкомъ вольными осуж-

дись нововведенія, измѣнявшія старыя порядоки, возростало число недовольныхъ, распространялись въ народѣ подметныя тетрадки, сочиняемыя и старовѣрами и монахами; самая подозрительность въ концѣ Петрова царствованія возростала прогрессивно, свидѣтельствуя о великихъ опасностяхъ, мнимыхъ и дѣйствительныхъ. Слово и дѣло до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію изъ ревности къ царю, государству, вѣрѣ; съ Петра, при усилившемся требованіи на слово и дѣло, съ увеличеніемъ важности значенія словъ и дѣлъ, начались злоупотребленія, стали объявлять ихъ за собою изъ личной мести, вражды, спяна и по другимъ личнымъ видамъ. Главнѣйшимъ же образомъ въ народѣ воспиталась страсть къ доносамъ и отъ этой страсти увеличилось количество ссыльныхъ, какъ новое и неожиданное явленіе въ жизни народной. Въ 1713 году царскій указъ предписывалъ смертную казнь всѣмъ преступникамъ и повредителямъ интересовъ государственныхъ; въ 1714 году Петръ принужденъ былъ ограничить значеніе слова и дѣла, опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и измѣны. Сказавшіе или написавшіе государево слово или дѣло, помимо этихъ причинъ, застрашивались великимъ наказаніемъ, раззореніемъ и ссылкой на каторгу. Въ 1715 году указъ облегчалъ доносчикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а тотъ уже представлялъ челобитную самому царю; но доносчики продолжали во множествѣ докучать царю «не давая покою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ», несмотря на страхъ жестокихъ наказаній. Дѣла о словѣ и дѣлѣ изъ суднаго приказа переведены были въ Преображенскій приказъ, поручены были вѣдѣнію крутаго и немилосерднаго князя-папы Ромодановскаго, рѣшались имъ безъ апелляціи, — но страсть къ доносамъ была уже такъ глубока въ народѣ, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать въ возможно-доступныхъ предѣлахъ. Страхи Преображенскаго приказа никого не смущали; но съ тѣхъ поръ, какъ доносчику въ Пензѣ въ 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать безпошлинно и велѣно его охранять отъ всякихъ обидъ, — доносчики стали появляться въ великомъ множествѣ. Въ томъ же году священниковъ обязали объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ государственными великими дѣлами дозво-

денія дѣйствійцаря; дальше за Камень: псаломщи къ Семенъ Ивановъ, битый батогами вмѣсто кнута «за малолѣтство»; подъячій Анфимовъ, зятъ царевичева духовника Якова Игнатѣева съ женою и дѣтьми, и проч.

лено принимать и во время божественнаго пѣнія и чтенія. Значеніе слова и дѣла стало возрастать съ годами до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно явилось при Аннѣ Ивановнѣ и Биронѣ, и возрастало соотвѣтственно вызову различныхъ обстоятельствъ. При Петрѣ, въ 1722 году, «нѣкоторый человекъ пришедъ въ г. Пензу кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести царя, на которой крикъ сошлось людей немалое число». Послѣ Петра, при Екатеринѣ, въ 1726 году «явились противники устава о престолонаслѣдїи, избравшіе наслѣдника и мечтавшіе выслать государыню за границу: Антоній Девіеръ, Толстой съ сыномъ, Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ». Въ сущности же, всѣ пятеро составили заговоръ, имѣвшій цѣлю 'воспрепятствовать браку молодого императора съ дочерью Меншикова. Ихъ услали въ Сибирь: зять Меншикова, Девіера, съ Скорняковымъ—въ Охотскъ (Елизавета ихъ возвратила). Въ 1728 году (17 іюня) велѣли сибирскому губернатору возвратити араба Авраама—крестника Петра. Тогда же и тѣмъ же Меншиковымъ отправленъ былъ въ Сибирь бывший оберъ-церемоніймейстеръ графъ Де-Санти, «явившійся въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ». Въ слѣдующемъ году, за пять мѣсяцевъ до смерти государыни, объявились въ разныхъ городахъ, уѣздахъ, селахъ и деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ покойнаго царя и владѣющей императрицы. Въ 1728 г. при Петрѣ Второмъ, за непристойныя слова, сослали въ Сибирь морскаго капитанъ-поручика Казанцева, гренадера Алексѣева, солдата Кроткаго, прядильщика Лобанова и матроса Чапынскаго; въ то же время боярская партія Долгорукихъ низвергла временщика князя Меншикова и вмѣстѣ съ дочерью, невѣстою молодого императора, сослала въ Березовъ. При Аннѣ въ свою очередь пострадала партія верховниковъ, особенно князя Долгорукіе, когда Биронъ сталъ временщикомъ и свирѣпо сокрушалъ противниковъ. Въ 1731 году Анна услала въ ссылку Долгорукихъ, Барятинскаго, Столѣтова за то, что «не только полезныя государству учрежденія непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли». Слѣдомъ за ними и вскорѣ (въ томъ же 1731 году) схватили Алексѣя Алексѣевича Шубина, сержанта семеновскаго полка, первое лицо при дворѣ цесаревны Елизаветы, за то, что онъ, любя царевну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и съ помощію ихъ возвести на престолъ Елизавету. Его пытали, заключили въ каменный мѣшокъ, потомъ навазали кнудомъ, вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ. Въ слѣдующемъ году

(1732) привезенъ былъ въ Ялутскъ бывшій любимецъ Петра I, приидеть каммеръ-коллегии ст. сов. Фигъ, названный въ бумагахъ великоважнымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи на престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны. Въ 1735 г. привезли смоленскаго губернатора князя Алек. Анд. Черкасскаго за зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные противъ государыни умыслы, въ Джигагское зимовье. Съ нимъ вмѣстѣ высланы были управитель Алек. Пребышевскій, поручикъ Ив. Аршеневскій и шляхтичъ шуринъ Чечерскаго Семень Корсакъ съ женой (въ Гижигу). Десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны такимъ образомъ является (по отношеніямъ къ исторіи русской ссылки за государственныя винны) однимъ изъ обильныхъ количествомъ жертвъ. Оно соперничаетъ со временемъ Петра и не уступаетъ своего значенія ни одному изъ послѣдующихъ царствованій всего XVIII столѣтія. Не только Биронъ, но и Теофанъ Прокоповичъ, содѣйствовавшій низложенію и гибели верховниковъ, присоединилъ свое дѣятельное участіе къ населенію Сибири государственными преступниками. Личныхъ враговъ своихъ оны, по увлеченію духомъ времени, умѣлъ обвинять въ государственныхъ дѣлахъ и всѣми правдами и неправдами, въ силу своего громаднаго вліянія на церковныя дѣла, успѣвалъ завинять до ссылки въ отдаленныя сибирскіе монастыри (лицъ духовныхъ, а друзей и приверженцевъ ихъ до ссылки въ самыя далекія ваторжныя мѣста. Архіерея Георгія Дашкова, заподозрѣннаго въ косвенномъ участіи въ устранинн Анны отъ престола (затѣянномъ Родышевскимъ), сослалъ Теофанъ въ Нерчинскій монастырь и не велѣлъ слушать никакихъ отъ него объявленій, хотя бы о государевомъ словѣ и дѣлѣ. Слѣдомъ за ними отправилъ Теофанъ роспопу Родіона въ Охотскій монастырь на вѣчные и неисходные труды, братьевъ Никитиныхъ съ женами и дѣтьми туда же на житье вѣчно за карауломъ; Яковлева съ тѣми же правами въ Охотскій портъ; печерскаго старца Исаю, роспопу Васильева, Морозова—туда же, Горбунова на серебряные заводы; всѣхъ за какія-то недоказанныя и неопредѣленные подметныя письма, нѣкоторыхъ за дѣйствительныя пасквили на государыню и Теофана. Между прочими подвернулся зазвѣй грекъ Серафимъ Аріонъ—шпіонъ, продававшій себя всякому правительству и явившійся въ Россію для спекуляцій на имъ угнетенныхъ турками грековъ; его сослали въ Охотскій острогъ. Вся дѣятельность Теофана такимъ образомъ, при Аннѣ, поглощена была тайной канцеляріей. Ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть самому, или обороняться тѣмъ же

оружіемъ, съ которымъ стояли наготовѣ его противники. Онъ выбралъ послѣднее, и на этомъ основаніи неустанно запугивалъ государыню бунтами и революціями: указывалъ на своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ и подѣ своей властію всѣхъ министровъ. Болтинъ такъ рисуетъ бироновское время: «въ городахъ бряцаніе кандаловъ, жалобные гласы голодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многіе тысячи крестьянъ, не менѣе 250 тысячъ, бѣжавъ съ женами и дѣтьми, поселились въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи, и даже за Дунаемъ въ Булгарію». Тобольскій лѣтописецъ увѣряетъ, что въ теченіе 10 лѣтъ по 9 ноября 1740 г. сослано въ Сибирь дворянъ и чиновниковъ 20 тысячъ. Въ это страшное время для несчастнаго народа, пожертвовавшего сотнями сосланныхъ въ Сибирь—кабинетъ-министръ Артемій Волынский, дерзнувшій возстать на временщика, поплатился за свою попытку головою. Дочь и сынъ его были сосланы въ Сибирь; туда же сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ, кабинетъ-секретарь Эйлеръ и Софмановъ, наказанные кнутомъ, и секретарь Волынскаго, Зуда, битый плетью (въ Камчатку).

Когда фельдмаршалъ Минихъ, по смерти Анны Ивановны, провозгласилъ принцессу брауншвейгскую, Анну Леопольдовну, правительницей, Эрнестъ Биронъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ братьями, Густавомъ и Карломъ, и генераломъ Бисмаркомъ и всѣ сосланы въ Пелымъ съ женами и дѣтьми. За приверженность къ Елизаветѣ, Анна Леопольдовна успѣла еще сослать въ Камчатку Петра Калачова, капитана азовскаго полка. Когда, въ свою очередь, провозглашена была императрицей дочь Петра Елизавета, Минихъ, Остерманъ, Головинъ, Менгденъ, Тимирязевъ, устранившіе отъ престола Елизавету, были сосланы въ Сибирь. Въ 1742 году прапорщика преображенскаго полка, Ивашкина, сослала Елизавета въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ; товарищей его, сержанта Снафидина и камеръ-лакея императрицы, Гурчанинова—перваго въ Нижнекамчатскъ, втораго въ Охотскъ; всѣхъ троихъ за дерзкія рѣчи противъ Елизаветы, выговоренныя въ трактирѣ; всѣхъ троихъ наказали кнутомъ, всѣмъ вырвали ноздри, а камеръ-лакею, сверхъ того, за произнесенныя имъ величавыя, непристойныя слова; отрѣзали языкъ. Въ 1743 году, за злые умыслы на особу императрицы, туда же отправлены были: Ст. Лопухинъ съ женою и сыномъ, граф. Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошковъ, кн. Ив. Путятинъ, Александръ Зыбинъ, Софія Лиліенфельдъ—желавшіе избрать императоромъ Ивана Антоновича Ульриха. За ними приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ и ссылки въ де-

ревню канцлеръ Бестужевъ «за оскорбленіе величества». Въ 1749 году поручикъ бутырскаго полка, Юсафатъ Батуринъ, посланъ былъ въ Камчатку за то, что предложилъ свои услуги великому князю Петру Ѳедоровичу возвести его на престолъ при жизни тетки.

Екатерина II, въ самый годъ вступленія своего на престолъ, сослала въ Сибирь оскорбителей величества, совершившихъ умыселъ къ общему возмущенію: Петра Хруцова и трехъ Гурьевыхъ; затѣмъ сообщниковъ различныхъ самозванцевъ, начиная съ казака Пугачева (18 человекъ) *, казака Ханина, крестьянина Юва Москина до солдата Кремнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышова, изъ которыхъ три послѣдніе сами, вмѣстѣ съ сообщниками, отправились въ вѣчную работу въ Нерчинскъ. Во время путешествія Екатерины по Россіи, разыгралось въ Шлиссельбургѣ извѣстное дѣло Мировича, желавшаго воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости. Мировичъ кончилъ жизнь на эшафотѣ; сообщники его въ Сибири въ вѣчныхъ солдатахъ (около 50-ти человекъ) и вѣчныхъ работахъ (3 солдата). Екатерина же сослала въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе, по лишеніи орденовъ и дворянства, Александра Радищева, за книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (въ 1790 г.). Въ 1794 г. ушелъ въ вѣчную каторжную работу черноморскій капитанъ-лейтенантъ Монтагю за государственную измѣну («за шпіонство»).

Екатерина вторая въ указѣ 19-го октября 1762 г. поспѣшила высказаться такъ: «ненавистное израженіе, а именно слово и дѣло не долженствуетъ значить отнынѣ ничего, и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А если кто употребить отнынѣ въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники».

Если до сихъ поръ слово и дѣло въ Россіи представлялось желаннымъ для усердствовавшихъ и выгоднымъ для охотниковъ къ доносамъ, то слово и дѣло на мѣстахъ ссылки въ Сибири являлось соблазномъ для каторжныхъ въ томъ отношеніи, что выговоренные гдѣ бы то ни было освобождали на время отъ тяжести каторжныхъ работъ. Объявившаго за собою государево слово немед-

* Двоихъ пугачевскихъ друзей четвертовали, одному отсѣкли голову; восьмерыхъ вырвали ноздри и сослали на каторгу; десятерыхъ, послѣ кнута, на поселеніе. Но и послѣ того ссылка не прекращалась. По свидѣтельству одного указа «подозрительные люди продолжали обнаруживать тѣ же склонности».

ленно сажали на подводу и везли изъ Нерчинска въ Иркутскъ, изъ другихъ каторжныхъ мѣстъ—въ ближайшіе большіе города. Тамъ допрашивали доносчика, потомъ оговоренныхъ имъ, въ случаѣ разногласія, давали очную ставку, затѣмъ пытали доносчика, если объявляемый не сознавался; пытали обвиняемыхъ, если доносчикъ продолжалъ обвиненіе. Обыкновенно каторжные сознавались въ томъ, что клепали напрасно или со зла, или съ пьяну; наконецъ признавались въ томъ, что поступали такъ, отбывая наказанія прочихъ штрафовъ, желая получить награду и, во всякомъ случаѣ, воспользоваться предварительнымъ отдыхомъ и возможною утѣчкою съ дороги. По сенатскому указу 20-го сентября 1723 г. видно, что въ Тобольскѣ каторжные непрестанно кричатъ на командировъ государево слово, «коихъ командировъ и выслано въ Москву скванныхъ немало». По архивнымъ дѣламъ Западной Сибири видно, что въ слово и дѣло входили и такія заявленія, которыя прямо свидѣтельствовали о невинныхъ цѣляхъ отдыха и ничего другаго не искали: ссыльная дѣвка Петрова объявляетъ слово и дѣло на крестьянку Иванову, и на допросъ въ Усть-Каменогорскѣ оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промыселъ развратомъ, сказала ей: «у васъ, де, у ссыльныхъ деньги дешевы — вы, де, монетами и г... подтираете». Послѣ очныхъ ставокъ Петрова объявила, что, по злобѣ на Иванову, хотѣла обвинить ее въ оскорбленіи монеты и герба. Въ 1731 году нотебургскаго полка солдатъ Пермяковъ выкричалъ такое слово и дѣло: «въ бытность мою за авіаномъ моремъ нашелъ я мѣста рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпазныя». Въ Якутскомъ монастырѣ старецъ Никонъ говоритъ за собою такое великихъ государей и святительское дѣло: «поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убится человекъ; промышленный человекъ привезъ съ моря руду серебряную, и тое руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро». На судѣ оказалось, что руда, взятая на Индигиркѣ рѣкѣ, у бору, на камень, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, «чтобы впредь не повадно было инымъ такія затѣйныя слова говорить и никакихъ великихъ государей дѣлъ не заводить» и проч. Въ Нерчинскихъ заводахъ тянулся нескончаемый рядъ секретныхъ дѣлъ этого рода при Аннѣ Ивановнѣ и въ нихъ указанія на такія измышленія каторжныхъ: «непріятель идетъ на Россію: у китайцевъ войска собираются; мунгалы ружья приготавлиють» (окажется, что монголы облаву на досей дѣлали).

Вчинались въ Нерчинскѣ дѣла и такого рода: съ горяча и съ сердцовъ бранять ссыльные каторжную работу. Напримѣръ,

одинъ забылъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать ее отыскивать. Приставникъ замѣтилъ: «Ты исправь прежде государеву работу, а потомъ ищи мужичью лопату». У оговореннаго сорвалась съ языка брань — и начались допросы, пытки, судъ и осужденіе. На фабрикѣ Дучарскаго завода канатный подмастерье Лоншаковъ рассказываетъ прочимъ ссыльно-каторжнымъ слѣдующее (24-го ноября 1805 г.): «Поднимается на нашего государя иноземецъ; у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего императора до 250-ти тысячъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Кандальники были посажены за рѣшотки въ тюрьму, но вечеромъ продолжали толковать о выслушанномъ. Одинъ изъ нихъ (ссылный въ оковахъ), Иванъ Коурой, говорилъ: «Дай Богъ, чтобъ тотъ иноземецъ своею силою завоевалъ наше государство, для того, что чернымъ людямъ никакой милости не предвидится». — Чтò ты, дуракъ, рачишь (sic), чтобъ бусорманъ завоевалъ нашу землю — и не дай Богъ! — замѣтилъ на это ссыльный Авапасій Андциферовъ. Но Коурой отъ ругательныхъ рѣчей не отсталъ. Двое служителей «показали во всемъ сходственно»; показанія, сверхъ того, утвердили одинъ ссыльный и одинъ канатный подмастерье; но Коурой заперся какъ въ личномъ своемъ одиночномъ показаніи, такъ и на очной ставкѣ. На третьемъ спросѣ обозвалъ онъ Андциферова ворожъ за то, что утаивалъ подаваемую въ тюрьму милостиню, «за что-де и имѣлъ Коурой съ нимъ ругательства». Начальникъ нерчинскихъ заводовъ, Эллерсъ, велѣлъ, во время производства слѣдствія, держать Коураго въ особенномъ мѣстѣ въ оковахъ и подъ строгимъ карауломъ, безъ употребленія въ работы. 7-го іюля 1807 года сибирскій губернаторъ Пестель далъ знать, что министръ юстиціи (вн. П. В. Лопухинъ) сообщилъ ему, что на докладъ его, по донесенію правительствующаго сената, Его Императорское Величество повелѣтъ соизволилъ: Коураго освободить отъ законнаго наказанія, подтвердилъ ему, чтобъ впредь постарался исправиться; въ противномъ же случаѣ, не избѣгнетъ онъ строгаго наказанія по законамъ.

Взгляды на дѣла о словѣ и дѣлѣ въ нынѣшнемъ вѣкѣ измѣнились. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губерніи Ермолаевъ за непристойныя рѣчи про государя приговоренъ былъ палатою къ наказанію кнутомъ 40 ударами; рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернаторъ Всеволожскій, извиняя крестьянина пьянствомъ, присудилъ побить виновнаго на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. Сенатъ сдѣлалъ губернатору выговоръ, но утвердилъ рѣшеніе палаты, исключая только вырванія ноз-

дрей, такъ-какъ указомъ 25-го декабря 1817 года наказаніе такое было отмѣнено. Государь въ 1819 году соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: «быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявля ему приговоръ, простить». 9-го апрѣля 1818 года ссыльный Семенъ Артамоновъ, бывшій въ работѣ при урвскомъ казенномъ зимовьѣ у разбивки конопли, придя въ зимовье, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку, и изругался. Будучи спрошенъ, кого ругаетъ?—отвѣчалъ: «тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ». Государь рѣшилъ: оставить Артамонова въ нынѣшномъ положеніи, но безъ наказанія. Вообще должно сказать, что уже при восшествіи на престолъ Александра I замѣтно сильное движеніе въ дѣлахъ нерчинскихъ заводовъ: многіе были возвращены, о многихъ наводились справки къ возвращенію, выдавались подорожныя и паспорта.

Въ царствованіе Александра I за государственныя преступленія сосланы были (въ 1819 году) грузинскіе дворяне, изблеченные въ измѣнѣ. Въ 1820 солдаты лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, забывшіе долгъ присяги и дерзнувшіе самовольно собраться въ позднее вечернее время для принесенія жалобна своего командира, увеличили число ссыльныхъ и комплектъ сибирскихъ войскъ. Въ спискахъ нерчинскихъ заводовъ за государственное преступленіе въ это время числился всего одинъ: коллежскій ассесоръ Степановъ, бывшій экспедиторомъ военно-походной канцеляріи. «Онъ выдалъ еврею Мейровичу нѣкоторые важнаго содержанія документы для списанія съ нихъ копій. Онъ подлежалъ смертной казни, но «какъ въ жалованной дворянству грамотѣ сказано: тѣлесное наказаніе да не подлежитъ до благороднаго, то онъ лишень чиновъ и дворянства и сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу» *.

Печальное происшествіе 14-го декабря 1825 года, омрачившее день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, вызвало слѣдственную комиссію. Слишкомъ пять мѣсяцевъ комиссія ежедневно занималась ввѣреннымъ ей дѣломъ, повѣряла каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе. Оказавшіеся виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, «въ замыслахъ долготѣныхъ, обдуманнхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ»—преданы были верховному уголовному суду, составленному изъ государственнаго совѣта, правительствующаго се-

* Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при Тосканскомъ дворѣ колл. асс. Дрозда-Воначевскаго, предавагося французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что ния и дѣлія измѣнника прибиты были къ висѣлицѣ.

ната и святѣйшаго синода съ присоединеніемъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. 13-го іюля 1826 года объявленъ былъ именной указъ о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ различнымъ вазнямъ и наказаніямъ «за умыселъ на потрясеніе Имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка». 15-го іюля изданъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками; 9-го августа объявленъ сенатскій указъ объ офицерахъ черниговскаго полка, сужденныхъ въ Кіевѣ за участіе въ мятежѣ. Слишкомъ сто человекъ отправлено было въ Сибирь на каторгу и на поселеніе.

Этими ссыльными завершается для насъ рядъ государственныхъ преступниковъ, отдавшихъ свою судьбу вліанію сибирской страны и, въ свою очередь, поставленныхъ въ обязательство удѣлять ей свою долю вліанія. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вліанію этому противодействовали самый способъ ссылки, предполагавшій темную каторгу, ограниченныя дачи провіанта, строгій надзоръ, хлопотливо стремившійся къ тому, чтобы ссыльные не имѣли никакого сношенія съ посторонними. Для этихъ ссыльныхъ Сибирь предлагала тѣ же тюрьмы, по подобію монастырскихъ и городскихъ русскихъ тюремъ, и оставалась внѣ всякаго вліанія пришлыхъ людей, до тѣхъ поръ, пока царская милость не отворяла тюремъ, не снимала желѣзъ. Демьянъ Многогрѣшный при такихъ льготахъ показалъ наилучшій примѣръ незлобныхъ отношеній къ странѣ собственныхъ несчастій, и является едва-ли не единственнымъ лицомъ, которому удалось принести свою долю вліанія тамъ, гдѣ этого потребовали. Наибольшая часть непроизводительно исчезла безъ слѣда въ сырыхъ тюрьмахъ, на желѣзныхъ стѣнныхъ цѣпяхъ, служившихъ неизбѣжною принадлежностію не только колдуновъ, находящихся «въ тайномъ богомерзскомъ общеніи съ нечистою силою», но и для преступниковъ государственныхъ, располагавшихъ иными тайными, но видимыми силами *. Осьмнадцатый вѣкъ располагалъ не большими знаніями и не отличался мягкостію отношеній къ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ цивилизующій государственный переворотъ сопровождался даже наибольшими жестокостями и вся первая половина прошлаго вѣка представляетъ такіе образцы крутаго обращенія съ ссыльными, какихъ съ трудомъ можно находить въ дѣяніяхъ предшествовавшаго ему столѣтія. Несмотря на то, что въ се-

* Известно, напр., что сосланному въ Якутскъ колдуну на вѣчное заточеніе не велѣно было давать воды, ибо-де онъ. Максимъ Мельникъ, многожды уходилъ въ воду.

рединъ XVIII вѣка уничтожена была указами смертная казнь, несмотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному разсужденію—и смертная казнь и пытки продолжали существовать съ тѣмъ же значеніемъ. Заботы объ уменьшеніи кровопролитія при пыткѣ, начатыя еще въ 1751 году, не привели ни къ чему: счастливая доля уничтоженія ихъ принадлежитъ уже начальному году нынѣшняго столѣтія: въ 1800 году императоръ Александръ I уничтожилъ ихъ.

Во все продолженіе прошлаго вѣка несчастные продолжали выплачивать свои глаза до неизлечимой слѣпоты и вдумываться въ свою несчастную участь до острыхъ припадковъ бѣшеннаго сумасшествія. Определенныхъ правилъ и приемовъ для ссыльныхъ въ тѣ времена не существовало: не столько степени личностей виновности, сколько произвольныя измышленія казней обвинителями полагали предѣлы возмездію ссыльныхъ за государственныя вины. Кормовая дача наиболѣе испытывала на себѣ вліяніе подобнаго произвола. Какъ въ XVII вѣкѣ А. С. Матвѣевъ жаловался на то, что ему дали на день по три деньги въ то время, когда Аввакуму, сосланному съ семействомъ въ Мезень, дали по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки («платчу, что вѣтхій сѣдиною, дровенъ работами — сверстанъ кормомъ съ единолѣтнимъ»), такъ и въ XVIII вѣкѣ кормовыя дачи не подчинялись никакому правильно-выработанному и установившемуся закону. Войнаровскому положено было въ сутки 1½ копѣйки, Петру Шафирову — 33 коп. на день, Меншикову 2 рубля съ женою—сумму уже довольно значительную по тому времени, по рублю каждому изъдѣтей и по 10 коп. на каждого слугу (а такихъ отпущено съ нимъ 10 человѣкъ); Долгорукіе стали сначала получать по 25 коп. въ день на человѣка, потомъ только по двѣ, и по два пуда муки въ мѣсяцъ. Сыну Волынскаго Петру давали въ день по 10 коп.; за то канцлеру Бестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысячъ рублей въ годъ пенсіону. Минихъ получалъ 3 руб. въ день. Бироновъ и Бисмарка вѣдно было довольствоваться безъ оскуденія (какъ сказано въ указѣ). Декабристы оставлены были въ кормовомъ довольствіи на общемъ положеніи 6-ти коп. мѣдью въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ. Нѣкоторыхъ отправляли даже и безъ кормовыхъ, такъ напримѣръ, Ивашкина и Гурчанинова, говорившихъ дерзкія рѣчи противъ императрицы Елизаветы.

Въ самомъ способѣ содержанія и надзора была та же непослѣдовательность, замѣчалось произвольное неравенство. Кн. Меншиковъ, сдѣлавшись временщикомъ при Екатеринѣ, сумѣлъ сослать графа Де-Сантти безъ суда, по ордеру, такъ, что ссыльный

даже не сразу нашелъ себѣ мѣсто заточенія. Его привезли сначала въ Якутскъ и семью солдатами стерегли отъ утечки подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не пускали, чернилъ и бумаги не давали, но для бѣльшаго успокоенія сильнаго вліяніемъ, мстительнаго и жестокосердаго герцога Ижорскаго, сочли за нужное перевести его въ Верхоленскій острогъ. Отсюда какими-то судьбами сталъ появляться онъ въ Иркутскѣ и пользоваться нѣкоторою свободою по снисхожденію вице-губернатора, и даже успѣлъ жениться на дочери тамошняго подъячаго, но въ Петербургѣ узнали про это: въ 1734 году, де-Сантѣ перевели въ Усть-Вилуйское зимовье. Жена за нимъ не поѣхала; участь его раздѣлялъ попрежнему старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать съ господиномъ, но позволяли ходить для покупокъ для него на базаръ, каковаго, какъ извѣстно, въ пустынныхъ зимовьяхъ не бывало и въ поминѣ, и при этомъ запрещали также и слугѣ съ кѣмъ-либо разговаривать. Ужасное положеніе жертвы слѣпаго и безграничнаго мщенія въ длинныхъ краскахъ описалъ его приставъ такимъ образомъ: «Живемъ мы, онъ, Сантія, я и караульные солдаты, въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія нивакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та вѣтхая. А находимся съ нимъ Сантіемъ во всеконечной нуждѣ, печки у насъ нѣтъ и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ испечь, а безъ печонаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ, и формимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны и содержатъ караулъ негѣмъ. А колодникъ Сантія весьма дрихлъ и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ» *.

Судьба же самаго Меншикова въ ссылкѣ обставлена была наибольшими льготами. Главные и тяжелые удары онъ перенесъ еще въ Россіи: тщеславію его, допустившему золотыя кареты, сто подводъ и множество экипажей въ поѣздѣ въ ссылку, нанесенъ былъ первый ударъ тѣмъ, что пересадили его въ простыя повозы, и вмѣсто Раненбурга велѣли ѣхать въ Сибирь, въ Березовъ. На дорогѣ, около Казани, въ Услонѣ, онъ потерялъ жену, но въ Березовъ привезъ необходимыя вещи и всѣ деньги, и остался подъ надзоромъ офицера, которому дана была самая снисходительная инструкторія **. Живя на свободѣ, онъ могъ

* Елизавета Петровна его однако освободила вмѣстѣ съ другими ссылными предыдущихъ царствованій.

** У Меншикова, какъ извѣстно, было во владѣніи 91 тысяча душъ крестьянъ и 7 мил. тогдашними деньгами, брилліантами и банковыми билетами.

на собственные деньги выстроить деревянную церковь Рождество Богородицы съ придѣломъ Иліи Пророка, подлѣ острога, вмѣщавшаго въ себѣ окруженное тѣномъ невысокое, но длинное деревянное зданіе съ закругленными окнами, оставшееся отъ упраздненнаго Воскресенскаго монастыря. Меншикова смирили несчастія до того, что онъ ежедневно съ дѣтьми ходилъ молиться въ собственную церковь, при сооруженіи которой самъ бралъ въ руки топоръ и пилу. Онъ на столько пользовался свободой, что, выходя лѣтомъ изъ острога, далеко до начала обѣдни, садился на крутомъ берегу Сосвы и бесѣдовалъ съ стариками березовскими о тщетѣ міра и о подвигахъ различныхъ святыхъ мучениковъ. Смиреніе свое онъ довелъ до того, что надѣлъ армякъ, отпустилъ бороду и отдѣлялся отъ прочихъ крестьянъ только бархатною на ватѣ шапочкою. Религіозное смиреніе и покорность судьбѣ успѣлъ онъ завѣщать и дѣтямъ, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершаго въ 1729 году) и впоследствии устроили изъ своей церкви богадѣльню. Жили они уже въ собственномъ домѣ внѣ острога: старшей дочери удалось видѣти замужъ за Ѳедора Долгорукова, явившагося въ Березовъ тайно подъ чужимъ именемъ съ заграничнымъ паспортомъ, но вскорѣ умерѣть отъ родовъ. Другая дочь, Александра, и сынъ Александръ въ 1731 году возвращены были въ Россію. Могилу отца ихъ подышла Сосва, оборвавшая берегъ, и давно сгладила слѣды ея. Въ 1825 г. нашли лишь могилу Маріи Александровны Долгоруковой въ кедровомъ гробѣ, въ шелковомъ атласномъ платѣ и съ тѣми атрибутами, которые свидѣтельствовали о весьма безбѣдномъ существованіи изгнанниковъ на мѣстахъ дальней ссылки.

Далеко не такая участь въ томъ же Березовѣ, въ томъ же самомъ острогѣ, ожидала семейство князей Долгоруковыхъ, свергнувшихъ Меншикова и въ свою очередь поплатившихся ссылкой при новомъ государственномъ переворотѣ и въ тогъ же самый годъ, когда семейство Меншикова возвращено было въ Россію. Престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ съ женою (Прасковьею Юрьевною) не вынесли тяжести ссылки и умерли черезъ три года по приѣздѣ. Молодые силы 4 сыновей и 3 дочерей и невѣстки старшаго брата Ивана (воспѣтой потомъ Козловымъ Натальи Борисовны, урожденной Шереметьевой) устояли отъ невзгодъ суроваго климата и съ успѣхомъ боролись противъ суровыхъ невзгодъ, исходившихъ отъ влаго временщика Бирона. Преслѣдованія его не знали устали и мѣры. На худомъ, продырявленномъ суднѣ, которое едва

узниковъ не потопило, привезли ихъ въ Березовъ, кормили въ Березовѣ такимъ хлѣбомъ, что «часто зубы не брали и давали щи, котормя, пока ѣшь, мерзали». Пищу подавали всегда въ одинъ разъ на нѣсколько дней. Когда княжна Елена вздумала въ день своего ангела заказать обѣдню, — протопопа (Авдея Михайлова) сослали за то подъ Иркутскъ въ Илимскій острогъ. Когда подъячій Тишинъ донесъ, что Долгоруки е говорятъ нескромныя рѣчи про Анну и Бирона, Долгорукихъ разлучили: Ивана посадили въ холодномъ амбарѣ (и жена его Наталья Борисовна съ трудомъ выплакала позволеніе видѣться тайно ночью сквозъ оконцо и носить ему пищу); князя Алексѣя съ его крѣпостнымъ дядькой заключили въ тѣсномъ холодномъ хлѣвѣ. Здѣсь нельзя было сдѣлать больше двухъ шаговъ и узники въ темнотѣ потеряли счетъ днямъ и ночамъ. Выпросивъ горсть гороху за послѣдній бриллантовый перстень, князь Алексѣй придумалъ съ дядькою особую игру. Разъ, во время этой игры въ горохъ они оба, словно сговорившись, въ голосъ заплѣли: «Христось воскресе!» и такъ-какъ плѣние было строго запрещено, то на Оумной недѣлѣ въ среду обомъ дали по 15 розогъ и записали въ штрафной журналъ коздунамъ: по гороху-де узнали о времени Пасхи. На этомъ мученіи Долгорукихъ не кончились: ихъ увезли въ Тобольскъ; здѣсь судили и приговорили къ новой ссылке. Князя Алексѣя усади въ Камчатку матросомъ; Николая, выбивъ кнутомъ и урѣзавъ языкъ, угнали — въ Охотскъ; Александра, послѣ такихъ же истязаній, въ Камчатку; трехъ дѣвицъ-княжонъ заточили въ женскихъ монастыряхъ*; князя Ивана увезли въ Новгородъ и тамъ колесовали и отсѣкли голову въ одно время съ двумя его дядями (Васильемъ Лукичемъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ). Елизавета простила Долгорукихъ: княженъ освободила отъ монашескихъ обѣтовъ и выдала замужъ. Не такъ легко было простить и возвратитъ братьевъ. По обычаю того времени, начальства постарались забыть объ ихъ именахъ и мѣстахъ на-

* Екатерину въ Томскомъ Рождественскомъ, Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ Верхотурскомъ Покровскомъ. Всѣхъ трехъ постригли въ монахини; пишею и одеждою велѣно содержать, по обыкновенію тѣхъ монастырей равномерно противу монахинь, безъ всякой отѣны: «Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ такожъ и дѣвокъ освободитъ и разослатъ въ разныя сибирскіе города на вѣчное житье. «Имѣющуюся мѣдную и оловянную посуду и платье, оставя потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать. Содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ничѣмъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ намъ не пускать и чтобъ никакихъ шалостей и непотребствъ отъ нихъ не происходило».

хожденія; сами они, увлеченные и поглощенные потокомъ ссмыльной жизни, скрылись безслѣдно между туземцами и считались мертвыми. Алексѣй только черезъ два года по воцареніи Елизаветы, случайно узналъ въ Камчаткѣ о своемъ прощеніи. Съ купцомъ Спиридоновымъ онъ явился въ Иркутскъ. Одѣтый въ армякъ и обросшій бородой, онъ не признанъ былъ губернаторомъ и самъ уже своевольно отправился пѣшкомъ въ Москву. Точно также одинъ изъ его братьевъ, вывезенный въ Иркутскъ и забытый въ острогѣ, былъ выпущенъ на волю для пропитанія. Когда прислано было предписаніе розыскивать политическихъ секретныхъ арестантовъ, къ губернатору явился старикъ, сторожъ церкви св. Харлампія, выдававшій себя за князя Долгорукова (Николая?).

Освободивъ Долгорукихъ, Елизавета, какъ извѣстно, прислала въ Березовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана и выслала въ Пелымъ — фельдмаршала гр. Миниха, въ Собачій острогъ кабинетъ-министра Мих. Гавр. Головкина, въ Нижнеколымскъ (еще сѣвернѣе) президента коммерцъ-коллегии барона Менгдена.

Старикъ Остерманъ, измученный жестокой подагрой, привезенъ въ Березовъ съ женой и остался тамъ въ памяти жителей своими бархатными сапогами и костылемъ. Въ 1747 году, черезъ три года, онъ умеръ здѣсь и легъ въ дубовый гробъ, обитый тафтой внутри, шелковой матеріей съ позументами снаружи. Иной памяти по себѣ не оставилъ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла въ глубокой старости.

Минихъ поселился въ Пелымѣ вмѣстѣ съ женой и пасторомъ Мартенсомъ въ двухэтажномъ домѣ съ балкономъ; изъ дому не выходилъ, казался нелюдимымъ; но на балконѣ нерѣдко выдали старика сухого, но крѣпкаго и бодрого. Днемъ онъ писалъ, чертилъ планы, ночной огонекъ показывалъ, что старикъ молился или продолжалъ еще заниматься военными историческими науками (между прочимъ писалъ гимны). Лѣтомъ заводилъ онъ небольшой огородъ, зимой обучалъ дѣтей грамотѣ, всегда казался веселымъ, и затосковалъ лишь тогда, когда потерялъ вѣрнаго друга, пастора Мартенса, пробуждавшаго въ его душѣ чувства набожности и охоту къ мирнымъ трудамъ писателя. Воеводы — говорить преданіе — боялись Миниха, боялись его доносовъ ко двору и давали ему нѣкоторую свободу, меньшую однако той, которою пользовался до него и въ томъ же Пелымѣ, Биронъ * (сосланный при Аннѣ Леопольдовнѣ ре-

* Биронъ, какъ извѣстно, жилъ въ Пелымѣ въ особенномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Биронъ жилъ здѣсь не долго, пять недѣль, успѣвъ
Т СLXXXVI. — Ол. I. 17

гентомъ Минихомъ). Передъ Бирономъ воевода стоялъ безъ шапки; герцогъ имѣлъ верховныхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту, держалъ многочисленную прислугу, ходилъ въ бархатномъ зеленомъ полукафтаниѣ, подбитомъ и опушенномъ соболями. Народъ помнить, что онъ былъ высокаго роста и очень красивъ. Минихъ выжилъ въ Пелымѣ 20 лѣтъ, и въ 1762 былъ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Петромъ III.

Въ Собачьемъ острогѣ — несчастномъ зимовьѣ, послужившемъ впоследствии основаніемъ Среднеколымску, не болѣе счастливому селенію, Головкинъ съ женою понесъ болѣе тяжкую участь, чѣмъ остальные его товарищи, несмотря на меньшую степень виновности и вѣроятно вслѣдствіе его наименьшаго ранга. И въ пустынномъ мѣстѣ его выпускали изъ дому не иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями, а ночью небольшой домикъ его всегда оцѣпляли часовыми. По праздничнымъ днямъ этого стараго и большаго человѣка заставляли ходить въ церковь и слушать, какъ священникъ послѣ обѣдни произносилъ надъ нимъ анаѣму *. Въ изгнаніи своемъ онъ прожилъ почти 25 лѣтъ, слушая чтеніе разныхъ книгъ изъ устъ жены и впоследствии, когда усталъ дозоръ, занимался рыбною ловлею въ р. Колымѣ. Въ 1766 году онъ умеръ на мѣстѣ изгнанія, и жена, получившая дозволеніе возвратиться, увезла его трупъ съ собою, заливши его — по народному преданію — воскомъ.

Менгденъ привезенъ былъ въ Нижній Колымскъ съ женою, дочерью, свояченицей, съ служанкою и служителемъ. Сынъ съ теткой и слуги вернулись въ Россію, но баронъ умеръ съ женою на мѣстѣ ссылки, пользовавшись нѣкоторою свободою. Ему удалось послужить брау тремя службами, изъ которыхъ одна состояла въ отраженіи набѣга дикихъ чукчей, другая — въ разведеніи рогатаго скота и лошадей въ подспорье собакамъ и оленямъ, и третья — въ торговлѣ, которою занимался

оставить въ народной памяти преданіе о своемъ гордомъ и недоступномъ поведеніи; въ 1742 г. его перевела Елизавета въ Ярославль вмѣстѣ съ братомъ Густавомъ (послѣдній даже не доѣхалъ до Пельма и возвращенъ назадъ изъ Тобольска). Въ Сибири не осталось объ нихъ преданія, осталось таковое въ Москвѣ: когда везла регента съ братомъ и своякомъ въ трехъ закрытыхъ каретахъ черезъ этотъ городъ, чернь линулась на нихъ и хотѣла растерзать; да въ Казани сохранилось всѣмъ извѣстное преданіе, что на мосту черезъ Булакъ встрѣтились два врага и, молча, раскланялись: Биронъ, возвращавшійся изъ Сибири, и Минихъ, ѣхавшій туда на обогрѣтое мѣсто. Третье преданіе сибирское утѣшаетъ себя тѣмъ урокомъ въ превратностяхъ судьбы, что Минихъ жилъ въ томъ же домѣ, планъ котораго онъ сочинилъ для Бирона.

* По другому мѣстному преданію, ему однажды въ годъ читали какую-то бумагу, которую онъ обязанъ былъ слушать, скрестивши на груди руки, къ каковой въ то же время солдаты приставляли ружейные штыки.

Менгденъ, выписывая товары изъ Якутска для ограниченнаго потребностей бѣднаго и неподвижнаго мѣстнаго населенія.

Тоже странное распредѣленіе ссыльныхъ жеребьевъ отразилось какъ на судьбѣ этихъ четырехъ товарищей по изгнанію, такъ и на судьбѣ пятого ихъ товарища, невѣстки канцлера Анны Бестужевой. Въ то время, когда братъ ея, Мих. Гавр. Головкинъ испытывалъ многообразныя стѣсненія въ Собачьемъ острогѣ, она, живя въ Якутскѣ, на полной свободѣ, ѣздила по гостямъ, играла въ карты, обворожала всѣхъ пріятностью въ общеніи, жила роскошно, одѣвалась богато*. Хотя ей и былъ отрѣзанъ языкъ, но, по народному преданію, въ такой степени, что разговоръ Бестужевой могли понимать слушатели.

Въ то же время для другихъ тоже ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика — любимца Петра — цѣлую жизнь таскали изъ одного мѣста въ другое, намѣренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его въ Тобольскѣ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ перевезли въ Иркутскъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Иркутска въ прежнихъ тяжелыхъ цѣпяхъ въ Якутскъ. Якутскъ показался слишкомъ удобнымъ и веселымъ городомъ: отослали Фика за двѣ тысячи верстъ въ Зашиверскъ, но и эта крайняя глушь и отчаянная даль оказались въ Петербургѣ слишкомъ видными и людными. Фика перетащили въ Среднее зимовье на Вилюѣ, въ такое мѣсто, которое злему врагу и супостату могло бы показаться вполне удовлетворительнымъ и безопаснымъ: убѣжать можно было только до первой трясины въ тундрѣ, говорить только съ приставниками; якуты, кромѣ своего языка, другаго не понимали, кромѣ своихъ узкихъ звѣроловныхъ интересовъ другихъ не признавали. И дѣйствительно Фикъ прожилъ здѣсь десять лѣтъ, но лишонъ былъ свободы, выдерживался въ одиночномъ заточеніи безъ поддержки жены, родныхъ и привычныхъ слугъ, окруженный приставниками, озлобляемыми его несчастьемъ и живучестью. Въ 1742 году нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, къ довершенію его несчастій не вдругъ: тобольская канцелярія не знала о мѣстѣ его жительства, наводила справки; узнавъ, отписывала въ Петербургъ о своей находкѣ, спрашивала, что дѣлать и какъ теперь поступить: несчастный Фикъ принужденъ былъ сидѣть и даже лишонъ былъ удовольствія товарищества съ Де-Сантѣ, когда послѣднему назначено было помѣщеніе въ томъ же зимовьѣ. «Понеже тамъ находится великоважный преступникъ Фикъ, то будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ

* Въ Петербургѣ она пользовалась славой лучшей танцовщицы.

преступниковъ въ одномъ мѣстѣ» — отвѣчали безжалостные люди разжалобившейся судьбѣ.

Смирялись государственные люди: Скорняковъ-Писаревъ, слѣдомъ за Меншиковымъ, занимался хозяйствомъ, ловилъ рыбу, охотился за медвѣдами и сохатыми; Головкинъ далъ 50 рублей казаку, отобравшему вѣрши изгнанника, поставленный въ рукавѣ рѣки Колымы, и оговорилъ, что, еслибы поступилъ казакъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, онъ затравилъ бы его собаками. Князя Долгорукова смирила ссылка до пономарской должности, Меншикова до работъ плотничьихъ съ топоромъ, и проч. Не смирились крутые нравомъ, какъ Деверъ (напускавшій страхъ на дѣлшй Охотскъ), какъ Минихъ (напускавшій страхъ на воеводу); не смирились располагавшіе надеждами на остатки силъ своихъ въ Петербургѣ, какъ Виронъ, предъ которымъ стоялъ воевода безъ шапки, какъ Прасковья Ѳедоровна Салтыкова — невѣста царя Ивана Алексѣевича, заставлявшая въ енисейскомъ монастырѣ своего дядю воеводу стоять у косяка дверей и проч. Не смирился Батуринъ въ Камчаткѣ, увлекшись планами бунта и побѣга, составленными конфедератомъ Беневскимъ, но Ивашкинъ предупреждалъ объ этомъ заговорѣ коменданта Нилова. Не смиряла духомъ ссылка людей молодыхъ и въ особенности не оказала она предполагаемой пользы исцѣленія надъ тѣми пациентами, которые вышли изъ простаго народа. Доказательствъ много; приводимъ наиболѣе крупныя и характерныя; на первой разъ два: одно изъ начала прошлаго вѣка, — другое изъ конца его; одно по великому государеву слову и дѣлу, другое по самозванству — по этимъ двумъ основнымъ и главнымъ государственнымъ преступленіямъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь въ прошломъ вѣкѣ доврчивые простые люди — сообщники людей «продерзностныхъ» и «самозванцевъ».

При царѣ Ѳедорѣ присланъ былъ въ Сибирь по царственному дѣлу, по приказу бояръ, стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Васильевъ Копытовъ. Въ 1712 году его отправили изъ Тобольска по назначенію въ Нерчинскъ на судахъ. Въ Нарымѣ колодники заимовали. Здѣсь Копытовъ разказалъ товарищамъ, что онъ уже побывалъ въ Нерчинскѣ, узналъ тамъ многія царственныя дѣла и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкрчалъ тамъ слово и дѣло, былъ потребованъ въ Тобольскъ, просилъ отправить его въ Петербургъ передъ царское величество, но губернаторъ, все тѣ утая, продержалъ его въ тюрьмѣ два года и вотъ теперь обратно шлетъ на старое мѣсто. «Хотя-де мы (говорилъ бывшій стряпчій) и въ

Москву писали, да тамъ все воля боярская, что они, бояре, хотятъ, то и дѣлаютъ. Нынѣшній царь не печется о народѣ, а печется о нѣмцахъ, потому что онъ и самъ ихней породы, а не царскаго кореня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человекъ 12, и мы ночи сиживали надъ святыми книгами, а съ нами бесѣдоваль верховой священникъ и сказывалъ мнѣ и товарищамъ моимъ: «какъ-де воцарился государь и царь великій князь Алексѣй Михайловичъ и совокупился съ царицею Натальею Кириловною и она-де государыня рожала царевенъ. И близъ рожденія онъ, государь, изволилъ ей, царицѣ, говорить: «ежели-де будетъ царевна, я-де тебя постригу». И она, государыня — царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матвѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ; и когда родила царевну, Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокроуенно — взялъ изъ нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто той царевны, а царевну отдалъ въ нѣмецкую слободу, вмѣсто того младенца, и понинѣ она въ нѣмецкой слободѣ жива, и по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣевичу великое время стало отъ нея царицы за такое умышленіе». Слѣпой старикъ Копытовъ разсказалъ эту сплетню сначала одному (дозорщику Левшутину), потомъ и другимъ колодникамъ, приглашоннымъ Левшутиннымъ въ свидѣтели тайно. Левшутинъ объявилъ нарымскому воеводѣ за Копытовымъ слово и дѣло, но получивъ въ отвѣтъ: «пожалуйста помолчи здѣсь немного, мнѣ такихъ дѣлъ вѣдать не дано», — сталъ искать случая отправиться въ Москву. Съѣхалъ онъ изъ Тобольска съ государевымъ желѣзомъ; послѣ сдачи его въ сибирскомъ пригазѣ получилъ пропускъ, но остался въ Москвѣ ожидать государя. Не дождавшись, пошелъ онъ въ Низовце города для свиданія съ родными, а по пути зашелъ въ Керженскіе лѣса къ раскольникамъ. Здѣсь онъ натолкнулся на новыхъ недовольныхъ: говорили ученые керженскіе старцы, что царь — антихристъ, архіереи — еретики, а всѣ господа по милости государевой — антихристовы слуги и грабители. Для подкрѣпленія своихъ словъ показывали и тетради разныя и книжки. На пыткахъ и допросахъ не отреклись отъ своихъ словъ, когда Левшутинъ снова выкричалъ на нихъ и въ Нижнемъ и въ Москвѣ государево великое слово. Левшутинъ также устоялъ на доносѣ: и при мукахъ четырехъ пытокъ, и въ хомутѣ на подъемѣ, и на дыбѣ подъ кнутомъ; двое оговоренныхъ на пыткахъ померли; третій устоялъ и былъ сосланъ на каторгу. Левшутина отпустили на волю шататься по лицу земли родной и только теперь можетъ быть выучили заграждать уста и не сказывать князю-панѣ Ромодановскому

про тѣ тайныя дѣла, которыя слышали уши. Можетъ быть, въ Левшутинѣ и пропала страсть къ сплетнямъ на государево имя и утомилась въ немъ пытливость въ сомнѣннѣхъ на счетъ заслугъ Петра передъ народомъ. Не утомонила каторга другихъ убѣжденныхъ; не въ нихъ была сила, не въ ихъ личномъ характерѣ поддержка, смѣлость и устойчивость, но въ общемъ предубѣжденіи, въ народной довѣрчивости, воспитанной духомъ времени и поддерживаемой стоустой молвой.

Самозванца солдата Кремнева, выдававшего себя за Петра III, поддерживалъ мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ, и не только (какъ сказано въ указѣ) самъ тому вѣрилъ, «но и всѣхъ вообще совсѣмъ вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подкрѣплялъ и увѣрялъ». За такую довѣрчивость его наказывали кнutomъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ чинилъ увѣренія и подписи; возили его съ привязанною на груди доскою, гласившею: «помощникъ самозванцу и народную спокойствія нарушитель и свидѣтель»; выгнали ему на лбу знаки двухъ словъ, означавшихъ «ложный свидѣтель», и сослали въ Нерчинскъ въ работу вѣчно. Въ Нерчинскѣ Евдокимовъ присталъ къ новому самозванцу и снова довѣрчиво ему покорился, во всемъ помогалъ и всѣмъ о его ложномъ увѣреніи рассказывалъ. Въ свою очередь и этотъ самозванецъ сдѣлался на каторгѣ таковымъ не впервые и также не былъ вразумленъ дальною ссылкой и тяжелыми работами.

Этотъ самозванецъ (ускользнувшій отъ вниманія изслѣдователей замѣчательнаго явленія въ русской жизни, представляемаго самозванствомъ) былъ солдатомъ брянскаго пѣхотнаго полка, и назывался Петромъ Чернышовымъ. Въ Изюмскомъ уѣздѣ въ домѣ попа Иванецкаго, при немъ, при попадѣ и дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Федоровичемъ, и потомъ увѣрялъ въ томъ же крестьянъ, и при этомъ плакалъ. Чернышовъ избавленъ былъ отъ смертной казни, но жестоко наказанъ кнutomъ и сосланъ въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно. За нимъ отправился туда же и распопа Иванецкій. Въ 1763 году Чернышовъ, съ именемъ секретнаго арестанта, заключонъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Днемъ его выпускали на работу вмѣстѣ съ прочими колодниками, — на ночь запирали въ секретный казематъ одного. На работахъ съ нимъ видались многіе, но говорили не всѣ. Ссылный попъ Левъ Евдокимовъ пришелъ съ осьминою води, подпоилъ винномъ сторожа, и отъ секретнаго арестанта узналъ, что онъ — бывшій императоръ Петръ третій. Двое другихъ ссылныхъ (Жарповъ и Фирсовъ) подтверждали тоже самое: одинъ раз-

сказывалъ, что въ бѣгство его въ услуженіи въ Москвѣ у грузинскаго царевича Егора, Петра III видалъ, и что секретный арестантъ имѣеть съ нимъ поразительное сходство; другой ссыльный сказывалъ, что Петра III видалъ въ 1763 году въ Петербургѣ въ тайной канцеляріи, и что Чернышовъ на лицо таковъ же, какъ и императоръ. Самъ же Чернышовъ рассказывалъ всѣмъ, что, «бывши въ Воронежской губерніи для осмотра состоявшихъ въ оной полковъ, подъ видомъ солдата, былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ». Успѣхъ рассказовъ превзошелъ всякія ожиданія: не только повѣрили всѣ на заводѣ, но и изъ дальнихъ мѣстъ стали приходить крестьяне взглянуть на царя и принести ему всякіе подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины; наконецъ, лошадей съ навозомъ, чтобы «какъ можно старался бѣжать, а хлѣбомъ не оставлять». Подалъ о себѣ голосъ и распона Иванецкій, жившій въ Уровской деревнѣ, приславшій Чернышову письмо такого содержанія: «Премилосердный мой государь, Петръ Ѳедоровичъ! желаю вамъ здравствовать на многія лѣта... Черезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда, или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться?»... Евдокимовъ за Чернышова написалъ такой отвѣтъ: «О чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій отъютантъ, ходилъ въ тюрьму, осмотрѣлъ Петра Ѳедорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ, и писалъ къ Петру Ѳедорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе предлагать»... Дѣйствительно, адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышова и опозналъ его императоромъ; самъ генералъ Ивашевъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ и осматривалъ Чернышова. Молва неслась все дальше и выше, и успѣла поднять сильныхъ войсками тунгусскихъ князей Гантимуровыхъ. Одинъ изъ братьевъ наказывалъ передать Чернышову о готовности своей собрать тунгусовъ и взять его изъ тюрьмы разбоемъ: «пріѣдемъ въ заводъ, у меня ни одинъ человѣкъ и въ окно выглянуть не смѣеть». Чернышовъ, заручившійся обѣщаніями помощи, гвоздемъ отперъ замокъ цѣпи, на которую былъ посаженъ, увиавъ платкомъ ножные вандаль, чтобы не бряцали, и по кушаку, съ помощію друзей, вышелъ на волю. Бродилъ онъ по окрестностямъ долго, заблудился, 11 дней шелъ голодомъ, пришелъ въ безсиліе, и на 12-й день, выйдя изъ всякаго терпѣнія, добровольно отдался въ руки судей. Въ Нерчинскомъ заводѣ началось слѣдствіе, собрали всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, дѣлали допросы и очныя ставки, путались въ трущобахъ разнорѣчивыхъ показаній и

улововъ; не могли приступить къ суду за недостаткомъ твердыхъ убѣжденій. Къ тому же, и князь Гантимуровъ сдержалъ свое слово, привелъ въ заводъ свою команду, болѣе ста вооруженныхъ тунгусовъ. Въ комиссію онъ не пошолъ, ссылаясь на то, что не принадлежитъ къ горной командѣ, отвѣтовъ никакихъ не давалъ, и продолжалъ свободно гостить у генераль-майора Ивашева. Однако, дѣло кое-какъ довели до конца. Въ 1770 году изъ Петербурга было написано оставить сообщниковъ безъ вниманія, кромѣ Ойрсова, котораго велѣно наказать плетью, но изъ-подъ караула освободить. Чернышова же указано наказать кнутомъ публично при заводскихъ жителяхъ, повѣрившихъ его разглашенію, потомъ заклеить, какъ человѣка дерзкаго и злаго, и сослать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ употреблять его въ тяжкихъ работахъ. Въ 1771 году приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чернышовъ до Мангазеи не доѣхалъ: онъ умеръ по дорогѣ въ Енисейскѣ, оставивъ послѣ себя собственные пожитки: войлокъ, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрышки, «а и еще имѣлась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана, и что онъ гнила и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила, и затѣмъ брошена» *.

Это событіе, со включеніемъ участія ссыльнаго въ Камчатку Батурина въ смѣломъ побѣгѣ Бенѣвскаго, сдѣлавшемся извѣстнымъ во всей Европѣ, служить дополненіемъ весьма немногихъ другихъ, оживляя однообразную жизнь изгнанниковъ за государственныя преступленія и освѣщая мрачную ночь неволи. Остальные изгнанники остались для страны невѣдомыми, бесполезными и лишними. Съ одинаковымъ удобствомъ ихъ могли бы довести до ускоренной смерти въ монастыряхъ и тюрьмахъ русскихъ, и, конечно, старинному возрѣнію на людей этихъ вовсе не нужно было такихъ героевъ, какъ Ивашкинъ, прожившій въ Камчаткѣ (въ Большерѣцкѣ) тридцать-пять лѣтъ, и когда ему разрѣшена была свобода, не только не принявшій права, но и неимѣвшій никакого интереса въ возвратѣ. Онъ, какъ милости, просилъ дозволенія остаться въ странѣ, гдѣ выучился ловить себѣ рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обученіемъ дѣтей грамотѣ и исправленіемъ должности дьячка: въ 1770 году, за 15 лѣтъ до того, его еще интересовало возвращеніе, и онъ писалъ о томъ просьбу къ губернатору; когда же ему перевалило за 60 лѣтъ — онъ могъ отвѣ-

* Подробно рассказано нами все это дѣло въ Библиотекѣ для чтенія 1861 года, въ статьѣ: «Два эпизода изъ исторіи Нерчинскихъ тюремъ».

чать на милость только такими словами: «куда мнѣ ѣхать при такой дряхлости! Я чувствую, что не переживу моего переселения и умру на дорогѣ». Такихъ героевъ жестокосердный до утонченности вѣкъ не желалъ; симпатіи его обращались въ другую сторону, изъ которой доносились рапорты комендантовъ и отписки монастырскихъ настоятелей, что такой-то нумеръ (такой-то безымянный секретный арестантъ) умеръ. До этого извѣстія, утѣснителямъ пріятно было назначать для жительства самыя голодныя мѣста (зимовья), самыя глухіе остроги, которые до настоящаго времени представляютъ крайнее безхлѣбье и безлюдье. Старымъ вершителямъ человѣческихъ судебъ пріятно было забыть не только о событіяхъ, но и о лицахъ, по примѣру того, какъ на 35 лѣтъ забыть былъ Ивашкинъ, сказавшій по увлеченію молодости, въ пьяномъ видѣ, и своимъ товарищамъ неосторожное слово про Елизавету, какъ забыть былъ нѣкто Родіонъ Ковалевъ, 25 лѣтъ просидѣвшій на цѣпи въ Селенгинскомъ монастырѣ до того времени, когда, по уничтоженіи тайной канцеляріи, открыли монастырскія тюрьмы и выпустили заточниковъ. Ковалевъ, конечно, оказался сумасшедшимъ, какъ и всѣ другіе, остававшіеся въ живыхъ, но онъ, сверхъ того, разучился уже говорить до нѣмоты. Одна бумага сохранила его прежнее званіе, и объявила, что онъ былъ подпоручикомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка, но не было другой, которая сказала бы о его винахъ, а въ жизни настоящей не было, конечно, ни единого штриха, который бы могъ свидѣтельствовать о степени его вреднаго вліянія и великой важности преступленія. Многие погибли безвѣстно: такъ между сотнями таковыхъ сосланныхъ при Аннѣ Бировомъ — одному усердному изслѣдователю ссыльной старины Сибири (Л. С. Сельскому) извѣстенъ одинъ изъ такихъ заточниковъ, сосланный въ Анадырскій острогъ безъ означенія имени и виновности. «Когда возникла переписка о всѣхъ, находящихся въ Камчаткѣ и Охотской области (говорить г. Сельскій *), то изгнанникъ анадырскій отмѣченъ умершимъ». Генераль-прокуроръ Вяземскій принужденъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ настояніямъ, чтобы отыскивали заключенниковъ и оказывали имъ милость, но на большую часть предписаній получалъ въ отвѣтъ, что узнать имена ссыльныхъ и мѣста заточенія нѣтъ никакой возможности. Иные являлись съ переменнымъ именемъ изъ Россіи, другихъ переименовывали на мѣстахъ ссылки. «Иногда (свидѣтельствуетъ Манштейнъ въ своихъ мемуарахъ) приказывали дѣлать такую пере-

своей «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ».

мѣну, не увѣдомляя о томъ и тайную канцелярію». Исчезли всякіе слѣды въ народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветой, о Толстыхъ, Бузуриныхъ и проч. Объявлялись неизвѣстные, въ родѣ бывшаго флигель-адъютанта Де-ла-Тосоньера и проч., и оставались неизвѣстными сыльные въ родѣ Аванасія Петровича, извѣстнаго въ Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Помнить, что онъ былъ старъ и бодръ, и отличался хорошимъ платьемъ. Въ народѣ ходили различные толки *. Какъ въ прошломъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему вѣкѣ отнимали у сыльныхъ всякую возможность свободного употребленія своихъ силъ и способности на пользу страны, и въ исполненіе основной и существенной идеи всякой колонизаціи. Лишь только тамъ, гдѣ, по случайнымъ привилегіямъ, предоставлялась какая либо свобода и оставался хотя малѣйшій просторъ для малѣйшей самодѣтельности сыльныхъ, полезное вліяніе ихъ не медлило обнаруживаться. Впрочемъ, разведеніе Меншиковымъ огорода въ холодномъ и неплодномъ Березовѣ, учрежденіе богадельни его осиротѣлымъ семействомъ тамъ же, заведеніе школы Минихомъ въ пустынномъ Пелымѣ, школа Ивашкина въ Камчаткѣ, опыты разведенія лошадей и рогатаго скота въ тундрахъ Нижнеколымска — единственные памятные слѣды сыльной жизни государственныхъ преступниковъ прошлаго вѣка **. Обезпеченіе границъ съ Китаемъ услугами гетмана Демьяна Многогрѣшнаго за Байкаломъ — единственное крупное явленіе въ исторической жизни сыльныхъ, но и оно принадлежитъ ко временамъ болѣе глубокимъ, къ событіямъ XVII вѣка. Въ XVIII-мъ на преступниковъ «секретныхъ» смотрѣли, какъ на людей, прѣисполненныхъ презрѣнаго яда; боялись допускать ихъ до сношенія съ людьми даже въ случаяхъ необходимости, при недостаткѣ кормовыхъ, ходить по міру и просить подаенія, «чтобы колодники не рассказали въ народѣ тѣхъ словъ, за что они были сосланы».

«Великоважность» преступниковъ понималась приставниками или такъ, что поступали съ ними круто и безсердечно, — или опасливостью, великими затрудненіями на крайние случаи болѣзни и при необходимости подать какую либо помощь и ова-

* Считали его бояриномъ, сосланнымъ Павломъ; говорили, что когда везли его въ Петербургъ обратно и на день остановились въ Тобольскѣ, онъ, при видѣ губернатора Канцевича, стоявшаго у подотворенной двери, сказалъ ему: «Ну, Канцевичъ, гатчинскій любимецъ! Ты еще не узналъ меня?»

** Опытъ Менгдена не былъ удаченъ: лошадей развести ему не удалось въ неудобныхъ колымскихъ тундрахъ. Въ этомъ отношеніи былъ счастливъ другой сыльный въ архангельскую тундру, В. В. Голицынъ, положившій основаніе крѣпкой породѣ мезенокъ, долгое время пользовавшихся большою извѣстностію на сѣверѣ Россіи.

зять содѣйствіе. Долгорукіе въ Березовѣ получили 15 розогъ за игру въ горохъ и ридали своего пристава, ходившаго на бесѣду съ ссыльными дамами въ солдатской епанчѣ, накинутой на рубашку, и въ туфляхъ на босую ногу. «Дай Богъ (говорить Нат. Бор. Долгорукая въ своихъ запискахъ) дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глупый офицеръ былъ! Ему казалось подло съ нами говорить; однако со всею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Я была всѣхъ моложе и невоздержна, не могу терпѣть, чтобы не смѣяться, глядя на его смѣшную позитуру. Онъ это вида, что я ему смѣюсь, какъ-то разъ ему пришлось примѣтить, говорить: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ». Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? ему ли смотрѣть! Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала невинность наша». Когда пересылаемый въ Сибирь Ивашкинъ на дорогѣ заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ донесъ рапортомъ, что онъ не перенесетъ дороги изъ Иркутска и умретъ,—врачъ Вакманъ не рѣшился ему помочь, хотя и нашолъ, что Ивашкинъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и имѣетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и ногахъ.

Болѣе счастливы были тѣ узники, которые, съ переменною правленія, считались оправданными и успѣвали дожить до воцаренія своихъ благодѣтелей. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторыя милости не ограничивали себя тѣсными предѣлами: возвращенные (какъ Долгорукіе) приглашались снова на поприще государственной дѣятельности, ссыльныя женщины, обречавшіяся на монастырское заточеніе и на монашеское постриженіе, разстригались. Такъ съ постриженныхъ дочерей Артемія Волынскаго (Анны въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ и Маріи въ енисейскомъ Рождественскомъ) сняли монашескій чинъ и отпустили на житье въ Москву *. Фед. Ив. Соймановъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, первый составившій карту Бѣлаго моря и описавшій впервые берега Каспійскаго, изъ вице-президентовъ адмиралтействъ-коллегіи въ 1740 году попалъ въ Сибирь за участіе въ дѣлѣ Волынскаго, наказанъ кнудомъ и сосланъ былъ Вирономъ въ каторжную работу на Охотской соловаренной заводъ. Елизавета Петровна, тотчасъ по восшествіи на престолъ, признала его невиннымъ, возвратила шпагу и позволила жить, гдѣ пожелаетъ. Соймановъ однакожъ все-таки еще 16 лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибири безъ всякаго званія, но не бесплодно воспользовался свободой:

* Анна вышла замужъ за Нарышкина, Марія осталась монахиней въ одномъ изъ кievскихъ монастырей.

въ 1753 году онъ измѣрялъ фарватеръ Шилки и развѣдывалъ первымъ пути по Амуру. Въ 1757 году, именнымъ указомъ, онъ изъ ссыльнаго, жившаго на пропитаніи, сдѣлался сибирскимъ губернаторомъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой должности, оставили глубокіе слѣды признательности въ преданіяхъ старожиловъ и крупныя доказательства его знаніямъ и службѣ странѣ. Въ Миллеровомъ журналѣ «Ежемѣсячныя сочиненія сохранились замѣчательныя ученые труды бывшаго изгнанника (Сибирь — золотое дно, Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ и Письмо російскаго навигатора къ молодому Зейману); въ Охотскѣ устроена была имъ морская школа, при Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ маякъ и гавань, имъ же уничтоженъ анадырскій острогъ для облегченія несчастныхъ коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ непосильною перевозкою туда провіанта и разныхъ припасовъ. Послѣ бесполезнаго для края Салтыкова, сосланнаго въ Сибирь воеводою вмѣстѣ съ племянницею (впослѣдствіи женою царя Ивана Алексѣевича *), ссыльный Соймановъ былъ единственнымъ административнымъ лицомъ въ мѣстѣ изгнанія и послѣ Многогрѣшнаго — вторымъ — по времени, оказавшимъ несомнѣнныя услуги ссыльному краю.

Для всѣхъ другихъ ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ, намъ извѣстныхъ, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участіемъ и помощію простыхъ сердецъ, видѣвшихъ мученія жертвъ и снѣшившихъ на помощь, на сколько это было возможно. Многихъ изъ далекихъ зимовьевъ губернаторы брали на себя смѣлость переводить на житье въ губернскіе города. Камчатскій губернаторъ Козловъ уважалъ Ивашкина за отца и обязанъ былъ ему многими полезными совѣтами по дѣламъ управленія, въ чемъ лично убѣдился и о чемъ свидѣтельствуетъ знаменитый Лаперузъ. Впрочемъ, и здѣсь мщеніе издалека не медлило налагать свою тяжолую руку: одинъ изъ провожатыхъ казаковъ, доставившій письмо отъ Гурчанинова кому-то въ Якутскѣ, высѣченъ нещадно кнутомъ, «дабы для другихъ было неповадно». Одинъ изъ жиганскихъ жителей, передавшій князю Черкасскому (сосланному въ 1734 г.) псалтырь, также наказанъ былъ кнутомъ и переселенъ въ дальнее зимовье. 31 человекъ изъ жителей Березова и Обдорска, приверженныхъ къ Долгорукиимъ, темною и дождливою ночью были схвачены, посажены на судно и сплав-

* Салтыковой изъ всѣхъ ссыльныхъ женщинъ жилось лучше и свободнѣе: она пріѣхала со штатомъ дѣвицъ, уѣхала съ великою честію. Могла держать себя гордо: не допускала къ себѣ никого, удостоивала честию посѣщенія только игуменью, и не позволяла передъ собою садиться даже дядѣ-воеводѣ. Содержалась она въ Енисейскомъ монастырѣ.

лены въ Тобольскѣ. Несмотря на личное ходатайство сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго, священнику Кузнецову вырвали ноздри, лишили сана и наказали кнотомъ; священниковъ Прохорова и двухъ Васильевыхъ и дьякона Когоулина выбили плетью и, безъ лишена сана, сослали на каторгу въ Охотскій портъ. Елизавета ихъ возвратила; Долгорукіе пригласили ихъ съ собою: березовскіе священники не согласились, рѣшившись дожить вѣтъ въ Березовѣ, но обдорскій священникъ и дьяконъ выѣхали въ Москву, въ домовую церковь Долгорукикъ.

Во всякомъ случаѣ, молва о страданіяхъ, о набожности, о смиренной покорности службѣ ссыльныхъ ушла въ преданіе. Разрыхлилась почва, предназначенная для будущихъ несчастныхъ этого рода въ такой мѣрѣ, что въ туземномъ населеніи приготовились инны возрѣнія на этихъ людей, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ секретныхъ. При неусыпномъ надзорѣ они исторгли уваженіе даже среди униженій и страданій. Туземное населеніе, вопреки увѣреніямъ противной стороны и при видѣ частыхъ перемѣнъ судьбы этихъ ссыльныхъ къ лучшему и къ полному прощенію, воспиталось въ наибольшей готовности содѣйствія и помощи и укрѣпилось въ этомъ обязательствѣ въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и крупныхъ добродѣтелей многихъ изъ ссыльныхъ. Настоящій вѣкъ, хвастливый своими гуманными доблестями, увидѣлъ это явленіе въ характерѣ сибиряковъ въ самыхъ яркихъ чертахъ и убѣдился въ его существованіи многочисленными ясными и безспорными доказательствами. «Мы видѣли — говоритъ одинъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года — сибирскихъ мужиковъ, стоявшихъ на дорогѣ на холодѣ (въ зиму 1826 г.), подъ открытымъ небомъ. Это былъ обычай жителей собираться изъ окрестныхъ деревень на большую дорогу и дожидаться «несчастныхъ», чтобы продать имъ съѣстные припасы, теплые чулки и т. под. Бѣднѣйшіе получали эти предметы даромъ. Это бываетъ по два раза въ недѣлю. Я узналъ послѣ, что это христіанское обыновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ». Между петровскимъ временемъ, когда за плѣнныхъ шведовъ сибиряки гнушались выдавать своихъ дочерей и вызвали насильственнымъ мѣры, и настоящимъ вѣкомъ, обильнымъ ссылкой поляковъ, лежить уже цѣлая бездна. Томскіе жители, не принимавшіе къ себѣ на квартиру декабриста Батенкова, представляютъ единственный примѣръ, обладающій всѣми свойствами исключительнаго и страннаго явленія.

Тоже состраданіе къ участи обреченныхъ въ ссылку, исходящее изъ непосредственныхъ чувствъ богатаго русскаго сердца, тоже беззавѣтное участіе всѣхъ случайныхъ свидѣтелей встрѣтило

и провожало до крайнихъ предѣловъ изгнанія и этихъ новыхъ ссыльныхъ 1826 года, получившихъ по дорогѣ въ Сибирь и въ самой странѣ изгнанія прозваніе «внзаетей». На этотъ разъ это состраданіе и участіе, составляющія привиллегію русскаго народа, выразились съ болѣею полнотою и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Если обыкновеннымъ «несчастливымъ» успѣвають пособлять только встрѣчные — и «милостивцы» являются въ видѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, то на этотъ исключительный разъ тѣже чувства готовно высказались и со стороны высшихъ сословій, людей большаго образованія, способныхъ сознавать и давать отчетъ въ собственныхъ поступкахъ. На этотъ разъ христіанскія чувства успѣли обнаружиться даже на самыхъ первыхъ шагахъ въ неволѣ. Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей казанскаго собора, избранный въ духовные отцы заключеннымъ и въ видахъ содѣйствія слѣдственной комиссіи, сталъ единственнымъ и беззавѣтнымъ ихъ другомъ. Изъ постоянного собесѣдника и утѣшителя оиъ превратился для нихъ въ комиссіонера, умѣннаго, среди опасностей риска, съ осторожностью, находившею силы въ искренности чувствъ христіанской любви, быть посредникомъ между заключенными и ихъ родными. Его содѣйствію, между прочимъ, обязаны были жены ссыльныхъ тѣмъ, что за день узнавали о тщательно скрываемыхъ срокахъ отправленія мужей своихъ и имѣли возможность видѣться съ ними на дорогѣ. Ему, въ благодарность за благодѣянія, завѣщаль Рылѣевъ одну изъ своихъ золотыхъ табакерокъ.

Плацъ-адъютантъ крѣпости, адъютанты военнаго министра (Татищева), посланные быть свидѣтелями отправленія приговоренныхъ въ Сибирь и обязанные слѣдить, чтобы ссыльные не имѣли и при себѣ денегъ, передаютъ въ руки деньги, свои собственные, и довѣренныя имъ родными приговоренныхъ, и отобранныя при арестѣ. Передавая деньги, люди эти усердно просили дать имъ новую комиссію, предлагали услуги передать какое-либо порученіе роднымъ; прощаясь, обнимали и плакали. Солдаты и всѣ приставники сильно мирволили; одинъ рекомендовалъ даже иностранное судно для побѣга за границу и обязывался устроить побѣгъ.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытія поѣзда (съ четырьмя тройками назади, на которыхъ сидѣли ссыльные по одному въ экипажѣ, съ однимъ жандармомъ на каждыя), гнали во всю прыть только по Петербургу; за заставой ѣхали обычно рысью, на станціяхъ намѣренно медлили во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для свиданія встрѣчались съ путешественниками ихъ жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цѣли на ночь позволяли снимать съ ногъ. Жан-

дармы только прислуживали съ готовностью и радѣніемъ, оправдываясь тѣмъ, что приказано—де обходиться вѣжливѣе. Смотрители на станціяхъ старались угодить, чѣмъ могли, накормить и напоить всѣмъ, что имѣли.

Одну партію (4-хъ человекъ) на станціи за Шлиссельбургомъ встрѣтила со слезами кучка женщинъ, предлагавшихъ деньги, бѣлье, платье: это была случайно проѣзжая помѣщица, ѣхавшая изъ имѣнія съ дочерьми въ Петербургъ. Другая партія (также изъ 4 человекъ) на почтовой станціи въ Рыбинскѣ, получившая дозволеніе отдохнуть, нашла одну изъ двухъ комнатъ съ диваномъ и кроватью, занятою проѣзжими, и потому размѣстилась на полу первой. Но лишь только они успѣли лечь, отворилась дверь сосѣдней комнаты и проѣзжіи вышли оттуда съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одинъ несъ подушку, другой — узелъ. На извиненіе о безпокойствѣ, причиненномъ бряпаньемъ кандаловъ, проѣзжіи учтиво отвѣчали: «Прошу васъ, господа, въ мое помѣщеніе, оно теплѣе и въ тамъ лучше отдохнете: вашъ путь великъ, а мой только до Петербурга». Незнакомецъ этотъ былъ адмиралъ съ георгиевскимъ крестомъ, ѣхавшій отдавать сыновей своихъ въ Петербургъ въ кадетскій корпусъ. Пока эта партія собиралась объѣхать въ гостиницѣ, въ городѣ Ярославлѣ, на площади собрался народъ, въ $\frac{1}{4}$ часа площадь переполнилась народомъ такъ, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло мѣры предосторожности: у воротъ извнѣ поставлены были съ обнаженными саблями жандармы; на тройки въ сани усаживались при запертыхъ воротахъ и, едва лишь послѣднія были отперты, съ быстротою птицы тройки полетѣли черезъ площадь. Одинъ изъ ѣхавшихъ едва успѣлъ поднять руку, чтобы снять шапку, какъ уже вся толпа обнажила головы и всѣ кланялись съ чувствомъ самаго искренняго участія. «О народной мести — замѣчаетъ одинъ изъ свидѣтелей этой сцены — и рѣчи быть не могло». Слѣдовавшую за этой партію народъ продолжалъ убѣждать въ противномъ: толпаясь около телѣгъ и повозокъ, бросалъ свои мѣдные гроши. Одну копѣечку, полученную отъ нищей старухи, Ник. Вас. Басаргинъ хранилъ, какъ драгоценность. Въ городахъ чиновники, на станціяхъ этапные офицера — всѣ относились съ участіемъ, во всѣхъ это участіе было неподдѣльно. Ямщики привязывали къ санямъ кибитки, бережно обкладывали ноги сѣномъ. Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи проѣзжихъ сдѣлали обѣдъ и балъ, другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщенный огонь и соблазнившись долетавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегера нарячиться «ряженными»; въ

видѣ медвѣдя съ козой и проводниками пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ пришлыхъ танцорахъ, опять надѣли бандалы и поѣхали дальше на каторгу. Дорогою избѣгали говорить пофранцузски, зная, что фельдъегерямъ дано право, въ случаѣ нарушенія этого приказанія, оставлять безъ обѣда. Тобольскій гражданскій губернаторъ, Бантышъ-Каменскій (издатель извѣстнаго въ литературѣ «Словаря»), дарилъ двухдневнымъ отдыхомъ, заботливо расспрашивалъ о нуждахъ, о здоровьи; полиціймейстеръ отлично угощалъ, предлагая до 12-ти сортовъ всякихъ рыбъ, живущихъ въ сибирскихъ рѣкахъ. Отъ Тобольска въ проводники выдавались уже чиновники, и Бантышъ, прощаясь съ проводниками, говорилъ послѣднимъ: «Примите арестантовъ, но помните, что вы имѣете дѣло съ благовопитанными людьми». Въ Тарѣ тѣмъ же гостеприимствомъ встрѣчалъ полиціймейстеръ Степановъ, кавказскій воинъ временъ Ермолова, который, будучи привлечонъ къ отвѣту, умѣлъ отвѣчать коротко, что руководился заповѣдью христіанской любви. Въ Красноярскѣ жители спорили за право чести принять у себя проѣзжихъ и угостить ихъ: угощалъ хлѣбосольно самъ губернаторъ, Алек. Петр. Степановъ (авторъ «Постоялаго двора» и «Описанія Енисейской губерніи»). Купцы, добившіеся чести нагормить «несчастныхъ», принимали въ лучшихъ комнатахъ, угощали порусски всѣмъ, что было въ печи; топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. Въ Иркутскѣ самую первую партію приняли съ тою же ласкою, какою пользовались остальные. Исправляющій должность губернатора поговорилъ съ каждымъ съ участіемъ, но особенное вниманіе оказалъ чиновникъ, бывшій свидѣтелемъ разговора. Когда старшіе удалились, онъ остался: со слезами на глазахъ, едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, молилъ каждого изъ четырехъ не отказаться принять отъ него по 25-ти руб., не сдаваясь на убѣжденія, что въ деньгахъ путники не нуждаются. Одну изъ позднѣйшихъ партій въ Каинскѣ городничій, бывшій фельдъегерь, встрѣтилъ въ сопровожденіи двухъ чело- вѣкъ, несшихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода, и также убѣдительно приглашалъ принять деньги, говоря: «Ради Бога, примите! Нажилъ несовѣсть чисто-взятками. Возьмите: на совѣсти легче станеть!.. Семейства у меня нѣтъ, беречь некому; избавите меня — сдѣлаете доброе дѣло». Прочіе чиновники и купечество по возможности старались уско- коить и доставить развлечения во время короткаго пребыванія въ городахъ и «никакимъ словомъ, никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, которое неизмѣнно нами сохранилось».

С. Максимовъ.

VI. ИСПОРЧЕННЫЯ ДѢТИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ, ОБЪЯСНЯЮЩЕЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ ОДНОГО
ЛИТЕРАТУРНАГО ОБЩЕСТВА.

Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера, Катерина Павловна Младо-Сморчковская, рожденная княжна Пустодомова, имѣла четверыхъ сыновей-подгодовъ: Гришу, Сережу, Ваню и Пашу. Всѣхъ ихъ она, разумѣется, предназначала для самой блестящей будущности. Она была бы, напримеръ, очень рада, еслибъ хоть одинъ изъ нихъ вышелъ чѣмъ-нибудь въ родѣ Суворова, и надо сказать правду, что маленькій Ваня до нѣкоторой степени даже оправдывалъ материнскія мечты. Онъ не любилъ никакой игры, кромѣ игры въ солдатики, отвращался отъ всякихъ игрушекъ, кромѣ оловянныхъ кавалеристовъ и пѣхотинцевъ, терпѣть не могъ никакой мелодіи, кромѣ мелодіи барабана; наконецъ, ѣлъ и пилъ всякую дрянъ. Однажды, засмотрѣвшись на маленькаго Ваню, какъ онъ маршировалъ, и какіе трудные переходы заставлялъ дѣлать своихъ оловянныхъ однокашниковъ, Катерина Павловна до того забылась, что воскликнула: «иди! спасай царей!» Конечно, она сама сейчасъ же опомнилась и порядкомъ-таки струхнула, но, къ счастью, въ то время никого, кромѣ Вани, въ комнатѣ не было, и происшествіе это осталось безъ послѣдствій. Но съ другой стороны, она понимала и то, что Суворовъ былъ всего на все одинъ, и что, слѣдовательно, четверымъ одну вакансію занять никакъ нельзя. Поэтому, она была не прочь удовольствоваться для другихъ сыновей и простосолідною административной карьерой, которая хотя и не поражала бы такимъ блескомъ, какъ карьера военная, но зато обѣщала бы болѣе прочности и обезпеченности въ будущемъ. Сказать ли правду? къ административной карьерѣ у нея даже больше лежало сердце, нежели къ военной...

Чтобы понять причину этого послѣдняго предпочтенія, не
I. CLXXXVI. — Отд. I.

обходимо сказать, что покойный муж Катерины Павловны былъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нѣсколько лѣтъ сряду, губернаторомъ въ одной изъ самыхъ хлѣбныхъ губерній Россіи. На этомъ мѣстѣ онъ достигъ всего, что только человѣческому желанію доступно. Въ глазахъ начальства, онъ славился строгостью и скоростью; глаза откупщиковъ ослѣплялъ неупустительностью во взиманіи даней; въ глазахъ предводителей дворянства имѣлъ то ни съ чѣмъ несравнимое качество, что держалъ лучшаго повара въ цѣлой губерніи и откармливалъ дома совершенно-невиданныхъ поросятъ. Таковы были гражданскія доблести покойнаго. Но были, однакожь, и военныя. Катерина Павловна очень хорошо помнила, какъ ея Иванъ Григорьичъ дѣлалъ походы противъ бунтовщиковъ и недоимщиковъ, какъ онъ не подвергался при этомъ ни малѣйшей опасности, и какъ, за всѣмъ тѣмъ, изъ каждаго похода возвращался обремененный добычею.

«Разграбивъ имущества, предавъ селенія въ жертву пламени, уничтоживъ пажити, и надругавшись надъ женами и дѣвами, они (печенѣги) возвращались восвоиса, обремененные добычею», вспоминалось при этомъ Катеринѣ Павловнѣ изъ ея далекаго институтскаго прошлаго.

— Конечно, все это прекрасно, мысленно прибавляла она въ заключеніе: — и слава и лавры! однако, съ печенѣгами все-таки покончили — и гдѣ теперь ихъ добыча! — а мой Иванъ Григорьичъ и умеръ-то своею смертью, да и изъ добычи кой-что послѣ себя оставилъ!

Вообще, Катерина Павловна довольно своеобразно смотрѣла на русскую исторію. Она дѣлила ее на два періода: первый, до убіенія боярина Кучки, и второй — послѣ убіенія боярина Кучки. До убіенія, ей представлялся какой-то хаосъ, въ которомъ мелькали хозары и печенѣги, обремененные добычей, но ничего своимъ дѣтямъ не оставившіе; послѣ убіенія, наступалъ московскій періодъ, который уже потому былъ ей извѣстенъ, что она была уроженка Москвы, и слѣдовательно, отлично знала и Ивана-Великаго, и Солянку и Арбатъ. Особенныхъ подробностей, конечно, и объ этомъ періодѣ она не могла сообщить, но ей представлялось за вѣрное, что въ это время жили все Ивановы Васильичи, да Васильи Ивановичи, которые отличались отъ печенѣговъ тѣмъ, что были люди хозяйственные и съ добычей обращались умненько.

— Нѣтъ, лучше поскромнѣе, да посоледиѣе! заключала она мысленно: — лучше быть какимъ-нибудь сѣренькимъ Васильемъ Ивановичемъ, чѣмъ знаменитостью въ родѣ князя Дедери (такъ

ошибочно называла она славнаго въ лѣтописяхъ печенѣжскаго князя Редѣю), у котораго, пожалуй, и штановъ не было!

И рѣшила, что дѣти ея будутъ, по малой мѣрѣ, градоначальниками, то-есть, пойдутъ до извѣстной степени по стопамъ доблестнаго родителя, за исключеніемъ, пожалуй, Вани, который могъ, если хотѣлъ, сдѣлаться и Суворовымъ.

Въ исполненіи этихъ намѣреній Катеринѣ Павловнѣ не мало помогалъ Степанъ Петровичъ Сапентовъ, рекомендованный братцемъ, княземъ Кириллою Пустодомовымъ, какъ педагогъ, специально посвятившій себя приготовленію государственныхъ младенцевъ.

Степанъ Петровичъ былъ явленіемъ довольно обыкновеннымъ въ то небогатое людьми время. Происходя изъ «прискорбныхъ» и кончивши курсъ въ духовной академіи, онъ, при помощи ласковости и пастырскаго благословенія, кое-къ-кому втерся, кое-около-кого потерялся, такъ что въ непродолжительномъ времени позналъ даже употребленіе носоваго платка. Онъ уже мечталъ о томъ, какъ современемъ замѣнитъ собою Сперанскаго, но выходящія изъ ряду педагогическія способности помѣшали ему сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ.

Издавна замѣчено, что слишкомъ большое усердіе, слишкомъ исключительная специальность скорѣе мѣшаютъ, нежели помогаютъ. Для того, чтобы свободно подниматься по лѣстницѣ жизни, необходимо отчасти порхать, отчасти скользить по поверхности. Порхающій человѣкъ то на одинъ цвѣтокъ садеть, то на другой — не успѣешь оглянуться, а въ результатѣ административный сотъ. Напротивъ того, человѣкъ усидчивый, обладающій чугуною поясницею, такъ и жажется, что заведеть въ трущобу. Я зналъ очень многихъ почтеннѣйшихъ регистраторовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы, конечно, не прочь устроить свой собственный сотъ, но ни одинъ не былъ къ тому допущенъ именно потому, что слишкомъ ужъ ревностно записывалъ исходящія и входящія бумаги. Какъ только начальство разъ убѣдилось, что человѣкъ на извѣстномъ мѣстѣ необходимъ, что безъ него, какъ безъ рукъ, такъ карьера этого человѣка кончена. Истинные честолюбцы знаютъ это, и потому на каждомъ встрѣчающемся цвѣтѣ останавливаются именно на столько времени, сколько нужно, чтобы извлечь изъ него необходимое въ данную минуту количество меда. И такимъ образомъ, порхая, играя и летая, допархиваются и доигрываются иногда до должностей весьма приглядныхъ.

Подобнаго рода непріятность случилась и съ Сапентовымъ. Репутація его, какъ педагога, специально посвятившаго себя

приготовленію государственныхъ младенцевъ, установилась такъ прочно, что никому даже въ голову не приходила мысль о возможности видѣть его въ другомъ положеніи. Конечно, его, для формы, записали въ какую-то комиссію, занимавшуюся разработкой «нѣкоторыхъ приличныхъ нашимъ обстоятельствамъ конституцій», но ни до одной конституціи не допустили, и званія государственнаго человѣка не удостоили. За то, кормили домашними обѣдами, награждали чинами до статскаго совѣтника включительно и общали современемъ сосватать богатую купчиху. Такъ онъ и оставался, въ качествѣ жениха предполагаемой купчихи, видя, какъ Сперанскій мелькаетъ передъ его глазами, и горько плачась на неблагоприятность къ нему фортуны. Въ 1812 году, фортуна, казалось, улыбнулась ему. Сперанскій былъ обвиненъ въ пособничествѣ Наполеону — онъ нѣтъ; Сперанскій былъ сосланъ въ Нижній — онъ нѣтъ. Онъ каждый день ждалъ курьера... увя! на горизонтѣ, дѣйствительно, взошла новая звѣзда, но не онъ, Сапентовъ, былъ этой звѣздой, а какой-то Крестовоздвиженскій или Ризположенскій, однимъ словомъ, пѣето такой, кому онъ еще въ семинаріи неоднократно задавалъ вселенскую смазь.

Онъ покорился.

Въ такомъ положеніи, то-есть, вполне примирившимся съ скромною ролью воспитателя государственныхъ младенцевъ, мы застаемъ его въ ту минуту, когда братецъ князь Федоръ Пустодомовъ познакомилъ съ нимъ Катерину Павловну.

— А позвольте, сударыня, узнать, какіе вы имѣете виды на вашихъ малютокъ? спросилъ Сапентовъ, повидимому, придерживавшійся, въ дѣлѣ воспитанія, той теоріи, что малютка — воскъ, изъ котораго, по усмотрѣнію, можно надѣлать и крѣпкихъ въ брани генераловъ, и прилежныхъ ко взысканію недомогъ администраторовъ.

— Откровенно вамъ скажу, что мнѣ хотѣлось бы пустить ихъ по штатской, отвѣчала Катерина Павловна: — ну, знаете, однакожъ, чтобъ и рыцарскія чувства... не совсѣмъ же были забыты...

— Въ нашемъ отечествѣ, сударыня, рыцарскія чувства наипаче въ чиновническомъ сословіи пребываютъ. Чувства сіи суть: исполнительность и неуклонное храненіе вѣренной тайности!

— Отецъ ихъ былъ губернаторомъ—ну, мнѣ, конечно, хотѣлось бы, чтобъ и они... ну, хоть градоначальниками! Всю же, знаете, кусокъ хлѣба... Разумѣется, не сразу— сразу, я знаю, нельзя, а исподволь... Я вамъ должна сказать, что

Гриша нѣсколько знакомъ даже съ формами и обрядами дѣлопроизводства!

— Вотъ какъ-съ!

— Да; мой покойникъ обращалъ на этотъ предметъ большое вниманіе, и говаривалъ, что въ немъ заключается истинное счастье жизни. Сережа—тотъ больше по части любознательности. Что-нибудь вывѣдать, высмотрѣть—вотъ его дѣло. И сейчасъ прибѣжить ко мнѣ, и все перескажетъ: такой откровенный ребенокъ!

— Сударыня! еслибъ у насъ въ каждой губерніи было хотя по одному такому откровенному ребенку, то наше благополучіе было бы несомнѣнно! Это вѣрно-съ.

— Ну, Паша—тотъ больше къ деньгамъ пристрастіе имѣеть; сляпаетъ, знаете, копить, занимаетъ, дѣлаетъ разныя операціи... иногда даже утаиваетъ...

— Можетъ, стало быть, по финансовой части быть дѣятелемъ. Но вы пропустили, сударыня, третьяго вашего малютку...

— Ахъ, объ Ванѣ, право, не знаю, что и сказать вамъ. Онъ больше все съ барабаномъ! Да вотъ еще на дняхъ выдумалъ въ трубу трубить!

— Чтò же-съ! И по этой части слуги нужны. Въ садахъ государственной службы не одинъ миртъ произрастаетъ, но и лавръ!

— Такъ-то такъ, мой почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, да все какъ-то страшно за него. Мирты-то, знаете, прочнѣе, солиднѣе. Какъ въ карманѣ-то густо, такъ и на свѣтъ смотрѣть какъ будто веселѣе. А съ этими лаврами и свое какъ разъ спустишь!

— Бывали, однако, сударыня, и инныя указанія въ исторіи. Сципіонъ Азіатскій, напримѣръ, не только своего не расточилъ, но даже весьма приумножилъ!

— Ну, да, конечно, кабы командиромъ... вотъ тоже по провіантской части хорошія мѣста бывають... а все же, знаете, по штатской какъ-то солиднѣе!

— Чтò же-съ! постараемся въ одинъ вѣнокъ вплести и лавръ, и миртъ. Какъ говорить поэтъ:

И лавръ, обвившяся съ павилинкой...

Стало быть, это дѣло возможное-съ.

На этомъ конференція и кончилась.

Не имѣя въ предметѣ излагать здѣсь полную систему воспитанія государственныхъ младенцевъ, изобрѣтенную Салпентовымъ, я остановлюсь только на той изъ ея подробностей,

которая имѣеть непосредственное отношеніе къ помѣщаемымъ ниже разсказамъ. Поставивъ себѣ задачей возбудить въ своихъ питомцахъ охоту къ мысленію, Степанъ Петровичъ непрерывно упражнялъ ихъ въ сочиненіяхъ на разные темы. Само собой разумѣется, что темы брались преимущественно изъ сферы административной, къ которой собственно и приготавливались молодые люди. «Надобно ихъ постепенно соблазнять», говорилъ Сапіентовъ, и шелъ къ своей цѣли неукоснительно, то-есть, переходя отъ легчайшихъ понятій и предметовъ къ труднѣйшимъ. Такъ, на первый разъ, онъ задалъ сочиненіе на тему: «что такое канцелярская тайна?» И когда этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ, то приступлено было къ разрѣшенію вопроса послѣдующаго: «почему канцелярская тайна необходима?» Потомъ, онъ задалъ сочиненіе на тему о «благоусклонности вообще и административной въ особенности»; потомъ: «о спасительной строгости и благомилостивомъ прощеніи». Когда же, по его мнѣнію, былъ удовлетворительно пройденъ весь циклъ административныхъ воздѣйствій, тогда онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что настало время увѣнчать зданіе. «Дѣти, сказалъ онъ себѣ, приобрѣли весь необходимый матеріалъ, который былъ нуженъ, чтобъ составить отчетливую идею о томъ, что такое администраторъ вообще. Попробуемъ теперь, въ какой степени они соблазнены!»

Остановившись на этой мысли, онъ задалъ двоимъ старшимъ питомцамъ сочиненіе на тему: «Добрый служака», а для двоихъ младшихъ выбралъ тему полегче: «Добрый патриотъ». Причину, по которой онъ почиталъ эту послѣднюю тему болѣе легкой, онъ объяснилъ Катеринѣ Павловнѣ слѣдующимъ образомъ:

— Сударыня! говорилъ онъ: — чтобы написать хорошее сочиненіе на тему «Добрый служака», надо до известной степени обладать административной практикой, которой ваши младшіе птенчики еще не имѣютъ. Между тѣмъ, упражненіе на тему «Добрый патриотъ» ничего не требуетъ, кромѣ возвышенныхъ чувствъ. Поэтому, я позволяю себѣ думать, что въ этомъ случаѣ малолѣтство автора не только не должно почитаться препятствіемъ, но даже можетъ служить немаловажнымъ подспорьемъ!

Отвѣтомъ на заданную тему были слѣдующія ниже сочиненія. Они печатаются здѣсь, какъ съ подстрочными замѣчаніями, сдѣланными Сапіентовымъ на поляхъ, такъ и съ общими замѣчаніями, сдѣланными имъ же въ концѣ каждаго упражненія.

I. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА.

Изъ моихъ воспоминаній.

(Сочиненіе 13-лѣтнему Гриши Младо-Сморчковскаго).

Не въ весьма давнемъ времени, однако, и не меньше тринадцати лѣтъ назадъ, отъ благородныхъ родителей произошелъ на свѣтъ молодой человѣкъ, получившій въ послѣдствіи столь громкую извѣстность *, подъ именемъ Гриши Младо-Сморчковскаго перваго.

Отецъ Гриши, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Григорьевичъ Младо-Сморчковскій, былъ въ то время—скимъ губернаторомъ, и отличался строгостью и скоростью; мать Гриши, рожденная княжна Пустодомова, славилась красотою, любезными нравами и еще тѣмъ, что въ совершенствѣ знала, какой уѣздъ какими произведеніями изобилуетъ. Сочетаніе сихъ качествъ изумительнымъ образомъ отразилось въ Гришѣ. Онъ былъ строгъ, быстръ, но въ то же время не чуждался и хозяйственныхъ соображеній **.

Къ сожалѣнію, Гриша совершенно не помнитъ обстоятельствъ своего рожденія. Должно полагать, что и онъ не избѣжалъ общаго горькаго закона природы, то-есть, родился нагъ, безпомощенъ, и нѣкоторое время не могъ даже ходить. Помнитъ, однако, что первый предметъ, который обратилъ его вниманіе, и къ которому инстинктивно потянулись его ручки, былъ журналъ «Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», издававшійся тогда подъ редакціей г. Варадинова ***.

Замѣтивъ въ Гришѣ такую обильную наклонность къ правительственнымъ распоряженіямъ, родители его не замедлили всячески оную въ немъ поддерживать и развивать. Въ шестилѣтнемъ возрастѣ, онъ случайно досталъ изъ губернскаго правленія довольно пространный сенатскій указъ, и въ тайнѣ изучалъ его; а семи лѣтъ, ко дню ангела своего родителя, онъ уже сочинилъ рапортъ «о томъ, зачѣмъ по присланному изъ сената указу исполненія учинить невозможно». Съ тѣхъ поръ,

* Не слишкомъ ли самонадѣянно сказано о громкой-то извѣстности? И почему «подъ именемъ», когда Младо-Сморчковскій не псевдонимъ, а дѣйствительная фамилія? *Санктпетеръ.*

** Не знаю, въ какой степени можно сказать сіе о младенцѣ едва родившемся. *Сан.*

*** Авторъ предвараеть событія. *Сан.*

чтеніе начальственныхъ предписаній сдѣлалось любимѣйшею его забавой.

Такъ жилъ Младо-Сморчковскій, возбуждая зависть въ старыхъ совѣтникахъ губернскаго правленія, и будучи предметомъ удивленія для посѣдѣлаго въ бояхъ вице-губернатора. Впрочемъ, отдавшись душою гражданскимъ доблестямъ, онъ не пренебрегалъ и воинскими упражненіями, которыя впоследствии тоже принесли ему много пользы. Такъ напримѣръ, къ восьми годамъ, онъ уже зналъ всѣ построенія, какія необходимы для дѣйствія противъ обывателя*.

Вообще, день этого молодого человѣка былъ распределенъ такъ: въ 6 часовъ утра пробужденіе и умываніе холодной водою à la Suwaroff; непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, одѣваніе (солдатскіе брюки и солдатская же грубаго сукна шинель) и пѣніе «ура!» — до тѣхъ поръ, покуда не пробьетъ семь часовъ. Въ семь часовъ, кружка сбитня и кусокъ чернаго хлѣба. Послѣ того, до двѣнадцати часовъ, тѣлесныя упражненія, ружейные приемы, ученіе одиночное, двурядное и проч. Начальныя понятія объ атакѣ. Въ двѣнадцать часовъ, молодой человѣкъ, возвратившись въ свою комнату, подобно всѣмъ господамъ военнымъ, говорилъ: «ухъ, усталъ, какъ собака!» и позволялъ себя полчаса вздремнуть, сидя на стулѣ, и облокотясь головой на правую руку. Въ часъ, обѣдъ, состоявшій изъ солдатскихъ щей съ солониной (иногда даже не совсѣмъ свѣжею) и крутой каши. Послѣ обѣда, вмѣсто рекреаціи, пѣніе и «ура!»; затѣмъ: ружейные приемы ѣзда маршъ, маршемъ и «сабли на голо!» при чемъ всегда присутствовало нѣсколько сверстниковъ, которые представляли внутреннихъ враговъ, то-есть обывателей**. Съ двухъ до шести, чтеніе указовъ и писаніе рапортовъ, большею частью «съ дѣйствительнымъ исполненіемъ», ибо даже въ юныхъ лѣтахъ Младо-Сморчковскій второй никакихъ препятствій въ дѣлѣ исполнительности выносить не могъ. Въ шесть часовъ, вновь кружка сбитня и за тѣмъ, до девяти часовъ практическія упражненія на

* Дай Богъ, но сомнительно. *Сам.*

** Непонятно, почему обыватель всадѣ именуется внутреннимъ врагомъ? Можно назвать врагомъ: недомыслица, вольнодумца, распространителя вредныхъ и опасныхъ слуховъ, разглашателя канцелярской тайны — всѣ сіи лица мѣшаютъ свободному административному бѣгу — но обывателя вообще... отнюдь! Обыватель скорѣе другъ администраціи, нежели врагъ ея. Онъ платитъ подати, возитъ чиновниковъ на обывательскихъ, то-есть безъ проговоровъ, топить печи въ земскихъ судахъ и городническихъ правленіяхъ, за что пользуется титуломъ сельскаго засѣдателя или ратмана. Вотъ подлинныя занятія обывателя — что же въ нихъ враждебнаго? За всѣмъ тѣмъ, нельзя не сознаться, что и въ замѣчаніи Младо-Сморчковскаго втораго есть нѣкъ довольно справедливая. Но оную надлежало развить гораздо подробнѣе. *Сам.*

тему: «кто хочет начальствовать, тотъ прежде самъ долженъ научиться повиноваться». Въ этихъ видахъ Младо-Сморчковскій второй предлагалъ кому-нибудь изъ сверстниковъ, ниже его рангомъ, что-либо ему приказать, и исполнять то приказаніе слѣпо; потомъ, въ свою очередь, самъ приказывалъ, — и горе тому, кто позволилъ бы себѣ хотя на одну черту уклониться отъ исполненія приказаннаго. Въ девять часовъ, утомленіе и сонъ...

Такой образъ жизни не только укрѣпилъ Младо-Сморчковскаго физически, но и уму его сообщилъ замѣчательную прозорливость. Такъ, будучи девяти лѣтъ отроду, онъ уже начинаетъ замѣчать нѣкоторые недостатки въ управленіи своего родителя. Есть скорость, но нѣтъ стремительности; есть строгость, но нѣтъ непреклонности ¹. Младо-Сморчковскій первый все еще какъ бы оглядывался по сторонамъ, и хотя нерѣдко говаривалъ, что разсуждать не слѣдуетъ, однако, по слабости своей, разсуждалъ ². Напротивъ того, Младо-Сморчковскій второй сразу рѣшилъ въ сердцѣ своемъ: не разсуждать! ³ и сообразно съ симъ начерталъ планъ будущей атаки. Когда онъ взиралъ, какъ копаются чиновникъ особыхъ порученій Степнухинъ, какъ разводитъ на бобахъ правитель канцелярїи Подоплековъ, и какъ родитель его, вмѣсто того, чтобы броситься въ атаку и стремительнымъ натискомъ смять врага, мямлилъ, отправляя дѣла въ губернское правленіе для обсужденія... то сердце его обливалось кровью! ⁴ И вотъ, по поводу этого-то мямленія произошли первоначальныя пререканія между Младо-Сморчковскими первымъ и вторымъ.

Дѣло началось съ почтительныхъ представленій Младо-Сморчковскаго втораго. Получена была изъ Петербурга бумага, содержаніе которой сразу плѣнило сердце Гриши. Подлинно разсказать это содержаніе невозможно, но достоверно, что въ ней, съ одной стороны нѣчто принималось въ соображеніе, съ другой стороны нѣчто не упускалось изъ вида, и въ то же время нѣчто рекомендовалось особенному вниманію. Въ заключеніе — смерть врагамъ! ⁵

¹ А со стороны Младо-Сморчковскаго втораго есть строптивость. *См.*

² Не по слабости, а по природной наклонности къ умствованію. Наклонность сія, хотя и ведетъ нерѣдко человѣка къ гибели, однако совершенно преодолѣть онъ ее не можетъ. Впрочемъ, если это и слабость, то она уже потому извинительна, что безъ помощи ея мы не знали бы, что человѣкъ смертенъ. *См.*

³ А самъ разсуждаетъ! *См.*

⁴ За такими мыслями слѣдуетъ автору взрядно намылить голову. *См.*

⁵ Любопытно было бы сію бумагу прочитать, коли она не вымыселъ авторской фантазіи. *См.*

Какъ уже сказано выше, пламенный юноша Младо-Сморчковскій второй былъ совершенно очарованъ плавнымъ и текучимъ слогомъ этой бумаги. Онъ съ восторгомъ повторялъ затверженные изъ нея фразы, такъ что было время, когда родительскій его домъ ничѣмъ другимъ не оглашался, кромѣ: «съ одной стороны», «съ другой стороны», «но въ то же время» и т. д. Напротивъ того, Младо-Сморчковскій первый смотрѣлъ на на это дѣло иначе, и даже прямо называлъ новый административный слогъ развратнымъ ¹.

Однажды, въ седьмомъ часу вечера, когда Младо-Сморчковскій второй, по обыкновенію, принесъ на просмотръ къ отцу только что сочиненное имъ примѣрное предписаніе по дѣлу «о новоявленномъ въ нѣкоторой мѣстности буйственномъ духѣ», то Младо-Сморчковскій первый, вмѣсто того, чтобы похвалить, какъ это всегда прежде бывало, сказалъ:

— Эге, любезный! да, кажется, и ты этой развратной галиматьѣ подражать начинаешь! ²

Младо-Сморчковскій второй смолчалъ, но, понявъ всю силу нанесеннаго оскорбленія, вспыхнулъ.

— Ну, скажи на милость, продолжалъ Младо-Сморчковскій первый: — развѣ это не галиматья: «съ одной стороны принимая во вниманіе обычную въ семъ званіи нераскаанность, съ другой стороны, не упуская изъ вида, что строгость всегда спасительна, я въ то же время считаю не лишнимъ рекомендовать вашему благородію, что вы въ значительной степени можете улучшить вредное направленіе умовъ, если своевременно, незамедлительно и даже *нерассудительно* скомандуете: въ атаку!» Вѣдь такимъ манеромъ ты, глупенькій, весь народъ перебьешь!

— Если онъ этого достоинъ, то перебью! твердо отвѣчалъ Младо-Сморчковскій второй.

— Съ кѣмъ же ты послѣ останешься? Ахъ, глупенькій ты, глупенькій мальчишъ!

Какъ ни сдерживалъ себя Младо-Сморчковскій второй, но уста его невольно прошептали: старый колпакъ! ³

Тогда началось исправленіе, предпринятое, какъ впоследствии дознано, по методѣ г. Миллера-Красовскаго. ⁴ Пощечины слѣдовали одна за другою съ такою неожиданностью, что Младо-

Не можетъ быть. Несогласно съ твердыми правилами Младо-Сморчковскаго перваго называть бумагу, писанную на бланкѣ, развратною. *Сам.*

¹ Неправда. *Сам.*

² Нехорошо. Дурно. *Сам.*

⁴ Но какую же новую методу предпринять? Каковъ проступокъ, такова и метода. *Сам.*

Сморчковскій второй не могъ даже ничего придумать, дабы отворотить отъ себя сіе бѣдствіе... Но въ это время въ головѣ его уже созрѣлъ планъ.

Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы во что бы то ни стало самому сдѣлаться градоначальникомъ... а быть можетъ и министромъ!

Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ: вопервыхъ, покинуть отчій домъ; вовторыхъ, объявиться начальству и откровенно изъяснить ему свои виды и предположенія, и втретьихъ заявить рѣшительное намѣреніе не выпускать бразды изъ рукъ, покуда хоть одинъ врагъ останется на лицо.

Путешествіе предстояло опасное и продолжительное, но Младо-Сморчковскій второй и не скрывалъ отъ себя трудностей своего предпріятія. Онъ нѣсколько дней сряду отгладывалъ отъ своей скудной порціи по куску хлѣба, высушивалъ эти куски въ печкѣ, и когда сухарей накопилось достаточно, пустился въ путь.

Въ глухую полночь, онъ навсегда покинулъ теплую постель, чтобы отнынѣ исключительно отдаться административнымъ приключеніямъ!

Онъ не будетъ описывать здѣсь красоты природы, которыхъ, впрочемъ, было очень достаточно; онъ не изобразитъ величественный восходъ солнца, или не менѣ величественный закатъ его; онъ не представитъ картину бури, въ своемъ разрушительномъ бѣгѣ вырывающей съ корнями столѣтніе дубы... Всѣ эти предметы были въ то время чужды его душѣ, исключительно поглощенной административными заботами.

Нѣсколько дней скрывался онъ на городскомъ выгонѣ въ заброшенномъ кирпичномъ сараѣ, питаясь черствыми и заплесневѣлыми сухарями, утоляя жажду дождевой водой, и тая въ груди свой замыселъ. Наконецъ, опасность погони миновалась, страхи разсѣялись, и Младо-Сморчковскій второй съ трудомъ выползъ изъ своего убѣжища. Казалось, вождѣльная цѣль была близка...

Но Провидѣнію угодно было на сей разъ отдалить ее. Прежде, нежели привести въ исполненіе обширный свой планъ, Младо-Сморчковскій второй долженъ былъ сдѣлаться атаманомъ шайки разбойниковъ*.

Мало кому извѣстно, сколь разнообразны и тяжелы обязан-

* Нельзя сказать, чтобы авторъ имѣлъ недостатокъ въ фантазіи; но направленіе ея не столько полезно, сколько вредно. Посмотримъ, что-то покажетъ намъ дальше сей, кажется, слишкомъ предпримчивый Младо-Сморчковскій второй? *Сам.*

ности атамана разбойниковъ. Вставать съ зарею, питаться сырими произведеніями природы, скрываться въ лѣсахъ и пещерахъ, и въ то же время нести на своихъ плечахъ все бремя хозяйственныхъ распоряженій по содержанію и продовольствію шайки, цѣлый день быть свидѣтелемъ пролитія человѣческой крови, обладать несмѣтными сокровищами, и очень часто не знать, какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе — какая нужна желѣзная сила духа, чтобъ вынести подобное существованіе! Однако Младо-Сморчковскій второй и эту трудную школу выдержалъ съ честію!

Поступивъ въ разбойники, и предвидя, что ему придется совершать поступки, которые могутъ огорчить его родителей,¹ онъ принялъ фамилію Туманова. Въ первый же день, онъ собственными руками зарѣзалъ мать многочисленнаго семейства, а ребенку ея раздробилъ объ камень голову². На другой день, онъ, подъ видомъ отставнаго солдата, идущаго на родину³, забрался въ убогую хижину гостепріимнаго селянина, и ночью, когда всѣ его семейные улеглись спать, Тумановъ инымъ отрубилъ головы, а иныхъ задушилъ, и, забравъ значительную сумму золотомъ и бумагами, возвратился въ разбойничій лагерь. Мужество и проворство⁴, которыя онъ при этомъ выказалъ, доставили ему такую популярность между разбойниками, что вскорѣ всѣ окрестные лѣса огласились именемъ неустрашимаго атамана Туманова.

Такъ проводилъ свои дни, въ непрерывныхъ занятіяхъ, славный атаманъ разбойниковъ Тумановъ.

Онъ уже имѣлъ намѣреніе, подобно знаменитому своему предѣстнику, Ермаку Тимофеевичу, отправиться въ какую ни на есть отдаленную страну, съ тѣмъ чтобы покорить ее оружію Россіи, но не успѣлъ еще опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ находится упомянутая страна, какъ фортуна совершенно неожиданно измѣнила ему. Это случилось именно въ то время, когда онъ разбойничалъ въ знаменитыхъ Муромскихъ лѣсахъ.

Въ разбойничьемъ таборѣ сдѣлалось достовѣрно извѣстно, что черезъ лѣсъ должно было проѣзжать съ ревизіи нѣкоторое значительное лицо, обремененное добычею. Разбойники ждали съ

¹ Вотъ первый признакъ раскаянія! дай-то Богъ, чтобъ онъ принесъ вожделѣнные плоды! *Сам.*

² Увы! таковыхъ (то-есть плодовъ) не оказывается. *Сам.*

³ Авторъ забываетъ, что солдатъ, дабы получить отставку, долженъ прослужить двадцать-пять лѣтъ. Какой же онъ могъ имѣть «видъ отставнаго солдата», когда ему отроду было не болѣе осьми лѣтъ? *Сам.*

⁴ Не мужество и проворство, а звѣрство и пагубная поспѣшность проливать кровь. *Сам.*

нетерпѣніемъ, и, разумѣется, всѣ свои надежды возлагали преимущественно на Туманова. И дѣйствительно, въ девять часовъ пополудни, показалась вдали колымага, которую черезъ силу тащила шестерня исправныхъ лошадей: до такой степени она была нагружена сокровищами. Тумановъ, съ нѣсколькими молодцами, засѣлъ въ канаву, и сталъ выжидать.

Окружить карету, взять лошадей подъ уздцы, связать руки кучерамъ и лакеямъ—все это было дѣломъ одной минуты. Но каково было удивленіе Туманова, когда, отворивъ дверцы кареты, онъ увидѣлъ тамъ Младо-Сморчовскаго перваго и жену его! Разумѣется, его тоже сейчасъ же узнали и хотѣли высѣчь... Но онъ, чтобъ отвратить отъ себя сей позоръ, рассказалъ ужасную повѣсть своихъ злодѣяній.

При этомъ разказѣ, волосы стали дыбомъ на убѣленной сѣдинами головѣ Младо-Сморчовскаго перваго, и слезы, оросивъ глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его ¹.

— Такъ ты тотъ самый Тумановъ, который навелъ столь великій ужасъ на сердца обывателей? спросилъ онъ, когда разказъ былъ конченъ.

— Да; я Тумановъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты долженъ забыть, что ты мой сынъ; я же съ своей стороны сдѣлаю распоряженіе объ отдачѣ тебя въ руки правосудія! Взять этого опаснаго разбойника!

И вотъ, Тумановъ, подъ прикрытіемъ своей новой фамиліи, былъ привезенъ въ сосѣдній городъ и сданъ въ острогъ.

Но онъ зналъ, что это не больше, какъ испытаніе, и что впереди его все-таки ожидаетъ блестящая будущность ². Поэтому, онъ сталъ всемирно поминшлять о томъ, чтобы избѣгнуть навазанія за свои проказы ³, совершенно основательно рассуждая, что если онъ будетъ битъ вкнутомъ, да еще съ наложеніемъ клеймъ, то врядъ ли тогда приведется ему получить какое-либо мѣсто по административной части.

Съ этою цѣлью, онъ началъ ежечасно льстить смотрителю острога ⁴, а между своими товарищами-арестантами въ скоромъ времени получилъ такой авторитетъ, что, казалось, не было жертвы, которую они не согласились бы ему принести.

Между разнообразными дарованіями, которыми обладалъ Ту-

¹ Красота слога не должна вредить естественности. Какъ рѣки не могутъ течь вспять, такъ и слезы не могутъ катиться снизу вверхъ. *Сам.*

² Любопытно было бы объяснить, на какихъ похвалахъ достойныхъ поступкахъ было основано сіе предвидѣніе? *Сам.*

³ Иеридныя проказы. *Сам.*

⁴ Ужели же, наконецъ, и лести и всѣ прочіе пороки ада свили себѣ гнѣздо въ сей невинной душѣ? Страшно подумать! *Сам.*

мановъ, одно было въ особенности поразительно. Это — проворство, съ которымъ онъ производилъ всякаго рода фокусы, и та особливая способность къ гимнастическимъ упражненіямъ, которую онъ выказывалъ еще въ нѣжномъ возрастѣ дѣтства. Напримѣръ: онъ свободно ходилъ на рукахъ, могъ продолжительное время стоять на головѣ, не встрѣчая при этомъ препятствія къ принятію пищи и питія; эскамотировалъ полуимперіалы и взамѣнъ ихъ предлагалъ мѣдную монету; глоталъ шпаги и наконецъ, избобрѣлъ нестоющимую мужицкую спину (впослѣдствіи, фокусники, въ подражаніе ему, устроили такъ-называемую «нестоющимую бутылку»). Однимъ словомъ, дѣлалъ все, что доброму и прилежному фокуснику дѣлать надлежитъ*.

Воспользовавшись этою своею способностію, онъ замислилъ весьма обширный планъ. Онъ исподволь началъ знакомить смотрителя острога съ зрѣлищемъ своихъ фокусовъ, и, видя, что оныя весьма пришлись ему по нраву, усугубилъ ловкость и наконецъ испросилъ разрѣшеніе устраивать представленія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Вскорѣ, слава о зрѣлищахъ, даваемыхъ въ тюрьмѣ, проникла во всѣ закоулки города, такъ что всякому стало лестно взглянуть на нихъ. Градоначальники, военачальники, участковые, околоточные — словомъ сказать, вся палата и воинство собирались къ намъ, какъ на праздникъ, посмотреть на наши затѣи.

Этого только и надо было Туманову.

Въ Егорьевъ день было именины смотрителя острога, и по этому случаю арестантами въ секретѣ, но не безъ того, однакожь, чтобъ онъ о семъ не зналъ, приготовлялся ему сюрпризъ. Сюрпризъ былъ изобрѣтенъ Тумановымъ и состоялъ въ томъ, что-сорокъ три человѣка должны были представить изъ себя семиарусную движущуюся пирамиду. Въ основаніи должно было стоять двѣнадцать самыхъ сильныхъ арестантовъ, у нихъ на головахъ — десять, потомъ — восемь, шесть и т. д. Пирамиду увѣнчивалъ самъ Тумановъ, который на этой ужасной высотѣ обязывался показать чудеса проворства и ловкости. Представленіе положено было сдѣлать во дворѣ острога, обнесенномъ со всѣхъ сторонъ каменною стѣною четырехсаженной высоты; пирамида должна была отправиться отъ наружной стѣны замка, пройти черезъ весь дворъ и подойти къ той части ограды, которая выходила въ поле.

Наступилъ давно ожидаемый день, и когда, послѣ обѣда,

* И что не надлежитъ дѣлать сыму дѣйствительнаго статскаго совѣтника.
Соп.

при собраніи всѣхъ градоначальниковъ и военачальниковъ, живая пирамида двинулась, то нельзя изобразить тотъ восторгъ, который охватилъ сердца сихъ невинныхъ людей, при видѣ этого зрѣлища! Пирамида подвигалась медленно, и Туманову не разъ, впродолженіе этого шествія, приходило на мысль, сколь непрочны человѣческія предпріятія вообще, и какъ мало нужно, чтобы и его собственное, столь зрѣло обдуманное предпріятіе разсѣялось какъ дымъ! Достаточно было одного неловкаго движенія!.. Однако, съ божіею помощію, дѣло окончилось, какъ нельзя лучше. Едва, при взрывѣ восторженныхъ рукоплесканій, пирамида успѣла приблизиться къ наружной оградѣ тюрьмы, какъ Тумановъ ловкимъ скачкомъ спрыгнулъ съ вершины, и въ одно мгновеніе ока очутился по ту сторону тюрьмы. Все это произошло столь быстро и неожиданно, что зрители нѣсколько времени не понимали, думая, что это небольшое, какъ продолженіе того же представленія... ¹.

Не будемъ говорить о чувствахъ благодарности къ Творцу, которыя переполняли въ эту минуту душу Туманова! ².

Послѣ этого мы уже застоемъ Туманова министромъ: сначала въ не очень большомъ государствѣ, куда онъ былъ помѣщенъ въ видѣ опыта, а потомъ въ государствѣ болѣе обширномъ ³. Сдѣлавши его министромъ, ему подчинили всѣхъ прочихъ министровъ, и онъ по прежнему принялъ фамилію Младо-Сморчковскаго, съ тою только разницею, что назывался теперь уже не вторымъ, а первымъ, такъ-какъ старшій Младо-Сморчковскій успѣлъ въ это время скончаться, оплаканный своими подчиненными.

Какимъ образомъ совершилось это новое превращеніе въ жизни Младо-Сморчковскаго *первою* — теперь открыты еще не время. Но можно сказать одно: онъ успѣлъ оказать начальству нѣкоторыя важныя услуги ⁴.

¹ Весь этотъ хитроумный рассказъ о Тумановѣ заимствованъ авторомъ изъ сочиненій С. В. Максимова. Едва-ли это не плагиатъ. *См.*

² Чтѣ хочется сказать авторъ этими безъ пути наставленными точками? Ужъ не то ли, что цензура ему въ семь мѣстъ помешала? *См.*

³ Желательно бы знать, въ какомъ это «не очень большомъ государствѣ» занялъ Младо-Сморчковскій мѣсто министра? Да и ни въ какомъ самомъ маленькомъ государствѣ не могло это быть, потому что вездѣ и своихъ Младо-Сморчковскихъ довольно. Конечно, допускаются иногда исключенія, но для сего надобно было бы доказать, что Младо-Сморчковскій нѣмцаго происхождения, въ чемъ сильно сомнѣваюсь. *См.*

⁴ Хорошо какъ такъ; но опасаясь, что во всемъ семь нѣтъ ни капли правды. *См.*

Не станемъ описывать здѣсь мрачную картину ¹ административной дѣятельности Младо-Сморчковскаго перваго. Многихъ онъ смѣнилъ, многихъ отдалъ подѣ судъ, а мѣры его по возсвѣщенію недоимокъ снискали удивленіе цѣлаго міра ². Въ теченіе первыхъ двухъ сутокъ, по каждому отдѣльному предмету имъ было выпущено не менѣе двухъ предписаній и не меньше какъ по одному рапорту, а такъ-какъ предметовъ было великое множество, то предоставляется читателю самому исчислить, какова была громадность сего предпріятія. Впослѣдствіи, сами начальники неоднократно сказывали, что содрогались, когда приходила почта, приносящая его виды и предположенія ³.

Изложимъ, однакожъ, хотя вкратцѣ нѣкоторыя замѣчательнѣйшія дѣйствія Младо-Сморчковскаго перваго на занимаемомъ имъ посту.

Вопервыхъ, сочинилъ статистику, при чемъ оказалось противъ прежняго всего вдвое и втрое ⁴.

Восторыхъ, усилилъ производительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источники народнаго благосостоянія, неуклонно наказывая нерадивыхъ и черезъ то поселяя въ нихъ охоту къ труду.

Втретьихъ, увеличилъ доходы, отрывъ для нихъ новый источникъ въ неистощимой мужицкой спинѣ ⁵.

Вчетвертыхъ, обезпечилъ народное продовольствіе, наблюдая, дабы обыватели отнюдь не потребляли сверхъ дѣйствительной надобности, и всѣ излишки, не разбрасывая и не расточая, сберегали на предбудущія времена.

Впятыхъ, обезпечилъ народное здравіе, предложивъ кому слѣдуетъ наблюсти, дабы обыватели не изнуряли себя непосильными трудами, и всегда имѣли неприхотливую, но вкусную, здоровую и обильную пищу ⁶.

Вшестыхъ, улучшилъ пути сообщенія, не довольствуясь дорогами извѣстными и существующими, но безстрашно пролагая пути даже тамъ, куда до того времени не заходила нога человѣческая ⁷.

¹ Кажется, что здѣсь прилагательное «мрачная» употреблено только для красоты слога. *См.*

² Не слышать. *См.*

³ Вотъ и видно, что выдумка. Какіе могутъ быть у министра начальники, съ которыми бы онъ переписывался по почтѣ? Видно, разбойникъ-то гдѣ и на есть квартальнымъ надзирателемъ опредѣлился (и то, чай, въ немудромъ какомъ городѣ), а самъ возмечталъ, что онъ министр! *См.*

⁴ А что онъ съ ними излишками сдѣлалъ? *См.*

⁵ Сей источникъ весьма не новъ. *См.*

⁶ *satur venter non studet libenter.* *См.*

⁷ Не всегда полезно. *См.*

Вседьмьхъ, обуздаль нѣкоторые пороки и суевѣрія ¹.

Восьмьхъ, обуздаль газетчиковъ и писателей ².

Девятьхъ, обуздаль духъ своеволия, а поборниковъ устности и гласности разослалъ по городамъ ³.

Десятихъ, обуздаль лжеученія. Узнавъ, что въ одномъ городѣ существуетъ вредная секта нигилистовъ, собралъ послѣдователей оной и предложилъ имъ оставить свои заблужденія. Что ими и было въ точности выполнено ⁴.

Водинадцатыхъ, обуздаль неплательщиковъ, организовавъ строгое и пространное наблюденіе, дабы ни одинъ обыватель не смѣлъ ничего ни продать, ни подарить, ни инымъ образомъ отчуждить, не испросивъ предварительно разрѣшенія ближайшаго начальства ⁵.

Вдвѣнадцатыхъ, обуздаль невѣжество, назначивъ краткіе сроки для приобрѣтенія полезныхъ знаній ⁶.

Втринадцатыхъ, обуздаль безнравственность.

Вчетыренадцатыхъ, вообще обуздаль обывателей.

Конечно, въ этомъ краткомъ перечнѣ не поименовано и той доли тѣхъ дѣйствій, которыя были предприняты Младосморчковскимъ первымъ въ видахъ всеобщаго удовольствія, но, кажется, и этого достаточно, чтобы показать, что время его не проходило въ праздности. Не надобно забывать, что, кромѣ того, онъ былъ ежедневно обязанъ:

1) По утрамъ — дѣлать выговоры и замѣчанія подчиненнымъ, которые, безъ такихъ напоминаній, могли совсѣмъ опустить руки; 2) по вечерамъ — производить прогулки и являться на общественныхъ гуляньяхъ, дабы личнымъ примѣромъ поощрить обывателей въ содружеству и невоспрещаемому зако-

¹ Надо поименовать, какіе; въ противномъ случаѣ, можно подумать, что все сіе одно хвастовство. *Сам.*

² При нынѣшней распущенности, весьма нелишне. *Сам.*

³ Намѣреніе доброе, но успѣхъ сомнительный. Разрушительность сихъ двухъ стихій столь велика и, такъ сказать, въѣдчива, что для дѣйствія противъ нея едва-ли достаточно мѣръ строгости и скорости, которыми располагалъ авторъ. Въ тѣхъ иныхъ городахъ, куда авторъ разсылалъ поборниковъ устности и гласности, развѣ они были лишены возможности продолжать свое безстыдство? Нѣтъ, тутъ надо придумать иную мѣру — какую, еще не знаю, но, казалось, было бы не весьма дурнымъ, если вообще было признано относительно лицъ сей категоріи, что города и селенія въ самомъ принципѣ для нихъ не существуютъ. Если это будетъ принято, тогда невольны ихъ будутъ водворять среди степей, вдали отъ человѣческихъ жилищъ. Впрочемъ, это только одно предположеніе. *Сам.*

⁴ Не для вида ли только? *Сам.*

⁵ Мысль смѣлая, но едва-ли исполнимая, ибо подобная мѣра можетъ имѣть послѣдствіемъ контрбанду въ весьма обширныхъ размѣрахъ. *Сам.*

⁶ Такъ; но были ли сіи знанія приобрѣтены? *Сам.*

нами препровожденію времени. Такъ что, по собственному его выраженію, онъ цѣлые дни кипѣлъ какъ въ котлѣ.

Таковы были общія черты дѣятельности Младо-Сморчковского перваго. Но было еще одно особенное дѣйствіе, которое нельзя будетъ изложить здѣсь съ большею протівъ другіхъ подробностію.

Обыватели нѣкоторой мѣстности издавна довольно славилась тѣмъ, что не платили лежащихъ на нихъ повинностей. Вслѣдствіе сего, Младо-Сморчковскій первый неоднократно ходилъ протівъ бунтовщиковъ походомъ *.

При помощи непоколебимой твердости духа, споспѣшествуемой продажей скота и пожитковъ, недоимка была столь быстро пополнена, что, новидимому, не оставалось ничего больше желать. Какъ вдругъ, до свѣдѣнія Младо-Сморчковского перваго дошло, что обыватели означенной мѣстности, вслѣдствіе якомъ крайняго раззоренія отъ безпрестанныхъ продажъ, оставили земледѣліе и начали заниматься ремеслами, вовсе не свойственными обывательскому быту. Удостоверившись въ справедливости этого слуха, и принявъ во вниманіе: а) что Россія есть государство, по преимуществу, воздѣлывающее землю; б) что съ упадкомъ земледѣлія, земли постепенно грубѣютъ и дѣлаются неспособными къ произрастанію чего-либо иного, кромѣ сорныхъ травъ; и в) что съ тѣмъ выѣстѣ приходятъ въ упадокъ: народное продовольствіе, народное здравіе, народное богатство и самая народная нравственность, — Младо-Сморчковскій первый постановилъ: возстановить земледѣліе въ упомянутой выше мѣстности въ его прежнемъ величій, хотя бы даже въ сихъ видахъ потребовалось употребить мѣры строгости.

Прибывъ въ селеніе съ достаточною командою **, онъ, дабы не обезкуражить обывателей сразу, предварительно предложилъ имъ вопросъ: почему они оставили свойственное имъ занятіе? И получивъ въ отвѣтъ, что оставили потому, что, за распродажею принадлежащаго имъ скота, стало имъ нечѣмъ навозить землю, нашель такой отвѣтъ нерезоннымъ ***. Тогда произошелъ слѣдующій замѣчательный разговоръ:

— Ну, а если я прикажу вамъ сегодня же, сейчасъ же, сію

* Явное и непростительное смѣшеніе всѣхъ атрибутовъ власти. Министры никогда не «ходятъ походомъ». На это есть губернаторы и исправники; министры же сидятъ дома, принимаютъ доклады и по временемъ ѣздятъ въ гости. Гдѣ же пресловутое знакомство Младо-Сморчковского перваго съ формами и обрядами дѣлопроизводства, знакомство, столь нескромно выставленное имъ на видъ? *См.*

** Опять-таки, не министрово это дѣло. *См.*

*** Отвѣтъ можно назвать строптивымъ, но нерезонности въ немъ нѣтъ. *(см.)*

минуту вспахать и заборонить принадлежащія вамъ земельные участки? спросилъ Младо-Сморчковскій первый, прилично возвысивши голосъ.

— Воля твоего благородія, а мы не можемъ!

— Точно не можете?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Жаль-съ. Очень жаль-съ. Окольные люди! исполняйте ваши обязанности!

Начали исполнять. Со стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣлъ Младо-Сморчковскій первый на сіе зрѣлище, но дѣлать было нечего, потому что надлежало пресѣчь зло сразу и въ самомъ корнѣ. И дѣйствительно, черезъ полчаса было уже доложено, что обыватели, запрягши лошадей въ сѣки, выѣхали въ поле*.

Но этимъ дѣло не кончилось. Какъ только выѣхалъ Младо-Сморчковскій первый въ обратный путь, такъ тотчасъ же принялись обыватели за прежнее своеволие. Надлежало вновь объявлять походъ, и новыми мѣрами строгости вразумлять сопротивляющихся. Такъ продолжалось до трехъ разъ, пока, наконецъ, поля не были окончательно вспаханы, заборонены и засеяны, подъ надзоромъ десятскихъ и сотскихъ. И такимъ образомъ, было торжественно восстановлено нарушенное ослушниками земледѣліе**.

Такая неуспѣшная дѣятельность обратила общее вниманіе на Младо-Сморчковскаго перваго. Много было у него враговъ и завистниковъ, но всѣхъ онъ преодолѣлъ, ибо дѣла его громко говорили сами за себя. Обремененный почестями и знаками общественнаго довѣрія, онъ жилъ до глубокой старости, успѣвъ, въ теченіе этого времени, вступить въ законный бракъ съ княжною Великосвѣтскою, и приживъ отъ нея двѣнадцать дочерей и ни одного сына***. Каждой изъ нихъ онъ далъ въ приданое по двѣсти тысячъ, что показываеъ, что капиталъ у него былъ немаловажный.

Въ «Россійской Родословной книгѣ», составленной кн. Петромъ Долгоруковымъ, значится:

* А выше было сказано, что весь скотъ распроданъ. Откуда же вдругъ взялись лошади? *Can.*

** О сей исторіи не знаю, что и сказать, по той причинѣ, что результаты не показано. Какую пользу принесло земледѣліе, лишенное удобренія и произведенное съ помощью лошадей неизвѣстнаго происхожденія? Кажется, что польза сомнительна. Не лучше ли было бы, землю отобравъ, отдать ее опытнымъ и благонамѣреннымъ помѣщикамъ, а нерадивыхъ опредѣлить къ нимъ въ качествѣ работниковъ? Предлагаю это разрѣшеніе вопроса вниманію автора. *Can.*

*** Не рано ли о семъ поминать. *Can.*

Младо-Сморчковскій — Григорій Ивановичъ, былъ министромъ въ двухъ государствахъ; женатъ на княжнѣ Евдокии Федоровнѣ Великосвѣтской. У нихъ:

1) Евдокия Григорьевна — въ замужествѣ за камерьерюнкеромъ Монсомъ.

2) Анна Григорьевна — въ замужествѣ за кавалеромъ индустриі * Санъ-Фуа-ни-Луа.

3) Прасковья Григорьевна — въ замужествѣ за герцогомъ курляндскимъ Бирономъ.

4) Наталья Григорьевна — въ замужествѣ за графомъ Кирилоу Разумовскимъ.

5) Евпраксія Григорьевна — замужемъ за бывшимъ польскимъ королемъ Понятовскимъ.

6) Екатерина Григорьевна — въ замужествѣ за свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ.

7) Любовь Григорьевна — въ замужествѣ за графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

8) Юлія Григорьевна — въ замужествѣ за свирѣпнымъ временщикомъ графомъ Аракчеевымъ; судилась за жестокое обращеніе съ вѣрнопостными людьми.

9) Марія Григорьевна — вышла по любви за акдвзнаго офицера, но, несмотря на скромную долю, была весьма счастлива и имѣла множество дѣтей.

10) Ольга Григорьевна — въ замужествѣ за блестящимъ французскимъ посланникомъ, герцогомъ Морни.

11) Надежда Григорьевна — совратилась въ католицизмъ, отравивъ сердца родителей. Имѣла впоследствии огромное вліяніе на испанскую королеву Изабеллу, подъ именемъ сестры Патросиніи. Погубивъ Изабеллу, бѣжала изъ Мадрида съ уланомъ и была поймана въ Баль-Мабиль.

и 12) Клавдія Григорьевна — въ дѣвницахъ; жила процентами съ своего капитала.

Въ 18** году, Младо-Сморчковскій первый скончался, оплаканный многочисленнымъ потомствомъ, знакомыми и подчиненными. Когда тѣло его, заключенное въ богато убранный гробъ, было выносимо изъ дома, то многіе изъ директоровъ департаментовъ плакали. Вскорѣ за нимъ, не могли перенести разлуку, послѣдовала въ могилу и любезная супруга его.

Миръ праху твоему, добрый служака!

* Не слишкомъ же завидную партію сдѣлала сія воображаемая Анна Григорьевна. *Сан.*

Общія замѣчанія на сіе сочиненіе.

Сочиненіе сіе замѣчательно тѣмъ, что вноситъ въ административную практику весьма предосудительный прецедентъ. А именно: позволяетъ думать, что будучи предварительно разбойникомъ, можно современемъ сдѣлаться администраторомъ. Нелыханное это нововведеніе тѣмъ опаснѣе, что самое сочиненіе написано слогомъ правильнымъ и заманчивымъ, а слѣдовательно можетъ найти довольно количество легкомысленныхъ послѣдователей и прозелитовъ.

Это первое. Но можно сказать еще нѣчто не вполне похвальное и о полетѣ фантазіи авторской.

Полетъ фантазіи, конечно, служитъ украшеніемъ для всякаго словеснаго упражненія, и предѣлы ему въ этомъ случаѣ указать довольно трудно. Чѣмъ больше риторическихъ украшеній, тѣмъ больше неожиданностей, а чѣмъ больше неожиданностей, тѣмъ сильнѣе возбуждается удовольствіе. Это безспорно. Но дѣло не въ границахъ полета фантазіи, а въ его характерѣ. Если характеръ полета возвышенный, то предѣлы ему даже полагать было бы безразсудно. Такъ, напримѣръ, извѣстный нашъ ветеранъ и поэтъ, О. Н. Глинка, въ своей поэмѣ «Капля», Богъ знаетъ чего не написалъ, но никто сему никогда не удивлялся, потому что полетъ автора имѣлъ характеръ возвышенный. Точно тоже и Державинъ.

Ступить на горы — горы трѣщать!

Станетъ на воды — воды кипеть!

сказалъ онъ, и хотя въ семъ поступкѣ воспѣваемого имъ героя не видится никакого вѣроятія, тѣмъ не менѣе полетъ фантазіи все-таки прекрасенъ, ибо возвышенъ. Совсѣмъ иное дѣло, если авторскій полетъ имѣетъ въ предметъ дѣйствія обыкновенныя, такъ сказать среднія. Въ этомъ случаѣ, оный хотя и не нумѣстенъ, но долженъ до нѣкоторой степени подчиниться правиламъ, предписываемымъ правдоподобіемъ.

Въ семъ отношеніи, разбираемое сочиненіе весьма подлежитъ критикѣ. Авторъ, очевидно, хотѣлъ изумить читателей разнообразіемъ выдумокъ, но, взявши для нихъ основаніемъ дѣла самыя простыя, и не удержавшись притомъ въ границахъ правдоподобія, весьма своей затѣй повредилъ.

Не говорю уже о томъ, что должности разбойника и администратора не токмо не однородны, но даже и по ви́шнему своему выраженію весьма различны; не говорю и о другихъ невѣроятныхъ выдумкахъ, какъ напримѣръ о какомъ-то «не очень большомъ государствѣ» и проч. Все это само говорить

за себя. Но обращаю вниманіе автора на списокъ дочерей, который онъ привелъ въ концѣ своего сочиненія. Независимо отъ того, что возможность имѣть двѣнадцать дочерей (почему не сыновей? изъ нихъ, по крайней-мѣрѣ, могли бы выйти полезные слуги!) дана не всякому; но, предположивъ даже, что это подлинно такъ было, спрашивается: какихъ супруговъ авторъ опредѣлилъ къ своимъ дочерямъ? Вопервыхъ, нѣкоторыхъ такихъ, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они совсѣмъ въ бракѣ не состояли, и въ вторыхъ такихъ, которые хотя и состояли въ бракѣ, но съ дѣвцами другихъ фамилій, о чемъ, конечно, и «Россійская родословная книга» князя Долгорукаго не умалчиваетъ. Къ чему же можетъ привести столь грубый обманъ? Не къ тому ли естественному послѣдствію, что читатель, наскучивъ безпрерывнымъ несогласіемъ написаннаго съ тѣмъ, что ему достовѣрно извѣстно, и все прочее причтетъ къ такому же обману, не воспользовавшись даже тѣми чертами, которыя вполнѣ несомнѣнны и истинны.

Пушкинъ сказалъ:

Тѣмъ низкихъ яствъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

Это такъ; но нужно прежде всего разрѣшить себѣ: когда обманъ возвышаетъ? А вотъ когда: тогда, когда его нельзя обличить, или, по крайней-мѣрѣ, когда этому обличенію полагаютъ предѣлы нѣкоторыя мѣропріятія и распоряженія. При этомъ условіи, обманъ не только въ совершенствѣ замѣняетъ истину, но даже принимаетъ ея названіе и для отличія отъ истины настоящей (для всѣхъ очевидной и потому *низкой*) называется истинною *высокою*. Но можно ли сказать что-либо подобное о тѣхъ вымыслахъ, которыми наполнено разбираемое сочиненіе? Позволительно ли, на примѣръ, допустить, чтобы кого-нибудь возвысилъ или утѣшилъ, или возбудилъ въ комъ-нибудь жажду подвиговъ такой обманъ, какъ причисленіе Младо-Сморчковаго перваго себя въ родню герцогу Морни? Нѣтъ, допустить этого ни подъ какимъ видомъ нельзя, ибо бракъ герцога Морни у всѣхъ на памяти, и слѣдовательно рассчитанная на сей случай спекуляція есть предпріятіе не весьма надежное.

Въ заключеніе, рекомендую автору обратить особое вниманіе на тѣ примѣчанія, писанныя на поляхъ его сочиненія, въ которыхъ порицается непочтительность его къ родителямъ. Знаю, что въ новѣйшихъ руководствахъ поименовывается нѣкоторый авторскій приемъ, называемый объективностью, и что молодой авторъ можетъ, пользуясь симъ, сдѣлать изворотъ, и сказать, что онъ въ этомъ случаѣ былъ объективенъ и поко-

рядся духу времени. Но не мѣшало бы, чтобы на сей разъ самая объективность явилась болѣе субъективной, то-есть согласовалась съ тѣми правилами, которыя внушались автору любезною его родительницею. С апентовъ.

II. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА.

(Сочиненіе 12-лѣтняго Серёжи Младо-Сморчковскаго).

Не помню, когда я родился; знаю только, что въ это время отечество было въ опасности. Папаша вздыхалъ, мамаша плакала и говорила: «вотъ попомните мое слово, что эти господа (она разумѣла здѣсь: Новосильцева, Строгонова, Чарторыйскаго и Сперанскаго *, то-есть извѣстный въ то время *comité du salut public*) сведутъ Россію въ бездну погибелн!» И дѣйствительно, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что надъ папашей назначена строжайшая сенаторская ревизія.

Трудно передать здѣсь всѣ бѣдствія, которыя испытали по этому случаю мои почтеннѣйшіе родители; довольно будетъ, если я скажу, что папаша долженъ былъ удѣлить значительную часть изъ собранной прежде добычи, чтобы удовлетворить духу времени. А духъ былъ, по истинѣ, ужаснѣйшій. Всѣ требовали конституцій, всѣ хвалились мятежными правами, всѣ говорили о какихъ-то правахъ, и никто не могъ достовѣрно объяснить, что именно означаютъ сіи новыя для насъ выраженія. Это былъ модный разговоръ, за который въ то время не только не наказывали, но даже награждали хорошими и доходными мѣстами. Однимъ словомъ, всѣ ходили ощупью, ища конституцій, и не находя ихъ.

Я зналъ, на примѣръ, одного полковника, который объ этомъ предметѣ зналъ не больше другихъ, но получилъ генеральскій чинъ и прекрасное мѣсто по комиссаріатской части за то только, что въ одномъ рапортѣ ввернулъ ** слѣдующую фразу: «обуреваемый духомъ свободы, ввѣренный мнѣ батальонъ жаждетъ сразиться съ врагами оной». По этому одному примѣру можно судить и прочемъ.

Наконецъ, однако, здравая политика восторжествовала. Папашу не только оставили на прежнемъ мѣстѣ, но еще похвалили, а къ либералу-полковнику (котораго передъ тѣмъ, за мятежный духъ, произвели въ генералы) пришелъ отъ графа Аракчеева запросъ: принести ли онъ чистосердечное раскаяніе ***? Ра-

* Сей одинъ былъ всему злу корень; онъ опуталъ своими сѣтями прочихъ невинныхъ. *С ап.*

** Тривиально. *С ап.*

*** Графъ Аракчеевъ никогда, никого и ни о чемъ не спрашивалъ, а прямо воздавалъ кому что надлежитъ. *С ап.*

зумѣется, онъ поспѣшилъ въ трогательныхъ выраженіяхъ отвѣтить, что впередъ не будетъ, и дѣло было покончено только тѣмъ, что его нѣсколько разъ обошли чиномъ. Всѣ радовались и ликовали (а во главѣ всѣхъ и преступный полковникъ), какъ бы праздная побѣда надъ внутреннимъ врагомъ ¹.

Этотъ возвратъ къ началамъ здоровой политики чудеснымъ образомъ совпалъ съ вступленіемъ моимъ въ зрѣлый возрастъ.

Еще будучи ребенкомъ, я высказывалъ довольно замѣчательныя наклонности. Я любилъ слѣдить за направленіемъ умовъ, охотно, подъ видомъ игры, прислушивался къ разговорамъ въ дѣвичьей и на кухнѣ, а такъ-какъ это занятіе требуетъ весьма пріятнаго вѣдыванья, то можно сказать смѣло, что времяпровожденіе мое было самое разнообразное. Рѣшившись что-нибудь вызнать, я обыкновенно принималъ видъ весьма простосердечный и невинный, а нерѣдко даже представлялъ изъ себя человѣка съ возвышенными чувствами. Вскорѣ, я такъ хорошо успѣлъ въ этомъ искусствѣ, что не только посторонніе, но даже иногда я самъ не могъ отличить, когда я лгу, и когда говорю правду ². Этимъ путемъ, я пріобрѣталъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, и когда примѣчалъ, что можно сдѣлать изъ нихъ небезполезное употребленіе, то охотно дѣлился своими наблюденіями съ старшими.

Къ такому раскрытію истины меня побуждало еще и то, что за всякую открытую мною истину мнѣ давали или сладкій пирожокъ, или конфекту, а когда я однажды открылъ въ дѣвичьей весьма важный заговоръ ³, то мнѣ сдѣлали даже новую курточку. Впослѣдствіи, эта откровенность моя сдѣлалась столь извѣстною, что меня нигдѣ иначе не называли, какъ откровеннымъ ребенкомъ; а многіе начали даже опасаться моего слишкомъ открытаго нрава.

И вотъ однажды (когда я уже пришелъ въ зрѣлый возрастъ), къ мамашѣ пріѣхалъ генералъ, весь вышитый золотомъ, и потребовалъ секретной аудіенціи. Разумѣется, какъ только они скрылись въ сосѣдней комнатѣ, я сейчасъ же приложилъ ухо къ дверной скважинѣ, и услышалъ слѣдующій разговоръ ⁴.

¹ Сія враги, кажется, слишкомъ большую роль въ семействѣ Младо-Сморчковыхъ играютъ. *См.*

² Не знаю, что и сказать о сей способности. Посмотримъ, какое ей будетъ дано употребленіе. *См.*

³ Въ чемъ состоялъ сей заговоръ? Желая знать. *См.*

⁴ Зачѣмъ? Позвоительно и даже полезно прислушиваться къ рѣчамъ преступнымъ, но нельзя было предположить, чтобы таковой характеръ имѣлъ разговоръ любезнѣйшей родительницы автора съ почтеннымъ генераломъ. Въ семъ случаѣ, подслушваніе составляетъ уже дурную привычку. *См.*

— Сударыня! говорилъ вышитый золотомъ генераль: — до свѣдѣнія моего дошло, что у васъ есть сынъ замѣчательной любознательности и удивительно откровеннаго характера?

— Да, генераль, отвѣчала мамаша: — могу сказать, что Богъ именно благословилъ меня въ этомъ ребенкѣ!

— Если все, что про него рассказываютъ, справедливо, то это будетъ совершенная находка! Можете себѣ вообразить, какъ обрадуется нашъ князь!

— Не смѣю хвастаться, но думаю, что это дѣйствительно замѣчательный юноша. Напримѣръ, я вполне увѣрена, что онъ даже въ настоящую минуту подслушиваетъ насъ!

— Не можетъ быть!

— Попробуйте убѣдиться! Но предупреждаю васъ, генераль, что врядъ ли вы уличите его, потому что онъ мастерски умѣетъ хоронить концы въ воду!

Послышалось осторожное движеніе стульями и потомъ шаги. Я, разумѣется, тотчасъ же отпрянулъ, и когда дверь внезапно отворилась, то я уже съ безпечнымъ видомъ прохаживался по залѣ, насвистывая какую-то пѣсенку. Генераль улыбнулся, покачалъ головой и пробормоталъ:

— Изумительно!!

— Я вижу, сударыня, продолжалъ онъ къ сіяющей счастьемъ мамашѣ: — что дальше скрываться отъ этого юноши было бы бесполезно. — И такъ, приступимъ къ дѣлу прямо. Въ непродолжительномъ времени, въ каждой изъ нашихъ провинцій предполагается помѣстить по одному откровенному ребенку... другъ мой! отвѣчай мнѣ искренно, согласенъ ли ты принять на себя званіе откровеннаго ребенка въ П***?

— Согласенъ, отвѣчала я: — но съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ же?

— Чтобы откровенность моя была сокровенною.

— Ты угадалъ мою мысль! И такъ, по рукамъ! Поѣзжай съ Богомъ! вотъ тебѣ на дорогу деньги; посылай сейчасъ же за лошадьми, и скачи! Ибо враги не дремлютъ!

Сказано-сдѣлано. Я обнялъ рыдающую мать, перецаловалъ братьевъ и сестеръ, и поскакалъ.

Такимъ образомъ, было положено начало тѣмъ блестящимъ успѣхамъ, которые ожидали меня въ будущемъ.

Еще дорогой я успѣлъ нѣчто наблюсти. Такъ напримѣръ, на одной станціи, смотритель открыто выражалъ недовольство правительствомъ за дожди, которые въ то время размыли дорогу, и дѣлали переѣзды весьма трудными. На другой станціи, встрѣтился мнѣ вольнодумный ямщикъ, пѣвшій романсъ профессора Мерзлякова:

Я лиру томно строю
 Пѣть скорбь, объявшу духъ,
 Приди грустить со мною,
 Луна, печальныхъ другъ! *

Разумѣтся, всѣ эт. наблюденія было записаны мною на особой бумажѣ.

Пріѣхавши въ П***, я немедленно приступилъ къ дѣлу, т.-е. началъ стороною вывѣдывать, въ какихъ отношеніяхъ находится губернской предводитель въ губернатору, не разжигаютъ ли акцизные чиновники народныхъ страстей, какого рода конституціи изготовляютъ чиновники контрольные и проч. и проч. Полученные результаты были весьма для меня неожиданны. Оказалось, что губернаторъ и губернской предводитель дворянства живутъ душа въ душу и угощаютъ другъ друга обѣдами, что акцизные чиновники, не помышляя о пропагандѣ либеральныхъ идей, мирно пользуются присвоенными имъ окладами, контрольные же чиновники, подъ словомъ «конституція», разумѣютъ первые четыре правила ариметики.

Вообще, это губернія весьма необыкновенная. Какъ только въѣзжаешь въ границы ея, какъ уже чувствуешь, что пахнетъ съѣстными припасами, и слышишь кругомъ раздающееся чавканье. Все ѣсть, или отдыхаетъ отъ ѣды, или вновь объ ѣдѣ помышляетъ. Всякое сословіе лакомится свойственными ему лакомствами. Рогатый скотъ изобильно откармливается бардою и дурандою; мужики (въ урожайные годы) ѣдятъ хлѣбъ и по праздникамъ саломату съ масломъ; купцы и мѣщане пристрастны къ пирогамъ; дворяне насыщаются говядиной, телятиной и поросятами, пьютъ квасъ, водку и наливки; духовныя лица находятъ утѣшеніе въ рыбѣ; чиновники ко всему изложенному выше прибавляютъ трюфли и тонкія французскія вина. Результаты такого социальнаго устройства угадать нетрудно; это спертость въ воздухѣ, осовѣлость въ обывательскихъ глазахъ и не совсѣмъ большая прочность семейныхъ узъ.

Это послѣднее обстоятельство было очень важно, ибо воспользовавшись имъ умненько, я могъ вывести заключеніе «о непризнаніи брачнаго союза». Такія находки дѣлаются не каждый день. Я началъ вникать и изслѣдовать.

Анализируя день обывателя часть за часомъ, я открылъ, что онъ распределяется слѣдующимъ образомъ. Въ восемь часовъ, пробужденіе, и затѣмъ, до девяти, чай съ булками, масломъ и вчерашнимъ жаркимъ; нерѣдко, однакожъ не каждоднев-

* Романы профессора Мерзлякова пріятны и располагаютъ къ чувствительности, волюндумства въ нихъ нѣтъ. Впрочемъ, приведенный выше романъ принадлежитъ совсѣмъ не Мерзлякову, а Капнисту. *Can.*

но — умываніе. Отъ девяти до одиннадцата, домашнія исправительныя наказанія, прогулка по комнатамъ, посвистываніе, хлопанье себя по бедрамъ и такъ-называемая ѣда похода съ приглядываньемъ къ графинчику. Въ одиннадцать часовъ, настоящій завтракъ съ водкой, при чемъ съѣдается какое нибудь мелкое животное или большая птица. Отъ двѣнадцати до трехъ визиты, или лучше сказать, непрерывное закусываніе въ разныхъ домахъ. Въ три — обѣдъ съ водкою и наливкою, а у чиновниковъ и съ французскимъ виномъ; при чемъ съѣдается нѣсколько большихъ и малыхъ животныхъ и въ соразмѣрности рыбъ и птицъ. Въ четыре часа — осовѣніе, продолжающееся до шести, и прерываемое употребленіемъ въ просонкахъ красу. Въ шесть — тоска, излечиваемая рюмкой водки. Отъ семи до осьми, чай съ булками и давшимъ жаркимъ. Въ восемь — игра въ карты, а такъ-какъ, въ той же комнатѣ, на особомъ столѣ, всегда находится приготовленная закуска, то пользованіе и ею. Въ одиннадцать, — ужинъ, и затѣмъ сонъ.

Но гдѣ и какъ проводить ночь обыватель?

Исслѣдуя этотъ вопросъ, я удостовѣрился, что онъ спитъ не дома, а тамъ, гдѣ застанетъ его прихотливый вкусъ. Я заводилъ съ обывателями разговоры, старался вызнать, случайно ли вкоренилась между ними столь неряшливая привычка, и не видится ли тутъ вліянія разрушительныхъ противосемейственныхъ доктринъ?.. Но оказалось, что о семейномъ союзѣ они разсуждаютъ не только здраво, но по временамъ даже чувствительно!! Чужо я узналъ! что — всѣ эти ихніе поступки не отъ чего другого происходятъ, какъ отъ простосердечной небрежности въ различіи своихъ логовищъ отъ чужихъ! что всему причина не философія, а ѣда и большое употребленіе горячихъ напитковъ *.

Такое открытіе не могло не огорчить меня **. Я ждалъ весьма много неожиданностей, а встрѣтилъ мирный сонъ обывателей, сопровождаемый постепеннымъ питаніемъ! Я ждалъ сокровенныхъ мыслей и недозволенныхъ начальствомъ мечтаній, а увидѣлъ, что самые глаза сихъ людей протестуютъ противъ всякой мысли о какихъ либо мечтаніяхъ ***.

* Принимая во вниманіе юный возрастъ автора, казалось бы, что исслѣдованія сего рода для него преждевременны. *См.*

** Не огорчить, а утѣшить оно должно было, потому что въ томъ много есть утѣшительнаго, если люди хотя и довольно дурно поступаютъ, но не по злонамѣренности, а отъ душевной простоты. *См.*

*** Если авторъ надѣялся за свои открытія получить награду, то огорченіе его понятно. Но, въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ препроситься въ другую губернію, гдѣ мечтателей въ изобиліи. Во всякомъ разѣ, желать пасса-

Немного найдется такихъ, кому извѣстно, какъ трудны, а подчасъ и несносны занятія, сопряженныя съ званіемъ Отверженнаго Ребенка. Ходить дни и ночи въ слякоти, подъ дождемъ и снѣгомъ; не безъ опасности прислушиваться у дверей и скважинъ; заводить знакомство съ кучерами, кухарками и прочей прислугой; стараться разгадать смыслъ всякаго шороха, уловить всякое движеніе, остановить на лету всякую мысль, осуществить всякое слово — никто, конечно, не скажетъ, чтобы такая задача была по силамъ каждому! Но что, безспорно, всего труднѣе — это прикидываться либераломъ! Если даже въ чужихъ устахъ мятежное слово уже кажется достойнымъ примѣчанія, то въ устахъ своихъ собственныхъ оно просто на просто изумляетъ и приводитъ въ страхъ. Слышишь себя проповѣдующимъ разрушительныя идеи, и не вѣришь ушамъ своимъ. Въ ту минуту, когда бьешь себя въ грудь, и съ налитыми кровью глазами (необходимая принадлежность всякой разрушительности) доказываешь пользу революцій, — въ эту минуту, говорю я, готовъ самъ на себя написать извѣщеніе, самъ готовъ понести заслуженное за дерзость наказаніе!

Да; не дай Богъ даже врагу испытывать подобныя, единственныя въ своемъ родѣ минуты! *.

Вообще, о либеральномъ ядѣ скажу, что онъ до крайности вѣдчивъ. Иногда начинаешь защищать его довольно притворно, но, постепенно разгораясь, вдругъ входишь въ такой неожиданный восторгъ, что мысли, не признавая надъ собой никакой власти, начинаютъ какъ бы кружиться и разсыпаться по всей головѣ. Не знаешь, гдѣ ложь, и гдѣ правда; хочешь замолчать — и все говоришь; хочешь сказать такое-то слово — а выходитъ совсѣмъ другое. И если такая практика случается часто, и притомъ не обладаешь достаточно твердыми правилами, то не успѣешь и оглянуться, какъ впадешь въ нигилизмъ. Примѣры таковыхъ паденій бывали, и довольно нерѣдкіе. Я зналъ одного полковника, который долгое время притворно билъ себя въ грудь, а кончилъ тѣмъ, что прекратилъ вѣру въ безсмертіе души. Другой подобный же случай былъ съ однимъ генераломъ: этотъ первоначально съ весьма похвальною цѣлью началъ прочитывать либеральныя сочиненія, а, подъ конецъ, наострился такъ, что самъ сталъ довольно порядочно (по ихнему) доказывать пользу вредныхъ наукъ.

денія мечтательности въ такихъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ ея нѣтъ, едва-ли согласно съ правилами той здоровой полноты, которой упоминается въ началѣ сочиненія. *См.*

* Весьма похвально. *См.*

Но я не отчаявался и выжидалъ. Въ это время дошло до моего свѣдѣнія, что въ городѣ П. образовалась довольно опасная секта, носившая странное названіе «оглашенныхъ недорослей». Устроивъ на скоро обсервационный пунктъ, я открылъ, что кодексъ этой секты состоялъ изъ нижеислѣдующихъ двухъ пунктовъ: 1) считать себя отъ науки независимыми, и убѣжденій не имѣть, и 2) стремиться и достигать. Въ составъ секты принимался преимущественно молодые люди съ безстыжнѣмъ характеромъ, которые собирались по ночамъ и предавались необузданной пляскѣ, прерывая ее крикомъ: «фити!»

Я былъ поставленъ въ самое фальшивое положеніе.

Какъ смотрѣть на нежеланіе учиться? Полезно оно или вредно?—на этотъ счетъ я никакихъ указаній не имѣлъ. Я зналъ, конечно, что науки раздѣляются на полезныя и вредныя *, но зналъ также, что науки, во всякомъ случаѣ, существуютъ, и что часть ихъ не безъ пользы преподается даже въ казенныхъ заведеніяхъ. И вдругъ — ни одной! Нѣсколько разъ я призывалъ господъ сектаторовъ къ себѣ, пробовалъ усовѣщевать и увѣщевать, но всегда безъ пользы. Безстыжіе молодые люди съ своей стороны небезъосновательно ** возражали, что если одну науку признать, то необходимо будетъ признать и прочія.

То же самое и относительно убѣжденій. Я зналъ, что существуютъ убѣжденія полезныя и убѣжденія вредныя, но чтобы могло не быть никакихъ убѣжденій—того не зналъ. Тѣмъ не менѣе, и по этому случаю я усовѣщевалъ и увѣщевалъ, но получилъ въ отвѣтъ, что такъ-какъ каждый человѣкъ свое убѣжденіе непремѣнно считаетъ полезнымъ, то, дабы прекратить всякія по сему предмету пререканія, обществомъ оглашенныхъ недорослей опредѣлено: всѣ вообще убѣжденія считать одинаково вредными. Чтò также было не совсѣмъ безосновательно.

Но ежели сомнѣніе было еще дозволительно относительно наукъ и убѣжденій, то оно возрастало въ мучительнѣйшей степени при разъясненіи словъ: «стремиться и достигать». Къ чему стремиться? Чего достигать? Не заключается ли тутъ, напимѣръ, покушенія на цѣлость государства? Чтобы исполнѣ убѣдиться въ этомъ, я рѣшился лично присутствовать на одномъ

* Желательно было бы, чтобы авторъ подробнѣе указалъ основанія такого дѣленія наукъ. *Сам.*

** Никакъ нельзя этого сказать, ибо:

Науки юношей питають,
Надежду старцамъ подаютъ.

Все дѣло состоитъ лишь въ томъ, чтобы съ расчетомъ опредѣлить способы питанія, дабы молодое древо не могло пойти въ сукъ. *Сам.*

изъ собраній, и съ этою цѣлью сбрилъ себѣ усы и одѣлся въ трико (бальный ихній костюмъ).

Собраніе открылось въ полночь, и началось танцами («оглашенные» собрались во множествѣ, и притомъ обоего пола), сопровождавшимися нѣкоторыми соблазнительными движеніями, которыя, однако, довольно мнѣ понравились. Потомъ шло поклоненіе богинѣ невѣжества, которую представляла весьма красивая женщина, стоявшая на возвышеніи. Она пѣла французскія извѣстные романсы: «à moi l'rompon!», «et j'frotte et j'frotte et allez donc!» и другіе, воспѣвая въ нихъ сладость освобожденія отъ наукъ. Присутствующіе подгѣввали, и приди въ восторженное состояніе, выражали свою радость звѣрскими криками. Однако, и это мнѣ довольно понравилось, тѣмъ больше, что въ промежуткахъ разносили конфеты, фрукты, буттерброды и прохладительные напитки. Но вотъ запѣли третьи пѣтухи, и сцена внезапно измѣнилась. На лицахъ изобразилась сосредоточенная кровожадность; руки были простерты впередъ, какъ бы устремляясь нѣчто схватить и растерзать.

— Господа! начинается игра въ губерніи! прогремѣлъ голосъ президента собранія посреди восторженнаго молчанія.

— «Стремиться и достигать!» вспомнилось мнѣ.

— Въ настоящее время двѣ губерніи находятся въ обнаженномъ состояніи, продолжалъ президентъ, и назвалъ при этомъ одну губернію, въ которой, при тщательномъ уходѣ, можетъ произрастать виноградъ, и другую, въ которой между прочимъ богатствами природы обитаютъ раскольники*.

Вся зала затрепетала.

— Чья очередь травить? вновь возгласилъ президентъ.

— Моя! моя! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ ринулись къ возвышенію, на которомъ стоялъ президентъ, и всѣ вдругъ заговорили. Смятеніе было неописанное: слышались мольбы, угрозы, упреки; одни скрежетали зубами, другіе подставляли ноги, третьи падали и вновь поднимались, и вновь падали... Постороннему человѣку могло показаться, что это даже и не игра, а серьезное дѣло. Я насилу унесъ ноги.

Подозрѣнія мои насчетъ посягательствъ на цѣлость государства оправдались. Самовольство господъ «оглашенныхъ» въ распоряженіи частями имперіи было столь явно, что я въ первый разъ въ жизни встревожился. Они цѣлыми губерніями располагали съ такою же непринужденностью, съ какою я располагалъ тѣми изъ подаренныхъ мнѣ игрушекъ, которыя, вслѣдствіе додговременныхъ дѣтскихъ истязаній (нѣкоторыя

* Раскольниковъ нельзя причислять къ богатствамъ природы. См.

подвергаются даже неразумному процессу сосанія), дѣлаются окончательно янкуда негодными. Тѣмъ не менѣе, несмотря на очевидную опасность, я счелъ нужнымъ предварительно прибѣгнуть къ увѣщанію.

— Господа! говорилъ я имъ: — вы не признаете наукъ — я охотно готовъ смотрѣть на это сквозь пальцы! Вы не видите пользы въ убѣжденіяхъ, и съ этимъ я, пожалуй, могу помириться! Но я не могу допустить, чтобъ вы играли нашими прекрасными губерніями, какъ я играю моими старыми игрушками!

Съ этими словами я удалился.

Какъ видится, я дѣлалъ весьма важную уступку; быть можетъ, я пошелъ бы и дальше, тѣ-есть оставилъ бы дѣло безъ огласки, еслибъ благородные юноши остепенились. Но они не унимались; тайныя сборища становились все болѣе и болѣе шумными, а крикъ «фить» раздавался съ такою несбромностью, что многіе обыватели встревожились. Тутъ же, какъ на грѣхъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья съ предостерегающимъ характеромъ.

Далѣе я молчать не могъ *.

Но каково было мое удивленіе, когда я черезъ нѣсколько времени получилъ отвѣтъ, что замѣченная мною «игра въ губерніи» извѣстна весьма давно, и, замѣняя игру въ дураки, служить для благородныхъ юношей завиднымъ препровожденіемъ времени. Что же касается до слова «фить!», то и оно можетъ заставить трепетать только злыхъ и коварныхъ, добрыхъ же и благонамѣренныхъ должно, напротивъ того, укрѣплять въ ихъ простосердечіи.

Признаюсь!!

Но дѣлать было нечего; хотъ и удивителенъ показался мнѣ этотъ отвѣтъ, но надлежало переимѣнить тактику. И вотъ тутъ-то я выказалъ тѣ чудеса изобрѣтательности, которымъ впоследствии удивлялся самъ Наполеонъ III **.

Я понялъ, что предметомъ моей дѣятельности должны быть «злые и коварные», и рѣшился разомъ изловить ихъ всѣхъ.

Въ этихъ видахъ я распорядился слѣдующимъ образомъ:

Вопервыхъ, увеличилъ число моихъ добрыхъ товарищей въ

* Авторъ вообще не обладаетъ искусствомъ полагать различіе между прошедшимъ, настоящимъ и даже будущимъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, «Московскія Вѣдомости» статей съ предостерегающимъ характеромъ не писали, да и нынѣ не пишутъ, а имѣютъ писать таковыя, когда поступать подъ редакцію М. Н. Каткова. *Сам.*

** Едва успѣли справиться съ первымъ злодѣемъ, какъ уже авторъ сулитъ еще двоихъ! Сродно ли это патриотизму благороднаго дитяти? *Сам.*

такой мѣрѣ, что вскорѣ на каждого обывателя считалось по одному доброму товарищу ¹.

Вовторыхъ, для болѣе удобности, снабдилъ моихъ сподвижниковъ кастетами и сортидебалами, и каждому изъ нихъ вручалъ по отмычкѣ, съ помощью которой можно было отпереть всякій замокъ.

Втретьихъ, приобрѣлъ нѣсколько сподвижниковъ женскаго пола, которые своими пріятными манерами могли вызывать дерзкій образъ мыслей.

Сдѣлавши все это, я крикнулъ: «загоняй!», и сѣлъ-себѣ спокойно дожидаться обильнаго улова.

Но подобно рыбаку, раскидывающему на большое пространство дорого стоящій рыболовный снарядъ и уловляющему съ его помощью лишь пискаря, я долженъ былъ обмануться въ моихъ ожиданіяхъ. Скажу болѣе: я не уловилъ и пискаря.

Какъ я ни напрягалъ мой слухъ, ничего не долетало до него, кромѣ чавканья. Казалось, все сговорилось, чтобъ испортить мою карьеру. Тщетно мои сподвижники мужскаго пола дѣйствовали отмычками (кастеты были такъ дурно сдѣланы, что тотчасъ же оказались негодными), а сподвижники женскаго пола расточали ласки: дѣло всегда кончалось тѣмъ, что первыхъ напивали пьяными, а вторыхъ увозили въ Излеру ².

Возникли даже сомнѣнія въ моемъ искусствѣ и опытности. «Не можетъ быть — писали мнѣ — чтобы не было ни коварства, ни злоумышленій; злодѣи вездѣ во множествѣ, но вы или не можете, или не хотите накрыть ихъ»...

Что было мнѣ дѣлать?

Не разъ обращалъ я взоры на предводителей дворянства, и постепенно разжигалъ ихъ самолюбіе, думая этимъ путемъ возбудить въ нихъ либеральныя чувства, но постоянно встрѣчалъ отвѣтъ, что самолюбивые предводители водятся только въ губерніяхъ нечерноземныхъ!

Не меньше того занимали меня и гимназисты, которымъ я давалъ понять, что, по нынѣшнему образованному времени, въ нѣкоторыхъ государствахъ уже не родители дѣтей сбьютъ, а наоборотъ ³, но они отвѣчали, что они бы и рады, но наврядъ-ли родители до сего ихъ допустить ⁴.

¹ Въ видахъ исполненія обязанностей полезно; но не произойдетъ ли вреда для земледѣлія, промышленности и ремесла, если половина гражданъ будетъ занимать тайнымъ наблюденіемъ за другой половиной? *Соп.*

² Это еще кто такой? *Соп.*

³ Вотъ какъ! Сіе извѣстіе столь ново, что не мѣшаетъ объ немъ сообщить мамашѣ автора. *Соп.*

⁴ И я такъ думаю. *Соп.*

Другихъ же элементовъ коварства не было.

Тогда я рѣшился на отчаянное средство. Въ молодости моей * я читывалъ, что настоящіе заговорщики собираются всегда по ночамъ, и что мѣстами сборищъ, по преимуществу, бывають или старинныя замки, или оставленныя развалины, или, наконецъ, лѣса. Тамъ, собравшись на полянахъ или подъ каменными сводами мрачныхъ подземелій, они злоумышляютъ при свѣтѣ потаеннаго фонаря. Но такъ-какъ у насъ нѣтъ ни замковъ, ни развалинъ, то я посягнулъ направить шаги мои въ лѣсъ.

Я не въ силахъ изобразить чувство священнаго ужаса, овладѣвшаго мной при видѣ сихъ столѣтнихъ свидѣтелей столькихъ злодѣяній! Сколько ужасныхъ тайнъ повѣрено ихъ безмолвію! Какую прекрасную карьеру могъ бы сдѣлать тотъ, кому удалось бы исторгнуть хоть часть этихъ тайнъ! Я шелъ бодро. Звѣзды блистали въ вышинѣ, какъ бы освѣщая ** картину несчетныхъ таинственностей, которыхъ театромъ служилъ этотъ лѣсъ. Всеобщее ужасное безмолвіе внезапно оглашалось то пронзительнымъ свистомъ хищной птицы, то яростнымъ ревомъ звѣря или жалобнымъ стономъ раздираемой имъ жертвы. По временамъ, между деревьями, мелькали привидѣнія. Кто знаетъ? Можетъ быть, это были неоплаканныя души убитыхъ здѣсь жертвъ? Или, быть можетъ, какіе-нибудь благодѣтельные духи, предостерегавшіе запоздалаго путника отъ грозившей ему опасности?...

Я шелъ и слезы струились изъ глазъ моихъ. Я вспомнилъ мою мамашу и милыхъ братьевъ, которые въ эту самую минуту, вѣроятно, почивали сномъ невинности въ своихъ маленькихъ, теплыхъ кроваткахъ... *** Чтѣ я такое? говорилъ я себѣ: — какаѣ ужасная судьба тяготѣетъ надо мною? За что долженъ я выносить пронзительную сырость ночи, изнемогать подъ палящимъ зноемъ дня, освѣжаться лишь зефирами, выслушивать дикій ревъ звѣрей, и быть можетъ, современемъ быть ими разтерзаннымъ? Ужели я долженъ пасть жертвою административной таинственности?

Имѣю ли я чувствительную душу и сердце, способныя трепетать? Да, я доказываю это ежедневно своимъ кроткимъ поведениемъ и покорностью, съ которой исполняю приказанія доброй родительницы. Сверхъ того, я не недоступенъ и красотамъ природы. Отчего же я дѣлаюсь свирѣпъ и кровожаденъ, какъ только вступаю на путь таинственности? Отчего душа моя дѣлается не-

* Да и теперь не весьма древній старикъ. *См.*

** Не какъ бы освѣщая, а дѣйствительно освѣщая. *См.*

*** Хорошо. Похвально. *См.*

доступною для жалости и сердце никаких других зрѣлищ не просить, кромѣ зрѣлища послѣднихъ содраганій.* Увы! это тайна, которую не могъ разгадать даже я, несмотря на то, что много лѣтъ служилъ по секретной части...

Я былъ одѣтъ поселникомъ, и для большаго сходства держалъ въ рукахъ лукошко, какъ бы собирая въ него грибы.** Такимъ образомъ, никто ничего заподозрить не могъ.

Я бодро шелъ и прислушивался. Сначала все было тихо и никакихъ признаковъ злоумышленія не примѣчалось. Но, по мѣрѣ того, какъ я углублялся въ чащу, успѣхъ дѣлался очевиднымъ. Во мнѣ заговорилъ внутренній голосъ, который всегда говоритъ, когда что-нибудь предвидить важное. И дѣйствительно, вскорѣ мой слухъ былъ пораженъ звуками голосовъ.

— Непремѣнно надобно его уничтожить, говорилъ неизвѣстный голосъ; — потому что, если мы и теперь его упустимъ по намеднишнему, онъ насъ въ раззоръ раззоритъ!

— Нужно теперь жеребій кинуть, кому стрѣлять! отвѣчалъ другой, тоже неизвѣстный голосъ.

Я остановился, какъ вкопанный; потомъ, съ быстротою кошки, влѣзъ на столѣтнюю сосну, и на вершинѣ ея устроилъ обсервационный пунктъ. Видъ, который открывался передо мною, былъ очарователенъ. Прямо разстилалась небольшая полянка, блистающая изумрудами и какъ бы сплошь покрытая перлами росы; направо и налево сплошною стѣною дремали широко-вѣвистые дубы, какъ бы охраняя полянку отъ нескромнаго взора; вдали видѣлся смѣющийся ручеекъ, отражая въ своихъ прихотливыхъ извилахъ мириады звѣздъ. Я былъ умиленъ: я былъ готовъ простить. Не знаю, сколько времени я плакалъ, покуда, наконецъ, чувство долга взяло верхъ надъ чувствительностью. Я взглянулъ впередъ и увидѣлъ двухъ заговорщиковъ, стоявшихъ въ глубокомъ безмолвіи. Оба были одѣты въ крестьянскихъ одеждахъ; одинъ изъ нихъ держалъ ружье на прицѣлѣ. Прошло томительные полчаса; я почти не дышалъ и съ трепетомъ прислушивался къ біенію моего сердца. Вдругъ послышался трескъ, сперва отдаленный, потомъ все ближе и ближе. Изъ лѣса вышелъ громаднѣйшій медвѣдь изъ породы стервятниковъ, но это былъ, разумѣется, не медвѣдь, а знаменитый принцъ Шарманъ, обращенный въ медвѣдя злымъ волшебникомъ. Узнавъ его, я замеръ...

— Стрѣляй! раздалось во тьмѣ ночной.

* Жалкое смѣшеніе похвальныхъ чувствъ съ непохвальными! Необходимо устроить строгое самонаблюденіе, дабы на лицо остались одни похвальные.

** По ночному времени, едва-ли хитрость сія можетъ быть названа натуральною. *Сам.*

— Ни съ мѣста! вскричалъ я, внѣ себя отъ ужаса.

Не помню, какъ я не слѣзъ, а скатился съ дерева, и очутился около заговорщиковъ; не помню, какъ я перевязалъ злодѣевъ и отвелъ ихъ въ часть ¹. Я былъ въ такомъ энтузіазмѣ, что самъ не понималъ, что дѣлаю. Помню только, что принцъ плакалъ и обнималъ меня (онъ вдругъ изъ медвѣдя сдѣлался красивѣйшимъ принцемъ), называя своимъ спасителемъ.

На первомъ допросѣ, злодѣи, конечно, ни въ чемъ не сознавались; но по мѣрѣ того, какъ ихъ сѣкли и кормили селедками, сдѣлались весьма откровенными. Тутъ я открылъ столько развѣтвленій, что сердце мое навсегда окаменѣло для жалости. Тутъ я впервые и совершенно невольно произнесъ то самое слово «фить!», противъ котораго я столько ратовалъ, и которое охотно повторяю и теперь въ важнѣйшихъ случаяхъ.

Это блистательное дѣло принесло мнѣ сто тысячъ рублей и утвердило мою репутацію на незыблемомъ основаніи ². Происшествіе это какъ разъ совпало съ приготовленіями къ перевороту 2-го декабря, который впоследствии совершенъ былъ во Франціи искусною рукою Наполеона III. Потребовалась вдругъ большая масса людей, умѣющихъ владѣть каскеттами и сорти-дебалами. Я не задумался ни на минуту, и по первому вызову полетѣлъ во Францію, принявъ фамилію мосье Мушара, такъ-какъ не зналъ подлинно, понравится ли моя выходка доброй мамашѣ ³. Ловкость и разнообразіе, съ которыми я примѣнялъ каскетъ, были таковы, что изумили даже графа Морни. Само собою разумѣется, что я получилъ весьма-важное мѣсто при переворотѣ.

За это дѣло я получилъ пятьдесятъ тысячъ франковъ изъ собственныхъ рукъ... изъ чьихъ? — Чувствительное твое сердце, конечно, само подскажетъ тебѣ, добрый читатель!

Онъ улыбался, а я... я могъ только плакать!

Я положилъ: эти пятьдесятъ тысячъ (всѣ англійскимъ золотомъ, ибо Англія, желая окончателно унижить Францію, не мало способствовала перевороту 2-го декабря) хранить навсегда въ шкапулкѣ, подаренной мнѣ.... кѣмъ? — но, навѣрное, и это подскажетъ тебѣ твое сердце, добрый читатель! ⁴

Принявъ прежнюю фамилію Младо-Сморчковскаго, я возвратился въ отечество.

Въ это время, я впервые почувствовалъ, что и для меня на-

¹ Должно думать, нарочно для сего случая въ лѣсу была выстроена? *Сан.*

² Все сіе весьма неправдоподобно. И вымыселъ имѣетъ свои предѣлы. *Сан.*

³ Конечно, не могла понравиться, ибо даже подумать больно, что Младо-Сморчковскій могъ оставить отечество безъ разрѣшенія. *Сан.*

⁴ Стало быть, и процентовъ на нихъ не получается?

ступило утомленіе, этотъ неизбежный спутникъ той изнурительной дѣятельности, которой я предавался въ теченіе всей моей жизни. Я понималъ, что настало время, когда я могу слѣдовать моимъ наклонностямъ лишь на свободѣ, то-есть не всегда и не во всякомъ случаѣ, но лишь тогда, когда самъ сюжетъ невольно увлечетъ меня за собою. Я предложилъ руку и сердце прелестной маркизѣ де-ла-Кассонадъ, и, получивъ за ней пятьсотъ тысячъ въ приданое, удалился отъ дѣлъ.

Нынѣ я живу въ имѣніи моемъ, въ Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда, который, во время извѣстной крестьянской катастрофы, благодаря благосклонному содѣйствію сосѣда моего, тайнаго совѣтника Ж***, попалъ въ число наименѣ оскорбленныхъ относительно высшаго размѣра крестьянскихъ надѣловъ*. Въ имѣніи моемъ, нѣтъ ни одного клочка земли, который не приносилъ бы сторицею, а единственная гора, изобилующая пескомъ и глиною, отдана въ надѣлъ. Сверхъ того: я владѣю золотыми пріисками въ Сибири и прелестнѣйшей дачей на южномъ берега Крыма, которая, сверхъ удовольствій, ежегодно доставляетъ мнѣ на пятьдесятъ тысячъ рублей винограднаго вина. Дѣтей своихъ я воспитываю въ страхѣ божіемъ.

Общая замѣчанія на сіе сочиненіе.

Мысли, руководившія сочинителемъ, весьма похвальны, слогъ гладокъ и мѣстами увлекателенъ, знаки препинанія разставлены вѣрно... но и за всѣмъ тѣмъ впечатлѣніе, производимое на душу читателя, нельзя назвать ни полнымъ, ни совершенно удовлетворительнымъ.

Вопервыхъ, выборъ карьеры сдѣланъ весьма неудачно. Благородные юноши охотнѣе имѣютъ дѣло съ лаврами и миртама, нежели съ насчетами и отмычками. Не отрицаю, сіи послѣднія орудія тоже могутъ быть во многихъ случаяхъ полезными, но употребленіе ихъ по назначенію, обыкновенно, представляется людямъ съ низкими свойствами души. Возьмемъ для сравненія хоть хлѣбъ; никто, конечно, не скажетъ, что онъ бесполезенъ, однако приготовленіемъ его занимаются хлѣбопеки, а не дѣйствительные статскіе совѣтники. Сіи послѣдніе не производятъ, но потребляютъ, а ежели, повремениамъ, и производятъ, то не иное что, а токмо дѣйствія, приводящія душу въ умиленіе, какъ, на примѣръ, способствуютъ изданію законовъ,

* Столь все сіе таинственно, что невозможно читать безъ размышленія. Но даже и при размышленіи, нѣтъ никакой руководящей нити. Рѣшительно, на эту маперу оставить. *Сам.*

какъ сенаторъ Трошанскій, или бряцаютъ на лирѣ, какъ Державинъ.

То же должно сказать и о подслушиваніи, составляющемъ основной элементъ избранной авторомъ карьеры. Оно необходимо, но не всегда безопасно, и потому лучше предоставить оное людямъ низкаго званія.

Вовторыхъ, неудача въ выборѣ карьеры невольнымъ образомъ увлекла автора къ изслѣдованію нѣкоторыхъ непристойностей, которыя ему еще довольно рано знать. Трудно понять, откуда онъ могъ почерпнуть столь обстоятельныя свѣдѣнія о семь предметахъ, но можно подозрѣвать, что они составляютъ плодъ частаго обхожденія въ лакейской и дѣвчьеѣ. Юность въ семь отношеніи весьма бываетъ опрометчива. Гоняется за эфемерными удовольствіями, которыя доставляетъ зрѣлище вольнаго обращенія здоровыхъ парней съ краснощехими дѣвцами,— и небрежетъ существеннымъ, то-есть науками! увлекается мающимся видомъ цвѣтущей поверхности— и не видитъ бездны!

Втретьихъ, о приведенныхъ въ сочиненіи двухъ примѣрахъ заговоровъ не знаю что и заключить, но кажется, что это выдумка не весьма вѣроятная. Что такое эта «игра въ губерніи», замѣнившая, по словамъ автора, игру въ дураки? и какия образомъ принцъ Шарманъ, превращенный злымъ волшебникомъ въ медвѣдя, могъ вдругъ вновь обратиться въ принца Шармана и обнимать спасшаго его отъ смерти автора? Если авторъ имѣлъ нѣкоторый чародѣйственный секретъ, то онъ долженъ былъ оный изложить. Впрочемъ, едва-ли могутъ даже существовать такіе секреты, которые въ состояніи были бы сдѣлать изъ медвѣдя что-либо другое, кромѣ дикаго звѣря. Вотъ почему, подобныхъ вольностей лучше всего остерегаться.

И еще замѣчено: большое пристрастіе къ деньгамъ и слишкомъ свободное ими распоряженіе. Сапентовъ.

ДОБРЫЙ ПАТРИОТЪ.

(Сочиненіе 10-лѣтняго Вани Сморчковскаго).

У одной старой слѣпенькой кротихи родился маленькій кротикъ. И этотъ кротикъ былъ большой шалуниъ, потому что очень часто выбѣгалъ изъ своей норы, чтобы порѣзвиться тамъ, гдѣ ему казалось просторнѣе и свѣтлѣе. И вотъ однажды, старая слѣпенькая кротиха возвращается раньше обыкновеннаго домой съ ношею самыхъ спѣлыхъ орѣховъ, которые она каждый день собирала про запасъ на зиму, и не застаётъ въ норѣ малень-

каго кротика. И вотъ можете себѣ представить отчаяніе бѣдной слѣпенькой матери, у которой только и была одна опора въ старости! И Богъ знаетъ, что она не передумала до той минуты, покуда не воротился маленький кротикъ на сей разъ, однажды, благополучно.

— Но зачѣмъ же ты, другъ мой, выбѣгаешь изъ нашей норы? упрекнула его старая слѣпенькая кротиха.

— Да мнѣ, маменька, здѣсь скучно! отвѣчалъ неопытный маленький кротикъ.

— Но отчего же тебѣ, глупенькій, скучно?

— Да тутъ у насъ, маменька, и сыро, и тѣсно, и темно, а тамъ, наверху, аленькіе цвѣточки цвѣтутъ, пестренькія птички поютъ, вѣтерочки теплые дуютъ и свѣтитъ ясное солнышко!

— А-а-ахъ! глупенькій ты, глупенькій! молвила старая слѣпенькая кротиха, покачивая головой: — да знаешь ли ты, что эту сырую и темную нору ты долженъ любить больше всего на свѣтѣ!

— Да почему же, маменька?

— А потому, что это твое отечество!

Конецъ.

Педагогическая отмѣтка. Мысль не дурна, и языкъ звѣрей употребленъ весьма къ мѣсту! Но кратко, и потому на будущее время надо стараться быть болѣе обстоятельнымъ. Еще одно замѣчаніе: союзы не всегда употребляются правильно, а въ иныхъ мѣстахъ, есть даже лишніе. Сапленговъ.

ДОБРЫЙ ПАТРИОТЪ.

(Сочиненіе 8-лѣтняго Паша Младо-Сморчковскаго).

Однажды, милая мамаша взяла Пашу Младо-Сморчковскаго за головку и спросила:

— А знаетъ ли эта маленькая головка, что таксе значить добрый патриотъ?

— Нѣтъ, милая мамаша, отвѣчалъ Паша: — не знаетъ, потому, что она маленькая!

И милая мамаша поцаловала Пашу и отпустила гулять.

Конецъ.

Педагогическая отмѣтка. Навѣрное, гулять не отпустила, но, быть можетъ, оставила безъ послѣдняго кушанья. И маленькой головкѣ стыдно не знать вещь столь обыкновенную. На будущее время подобныя оправданія, ни въ какомъ случаѣ, не будутъ приняты во вниманіе. Сапленговъ.

Н. Щедринъ.

ИВАНЪ ЖИЖКА *.

КАРИНЫ ИЗЪ ГУССИТСКИХЪ ВОЙНЪ.

(Изъ Ленау).

I.

Вечерь. Лѣсъ Трочновскій полонъ
Безмятежной тишины.
Вѣтви гордыя деревьевъ
Точно въ сонъ погружены.

Вотъ, задумавшись глубоко,
Ѣдетъ всадникъ. Конь его
Тихо, бережно качаетъ
Господина своего.

Вдругъ, какъ будто пробудившись,
Всадникъ лошадь осадилъ,
Слѣзь съ нея, и ставъ подъ дубомъ,
Грозно мечъ свой обнажилъ

И сказалъ: «Подъ этимъ дубомъ
Божій свѣтъ увидѣлъ я;

* Жижка — знаменитый и первый по времени предводитель гусситскихъ войскъ. Для объясненія нѣкоторыхъ подробностей, встречающихся въ этомъ стихотвореніи, считаемъ нужнымъ замѣтить, что Жижка, до вступленія на поприще предводителя народной партіи, жилъ при дворѣ короля Венцела и пользовался расположеніемъ какъ самаго короля, такъ и его жены Софіи (кто такая была Изабелла, о которой говорится въ IV главѣ—мы не знаемъ), что онъ былъ одноглазый, а второго глаза лишился въ сраженіи и, наконецъ, что умеръ отъ болѣзни, похожей на чуму.

Перев.

Здѣсь стонала въ ночь и бурю
Мать несчастная моя.

«Только лѣсъ тѣ стоны слышалъ,
Только бури дикій вой
Несся пѣснью колыбельной
Надъ моею головой.

«Въ этотъ часъ, подъ блескомъ молній,
Загорѣлась кровь моя,
И теперь, вскормлённый бурей,
Выхожу на бурю я.

«Гусь! клянусь подѣ этимъ дубомъ
Отомстить за смерть твою!
Гусь! твоихъ злодѣевъ кровью
Скоро землю напою!

«Гусь! клянусь изъ жилъ преступныхъ
Столько крови наточить,
Что костеръ твой могъ бы ею
Я стоератно потушить.

«Гусь! огню ихъ замки, церкви
Я безжалостно предамъ...
Горе извергамъ-монахамъ
Горе Гуссовымъ врагамъ!

«Закопчу огнемъ пожара
Сводъ небесный, оттого,
Что великое злодѣйство
Свершено въ виду его.

«Въ грудь мою влетѣла искра
Отъ священнаго востра
И горитъ неугасимо...
Гусь! Я мстить иду!... Пора!

«Мужъ свободы, правды, свѣта,
Жертва гнета, тьмы и лжи...
О, мой мечъ!... Теперь, товарищъ,
Ты мнѣ службу сослужи!

«О, какъ тихи лѣсъ и воздухъ
Милой родины моей!
Какъ она внимаеть вл�твѣ
Одного изъ сыновей!

«Слушай вл�тву роковую,
Слушай, родина моя!
До послѣдней капли крови
Буду мстить за Гуса я!»

II.

Свѣтло-окая богиня
Вѣчно-юная весна,
Побѣдительница мрака
И насильственнаго сна!

Посмотри. Зеленымъ лѣсомъ,
Лѣсомъ царственнымъ твоимъ,
Ѣдетъ всадникъ. Конь ретивый
Скачетъ весело подъ нимъ.

Раствори предъ нимъ прѣлѣтно
Сѣни пышныя твои,
Погони къ ногамъ героя
Серебристые ручьи,

Ароматы розъ и лилій
Въ чистомъ воздухѣ разлей,
Освѣти зарей вечерней
Вѣтви гордыхъ тополей,

Накорми, напой до сыта
Боевыхъ коней его,
Уложи на мягкомъ дернѣ
Войско брата твоего!

Да, онъ братъ твой! Точно также,
Какъ съ мертвящею зимой
Ты сражаешься, — онъ бьется
Съ одуряющею тьмой!

На пути своемъ, свободой
 Жижка свято вдохновленъ;
 Это нма врѣзать саблей
 Въ тѣло міра хочеть онъ.

Онъ избралъ ее невѣстой
 И теперь вѣнчаться съ ней
 Ёдетъ витязь, окруженный
 Сонмомъ воиновъ-друзей...

Вотъ съ коня слѣзаетъ Жижка
 И забыться краткимъ сномъ
 Послѣ долгихъ перѣздовъ
 Хочеть въ сумракѣ лѣсномъ.

На траву спустивъ усталыхъ,
 Отощавшихъ лошадей,
 Улеглись его гуситы
 У разложенныхъ огней.

Ужинъ весело готовить...
 Хохоть, крики, болтовня...
 Въ мягкомъ дернѣ съ нѣгой тонеть
 Ихъ желѣзная броня.

Лѣсъ предъ ними раскрываетъ
 Всѣ сокровища свои...
 Гармонично шепчуть вѣтви,
 Звонко свищутъ соловьи,

Милліоны чудныхъ звуковъ
 Ходять въ воздухѣ ночномъ,
 Утомленные рѣсницы
 Сладко сковывая сномъ.

Жижка дремлетъ... Онъ какъ будто
 Грезой тяжелой томимъ...
 Старый дубъ, въ огнѣ заката
 Ярко блещеть передъ нимъ.

Жижки глазъ полузакрытый
 Занять призрачнымъ огнемъ...

Взоръ души и взглядъ тѣлесный
Шевелятъ сомнѣнье въ немъ:

Солнце-ль это блещеть? Кровь ли
Льется пурпурной рѣкой?
Иль пожару городъ преданъ
Гнѣвно-мстительной рукой?

И понять не можетъ витязь
Сквозь тяжелую дрему:
Что на бороду и кудри
Сверху сыплется къ нему:

Листья-ль нѣжны? Цвѣты ли,
Оторвавшись отъ вѣтвей?
Или пепель отъ горящихъ
Замковъ, башенъ и церквей?..

Спите, воины! Паситесь,
Кони добрые! А ты,
Благодатная природа,
Въ блескъ майской красоты,

Освѣжи героевъ души,
Укрѣпи бойцовъ тѣла
На кровавую работу,
На великія дѣла!..

Пробудился вождь гусситовъ...
Чистый воздухъ напоенъ
Ароматною росой...
Такъ ласкаетъ, грѣетъ онъ,

Точно хочеть мягкой нѣгой,
Въ упоительной тиши,
Истребить въ бойцѣ суровомъ
Гнѣвъ взволнованной души.

Но безсильны эти чары...
Жижка гордо превозмогъ
Обольстительныя ласки.
Онъ хватается за рогъ —

И несется звукъ призывный
Громко по лѣсу, будя
Спящихъ воинновъ и злобу
Непреклоннаго вождя.

III.

Неустанно раздувая
Пламя гнѣва своего,
Дни и ночи бьется Жижка.
Дико-страшенъ путь его.

Груды труповъ, рѣви кровп.
Стоны гибнущихъ враговъ,
Разрушеніе, пожары
Башень, замковъ и дворцовъ —

Вотъ что въ брачный даръ свободѣ
Онъ, женихъ ея, несетъ.
День и ночь не умоляя,
Серенады ей даетъ:

На фанативахъ монахахъ,
На прислуживахъ князей
Пѣсни странныя играетъ
Въ честь возлюбленной своей!

Вотъ онъ снова ѣдетъ лѣсомъ,
Темнымъ лѣсомъ... Ночи тѣнь
Ужъ спускается... Не мало
Бился Жижка въ этотъ день;

Но малѣйшая мнута
Для гуссита дорога...
Онъ и ночью жаждетъ встрѣтить
Ненавистнаго врага.

И, дружину ободряя
Громкимъ крикомъ, Жижка съ ней
Свачетъ лѣсомъ... Но въ природѣ
Все становится темнѣй...

Тучи небо голубое
 Въ черный саванъ облекли...
 Вѣтеръ воетъ. Зги не видно.
 Только изрѣдка, вдали,

Искрометною змѣю
 Въ тучахъ молнья пролетитъ
 И, слѣдя за ней глазами,
 Вождь гусситовъ говорить:

«О, какъ быстро исчезаетъ
 Это пламя! Отчего
 Я не въ сплахъ въ этой ели
 Пригвоздить мечомъ его.

«Чтобы тьма ни на минуту
 Не мѣшала моему
 Дѣлу мщенья, — не мѣшала
 Разгонять другую тьму —

«Тьму позорнаго насмѣя,
 Злой неправды, ханжества,
 Попирающую дерзко
 Всѣ священныя права!»

И на тучи смотритъ Жижга
 Съ жгучей завистью. Онѣ
 Безпрепятственно несутся
 Въ недоступной вышинѣ.

«Ахъ, зачѣмъ я также вольно
 Мчаться ночью не могу,
 Безъ помѣхи сыпя стрѣлы
 Въ сердце грѣшнику-врагу!»

Буря воетъ... Неподвижно
 Кони добрые стоятъ.
 Въ войскѣ многіе гусситы
 Подъ телѣгами храпятъ,

А другіе подъ кустами
 Улеглись — и звучный хоръ

Славить пѣснью вдохновенной
Гòру милую Таборъ *.

IV.

Жизка близкаго разсвѣта
Ждетъ подь липою густой,
Оглушительному грому
Внемля родственной душой.

Вдругъ какой-то незнакомецъ
Осторожно подошелъ
Къ предводителю гусситовъ
И такую рѣчь повелъ:

«Велика, конечно, радость
Бога молній и громовъ
Въ тѣ часы, когда несется
Онъ по царству облаковъ!

«Великò должно быть тоже
Наслажденіе въ бою,
Если витязь носить въ сердцѣ
Мощь геройскую твою;

«Если онъ выходитъ въ битву
Съ дѣломъ лжи и темноты
И умѣетъ ненавидѣть
Такъ же сильно, какъ и ты!

«Но бываютъ и другія
Наслажденья для сердець...
Вспомни, витязь непреклонный,
Дни былые, тотъ дворець,

«Гдѣ любовью нѣжной билось
Сердце чистое твое...
Неужли неумолимо
Ты убилъ въ себѣ ея?

* Мѣсто, гдѣ долгое время укривалась народная партія виѣстѣ съ своимъ духовенствомъ, и которое названо было Таборомъ въ воспоминаніе известной горы, упоминаемой въ библіи.

«Королевой нашей Софьей,
Жижка, присланъ я сюда,
Чтобъ тебѣ напомнить снова
Тѣ блаженные года;

«Чтобъ въ душѣ твоей суровой,
Въ гнѣвно-бьющейся крови
Пробудить заснувшій голосъ —
Голосъ мира и любви.

«И сказать, что Изабелла —
Радость прежняя твоя,
Убивается по миломъ...
Эти слезы видѣлъ я.

«На коня садясь, я видѣлъ
Изабеллу на крыльцѣ...
Горе страшное читалось
На поблекнувшемъ лицѣ.

«Понялъ я, что тутъ свершалась
Гибель тѣла и души...
Жижка! Жижка! на спасенье
Къ чудной дѣвѣ поспѣши!

«Воротись домой скорѣе!
Все забыто, прощено
И любви чистѣйшей небо
Для тебя отворено!

«О, войди въ него!... Не дважды
Душу радуешь любовь!
Брось дорогу, на которой
Только тучи, только кровь!»

Кончилъ онъ. И тихо, тихо,
Чтобъ какой-нибудь гусситъ
Не подслушалъ, — мрачный Жижка
Незнакомцу говорить:

«Пусть умретъ! Чистѣйшей жертвой
Пусть приносится она

На святой алтарь свободы —
Той, которой отдана

«Безраздѣльно, безконечно
Вся душа и жизнь моя, —
Для которой передъ Богомъ
Отъ всего отрекся я!

«О, погасни, Изабелла,
Свѣточъ мира и любви!
Надъ дорогой, по которой,
Между труповъ, весь въ крови,

«Я иду неудержимо —
Не свѣтитъ тебѣ. Она
Освѣщаться лишь зловѣщимъ
Гнѣва пламенемъ должна.

«Мой привѣтъ, привѣтъ послѣдній,
Изабеллѣ передай...
А теперь, гонецъ отважный,
Поскорѣ увъжай!

«Поскорѣй!... Изъ этихъ дебрей
Ты не вышелъ бы живой,
Еслибъ не было такое
Имя названо тобой!»

V.

И опять, опять за битвой
Битва слѣдуетъ. И вновь,
Подъ гусситскими мечами
Льется вражеская кровь.

Но и врагъ не дремлетъ: метко
Полетѣвшая стрѣла
У начальника гусситовъ
Глазъ послѣдній отняла.

О, теперь печаль по Гусѣ
Станетъ жечь еще сильнѣй

Сердце Жижки... О, отнынѣ
Безпощаднѣе, страшнѣй

Будетъ онъ мечомъ кровавымъ,
Всюду ужасъ наводя,
Мститъ за мученика — Гуса,
За учителя — вождя!

VI.

Бой кипитъ. Гусситы мчатся
Разъяренною толпой;
Направляютъ ихъ движенья
Предводитель ихъ слѣпой.

Грозно онъ стоитъ въ телегѣ,
Въ центрѣ войска своего;
Справа, слѣва — два гуссита,
Два помощника его.

Мѣстность битвы, войскъ нѣмецкихъ
Положенъе и число —
Все они рисуютъ Жижкѣ...
И понятно, и свѣтло

Все слѣпцу. Въ быдое время,
Въ дни, когда еще стрѣла
У вождя гусситовъ зрѣнья
Навсегда не отняла, —

Онъ въ лицо отчизны милой
Съ нѣжной жадностью смотрѣлъ
И въ душѣ своей глубоко
Всѣ черты запечатлѣлъ.

Каждый лѣсъ ея, долину,
Гору, озеро, ручей —
Все слѣшилъ суровый мститель
Врѣзать въ памяти своей.

И теперь, на этомъ полѣ,
Окруженный темнотою,
Т. СLXXXVI. — Отд. I.

Взоръ души смѣется гордо
Надъ тѣлесной слѣпотой.

Освѣщаетъ духу мщенья
Онъ дорогу, — и на ней —
Всѣ мѣста, гдѣ свѣтъ трупы
Можно лучше и вѣрнѣй.

Жижка голосомъ громовымъ,
Мановеніемъ руки
Грозно двигаетъ гусситовъ
На нѣмецкіе полки.

И летать его гусситы
Разъяренною толпой...
О, какъ жадно, чутко внемлетъ
Шуму битвы вождь слѣпой!

О, какой гармоньей дикой
Слуху мстителя звучать
Стоны, вопли и проклятья
Погибающихъ солдатъ!

О, какъ страшно эти звуки
Тѣшатъ сердце Жижки! Онъ ъ,
Узнаетъ привычнымъ ухомъ
Каждый голосъ, каждый стонъ; —

Узнаетъ по этимъ звукамъ,
Что сегодня, какъ всегда,
Не померкнетъ для гусситовъ
Ихъ побѣдная звѣзда.

Лучезарнымъ взоромъ сердца
Всѣ подробности борьбы
Видитъ Жижка... Вотъ несутся
Сигизмундовы рабы,

Вотъ венгерскіе гусары,
Вотъ саксонскіе стрѣлки...
Налетаютъ другъ на друга
Опьянѣвшіе полки,

Топчуть, рѣжутъ, бьютъ другъ друга;
 Брата братъ не узнаётъ...
 У, какую жатву нынче
 Вождь гусситовъ собереть!

Безконечна, беспощадна
 Злоба Жижки... О, когда
 Весь измученный насильемъ,
 Полный боли и стыда,

Человѣкъ бѣжить къ свободѣ, —
 Дикъ и страшенъ путь его!
 Все ломая, онъ ломаетъ
 Кротость сердца своего.

VII.

Дни проносятся за днями...
 Въ темномъ лѣсѣ вижу я
 Одинокого гуссита
 У шумящаго ручья.

Туча гнѣва и печали
 На лицѣ его лежитъ
 И, въ ручьѣ оружье мѣя,
 Такъ ручью онъ говоритъ:

«О, смѣни свой тихій ропотъ
 На печальный, злобный вой!
 Горе, горе! Умираетъ
 Жижка, доблестный герой!

«Но не смертнаго рукою
 Славный витязь пораженъ!
 Нѣтъ, такой могучій смертный
 Въ миръ еще не сотворенъ.»

«О, не разъ враги толпами
 Налетали на него;
 Но на полѣ битвы Жижка
 Не боялся никого.

«Смерть, которая съ другими
Въ бой идетъ лицомъ къ лицу,
Подползла трусливо, съ тылу,
Къ Жижкѣ, страшному бойцу.

«Вой, ручей, ревите, вѣтры.
Свѣтъ, смѣняйся темнотой!
Горе! Чехія родная
Остается сиротой!»

Между тѣмъ, въ предсмертныхъ мукахъ,
На землѣ герой лежитъ
И товарищамъ печальнымъ
Вдохновенно говоритъ:

«Братья, я умру сегодня.
Человѣка смерть возьметъ,
Но его святое дѣло
Долго, долго проживетъ.

«Часъ наступить. Наши братья
По страданьямъ и борбѣ
Соберутъ съ могилъ гусситскихъ
Жатву пышную себѣ, —

«Жатву свѣтлыхъ утѣшеній,
Свѣжей крѣпости... О, да!
Сѣмя, кровью политое,
Не погибнетъ безъ плода.

«Перестаньте-жъ сокрушаться
Смертью Жижки... Развѣ я
Васъ не внучилъ — умершихъ
Не оплакивать, друзья?

«Вотъ приказъ, приказъ послѣдній
Полководца: мой конецъ
Встрѣйте бодро, какъ встрѣчаетъ
Гибель истинный боецъ.

«Здѣсь, въ шатрѣ, идетъ вѣнчанье:
Въ жены мнѣ чума дана.

Страшенъ былъ для міра Жижка
И страшна его жена.

«Мести сладостныя грезы!
Съ вами ложа моего,
Ни одна изъ женщинъ міра
Не дѣлила... Никого,

«Кромѣ этой чудной мести
Не сжигалъ въ объятыхъ я...
Въ сердце мнѣ влита отравы
Поцалуями ея...

«Для того, чтобъ послѣ смерти
Былъ я съ вами, какъ живой,
Объяните кожей Жижки
Барабанъ вашъ боевой...

«Врагъ бѣжить... Впередъ, гусситы!
У, какъ страшны для него
Эти звуки, этотъ грохотъ
Завѣщанья моего!»

И вскочилъ на смертномъ ложѣ
Весь въ горячечномъ огнѣ
Грозный вождь. Себя онъ видитъ
Передъ войскомъ на конѣ;

Въ новой сѣчѣ убиваетъ
Всѣхъ, убитыхъ имъ, враговъ;
Всѣхъ, давно похороненныхъ,
Вызываетъ изъ гробовъ,

Выходите, выходите,
Вы, нѣмецкія войска!
Разгулялася у Жижки
Смертоносная рука!

Бредъ блаженный уничтожилъ
Слѣпоту его очей...
Всѣхъ фанатиковъ-монаховъ
Всю холощину князей

Ясно видить онъ, — и жарче,
Жарче кровь клокочеть въ немъ,
И прозрѣвшій взоръ пылаеть
Сокрушительнымъ огнемъ.

Такъ онъ грезить, такъ онъ бьется...
Но пробилъ послѣдній часъ,
И герой непобѣдимый
Покорился и угасъ.

П. Войцбергъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕССЪ?

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. Собраніе сочиненій въ 7 томахъ. Изданіе Н. Л. Тиблена.

*Статья вторая *.*

V.

Сравнивая нѣсколько болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга историческихъ періодовъ, мы замѣчаемъ болѣшую или меньшую разницу въ соотвѣтствующихъ имъ состояніяхъ общества. Мы видимъ различную группировку силъ политическихъ и экономическихъ, различные способы производства богатствъ, различные типы ихъ распредѣленія, различныя степени власти надъ природой, различныя нравственные уровни, различныя степени интеллектуальнаго развитія, наклонности къ войнѣ и торговлѣ и т. д. Если, далѣе, мы достаточно подготовлены умственной работой надъ самимъ собой и надъ окружающими насъ фактами, то мы безъ труда замѣтимъ нѣкоторую связь между взятыми нами періодами въ ихъ послѣдовательности; промежуточные фазы еще настойчивѣе укажутъ на эту связь. Но отъ этого смутнаго сознанія существованія извѣстной правильности въ послѣдовательной смѣнѣ историческихъ фактовъ еще далеко до отчетливаго представленія и формулированія самой этой правильности. Мы скорѣе угадываемъ, нежели сознаемъ отчетливо и ясно, что есть нѣкоторый порядокъ въ появленіи на исторической сценѣ и исчезаніи съ нея всѣхъ этихъ великихъ героевъ и пошлыхъ негодяевъ, мирно занявшихъ по три аршина земли для своего послѣдняго жилища; всѣхъ этихъ глубокихъ думъ, сильныхъ чувствъ и страстныхъ желаній, то сданныхъ нами въ архивъ, то превращенныхъ въ знамя нашей дѣятельности; всѣхъ этихъ потрясающихъ картинъ скорби и радости, въ которыхъ мы можемъ участвовать только мыслью; всѣхъ этихъ разнообраз-

* См.: Отеч. Записки 1839 г., февраль.
CLXXXVI. — Стл. II.

разныхъ отжившихъ формъ общежитія и міросозерпанія. Передъ нами развертывается такая необъятная перспектива прошедшаго, въ которой различные общественные элементы повидимому самымъ причудливымъ образомъ скрещиваются, переплетаются, цѣпляются другъ за друга, сходятся и расходятся на тысячахъ пунктовъ, какъ неровныя звенья множества перепутанныхъ цѣпей. И ориентироваться въ этой сложной сѣти тѣмъ труднѣе, чѣмъ дальше мы подвигаемся въ густую чащу историческихъ фактовъ. Но насъ гонять нужды настоящаго, насъ душить страхъ за будущее, и мы все тщательнѣе и внимательнѣе ищемъ такого пункта, съ котораго было бы всего удобнѣе осмотрѣть всю разстилающуюся за нами исторію, чтобы по ней опредѣлить наше будущее. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень крупными затрудненіями. Чтобы уловить законы соціальной динамики, т.-е. общественного прогресса, мы должны одновременно слѣдить за движеніемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ сразу. Мы ищемъ не исторіи войны, торговли, экономическихъ отношеній, вѣрованій, нравственныхъ, эстетическихъ идеаловъ и т. д. Мы ищемъ законовъ, управляющихъ единовременнымъ движеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ. Если мы ухватимся за одинъ какой-нибудь соціальный элементъ, почему либо бросившійся намъ въ глаза, и по движенію этой части будемъ судить о развитіи цѣлаго, то вся исторія естественно окрасится для насъ одностороннимъ и ложнымъ свѣтомъ. Такія попытки приурочить прогрессъ общества къ движенію одного изъ соціальныхъ элементовъ бывали. Такъ Боссюэтъ, напримѣръ, принялъ за точку исхода христіанство, элементъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ новой исторіи весьма важный, но не единый и не всеобъемлющій. Наряду съ христіанствомъ въ новомъ обществѣ самостоятельно существуютъ болѣе или менѣе крупныя обломки римскаго права, существуетъ наука, промышленныя отношенія и общественныя учрежденія, отнюдь не захватываемыя исторіей христіанства. Ошибка Боссюэта, несмотря на нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства и важное значеніе его знаменитаго Discours, уже слишкомъ груба. Христіанство представляетъ собою факторъ, рѣзко опредѣленный во времени и пространствѣ, имѣющій свое извѣстное намъ, относительно близкое историческое начало и извѣстное географическое распространеніе. Мы знаемъ безошибочно, что были времена, когда христіанства не было, и что есть мѣста, гдѣ христіанства нѣтъ. Поэтому принятіе его развитія за центральный факторъ соціальной динамики можетъ ввести въ заблужденіе очень немногихъ. Боссюэтъ, съ своей точки зрѣнія, весьма послѣдовательно разрубилъ гордіевъ узелъ дохристіанской исторіи на манеръ Александра Македонскаго, вычеркнувъ изъ древней исторіи всѣ народы за исключеніемъ еврейскаго, въ которомъ онъ видитъ приготвленіе, такъ-сказать, задатокъ христіанства. Но многими историками весь прогрессъ человѣчества приурочивается къ факторамъ, гораздо болѣе общимъ и тѣмъ не

менѣе все-таки недостаточно общимъ для освѣщенія хода развитія всего общества въ цѣломъ. Таково, на примѣръ, стремленіе къ политической свободѣ, теряющееся во мракѣ доисторическихъ временъ съ одной стороны и заявляющее себя въ сегодняшнемъ номерѣ либеральной газеты съ другой, и имѣющее заявить себя и завтра и послѣзавтра въ той или другой формѣ; существующее въ различной степени и въ Китаѣ, и въ Англии, и въ Южной Америкѣ и въ Норвегіи. Несмотря однако на общность этого элемента и могучесть его, какъ соціального двигателя, мы не можемъ признать его элементомъ первенствующимъ, достаточно широкимъ для поглощенія остальныхъ. Исторія политической свободы и даже стремленія къ ней не есть исторія человѣчества; и, принявъ ее за исходный пунктъ изученія соціальной динамики, мы принуждены будемъ обойти значительную часть фактовъ совсѣмъ, а другую значительную часть представить въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ. Мало того, игнорируя элементы равносильные и, быть можетъ, даже болѣе сильные, нежели стремленіе къ политической свободѣ, мы необходимо извратимъ и частную исторію этого самаго стремленія. Общество представляетъ собою арену безчисленныхъ дѣйствій и противодѣйствій и въ то же время всѣ его элементы находятся въ тѣснѣйшей между собою зависимости, другъ друга обуславливая. Такъ что въ этомъ случаѣ намъ представляется дилемма: или полное и всестороннее уясненіе, или никакого уясненія даже развитія частнаго факта. Немудрено поэтому, что, вслѣдствіе своей сложности, вопросы общественной жизни, остановившіе на себѣ вниманіе человѣка почти едино-временно съ первыми, азбучными вопросами природы, съ точки зрѣнія научной разработки остались далеко позади послѣднихъ. Самый предметъ общественной науки — людскія отношенія — всегда и вездѣ сосредоточивалъ на себѣ особенное вниманіе. Лучшие люди, цвѣтъ и краса человѣчества, дрались и умирали за тотъ или другой общественный принципъ, всю душу свою вляли въ вопросы общественной жизни. Но рядомъ съ ними работали и работаютъ и тѣ, кто составляетъ позоръ и поношеніе людскаго рода. И въ этомъ заключается вторая причина отсутствія общественной науки. Истинны естествознанія или вовсе не затрагиваютъ чьихъ бы то ни было непосредственныхъ интересовъ, за которые обыкновенно человѣкъ держится крѣпче всего, — и въ такомъ случаѣ большинство относится къ нимъ безразлично, «оставляя астрономамъ доказывать, что земля обращается вокругъ солнца»; или же онѣ могутъ получить немедленное практическое приложеніе, и въ такомъ случаѣ принимаются съ распростертыми объятіями. Если какое-нибудь ученіе о природѣ и вызываетъ воске взгляды, то главнымъ образомъ потому, что изъ-за него выглядываетъ грозный образъ какого либо ученія объ обществѣ. Прошла пора отреченія Галилея предъ лицомъ католицизма, но не скоро Петръ перестанетъ быть вы-

нужденнымъ отречься отъ Христа предъ лицомъ римскихъ воиновъ. Истины науки общественной, вводя въ свои формулы такія понятія, какъ справедливость, право, нравственность, должны пробиваться на свѣтъ божій подъ гнетомъ общественнаго разстройства или неустройства, подъ градомъ ругательствъ, доносовъ, клеветъ и насмѣшекъ. Это отражается и на ищущахъ истину. Вотъ двѣ книги: одна трактуетъ о явленіяхъ природы, другая — о явленіяхъ общественной жизни. Одна написана спокойно, безстрастно нацѣпляетъ фактъ на фактъ и безпрепятственно доходитъ до обобщенія. Въ другой не то. Вы видите, что человѣкъ захлебывается тѣми ощущеніями, которыя возбуждаются въ немъ процессомъ передачи мыслей; вы можете чуть не по каждой строкѣ судить о біеніи пульса писавшей руки: человѣкъ любитъ, ненавидитъ, смѣется и плачетъ; вы можете разглядѣть слѣды жолчи и слезъ на бездушнѣйшей бумагѣ. Изложеніе сбивчиво, неровно, рядомъ съ чисто научною мыслью стоитъ ѣдва полемическая выходка, вызовъ врагу, улыбка торжества и презрѣнія; тамъ опять безспорное наблюденіе, безспорный выводъ и опять дрожь и замрание субъективныхъ взрывовъ. Но запасъ накопленныхъ знаній все-таки растетъ и растетъ. Истина и здѣсь все та же вода, вылитая по каплѣ на камень, только камень крѣпче и въ водѣ есть постороннія, но неизбѣжныя примѣси. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ наукѣ о природѣ истинѣ удалось выбить изъ позиціи *odium theologicum*, такъ одолѣетъ она соотвѣтствующій элементъ и въ наукѣ объ обществѣ. Статистики и психологи, социалисты и экономисты, политическіе теоретики и историки вносятъ свою долю въ капиталъ будущей общественной науки, и все это толкается впередъ потребностями и нуждами народовъ и обливается безстрастнымъ, холоднымъ и неотразимымъ свѣтомъ науки о природѣ. И наступитъ наконецъ пора, когда поблѣднѣетъ извѣстный сарказмъ Гоббза: еслибы и геометрическія аксіомы задѣвали человѣческіе интересы, такъ и онѣ вѣчно оспоривались бы. Мы имѣемъ право вѣрить, что наступитъ такая пора, потому что это вѣра въ силу человѣческаго разума и вѣра разумная.

Въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка на Западѣ выросла новая философская школа, предположившая обойти оба коренныя затрудненія соціальной науки: сложность явленій общественной жизни и вмѣшательство субъективнаго элемента. Мы говоримъ о позитивизмѣ. Представители его явились то независимо другъ отъ друга, то группируясь около одного какого-нибудь крупнаго имени, то признавая себя позитивистами, то отрицая свою солидарность съ тою или другою ихъ отраслью. Исключительно опытное происхожденіе нашихъ знаній, ихъ относительность, невозможность познать сущность вещей и вслѣдствіе этого необходимость довольствоваться только оцѣнкой взаимныхъ отношеній между явленіями и отсюда выводить ихъ законы, подчиненность извѣстнымъ законамъ какъ явленій физи-

ческих, так и социальных, — таковы основные философские принципы, выставленные новыми теориями в более или менее определенной форме и в более или менее широких обобщениях. Само собою разумеется, что принципы эти и в прежние времена выдвигались отдельными мыслителями. Так, по вопросу об относительности знаний Спенсеръ цитирует по Гамильтону слѣдующій списокъ предшественниковъ позитивизма: Протагоръ, Аристотель, св. Августинъ, Бозцій, Аверроэсъ, Альбертъ Великій, Жерсонъ, Левъ Еврей, Меланхтонъ, Скалигеръ, Францискъ Пикколомини, Джордано Бруно, Кампанелла, Бэконъ, Спиноза, Ньютонъ и Кантъ. И списокъ этотъ могъ бы быть значительно увеличенъ. Но какъ историческій центръ тяжести протеста противъ католицизма выпадаетъ на XVI вѣкъ, хотя этому по преимуществу вѣку реформаціи и предшествовали альбигойцы, лолларды, гусситы, такъ и разрозненные, не проведенные до конца и растворенные в болѣе или менѣе чуждой массѣ принципы положительной философіи, проскальзывающіе тамъ и сямъ въ предшествующіе вѣка, не мѣшаютъ считать началомъ позитивизма именно XIX вѣкъ. Это не значитъ, разумеется, что принципы положительной философіи во всѣхъ сферахъ знанія и жизни получили должное примѣненіе, или что тамъ, гдѣ были попытки приложить ихъ къ дѣлу, они вслѣдъ были приложены должнымъ образомъ. Положительной философіи несомнѣнно предстоитъ еще большая и тяжелая работа. И не только въ поступательномъ движеніи впередъ должна состоять эта работа, не только въ расчисткѣ новыхъ и новыхъ закоулковъ науки и жизни, но и въ исправленіи и дополненіи многихъ важнѣйшихъ уже существующихъ выводовъ отдельныхъ представителей новаго строя мысли.

Школа Огюста Конта, которой преимущественно присвоивается названіе позитивизма и положительной философіи, обходитъ первое существенное затрудненіе социальной науки такимъ образомъ, что принимаетъ за центральный факторъ социального развитія интеллектуальный элементъ. При этомъ позитивисты очень хорошо понимаютъ, что умственная дѣятельность отнюдь не представляетъ наиболѣе сильнаго социального двигателя; что стремленіе къ истинѣ, къ объясненію мировыхъ явленій не захватываетъ собою другихъ, гораздо болѣе могучихъ дѣятелей; что интеллектуальный элементъ самъ постоянно получаетъ толчки отъ мѣстныхъ физическихъ условій, отъ страстей, потребностей и желаній человѣка. Позитивисты говорятъ только, что умственный элементъ имѣетъ значеніе руководителя въ социальномъ движеніи, и имъ обуславливается количество и качество средствъ для удовлетворенія человѣческихъ склонностей и желаній. При такихъ оговоркахъ понятно громадное научное значеніе этого принципа. Онъ пробиваетъ широкую просѣку въ дремучемъ лѣсу исторіи и значительно упрощаетъ задачу социальной динамики. Съ такой точкой опоры глаза уже не раз-

бѣгаются по запутаннымъ ходамъ и переходамъ историческаго лабиринта; вниманіе сосредоточивается на движеніи одного элемента, и вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ этотъ таковъ, что, принявъ его развитіе за центральную нить, мы можемъ связать каждую ея точку съ любымъ изъ остальныхъ общественныхъ факторовъ. Высота умственнаго уровня, свойство вѣрованій и мнѣній въ данную историческую эпоху, опредѣляя нравственный, политическій и экономическій складъ общества, даютъ исследователю руководящую нить, безъ которой онъ запутался бы въ массѣ фактовъ.

Найдя такую выгодную позицію, Контъ съ высоты ея раздѣлил исторію человѣчества на три великіе періода: теологическій, метафизическій и позитивный. Въ первомъ люди не имѣютъ понятія о законосообразности и причинной связи явленій, все совершается непосредственнымъ вмѣшательствомъ высшихъ существъ, одаренныхъ разумомъ и волею. Сначала люди антропоморфизуютъ единичные предметы, считаютъ ихъ одушевленными и принимающими участіе въ судьбѣ человѣка, — это возрастъ фетишизма; за нимъ слѣдуетъ педантистическое міросозерцаніе, уже классифицирующее явленія и отводящее въ завѣдываніе каждаго изъ высшихъ существъ цѣлыя ряды фактовъ; наконецъ является идея монотеизма, стирающая своимъ величіемъ и цѣлостностію всѣ отдѣльныя божества предшествующихъ періодовъ. — На метафизической ступени развитія мысль считаетъ причиною явленій и ихъ измѣненій не волю существъ, способныхъ внѣ самыхъ явленій, а нѣкоторыя свойства, силы и способности естественныхъ конкретныхъ дѣятелей, имъ присущія. Мысль отвлекаетъ отъ предмета одно изъ его свойствъ и реализируетъ свое отвлеченіе, придавая ему такимъ образомъ отдѣльное, самостоятельное существованіе, хотя и связанное съ существованіемъ конкретнаго факта. Наконецъ, положительная философія, оставляя въ сторонѣ, какъ сверхъестественныхъ дѣятелей, такъ и метафизическія сущности, устремляетъ вниманіе человѣка на самыя явленія въ ихъ связи съ сосѣдними по времени и по пространству. Законы послѣдовательности и сосуществованія явленій, — вотъ все, чего ищетъ отрезвившаяся мысль, усталая отъ погони за конечными причинами и абстрактными сущностями. Каждая вѣтвь знанія проходитъ черезъ эти три фазы развитія и каждая принимаетъ наконецъ положительный характеръ. Но новый слой мысли не вдругъ совершенно стираетъ прежніе слои, и есть такія отрасли науки, гдѣ можно различить всѣ три формации, существующія одновременно. Таково именно печальное состояніе социологии; въ ней, бокомъ съ проблесками позитивнаго строя мысли, существуютъ осколки теологическаго міросозерцанія, связывающагося въ преобладаніи воображенія надъ наблюденіемъ, и метафизическаго — въ лицѣ тѣхъ ученій, которыя выводятся изъ принциповъ естественнаго права и понятія о врожденныхъ идеяхъ. Наличие

политическіе принципы, какъ ретроградные, такъ и революціонные, и ходячія правила морали всѣ вытекаютъ либо изъ идеи божественнаго права, либо изъ абстракцій. Поэтому Контъ признаетъ за «революціонной метафизикой» только критическое и отрицательное значеніе, выразившееся въ борьбѣ съ католицизмомъ и феодализмомъ. Затѣмъ дальнѣйшее существованіе ея оказывается крайне вреднымъ, потому что она только «переноситъ божественное право съ королей на народы» или стремится отодвинуть общество назадъ подъ покровомъ прогрессивныхъ цѣлей. Положительная же социологія хочетъ только увлечь тѣ законы, по которымъ факты общественной жизни группируются въ данное время или слѣдуютъ одинъ за другимъ. Наличныя политическія доктрины имѣютъ въ виду или исключительно идею порядка, или столь же исключительно идею прогресса, вслѣдствіе чего ни тѣ ни другія не могутъ удовлетворить научнымъ требованіямъ. Въ положительной же социологіи оба эти принципа получаютъ свое настоящее мѣсто, причемъ идея порядка составляетъ основаніе социальной статистики, а идея прогресса — корень социальной динамики. Ищите законовъ послѣдовательности и сосуществованія явленій, — таковъ единственный завѣтъ позитивизма, который, ставя социолога на объективную точку зрѣнія, тѣмъ самымъ устраняетъ, повидимому, и второе больное мѣсто социологіи.

Какъ ни соблазнительна мысль подольше остановиться на исторической и социологической теоріи Конта, мнѣ приходится удовольствоваться здѣсь этимъ болѣе чѣмъ голымъ остовомъ и нижеслѣдующими отрывочными замѣчаніями. Прежде всего въ контовскомъ огульномъ отрицаніи «революціонной метафизики» бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Всѣ существующія политическія теоріи и системы дѣлятся для Конта на остатки феодально-католическаго міросозерцанія, представляемые различными ретроградными партіями; затѣмъ существуетъ промежуточная, лишняя всякой самостоятельности партія консервативная, и наконецъ «революціонная метафизика», куда входятъ всѣ отгѣнки критической социальной философіи отъ нѣкоторыхъ сторонъ протестантизма до системъ и ученій, народившихся во время и послѣ французской революціи. Всѣ они, говоритъ Контъ, не удовлетворяютъ принципамъ положительной философіи, потому что всѣ ищутъ чего-то, кромѣ законовъ явленій, или даже вовсе не ищутъ послѣднихъ. Здѣсь очевидно смѣшаны теоретическія послыжи съ практическими заключеніями. По сколько какое либо политическое ученіе вытекаетъ изъ принциповъ естественнаго права; поскольку этическая теорія строится на врожденномъ понятіи добра или справедливости, — и это политическое ученіе и эта этическая теорія представляютъ собою доктрины метафизическія. Но дѣло въ томъ, что это весьма часто бываетъ не болѣе какъ форма, и сквозь эту метафизическую оболочку, расколотую и надтреснутую, за-

мѣтно ядро совершенно иного свойства. Пусть идея *souveraineté populaire* есть понятие метафизическое, переносящее, какъ говоритъ Контъ, божественное право съ королей на народы. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, въ этомъ принципѣ слѣдуетъ опѣнить и другую сторону: «тутъ есть также и положительное ученіе, которое, безъ всякой претензіи на абсолютность, требуетъ непосредственнаго участія управляемыхъ въ ихъ собственномъ управленіи, не какъ естественнаго права, а какъ средства къ достиженію важныхъ цѣлей, подъ условіями и съ ограниченіями, какія опредѣляютъ этии цѣлями». («О. Контъ и положительная философія»). Эта неразборчивость Конта въ поголовномъ осужденіи всѣхъ основныхъ принциповъ революціонныхъ, демократическихъ, либеральныхъ, радикальныхъ, социалистическихъ и т. д. социологическихъ теорій и школъ заводитъ иногда его самого въ метафизическія глубины. Такъ на примѣръ, онъ считалъ вопросъ объ уничтоженіи смертной казни совершенно нелѣпымъ. Дѣло сводилось для него къ «метафизическому приравненію самыхъ недостойныхъ негодяевъ къ простымъ большимъ» (*Cours de philosophie positive*, T. IV, 95), что казалось ему «опаснымъ софизмомъ». Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ своихъ нападкахъ на «революціонную метафизику», Контъ на половину правъ, а на остальную половину не только не правъ, но и прямо грѣшитъ противъ положительной философіи. Дѣйствительно, существуетъ нѣсколько теорій, отрицающихъ смертную казнь во имя чисто-метафизическихъ положеній, но онѣ составляютъ меньшинство; большинство же теолого-метафизическихъ теорій выпадаетъ на долю защитниковъ смертной казни, которые черпаютъ свои доводы изъ метафизическаго вопроса о правѣ государства наказывать, либо изъ идеи абсолютной справедливости, либо изъ принципа *talionis* и проч. Совершенно не таковы, въ большинствѣ случаевъ, приемы противниковъ смертной казни. Ненавистное Конту «приравненіе преступниковъ къ большимъ» въ значительной степени опирается на чисто-научныя психіатрическія данныя и затѣмъ на данныя статистическія, добытыя опять-таки не метафизическимъ путемъ, а путемъ опыта и наблюденія. И тѣ и другія свидѣтельствуютъ, во первыхъ, что преступленіе весьма часто является результатомъ душевныхъ болѣзней; во вторыхъ, что смертная казнь производитъ на общество деморализующее вліяніе; въ третьихъ наконецъ, что человѣкъ есть продуктъ окружающихъ его физическихъ и социальныхъ условій и что потому только соотвѣтственное измѣненіе этихъ условій можетъ оказаться въ данномъ случаѣ пригоднымъ средствомъ. Таковы строго позитивныя истины, выдвигаемыя противниками смертной казни и рѣдко распространяемыя ими на всѣ виды наказанія. Всѣ онѣ резюмируются въ одномъ положеніи: смертная казнь не достигаетъ предполагаемыхъ цѣлей, а иногда даже приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Контъ же, игно-

рируя воздѣйствіе среды на образованіе характера вообще и на направленіе дѣятельности въ томъ или другомъ частномъ случаѣ и говоря о необходимости смертной казни для «недостойныхъ негодяевъ», самъ становится на чисто метафизическую точку зрѣнія отвлеченной справедливости; хотя въ его упрекахъ есть несомнѣнно нѣкоторая доля правды, — нѣкоторыя теоретическія послылки нѣкоторыхъ противниковъ смертной казни дѣйствительно проникнуты метафизическимъ характеромъ. Но дѣло именно въ томъ, что Контъ, въ своей безпощадной критикѣ извѣстныхъ теорій, какъ бы не въ силахъ отличить метафизической оболочки отъ позитивнаго ядра. По самому складу своего ума и согласно общему смыслу своей философіи истории, Контъ превосходно понималъ и оцѣнилъ значеніе исходныхъ теоретическихъ точекъ нѣкоторыхъ наличныхъ политическихъ и этическихъ теорій. Но затѣмъ концы этихъ теорій — поставляемыя ими себѣ цѣли и указываемыя ими для достиженія этихъ цѣлей средства не такъ легко поддаются его анализу. Здѣсь сказывается слабая сторона ученія Конта, потому что само оно, собственно говоря, не имѣетъ конца. Дѣйствительно, голое положеніе: все совершается по извѣстнымъ законамъ, — не даетъ руководящаго принципа. Принявъ его въ основаніе, можно показать, по какимъ побужденіямъ предки наши поступали въ такомъ-то случаѣ такъ или иначе. Точно также потомки наши, зная, что мы дѣйствуемъ подъ напоромъ тѣхъ или другихъ космическихъ и социальныхъ условій, сумѣютъ связать эти условія съ свойствами нашей дѣятельности. Словомъ, отойдя на извѣстное историческое разстояніе отъ событий, можно, заручившись только однимъ принципомъ позитивизма и достаточнымъ количествомъ знаній, показать, какъ должны были дѣйствовать участники событий. Но дѣятели настоящаго времени изъ убѣжденія въ законосообразности явленій могутъ почерпнуть правила для самыхъ противоположныхъ практическихъ примѣненій, потому что убѣжденіе это не ставитъ цѣли, а даетъ возможность добиться цѣлей самыхъ разнообразныхъ. Съ перваго раза можетъ показаться, что основной принципъ позитивизма, напротивъ, долженъ устранять надежды добиться цѣлей, несогласныхъ съ извѣстными законами явленій общественной жизни. Но дѣло въ томъ, что явленія эти до такой степени сложны, что управляющіе ими законы могутъ комбинироваться весьма разнообразно, и среди этой запутанной сѣти могутъ быть преслѣдуемы самымъ позитивнымъ образомъ самыя разнообразныя цѣли. Поэтому всякая этико-политическая доктрина имѣетъ свой девизъ, которымъ, какъ цѣлью, суммируются практические мотивы; на знамени позитивизма такого девиза нѣтъ. Его принципы чисто научные, а не философскіе. Позитивизмъ гордится тѣмъ, что въ немъ философія и наука сливаются въ одно цѣлое — и гордится совершенно справедливо. Не признавая за принципами позитивизма философскаго значенія, я разумѣю только, что онъ

не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни. Принципъ законосообразности явленій чистъ и безупреченъ, какъ дѣва. Но, какъ дѣва, онъ можетъ остаться бесплоднымъ, въ немъ самомъ нѣтъ оплодотворяющаго начала; какъ за дѣву, за него нельзя поручиться — въ чьи руки онъ попадетъ и что дастъ человѣчеству. Контъ и самъ чувствовалъ это. «Надо тщательно стараться — говорить онъ — чтобы научное убѣжденіе въ подчиненности социальнихъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ не выродилось въ систематическую наклонность къ фатализму и оптимизму, одинаково безнравственнымъ (*dégradants*) и опаснымъ, и потому только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься социологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ» (*Cours de phil. pos.*, t. IV, 190). Глубокой смыслъ этихъ словъ я постараюсь разяснить ниже. Но почему, съ точки зрѣнія позитивизма, фатализмъ и оптимизмъ безнравственны и опасны? «Не восхищаясь политическими фактами и не осуждая ихъ — говорить Контъ и слово въ слово повторяетъ за нимъ Льюисъ — положительная социологія, какъ и всѣ остальные науки, видятъ въ нихъ только простые предметы наблюденія и рассматриваетъ каждое явленіе съ двойкой точки зрѣнія — его гармонію съ сосуществующими фактами и его связи съ предшествующими и послѣдующими состояніями человѣческаго развитія» (*Cours*, IV, 293; русскій переводъ книги Льюиса о Контѣ, стр. 281). Спрашивается, какъ связать это чисто-объективное отношеніе къ политическимъ фактамъ, во первыхъ, съ неодобрительными отзывами о фатализмѣ и оптимизмѣ? Это просто политическіе факты, неподлежащіе осужденію съ точки зрѣнія позитивизма: они необходимо гармонируютъ съ фактами сосуществующими и находятся въ связи съ фактами послѣдующими и предъидущими. Если скажутъ, что выраженіями «безнравственны и опасны» именно и опредѣляется связь фатализма и оптимизма съ послѣдующими фактами, то это значитъ только, что программа объективнаго отношенія къ политическимъ фактамъ неисполнима; что въ области явленій общественной жизни наблюденіе неизбѣжно до такой степени связано съ нравственной оцѣнкой, что «не восхищаются политическими фактами и не осуждаютъ ихъ» можно только не понимая ихъ значенія. Но нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли, а между тѣмъ позитивизмъ поставляетъ себѣ въ особенную заслугу употребленіе въ социологін метода объективнаго. Далѣе, если объективный методъ вполне соответствуетъ социологическимъ изслѣдованіямъ, то зачѣмъ же при этомъ понадобился высокій нравственный уровень? Значитъ, одного убѣжденія въ законосообразности явленій мало. Прекрасно. Но чѣмъ выразится участие высокаго нравственнаго уровня въ социологическихъ изслѣдованіяхъ? Очевидно, съ высоты этого уровня человѣкъ можетъ разглядѣть нѣчто, не поддающееся объективному изслѣдованію, которое одно признается законнымъ въ позитивизмѣ. Такимъ

образомъ оказывается, что въ системѣ Конта чего-то недостаетъ, и чего-то весьма важнаго. Я радъ, что могу указать, какъ на подтвержденіе своимъ бѣглымъ замѣчаніямъ, на замѣчательную статью г. П. Л. «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе» («Современное Обозрѣніе», май). «Объективный элементъ въ области этики, политики и социологіи — говоритъ почтенный авторъ — ограничивается дѣйствіями личности, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы *поймать* ихъ, надо рассмотреть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства, *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческое событіе. Но что такое *цѣль*? Это нѣчто желаемое, пріятное, должное. Всѣ эти категоріи чисто-субъективны и въ то же время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованіе, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и, въ то же время, позволяютъ это сдѣлать вполне научно» (137). Въ другомъ мѣстѣ г. П. Л. совершенно справедливо замѣчаетъ, что, устраняя субъективный методъ въ вопросахъ политики и этики, позитивизмъ не можетъ даже оправдать своего собственнаго существованія. Телеологія, въ смыслѣ ученія о *цѣляхъ*, поставляемыхъ себѣ личностью, въ позитивизмѣ не имѣетъ мѣста, вслѣдствіе отсутствія субъективнаго метода и, слѣдовательно, нравственной оцѣнки. Поэтому, когда Контъ или кто-либо изъ его учениковъ (послѣдователей его курса положительной философіи, разумѣется, а не «позитивной политики», потому что послѣдніе состоятъ на совершенно особомъ положеніи) одобряютъ или порицаютъ какое-нибудь социальное явленіе, то, какъ бы удачна ни была эта оцѣнка, она чужда системѣ, не связана съ ней органически. Гдѣ нѣтъ телеологіи, тамъ не можетъ быть и правилъ морали и, слѣдовательно, ни порицанія, ни одобренія, что, какъ мы видѣли, заявляетъ и самъ Контъ. Этимъ же отсутствіемъ телеологіи и субъективнаго метода въ социологіи объясняются и недостатки контовой оцѣнки политическихъ теорій. Тамъ, гдѣ достаточно одного объективнаго метода, гдѣ фактъ не нуждается въ нравственной оцѣнкѣ, Контъ съ необыкновенною пронизательностью подмѣчаетъ тончайшіе отгѣнки и особенности явленій. Таковы почти всѣ частности его анализа трехъ снобовъ мышленія. Здѣсь онъ чрезвычайно тонко и отчетливо классифицируетъ явленія, подвергая ихъ всестороннему разсмотрѣнію. Онъ очень ясно видитъ, напримѣръ, что переходъ отъ фетишизма къ политеизму (и притомъ еще чрезъ посредство періода звѣздопоклонства—*astrolâtrie*) есть не только переходъ отъ одной ступени теологическаго міросозерцанія къ другой; что здѣсь же получаетъ начало и метафизическій строй мысли и идетъ своей дорогой, въ то время, какъ теологическое мышленіе, пройдя чрезъ политеизмъ, завершается монотеизмомъ. Подобной ясности и отчетливаго разграниченія

различныхъ сторонъ одного и того же факта почти и слѣдовъ нѣтъ въ его критикѣ политическихъ теорій. Здѣсь пункты сходства и различія намѣчены несравненно грубѣе и, такъ сказать, топорнѣе, именно потому, что объективная классификація оказывается уже въ этой области недостаточною. Вслѣдствіе этого позитивизмъ становится сплошь и рядомъ во враждебное отношеніе къ тому, что особенно дорого современному человечеству, въ чемъ оно видитъ залогъ своего будущаго счастья и, въ то же время, обязанъ дружить съ явленіями, крайне непривлекательными въ нравственномъ отношеніи.

Вы давно уже не перечитывали Бальзака, если только перечитывали и, по всей вѣроятности, забыли его. Но вы, можетъ быть, помните одну сцену изъ романа «La recherche de l'Absolu», сцену, въ которой цѣликомъ сваялся причудливый, но громадный талантъ Бальзака. Клаэсъ, ученикъ Лавуазье, ищетъ философскаго камня. Онъ съ утра до вечера сидитъ въ лабораторіи и совершенно разорился въ виду надежды разгадать великую загадку. Его несчастная жена, которой не до «абсолюта», страдаетъ, тоскуетъ, но эти страданія и тоска не существуютъ для Клаэса. И когда она плачетъ, онъ объясняетъ ей, что разлагалъ въ своей лабораторіи слезы, и что онѣ, тѣ самыя слезы, которыя текутъ въ эту минуту по блѣдному и исхудалому лицу жены, состоятъ изъ такихъ-то и такихъ-то элементовъ, соединенныхъ въ такой-то пропорціи... Есть что-то отвратительно-жесткое и нечеловѣческое въ этомъ химическомъ анализѣ женинныхъ слезъ. А Клаэсъ человѣкъ добрый, мягкій, а Клаэсъ стремится всѣмъ существомъ своимъ къ истинѣ. И вы съ разу видите, что это не фальшь, что различныя стороны характера Клаэса не насильственно и произвольно сшиты бѣлыми нитками; что Бальзакъ воплотилъ въ этомъ образѣ недюжинную мысль. Вы сразу чувствуете глубокую жизненную правду этого типа. Онъ съ нами, въ переднемъ углу у насъ сидитъ. Бываютъ въ жизни народовъ тревожныя минуты, когда Клаэсы призываются къ расчету, когда, вслѣдъ за крикомъ: «республикѣ неужно химиковъ!» (быть можетъ, откликъ знаменитыхъ словъ Руссо: у насъ есть физики, химики и геометры, но нѣтъ больше гражданъ), погибаютъ великіе Лавуазье. Фактъ печальный, печальный въ особенности потому, что гроза разразилась надъ головою Лавуазье, а не мелюзги какой-нибудь. Въ фактѣ этомъ можно различить не только взрывъ народныхъ страстей, насильственно и, слѣдовательно, по необходимости неправильно ищущихъ себѣ выхода, а и откликъ «революціонной метафизики». Пусть такъ, пусть даже вся вина падаетъ въ этомъ случаѣ на нее. Но какъ смотритъ на дѣятельность Клаэсовъ позитивизмъ, преслѣдующій «революціонную метафизику» больше чѣмъ феодально-католическую организацію? и имѣетъ ли онъ право отнестись къ ней критически? Позитивизмъ можетъ только сказать, что феноменъ слезъ подлежитъ извѣстнымъ законамъ;

даже, что известные условия в одном случае выдвигают людей, химически анализирующих слезы, а в другом — людей, утирающих их и, следовательно, анализирующих их с общественной точки зрения. Но затем, которая из этих действий в данном случае, в минуту плача, предпочтительнее и обязательнее, на это позитивизм не дает ответа. Слезы, как продукт химико-физиологического процесса, и те же слезы, как результат процесса социально-психологического, и в том и в другом случае, повинная известным законам, одинаково требуют изучения с точки зрения позитивизма. Читатель не станет, разумеется, придирается к нам, нападая на то, что Клазс ищет философского камня, «абсолюта», а не законов явлений и что, поэтому, по классификации Конта, его место в метафизическом периоде. Не в том здесь дело. Если даже Балзак не имел этого в виду, то мастерской образ Клазса невольно просится на более широкое пьедесталь. Он представитель науки для науки и специальности для специальности. Он глух к скорби человеческой, он ее не слышит или относится к ней объективно; но он ищет истины, он стремится уловить законы, по которым группируется известный ряд явлений; его анализ слез может даже пригодиться на что-нибудь очень важное, хотя он этого и не сознает. Клазс, анализирующий человеческие слезы в момент плача, как химик — позитивист. Если бы он столь же строго научно исследовал их с социально-психологической точки зрения, он был бы также позитивист. Но, тем не менее, вы чувствуете, что это два совершенно различных типа, две противоположности, которые не совсем удобно помещать под одну и ту же рубрику. И я полагаю, что любая этико-политическая доктрина сумеет разглядеть ярую черту, разделяющую эти два мирозерцания, и только один позитивизм, как он существует в настоящую минуту, т. е. при объективном методе в социологии, не увидит ее. Было бы весьма любопытно проследить, как Конт, в особенности в шестом томе своего курса философии, искал выхода из этого положения. Как известно, он перешел, наконец, открыто к субъективному методу, но тогда этот могучий, но усталый и близкий к совершенному помешательству ум мог создать только «Позитивную политику». Однако, только гениальный сумасшедший мог выработать этот культ человечества. Что же касается до сотрудников журнала «La philosophie positive», признающих своею только первую половину деятельности Конта и настаивающих на необходимости объективного метода в решении этико-политических вопросов, то мы должны откровенно сказать, что не видим ничего кроме общих мест в их попытках создать этику и политику.

Наиболее низкая ступень позитивной лестницы прогресса,

на которую может быть поставленъ Клазсъ, есть *age de spécialité*, находящійся у преддверія самаго позитивизма, да и этого часто мало. Правда, можетъ быть, никто больше самаго Конта не преслѣдовалъ этого *age de spécialité* (причемъ значительную роль играло личное раздраженіе), къ которому онъ иногда относится даже строже, чѣмъ къ «революціонной метафизикѣ». Но такое отрицательное отношеніе къ дѣятельности Клазсовъ есть чисто-личное дѣло Конта, отнюдь не обязательное для позитивизма, какъ философской системы. Впервыхъ, позитивизмъ обязанъ не восхищаться фактами и не осуждать ихъ, а ввторыхъ, если Клазсы путемъ опыта и наблюденія ищутъ законовъ явленій, то они вполне удовлетворяютъ требованіямъ позитивизма. Точно такъ же, когда Контъ говоритъ: «Эта новая социальная философія (т.-е., позитивная), по природѣ своей, до такой степени способна осуществить въ настоящее время всѣ законныя (*legitimes*) желанія, какія можетъ предъявить революціонная политика» и т. д. (*Cours*, IV, 148), когда Контъ говоритъ это, то выраженіе «законныя желанія» совершенно неопредѣленно. Мы знаемъ, какія желанія законны съ точки зрѣнія наличныхъ политическихъ теорій ретроградныхъ, консервативныхъ и революціонныхъ, съ точки зрѣнія индивидуалистовъ, социалистовъ, клерикаловъ, электориковъ, и т. д. Какъ бы удачно или неудачно ни были построены эти системы и теоріи въ другихъ отношеніяхъ, но ихъ желанія и идеалы очевидны для всѣхъ. Съ точки же зрѣнія объективнаго метода, составляющаго характеристическую черту позитивной социологіи, выраженіе «законное» желаніе значить только «достижимое» желаніе. Но всѣ существующія и когда либо существовавшія этико-политическія доктрины признаютъ свои желанія достижимыми. Положимъ, что позитивизмъ, такъ тѣсно связанный съ наукой, можетъ лучше другихъ философскихъ системъ и политическихъ теорій опредѣлить, какія желанія достижимы, какія нѣтъ. Но для этого надо сначала имѣть желаніе, и каждый *позитивистъ* ихъ, разумѣтся, имѣетъ, но *позитивизмъ* не ставитъ никакихъ идеаловъ, потому что идеалъ есть результатъ субъективнаго построения. Много пронеслось надъ человѣчествомъ недостижимыхъ и въ этомъ смыслѣ незаконныхъ желаній, и много они загубили умовъ и жизней. Можетъ быть, величайшая заслуга позитивизма состоитъ именно въ указаніи человѣку тѣхъ границъ, за которыми лежитъ для него вѣчная, неодолимая тьма. Стараться проникнуть за эти границы значить имѣть недостижимыя и незаконныя желанія. Такъ учитъ позитивизмъ. Мы скажемъ больше. Эти незаконныя желанія составляютъ грѣхъ передъ человѣчествомъ, служенію которому должны быть посвящены всѣ человѣческія силы. Мы говоримъ о чисто-теоретическихъ вопросахъ, о сущности и началѣ вещей, о конечныхъ причинахъ и проч. Но въ области практическихъ вопросовъ дѣло усложняется какъ сложностью самихъ вопросовъ, такъ и никакими

усиліями неустрашимымъ, — мы надѣемся это доказать, — вмѣшательствомъ субъективнаго элемента, т.-е. личныхъ чувствъ и желаній. Въ каждую данную минуту по данному практическому вопросу могутъ оказаться достижимыми нѣсколько діаметрально противоположныхъ желаній, и какое рѣшеніе приметъ въ этомъ случаѣ позитивистъ, — это опредѣлится личнымъ характеромъ дѣятеля. Это, конечно, всегда такъ бываетъ, и не съ одними позитивистами. Но разница въ томъ, что адептъ всякаго другаго ученія получаетъ въ этомъ отношеніи отъ своей доктрины болѣе или менѣе сильный непосредственный толчокъ въ ту или другую сторону. Адептъ же позитивизма не получаетъ отъ него ничего. Оставаясь позитивистомъ, онъ можетъ пойти и направо и налѣво, можетъ, подобно Дюжа, Нелатону и прочимъ ученимъ свѣтиламъ современной Франціи, оказаться покорнѣйшимъ слугой второй имперіи, а можетъ слѣдовать и совершенно иной программѣ. Контъ не даромъ предостерегалъ своихъ учениковъ, чтобы они не вмѣшивались въ политическое движеніе, «которое должно для нихъ главнымъ образомъ служить предметомъ наблюденія» (IV, 164); что не мѣшало ему тутъ же громить политическій индифферентизмъ современныхъ представителей науки, «понстинѣ чудовищный» (IV, 158). Мы говорили, что недостатки Контовой критики существующихъ политическихъ теорій объясняются стараніемъ удержаться на объективной точкѣ зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія ошибочность теоретическихъ посылокъ нѣкоторыхъ ученій видна до такой степени ясно, что отрицательное отношеніе къ нимъ невольно переносится и на другія стороны этихъ ученій. Однако, личные симпатіи Конта и его учениковъ лежатъ по большей части на сторонѣ преслѣдуемой ими «революціонной метафизики». И безсиліе объективнаго метода въ социологіи въ особенности сказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда выступаютъ эти личные симпатіи позитивистовъ. Очень знаменательны въ этомъ отношеніи слѣдующія слова Литтре: «Есть два социализма (вѣрнѣе было бы сказать, что въ социализмѣ есть двѣ стороны): одинъ метафизическій, другой практическій, экспериментальный и, въ этихъ предѣлахъ, позитивный». Далѣе идетъ рѣчь о кооперативномъ рабочемъ движеніи. «Социалисты, продолжаетъ Литтре, смѣло предпринимаютъ эти опыты, и наукѣ и философій остается только изучать ихъ для общаго блага» (*La philosophie positive, revue, dirigée par E. Littré et G. Wyrouboff. 1867 № 1 Politique*). Во-первыхъ, зачѣмъ сюда попало «общее благо»? Идея блага есть идея субъективная и потому неимѣющая мѣста при объективномъ методѣ въ социологіи. Имѣя ее въ виду, пришлось бы радоваться однимъ политическимъ фактамъ и печалиться о другихъ, а на это позитивизмъ не имѣетъ права: онъ обязанъ только наблюдать. Далѣе, хотя позитивизмъ и имѣетъ право одобрительно отнестись къ экспериментальной сторонѣ социализма, но онъ совершенно точно такъ же одобрительно долженъ отнестись

и ко всякимъ социальнымъ опытамъ, хотя бы они производились съ цѣлью, діаметрально противоположною цѣлямъ социальности.

Читатель пожелаетъ, вѣроятно, имѣть объясненіе того, почему въ заглавіи нашей статьи стоитъ имя Спенсера, а мы все говоримъ о Контѣ. Это объясняется такъ. Спенсеровой теоріи общественнаго прогресса, изложенной нами въ прошлой статьѣ, мы хотѣли бы противопоставить иную. А эта иная теорія, нами исповѣдуемая, представляетъ такъ много сходства съ ученіемъ Конта, что мы считали бы недобросовѣстнымъ совершенное умолчаніе о взглядахъ на прогрессъ этого великаго мыслителя. Во всякомъ случаѣ, мы сочли полезнымъ для дальнѣйшаго нашего изложенія вкратцѣ указать тѣ стороны ученія Конта, которыя намъ кажутся несостоятельными и къ которымъ намъ, можетъ быть, еще придется вернуться. Мы не рассчитываемъ представить въ настоящей статьѣ взгляды наши на законы общественной динамики съ такою полнотою, какой заслуживаетъ важность предмета. Отъ журнальной статьи этого и требовать нельзя. Но мы будемъ вѣроятно еще не разъ имѣть случай развивать исповѣдуемые нами принципы въ приложеніи къ тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Здѣсь мы должны будемъ ограничиться самымъ общимъ и по необходимости бѣглымъ обзоромъ; притомъ мы должны стараться идти, такъ сказать, въ ногу съ Спенсеромъ. Мы постараемся намѣтить главные пункты социальннй динамики, не прибѣгая къ удобному, но недостаточно гарантирующему отъ ошибокъ приему выдѣленія одного какого-либо общественнаго элемента. Интеллектуальный элементъ, принимаемый за точку исхода позитивизмомъ, представляетъ, правда, въ этомъ отношеніи наиболѣе гарантію, и онъ дѣйствительно, при извѣстной долѣ сдержанности и осторожности, можетъ быть принятъ, по выраженію Милля, за *primus agens* социальнаго движенія. Однако, если есть возможность — а мы думаемъ, что она есть — прослѣдить законы общественнаго прогресса на развитіи всего общества въ цѣломъ, не давая слишкомъ преобладающаго значенія развитію какого бы то ни было изъ его элементовъ, то отъ этого постановка общественныхъ вопросовъ можетъ только выиграть. Поэтому мы постараемся прослѣдить историческую судьбу самой общественности, т.-е. коопераціи, и связать ее съ судьбою частныхъ факторовъ.

VI.

При бѣгломъ взглядѣ на массу фактовъ, проводимыхъ въ печатающейся въ «Отечественныхъ Запискахъ» любопытной статьѣ «Цивилизація и дикая племена», читателя должны поразить главнымъ образомъ различныя частности чуждой намъ первобытной жизни, частности съ нашей точки зрѣнія просто чудовищныя.

Если мы захотимъ подвести всѣмъ этимъ фактамъ итогъ, найти въ нихъ одну наиболѣе характеристическую черту, къ которой возможно большая часть остальныхъ относилась бы какъ явленія производныя къ явленію коренному, то найдемъ эту характеристическую черту въ почти полномъ отсутствіи коопераціи. Въ человѣкѣ, только что выбившемся, путемъ кровавой борьбы за существованіе, изъ животнаго міра, количество и качество потребностей такъ гармонируютъ съ количествомъ и качествомъ выработанныхъ имъ въ борьбѣ силъ; самъ онъ такъ индивидуаленъ и цѣленъ, что почти не нуждается въ сообществѣ другихъ людей. Скудны его средства, но прости и недалеко и его цѣли. Все нужное ему онъ добываетъ самъ, своими собственными, личными средствами. Вслѣдствіе этого, при полной индивидуальной разнородности, какая допускается мѣстными условіями, люди, занимающіе извѣстную территорію, вполне однородны, зоологически равны между собой. Таковъ первый типъ людскаго, еще не общественнаго быта. Легко видѣть, что наиболѣе характерная для него черта — отсутствіе коопераціи находится въ самой тѣсной связи со всѣми остальными сторонами немногосложной первобытной жизни.

Самъ-одинъ выносящій на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ природой диварь, не можетъ смотрѣть на всѣ явленія иначе, какъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ потребностей, чисто-животныхъ. Онъ относится къ своему личному я, какъ къ центру вселенной. Это жалкое, голое созданіе и думаетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы міръ былъ для него лично устроенной огромной бойней, скотнымъ дворомъ, дровянымъ дворомъ и т. д.

Souvent alors j'ai cru que ces soleils de flamme
 Dans ce monde endormi n'échauffaient que mon âme;
 Qu'à les comprendre seul j'étais prédestiné;
 Que j'étais, moi, vaine ombre obscure et taciturne,
 Le roi mystérieux de la pompe nocturne;
 Que le ciel pour moi seul s'était illuminé!

(V. Gugo. Les feuilles d'automne).

Конечно, не скоро первобытный человѣкъ призадумался надъ явленіями, не близко стоящими къ его непосредственнымъ интересамъ. Разлитыми въ природѣ свѣтомъ и теплотою онъ долго пользуется безъ благодарности и боязливыхъ сомнѣній. Ему не приходитъ на умъ вопросъ: откуда это все взялось и не можетъ ли это все въ одинъ прекрасный день исчезнуть. Онъ полонъ собою; онъ знаетъ только себя. Себя и остальное. А въ этомъ остальномъ есть для него съѣдобное и несъѣдобное, болѣе сильное, нежели онъ самъ, и менѣе сильное, жесткое и мягкое, теплое и холодное, свѣтлое и темное и т. д. Собственно же говоря, — звѣрь, солнце, дерево, земля, человѣкъ, вода, — во всемъ этомъ для него нѣтъ большой разницы; во всемъ этомъ онъ

цѣнить только то, что ему нужно и поскольку нужно. А ему нужно немного. Поэтому если въ двухъ предметахъ, совершенно различныхъ, есть одно съ его личной точки зрѣнія важное общее свойство,—разница между этими предметами для него не существуетъ: онъ съѣсть человѣка и барана, поклонится солнцу и дереву. За предѣлами своего личнаго существованія первобытный человѣкъ не видитъ ничего или лучше сказать вводитъ въ эти предѣлы весь міръ. Натолкнувшись на кое-какое размышленіе объ окружающихъ его вещахъ, онъ видитъ въ нихъ либо прямо свою личность, либо сколокъ съ нея въ какомъ-нибудь отношеніи. Мысль его не поднимается выше аналогій между каимъ-нибудь явленіемъ природы и его собственнымъ я. Онъ живетъ, и вся природа живетъ такую же какъ и онъ жизнью. Между его желаніями и ихъ исполненіемъ, цѣлями и средствами, мыслями и дѣлами существуетъ такая тѣсная связь; онъ до такой степени ровно живетъ умственною и физическою жизнью, что ему и въ голову не можетъ придти, что онъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ тѣла и души. Духа безъ матеріи и матеріи безъ духа онъ себѣ представить не можетъ, вслѣдствіе чего одухотворяетъ мертвую природу съ одной стороны и придаетъ самую грубую тѣлесную оболочку своимъ богамъ съ другою. Онъ дѣлаетъ все съ опредѣленною цѣлью,—и въ природѣ все совершается съ опредѣленною цѣлью. Но въ чемъ же состоятъ эти цѣли природы? гдѣ онѣ лежатъ? Все въ немъ же, въ этомъ жалкомъ, единичномъ дикарѣ. Дождь ли размылъ его убогую пещеру и промочилъ его до костей, змѣя ли его ужалила, охотился ли онъ удачно, охотился ли онъ неудачно, солнце ли его слишкомъ печетъ, произошло ли солнечное затмѣніе,—все это совершается именно для него, для того, чтобы именно *его* промочить, *его* ужалить, *его* согрѣть, *его* оставить въ потемкахъ. Такова объективно-антропоцентрическая логика, представляющая прямой результатъ отсутствія коопераціи. (Мы называемъ весь этотъ періодъ исторіи *объективно-антропоцентрическимъ* потому, что человѣкъ считаетъ себя здѣсь объективнымъ, безусловнымъ, дѣйствительнымъ, извнѣ поставленнымъ центромъ природы). Здѣсь же получаютъ начало и антропоцентрическая мораль и религиозныя представленія. Они представляютъ отвѣты на два вопроса; вопервыхъ, кто послалъ такое-то пріятное или непріятное, полезное или вредное стеченіе обстоятельствъ? вовторыхъ — за что посланы эти пріятныя или непріятныя, полезныя или вредныя явленія? Отвѣты формулируются подъ тѣмъ же давленіемъ объективнаго антропоцентризма. Дикарь такъ полонъ собой, такъ неспособенъ къ представленію чего-нибудь несходнаго съ его личнымъ существованіемъ, что непосредственно антропоморфизуетъ искомую личность, сочетавшую извѣстныя обстоятельства выгоднымъ или невыгоднымъ для него образомъ; и антропоморфизуетъ на свой собственный, личный солтыкъ, придавая ей тѣ самыя чувства, мысли и стремленія, которыя его самого наиболѣе волнуютъ. Слѣдуетъ при этомъ

замѣтить, что первобытные боги суть боги по преимуществу личные; каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ своихъ фетишей, которые существуютъ только для него, посылаютъ награды и наказанія только ему. Чудесъ первобытный человѣкъ не знаетъ. Понятіе чуда является уже гораздо позже, уже при существованіи нѣкоторой коопераціи и нѣкоторыхъ знаній, потому что чудо есть нѣчто удивительное, необыкновенное. Дикарь же ничему не удивляется, хотя и пугается и радуется; для него все представляется возможнымъ, если только ему лично что нибудь нужно. Онъ такъ свыкается съ мыслью, что весь окружающій міръ спитъ и видитъ, какъ бы ему лично насолить или ему же лично доставить пользу и наслажденіе; вмѣшательство божествъ во всѣ мельчайшія обстоятельства его жизни съ его точки зрѣнія до такой степени естественно и неизбежно, что чудо для него не существуетъ. Только уже при существованіи извѣстной доли коопераціи, когда нѣсколько человѣкъ соединяются для одного и того же дѣла, все еще полный своимъ личнымъ существованіемъ дикарь можетъ признать данное явленіе чудомъ. Направленное къ благополучію или вреду его единичнаго существованія онъ призналъ бы совершенно естественнымъ, какъ бы оно ни было необычайно.

Дикарь замѣчаетъ, что, сдѣлавъ какой-нибудь поступокъ, онъ получаетъ какую-нибудь пріятность или непріятность, и совпаденіе это случайно повторяется два три раза. Вслѣдствіе его увѣренности въ своемъ центральномъ положеніи, это *post hoc* непременно обращается для него въ *propter hoc*. Положимъ, онъ выкупался въ незнакомой рѣкѣ и едва успѣлъ убѣжать отъ аллигатора; въ другой разъ на его глазахъ въ той же рѣкѣ аллигаторъ пожираетъ какое-нибудь животное или человѣка. Ясно, что или рѣка эта не терпитъ, чтобы въ ней купались, или аллигаторы ее охраняютъ и т. п. Такимъ путемъ можетъ создаться убѣжденіе въ священномъ, высшемъ характерѣ самыхъ обыкновенныхъ явленій природы. Но нѣтъ нужды, чтобы само явленіе заступилось за себя. Человѣкъ убилъ змѣю и въ ту же минуту раздался страшный громовой ударъ и небо избороздилось молніей. Дикарь не можетъ себя представить, чтобы какой-нибудь обратившій на себя его вниманіе фактъ не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Громъ и молнія составляютъ очевидно угрозу, обращенную къ нему лично. За что? Ближайшій фактъ есть убійство змѣи, значить именно за это убійство. Слѣдовательно убивать змѣю нельзя. Въ сосѣднемъ лѣсу другой дикарь точно такимъ же путемъ добирается до убѣжденія, что эту самую змѣю слѣдуетъ непременно убивать. Всѣ эти убѣжденія, опредѣляя отношенія человѣка къ богамъ и окружающей природѣ, относятся къ области религіи. Иначе не могутъ слагаться и отношенія человѣка къ человѣку. Дикарь замѣчаетъ, что, вслѣдъ за убійствомъ человѣка, ему не удастся охота, въ другой разъ опять, въ третій онъ провали-

вается въ трясину и т. д. Этотъ маленькій рядъ опытовъ убѣждаетъ его, что и впредь за убійствомъ человѣка послѣдуетъ для него та или другая неприятность. Если боязнь этой неприятности перевѣшиваетъ его страстные порывы, въ немъ рождается убѣжденіе, что убивать человѣка нельзя. Все это мы говоримъ конечно гипотетически, потому что не имѣемъ и не можемъ имѣть прямыхъ историческихъ указаній на то, какъ складывались и какимъ образомъ развивались нравственныя убѣжденія въ первобытныхъ людяхъ. Однако, если отказаться отъ мысли о супранатуральномъ происхожденіи правилъ морали и о врожденныхъ идеяхъ, то остается именно только этотъ путь опытнаго происхожденія понятій о добрѣ и злѣ. Тѣмъ болѣе, что такимъ же путемъ, можно сказать на нашихъ глазахъ, складываются различныя примѣты и т. п., иногда обращающіяся въ нравственныя правила. Наконецъ иначе и объяснить нельзя происхожденія многихъ съ современной европейской точки зрѣнія совершенно недѣльныхъ и безнравственныхъ правилъ первобытной морали. Если нравственный кодексъ полученъ человѣкомъ супранатуральнымъ путемъ, то почему же у какихъ нибудь фиджійскихъ людоедовъ милосердіе считается преступленіемъ, а жестокость добродѣтелью, что намъ, европейцамъ, даже и переварить невозможно? Правда, для супранатуралистовъ остается то возраженіе, что фиджійскіе людоеды именно за свою безнравственность и обрѣдены свѣтомъ нравственной истины. Но для сторонниковъ теоріи врожденныхъ идей нѣтъ и этого остроумнаго возраженія. Если идеи нравственности и справедливости врождены, присущи человѣку, то какъ объяснить это поразительное разнообразіе нравственныхъ идеаловъ? Тогда какъ съ точки зрѣнія опытнаго происхожденія фактъ этотъ совершенно ясенъ. Понятное дѣло, что, опредѣляясь самими разнообразными случайностями, на которыя можетъ натолкнуться объективно антропоцентрическое настроеніе, при совершенномъ отсутствіи коопераціи и знакомства съ законами природы, первобытная мораль можетъ принимать очень разнообразныя и до послѣдняго нѣльзя причудливыя формы. Убійство и людоедство легко могутъ оказаться дѣяніями не только безразличными, а и одобрительными; и въ то же время можетъ считаться безнравственнымъ, богопротивнымъ и преступнымъ произносить свое собственное имя, какъ у абиноновъ, или ѣсть въ обществѣ, какъ у таитянъ. Однако, тѣмъ же путемъ могутъ выработаться частности весьма высокаго нравственнаго кодекса, если дѣйствительный или фиктивный опытъ наведетъ на убѣжденіе въ невыгодѣ вредить сосѣдямъ. Понятное дѣло, что послѣднее можетъ имѣть мѣсто только при болѣе или менѣе частыхъ и продолжительныхъ сближеніяхъ между людьми, т.-е. уже при нѣкоторой коопераціи. Отсутствію же коопераціи и единства интересовъ въ практической жизни соотвѣтствуетъ совершенное отсутствіе синтетическаго начала въ религіозныхъ представле-

нѣхъ, нравственныхъ правилахъ и знаніяхъ. Личные боги, личная мораль, скудныя свѣдѣнія о природѣ, извращенныя антропоцентрическимъ элементомъ, т.-е. опять-таки свѣдѣнія личные, не проверенныя чужимъ опытомъ и наблюденіемъ, — таковы результаты отсутствія коопераціи. И такимъ-то человѣкъ вступаетъ въ общество.

Полное отсутствіе коопераціи могло имѣть мѣсто только въ очень раннюю пору доисторической жизни человѣчества. Опасности и бѣды, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, инстинктъ самосохраненія въ видѣ половой дѣятельности со всѣми ея послѣдствіями, каково кормленіе дѣтей грудью и т. д., — все это побуждаетъ людей образовать небольшія общества, соединиться въ группы. Весьма важно замѣтить, что группы эти складываются различнымъ образомъ, и именно по двумъ типамъ: по типу простаго сотрудничества и по типу сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда. Мы уже говорили о коренной разницѣ между этими двумя видами коопераціи. Въ случаѣ простаго сотрудничества люди входятъ въ группу всею своею разнородностью, вслѣдствіе чего вся группа совершенно однородна. Въ случаѣ же сотрудничества сложнаго происходитъ обратное явленіе: члены группы утрачиваютъ каждый одинъ ту, другой другую часть своей индивидуальной разнородности, они дѣлаются однороднѣе, а вся группа получаетъ болѣе или менѣе рѣзко обозначенный характеръ разнородности. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ однородное общество съ разнородными, равными, свободными и независимыми членами; во второмъ — разнородное общество съ неравными, несвободными, специализированными членами, расположенными въ нѣкоторомъ іерархическомъ порядкѣ. Въ первобытномъ мірѣ общество по типу простаго сотрудничества имѣетъ характеръ чисто-временный и случайный; по окончаніи дѣла, для котораго люди соединились, общество распадается. Такимъ образомъ однородное общество оказывается дѣйствительно неустойчивымъ, какъ бы подтверждая своимъ примѣромъ универсальность одного изъ законовъ Спенсера. Однако, неустойчивость эта зависитъ вовсе не отъ какихъ либо общихъ свойствъ, присущихъ всякой однородной агрегаціи. Она, какъ и самая цѣль этихъ первобытныхъ обществъ, обуславливается причинами временными и случайными, которыя могутъ быть и могутъ не быть. Но въ первобытномъ мірѣ причины эти въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно имѣютъ мѣсто.

Двое, трое, пять человѣкъ дикарей рядомъ печальныхъ опытовъ убѣждаются, что охота за кабымъ нибудь крупнымъ звѣремъ для каждаго изъ нихъ поодиночкѣ опасна и невозможна, а между тѣмъ звѣрь представляетъ очень лакомый кусокъ. Они соединяются для охоты, чтобы раздѣлить добычу на равныя части. Каждый изъ нихъ вноситъ въ это общее дѣло всѣ тѣ силы и способности, какія выработались въ немъ предъиду-

щей борьбой за существованіе. А такъ-какъ борьба эта въ данной мѣстности имѣтъ для каждаго одинъ и тотъ же характеръ, вызываетъ приблизительно одну и ту же степень напряженности умственныхъ и физическихъ силъ, то наши пять охотниковъ вступаютъ въ союзъ членами равносильными и равноправными. Но вотъ звѣрь убитъ, раздѣленъ, съѣденъ, и члены временнаго союза, удовлетворивъ свои скудныя потребности, расходятся въ разныя стороны, не думая о завтрашнемъ днѣ. Они, можетъ быть, даже передрались при дѣлѣжѣ. Немногочисленность потребностей, отсутствіе постоянной или по крайней мѣрѣ продолжительной солидарности цѣлей и отвращеніе къ труду—результатъ объективно-антропоцентрическаго настроенія—являются первыми причинами, мѣшающими прочному и продолжительному существованію простаго сотрудничества. Могло однако случиться, что тѣ же пять охотниковъ, наученные опытомъ, соединяются во второй разъ; въ третій и т. д. Тогда между ними устанавливаются нѣкоторыя относительно прочныя связи. Такъ-какъ интересы ихъ дѣлаются общими, то каждый изъ нихъ распространяетъ свою телеологию на всѣхъ своихъ товарищей; убѣждается, что центръ міра, ко благу или ко вреду котораго направлены всѣ силы природы, лежитъ не въ немъ, диварѣ X, а въ цѣлой группѣ охотниковъ. Его личное существованіе, такъ-сказать, расширяется; правила морали, вытекающія на этотъ разъ изъ дѣйствительнаго опыта, получаютъ опредѣленный цвѣтъ, — вредитъ кому нибудь изъ своихъ товарищей оказывается невыгоднымъ, потому безнравственнымъ, что санкціонируется немедленно и религіозными представленіями. Фетиши перестаютъ быть личными. Однако, для каждаго изъ членовъ группы за предѣлами ея все еще нѣтъ большой разницы между человѣкомъ и не-человѣкомъ. Тамъ, за этими предѣлами, свои боги, свои обычаи, свои правила, и ничто не мѣшаетъ нашимъ вольнымъ охотникамъ охотиться и за людьми. Въ то же время, въ той же мѣстности является кооперація съ характеромъ сложнаго сотрудничества, т.-е. раздѣленія труда. Ея элементарная форма есть семья. Половое стремленіе должно было въ самыя отдаленнѣйшія времена существованія человѣческаго рода выдѣлать для первобытнаго человѣка женщину изъ остальной природы. Однако, полная однородность всѣхъ мужчинъ, взятыхъ вмѣстѣ, и всѣхъ женщинъ, взятыхъ вмѣстѣ, и полная разнородность каждаго и каждой изъ нихъ, т.-е. полное сходство между ними, должно было надолго отсрочить организацію семьи. Мужчина и женщина сходились временно и затѣмъ расходились, потому что оба пола относились во всѣмъ единичнымъ представителямъ того и другаго безразлично, за исключеніемъ момента полового возбужденія. Это было единственное связующее ихъ звѣно. Никакихъ другихъ требованій ни мужчина ни женщина не предъявляли и никакой разницы между тѣмъ или другимъ мужчиной, той или другой женщиной вы-

дѣть не могли, потому что большой разницы и быть не могло (въ данной мѣстности, разумѣется). Но уже одного открытїя огня было достаточно для того, чтобы связать мужчину и женщину въ нѣчто подобное брачному сожителству. Огонь былъ, разумѣется, открытъ, благодаря какой-нибудь счастливой случайности, — лѣсному пожару, отъ удара молнїи, такому же случайному воспламененїю ископаемыхъ горючихъ веществъ, напримеръ, нефти и т. п. Произвольно добывать огонь дикарь не умѣлъ, а между тѣмъ видѣлъ, какое важное для него значенїе можетъ имѣть эта новая сила. Явилась надобность сохранять, поддерживать огонь, обремененный даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ореоломъ божественности. Сохранять огонь будетъ женщина, которая, по относительной слабости, для охоты мало годится. Около огня группируется семья, хозяйство; дикарь начинаетъ вести жизнь менѣе бродячую, хотя хозяйство такъ незатѣйливо, что можетъ быть въ случаѣ надобности перенесено на новое мѣсто безъ всякихъ затрудненїй. Мужчина охотится, женщина обращается въ хранильницу домашнего очага, отликъ чего мы видимъ не только въ римскомъ религиозномъ институтѣ весталокъ, а и въ оставшейся за женщиной по преданїю роли хозяйки. Само собою разумѣется, что прежде чѣмъ семья наконецъ прочно обособилась, тысячи разъ она распадалась; огонь могъ потухнуть и всю свою жизнь первобытный человѣкъ могъ уже не найти его во второй разъ; мужчина могъ бросить беременную женщину, женщина — попасть къ другому мужчннѣ, и т. д. Но наконецъ семья образовалась. Въ этой первобытной семьѣ, представляющей зародышъ или одинъ изъ зародышей будущаго рода, общины, племени, государства, отношенїя между совместно-живущими членами устанавливаются совершенно не такъ, какъ въ обществѣ свободныхъ охотниковъ. Тамъ мы имѣемъ равныхъ людей, съ одинаковыми усилїями преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, а здѣсь представителями коопераціи являются сильный мужчина, по крайней мѣрѣ, періодически болѣе слабая женщина или нѣсколько женщинъ и совершенно слабыя дѣти. Сообразно этому различны и ихъ роли и значенїе въ семьѣ. Правда, фетиши и здѣсь перестаютъ быть личными; правда, и здѣсь первобытный человѣкъ распространяетъ свою телеологию на всю семью и видитъ въ ней центръ вселенной. Но самое это расширенїе антропоцентрическаго взгляда имѣетъ уже совершенно не тотъ характеръ. При простомъ сотрудничествѣ пятерыхъ охотниковъ, каждый изъ нихъ, зная цѣль, для которой они образовали союзъ, не можетъ не видѣть, что цѣль эта общая для всѣхъ нихъ, что интересы ихъ совершенно солидарны. Въ первобытной же семьѣ, при предоставленїи мужчинѣ внѣшней дѣятельности, а женщинѣ — внутренней, домашней, сознание общей цѣли становится гораздо болѣе смутнымъ; при этомъ ихъ физиологическое неравенство все болѣе и болѣе укрѣпляется. Дикарь не можетъ видѣть и помнить, что женщина ему помо-

гаеть. Цѣль у нихъ, положимъ, общая, но средства для достиженія этой цѣли, благодаря раздѣленію труда, различны. По близорукости, первобытный человѣкъ принимаетъ эти средства за цѣли, вслѣдствіе чего не оказывается ничего общаго между жизнью мужчины и женщины. Поэтому, сочувствовать женщинѣ, переживать ея жизнь, мысли и чувства первобытннй человѣкъ не можетъ, — они слишкомъ отличны отъ его собственной жизни мыслей и чувствъ. За отсутствіемъ или невѣдѣніемъ общей жизни, въ первобытной семьѣ мужъ и жена гораздо болѣе чужды другъ другу, чѣмъ тѣ пять мужчинъ, которые соединились для охоты. Такъ что, если въ союзъ простаго сотрудничества вступаетъ нѣсколько семейныхъ диварей, участвующихъ, такимъ образомъ, и въ системѣ простаго, и въ системѣ сложнаго сотрудничества, то для нихъ слагаются два совершенно различныхъ нравственныхъ кодекса: одинъ — для отношеній между мужчинами, другой — для отношеній между мужчинами и женщинами. И первый будетъ необходимо выше, чище, гуманнѣе втораго. Поэтому мы и видимъ такъ часто, что первобытннй человѣкъ ни въ грошъ не ставитъ даже жизни жены, между тѣмъ какъ признаетъ преступленіемъ убійство таково же, какъ и онъ, мужчины. Эти отношенія устанавливаются надолго и не утратили своего значенія и нынѣ. Исторія представляетъ въ этомъ отношенія многіе чрезвычайно любопытные факты. Мы остановимся только на одномъ. У всѣхъ пастушескихъ народовъ существовалъ обычай предлагать путнику, забредшему въ какой-нибудь семейный домъ, не только убѣжище и пищу, а и женщинъ. Это именно то, что называется гостепріимной проституціей. Въ этомъ случаѣ между мужчинами какъ бы заключается договоръ не писанный, не формальный, а безмолвный и непосредственный, вполне взаимный и потому гораздо болѣе прочный. Каждому мужчннѣ изъ пастушескаго народа приходится быть вдали отъ своего собственнаго жилища и отъ своей собственной жены, а между тѣмъ имѣть въ ней надобность. Каждый испыталъ неудобство этого положенія на себѣ, и потому такъ проникается знакомымъ ему положеніемъ путника, что принимаетъ его интересы гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ желаніе или нежеланіе своихъ женъ и дочерей. Еще меньше, разумѣется, можетъ проникнуться первобытннй человѣкъ жизнью ребенка. Этого онъ ужъ всегда можетъ изувѣчить, продать, убить. Такимъ образомъ, центромъ вселенной оказывается въ этомъ случаѣ все-таки одна мужская личность, а женщина и дѣти — это спутники солнца. Само собою разумѣется, что и женщина и ребенокъ съ своей стороны смотрятъ на окружающій ихъ міръ или снизу вверхъ, или сверху внизъ, но во всякомъ случаѣ видятъ въ своей личности центръ, ко благу или ко вреду которой направлено все, что они могутъ охватить мыслью. Это безотчетное выдѣленіе своей личности, какъ обусловливающееся отсутствіемъ коопераціи, суще-

ствуешь, безъ сомнѣнiя, и у животныхъ. Но дѣло въ томъ, что мiросозерцанiе женщинъ, а тѣмъ болѣе дѣтей, могло только въ нѣкоторыхъ частностяхъ опредѣлять складъ первобытной жизни, и потому можетъ быть и не принимаемо въ расчетъ.

Семья разрастается, все болѣе и болѣе дифференцируясь, т.-е., перехода отъ простаго къ сложному. Поколѣнiя синовей, внуковъ, если не отходятъ отъ первичнаго корня, образуютъ нѣкоторую iерархiю, во главѣ которой стоитъ старѣйшина, патриархъ. Рядомъ съ этой семьей развивается тѣмъ же путемъ другая. Тамъ дальше бродятъ нѣсколько шаговъ вольныхъ и независимыхъ охотниковъ, незнающихъ никакой iерархiи, кромѣ развѣ выборной, работающихъ одинаково и для одной и той же цѣли, вслѣдствiе чего ихъ шайки попрежнему представляютъ однородную группу возможно разнородныхъ членовъ. Прекрасный образецъ такого совмѣстнаго существованiя двухъ различныхъ типовъ кооперацiи можно найти въ сравнительно очень недавнее время, въ исторiи южной и юго-западной Россiи. Вольная Запорожская сѣчь, организованная демократически-республиканскимъ образомъ съ сильнымъ оттѣнкомъ коммунизма, представляетъ примѣръ простаго сотрудничества, а казаки-горожане, земледѣльцы и пастухи составляютъ общества по типу сложнаго сотрудничества, т.-е., при раздѣленiи труда. Само собою разумѣется, что эта организацiя казачества можетъ дать только слабое понятiе какъ о первобытной жизни съ одной стороны, такъ и о дальнѣйшихъ, болѣе развитыхъ формахъ простаго и сложнаго сотрудничества. И такъ мы имѣемъ въ до-историческiй перiодъ два вида социальныхъ группъ, развивающихся рядомъ. Независимо отъ тѣхъ измѣненiй, которыми, вслѣдствiе различныхъ обстоятельствъ, и главнымъ образомъ вслѣдствiе естественнаго подбора родичей, въ эти группы могутъ подвергнуться сами по себѣ, онѣ неизбѣжно приходятъ въ столкновение между собой. И въ результатъ этого столкновения элементъ раздѣленiя труда необходимо перевѣшиваетъ элементъ простаго сотрудничества. Объективно-антропоцентрическое мiросозерцанiе прiучаетъ человѣка къ мысли, что надъ нимъ есть опека, не упускающая его ни на минуту изъ виду, и всегда готовая, если онъ исполняетъ предписанныя ему правила, придти къ нему на помощь. Это какъ нельзя болѣе важно съ малымъ количествомъ и скромнымъ качествомъ потребностей первобытнаго человѣка и съ его отвращенiемъ къ труду. Для него создано все, а слѣдовательно, и люди. Священные книги и преданiя древнихъ народовъ, даже стоящихъ на относительно очень высокой ступени развитiя и уже вступившихъ въ перiодъ монотеизма, наполнены разсказами о томъ, что божества повелѣли перебить или обратить въ рабство сосѣднiй народъ, или отнять у него женщинъ. Набѣгаютъ ли вольные охотники на разросшуюся уже до родоваго быта семью и производятъ всеобщiй погромъ, одолеваятъ ли пред-

ставители семейнаго и родоваго быта въ этой свалкѣ, — побѣжденные или съѣдаются, или, на слѣдующей ступени развитія, когда вслѣдствіе сознанія важности коопераціи антропоцентрическая идея нѣсколько расширилась, — обращаются въ рабство. Такимъ образомъ, двѣ, три группы сливаются воедино и образуютъ уже довольно сложное цѣлое съ четко обозначеннымъ раздѣленіемъ труда. Однако, общественныя дифференцированія и соотвѣтственныя индивидуальныя интеграціи здѣсь еще очень слабы. Хотя общественная однородность уже далеко не та, что въ группѣ вольныхъ охотниковъ, но, за исключеніемъ основнаго распада труда на трудъ мужской и трудъ женскій, и то сравнительно слабого, всѣ члены общества приблизительно одинаково трудятся и наслаждаются, имѣютъ одинъ и тотъ же образъ жизни, молятся однимъ и тѣмъ богамъ. Кооперація постепенно расширяетъ личныхъ фетишей въ семейныя, родовыя, племенные, которые наконецъ получаютъ въ политеизмѣ значительно отвѣченный характеръ. Постоянныя войны, выставляя всѣмъ членамъ общества одну и ту же цѣль, — защиту отъ внѣшнихъ, общихъ враговъ, — время отъ времени, такъ сказать, встряхиваютъ, перетасовываютъ, сглаживаютъ установившіяся общественныя дифференцированія. Наконецъ наступаетъ пора, когда дифференцированія эти устанавливаются окончательно, вмѣстѣ съ чѣмъ происходятъ глубокія измѣненія въ жизни первобытнаго общества. Объективно-антропоцентрической періодъ смѣняется эксцентрическимъ. Кстати просимъ у читателя извиненія за употребленіе въ статьѣ по поводу русскихъ уголовныхъ процессовъ выраженія *эксцентрической* безъ всякихъ объясненій. Тамъ эти объясненія далеко отвлекли бы насъ отъ предмета статьи, и мы поневолѣ употребляли слова «эксцентрической» и «метафизической» почти какъ синонимы. Мы сейчасъ увидимъ, что метафизика относится къ эксцентризму, — выраженіе, если не ошибаемся, нами первыми употребляемое, по крайней-мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой мы ему придаемъ, — какъ часть къ цѣлому.

Прежде, чѣмъ указать характеристическія черты эксцентрическаго періода социальнаго развитія, намъ нужно сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое недѣлимое. Понятіе недѣлимаго, индивидуума, повидимому, такъ просто, что не требуетъ никакихъ разъясненій. Однако, это не такъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ трудностяхъ, какія встрѣчаются при опредѣленіи индивидуальности нѣкоторыхъ низшихъ представителей органическаго міра, гдѣ органы, недѣлимыя и цѣлыя скопленія недѣлимыхъ, различаются иногда не легко. До этого намъ здѣсь нѣтъ дѣла. Рѣчь у насъ идетъ только о человѣкѣ, относительно котораго, кажется, не можетъ быть сомнѣній, недѣлимое онъ или нѣтъ. Однако, слова, производимыя отъ слова «индивидуумъ», и въ приложеніи къ человѣку употребляются часто въ совершенно различныхъ смыслахъ. Чаще всего подъ индивидуальностью разумѣютъ совокупность чертъ, рѣзко вы-

двигающих известную личность из среды окружающих ее людей. Индивидуальный значить здѣсь личный, особенный. Мы будем употреблять это выраженіе совершенно иначе, именно, будемъ разумѣть подъ индивидуальностью челоуѣка совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ челоуѣческому организму *вообще*. Мы видѣли, что Спенсеръ опредѣляетъ недѣлимое, какъ «конкретное цѣлое, имѣющее строеніе, позволяющее ему, при известныхъ условіяхъ, постоянно приспособлять свои внутреннія отношенія къ внѣшнимъ такъ, чтобы поддерживалось равновѣсіе его отправленій» («Основанія біологіи», 207). Это опредѣленіе, не имѣющее, къ сожалѣнію, достоинствъ краткости и ясности, можетъ, однако, считаться удовлетворительнымъ, если въ него включить идею способности страдать и наслаждаться, которою недѣлимое рѣзко отличается отъ органа съ одной стороны и отъ общества съ другой. По крайней мѣрѣ, для опредѣленія недѣлимаго животнаго, а слѣдовательно и челоуѣка, понятіе страданія и наслажденія необходимо должно быть введено въ формулу; способность страдать и наслаждаться составляетъ въ этомъ случаѣ такую очевидную и характеристическую для недѣлимаго особенность, что выключить ее было бы крайне неосновательно. А въ такомъ случаѣ, необходимо опредѣлить случаи нормальнаго, фізіологическаго состоянія и развитія и состоянія и развитія болѣзненнаго, патологическаго. Типъ нормальнаго органическаго развитія есть, какъ мы видѣли, постепенное усложненіе путемъ дифференцированія, т. е. специализаціи частей недѣлимаго — органовъ и тканей. Слѣдовательно, патологическимъ развитіемъ будетъ обратное движеніе, то-есть упрощеніе организма, его интеграція. Таковъ динамическій законъ индивидуальности. Законъ статическій также не представляетъ затрудненій. Такъ-какъ недѣлимое представляетъ собою известную ступень органическаго развитія, имѣющую опредѣленное число опредѣленныхъ частей, то фізіологическимъ, нормальнымъ состояніемъ недѣлимаго мы называемъ такое, при которомъ всѣ части организма безпрепятственно функционируютъ, т. е. каждый органъ исполняетъ свою обязанность. При такомъ нормальномъ состояніи равновѣсія каждое органическое отправленіе доставляетъ челоуѣку наслажденіе. Если же одинъ или нѣсколько органовъ перестаютъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, совершать соотвѣтствующія отправленія, то равновѣсіе нарушается и мы имѣемъ состояніе патологическое, ненормальное, болѣзненное, сопровождающееся страданіемъ. Недѣлимое въ этомъ случаѣ если и не перестаетъ быть недѣлимымъ, потому что не теряетъ способности страдать и наслаждаться, то, тѣмъ не менѣе, какъ бы сокращается, упрощается. Это не мѣшаетъ ему усложняться въ другихъ отношеніяхъ. Задержка однихъ отправленій или развитіе однихъ органовъ въ большей части случаевъ вызываетъ усиленное дѣйствіе и усиленное развитіе другихъ. При этомъ могутъ произойти

усложненія, которыя мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ признать нормальнымъ явленіемъ, потому что они вытекаютъ изъ болѣзненнаго начала, изъ нарушенія равновѣсія и цѣлостности недѣлимаго. Здѣсь я считаю своею обязанностью еще разъ указать на сходство излагаемой доктрины съ ученіемъ Конта, и на этотъ разъ именно съ нѣкоторыми взглядами, относящимися ко второму періоду его философской жизни. Разсыпанныя въ «Позитивной политикѣ» и вообще въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Конта странности и нелѣпости отводятъ многимъ глаза отъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, заслуживающихъ величайшаго вниманія. Съ другой стороны, портятъ дѣло безусловныя поклонники Конта. Собственно вторая половина философской дѣятельности Конта еще ждетъ правильной оцѣнки, которая тѣмъ затруднительнѣе, что здѣсь приходится отдѣлять великое отъ смѣшнаго; на это люди вообще не мастера. Субъективный синтезъ, требованіе систематизаціи знаній съ человѣческой точки зрѣнія не только въ теоретическомъ, а и въ практическомъ отношеніи, идея единства и гармоніи человѣческаго существа, какъ основъ блага — ко всѣмъ этимъ вещамъ нельзя такъ относиться, какъ относятся къ нимъ даже сдержанный и осторожный Милль. Требованіе единства въ интересахъ и цѣляхъ личностей, какъ членовъ общества, и единства или гармоніи всѣхъ элементовъ индивидуальной жизни, нравственныхъ, физическихъ и умственныхъ, это требованіе, говоритъ Милль, есть *fons egregius* позднѣйшихъ умозрѣній Конта. Что, исходя изъ этихъ началъ, Контъ пришелъ ко множеству ошибокъ — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но мы готовы скорѣе сказать, вмѣстѣ съ однимъ изъ безусловныхъ поклонниковъ Конта, Бриджемъ (*De l'unité de la vie et de la doctrine d'Auguste Comte etc.*, par. J. H. Bridges. Traduit de l'anglais par M. Debergue. Paris. 1867), что вообще это *fons* не *errorum*, а *veritatis*. Между прочимъ, Милль говоритъ: «Въ послѣдніе годы (какъ мы узнаемъ изъ книги д-ра Робинѣ) Контъ вдавался въ самыя дикія разсужденія о медицинѣ, считая всѣ болѣзни за одно и то же — за возмущеніе или расстройство *de l'unité cérébrale*» (русскій переводъ, стр. 145). Здѣсь Милль говоритъ о письмѣ Конта къ французскому медику Audiffrent, напечатанномъ въ книгѣ Робинѣ (*Notice sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte. Par le docteur Robinet, son medecin etc.* Paris. 1860. p. 528). Вотъ чтó говоритъ Контъ: «Всѣ виды болѣзней, признаваемые самостоятельными, суть не болѣе, какъ простыя симптомы. Собственно говоря, существуетъ только одна болѣзнь — нездоровье. Но такъ-какъ состояніе здоровья есть состояніе единства (цѣлостности?), то болѣзнь есть всегда нарушеніе единства, вслѣдствіе усиленнаго развитія или задержки одного изъ отправленій». Далѣе идетъ рѣчь о нарушеніи «*de l'unité cérébrale*», какъ о частномъ только случаѣ болѣзни. Такимъ образомъ, Милль не только не оцѣнилъ по достоинству глубо-

каго воззрѣнія Конта, но, какъ справедливо замѣчаетъ Бриджъ (р. 107), извратилъ самый смыслъ словъ французскаго мыслителя. Мы, съ своей стороны, далеки отъ того, чтобы считать положеніе Конта дикимъ. Разстройство моральнаго единства, т.-е. усиленное развитіе нѣкоторыхъ моральныхъ силъ и способностей въ ущербъ другимъ, есть, безъ сомнѣнія, обильный источникъ болѣзненныхъ явленій.

Мы видѣли отношеніе физиологическаго и патологическаго развитія и состоянія къ обоимъ типамъ коопераціи. Мы видѣли, что физиологическое развитіе возможно только при простомъ сотрудничествѣ, и что неизбѣжный результатъ сотрудничества сложнаго, раздѣленія труда, есть патологическое развитіе и состояніе недѣлимыхъ. Намъ остается только прибавить два-три пояснительныя замѣчанія. Въ простомъ сотрудничествѣ общая цѣль вызываетъ солидарность интересовъ и взаимное пониманіе членовъ общества. Какъ люди равные, находящіеся въ одномъ и томъ же положеніи, имѣющіе одни и тѣ же цѣли, стремленія, мысли и чувства, они не только успѣшно работаютъ, не только не впадаютъ въ патологическое состояніе, но, кромѣ того, имѣютъ полную возможность въ каждую данную минуту проникнуться жизнью своего товарища, пережить эту жизнь въ самомъ себѣ и относиться къ нему постоянно, какъ къ самому себѣ. Высокій нравственный уровень составляетъ естественный результатъ такого порядка вещей. Только при немъ осуществимъ знаменитый девизъ: братство, равенство и свобода. Не таковы междуличныя отношенія въ обществѣ, построенномъ на принципѣ сложнаго сотрудничества. Не говоря уже о томъ, что члены его находятся въ патологическомъ состояніи, вслѣдствіе усиленнаго развитія нѣкоторыхъ органовъ въ ущербъ другимъ, для нихъ общая цѣль постепенно и постоянно отодвигается все дальше и дальше и, наконецъ, совершенно размѣнивается на рядъ частныхъ цѣлей, одна отъ другой совершенно обособленныхъ. Они не понимаютъ другъ друга, хотя связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Взаимное непониманіе ведетъ къ безнравственности отношеній. Одни вязнутъ въ безысходномъ трудѣ, до нельзя развивая ту или другую часть своей мускульной системы. Другіе, обращаясь въ специалистовъ нервной дѣятельности, живутъ на счетъ труда первыхъ и не только не оплачиваютъ имъ за это чѣмъ бы то ни было, но даже утрачиваютъ всякое представленіе о своей солидарности съ ними, о томъ, что безъ нихъ они не могли бы имѣть ни одного изъ тѣхъ наслажденій, какія даются утонченно развитой нервной системой. Однако, простое сотрудничество при этомъ не совершенно исчезаетъ. Труды и наслажденія, цѣли и средства дѣлятся между различными группами, на которыхъ дифференцировалось общество, но каждая такая группа состоитъ изъ людей сходныхъ, равныхъ и потому способныхъ къ взаимному пониманію, работающихъ вмѣстѣ для одной и той же

цѣли. Но здѣсь простое сотрудничество составляетъ фактъ второстепенный, смыслъ и значеніе котораго опредѣляются господствующимъ принципомъ раздѣленія труда. Здѣсь въ союзъ простаго сотрудничества вступаютъ не цѣлостные индивидуумы, какъ въ общинѣ вольныхъ охотниковъ, а индивидуумы специализированные: головы вступаютъ въ союзъ съ головами, руки съ руками, умственные способности съ умственными, капиталъ съ капиталомъ, трудъ съ трудомъ и т. д. Такъ-какъ въ такомъ обществѣ нѣтъ физиологически развитыхъ недѣлимыхъ, то-есть недѣлимыхъ, имѣющихъ всю сумму отправленій, какая допускается и требуется типомъ ихъ организаціи, то антропоцентрическое мірозерпаніе здѣсь немислимо. Человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другаго специальнаго отправленія и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ всѣ остальные, естественнымъ образомъ понимаетъ и цѣнитъ только то, что тѣсно соприкасается съ его специальнымъ отправленіемъ. Понятіе о единствѣ, индивидуальности человѣка здѣсь не имѣетъ мѣста. Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческаго организма, а нѣкоторая отвѣченная категорія. Членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда провело достаточно глубока борозды, не въ состояніи охватить понятіе человѣка во всей его цѣлости и недѣлимости; онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ въ области теоретическихъ вопросовъ еще долго держится объективно-антропоцентрическое мірозерпаніе за силою преданій и недостаткомъ знаній, еще долго человѣкъ вѣритъ, что онъ составляетъ объективный центръ вселенной — въ сферѣ практической, въ сферѣ дѣйствія убѣжденіе это постепенно стуховывается и даетъ мѣсто эксцентрическому укладу.

Началомъ эксцентрическаго періода соціальнаго развитія мы признаемъ тѣ моменты въ развитіи различныхъ сферъ общественной жизни, когда кооперація по типу раздѣльнаго труда выставляетъ нѣкоторыя специальныя цѣли, доступныя только для пзвѣстной соціальной группы, специальныя цѣли, бывшія до этого момента только средствами. Не слѣдуетъ думать, чтобъ переходъ этотъ произошелъ одновременно во всѣхъ областяхъ жизни. Въ высшей степени сложная сѣтъ причинъ и слѣдствій общественныхъ явленій не могла допустить такой правильности и такого однообразія. Еслибы обществомъ управлялъ только одинъ принципъ раздѣленія труда, тогда, конечно, развитіе его совершалось бы такъ же ровно и однообразно, какъ и ростъ организма. Но простое сотрудничество никогда не исчезало, и такъ-какъ оно было возможно въ одной сферѣ жизни въ болѣе, въ другой — въ меньшей степени (что относится и къ самому раздѣленію труда), то жизнь не могла идти ровно. Притомъ же, на ходъ развитія вліяли и другія причины,

каковы мѣстныя физическія условія, сила традиціи и привычки, наблюденіе и т. д. Всѣ эти побочныя причины не могли имѣть одинаковаго вліянія на различныя стороны жизни. Можно только сказать, что разъ начавшись, эксцентризмъ съ возрастающею скоростью стремится охватить всѣ тончайшіе изгибы общественныхъ отношеній, отнюдь, однако, не равномерно по всѣмъ направленіямъ. Мы видимъ, напримѣръ, что, несмотря на значительное развитіе въ древнемъ мірѣ раздѣленія труда и, слѣдовательно, эксцентрическаго періода, въ области политики господствуетъ простое сотрудничество. Древняя исторія есть послѣдовательная исторія ассирианъ, вавилонянъ, персовъ, египтянъ, евреевъ, грековъ (и въ ней аѳинянъ, спартацевъ), македонянъ, римлянъ. Словомъ, древняя исторія есть исторія государствъ и народовъ. Государство же представляетъ собою такую социальную единицу, въ которой хотя отдѣльныя недѣлимыя утратили въ болѣшей или меньшей степени свою цѣлостность, но вся совокупность ихъ можетъ выставить всю сумму силъ и способностей, свойственныхъ человѣку. Не то мы видимъ въ средніе вѣка, которые вообще представляютъ моментъ наибольшаго развитія, кульминаціонную точку эксцентрическаго періода. Здѣсь на арену исторіи выступаютъ уже интересныя и цѣлыя не государствъ и народовъ, а сословія, корпораціи, цѣховъ, т.-е. такихъ социальныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая усвоила себѣ окончательно только одну какую-нибудь силу, одну какую-нибудь способность.

Размѣры нашей статьи до такой степени непропорціональны размѣрамъ заданной намъ себѣ задачи, что на систематичность изложенія намъ претендовать никакъ не приходится. Мы сильно разсчитываемъ на помощь логики читателя. Поэтому мы забѣгаемъ нѣсколько впередъ, чтобы привести изъ Шиллеровскихъ писемъ объ эстетическомъ образованіи человѣка мастерскую характеристику того, что мы называемъ эксцентрическимъ періодомъ социальнаго развитія.

«Безъ сомнѣнія нельзя было и ожидать, чтобы простая организація первыхъ республикъ пережила простоту первыхъ нравовъ и отношеній; но вмѣсто того, чтобы стать послѣ нихъ на высшую ступень живой жизни, она ниспала до пошлой и грубой механики; натура греческихъ республикъ, организовавшихся на подобіе полициановъ, въ которыхъ каждый индивидуумъ пользовался независимою жизнью, а въ случаѣ нужды могъ своимъ трудомъ служить и общему, уступила мѣсто искусственно-машинно-часовому устройству, гдѣ изъ сплоченія между собою безконечно многихъ, но безжизненныхъ частичекъ образуется механическая жизнь цѣлаго. Разорваны другъ отъ друга церковь и государство, нравы и законы; наслажденіе отдѣлилось отъ труда, средства отъ цѣли, напряженіе отъ удовольствія достиженія. Вѣчно работая надъ какимъ-нибудь ничтожнымъ отрывкомъ изъ цѣлаго, человѣкъ и самъ дѣлается чѣмъ-то въ

родѣ отрыва; вѣчно слыша однозвучный шумъ только того колеса, которое вертитъ онъ самъ, человѣкъ никогда не въ состояніи развить гармоніи въ своемъ существѣ и вмѣсто того, чтобы напечатлѣвать человѣчество въ своей натурѣ, онъ дѣлается только отпечаткомъ своего занятія, своей науки. Но даже это скудное обрывочное участіе, которое привязываетъ частныхъ членовъ къ цѣлому, состоитъ не въ томъ, чтобы они самодѣятельно выработывали формы данныхъ имъ обрывковъ (и въ самомъ дѣлѣ можно ли было довѣрить ихъ свободѣ столь искусную и свѣтлобоящую часовую машинку?); нѣтъ, имъ съ самою скрупулезною точностью начертаны образцы, которыхъ и должно неуклонно держаться ихъ свободное знаніе. Мертвая буква замѣняетъ живой разумъ; механическая память руководитъ вѣрнѣе, чѣмъ гений и чувство. Если, по общепринятому мнѣнію, должность служить масштабомъ достоинства человѣка, если люди въ одномъ изъ своихъ согражданъ уважаютъ только память, въ другомъ формулярный разумъ, въ третьемъ механическую ловкость; если въ одномъ мѣстѣ, не обращая никакого вниманія на характеръ, требуютъ только знаній, въ другомъ, напротивъ того, ради духа порядка и законной исполнительности, самое глубокое помраченіе разума почитаютъ достоинствомъ, если хотятъ при этомъ, чтобы каждая изъ этихъ частныхъ способностей была доведена до такой интенсивности, какая только возможна по интенсивности субъекта, то можно ли удивляться, что остальные свойства души остаются въ пренебреженіи и съ особенною тщательностью воздѣлывается единственно то свойство, которое почитаютъ и за которое даютъ награды?» * Въ этихъ прекрасныхъ словахъ значеніе греческихъ республикъ едва ли не преувеличено. (Любопытно, что знаменитый другъ-соперникъ и совершенная антитеза Шиллера—Гёте, также съ восторгомъ смотрѣлъ на классическую древность, а между тѣмъ Гёте утверждалъ, что всякое цѣлое, въ томъ числѣ и общество, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе сходны его части; онъ проводилъ также параллели между организмомъ и обществомъ). Раздѣленіе труда со всѣми его послѣдствіями, — отсутствіемъ единства цѣли, безнравственностью междуличныхъ отношеній, патологическимъ состояніемъ недѣлимыхъ, взаимнымъ непониманіемъ, — достигло уже значительнаго развитія въ древней Греціи. Съ другой стороны силея еще былъ объективный антропоцентризмъ. Величайшіе мыслители Греціи не могли оторваться отъ мысли о законности и необходимости рабства и съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ и варваровъ. Та цѣлостность (Totalität), которую восхищаются поклонники древней Греціи, въ значительной степени должна была поддерживаться искусственными средствами, какова гимнастика. Поддержива-

* Я цитирую по статьѣ г. Грыцько «Объ исторической драмѣ» (Нескій Сборникъ, 235).

лась она и безпрестанными войнами, въ моментъ которыхъ простое сотрудничество временно одерживало верхъ надъ раздѣленіемъ труда и ставило всѣмъ гражданамъ одну цѣль.

VII.

Въ первомъ томѣ русскаго изданія сочиненій Спенсера напечатана, между прочимъ, статья «Обычаи и приличія», весьма важная для характеристики мыслителя, какъ человѣка. Къ этой, наиболѣе для насъ интересной сторонѣ статьи мы обратимся ниже. Теперь замѣтимъ только, что въ ней Спенсеръ старается доказать, что обычаи, приличія, религіозныя представленія и юридическія нормы имѣютъ одинъ и тотъ же корень, и что распадѣніе ихъ на самостоятельныя категоріи произошло тѣмъ же общимъ путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Онъ исходитъ изъ того положенія, что личности «бога, государя и церемоніймейстера» въ наиболѣе отдаленную пору исторіи совпадали въ одной личности. Едва-ли можно принять это положеніе безусловно въ такомъ видѣ. Но во всякомъ случаѣ общій взглядъ Спенсера имѣетъ глубокое основаніе. Намъ, современнымъ людямъ, трудно представить себѣ то единство различныхъ сторонъ человѣческой жизни, которое царило въ доисторическую пору. Религія, философія, наука, искусство, — всѣ эти для насъ совершенно различныя и часто другъ другу противорѣчащія вещи, существующія рядомъ, несмотря на трудность и даже невозможность примиренія по многимъ пунктамъ, — все это сливалось для первобытнаго человѣка въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ. Ощущеніе вызываетъ рядъ волненій и въ нихъ заключается вся психическая дѣятельность первобытнаго человѣка, лежащая въ основу его узкаго, но цѣльнаго, не раздробленнаго міросозерцанія. Ощущенія его, какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, выражаются одновременно звуками, образами и движеніями. То, что для насъ распадается на духъ и матерію, связано въ немъ неразрывно. И оттого онъ уноситъ въ теоріи и уноситъ на практикѣ. Приятное и непріятное ощущенія немедленно приводятъ въ движеніе весь его организмъ, всѣ стороны индивидуальности, — мускулы ногъ, рукъ, груди, горла сокращаются одновременно, и человѣкъ поетъ, пляшетъ, играетъ. Точно также цѣлостна его практическая философія. Различные элементы оцѣнки человѣческихъ поступковъ разсыпаны для цивилизованнаго человѣка по разнымъ угламъ; онъ можетъ признать данное явленіе приятнымъ, но бесполезнымъ, полезнымъ, но безнравственнымъ, нравственнымъ, но незаконнымъ и несправедливымъ, законнымъ, но не богоугоднымъ. Первобытный человѣкъ не знаетъ этихъ противорѣчій; для него фактъ тождественъ съ признаніемъ; велѣнія боговъ, юридическая норма, нравственный кодексъ, нравы и обычаи совпадаютъ или, съ нашей современ-

ной точки зрѣнія, не отдѣлились другъ отъ друга, не выяснились, не дифференцировались. Дикарь убиваетъ дикаря изъ мести, — это фактъ. Но фактъ этотъ въ нравахъ общества, въ то же время онъ правомѣренъ, подтверждается религіозными представленіями и санкціонируется первобытною личною моралью. Съ теченіемъ времени, со смѣною многихъ и многихъ поколѣній, по мѣрѣ развитія кооперации, фактъ невыгоды вредить ближнему обращается точно также въ религіозный догматъ, нравственное правило, юридическую норму и обычай, опять-таки безъ всякаго яснаго обозначенія раздѣльности этихъ элементовъ. Во временныхъ и случайныхъ союзахъ простаго сотрудничества эта цѣльность и непосредственность взаимныхъ отношеній остаются во всей своей силѣ. Еслибы принципъ простаго сотрудничества восторжествовалъ, еслибы цивилизація постепенно раздвигала именно этимъ видомъ кооперации личное существованіе равномерно во всѣ стороны, не раздробляя индивидуальности, а приобщая къ ней все новыя и новыя индивидуальности столь же цѣльныя, еслибы при этомъ воззрѣніи на природу путемъ коллективнаго опыта очищались отъ объективнаго антропоцентризма... Я не знаю, что было бы въ такомъ случаѣ. Но этого не было и, насколько мы можемъ продумать первобытную жизнь, и не могло быть. Раздѣленіе труда одолѣло. Запутанный порядокъ сложнаго сотрудничества постепенно стиралъ непосредственность взаимныхъ отношеній и дробилъ индивидуальную цѣлостность.

Родовой бытъ смѣнился общественнымъ, что предполагаетъ уже глубокія дифференцированія. На одномъ концѣ общественной іерархіи образовалось рабство, на другомъ вырѣзалась болѣе или менѣе сильная верховная власть, которой уступили добровольно или по принужденію, часть своего главенства старѣйшины отдѣльныхъ родовъ. Религіозныя представленія получаютъ столь отвлеченный характеръ, непосредственные отношенія къ природѣ нарушаются столь сильно, что становятся уже нужными посредники между людьми и богами. Обособляется классъ жрецовъ. Рабство однихъ даетъ досугъ другимъ. Досугъ идетъ на умственное развитіе. Трудъ перестаетъ вознаграждаться всѣмъ результатомъ труда; результатъ этотъ дѣлится между господиномъ и рабомъ, который получаетъ свою долю въ видѣ скудной пищи. Но почти столь же скуднымъ вознагражденіемъ довольствуется еще и господинъ. Производители и потребители находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ, взаимная связь ихъ проста и очевидна; продукты труда идутъ довольно равномерно на поддержаніе однихъ и тѣхъ же потребностей въ различныхъ недѣлимыхъ. Каждый потребитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и производитель, и наоборотъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ кооперации и досуга развиваются и потребности. Является надобность въ такихъ предметахъ, которые не могутъ быть произведены тѣми или другими лицами а между

тѣмъ производятся въ сосѣдствѣ. Начинается обмѣнъ продуктовъ. Въ болѣе или менѣе широкомъ обмѣнѣ могутъ участвовать только нецѣлостныя недѣлимыя, т.-е. недѣлимыя, усвоившія себѣ извѣстную специальную сферу дѣятельности. Далѣе, какъ въ области религіозной понадобились посредники между людьми и богами, такъ и въ экономической области оказываются нужными посредники между производителями и потребителями. Обособляется торговый классъ, задерживающій, въ видѣ торговаго процента, часть результата труда въ своихъ рукахъ; поземельная рента и прибыль капиталиста еще ждутъ своей очереди. Торговля оказывается занятіемъ столь выгоднымъ, что отвлекаетъ значительную часть силъ отъ войны, до тѣхъ поръ главнаго занятія. Однако, они еще долго должны идти рука объ руку, потому что торговецъ можетъ каждую минуту ждать нападенія и долженъ противопоставлять силу силѣ. Въ рукахъ торговаго класса сосредоточиваются значительныя богатства, превышающія его потребности. Является новое наслажденіе—наслажденіе приобрѣтенія, и новая цѣль—богатство, доступныя только для нѣкоторыхъ членовъ общества. Въ далекомъ будущемъ, это специальное наслажденіе и эта специальная цѣль, обособленныя отъ всѣхъ другихъ сторонъ человѣческой индивидуальности, ложатся въ основу науки, по поводу которой Сисмонди задумался: «Неужели богатство — все, а человѣкъ — абсолютно ничто?»; по поводу которой Дрозъ замѣчаетъ, что представители ея думаютъ, что «человѣкъ созданъ для продуктовъ, а не продукты для человѣка».

Общественныя дифференцированія, опредѣляя для каждой обособившейся соціальной группы образъ жизни и занятія, отличные отъ образа жизни и занятій остальныхъ группъ, вызываютъ разнородность нравовъ и обычаевъ. Эта разнородность вызываетъ такія столкновенія, что становится, наконецъ, необходимымъ формальное опредѣленіе правъ и обязанностей членовъ общества. Является писанный законъ, сначала, разумѣется, не очень далекій отъ обычнаго права, но тѣмъ не менѣе во всякомъ случаѣ отличный отъ него; въ него вносятся главнымъ образомъ возрѣнія правящаго класса. Нравы, нравственность и справедливость раздробляются на самостоятельныя категоріи. Законодатель смѣло пишетъ: *Servitus est constitutio juris gentium, quo quis dominio alterius contra naturam subiicitur*, т.-е. рабство есть учрежденіе *народнаго права*, по которому человѣкъ *противоестественно* владѣствуетъ надъ другимъ. Въ далекомъ будущемъ нравы и обычаи обособляются въ деспотизмъ общественнаго мнѣнія; нравственность—въ аскетическую мораль; право и справедливость даютъ начало наукѣ, провозглашающей своимъ принципомъ: *fiat justitia pereat mundus*, т.-е. не справедливость существуетъ для человѣка, а человѣкъ для справедливости.

Рядомъ съ безусловною справедливостію и безусловною нравственностію выступаютъ чистая наука, чистое искусство. И такъ

въ теченіе вѣковъ раздѣленіе труда постепенно, но съ неудержимой силой подтачиваетъ первобытный антропоцентризмъ. Мы не имѣемъ никакой возможности прослѣдить здѣсь всё стороны эксцентрическаго періода. Читатель найдетъ кое-что въ этомъ отношеніи у Спенсера въ статьяхъ «Происхожденіе и дѣятельность музыки», «Обычаи и приличія», «Прогрессъ, его законъ и причины» и т. д. Но Спенсеръ выбираетъ примѣры сравнительно не важные, и притомъ смотритъ на нихъ исключительно съ точки зрѣнія увеличенія общественной разнородности, не касаясь параллельнаго факта усиленія индивидуальной однородности. Спенсеръ, несмотря на многочисленность примѣровъ, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе закона прогресса, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному, ни разу не останавливается надъ значеніемъ этого перехода для выработки понятій полезнаго, пріятнаго, добраго, нравственнаго, справедливаго. А между тѣмъ обособленіе ихъ другъ отъ друга несомнѣнно подтверждаетъ его законъ прогресса: оно могло явиться только въ обществѣ очень разнородномъ. Бѣдняга первобытный человѣкъ думалъ, что все создано для него. Оказывается, что онъ самъ созданъ для всего, кромѣ самого себя. Онъ созданъ для справедливости, для нравственности, для богатства, для знанія, для искусства. И все это требуетъ безусловнаго, исключительнаго поклоненія себѣ; все это въ открытой враждѣ другъ съ другомъ: искусству не надо справедливости, наука отрицается нравственности, богатство не видитъ справедливости, формальная справедливость незнакома съ нравственностью. Но — замѣчательный фактъ, который мы объяснимъ ниже — всё эти отвлеченныя категоріи, порожденныя процессомъ общественныхъ дифференцированій и соотвѣтственныхъ индивидуальных интегралій, находясь въ открытой междоусобной войнѣ, въ то же самое время единодушно поддерживаютъ вызвавшій ихъ на свѣтъ божій порядокъ. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай показать, что безусловная справедливость есть ни что иное, какъ идеализація существующихъ общественныхъ отношеній, возведеніе въ принципъ голаго эмпирическаго факта. А между тѣмъ какъ она величава и широка, эта безусловная справедливость! Теоретическія формулы объективно-антропоцентрическаго періода (все создано для человѣка) и періода эксцентрическаго (человѣкъ для богатства, для справедливости, для истины, или, что то же, справедливость для справедливости, истина для истины, богатство для богатства) до такой степени диаметрально-противоположны, что можно бы было подумать, что самая природа человѣка потерпѣла какое-нибудь коренное преобразование. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ люди живутъ здѣсь для знанія, для искусства, для справедливости? Не со-всѣмъ такъ. Произошло собственно вотъ что. Были люди дикіе, ограниченные, неразвитые, но цѣлостные. Ихъ цѣлостная индивидуальность, благодаря коопераціи раздѣльнаго труда, раз-

вивалась въ раздробь. Жизнь недѣлимаго есть сумма отправленій, допускаемыхъ его организаціей. Въ первобытномъ человѣкѣ мы имѣемъ эту сумму отправленій. Исторія, не давъ силамъ и способностямъ человѣка, такъ сказать, выдти изъ скрытаго состоянія, достигнуть гармонической и вѣсторонней напряженности въ предѣлахъ одной индивидуальности, размѣстила эти силы и способности по множеству разныхъ индивидуальностей. Сила мысли оказалась въ одномъ углу и больше въ немъ ничего не оказалось, въ другомъ — сила мышцъ, въ третьемъ — эстетическая способность и т. д. Эти изолированныя силы, развиваясь въ нецѣлостныхъ недѣлимыхъ насчетъ другихъ силъ, получаютъ колоссальную интенсивность и при этомъ окончательно заглушаютъ остальные отправленія. Такимъ путемъ происходитъ общественная разнородность рядомъ съ индивидуальной однородностью. Казалось бы, что здѣсь, какъ и вездѣ при осуществленіи принципа раздѣленія труда, происходитъ значительная экономія силъ; что общество получаетъ огромный барышъ, доводя различныя силы и способности до такого развитія, какое недостижимо при совмѣщеніи ихъ всѣхъ въ предѣлахъ одной и той же личности. «Раздѣленіе занятій — говоритъ Милль — совершеніе одновременнымъ трудомъ нѣсколькихъ работъ, которая не могла бы быть окончена какимъ бы то ни было числомъ лицъ порознь, — вотъ великая школа коопераціи» (Статья «Цивилизація» въ «Разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ»). Великая ли эта школа, это вопросъ, подлежащій обсужденію. Но это не единственная школа коопераціи, потому что есть еще школа простаго сотрудничества. Какъ мы неоднократно доказывали, раздѣленіе труда, способствуя выработкѣ нецѣлостныхъ недѣлимыхъ, есть источникъ безчисленныхъ патологическихъ явленій въ области индивидуальной и соціальной жизни. Но этого мало; есть предѣлы, за которыми всякая сила и способность, развиваясь насчетъ другихъ силъ и способностей, перестаетъ быть силой и способностью, о чемъ съ неумолимою ясностью свидѣтельствуютъ добытые ею результаты.

Грубый фетишизмъ смѣнился болѣе утонченнымъ политеизмомъ. Для первобытнаго человѣка исчезла возможность быть съ своими богами за панибрата, бесѣдовать съ ними запросто, сидѣть въ одной комнатѣ. Въ сношенія съ ними онъ долженъ вступать чрезъ посредство жрецовъ. Обезпеченные трудомъ производительныхъ классовъ, жрецы и высшіе слои общества вообще начинаютъ мало-по-малу отвыкать отъ физическаго труда. Когда распаденіе труда на трудъ физическій и умственный доходитъ до извѣстныхъ предѣловъ, антропоцентрической унизимъ смѣняется эксцентрическимъ дуализмомъ. Когда вы здоровы, вы не замѣчаете присутствія того или другаго органа, сознаете только себя, какъ совокупность органовъ, находящихся въ физиологической гармоніи. Когда вы больны, то-есть когда гармонія отправленій такъ или иначе нарушена, вы невольно

обращаете вниманіе на пораженный органъ. Въ здоровомъ состояніи трудно мыслить о головѣ, о рукѣ, о ногахъ, о сердцѣ и т. д. безотносительно ко всему организму. Больная голова, больная рука вызываютъ ваше специальное вниманіе, и вы мысленно отдѣляете ихъ отъ остальной части организма. Совершенно точно такъ же нарушенная дифференцированіемъ труда гармонія выдѣлила для человѣка духъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла. Борозда, пролеглая между духомъ и матеріей въ практической жизни, отразилась и на теоретическихъ воззрѣніяхъ, и со смѣною поколѣній обозначалась всѣ рѣзче и рѣзче. Единичнымъ богамъ и единичной морали первобытнаго человѣка, работающаго одновременно и руками, и головой, соответствуетъ понятіе о единствѣ его собственнаго существа. Вступая свободнымъ и независимымъ членомъ въ союзъ простаго сотрудничества, первобытный человѣкъ все-таки держится своего унизма, потому что и здѣсь ему приходится трудиться равномерно и физически, и умственно. Въ кооперации раздѣльнаго труда душа и тѣло расходятся въ разныя стороны. Вслѣдствіе различія побочных обстоятельствъ, расхождение это проявляется различнымъ образомъ. Такъ полинезійцы вѣрують, что только предводители ихъ имѣють душу. Такъ древніе перувианцы вѣровали, что ихъ знать была божественнаго происхожденія. Оба эти факта приводятся Спенсеромъ въ подтвержденіе той мысли, что въ первобытномъ обществѣ личности бога и государя совпадаютъ. Въ этомъ отношеніи особенно неудаченъ примѣръ перувианцевъ. Перу извѣстно намъ уже на относительно очень высокой ступени цивилизаціи; и потому вѣрованіе перувианцевъ ничего не доказываетъ: установленію его предшествовали цѣлыя вѣка общественныхъ дифференцированій. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что такъ или иначе практическое распаденіе труда на физическій и умственный вездѣ и всегда сопровождается и теоретическимъ распадениемъ души и тѣла, то-есть дуализмомъ. Однако, кое-какія эмпирическія свѣдѣнія, приобретаемыя высшими классами и особенно жрецами, еще долго имѣють въ виду исключительно человѣка какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Природа изучается объективно-антропоцентрически, и притомъ на столько, на сколько это изученіе можетъ быть непосредственно приложено къ пользамъ и нуждамъ человѣка. Практическое приложеніе добытыхъ знаній находится въ вѣдѣніи самихъ изучающихъ природу; теорія еще не отдѣлилась отъ практики, наука — отъ искусства, знаніе теоретическое — отъ прикладнаго. Но глубже и глубже ложатся демаркаціонныя черты между интересами различныхъ слоевъ общества. Процессъ дифференцированій, разъ начавшись, идетъ все быстрѣе и быстрѣе. Увеличивающійся досугъ, гарантированный трудомъ нижняго этажа общественнаго зданія, и привычка къ умственнымъ занятіямъ побуждаютъ, наконецъ, нѣкоторыхъ членовъ

высшихъ слоевъ заняться изученіемъ явленій природы не ради тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, а изъ любопытства, ради самой истины. Является новое специальное наслажденіе — наслажденіе знанія, разъ отвѣдавъ котораго, мысль неудержимо стремится къ дальнѣйшему знанію. Знаніе перестаетъ быть средствомъ, и становится цѣлью. Эта новая цѣль все болѣе и болѣе заслоняетъ собою для преслѣдующихъ ее всѣ другія цѣли и, вызванная процессомъ общественныхъ дифференцированій, закрѣпляетъ ихъ собою. Религіозныя представленія становятся утонченнѣе. Является философія. Мысль чело-вѣческая, увѣрившись въ своей независимости отъ брэнной тѣлесной оболочки, оказываетъ крайнюю самонадѣянность. Презирая опытъ и наблюденіе, какъ орудія брэнной оболочки, мысль стремится въ надзвѣздныя пространства и желаетъ полнѣе понять о мірѣ чисто діалектическимъ путемъ, изъ самой себя. Презирая оковы, налагаемыя на нее внѣшними чувствами, мысль презираетъ и добываемое внѣшними чувствами. Ей мало феноменальнаго знанія, которое можетъ получить и приложить къ дѣлу всякій ремесленникъ. Она ищетъ нумена, вещи въ себѣ, сущности вещей, и самая эта сущность оказывается, наконецъ, ни чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же самымъ духомъ, который такъ тщательно и любовно воспитывается насчетъ матеріи въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Объ утилитарной сторонѣ знанія нѣтъ и помину. Архимедъ извиняется передъ современниками и потомствомъ въ томъ, что иногда работаетъ для практическихъ цѣлей. Въ наши времена Шопенгауеръ заявляетъ, что только бесполезное можетъ имѣть значеніе. Платонъ говоритъ, что значеніе ариѳметики состоитъ отнюдь не въ ея практической пользѣ, а въ томъ, что она «облегчаетъ душѣ путь изъ области преходящихъ вещей къ созерцанію истины и бытія»; что она обязана «заниматься числами въ себѣ, въ ихъ сущности, и не терпѣть вмѣшательства чего бы то ни было видимаго и осязаемаго»; что геометры заблуждаются, если удаляются отъ изученія того, что составляетъ сущность вещей, истину вѣчную и безусловную; что цѣль астрономіи совсѣмъ не практическая, она не есть даже изученіе видимаго, она должна вести къ той же вѣчной истинѣ, постигнутой одною чистою мыслью (Республика, кн. VII). Русский педагогъ, г. Модзалевскій, полагаетъ, что, «благодаря незначительной населенности страны и существованію рабства, бывшаго удѣломъ иноплеменниковъ, жизнь свободныхъ людей была легка и чужда мелочныхъ заботъ. Большая часть націи была совершенно незнакома съ низкими и тяжелыми работами, и потому грекъ чрезъ воспитаніе свое могъ становиться выше всего пошлаго и мелочнаго въ жизни» (Очеркъ исторіи воспитанія и обученія и проч., ст. 47). Считаю долгомъ замѣтить, что это античное воззрѣніе приведено рядомъ съ мыслями Пла-

тона не по чему иному, какъ потому, что мы случайно развернули лежащую передъ нами книгу г. Модзалевскаго.

Освобожденная отъ мелочныхъ и пошлыхъ заботъ, мысль, стремясь уразумѣть сокровенныя сущности вещей, получаетъ о себѣ все болѣе и болѣе высокое понятіе. Чистая мысль оказывается единственнымъ источникомъ познанія, въ ней одной слѣдуетъ искать законовъ мировыхъ явленій. Метафизическія системы громоздятся одна на другую; въ нихъ погибаютъ величайшіе умы. Таковъ въ области мысли и знанія одинъ результатъ общественныхъ дифференцированій и осуществленія принципа раздѣленія труда, то-есть, по Спенсеру, общественнаго прогресса.

Тѣмъ временемъ мало по малу копятся положительныя знанія. Практическія надобности и счастливыя случайности порождаютъ технику, искусства, а техника влечетъ за собой нѣкоторыя обобщенія. Сначала эти обобщенія впадаютъ гордыми и нетерпѣливыми умами въ основаніе метафизическихъ объясненій міра. Затѣмъ, подъ вліяніемъ общаго процесса соціальныхъ дифференцированій, наука отдѣляется отъ философіи. Далѣе, тотъ же процессъ повелѣтъ къ тому, что «каждый отдѣльный классъ изслѣдователей какъ бы выдѣлитъ свой частный порядокъ истанъ изъ общей массы матеріала, накопленнаго наблюденіемъ» (Спенсеръ, I, 307). Знаніе, какъ цѣль, распадается постепенно на множество частныхъ цѣлей. Одинъ избираетъ одну отрасль, другой другую и т. д. Какъ и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, это раздѣленіе труда имѣетъ двойственный характеръ. Наука обогащается, но міросозерцаніе специалистовъ все болѣе и болѣе суживается. Однако, скоро и наука перестаетъ обогащаться. Съ дальнѣйшимъ специализированіемъ утрачивается взаимное пониманіе между представителями различныхъ отраслей знанія. Они не понимаютъ даже языка другъ друга. Погруженный въ свой клочокъ знанія, специалистъ взрываетъ его вдоль и поперекъ, но не имѣетъ понятія о сосѣднемъ клочкѣ. Онъ уже давно пересталъ быть гражданиномъ, давно пересталъ сознавать свою солидарность съ остальными членами кормящаго его общества. Но, наконецъ, онъ перестаетъ быть и ученымъ; добываемое имъ знаніе дѣлается не только неважнымъ, второстепеннымъ, третьестепеннымъ и т. д., но даже перестаетъ быть знаніемъ. Это требуетъ нѣкотораго объясненія. Для изслѣдованія самого простаго явленія, напримѣръ, для опредѣленія какого нибудь минерала требуется, собственно говоря, цѣлый рядъ опытовъ и наблюденій. Минералъ можетъ имѣть строеніе аморфное или кристаллическое. Въ послѣднемъ случаѣ нужно опредѣлить геометрическія свойства кристала, отношенія угловъ и плоскостей. Но этого недостаточно, потому что много есть минераловъ, совершенно различныхъ и тѣмъ не менѣе кристаллизующихся въ одной и той же формѣ. Отъ гониометра приходится перейти къ паяльной трубкѣ, изслѣдовать отношенія даннаго минерала къ

тѣмъ или другимъ реактивамъ, къ поляризаци, его спайность, твердость и т. д. Послѣ этого ряда опытовъ и наблюденій явленіе понятно, потому что кромѣ математическихъ, физическихъ и химическихъ никакихъ другихъ свойствъ минераль не имѣеть. Понятное дѣло, что еслибы какой нибудь специалистъ-кристаллографъ не имѣлъ свѣдѣній химическихъ и физическихъ и былъ бы склоненъ, подобно всякому специалисту, придавать своей точкѣ зрѣнія первенствующее значеніе, понятно, что его минералогическія знанія не были бы знаніями. Что касается до его собственно кристаллографическихъ наблюденій, то они представляли бы не болѣе, какъ сырой матеріалъ. Мы взяли примѣръ почти невозможный, потому что минералогія завѣдуетъ явленіями столь простыми, что связь и необходимость различныхъ точекъ зрѣнія тутъ совершенно очевидны. Но въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ сложнѣйшими явленіями, подобные случаи не только возможны, а и весьма обыкновенны, потому что для пониманія этихъ болѣе сложныхъ явленій требуется и большая разносторонность свѣдѣній. Ясно, что въ этомъ случаѣ узкій специалистъ можетъ накопить множество знаній, которыя при всестороннемъ ихъ разсмотрѣніи окажутся совершенно ложными. Время отъ времени въ эту массу ложно понятыхъ или вѣрныхъ, но мелочныхъ фактовъ врываются могучіе умы, внося синтетическое начало въ это неограниченное правленіе анализа. И это синтетическое начало представляетъ собою отраженіе простого сотрудничества между науками и индивидуальной дѣятельности дѣятеля науки; истины различныхъ наукъ группируются при этомъ не какъ однородные члены разнороднаго дѣлага, а наоборотъ. Наука дѣлаетъ гигантскій шагъ, подобравъ сразу весь пригодный сырой матеріалъ, а остальную часть его выбрасываетъ, какъ совершенно негодную. Однако, иногда и на самихъ представителяхъ синтетическаго начала отражаются послѣдствія коренныхъ общественныхъ дифференцированій. Вырвавшись изъ эксцентрическаго періода съ одной стороны, они еще глубоко сидятъ въ немъ съ другой. Опытъ и наблюденіе еще не вытѣснили изъ нихъ вѣры въ неконтрольную силу чистой мысли. Отсюда опять метафизическія стремленія уловить сущность вещей, ихъ конечныя причины, отсюда метафизическія понятія природы, боящейся пустоты, зоогена, жизненной силы, жизненныхъ духовъ и т. п.

Наконецъ, въ области теоретическихъ вопросовъ, исторія снова выдвигаетъ человѣка центромъ вселенной. Позитивизму принадлежитъ честь объединенія и обобщенія этого стремленія. Опять человѣкъ становится мѣриломъ вещей, но на этотъ разъ уже сознательно. Дуализмъ опять смѣняется унитаризмомъ. Границы науки совпадаютъ съ границами человѣка, какъ существа дѣльнаго и единого. Мысль вводится въ свои законныя границы. Человѣкъ можетъ познавать только явленія и тѣ постоянныя отношенія, въ которыя они становятся другъ къ другу. Сущ-

ность вещей — вѣчная тьма. Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина *для человека*, и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для человѣка. Положенія эти выработывались вѣками. Но въ курсѣ философіи Конта имъ подведенъ полный итогъ, къ которому мы и отсылаемъ читателя. Послѣ борьбы съ метафизикой читатель найдетъ тамъ и борьбу съ излишней спеціализаціей знаній, но эта часть трактата едва-ли удовлетворитъ его въ такой же мѣрѣ. Здѣсь разсыпаны однако зачатки золотыхъ мыслей, цѣнность которыхъ уменьшается только кореннымъ недостаткомъ Контовой системы — устраненіемъ субъективнаго метода изъ области вопросовъ социологии, этики и политики. Позитивизмъ сдѣлалъ до сихъ поръ поддѣла, — установилъ законность человѣческой точки зрѣнія на явленія природы, а человѣческая точка зрѣнія есть здѣсь точка зрѣнія человѣка мыслящаго и ощущающаго, т.-е. цѣлостнаго недѣлимаго, обладающаго всею суммою органовъ и всею суммою отвлеченій, свойственныхъ организму человѣка. Такимъ совмѣстнымъ участіемъ всѣхъ сторонъ индивидуальности получается истина, не абсолютная, а истина для человѣка. Та же точка зрѣнія должна быть приложена и къ рѣшенію практическихъ вопросовъ, но этой половины великаго дѣла позитивизмъ совершить не можетъ, потому что тутъ ему пришлось бы ввести субъективный методъ даже въ постановку чисто теоретическихъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ объективной точки зрѣнія всѣ истины равны. Выборъ между истинами, т.-е. отдѣленіе истинъ полезныхъ отъ бесполезныхъ, нужныхъ отъ ненужныхъ, обязательныхъ отъ необязательныхъ, — это дѣло очевидно субъективнаго метода. Тѣмъ справедливѣе это для практическихъ приложеній добытыхъ истинъ. Относительно этихъ пунктовъ могутъ видѣти разногласія, объективнымъ методомъ неустраняемыя, вслѣдствіе чего позитивизму приходится быть пассивнымъ зрителемъ этихъ столкновеній, не принимая въ нихъ никакого участія. Въ Позитивной Политикѣ Контъ открыто отказался отъ этой пассивной роли и, при помощи субъективнаго метода, попытатся перекинуть мостъ отъ науки къ жизни. Мостъ вышелъ непрочный, но это отнюдь не значитъ, что можно обойтись совсѣмъ безъ моста. До какой степени Контъ и въ своемъ курсѣ философіи былъ близокъ къ тому, чтобы ввести въ свою систему человѣка, *какъ цѣлостное недѣлимое*, центромъ не только теоретическихъ, а и практическихъ вопросовъ, т.-е. связать научнымъ образомъ вопросы о теоретической истинѣ съ вопросами о практическомъ благѣ, и до какой степени ему тѣсно было въ путяхъ объективнаго метода въ социологии, — это видно изъ слѣдующихъ словъ, которыя мы боимся испортить переводомъ:

«Chez la classe speculative l'élévation de l'âme et la générosité des sentiments peuvent difficilement se développer sans la généralité des pensées, d'après l'affinité naturelle qui *doit* y exister

entre les vues étroites ou dispersives et les penchants égoïstes» (t. VI, 387).

«L'intime dégénération, indiquée par de tels symptômes confirme l'état purement provisoire d'une classe spéculative où l'actif sentiment du devoir a dû s'affaiblir au même degré que le véritable esprit d'ensemble, et chez laquelle on remarque, en effet, aujourd'hui, encore plus que partout ailleurs, une systematique prépondérance de la morale métaphysique fondée sur l'intérêt personnel. Bientôt, peut être, la science elle même en sera profondément atteinte, soit parce qu'une trop avide concurrence menace d'y déterminer, chez des natures trop inférieurs, une altération volontaire de la vérocité des observations, soit à cause de la surexcitation qu'une cupidité croissante est exposée à y recevoir des relations plus directes et plus actives entre les spéculations scientifiques et les opérations industrielles» (VI, 393).

Эта невозможность высокаго нравственнаго уровня при отсутствіи общихъ взглядовъ на явленія природы; это «естественное сродство, которое *должно* существовать между узкими и односторонними научными воззрѣніями съ одной стороны и эгоистическими наклонностями съ другой»; это «ослабленіе чувства долга параллельно ослабленію цѣлостности міросозерцанія» — угаданы великимъ мыслителемъ совершенно независимо отъ его философской системы. Система эта не даетъ отвѣта на вопросъ: почему же между научною односторонностью и узкимъ эгоизмомъ должно существовать сродство? Чтѣ между ними общаго? Далѣе, не суть ли всѣ эти Клаэсы позитивисты, такъ-какъ они могутъ самымъ позитивнымъ образомъ изучать законы послѣдовательности и сосуществованія явленій? Гдѣ же въ системѣ позитивизма тотъ пунктъ, съ котораго дѣятельность Клаэсовъ достойна порицанія? Правда, позитивизмъ и съ объективной точки зрѣнія можетъ требовать нѣкоторой научной цѣлостности, такъ-какъ классификація наукъ Конта указываетъ, что каждая наука можетъ быть только тогда рационально разрабатываема, когда усвоены истины всѣхъ предъидущихъ наукъ ряда. Но, во первыхъ, если специалистъ нарушаетъ это условіе и придать къ важнымъ заключеніямъ, то позитивизмъ только и можетъ сказать, что это заключенія ложныя, но отнюдь не можетъ связать это обвиненіе съ нравственной оцѣнкой. Вотъ вторыхъ, если мы возьмемъ одну изъ низшихъ наукъ, то, по классификаціи Конта, для механика достаточно математическихъ познаній, для физика — математическихъ и механическихъ, для химика — математическихъ, механическихъ и физическихъ. Каждый изъ нихъ можетъ такимъ образомъ удовлетворять рациональнымъ требованіямъ позитивизма, но оставаться въ то же время Клаэсомъ, узкимъ специалистомъ и эгоистомъ. И какъ ни клеймить ихъ Контъ за этотъ эгоизмъ, ему приходится включать ихъ въ число позитивистовъ.

Мы вполне сознаемъ всю неудовлетворительность, неполноту

и, быть может, неясность нашего предъидущаго изложенія. Сознаніе это не доставляетъ намъ, разумѣется, никакого удовольствія. Мы хотѣли сказать нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи объективнаго метода въ социологіи и для этого намѣрены были сдѣлать «небольшое, а можетъ быть и довольно длинное отступленіе» отъ Спенсера. Отступленіе вышло и слишкомъ длинно и слишкомъ коротко, такъ-какъ намъ приходилось чуть не бѣгомъ бѣжать, а объ объективномъ методѣ въ социологіи мы все-таки сказали мало. Въ слѣдующей статьѣ мы надѣемся поправить дѣло. Однако, и здѣсь мы не совершенно удалились отъ Спенсера, потому что имѣли случай прослѣдить нѣкоторыя послѣдствія осуществленія принципа раздѣленія труда и общественныхъ дифференцированій; далѣе, говоря о Конгѣ, мы все-таки были вблизи отъ Спенсера, потому что оба они настаиваютъ на законности объективнаго метода въ социологіи и оба могутъ считаться представителями позитивизма, хотя Спенсеръ не ставитъ себя, да и не можетъ быть поставленъ въ число учениковъ Конга, и хотя послѣдній двумя головами выше перваго. Во всякомъ случаѣ, мы были бы вполне счастливы, еслибы читатель убѣдился пока въ слѣдующемъ: метафизика, т.-е. стремленіе къ уразумѣнію сущности вещей и абсолютному знанію, и крайняя специализація, которая, какъ говоритъ Фаустъ о Вагнерѣ, *froh ist, wenn sie Regenwürmer findet*, — имѣютъ одну общую причину, которая не видна съ точки зрѣнія, принятой Контомъ, и потому ему, скрѣпя сердце, приходится ставить ихъ въ различные отдѣлы своей объективной классификаціи. Общая причина этихъ двухъ, повидимому, крайнихъ противоположностей заключается въ томъ самомъ, что Спенсеръ съ объективной точки зрѣнія признаетъ социальнымъ прогрессомъ, — въ дифференцированіяхъ общества и въ томъ разладѣ, который вносится въ индивидуальную и социальную жизнь направленіемъ коопераціи по типу раздѣльнаго труда. И метафизика и специализація знаній суть результаты нарушенія цѣлостности недѣлимыхъ и безконечнаго раздробленія человѣческихъ цѣлей и интересовъ. И та и другая возможны только въ эксцентрическомъ періодѣ социальнаго развитія.

Третій великій результатъ нарушенія индивидуальной цѣлостности и гармоніи отправленій есть объективный методъ въ социологіи; имъ мы окончателно займемся въ слѣдующей статьѣ.

Бѣглость и неполнота нашего очерка могутъ поселить между нами и читателемъ нѣкоторыя взаимныя непониманія по многимъ пунктамъ. Современемъ мы надѣемся совершенно устранить это обстоятельство, но и теперь намъ хочется остановиться на одномъ изъ такихъ пунктовъ. Читатель замѣтилъ, разумѣется, что мы не особенно расположены къ эксцентрическому періоду общественнаго развитія. На пути къ счастью, человечеству остается пройти еще однѣ великія историческія ворота, надъ которыми стоитъ надпись: *человѣкъ для человѣка, все для человечества.*

За объективно-антропоцентрическимъ періодомъ отсутствія коопераціи и слабыхъ зачатковъ простаго сотрудничества, за эксцентрическимъ періодомъ преобладанія раздѣленія труда, слѣдуетъ субъективно-антропоцентрической періодъ господства простаго сотрудничества. Нѣкоторыя стороны человѣческой жизни уже вступаютъ въ этотъ періодъ; такъ позитивизмъ ввелъ въ него теоретическія отношенія человѣка къ природѣ. Поэтому, не маскируясь объективностью, мы откровенно сознаемся, что желаемъ скорѣйшаго окончанія эксцентрическаго періода, который не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, той розовой окраски, какую налагаетъ на него Спенсеръ. Но не значить ли это обругать вѣковую исторію? Не даль ли намъ именно этотъ процессъ исторіи науку, искусства, промышленность? Конечно, даль. Но нѣкоторая часть всего этого добыта простымъ сотрудничествомъ, а остальное куплено и покупается, можетъ быть, слишкомъ дорогою цѣной. Будущій историкъ напишетъ прихода-расходную книгу цивилизаціи и сведетъ эти счеты.

И такъ мы не принадлежимъ къ числу хвалителей эксцентрическаго періода, а выше мы говорили, что, между прочимъ, въ этотъ періодъ произошло распаденіе знанія теоретическаго и прикладнаго, что наука перестала здѣсь служить практическимъ цѣлямъ. Изъ этого читатель, пожалуй, можетъ вывести, что мы считаемъ наиболѣе важнымъ въ настоящее время собственно техническія знанія. Есть узколюбые утилитаристы, проповѣдующіе подобныя вещи, но мы не имѣемъ съ этими Бекончиками ничего общаго. Ружья Шаспо, пушки Армстронга, мониторы—тоже вѣдь результаты пракческаго примѣненія знаній. Инженеры, механики, техники, практическіе химики, металлурги—все это народъ несомнѣнно полезный. Но для опредѣленія ихъ истиннаго общественнаго значенія въ каждомъ частномъ случаѣ, слѣдуетъ помнить, что трудами ихъ могутъ воспользоваться тѣ, кто можетъ оплатить ихъ. Это значительно усложняетъ вопросъ. Имѣйте только въ виду, что благо человѣка есть его цѣлостность, гармонія отправленій, то-есть разнородность недѣлимыхъ и общественная однородность, что истина для человѣка лежитъ въ тѣхъ же предѣлахъ индивидуальной цѣлостности; имѣйте это въ виду и беритесь за какую угодно работу: вы не возрадуетесь когда найдете Regenwürmer, не будете скорбѣть о невозможности созерцать чистую истину и сущность вещей, и не изобрѣтете какого-нибудь новаго игольчатаго ружья.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія Я. П. Полоноваго. Два тома. Спб. 1869.

Значеніе второстепенныхъ дѣателей на поприщѣ науки и литературы немаловажно. Они полезны не только въ качествѣ вульгаризаторовъ чужихъ идей, но иногда даже въ качествѣ вполне самостоятельныхъ изслѣдователей истины. Мысль заключаетъ въ себѣ источникъ такого богатства выводовъ и примѣненій, около котораго могутъ найти для себя пищу не только такъ-называемые инициаторы, но и просто люди съ чуткимъ и воспримчивымъ умомъ. Очень часто отъ вниманія инициаторовъ ускользають подробности весьма существенныя, которыя получаютъ надлежащее развитіе лишь благодаря ихъ послѣдователямъ. Эти послѣдніе даютъ новыя подкрѣпленія возникающимъ жизненнымъ вопросамъ, проливаютъ на нихъ новый свѣтъ и отчасти даже видоизмѣняютъ ихъ. Въ этомъ случаѣ, относительное достоинство второстепенныхъ дѣателей опредѣляется, во-первыхъ, широкимъ и яснымъ пониманіемъ внутренней сущности (а не буквы только) того или другаго ученія и, во-вторыхъ, способностью развивать его и обогащать новыми выводами и примѣненіями.

Если мы ограничимъ нашу рѣчь о второстепенныхъ писателяхъ одною беллетристикою, то увидимъ, что и въ этой сферѣ сказанное выше можетъ быть приложимо съ полнымъ основаніемъ. Въ литературѣ, даже не весьма богатой, всегда существуетъ довольно количество различныхъ школъ, въ составъ которыхъ входятъ люди талантовъ весьма неравныхъ. Каждая школа имѣетъ и своего мастера, и своихъ подмастерьевъ и чернорабочихъ, но критика, конечно, была бы неправа, еслибъ однихъ мастеровъ признавала подлежащими ея суду, а писателей, идущихъ по ихъ стопамъ, оставляла въ забвеніи. Во-первыхъ, это было бы несправедливо, потому что второстепенность отнюдь еще не равняется отсутствію таланта, а означаетъ только недостатокъ почина, а во-вторыхъ, пренебреженіе къ подражателямъ можетъ сдѣлать ущербъ самому критическому изслѣдованію въ томъ отношеніи, что оставитъ безъ разъясненія тѣ характерныя стороны школы, для изученія которыхъ подража-

тели почти всегда представляют матеріалъ гораздо болѣе разнообразный и яркій, нежели сами образцы.

Что г. Полонскій писатель второстепенный и несамостоятельный, съ этимъ согласится всякій, кто прочтетъ на выдержку хоть нѣсколько строкъ изъ изданныхъ имъ нынѣ двухъ томовъ сочиненій; но ежели бы мы захотѣли опредѣлить, къ какой онъ принадлежитъ школѣ, какому образу слѣдуетъ и какииъ міросозерцаніемъ вдохновляется, то встрѣтили бы большое затрудненіе. Повидимому, онъ электикъ, то-есть беретъ дань со всѣхъ литературныхъ школъ, не увлекаясь ихъ дѣйствительно характеристическими сторонами, а ограничиваясь сферами средними, въ которыхъ всякое направленіе утрачиваетъ свои рѣзкія особенности. Такого рода приемъ, быть можетъ, весьма благоразуменъ въ томъ отношеніи, что не даетъ повода обвинять прибѣгающаго къ нему писателя въ слишкомъ наглыхъ заимствованіяхъ или въ явномъ опошленіи образцовъ, но онъ опасенъ въ томъ смыслѣ, что можетъ породить значительную долю вялости и безцвѣтности.

Въ литературномъ произведеніи нѣтъ недостатка болѣе нестерпимаго, какъ вялость и безличность. Преувеличеніе, напыщенность, шаржи приводятъ читателя въ негодованіе, но иногда могутъ даже подкупить его; вялость всегда оставляетъ его равнодушнымъ. Подражатель наименѣе самостоятельный найдетъ больше участія въ публикѣ, нежели блѣдный электикъ, производящій свое литературное взяточничество втихомолку со всѣхъ злаковъ, произрастающихъ на литературной нивѣ. Встрѣчаясь съ первымъ, публика знаетъ, что она услышитъ напоминаніе того, что ей почему-либо дорого или почему-либо ненавистно; ей кажется, на примѣръ, что г. Авдеевъ совсѣмъ не г. Авдеевъ, а просто псевдонимъ Тургенева, подъ которымъ послѣдній издаетъ свои произведенія поплоче, но отчего же не почитать ей и плохихъ произведеній Тургенева? Напротивъ того, встрѣчаясь съ электикомъ, она рискуетъ услышать одно безсодержательное сотрясеніе воздуха. Безконечная канитель словъ, связь между которыми обусловливается лишь знаками препинанія; несносная пугливость мысли, не могущей вызвать ни одного опредѣленнаго образа, формулировать ни одного яснаго понятія; туманная расплывчивость выраженія, заставляющая въ каждомъ словѣ предполагать какую-то непріятную загадку — вотъ все, чѣмъ можетъ наградить своего читателя второстепенный писатель-электикъ.

Г. Полонскій очень мало извѣстенъ публикѣ, и это, какъ намъ кажется, совсѣмъ не потому, что онъ писатель только второстепенный, а потому, что онъ, благодаря своей скромности, записалъ себя въ число литературныхъ электиковъ. Съ именемъ каждаго писателя (или почти каждаго) соединяется въ глазахъ публики представленіе о какой-нибудь фізіономіи, хорошей или плохой; съ именемъ ѱ. Полонскаго не

сопрягается ничего опредѣленнаго. Во внутреннемъ содержаніи его сочиненій нѣтъ ничего, что поражало бы дикостью; напротивъ того, онъ любитъ науки и привязанъ къ добродѣтели, онъ стоитъ почти всегда на сторонѣ прогресса, и все это, однакожь, не только не ставится ему въ заслугу, но просто-на-просто совѣмъ не примѣчается. Начните читать любое стихотвореніе этого автора и, вы можете быть увѣрены, что во время чтенія будете чувствовать себя довольно хорошо; но когда вы кончите, то непременно спросите себя: что-жь дальше? Конечно, это вопросъ совершенно праздный, ибо если г. Полонскій будетъ продолжать говорить тридцать лѣтъ сряду, онъ все-таки никогда не упразднитъ вопроса: что-жь дальше? но какъ хотите, а неизбѣжность подобнаго вопроса не лишена своего значенія. Вѣдь ежели бы всѣ русскіе авторы писали такъ, что за прочтеніемъ ихъ произведеній непременно слѣдовало бы требованіе: дальше! то это равнялось бы упраздненію русской литературы и, сверхъ того, изнурило бы самихъ авторовъ безъ всякой для дѣла пользы.

Прочтите, напримѣръ, слѣдующее стихотвореніе, которое по-ложительно можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ во всемъ собраніи.

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ —
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства! (?)
Крики толпъ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много ли дѣлъ мы запишемъ?
Много ли словъ? —

Словъ разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и только при немъ
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Кончено или не кончено? или разъясненія загадки должно ожидать въ слѣдующемъ номерѣ? Постараемся, однакожь, разгадать ее теперь же.

«Царство науки не знаетъ предѣла» — это такъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что мы, современники, этого предѣла указать не можемъ. «Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ» — и это такъ, хотя тоже не безусловно, ибо намъ извѣстны цѣлыя учрежденія, которыя заведены именно съ цѣлью противодѣйстви-

вать побѣдамъ наукъ и, слѣдовательно, носить на себѣ лишь въ весьма слабой степени слѣды этихъ побѣдъ. «Разума слово и дѣло, сила и свѣтъ» — это ужь совсѣмъ не такъ, ибо не наука родоначальница разума, а разумъ родоначальникъ науки. «Гордая Муза! не бойся коварства» и т. д. Это тоже совсѣмъ не такъ: вопервыхъ, съ какой тутъ стати приплетено «коварство»? вовторыхъ, если видны «всюду слѣды ея (науки) вѣчныхъ побѣдъ», то, стало быть, не для чего и ревизовать толпу, потому что она несомнѣнно составляетъ часть этого «всюду», а тѣмъ болѣе, поручать эту ревизію Музѣ, которая двухъ фразъ сряду не можетъ сказать, чтобы не впасть въ противорѣчіе. «Въ темной толпѣ мы не много услышимъ» и т. д. Да, дѣйствительно, услышите очень мало, но потому-то именно и не слѣдуетъ обращаться къ «темной толпѣ», если желаешь что-нибудь услышать, кромѣ «ура». «Міру, какъ новое солнце, сіяетъ» и т. д. Въ этихъ четырехъ стихахъ что ни слово, то загадка. Для чего нуженъ свѣточъ науки для Музы, которая не можетъ связать двухъ понятій? для чего только при этомъ свѣточѣ Муза «чело украшаетъ свѣжимъ вѣнкомъ»? почему непременно «свѣжимъ», а не просто вѣнкомъ? по поводу чего все это взбрело въ голову? какая связь между наукой и украшеніемъ чела Музы свѣжимъ вѣнкомъ?

И, наконецъ, все-таки что-жъ дальше? Ну, положимъ, «свѣточъ науки сіяетъ» и «Муза при немъ украшаетъ» — неужто-жъ этимъ дѣло и покончено? Куда же дѣвалась «темная толпа», которую вы только что вывели на сцену? или это было только вводное предложеніе, или просто-на-просто бессознательная модуляція голоса, нужная для того, чтобы не сразу придти къ изображенію Музы, «украшающей чело»? А между тѣмъ, сдѣлать это сразу было бы гораздо естественнѣе и стихотвореніе много выиграло бы, еслибъ было напечатано въ слѣдующемъ видѣ:

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ. ;

затѣмъ двѣ строки точекъ, какъ будто вымарала цензура, и продолжаемъ такъ:

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и только при немъ
Муза...

опять двѣ строки точекъ, дабы читатель могъ думать, что, благодаря свѣточу науки, Муза перестаетъ вѣтреничать и дѣлается способною къ логическимъ выводамъ.

Намъ могутъ сказать: помилуйте! да вѣдь это поэзія! можно ли строго съ нея взыскивать! Позвольте, милостивые государи! Конечно, вопросъ о соглашеніи поэзіи съ здравымъ смысломъ еще не разрѣшенъ вполне, но все-таки намъ кажется, что тѣ имѣютъ очень фальшивый взглядъ на поэзію, которые не видятъ въ ней ничего противнаго бессмыслицѣ. Пора, наконецъ,
Т. СЛXXXVI. — Отд. II.

приучаться употреблять слова въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, пора и поэтамъ понять, что они должны прежде всего отдать самимъ себѣ строгій отчетъ въ томъ, что они желаютъ сказать.

Записки о современныхъ вопросахъ Россіи, составленная Григоріемъ Палеологомъ. Спб. 1869 г.

Когда наши дѣдушки писали свои мемуары, то въ нихъ можно было встрѣтить только такого рода отиѣтки, которыя ни прямо, ни косвенно не касалась политической современности. «Тогда-то выпалъ градъ, съ голубиное яйцо», «тогда-то былъ въ гостяхъ, изъ которыхъ воротился довольно-таки веселъ» — вотъ незатѣйливые факты, за предѣлы которыхъ не переходила скромная литературная дѣятельность добрыхъ хранителей нашей юности. Они слишкомъ высоко цѣнили значеніе литературы, чтобы вносить въ занятіе ею какіе либо раздражающіе элементы; сверхъ того, они и потому уже обязывались быть воздержными въ разглагобствіяхъ, что ареною для ихъ литературной дѣятельности обыкновенно служили бѣлые листки, велеваемые въ академическій календарь предусмотрительною его редакціей. Имъ они обязывались повѣрить сполна всѣ свои горести и радости, а такъ-какъ число бѣлыхъ листковъ было ограничено, то весьма естественно, что это обстоятельство сдерживало порывы старческой болтливости въ предѣлахъ благоразумія.

Нынѣ, все это измѣнилось. 19-го февраля 1861 года выпалъ такой градъ, величина котораго равнялась яйцу гусиному; дѣдушки поѣхали въ гости и въ первый разъ въ жизни воротились изъ оныхъ не веселы; они поѣхали при звукахъ пѣсни:

Ладушки! ладушки!

Гдѣ были? — у бабушки!

но въ гостяхъ ихъ поподчивали такою неслыханною страпнею, что старички, не дождавшись ни «кашки», ни «бражки», разѣхались по домамъ, изумленные, голодные и недовольные. Мысли ихъ внезапно усложнились; въ ихъ лексиконъ насильственно вторглись невѣдомыя дотолѣ слова. «Эмансипація», «реформа», «антагонизмъ» — вотъ выраженія, которыми въ то время наиболѣе украшалась рѣчь русскаго человѣка. Для насъ, свидѣтелей иной современности, значеніе этихъ словъ, конечно, раскрылось на столько, что невредность ихъ сдѣлалась очевидною для каждаго; но въ то время они были еще очень таинственны, а извѣстно, что ничто такъ не угрожаетъ и не устрашаетъ, какъ таинственность, къ которой никто не рѣшается подойти, предполагая за нею Богъ вѣсть какія чудеса.

Долгое время старички вѣрили и повѣряли свою тоску все фѣмъ же бѣлымъ календарнымъ листочкамъ, начертывая на нихъ такты антагонизма, нашедшаго для себя исходъ въ неисправной

чистѣ сапоговъ и неучтивомъ подаваніи тарелокъ. Но постепенно поощряемые дешевизною бумаги и благосклонною снисходительностью начальства, они ободрились и начали предавать свои замѣтки тисненію, дѣлая такимъ образомъ публику соучастницею ихъ невинныхъ измышленій. Сколько помнится, первыми, робкими дѣятелями на этомъ поприщѣ явились И. Н. Безобразовъ и Гр. Бланкъ; за ними послѣдовали «Московскія Вѣдомости», имѣя во главѣ публициста В. Ржевскаго, но послѣдовали, должно сказать правду, нерѣшительно, и очевидно смѣшивая эмансипацію съ ненавистнымъ имъ сепаратизмомъ и нигилизмомъ; наконецъ, органъ крупныхъ землевладѣльцевъ «Вѣсть» привелъ это дѣло въ совершенную ясность, отдѣливъ его отъ нигилизма и сепаратизма, и сдѣлавъ арену «реформъ» доступною для всѣхъ желающихъ. Благодаря постояннымъ усиленіямъ этого почтеннаго органа, всякій желающій можетъ нынѣ свободно бесѣдовать съ публикой о какой угодно реформѣ, ни мало не стыдась и даже не стѣсняясь правилами правописанія.

Еслибъ книга г. Палеолога, заглавіе которой выписано нами выше, была издана въ 1861 или даже въ 1862 году, то появленіе ея можно было бы счесть гражданскимъ подвигомъ. Въ то время, Россія, въ буквальномъ смыслѣ слова, изнемогала подъ бременемъ усиленныхъ надеждъ, возбужденныхъ крестьянскою реформой, и тѣми преобразованіями, которыя ожидались вслѣдъ за нею. Всѣ ждали, всѣ говорили: золотой вѣкъ не позади насъ, а впереди, вотъ здѣсь, сейчасъ подать рукою; всѣ надѣялись вкусить отъ плодовъ вольнонаемнаго труда. Въ такую горячую минуту, услышать отрезвляющее слово, сказанное хотя и неувѣреннымъ голосомъ, было, конечно, далеко не бесполезно, и многіе были бы весьма признательны автору за то, что процессъ охлажденія, благодаря его содѣйствію, совершился бы пятью минутами раньше, нежели онъ совершился въ дѣйствительности. «Опомнитесь, безумцы! могъ бы сказать г. Палеологъ тогдашнимъ энтузіастамъ: — знаете ли вы, къ чему, напримѣръ, поведетъ проповѣдуемая вами отмѣна тѣлесныхъ наказаній!» — и затѣмъ ему стоило бы только нарисовать мрачную картину своеволія, пьянства, дикаго разгула и лѣности, краски для которой всегда имѣются въ готовности на палитрѣ любого доморощеннаго Тенъера, чтобы энтузіастъ самый пламенный немедленно охладѣлъ. Это былъ бы подвигъ. Но нынѣ, подобныя угрозы совершенно утратили свое воспитательное значеніе: впервыхъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, въ тѣхъ рѣзкихъ формахъ, которыя наиболѣе возмущали нравственное чувство, есть фактъ уже совершившійся, и слѣдовательно возвращаться къ нему значитъ только дразнить самого себя, а во вторыхъ, мы и безъ угрозъ достаточно отрезвились, чтобы понять, какую услугу можетъ принести наказаніе на тѣлѣ въ видахъ укорененія нравственности и чувства долга въ тѣхъ, для коихъ нравственность и чувство долга останутся неразрѣшимой загад-

кой до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ введены въ нѣхъ сознание путемъ спины.

Сочиненіе г. Палеолога можно назвать полною энциклопедіею по части реформъ послѣдняго времени. Ничто не минуло его проницательности, начиная отъ вопроса о вольнонаемномъ трудѣ, и кончая вопросомъ о заготовленіи провіанта и фуража для войскъ; на какихъ нибудь 260 страницахъ онъ посѣтилъ мысленно всѣ закоулки нашего государственнаго устройства и всякой замѣченной имъ подробности успѣлъ дать хотя не очень сложную, но вполне откровенную оцѣнку. Не надо думать, что почтенный авторъ относится къ реформамъ съ порицаніемъ; онъ слишкомъ учтивъ для того, чтобъ позволить себѣ такую безтактность, и потому всякой оцѣнкѣ неизмѣнно предпосылаетъ нѣсколько сочувственныхъ и благопожелательныхъ словъ. Но онъ не энтузіастъ, и не можетъ быть таковымъ, потому, что этому препятствуетъ тотъ здравый принципъ, изъ котораго онъ выходитъ, и который заставляетъ его подъ каждымъ цвѣткомъ прежде всего усматривать змѣю. Этотъ принципъ, заключающійся въ томъ, что всякому государству слѣдуетъ давать только то, чего оно заслуживаетъ, проводится имъ очень тонко и осторожно. «Для нравственнаго обсужденія политическихъ и административныхъ вопросовъ, говоритъ онъ, прежде всего нужно опредѣлить основное начало извѣстнаго государственнаго строя, и съ этой точки зрѣнія разсматривать ту или другую административную мѣру», и затѣмъ объясняетъ, что основное начало русскаго государственнаго строя, есть самодержавіе. Съ этимъ положеніемъ, конечно, невозможно не согласиться, потому что оно неотразимо подтверждается и свидѣтельствомъ исторіи и не менѣе непререкаемымъ свидѣтельствомъ Свода Законовъ Россійской Имперіи. Остается, стало быть, приступить къ разсмотрѣнію каждой реформы въ отдѣльности, и показать, согласны ли сдѣланныя въ послѣднее время самодержавною властью преобразованія съ тѣми основными принципами, на которыхъ она покоится?

Но тутъ-то именно и доказалъ г. Палеологъ, что онъ или недостаточно уяснилъ себѣ ту задачу, которую самъ себѣ сгоряча поставилъ, или слишкомъ поверхностно отнесся къ ней. Вышедши изъ того здраваго принципа, что не основное начало должно искать соглашенія съ подробностями государственной жизни, а на оборотъ, онъ, вполнѣ въ слѣдствіи, совершенно удаленъ отъ своей исходной точки и приступилъ къ разсмотрѣнію реформъ вполнѣ независимо отъ идеи, которая, повидимому, руководила имъ первоначально. Отъ этого у него и вышло не изслѣдованіе, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, а просто блужданіе безъ всякой опредѣленной цѣли, кромѣ желанія высказать нѣкоторые личные взгляды и мнѣнія, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Ему слѣдовало бы показать, въ какомъ отношеніи находится къ принципу власти каждая изъ дарованныхъ

ею же реформъ, а онъ, вмѣсто того, ограничился только изложениемъ своихъ личныхъ вкусовъ. Подрываетъ, или напротивъ усиливаетъ власть такая, напримѣръ, административная мѣра, какъ смягченіе дисциплинарныхъ наказаній въ войскахъ? или введеніе системы военно-окружныхъ управленій? или отмена откуповъ? — вотъ, что предстояло разрѣшить почтенному публицисту, но, къ сожалѣнію, мы напрасно стали бы искать въ его книгѣ отвѣта на эти важные вопросы, ибо г. Палеологъ, поставивъ ихъ въ предисловіи къ своимъ критическимъ этюдамъ, не только забылъ объ нихъ впоследствии, но исключительно наполнилъ свое сочиненіе довольно безсвязными толками на тему: что русскому здорово, то нѣмцу смерть, или, лучше сказать, на знанію этой темы.

Нечего и говорить, какъ было бы любопытно, еслибъ г. Палеологъ въ своей критикѣ реформъ удержался на высотѣ принципа, высказаннаго имъ въ предисловіи. Мы, конечно, узнали бы многое, о чемъ и «не снилось нашимъ мудрецамъ», и узнали бы именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ это всего болѣе должно насъ интересовать. Какая нужда намъ до мнѣнія автора, что акцизная система распространила въ Россіи пьянство въ ужасающихъ размѣрахъ, или до того, что смягченіе дисциплинарныхъ взысканій заставило командировъ отдѣльныхъ частей, какъ увѣряетъ почтенный авторъ, «записывать какъ можно больше подчиненныхъ въ штрафной журналъ», дабы пріобрѣсти этимъ право наказывать на тѣлѣ большее число людей? Что все это, какъ не жалкія подробности, все значеніе которыхъ зависитъ отъ большей или меньшей степени согласія ихъ съ «основнымъ началомъ»? Для насъ важны не пьяные, изнемогающіе подъ игомъ безсознательности, и не нижніе чины, вновь попадающіе, благодаря ловкости командировъ отдѣльныхъ частей, въ ту область тѣлесныхъ наказаній, изъ которыхъ они извержены закономъ; для насъ важенъ вопросъ: ослабляетъ ли распространеніе пьянства то основное начало государственнаго устройства, о которомъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, или напротивъ того усиливаетъ его? соответствуетъ ли сохраненію этого начала эманципація челоувѣческой спины или не соответствуетъ?

Повторяемъ: авторъ не захотѣлъ или не сумѣлъ удержаться на той принципиальной высотѣ, которую самъ себѣ указалъ вначалѣ, и заставилъ читателей довольствоваться его личными вкусами и воззрѣніями на реформы нынѣшняго царствованія. Можетъ быть, онъ вынужденъ былъ поступить такъ потому, что довольно трудно провести ясную связь между пьянствомъ, напримѣръ, и основнымъ началомъ какого бы то ни было государственнаго строя; но въ такомъ случаѣ было бы лучше или совсѣмъ не трогать подобныхъ задачъ, или прямо сказать: не нравятся мнѣ эти реформы, не потому, чтобы я что нибудь въ нихъ понималъ, а потому что кругомъ онѣ меня обидѣли и

изнурили. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступили бы наши дѣдушки, о которыхъ мы упоминали въ началѣ нашей статьи. Но нынче, повидимому, такъ поступать нельзя, ибо подобное отношеніе показалось бы слишкомъ наивнымъ. Нынче вездѣ необходима инсинуація, вездѣ прежде всего потребно указать на злоумышленіе, бунтъ и измѣну. Нѣтъ нужды, что эти инсинуація лишены всякой логической послѣдовательности, что онѣ привлекаютъ къ бунту то самое «основное начало», противъ котораго предполагаются направленными злоумышленія, выраженные реформами, — наши инсинуаторы не формализируются подобными бездѣлицами, какъ отсутствіе логики и здраваго смысла. Они надѣются, что главная суть ихъ инсинуацій будетъ понятна, несмотря на оговорки, которыя ее запутываютъ, что ихъ задача въ томъ только состоитъ, чтобы въ данный промежутокъ времени выпустить какъ можно больше всякаго рода хульныхъ и бессодержательныхъ словъ, а тамъ, дескать, и безъ насъ разберутъ, что до кого относится. И должно сознаться, что эти надежды не всегда лишены основанія, и что успѣхъ «хульныхъ словъ» вовсе не обуславливается ихъ доказательностью.

Чтобы читатель могъ судить, до какой степени неприхотливы вкусы и требованія г. Палеолога, выпишемъ здѣсь хоть одинъ образчикъ взглядовъ его на предметы, на счетъ которыхъ онъ взялъ на себя трудъ поучать публику. Вотъ, напримѣръ, что онъ говорить по поводу смягченія дисциплинарныхъ взысканій въ нашихъ войскахъ, смягченія, несомнѣнно обусловленнаго не одними требованіями гуманности, но и соображеніями прагматическаго опыта.

«По нынѣ дѣйствующему уставу, ротный командиръ и эскадронный могутъ подвергать тѣлесному наказанію только штрафованныхъ. Уже непрактично то, что здѣсь нарушается равенство правъ между нижними чинами»...

Далѣе:

«Не лучше ли было бы оставить въ рукахъ ротныхъ и эскадронныхъ командировъ право тѣлеснаго наказанія? Это лучше уже потому, что такъ дѣло было бы прямѣе и равномернѣе. Всѣ нижніе чины *были бы равны между собой*, безъ этой разности правъ штрафованныхъ и не штрафованныхъ»...

И еще далѣе:

«Мы предвидимъ и знаемъ, какъ гуманные теоретики напустятся на насъ за то, что мы сейчасъ сказали»...

Мы не будемъ оспаривать взглядовъ, заключающихся въ приведенныхъ выше краткихъ выдержкахъ, но считаемъ своею обязанностью предостеречь г. Палеолога, что сказанное имъ о необходимости тѣлесныхъ наказаній можетъ быть истолковано совершенно противно намѣреніямъ автора. Употребляя столь охотно слово «равенство», онъ можетъ ввести въ заблужденіе читателя, и прослыть за демагога и тайнаго поборника тѣхъ разрушительныхъ идей, которыя обмѣновенно отводятся въ

удѣлъ «гуманнымъ теоретикамъ». Что нужно, что его «равенство» совсѣмъ особое, что оно влечетъ за собою лишь одинаковое для всѣхъ право пользоваться наказаніемъ на тѣлѣ: читателя нельзя заставить быть проворливымъ, какъ равно и нельзя ограничить область его понятій о равенствѣ одною сферою тѣлесныхъ наказаній. Если онъ испыталъ на себѣ силу тагъ-называемаго «сдѣленія идей», то легко можетъ отнестись для идеи «равенства» и другія примѣненія, о которыхъ, быть можетъ, почтенный авторъ совсѣмъ даже не помышляетъ.

Психо-физиологическіе этюды А. Бэна, *профессора логики въ Эбердинскомъ университетѣ, переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. Изданіе «Русской книжной торговли». С.-Петербургъ. 1869 г.*

Небольшая книжечка подъ этимъ заглавіемъ заключаетъ въ себѣ два небольшихъ очерка, знаменитаго эбердинскаго изслѣдователя: «Чувства и воля съ физиологической точки зрѣнія» и «Умъ съ физиологической точки зрѣнія», извлеченные переводчикомъ изъ «Fortnightly Review» (Двухнедѣльное обозрѣніе) 1866 года. Въ обоихъ очеркахъ — авторомъ только слегка намѣченны вопросы, изученію которыхъ, онъ посвящаетъ свою дѣятельность, тагъ что они представляютъ собою только какъ бы журнальную программу его работъ. Съ какою цѣлью, для кого и для чего переводилъ ихъ г. Резенеръ, ни онъ, ни его издатель, къ сожалѣнію, не объясняютъ. Для занимающихся психофизиологіей они, по всей вѣроятности, не составляютъ новости; въ научномъ смыслѣ — интересны только какъ конспектъ, для чтенія же просто образованной публики — по своей краткости и потому, что для усвоенія и оцѣнки идей Бэна необходимо предварительное и основательное знакомство со всѣми новѣйшими открытіями и изслѣдованіями въ области нервной физиологии — едва ли пригодны. Что, напримѣръ, пойметъ обыкновенный читатель изъ замѣчанія Бэна, по поводу необходимости допущенія для каждаго нервнаго волокна, выходящаго изъ органовъ ощущенія или направляющагося къ членамъ и органамъ движенія — существованія десяти, а можетъ быть и ста тысячъ волоконъ, проходящихъ черезъ головной мозгъ, что при этомъ невозможно избѣгнуть предположенія, что *corpora striata* (обратившіяся еще въ добавокъ въ переводѣ въ *corpora strata*) и *thalami optici*, которыми большой стволъ мозга распространяется въ бѣломъ веществѣ полушарій, представляетъ главныя среды этого необходимаго процесса размноженія? Что пойметъ онъ, напримѣръ, въ теоріи перекрестныхъ соединеній, допускаемой Бэномъ для его гипотетическаго объясненія памяти и т. д. Мы нисколько не противъ изданія книгъ, подобныхъ книгѣ Бэна, но только желали бы, чтобы люди, берущіеся ихъ переводить, снабжали ихъ необходимыми объясненіями и примѣчаніями, положительно у насъ необходимыми. Психофизиология — наука еще

едва олагающаяся, имѣющая въ близкомъ будущемъ принести неоспоримо благотворные результаты, и знакомить съ ея выводами публику, дѣло весьма полезное, но для этого необходимо, чтобы переводчики сами стояли на высотѣ избраннаго ими предмета. Психо-физиологическія изслѣдованія требуютъ громаднаго умственнаго навыка и значительнаго запаса предварительныхъ знаній. Популярная ихъ передача для публики требуетъ особеннаго умѣнья, и для того, чтобы заинтересовать ея незнающихъ, необходимо въ сочиненіяхъ этого рода начинать съ азовъ, т.-е. съ объясненія, что физическое и физиологическое объясненіе отправления духа нисколько не препятствуетъ метафизическому пониманію духа *ad libitum*, нисколько не ведетъ къ матеріализму, котораго люди такъ боятся, и съ ознакомленія незнающихъ со всѣмъ рядомъ работъ, предпринятыхъ со времени великаго открытія Чарльза Бэля—Эренбергомъ, Миллеромъ, Рорбергомъ и т. д. Только притакомъ условіи—для публики, незнающей физиологіи, станетъ понятно, почему *болше строгіи гипотезы* психо-физиологовъ гораздо устойчивѣе, нежели подобныя же менѣе вѣротныя абстракціи трансценденталистовъ, метафизиковъ и послѣдователей чистаго разума. Физическій взглядъ на проявленія духа—гораздо менѣе распространенъ между массами, нежели это можетъ показаться человѣку, обладающему естественпо-историческимъ образованіемъ, хотя послѣднему и кажется страннымъ, какъ это такіа простыя и очевидныя для него положенія не дѣлаются по своей очевидности общимъ достояніемъ. Въ этомъ смыслѣ и самъ Бэнъ заблуждается и увлекается. Такъ на 2-й страницѣ онъ говоритъ: *ограниченіе отправления духа законами міра матеріальнаго составляетъ истину, признающую во всемъ ея объемъ лишь недавно* и т. д. Увы! это *недавно* можетъ быть отнесено только къ небольшому кружку нѣкоторыхъ изъ естествоиспытателей; большинство же даже между ними, не говоря уже о массахъ, едва-ли до сихъ поръ признаетъ эту истину «во всемъ ея объемѣ!» Еслибы это было иначе, то самому Бэну не приходилось бы начинать своего перваго этюда съ вопроса: «часто спрашиваютъ: какое значеніе имѣетъ изученіе физическихъ явленій, сопровождающихъ отправление духа, для познанія самаго духа?»

Объ опредѣленіяхъ Бэна чувства, воли и мысли, мы здѣсь распространяться не станемъ. Говорить коротко о подобныхъ серьезныхъ предметахъ нельзя, не рискуя впасть въ неполноту и неясности. Скажемъ коротко, что заслуги Бэна въ области изученія механизма нематеріальныхъ отравленій неоспоримы, но и онъ, подобно другимъ психо-физиологамъ, впадаетъ въ ихъ общій недостатокъ, слишкомъ скорого примѣненія своихъ выводовъ къ практикѣ. Хотя подобный недостатокъ и объясняется весьма понятно, страстнымъ желаніемъ видѣть какъ можно скорѣе водвореніе рациональнаго порядка во всѣхъ областяхъ дѣйствительной жизни, но онъ можетъ, приложеніи на практикѣ,

привести ко множеству печальныхъ ошибокъ и недоразумѣній, довѣющихъ не улучшить, а ухудшить частныя судьбы людей. Въ этомъ смыслѣ не можемъ не обратить вниманія читателей на слѣдующее мѣсто изъ перваго этюда Вэна (стр. 45—48):

«Физическая теорія удовольствія и страданія (едино-истинная, прибавимъ мы отъ себя) имѣетъ прямое значеніе въ наказаніи и тюремной дисциплинѣ. Мнѣ случилось присутствовать при обсужденіи послѣдняго предмета въ одномъ изъ отдѣленій британской ассоціаціи, на сходѣ въ Манчестерѣ, въ 1861 году. Ораторы старались предложить способы наказанія мучительно-устрашающіе, и, однако, безвредные для здоровья преступниковъ. (!) Убѣжденіе въ истинности излагаемаго мною теперь ученія заставило меня замѣтить, что предположенная цѣль отнюдь не противорѣчна. (Вэну просто не хотѣлось молчать и во что бы ни стало желалось отличиться своимъ мнѣніемъ). Если между причиненіемъ страданія и уничтоженіемъ жизненной силы есть промежутокъ, то самый узкій. (Неужели же рационально отводить этотъ узкій промежутокъ грубому незнанію, когда и знанію, конечно, не легко свободно въ немъ обращаться?). Если вполне справедливо первое изъ изложенныхъ выше правилъ (связь удовольствія, съ сохраненіемъ жизненной силы и пр.), то не можетъ быть никакого промежутка. Но, *казалось бы*, (!) что принимая второе правило (возбужденія), можно дѣйствовать предложеннымъ способомъ. О возбуждающихъ средствахъ нельзя принять за общее правило, что они увеличиваютъ жизненную силу; обыкновенно они клонятся къ разрушенію ея, а часто и разрушаютъ ея».

«Слѣдовательно, объ устраненіи стимуловъ—въ видѣ алкоголя, табаку, чаю, веселыхъ свѣта и зрѣлищъ, звуковъ, дѣятельной жизни общества, *развлекающаю чтенія* (!) — нельзя сказать, чтобы оно непремѣнно подавляло жизненныя силы (т.-е. собственно процессъ жизни растительной?). *Можетъ быть*, оно представляетъ способъ ихъ сохраненія (въ видѣ консерва или набальзамированнаго трупа? И какъ вообще хорошо это — *можетъ быть*, при обсужденіи вопроса, рѣшеніе котораго въ ту или другую сторону можетъ узаконить или устранить цѣлый рядъ страданій тысячъ и десятковъ тысячъ людей!). Тѣмъ не менѣе, если стимулы устраняются до такой степени, что въ нихъ является страстная потребность (а какъ же иначе, если они до того составляли потребность, обусловленную и узаконенную привычкою?), въ противномъ же случаѣ лишеніе не караетъ, то это томящее состояніе представляетъ внутреннюю борьбу, которая ослабляетъ общую жизненность (то-то!). Если по прошествіи нѣкотораго времени томленіе замираетъ, то подавленіе жизненности превращается, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляется и наказаніе (а человекъ-то успѣлъ уже обратиться въ трупъ). Тогда опять, повидимому, приѣненіе *здороваго страданія* (?) въ точности попадало бы въ цѣль (!): къ тому служили бы,

напримѣръ, холодныя купанья (воскресіія души прежнихъ съумасшедшихъ домовъ?), хорошо провѣтриваемыя и умѣренно отапливаемыя *кельи*, чистота, умѣренная пища, постоянныя занятія и правильность жизни. Но, пока преступникъ не относится къ этимъ различнымъ мѣрамъ *призательно* (пока не сдѣлался идиотомъ?), онѣ болѣе подавляющія, чѣмъ благотѣльныя (слава Богу!), и если его нервная система приладится къ нимъ, т.-е. если онѣ наконецъ *предѣляютъ* преступника, то перестаютъ быть навазаніями. При обсужденіи вопроса, одинокъ изъ ораторовъ—какъ я думаю, официально связанный съ одною изъ лондонскихъ тюремъ—замѣтилъ, что, вообще у освобожденныхъ преступниковъ организація разстроена (не приспосабливается къ «узкому промежутку!»). Бывало утверждаемо и противное (еще бы! для такихъ утверждений вѣдь нѣтъ необходимости въ знаніи психо-физиологіи!); я попытаюсь *примириить* *оба эти заявленія*, принявъ, принявъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда заключеніе дѣйствуетъ *какъ серьезное наказаніе*, разстройство организаціи почти несомнѣнно (но тогда причѣмъ же психо-физиологическій эклектизмъ?). Тотъ же самый ораторъ замѣтилъ, что тѣлесное наказаніе представляетъ то преимущество передъ тюремнымъ заключеніемъ, что, будучи сильною устрашающею болью, оно не причиняетъ въ той же степени постоянного вреда (увы! въ этомъ смыслѣ, пожалуй, лучше уже быть сторонникомъ тѣлеснаго наказанія, чѣмъ горячимъ психо-физиологомъ!)»

Вотъ образчикъ, какимъ образомъ логика отомщаецъ за нарушение своихъ законовъ. Бэнъ конечно полагаетъ, что все, нами выписанное, подрѣзываетъ его печальное и недодуманное мнѣніе, а между тѣмъ, едва-ли найдется много ораторовъ, которые перешеголяли бы эбердинскаго учителя въ умѣніи подобрать столько доказательствъ, не подрѣзывающихъ ихъ положеніе, а прямо его опровергающихъ и ему діаметрально противорѣчащихъ. Какъ дѣльный психо-физиологъ, Бэнъ, конечно, когда-нибудь да отважится отъ всей этой тирады, и намъ кажется, что г. Резенеръ, въ своемъ переводѣ, если онъ человѣкъ просвѣщенный, могъ бы всего этого мѣста не переводить. Этюды Бэна — отъ этого ровно ничего не потеряли бы.

Тэнъ. Критическіе опыты, переводъ подъ редакціей В. Чуйко. Спб. 1860 г.

Публика наша достаточно знакома съ Тэномъ по брошюрѣ «Философія искусства», изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ редакціей того же г-на Чуйко. Брошюрка эта знакомитъ съ общею теоріею и методомъ, которые Тэнъ владетъ въ основаніе анализа искусства. Въ теоріи Тэна лежитъ много живаго и вѣрнаго, несмотря на кой-какіе остатки умозрительныхъ доктринъ, а методъ Тэнъ предлагаетъ чисто естественно-научный: по его мнѣнію, на произведенія искусства слѣдуетъ смотрѣть

такъ же, какъ и на любое произведеніе природы: они являются продуктомъ среды, времени, общественнаго склада, климата, и проч., и чтобы понять, почему кавал-либо школа литературы или живописи явилась въ данный моментъ, необходимо тщательно изслѣдовать почву, на которой она возникла.

Въ предстоящей нашему разбору брошюрѣ, читатели найдутъ примѣненіе теоріи и метода Тэна къ практикѣ. Здѣсь вы видите рядъ критическихъ статей, анализирующихъ разныя частныя явленія литературы и жизни, и читая эту книгу, вы убѣдитесь, какая большая разница проповѣдывать какой-нибудь методъ въ теоріи и слѣдовать ему на практикѣ. Не составляетъ большой трудности сказать: будемъ держаться точнаго, естественно-научнаго метода въ анализѣ произведеній искусства, будемъ анализировать произведенія на основаніи тѣхъ разнообразныхъ причинъ, которыя создаютъ ихъ. Но, вы подумайте только, кака страшная масса причинъ лежитъ въ основѣ каждаго произведенія: въ немъ отражается и общій характеръ народа, создавшійся цѣлями тысячелѣтіями, и характеръ данной мѣстности, и характеръ эпохи, и характеръ сословія, въ которому принадлежитъ художникъ, индивидуальныя особенности послѣдняго, наконецъ, серія причинъ терается въ рядѣ тѣхъ моментальныхъ впечатлѣній, которыя переживаетъ поэтъ, подъ вліяніемъ разныхъ толчковъ жизни, въ то время, какъ пишетъ свое произведеніе. На этомъ основаніи, когда изслѣдователь имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь явленіемъ искусства, онъ долженъ собрать, по возможности, большую часть причинъ, вызвавшихъ его, тщательно взвѣсить, разграничить эти причины, и съ точностью опредѣлить ихъ. Чуть только изслѣдователь обратитъ большее вниманіе на какую-нибудь одну причину, опуститъ изъ-за нея всѣ другія, и начнетъ все объяснять на основаніи этой одной, изслѣдованіе его представитъ рядъ натяжекъ, ничего не будетъ объяснено и нечего будетъ и думать о точности положительнаго метода. Конечно, чѣмъ общѣе изслѣдуемое явленіе, тѣмъ менѣе является передъ изслѣдователемъ причинъ, создавшихъ его, и тѣмъ самое изслѣдованіе дѣлается легче. Но, если изслѣдователь разбираетъ частное явленіе, вмѣстѣ съ этимъ увеличивается масса причинъ, и тѣмъ сложнѣе становится работа, тѣмъ тщательнѣе должно быть и самое изслѣдованіе.

Но, читая критическія статьи Тэна, вы должны совершенно оставить въ сторонѣ и забыть всѣ эти требованія, которыя вы вправѣ ожидать отъ человѣка, общающаго держаться точнаго метода. Тэнъ въ своихъ статьяхъ, мало сказать, что изслѣдователь, не придерживающійся подобнаго метода, а онъ вовсе не изслѣдователь, а скорѣе художникъ, и созерцатель: онъ не столько заботится объ опредѣленіи, взвѣшеніи и разграниченіи различныхъ причинъ и слѣдствій, сколько о картинахъ, образахъ и краскахъ. Статьи его представляютъ рядъ вовсе не ученыхъ изслѣдованій, а болѣе или менѣе блестящихъ и яркихъ

характеристикъ. Нужно ли обрисовать цѣлую эпоху, характеръ отдѣльнаго человѣка или его литературную дѣятельность, Тэнъ не жалѣетъ красокъ: обладая большою эрудиціею и начитанностью, онъ разсмотритъ данное явленіе во всѣхъ его мелочахъ, обрисуетъ его передъ вами наглядно, дагеротино, во всемъ его цѣломъ и со всею массою подробностей, какъ будто вы имѣете это явленіе передъ собственными глазами; но если вы ожидаете отъ него какихъ-либо серьезныхъ научныхъ выводовъ, ожидаете, чтобы онъ объяснилъ вамъ сокровенныя причины явленія и его существенный характеръ, вы жестоко ошибаетесь: — вмѣсто этого, вы найдете рядъ блестящихъ метафоръ, риторическихъ пареній, остроумныхъ сближеній, однимъ словомъ, передъ вами брызжетъ пѣна игриваго ума, такого же шипучаго, какъ шампанское и столь же легкаго. Возьмите вы, напримѣръ, съ самаго начала — статью о буддизмѣ. Какъ характеристика буддизма, статья эта превосходитъ. Буддизмъ представляется передъ вами наглядно во всѣхъ своихъ чертахъ, со всѣхъ своихъ сторонъ. Но, все-таки, это болѣе ничего, какъ хорошая характеристика, заканчивающаяся чудовищною метафорою слѣдующаго рода: «еслибы изъ всей этой громадной путаницы, впродолженіе двадцати-пяти вѣковъ владѣющей однимъ изъ обширнѣйшихъ материковъ, мы захотѣли выдѣлить важнѣйшія черты, то могли бы сравнить его (?) съ необходимой хирургической операціею. Человѣческому звѣрству, какъ дикому, неукротимому коню, слишкомъ сильному и опасному избыткомъ своей ярости, пустили кровь изъ четырехъ ногъ; ослабленное и укрощенное этимъ, оно сдѣлалось менѣе дѣятельно, болѣе общительно, и съ этихъ поръ, оно стало менѣе творить и менѣе разрушать». Точно также и статья о Бальзакѣ. Читая эту статью, вы совершенно потонете въ массѣ подробностей: тутъ вы найдете и личный характеръ Бальзака со всѣми его мелочными привычками, узнаете даже, въ какомъ халатѣ и какихъ туфляхъ писалъ Бальзакъ свои произведенія, и характеръ парижской жизни, среди которой вращался Бальзакъ, характеръ парижскихъ гостинныхъ, кафе, улицъ и разныхъ закоулковъ времени Бальзака; затѣмъ передъ вами раскроется серія дѣйствующихъ лицъ въ романахъ Бальзака, языкъ, слогъ, характеръ изложенія, міросозерпаніе Бальзака — его взгляды нравственныя и политическіе. Но когда окончите вы читать эту статью и переберете въ своей памяти всѣ подробности столь богатой характеристики, вы почувствуете, что вамъ все какъ будто чего-то будетъ недоставать; повидимому, авторъ ничего не опустил: чего еще вамъ, если вы посвящены до такихъ мелочей въ жизнь Бальзака, какъ туфли и халатъ его, а между тѣмъ вамъ постоянно будетъ казаться, что чего-то нѣтъ въ статьѣ, и притомъ такого существеннаго, на чемъ должна основываться главнѣйшій образъъ вся статья. Это существенное, чего недостаетъ въ статьѣ Тэна, есть именно то, о чемъ онъ болѣе всего хлопочетъ: имен-

но объясненіе произведеній писателя характеромъ времени и обстоятельствъ, среди которыхъ онъ живетъ. Чтò сдѣлалъ Тэнъ для этого объясненія? Представилъ въ началѣ статьи довольно яркую картину парижской жизни;—въ этой картинѣ много, правда, живыхъ красокъ; но она одна еще не объясняетъ намъ появленія Бальзака. Картина Парижа, какъ она представлена у Тэна, приложена и къ 20-мъ годамъ, и къ 30-мъ и 40-мъ, и еслибы только Бальзакъ созданъ такимъ, какимъ онъ былъ отъ того, что былъ парижанинъ и жилъ постоянно въ городѣ съ такимъ характеромъ, то является невольно вопросъ, почему-же Бальзакъ явился только въ одномъ экземплярѣ въ данное время, почему не явилось и не является на почвѣ парижской жизни цѣлой серіи Бальзаковъ? Чтобы понять Бальзака въ данное время, необходимо было Тэну коснуться болѣе существенныхъ и основныхъ началъ, двигавшихъ умами въ то время, когда Бальзакъ жилъ. Подумайте только, каковъ былъ общій характеръ этого времени? Франція въ эту эпоху только что успѣла пережить свою первую великую революцію и находилась въ эпохѣ реставраціи. — Парижъ представлялся центромъ борьбы двухъ началъ французской жизни: буржуазнаго, которое только что восторжествовало во время революціи и не хотѣло уступить безъ борьбы выиграннаго поля сраженія, и феодальнаго, которое хотя было въ основаніи потрясено революціей, во всякомъ случаѣ было еще на столько сильно, что давало себя чувствовать. Но, несмотря на взаимный антагонизмъ—оба начала до такой степени переплетались въ жизни и входили одно въ другое, что трудно различать, гдѣ кончался предѣлъ одного и начиналось царство другого. Съ одной стороны разворонные, обнищавшіе феодалы бросались на промышленность и старались, какъ истые буржуа, спекуляціями и ажіотажемъ возвратитъ утраченное могущество, основавъ его на деньгахъ, съ другой стороны разжившіеся буржуа стремились къ созданію новаго денежнаго феодализма, мечтали о привилегіяхъ и почестяхъ на основаніи могущества своихъ капиталовъ. — Поэтому и въ нравахъ, и въ обычаяхъ, и въ понятіяхъ этого времени мы видимъ страшную путаницу и ничего рѣзко опредѣленнаго. И то же самое находимъ мы въ произведеніяхъ Бальзака: передъ нимъ представлялась въ жизни мрачная, ужасающая картина денежной анархіи, съ которою выступила на свое поприще буржуазія, и эта анархія отражается всецѣло въ его произведеніяхъ. Бальзакъ не видалъ въ жизни передъ собою ничего, чтò бы могло заронить въ его душу хоть одну искру вакаго либо отраднаго взгляда на чловѣческую природу: видя вокругъ себя одни только проявленія узкаго эгоизма, корыстолюбія, жадныя нажитья, возвыситься въ ущербъ всему окружающему, слѣдя ежедневно за самыми ужасными драмами, въ которыхъ все, чтò есть въ чловѣкѣ святаго, приносилось въ жертву могущества капитала или для достиженія этого могущества, Бальзакъ, естественно, съ

мрачнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на человѣческое общество, ничего не находя въ немъ, кромѣ вѣчной борьбы мелкихъ, узкихъ эгоистическихъ стремленій, борьбы, въ которой отдѣльная личность совершенно предоставлена сама себѣ и ей предопредѣлено или гибнуть, или выплывать всѣми силами наверхъ, топя другихъ и попирая ихъ ногами. Но нельзя сказать, чтобы такое положеніе общества было въ глазахъ Бальзака тѣмъ-то неизбѣжнымъ, фатальнымъ: онъ видѣлъ исходъ изъ него, у него были свои идеалы совершенно въ духѣ того времени: Бальзакъ видѣлъ спасеніе въ возвращеніи къ феодальнымъ формамъ быта: міросозерцаніе его было чисто-феодалнаго свойства: онъ былъ инстиктъ, абсолютистъ, сожалѣлъ объ уничтоженіи наслѣдственнаго перства, майоратовъ, права старшинства, былъ большой врагъ всякаго выборнаго правленія, свободы печати и желалъ, чтобы образованіе сосредоточивалось въ рукахъ духовенства. Онъ былъ такимъ образомъ полнымъ воплощеніемъ реакціи первой четверти нынѣшняго вѣка и реакція эта отражается въ его произведеніяхъ, какъ въ фокусѣ. Произведенія Бальзака—это злая сатира буржуазныхъ нравовъ съ точки зрѣнія феодала. Вы можете не соглашаться съ идеями Бальзака, но если вы точный, научный изслѣдователь, вы должны разъяснить, почему Бальзакъ придерживался этихъ идей, а не какихъ нибудь другихъ, объяснить это эпохою, въ которой онъ жилъ, средою, къ которой принадлежалъ, воспитаніемъ, которое получилъ въ дѣтствѣ, нравами, привычками, личнымъ характеромъ и пр. А съ другой стороны, какъ бы ни были ложны идеи Бальзака, тѣмъ не менѣе сатира, которою онъ бичевалъ парижское общество, останется передъ вашими безпристрастными взглядами совершенно вѣрною, художественною правдою, такъ-какъ нравы, окружавшіе Бальзака, были именно таковы, что иначе отнестись къ нимъ было нельзя. Но Тэнъ, какъ очевидному приверженцу буржуазнаго склада парижской жизни, не нравится мрачность сатиры Бальзака. Онъ видитъ недостатокъ произведеній разбираемаго имъ романиста именно въ томъ, въ чемъ заключается единственное и главное ихъ достоинство. И по мнѣнію Тэна недостатокъ этотъ происходитъ, какъ бы вы думали отчего? Оттого, что Бальзакъ плохо зналъ исторію: еслибы онъ исторію зналъ хорошо, онъ бы, вотъ видите, понималъ, что хотя людямъ и плохо живется, но прежде жилось еще плоше, и эта мысль его утѣшала бы. «Въ противномъ же случаѣ, говоритъ Тэнъ, вы будете писать какъ Жанъ-Жакъ-Руссо или де-Местръ, подчиняясь страстнымъ впечатлѣніямъ и абстрактнымъ теоріямъ и будете заключать вообще въ пользу республики или въ пользу деспотизма съ тою же оптической иллюзіей, которая руководила и гениемъ Бальзака». Политическія убѣжденія Бальзака Тэнъ выводитъ прямо изъ того, что не усматривая вслѣдствіе плохаго знанія исторіи общественнаго прогресса, Бальзакъ считалъ человѣческую природу несостоятельною, ну и конечно.

желалъ, чтобы надъ такимъ негодяемъ, какъ человѣкъ, постоянно висѣла палка. Но, объяснять такимъ образомъ, значитъ ничего не объяснять: абсолютизмъ, правда, очень часто опирается на недовѣрїи къ личности человѣка, но опирается онъ также наоборотъ на вѣру; — когда дѣло касается людей, которыхъ онъ хочетъ держать подъ опекою, онъ увѣряетъ ихъ, что человѣческая природа несостоятельна и безъ опеки люди пропадутъ, а когда дѣло касается его собственной несостоятельности, онъ сейчасъ-же выводить на сцену прогрессъ и предлагаетъ вѣрить, что современемъ люди дѣлаются совершеннѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ власти дѣлаютъ меньше и меньше промаховъ, опека ихъ становится мягче и гуманнѣе, а поэтому людямъ совершенно напрасно мечтать о какихъ-либо ненужныхъ льготахъ, а слѣдуетъ только надѣяться на могущество человѣческой природы, неуклонно стремящейся по пути прогресса. Теорїи, противоположныя абсолютизму, точно такъ же опираются на довѣрїе или недовѣрїе къ человѣческой личности, смотря по тому, что выгоднѣе, — такъ что выводъ Тэна политическихъ убѣжденїй Бальзака изъ недовѣрїя къ человѣческой личности — довольно курьезенъ. Да, наконецъ, еслибы это было и такъ, то откуда же происходитъ самое недовѣрїе Бальзака? Что же это, дьявольское навожденїе, что-ли, природное свойство, съ которымъ Бальзакъ родился на свѣтъ, наследство отъ бабушки, что-ли?

Мы не можемъ судить навѣрное, какъ обширны были знанїя исторїи у Бальзака; но что касается Тэна, то мы видимъ, что, при всей обширности его эрудици, его историческіе взгляды не отличаются особенною глубиною. Это составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ его статей. Мѣстами онъ впадаетъ даже въ легкій фельетонный тонъ парижскихъ бульваристовъ (boulevardiens); такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, партїи во Франціи не имѣютъ никакого значенїя, — а такъ молъ является великодушная теорїя, молодежь подхватываетъ ее, носитъ кокарды и поетъ пѣсни, а солидные буржуа обсуждаютъ, занимаясь по вечерамъ легкою, салонною болтовнею, и все дѣло кончается споромъ за ужиномъ. Вообще Тэнъ признаетъ во Франціи существованїе только двухъ партїй: людей двадцатилѣтнихъ и людей сорокалѣтнихъ (см. стр. 309 и 310). Рядомъ съ подобными легковѣсными взглядами вы встрѣтите нерѣдко и взгляды, основанные на чисто абстрактномъ мышленїи: такъ, напримѣръ, по мнѣнію Тэна, «для того, чтобы какое-либо разсужденїе было вполне литературнымъ, нужно, чтобы оно обращалось не къ извѣстному интересу, не къ извѣстной партїи, а къ чистому мышленїю, чтобы оно основывалось на общихъ міровыхъ истинахъ, чтобы оно опиралось на абсолютную справедливость, чтобы оно могло отвѣчать всѣмъ человѣческимъ требованїямъ; иначе, имѣя чисто мѣстный характеръ, оно будетъ только полезнымъ, потому что прекраснымъ можетъ быть только общее». Наши отечественные эстеты, конечно, съ восторгомъ прочтутъ это

мѣсто въ книгѣ, и мы можемъ преподнести его имъ въ подарокъ: оно на 310-й стр.

Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, статьи Тэна представляютъ все-таки весьма интересный предметъ для чтенія и во многихъ отношеніяхъ небезполезный. Если Тэнъ является передъ нами и не особенно глубокимъ мыслителемъ, то, какъ блестящій характеристикъ и нравоописатель, онъ представляетъ въ своихъ статьяхъ довольно богатый матеріалъ свѣдѣній для людей, заботящихся о своемъ общемъ образованіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочтутъ эти люди статьи о буддизмѣ, о Свифтѣ, о лордѣ Байронѣ. Съ другой стороны издатель не нанесъ бы ущерба книгѣ, еслибы совершенно пропустилъ статьи о Гизо и Бетховенѣ, а еще лучше бы онъ сдѣлалъ, еслибы вмѣсто всѣхъ этихъ статей; издалъ бы какое нибудь другое сочиненіе Тэна, болѣе обработанное и солидное, хоть бы, напримѣръ, «*Philosophie de l'art en Italie*»,—посредствомъ этого сочиненія наша публика могла бы лучше познакомиться съ Тэномъ, имѣла бы дѣло съ самыми свѣтлыми сторонами его таланта и извлекла бы для себя болѣе пользы, чѣмъ изъ всѣхъ этихъ статей, взятыхъ вмѣстѣ.

Вниманіе къ дѣтямъ и къ матерямъ, И. Лазаревича, доктора медицины, ординарнаго профессора, директора клиники акушерской, женскихъ и дѣтскихъ больницъ при императорскомъ харьковскомъ университетѣ и т. д. и т. д. Съ оригинальными рисунками. Харьковъ. 1869. Часть I-я. Вниманіе къ дѣтямъ.

Книга, заглавіе которой нами выписано, возбудила въ насъ еще до ея прочтенія весьма большія надежды. Предметъ ея — гигиена младенческаго возраста и физическое воспитаніе дѣтей — дѣло первостепенной важности. Не говоря уже о томъ, что съ сохраненіемъ здоровья и правильнымъ развитіемъ физическихъ силъ малолѣтнихъ дѣтей тѣсно связаны всѣ будущія судьбы современныхъ обществъ и всякая возможность благосостоянія ближайшихъ къ намъ, послѣдующихъ поколѣній, книги этого рода, кромѣ этого, отчасти отвѣченнаго и теоретическаго интереса — представляютъ еще огромное прямое и жизненное значеніе. Лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, въ западно-европейской литературѣ, одновременно съ развитіемъ статистики, возникъ вопросъ о причинахъ необычайной, чудовищной смертности между новорожденными на первомъ году ихъ жизни, и вообще до наступленія для нихъ пятилѣтняго возраста, цифры которой выставила беспощадная статистика. Оказалось, что къ концу перваго года гибнетъ болѣе одной пятой, а до пяти лѣтъ — болѣе половины всѣхъ новорожденныхъ. Оказалось, что изъ общей суммы всѣхъ умирающихъ въ Европѣ на долю дѣтей приходится 45%. Для Россіи же, раздѣляющей въ этомъ смыслѣ съ Италіей одинаково печальную участь, послѣдняя цифра еще значительнѣе, и доходитъ до 53,77%, а въ нѣко-

торыхъ мѣстностяхъ и еще выше. Такъ, по Гиляровскому, для Новгородской губерніи она составляетъ 82⁰/₀. Понятно, что это ужасающее явленіе поразило европейскихъ мыслителей, и заставило медицинскихъ писателей обратить особенное вниманіе на отысканіе его причинъ и изысканіе способовъ противо-дѣйствовать такому безпощадному хозяйничанію смерти въ средѣ малолѣтнихъ дѣтей. Съ этой цѣлью повсюду былъ предпринятъ цѣлый рядъ самыхъ разностороннихъ и добросовѣстныхъ розысканій, что и увѣнчалось значительнымъ успѣхомъ. Въ наукѣ мало вопросовъ, которые достигли бы такой полной, обстоятельной разработки. Причина этого ненормального явленія найдена, и можетъ быть выражена въ двухъ словахъ — бѣдность и невѣжество цѣлыхъ милліоновъ людей. Конечно, эта причина не легко удалима, по тѣсной своей связи съ общимъ экономическимъ строемъ современности, обусловливающимъ различныя частныя, ненормальныя явленія, въ родѣ дѣтубійствъ ихъ матерями, существованія дѣтей-отверженцевъ, такъ-называемыхъ, незаконнорожденныхъ, самымъ своимъ появленіемъ на свѣтъ обрекаемыхъ чуть не на вѣрную гибель, воспитательныхъ домовъ, этихъ лабораторій владбищенскаго матеріала и т. д. и т. д. — но хорошо уже и то, что открытіе этой причины оставляетъ людямъ надежду, что она хотя когда нибудь, да можетъ быть отстранена. Извѣстно, что *sublata causa tollitur effectus*; хотя людямъ и придется для этого подождать. Хорошо ужъ и то, что люди увидѣли, что отстраненіе печальнаго явленія значительной смертности людей зависить не отъ какихъ нибудь стихійныхъ условій, борьба съ которыми для людей невозможна, не отъ особеннаго закона природы, какъ думали прежде, вслѣдствіе котораго природа производитъ несравненно большее количество зародышей животнаго и растительнаго царства, нежели это необходимо для поддержанія родовъ и видовъ, обрекая такимъ образомъ самую большую часть ихъ на неизбѣжную гибель, а отъ нихъ самихъ, и отъ той степени энергій, каковую они проявляютъ для скорѣйшаго достиженія своихъ экономическихъ и общественныхъ идеаловъ вообще. Кромѣ того, если повсюдное водвореніе благосостоянія и образованности и составляетъ для настоящаго времени задачу недостижимую, то за то нигдѣ государственное наблюденіе и частная филантропія не могутъ сдѣлать такъ много, какъ въ дѣлѣ сохраненія жизни и здоровья малолѣтнихъ дѣтей, конечно, только въ частныхъ случаяхъ, но такіе случаи въ жизни представляются на каждомъ шагу, а каждый такой случай представляетъ возможность вырвать изъ рукъ преждевременной смерти нѣсколько почти вѣрныхъ жертвъ, и такихъ жертвъ вырвано уже у смерти цѣлые десятки и сотни тысячъ. Задача же успѣха при этомъ исчерпывается умѣньемъ научить невѣжественныхъ, по большей части не по своей волѣ, родителей, правильному уходу за дѣтьми и доставленіемъ средствъ для улучше-

нія гигиеническихъ условий, въ которыхъ находятся несчастныя дѣти бѣдныхъ родителей. Изъ только что сказаннаго нами читатели легко увидятъ, почему мы при выходѣ книги г. Лазаревича возлагали на нее большія надежды. У насъ необходимо въ книгахъ этого рода опутительнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и необходимость эта почти столь же велика и для такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, гдѣ не рѣдкость встрѣтить матерей, ровно ничего незнающихъ объ условіяхъ, необходимыхъ для сохраненія жизни и здоровья дѣтей, гдѣ различныя ходячіе предразсудки часто замѣняютъ всякое знаніе, какъ и для простонародья, въ средѣ котораго отъ всяческихъ лишеній и суевѣрій родителей, дѣти у насъ мрутъ буквально, какъ мухи. Книги отъ г. Лазаревича мы, конечно, ожидали серьезной. Вѣшной гарантіей осуществимости такихъ надеждъ служило для насъ общественное положеніе автора, который, какъ это прописано на заглавномъ листѣ сочиненія, кромѣ того, что докторъ медицины, профессоръ и директоръ университетской клиники акушерской, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, состоитъ еще членомъ разныхъ ученыхъ и гинекологическихъ обществъ, разсѣянныхъ по лицу земли отъ Бостона и Лондона до Воронежа. Одно изображеніе титула почтеннаго г. Лазаревича зачинаемъ собою на заглавномъ листѣ девять строкъ пегита. Хотя мы лично и неизвѣстны ни о какихъ особенныхъ ученыхъ заслугахъ г. Лазаревича *, и хотя по врожденному намъ скептицизму, подтвержденному житейскою опытностью, мы не придаемъ особеннаго значенія разнымъ ученымъ наименованіямъ и дипломамъ, но сочли себя все-таки вправѣ полагать, что мы встрѣтимся во «Вниманіи» съ чѣмъ либо серьезнымъ. Кому, какъ не директору дѣтской клиники—разсуждали мы—простоинѣе сказать дѣльное слово о потребностяхъ дѣтскаго организма, когда таковыя потребности, можно сказать, ежечасно сами напрашиваются на его ученую наблюдательность? Кому, какъ не профессору гинекологіи и педиатрики подѣлиться съ публикою и матерями результатами своихъ умозаключеній, жемчужомъ своего разумія, о предметахъ, составляющихъ его профессію? Кому, какъ не автору, въ заглавіи своего труда, приглашающаго публику ко вниманію къ дѣтямъ и женщинамъ, съумѣетъ возбудить это вниманіе къ предмету, по истинѣ его заслуживающему?... Оказалось, что судьбѣ было угодно, чтобы мы ошиблись. Книга г. Лазаревича представляетъ собою нѣчто странное. Несмотря на то, что вся она проникнута хорошими намѣреніями, чего положительно нельзя не признать, она уи-

* Имя г. Лазаревича, имя совершенно чуждое литературѣ. Правда, съ этимъ именемъ появились нѣкогда двѣ брошюры, изъ которыхъ одна вышла гдѣ-то шесть тому назадъ, а другая гдѣ-то десять: «О вприскиваніяхъ въ матку» и объ «Исслѣдованіяхъ живота», но авторъ ли этихъ брошюръ, настоящій директоръ харьковской акушерской клиники — мы доподлинно не знаемъ.

вочна, бессистемна, легкомысленна и даже наивна и мало грамотна, такъ что представляеть собою такой характеръ, что какъ будто написана не ученымъ профессоромъ и членомъ самыхъ разнообразныхъ ученыхъ обществъ, а развѣ самымъ юнымъ студентомъ, изъ неособенно даровитыхъ, да притомъ достаточно лѣнивымъ. Всѣ эти наши положенія мы постараемся доказать.

Въ предисловіи г. Лазаревичъ объясняетъ, что 28 февраля 1868 года его просили прочитать публичную лекцію въ пользу харьковскихъ школъ. Въ другомъ предисловіи, помѣщенномъ чуть не въ серединѣ книги, онъ говоритъ: «Когда мнѣ предложено было прочесть лекцію въ пользу народныхъ школъ, *одинъ* изъ многоуважаемыхъ моихъ товарищей указалъ мнѣ тѣму — «физическое воспитаніе дѣтей», на которую я *согласился*». Чтò это такое, читатель, какъ не крайне наивное признаніе? Г. Лазаревичъ выбралъ свой предметъ не потому, что онъ совпадалъ съ родомъ его любимыхъ и профессиональныхъ занятій, не потому, что мысль о физическомъ воспитаніи дѣтей находится безсмѣнно въ его мозгу, представляя для него умственный интересъ, а потому что товарищъ его, г. Лазаревича, подсказалъ ему эту тѣму, и онъ на нее согласился?! Но вѣдь такъ не поступить даже и студентъ, а развѣ только гимназистъ, некончившій курса и недодумавшійся еще до того, что предметъ своихъ занятій можно любить...

«Вниманіе, каковымъ удостоили мою лекцію посѣтившіе ея, продолжаетъ авторъ въ первомъ своемъ предисловіи, я приписываю благородному ихъ сочувствію къ ея предмету: *къ прекрасному, нѣжному, шибкому по своей природѣ и невинному даже во вѣкъ своихъ видоизмѣненіяхъ и преобразованіяхъ оптическому возрасту*». Чтò это за фраза? Въ чемъ ея смыслъ, и неужели мы встрѣчаемъ ее не въ сочиненіи гимназиста 3-го класса на заданную тѣму, а въ сочиненіи профессора, посвященномъ серьезному предмету?

Объясняя далѣе, что пуская въ свѣтъ свою лекцію, по желанію матерей, онъ пополнилъ ее для печати «бесѣдами, васающими того же дѣтскаго возраста», г. Лазаревичъ продолжаетъ: «Я прошу видѣть въ моихъ бесѣдахъ надежду доставить пользу дѣтямъ: она весьма естественна для того, кто постоянно имѣетъ дѣло съ маленькими пациентами и съ ихъ матерями (грамматическій смыслъ и этой фразы кажется намъ непонятенъ!)».

«Найдется недосказанное, невыясненное и неподтвержденное, но есть и такое, чтò испытано, проверено, обдуманно и прочувствовано». (Намъ кажется, что профессорамъ вовсе не полагалось бы писать того, чего они сами еще себѣ не выяснили, чего не умѣютъ подтвердить или досказать).

«Недостатокъ содержанія въ текстъ я старался пополнить въ эпиграфахъ мыслями, взятыми изъ произведеній ума замѣчательныхъ мыслителей».

Не знаемъ, какъ для читателей, но для насъ эта заключительная фраза перваго предисловія г. Лазаревича представляетъ собою своего рода *choef d'oeuvre*. Навивное признаніе недостатка содержанія въ текстѣ и оригинальное пополненіе его эпиграфами, намъ казалось просто геркулесовыми столбами навивности; но каково было наше изумленіе, когда мы изъ книги увидали, что г. Лазаревичъ перешагнулъ и эти столбы, и что онъ, въ своей навивности, считаетъ замѣчательными мыслителями какихъ-то Пфаффовъ, Буальскихъ, Каменскихъ, и даже г. А. Ильинскаго, автора различныхъ курьезныхъ статей медицинскаго содержанія, и Санхо-Пансо, фантастическаго героя романа Сервантеса!

Признаемся, прочтеніе предисловія г. Лазаревича повергло насъ въ глубокое уныніе, но мы все-таки не хотѣли поддаваться первому впечатлѣнію, и старались себя увѣрить, что навивное предисловіе — еще бѣда небольшая, что, можетъ быть, непривычка писать и невладѣніе языкомъ — свойства, немислимыя въ европейскомъ профессорѣ, но у насъ встрѣчающіяся сплошь и рядомъ, выкупаются съ избыткомъ глубиною содержанія самой книги и массою фактовъ и наблюденій, какими, вѣроятно, обладаетъ г. Лазаревичъ, какъ клиническій преподаватель.

Самую фразу о недостаткѣ содержанія мы готовы были признать только за неудачную реторическую фигуру, помѣщенную г. Лазаревичемъ ради красоты слога. У насъ даже разбѣжались глаза, когда, вслѣдъ за предисловіемъ, мы увидали оглавленіе, въ которомъ поименовано 54 статьи, кромѣ введенія, втораго предисловія, и еще незанумерованной статьи: «О перелетѣ птицъ». Разнообразіе заголовковъ сулило намъ надежду найти избытокъ содержанія въ книгѣ. О чемъ не говорить въ ней г. Лазаревичъ: и о смертности дѣтей, и отношеніи ея къ степени образованія и благосостоянію народа, и о климатѣ, воздухѣ и сырости, и о дѣтскихъ играхъ, танцахъ, музыкѣ, музыкальныхъ мелодіяхъ, и музыкальныхъ учителяхъ, и о развитіи дѣтскаго ума, изученіи языковъ и вправленіи пупочныхъ грыжъ; и объ усиленныхъ рефлексакъ мозга, объ угнетеніи слабыхъ сильными, и объ улучшеніи человѣческой расы посредствомъ физическаго и нравственнаго воспитанія дѣтей и т. д. и т. д. Вѣроятно, думали мы, прочитавъ это оглавленіе, г. Лазаревичъ, самообвиняя свою книгу въ недостаткѣ содержанія, самъ не даетъ настоящей цѣны своему *тексту*. Желая скорѣе ознакомиться съ этимъ текстомъ, мы перевернули страницу, и встрѣтились съ пятью эпиграфами—двумя изъ Фохта, двумя изъ Сервантеса и однимъ изъ Байрона. Первымъ поставлены слова Фохта: «Большой цѣхъ ученыхъ, которые прежде всего желаютъ быть учеными, и только послѣ людьми, именно главнымъ образомъ виновать въ томъ, что наука не проникаетъ въ народъ». Вторымъ изрѣченіе Байрона: «Слово — это двигатель земли». Изъ

помѣщеніи этихъ двухъ эниграфовъ мы поняли, что г. Лазаревичъ желаетъ быть посредникомъ между своею наукою и народомъ, что, конечно, дѣло почтенное, и даже отчасти собирается своею книгою двигать землю.

Но, одно дѣло собираться и желать, и другое — вынолнить. Статейки, изъ которыхъ составлена книга г. Лазаревича, по бѣльшей части не длиннѣе утиного носа: въ каждой изъ нихъ онъ покушается что-то говорить, но, къ сожалѣнію, не говорить почти ничего, и все дѣло ограничивается какими-то потугами. Не угодно ли, для примѣра, двѣ-три статейки изъ книги почтеннаго профессора; объема ихъ, какъ увидятъ читатели, опасаться нечего, мы думаемъ даже, что вся его книга весьма удобно могла бы помѣститься на двухъ листахъ нашего журнала. Вотъ, на примѣръ, статья XXIX, озаглавленная въ книгѣ словомъ: «Танцы».

«Танцы при воспитаніи дѣтей полезны, какъ упражненія, придающія гибкость и ловкость тѣлу, развивающія мышечную дѣятельность (не силу ли? думали вы сказать г. Лазаревичъ). Слѣдовательно, польза танцевъ та же, какъ и гимнастики. — они содѣйствуютъ развитію физической силы и ловкости (не фигура ли это усугубленія?). Физически слабые и неловкіе люди часто бываютъ безхарактерны и *неуклюжи даже умомъ* (?) — хотя въ этомъ отношеніи иногда бываютъ блестящія исключенія». Вотъ и все, что говоритъ г. Лазаревичъ въ своей *статьѣ* о танцахъ, конечно и не подозрѣвая, что тутъ ровно ничего не сказано. Въ такомъ же родѣ и всѣ другія его статьи; не угодно ли для примѣра взглянуть на другую статейку, озаглавленную: «Крикъ дѣтей», и пополненную эниграфомъ изъ *замѣчательнаго мыслителя*, доктора Бессера, хотя о существованіи подобнаго мыслителя мы что-то не слышали:

«Крикъ дѣтей — это ихъ языкъ и ихъ жалобная пѣсня. Въ началѣ они кричатъ, какъ бы бессознательно, отвѣчая на всякое непріятное для нихъ раздраженіе. Отлежалъ ли себѣ ребенокъ бокъ, колетъ ли его булава, или на него непріятно дѣйствуетъ влажность пеленокъ, или холодъ, или вслѣдствіе качанія испытываетъ онъ нѣчто, похожее на морскую болѣзнь, — онъ кричитъ точно такъ же, какъ кричитъ и тогда, если у него газы вздуваютъ кишки и являются колики въ животѣ.»

«Какъ понять, что выражаетъ ребенокъ своимъ крикомъ? При внимательномъ его наблюденіи, можно хорошо угадывать его причины, а слѣдовательно — и смыслъ. (Здѣсь, очевидно, г. Лазаревичъ говоритъ совсѣмъ не то, что хотеть сказать: наблюдать надобно самого ребенка и принимать во вниманіе всѣ окружающія его обстоятельства, и тогда можно найти причину, заставляющую его кричать; самый же крикъ, если только повѣрить г. Лазаревичу, который только что утверждаетъ, что онъ отъ какихъ бы внутреннихъ или вѣшнихъ причинъ ни проис-

ходилъ — всегда одинаковъ и наблюдая только его, разумѣется — ничего не поймешь.)»

«Во время послѣдней парижской выставки, я былъ свидѣтелемъ, какъ нашъ русскій кавалергардъ изъ военной музыки (а не изъ музыкантовъ?), участвовавшій на конкурсѣ международнаго концерта, объяснялся съ французами движеніями рукъ и головы и съ помощью немногихъ русскихъ словъ, которыя были вовсе непонятны французамъ; но они поняли многое изъ объясненій нашего солдата, поняли даже то, что русскіе музыканты должны были на слѣдующій день играть у Наполеона (а г. Лазаревичъ понялъ, что французы это поняли). — Дѣти кричатъ, но еще кромѣ того они дѣлаютъ разнообразныя движенія руками, ногами и головою, измѣняютъ выраженіе лица и придаютъ различную силу и выраженіе своему крику (тутъ ужъ г. Лазаревичъ говорить совсѣмъ не то, что только что говорилъ). Не трудно различить крикъ, выражающій какое-либо желаніе или потребность, отъ крика, означающаго неудовольствіе, отъ крика, вызваннаго ощущеніемъ боли, и наконецъ отъ такого, который происходитъ уже бессознательно, при чемъ заглушается всякое ощущеніе дитяти. Нерѣдко дѣти кричатъ какъ будто на распѣвъ: это — въ родѣ плача — особенный родъ пѣнія, во всякомъ случаѣ недостающаго удовольствія взрослымъ».

Несмотря на всю краткость изслѣдованія г. Лазаревича о дѣтскомъ крикѣ и кавалергардскихъ жестахъ, читатели видятъ, какъ онъ старается изукрасить цвѣтами краснорѣчія всякій предметъ, о которомъ покушается говорить, хотя сказать ему почти ничего не удается. А вѣдь вѣроятнo читаетъ же г. Лазаревичъ въ своей клиникѣ хоть какія-нибудь лекціи студентамъ. Вотъ бы послушать!!

Одна область медицины при этомъ его не удовлетворяетъ. Онъ бросается, между прочимъ, и въ педагогику. Заранѣе просимъ извиненія у читателей, но не можемъ не выписать еще одной статейки изъ книги г. Лазаревича — очень ужъ она хороша. Называется она: «Изученіе языковъ».

«Изученіе языковъ несомнѣнно полезно, но едва-ли не полезнѣе, прежде всѣхъ другихъ языковъ, *дать полное обладаніе своимъ роднымъ*, и прежде его довести до нѣкотораго совершенства (чтобы ребенокъ, разумѣется, умѣлъ составлять фразы понятнѣе, чѣмъ только что приведенныя). Едва-ли есть другой языкъ, какъ нашъ русскій, въ которомъ бы такъ гармонически сочетались почти всѣ звуки, существующіе въ другихъ языкахъ. Въ немъ только нѣтъ такихъ звуковъ, какіе находятся въ англійскомъ языкѣ, которые требуютъ надавливанія языкомъ на зубы или процѣживанія сквозъ нихъ, или которые, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, требуютъ жесткаго ударенія языкомъ въ зубы: но за то у насъ не попадаются такъ часто, какъ у нѣмцевъ и англичанъ, передніе зубы выдвинутыми впередъ. Дѣти, ко-

торне наламывають свой языкъ въ дѣтствѣ англійскимъ или нѣмецкимъ произношеніемъ, часто навсегда лишаются возможности хорошо и пріятно говорить *своимъ языкомъ*. Органъ же рѣчи, какъ и всякая другая часть нашего организма, требуетъ правильнаго физическаго образованія — и, конечно, русскому человѣку приличнѣе и достойнѣе прежде всего и преимущественно изучать и совершенствоваться русскую рѣчь. Только знакомясь съ нею съ дѣтства можно вполнѣ усвоить и полюбить ее. Прочтите стихи Кольцева, гдѣ онъ описываетъ нашу степь —

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстлается!
Ахъ ты степь моя,
Степь привольная
Широко ты степь,
Пораскинулась,
Къ морю-Черному
Повадвинулась.

«Развѣ можно не полюбить такой языкъ, который (а не на которомъ?) такъ живописно изображаетъ даже самую не живописную часть нашей природы и доказываетъ, что и ее можно и слѣдуетъ любить — потому что и въ ней есть свои прелести...»

Намъ кажется, что эта выписка, по своей логичности, доказательности, неожиданности оборотовъ фразъ и т. д., не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. А между тѣмъ, самъ г. Лазаревичъ, несмотря на все легкомысліе своей книги и ея малограмотность, о трудѣ своемъ весьма высокаго мнѣнія. Такъ на страницѣ 15-й онъ говоритъ: «Представляя *современный, о которыхъ же вопросахъ* — и мой собственный взглядъ объ отношеніи дѣтей къ окружающему ихъ міру, я *надѣялся и въ томъ не ошибся*, что меня *послушаютъ* и нѣкоторые товарищи — *врачи. Теперь я простираю свою надежду далѣе*: мнѣ пріятно думать, что они не оставятъ безъ вниманія и мои бесѣды, изданныя въ свѣтъ. Вотъ почему, придерживаясь общепонятнаго и бѣглого способа изложенія, отчасти я *старался удовлетворить и требованіямъ болѣе строгимъ, научнымъ. Бесѣды мои могутъ заинтересовать врача*, такъ-какъ главный предметъ ихъ — причины болѣзней и гигиена — служить основой дѣйствій въ современной медицинѣ».

Нѣтъ, г. Лазаревичъ, напрасно вы такъ далеко простирали свои надежды, не умѣя составить скольконибудь путной книги. Никого она не заинтересуетъ — такъ-какъ вы не выказали достаточно способности, чтобы высказать хотя чтонибудь — съ интересомъ. Не поможетъ вамъ и гигиена, такъ-какъ ги-

гіена сама по себѣ, а вы сами по себѣ, знаній же ея вы нисколько не выказали. Научною и строгою ваша книжка можетъ показаться развѣ только вамъ одному. Скажемъ вамъ по секрету, что она вообще такова, что намъ совѣстно, что по поводу такой дребедени нашъ библиографическій очеркъ такъ великъ. О всякой другой книгѣ подобнаго сорта мы и не позволили бы себѣ такъ долго говорить; а по поводу вашей дѣлаемъ это только потому, что вы, можетъ быть, отличнѣйшій правтикъ, но, судя по вашей книгѣ, человѣкъ знающій весьма немного, не умѣющій правильно связать и высказать двухъ мыслей — покушаетесь читать публичныя лекціи — состоите профессоромъ и директоромъ цѣлой клиники, что вы докторъ медицины, членъ всяческихъ ученыхъ обществъ и даже гинекологическаго въ Бостонѣ. Неужели мы не грезимъ, а имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью?!

Разлучники. Романъ А. Темризова. Сиб. 1869.

Имя г. А. Темризова появляется въ печати впервые и, естественно говоря, русская беллетристика отъ появленія на литературномъ горизонтѣ сего новаго отечественнаго сочинителя не выигрываетъ ровно ничего. Никакихъ творческихъ способностей, или какихъ-либо достойныхъ вниманія внутреннихъ или вѣншихъ писательскихъ качествъ г. Темризовъ въ своемъ произведеніи не представляетъ, и благодаритъ сего автора могутъ развѣ только одни рецензенты, обязанные прочитывать различную несладкицу для того, чтобы такимъ подвигомъ предохранять публику отъ ея прочтенія, за то, что, по крайней мѣрѣ, романъ объема умѣреннаго и прочтеніе его не требуетъ особенной затраты времени. Мы, конечно, на этомъ могли бы съ полнѣйшимъ правомъ покончить нашу рецензію, еслибы не одно особое обстоятельство, которое мы тотчасъ же и постараемся передъ читателями разъяснить. Содержаніе романа состоитъ вотъ въ чемъ. Нѣкоторая дѣвушка, одаренная, по мнѣнію автора, всѣми совершенствами, да притомъ еще писательница, «окрыленная успѣхомъ», до 26-ти лѣтъ умѣла посвящать всю свою жизнь, по выраженію г. Темризова, «полезности». Оставшись послѣ отца сиротою шестнадцати лѣтъ, она десять лѣтъ труда, заботъ и способностей своихъ отдала на пользу своему семейству, устроила его матеріальное благосостояніе, выросила братьевъ, выдала замужъ сестеръ, и «радуясь только радостямъ своихъ литературныхъ успѣховъ, согрѣваясь чувствомъ своего значенія и нравственнаго вліянія на кружокъ своихъ друзей, блестящею летучей любви (?), огнемъ страстной рѣчи, гордая и сильная своею волею, не давала никакому личному чувству окочувать себя, и отлучалась играть своимъ собственнымъ сердцемъ, какъ колака мышью». Но когда Надеждѣ Ивановнѣ (имя дѣвочки) стукнуло 26 лѣтъ, то съ ней произошелъ кризисъ. Въ числѣ ея «самыхъ интимныхъ посѣтителей» былъ нѣкто Демья-

новъ, представленный ей года три тому назадъ въ качествѣ кавалерійскаго юнкера, едва «прикрывшагося плащомъ юности», а передъ тѣмъ незадолго произведенный въ гвардейскіе офицеры. Онъ былъ очень красивъ и богатъ, но давно потерялъ отца и мать, и родственники, опекавшіе его, преднамѣренно его не развивали и значительно обкрадывали. Надежда Ивановна заинтересовалась тѣмъ, что онъ *сирота*, и сирота богатый, что, по ея взглядамъ, было несравненно для него пагубнѣе, чѣмъ еслибы онъ былъ сиротою бѣднымъ. Послѣ продолжительной борьбы съ собою и различныхъ перипетій, она рѣшилась примѣнить къ нему свою теорію полезности («Кто тебѣ сказалъ, что мое счастье написано на землѣ? объяснила она нѣкоей подругѣ своей Катѣ: — полезность моя написана — вотъ что. Развѣ ты думаешь, что судьба даромъ толкаетъ меня на его дорогу? судьба его пожалѣла» и т. п.) и сначала, послѣ того, какъ онъ, «схвативъ ея голову, быстро откинулъ ее назадъ и жаркимъ поцалуемъ обжегъ ея губы», рѣшилась «отдать ему его горячій поцалуй». Потомъ, чтобъ нѣкоторая рыжая женщина, состоявшая въ любовной связи съ Демьяновымъ, «не оборвала всѣ молодые листья его души», она согласилась встрѣчать его ежедневно «грѣпкими объятіями» и, наконецъ, сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. При этомъ она рѣшила про себя на всякій случай, что еслибы ей пришлось когда-нибудь потерять сердце своего Мишеля и окончателно въ немъ разочароваться, то избрать тогда своимъ дальнѣйшимъ мѣстопробываніемъ «маленькій нѣмецкій городокъ». Когда стояла она подъ вѣнцомъ, то «молча молилась, и въ этой нѣмой ея молитвѣ была глубокая истома! вся душа ея шла къ Богу и просила у него полезности». Первые годы своего сожителства съ избраннымъ сиротою провела она въ неустанныхъ попыткахъ примѣненія на практикѣ въ отношеніи къ нему полезности, т. е. поправила его запутанныя обстоятельства и старалась, хотя на свой манеръ, обтесать его умъ и сердце съ специальною и нѣсколько узкою цѣлью, т. е. чтобъ достигнуть того, чтобъ онъ «любилъ ее, не лгалъ ей и не обманывалъ бы ее» и чтобъ «не на словахъ, а въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ бы, что для него жизнь не въ жизнь безъ нея и что никто не сдумѣетъ такъ беречь и такъ баловать его». Ради такого баловства она истратила не малую дозу «невъразимой» любви и заботливой нѣжности, «чтобы ему было хорошо, во всемъ хорошо, чтобы вокругъ него были всѣ утѣхи жизни, всѣ прихоти барства и роскоши, всѣ средства удовлетворять ихъ, всѣ успѣхи и игрушки самолюбія и чтобъ все это было черезъ нее и отъ нея». Незавѣстно, какіе результаты на практикѣ принесло бы все это по отношенію къ нравственной и умственной сторонѣ Демьянова, живописуемаго и безъ того г. Темризовымъ въ образѣ презрѣднаго болвана, еслибы эта супружеская система могла къ нему примѣняться въ теченіе многихъ лѣтъ безпрепятственно. Пола-

гаемъ, что доведенъ бы онъ былъ до безвыходнаго и окончательнаго идиотизма. Но сего не случилось, ибо появились разлучники, внѣшнимъ образомъ повліявшие на дальнѣйшую судьбу супружескаго союза Демьяновыхъ. Разлучниками г. Темризовъ называетъ всѣхъ лицъ, прямо или косвенно, ради своихъ интересовъ, стремящихся въ разрушенію чьего-либо брачнаго союза, и хотя въ дѣйствительной жизни таковые специалисты едва-ли часто встрѣчаются, но авторъ въ такомъ умыслѣ подозрѣваетъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ хотя какое-либо соприсношеніе съ Демьяновыми, за исключеніемъ только Кати, подруги Надежды Ивановны, пяти идеальныхъ гвардейскихъ офицеровъ: князя Дольскаго, Силуянова, Риделя, Глотова и Гранилевича, и еще нѣкотораго графа Дюссера, выведеннаго въ романѣ авторомъ, кажется, только для одного мѣшавія углей въ каминѣ. Такимъ образомъ, косвенными разлучниками являются въ романѣ, какъ всѣ родственники Демьянова, такъ и всѣ его знакомые, гости, цѣлый гвардейскій полкъ и даже вся прислуга мужскаго и женскаго пола въ домѣ Демьяновыхъ. Большая часть изъ нихъ, впрочемъ, проводятъ систему разлучничества между прочимъ, не прекращая, вслѣдствіе этого, всякихъ своихъ другихъ житейскихъ дѣлъ и обязанностей. Всецѣло же этому разлучничеству посвящаютъ всю свою жизнь только три лица: сестра Демьянова, вышедшая замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника Куклавина, незаконнорожденнаго сына генерала Кукленьева, супругъ ея, г. Куклавинъ, и сестра его, дѣвица Аглая Кукленьева. Послѣднюю дѣвицу, между прочимъ, отецъ ея, размышляя самъ съ собою наединѣ, называетъ попросту Аглашкой. Супруги Куклавины, глубоко ненавидящіе Надежду Ивановну за то, что она своимъ бракомъ лишила ихъ возможности обирать Демьянова, до такой степени самозабвенія занимаются разлучничествомъ, что даже для этого обращаются къ сводничеству. Они приурочиваютъ для своихъ цѣлей упомянутую уже развращенную дѣвицу Аглаю или Аглашку, приглашавшую къ нимъ гостить, влюбляютъ въ нее пустоголоваго Демьянова, доставляютъ имъ всяческую возможность къ самому тѣсному сближенію и достигаютъ до того, что у Аглашки является нѣчто, что Демьяновъ называетъ въ перепискѣ съ нею «нашею Агланочкой, бѣляночкой», хотя въ произведеніи на свѣтъ этого маленькаго существа принималъ непосредственное участіе не Демьяновъ, а пріемщикъ его, нѣкоторый Эдуардъ. Вся исторія кончается тѣмъ, что Демьяновъ бросаетъ жену и дѣтей своихъ и поселяется въ деревнѣ открыто съ Аглашкой и Агланушкой, а Надежда Ивановна отправляется, по совѣту доктора, на воды заграницу, для того, чтобы избѣгнуть помѣшательства. Тамъ знакомится съ нею г. Темризовъ, и когда она случайно слышитъ разговоръ его съ какими-то господами З. и М., при которомъ двѣ эти буквы высказываютъ, что для такого злодѣя, какъ Демьяновъ, нѣтъ имени, то, желая оправдать своего не-

благонамѣреннаго мужа, передаетъ г. Темризову свой дневникъ, изъ котораго послѣднему, по ея миѣнію, надлежитъ усмотрѣть, что мужъ ея «жертва, а не злодѣй и оболъститель». Мало того, она даритъ г. Темризову этотъ дневникъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, предоставляя ему сдѣлать изъ него какое угодно употребленіе. «Я сдѣлалъ — говорить г. Темризовъ — изъ него повѣсть, *простое сказаніе*; да простятся мнѣ литературные недостатки за его *историческія достоинства*. Прибавлю только, что истинные виновники этого печальнаго, совершившагося на глазахъ общества факта, разлучники, *пользуются отличнѣмъ здоровьемъ* и спокойствіемъ, и являются всюду съ невозмутимыми, довольными лицами. Ихъ презираютъ и принимаютъ. Общество сознаетъ, что должно бы очищать себя отъ подобныхъ лицъ и что эти лица вредны обществу, да только, какъ на увѣднхъ балахъ въ дворянскихъ собраніяхъ — никто не хочетъ первый на балъ пріѣзжать! а слѣдовало бы выводить разлучниковъ, какъ мышей, крысъ (ужъ не мышьякомъ ли, боже оборони!) и другихъ, нарушающихъ домашнее спокойствіе и *домашнюю чистоту (?) животныхъ*»...

Если вся, приведенная нами тирада не что иное, какъ литературный пріемъ г. Темризова, если все его *простое сказаніе* есть не болѣе, какъ нѣсколько смутный вымыселъ сего автора, не одареннаго особенно блестящимъ воображеніемъ, то тогда, конечно, на разбираемый нами романъ, какъ на весьма плохую несладкицу, появленіе которой въ печати не составляетъ въ нашей литературѣ явленія рѣдкаго, нечего было бы и обращать какое-либо вниманіе. Мало ли у насъ пишется и печатается всякой дряни, лишенной всякаго смысла и интереса... но мы, къ сожалѣнію, прозрѣваемъ нѣчто другое. Слова г. Темризова, что его произведеніе имѣетъ *историческія достоинства*, что описанные имъ разлучники пользуются отличнѣмъ здоровьемъ, заставляютъ предполагать, что его художественное произведеніе написано имъ не безъ цѣли, что нѣчто, подобное имъ живописуемому, дѣйствительно когда-нибудь происходило, и что его авторская кисть, играющая надъ смертными и изображающая Сидора Архипомъ, а Архипа Сидоромъ, претендуетъ на изображеніе дѣйствительно живущихъ, а можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ пользующихся отличнѣмъ здоровьемъ людей. Если же таковая паша загадка справедлива, то прійти «Разлучниковъ» безъ всякаго вниманія не подобаетъ; если кто-либо въ какихъ бы то ни было видахъ дѣлаетъ литературу средствомъ и орудіемъ для своихъ личныхъ цѣлей, то при этомъ неизбѣжно является вопросъ: каковы эти цѣли? подлежатъ ли онѣ вѣдѣнію литературы вообще, соответствуя или не соответствуя ея достоинству, а также и то, какія условія должно выполнять лицо, чтобы, прибѣгая къ литературѣ, какъ къ средству, оно могло, какъ не уронить того орудія, къ которому оно обращается, такъ и счумѣть имъ распорядиться добропо-

радно, чтобы, при его пособіи, достигнуть для своего предприятия успѣха, а не неудачи и посмѣянія. Такимъ образомъ, тутъ возникаетъ общій вопросъ, интересный для литературы вообще и несравненно интереснѣйшій, нежели простое разсмотрѣніе того, въ какой степени плохо и слабо то или другое произведеніе г. Темризова или кого иного. Но для того, чтобы хотя слегка коснуться такого вопроса, мы должны рѣшить предварительно, на сколько вѣроятна высказанная нами догадка. По нашему мнѣнію, слѣдующая выписка изъ «Разлучниковъ» въ этомъ смыслѣ, проливаетъ на нее свѣтъ достаточно яркій.

«Когда я дочитывалъ эту повѣсть — говоритъ авторъ — *одной премилой барынью*, она прервала меня вопросомъ: неужели для Демьянова невозможно возрожденіе? Неужели нѣтъ средствъ?

«— Есть и средства и причина. У него вѣдь есть законныя дѣти, а только то и хорошо, только то и вѣчно, что законно (?)... Онъ, по внушеніямъ Кулавиныхъ, такъ самъ ослабилъ свою жену, что ему тяжело сознать *всемирно* несправедливость обвиненій; онъ слабъ душою и волею, къ тому же, онъ запуганъ Кулавиною, которая до смерти боится, чтобы онъ не сошелся съ женою, чувствуя, что тогда онъ станетъ презирать ее, а потому и увѣряетъ брата, что Надежда Ивановна отравитъ его жизнь упреками. Между тѣмъ, эту женщину не щадили; ей рассказали такія похождения ея мужа, что ей-то ни одного свѣтлаго и отраднаго воспоминанія о любви его къ ней не оставили. Въ подобномъ положеніи и упрекъ и вопросы невозможны потому, что тѣ и другіе имѣютъ смыслъ только тогда еще, когда то сомнѣваться, то вѣрить можно. Онъ же нивогда не пойметъ, что если главное страданіе ея жизни Аглая, то главная обида ея сердца въ томъ постоянномъ обманѣ, которымъ она была всегда и до Аглаи окружена. Я даже замъ сважу: Демьяновъ такой человекъ, что потому болѣе всего и не рѣшается возвратиться, что ложь и обманъ для него стали относительно Надежды Ивановны невозможны. Обиды ея онъ не чувствовалъ и никогда не почувствуетъ. Но наступитъ время, когда онъ почувствуетъ самъ ту жестокую обиду, которую нанесъ своимъ дѣтямъ, покинувъ ихъ; когда онъ пойметъ, что надо искупить эту обиду и *прикрыть дѣтей своимъ присутствіемъ* и своимъ попеченіемъ, а они его прикроютъ своей чистотой и безвинностью. Да, для него очень возможно общественное возрожденіе и возстановленіе его затеряшагося достоинства черезъ дѣтей (?). Для одной Надежды Ивановны только ни отъ его присутствія, ни отчего нѣтъ возрожденія личныхъ радостей; ей суждено жить въ другихъ, какъ и въ мірѣ этотъ и въ жизнь эту она была внесена не для себя, а для другихъ. Какъ только начинала она жить и чувствовать индивидуально, то все ломалось вокругъ нея, и изъ послѣд-

нихъ обломковъ не подняться уже никогда радостямъ въ душѣ ея...

«— Гдѣ же она теперь? продолжала спрашивать моя собеседница. — Плачетъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ?»

«— Напротивъ того, она все здѣсь, въ томъ же кругу, въ томъ же обществѣ, какъ и прежде, ничего не измѣняя, повидимому, вокругъ себя. При ней тѣ же слуги, та же мебель, всѣ дѣти съ всю (это не дурно). Она ничего не хотѣла измѣнить, хотя эта *непримымаемая* (?) внѣшность жгучими клещами хватаетъ ее нерѣдко за измученное сердце. *Она не ждетъ мужа*, но такъ все устроено въ домѣ, какъ будто онъ не покинулъ ихъ, а вышелъ; *она всегда готова его принять безъ слезъ и суеторы сердцами*, зная твердо свою безвинность передъ нимъ. Этого спокойнаго достоинства, этой неизблемости правилъ, этого *присутствія* ея, наконецъ, *въ здѣшней общественной жизни* не могутъ простить ей Куклавины, и горе ея въ томъ, что они, продолжая держать подъ вліяніемъ своимъ Демьянова, толкаютъ его то вправо, то лѣво, на вредъ и зло для Надежды Ивановны, и *вынуждаютъ ее* этимъ къ безпрестанной борьбѣ, *къ охраненію дѣтей и себя, къ законной защитѣ*. Такимъ образомъ, чувства ея постоянно въ разладѣ съ ея дѣйствіями: *но будь что будетъ*, впереди всего у ней долгъ ея къ дѣтямъ и т. д.»

Не знаемъ, какъ для читателей, но для насъ эта бесѣда г. Темризова съ *премилой барыней*, несмотря на весь сумбуръ ея изложенія, едва-ли вставлена въ «Разлучниковъ» только для красоты слога. «Она не ждетъ мужа, но готова его принять», «она безпрестанно вынуждается къ законной защитѣ» и это нѣсколько угрожающее «будь что будетъ» ненюльно заставляютъ предполагать, что романъ написанъ не спроста, а для чего-то и для кого-то, и вовсе не для обыкновенныхъ читателей, а лишь для прочтенія его кѣмъ-то, въ видахъ возстановленія въ его глазахъ Надежды Ивановны, можетъ быть, дѣйствительно несправедливо передъ нимъ опороченной и оклеветанной. Можетъ быть, дѣйствительно существуетъ на свѣтѣ дама, оставленная мужемъ, и которая была бы не прочь простить ему все прошлое, еслибы онъ вернулся снова къ своимъ Ларамъ и Пенатамъ. Разумѣется, если такая особа дѣйствительно существуетъ, то мы желаемъ ей всего лучшаго, исполненія всѣхъ ея желаній и даже не позволили бы себѣ никакого высказыванія на счетъ ея чисто личнаго, семейнаго вопроса, не подлежащаго ни вѣдѣнію, ни обсужденію лицъ постороннихъ. Но, если г. Темризовъ, въ видахъ ея примиренія съ заблудшимся ея супругомъ, съ ея согласія, или даже помимо его, предлагаетъ свое литературное посредничество, то мы не можемъ не останавливаться надъ слѣдующимъ положеніемъ: вправдѣ ли литературная критика оставляетъ безъ преслѣдованія попытку, хотя бы предпринятая и съ добрымъ намѣреніемъ принести

кому-либо частную пользу, но не представляющія никакого общаго интереса и притомъ, можетъ быть, неправильно перетолковывающія, въ видахъ своего уздаго интереса, не общественную, а такъ сказать, домашнюю дѣятельность живыхъ людей? Для насъ собственно неважно даже, справедлива ли наша догадка, что романъ г. Темризова именно такое произведение; пусть даже оно чистый вымыселъ; довольно того, что романъ веденъ такимъ образомъ, что онъ возбуждаетъ подобныя подозрѣнія, какъ бы показывая, что дѣятельность русскихъ писателей возможна и въ этомъ направленіи. Мы убѣждены, что подобныя произведенія въ литературѣ не должны быть терпимы, если дѣло въ нихъ идетъ о какой-либо чисто семейной ссорѣ, или домашнемъ скандалѣ, о нерѣшенномъ личномъ вопросѣ между частными лицами, при чемъ сторона обвиняющая, избирающая своимъ орудіемъ литературную форму, едва-ли будетъ въ состояніи удержаться отъ преувеличеній въ изображеніи характеровъ и дѣятельности представителей стороны, ею обвиняемой. Подобныя дразги и сплетни не могутъ приводить въ оправданіе своего *raison d'être* существованіе обличительной и юмористической литературы. И у той и у другой отрасли литературы есть свои опредѣленныя дѣли и условія, оправдывающія законность ихъ существованія. Обличительная литература имѣетъ въ виду выводить на свѣжую воду такіе поступки и преступленія людей, которые приносятъ существенный вредъ множеству лицъ или даже ущербъ всему обществу и противодействовать которымъ, при извѣстномъ общественномъ складѣ, невозможно или неудобно никакимъ другимъ честнымъ путемъ. Но дѣла чисто семейныя, напримѣръ, какъ недоразумѣнія между мужемъ и женой, при чемъ постороннему лицу едва-ли бываетъ возможно рѣшить, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ — разумѣется, литературному обличенію подлежатъ не могутъ. Юмористическая литература хотя и осмѣиваетъ живыхъ людей у насъ впрочемъ весьма рѣдко, называя ихъ даже полнымъ именемъ и фамилію, но осмѣиваетъ *только* промахи или нелѣпности и ошибки ихъ общественной дѣятельности. Если тогда въ юмористической формѣ являются сцены изъ частной жизни общественныхъ дѣятелей, то обыкновенно въ нихъ изображается не дѣйствительно существующее, а только художественно возможное, или тѣ черты характера или образа мыслей, которыя то или другое лицо проявляло въ общественной дѣятельности—доведенныя въ придуманныхъ обстоятельствахъ до абсурда. Выводить же частную дѣятельность живыхъ людей, описывая дѣйствительное событіе, не имѣющее общаго интереса, такъ что люди, знающіе ихъ, могутъ по самому обстоятельству событія, или по вѣрнымъ признакамъ, которыми характеризуетъ ихъ авторъ, узнавать ихъ, утрировать ихъ пороки и дурныя черты ихъ характеровъ и доводить изображенія ихъ до такого отталкивающаго безобразія и карикатурности, до какой доведены, напримѣръ,

г. Темризовымъ его Аглашка и Куленевы — не позволить себѣ, конечно, ни одинъ, сколько-нибудь уважающій себя писатель. Въ самой юридической практикѣ дѣйствительной жизни мы видимъ, что адвокатура тѣхъ защитниковъ обыкновенно неудается, которые чернятъ и пачкаютъ другихъ лицъ въ оправданіе своего кліента. Кромѣ того, еслибы даже существованіе какого-нибудь частнаго спорнаго вопроса между живыми людьми и подлежало литературному обсужденію въ беллетристической формѣ, то отъ автора-адвоката одной стороны требуется, кромѣ безпристрастія, прежде всего, какъ и при веденіи юридическаго процесса, отъ прокурора и защитника, ясное, логическое и безпристрастное изложеніе дѣла обвиняемой или защищаемой ни личности, чѣмъ и обусловливается степень того вниманія и участія, какое можетъ принимать публика въ судьбѣ и дѣлѣ выводимаго авторомъ героя-романа. Между тѣмъ, неумѣлость ясно изображать характеры и логическую сущность дѣйствующихъ лицъ повѣсти можетъ привести читателей къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, какіе имѣлъ въ виду авторъ. Такъ, Надежда Ивановна, этотъ Архипъ, изображенный Сидоромъ, въ романѣ г. Темризова пользующаяся, очевидно, полнѣйшимъ сочувствіемъ автора, намалевана такъ грубо, что то, чтò кажется автору въ ней почтеннымъ и достойнымъ подражанія, представляется читателю смѣшнымъ и нелѣпнымъ. Для доказательства, укажемъ хотя на весьма противную сцену пріѣзда Демьяновыхъ отъ вѣнца, гдѣ молодой называетъ свою жену собакою, а она предается цалованіямъ его руки и т. д. Можетъ ли вообще возбуждать въ читателѣ сочувствіе женщина, подобная выведенной г. Темризовымъ, удовлетворяющаяся рабскою любовью, дѣлающая идоломъ своимъ отъявленнаго балбеса и сваливающая всю несладкицу своего семейнаго союза, происходящую вслѣдствіе того, что оба супруга лишены хотя и не въ равной степени всякаго логическаго пониманія самихъ себя и своихъ дѣйствій и не могутъ дать себѣ никакого яснаго отчета, чего они хотятъ, изъ-за чего мнутъся, — на внѣшнія обстоятельства, на какихъ-то специалистовъ-разлучниковъ, обладающихъ чуть ли не волшебною силою достигать всего, чего не пожелаютъ. Разумѣется, если оба супруга отличаются идиотизмомъ, то всякое внѣшнее вліяніе будетъ для нихъ пагубнымъ, но тогда и безъ разлучниковъ ихъ бессмысленный союзъ не приведетъ ни къ чему хорошему и адвокатура за такихъ лицъ покажетъ только нѣкоторую степень недомыслия адвоката. Впрочемъ, вѣдь и адвокаты бываютъ разные. Рассказываютъ же объ одномъ провинціальномъ ораторѣ, который, защищая одну женщину, обвиненную прокуроромъ въ поступкѣ, наказываемомъ кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ, сзумѣлъ своею искусною защитою такъ помочь своей кліенткѣ, что, благодаря его рѣчи, она была приговорена на срокъ, несравненно должайшій, чѣмъ этого желалъ самъ про-

куроръ. Такъ заступился и г. Темризовъ за свою вымышленную или дѣйствительную, не знаемъ, героиню, Надежду Ивановну. Вѣроятно, впрочемъ, она вымышленная, ибо еслибы онъ явился адвокатомъ дѣйствительно существующей и написалъ свой романъ для спеціальнаго прочтенія одного г. Демьянова, то, вѣроятно, понялъ бы, что въ такомъ разѣ слѣдуетъ раздавать, по крайней мѣрѣ, свое произведеніе публикѣ даромъ, а не лупить за него по рублю семидесяти копѣекъ за экземпляръ, если только найдутся легковѣрные читатели на удачку его «простаго сказанія».

Очеркъ исторіи развитія человѣческаго мировоззрѣнія. Андрея Завадскаго-Краснопольскаго, автора сочиненія *Вліяніе Греко-Византійской культуры на развитіе цивилизаціи въ Европѣ* (Кіевъ, 1866), *удостоеннаго совѣтомъ императорскаго университета св. Владиміра «почетнаго отзыва».* Съ атласомъ астрономической географіи. Спб. 1869.

Несмотря на зашибающее заглавіе лежащей передъ нами книги, несмотря на то, что ея авторъ, г. Андрей Завадскій-Краснопольскій, подобно одному изъ героевъ гоголевской «Женитьбы», рекомендуемуся человѣкомъ, знакомымъ съ морскими бурями, заявляетъ на обложкѣ своего сочиненія, что онъ не какой-нибудь литературный новичекъ, а такъ сказать, авторъ, знакомый уже съ почетными отзывами — «Очеркъ исторіи развитія и т. д.» — произведеніе не ахти, какое мудреное. Этотъ «Очеркъ», собственно говоря, нельзя безъ крайней натяжки назвать даже книгою, и, если мы это сдѣлали, то единственно ради прирожденной намъ уточненной вѣжливости. Тошя брошюрка г. Завадскаго-Краснопольскаго состоитъ всего-навсего изъ 110 крошечныхъ страничекъ, напечатанныхъ крупнымъ и разгонистымъ циперо, и изукрашенныхъ безсчетомъ количествомъ всевозможныхъ ошибокъ и опечатокъ. На такой ничтожной аренѣ г. Завадскій-Краснопольскій затѣваетъ передать читателямъ всю исторію развитія человѣческаго мировоззрѣнія, всѣ теоріи гео и гелио-центрическія, весь генезисъ космоса, небесную механику, астрономію, называемую имъ самимъ «царицею наукъ», исторію важнѣйшихъ географическихъ открытій, геогнозію, космографію и т. д. и т. д. Понятно само собою, насколько при этомъ условіи — произведеніе его научно и глубоко. Оно представляется чѣмъ-то въ родѣ балетныхъ программъ, и передъ глазами читателя безслѣдно проносятся цѣлые ряды существъ и веществъ, силъ и пространствъ, сферъ и мировъ, людскія именъ и астральныхъ духовъ эронцевъ, планетъ и кометъ, Церестрей и Региомтанусовъ и т. д. и т. д. — безъ конца.

Казалось бы, что при такомъ поверхностномъ изложеніи, одна передача важнѣйшихъ фактовъ избраннаго авторомъ предмета, должна бы была поглотить все его вниманіе, но г. Завадскій-Краснопольскій и въ этой тѣсной рамкѣ нашегъ

для себя достаточно простора, чтобы время от времени разингрываться и блистать остроуміемъ. Такъ, говоря объ Уранѣ, движенія котораго отличаются отъ движенія другихъ планетъ частыми уклоненіями отъ правильнаго пути (пертурбаціями), происходящими съ перваго взгляда, безъ всякой опредѣленной цѣли, онъ ввертываетъ такое остроумное замѣчаніе, что «пожалуй, его можно сравнить съ тѣмъ несчастливцемъ, который, испивши горькую чашу, бредетъ куда глаза глядятъ». Такъ говоря, что съ усвоеніемъ учеными гелиоцентрическаго міросозерцанія, земля потеряла свое первостепенное значеніе во вселенной, онъ мимоходомъ называетъ землю «прихвостнемъ солнца», а на страницѣ 73-й помѣщаетъ даже цѣлое замѣчаніе въ такомъ вкусѣ: «Нужно еще замѣтить, что между небесными тѣлами сильно развито низкопоклонничество: меньшія тѣла такъ и норовятъ сдѣлать салютъ звѣздамъ бѣльшей важности, ради чего нерѣдко уклоняются отъ своего пути; но ревнивыя центральныя тѣла не выносятъ подобныхъ продѣлокъ своей челяди, и силой собственнаго тяготѣнія заставляютъ ихъ снова возвращаться на прежній путь». Въ видахъ же остроумія, по всей вѣроятности, на страницѣ 95-й имъ сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «солюю называется всякое твердое вещество, расторяющееся въ водѣ». Не правда ли, какое глубокое познаніе химіи?!

Для кого и для чего г. Завадскій-Краснопольскій издалъ свою брошюру? Самъ онъ этого не объясняетъ, такъ-какъ при его очеркѣ нѣтъ ни предисловія, ни введенія, ни даже двухъ, трехъ словъ, которыми была бы выражена настоящая его цѣль, догадаться же объ ней изъ самой брошюры нѣтъ никакой возможности. Если она предназначена имъ для дѣтей и учащихся, то таковой дѣли она достигнуть не можетъ, по недостатку въ ней объясненій и доказательности. Если для простолюдиновъ, то помимо того же недостатка, она негодна еще и по цѣнѣ своей, такъ-какъ вмѣстѣ съ атласомъ рисунковъ, весьма плохо исполненныхъ, назначенная за нее цѣна рубль двадцать копѣекъ, непомерно высока. Если же, составляя свой очеркъ, авторъ мечталъ принести пользу людямъ образованнымъ и занимающимся, то онъ совершенно напрасно безпокоился и поддался тщетному самообольщенію — при своей краткости и сумбурности, она не даетъ занимающимся ровно ничего новаго или полезнаго, чего бы нельзя было найти въ порядочныхъ трудахъ этого рода. Неужели самъ онъ своей «Очеркъ» принимаетъ за что либо серьезное? А вѣдь на составленіе его все-таки потребовалось нѣкоторое время. Впрочемъ, людскія цѣли отличаются такимъ разнообразіемъ, что угадать мотивы, побудившіе г. Андрея Завадскаго-Краснопольскаго написать и издать свой очеркъ — дѣло весьма трудное. Сочинители же, какъ извѣстно, люди нарочито-капризные. Можетъ быть, авторъ написалъ свой очеркъ только для того, чтобы изобразить на первой страницѣ (какъ это и сдѣлано въ очеркѣ): «посвящаю памяти моего дяди, доктора мс-т. CLXXXVI. — Отд. II.

дичины, дѣйствительнаго статскаго совѣтника такого-то, скончавшагося въ С.-Петербургѣ 3 іюня 1869 года», можетъ быть для того, чтобы въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ, къ своему имени, послѣ словъ автора сочиненія «Вліяніе Греко-Византійской культуры на развитіе цивилизаціи въ Европѣ» (Кіевъ, 1866), удостоеннаго совѣтомъ императорскаго университета св. Владиміра «почетнаго отзыва», имѣть право прибавить слова: и «Очерка исторіи развитія человѣческаго міровоззрѣнія (съ атласомъ)». Думать такъ о своихъ дѣлахъ онъ дастъ другимъ право потому, что еслибы цѣль его книги была хотя сколько нибудь серьезна, то конечно, на ее выполненіе онъ потратилъ бы гораздо болѣе вниманія и труда.

О НАПРАВЛЕНІИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Дѣйствующіе законы о прессѣ: Англія, Франція, Германія, Голландія и Бельгія, Швеція, Италія, Россія).

II.

Перехода къ разсмотрѣнію различныхъ положительныхъ законодательствъ о прессѣ, Штейнъ говоритъ, что различіе ихъ состоитъ не въ частныхъ опредѣленіяхъ и подробностяхъ, а въ принципѣ, который господствуетъ въ законодательствѣ. Ибо и здѣсь, какъ вездѣ, первыя составляютъ естественные выводы изъ господствующаго принципа и только выражаютъ собою характеръ послѣдняго, а не образуютъ его. Потому то, что мы называемъ характеромъ положительнаго права прессы, опредѣляется отношеніемъ его къ тѣмъ различнымъ историческимъ формамъ, которыя оно проходило. Характеръ каждаго положительнаго законодательства о прессѣ представляетъ собою именно ту эпоху, которую оно переживаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ различіи различныхъ законодательствъ о прессѣ въ Европѣ, всё они въ существенныхъ чертахъ своихъ одинаковы. Всѣ они пережили однѣ и тѣ же эпохи: всѣ признавали въ различныя времена одни и тѣ же принципы; всѣ стремились къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, одними и тѣми же средствами; у всѣхъ было одинаковое историческое развитіе. т.-е. постепенный переходъ изъ сословнаго права прессы къ полицейскому, отъ полицейскаго къ свободному. И во всѣхъ это развитіе слѣдовало одному и тому же закону, именно дѣйствіе правительствъ противъ духа или направленія прессы находилось всегда въ прямомъ отношеніи къ правамъ народнаго представительства; чѣмъ стѣсненнѣе дѣлалось послѣднее, тѣмъ сильнѣе становилась борьба противъ направленія прессы, и наоборотъ, чѣмъ болѣе свободы получало народное представительство, тѣмъ свободнѣе становилась и пресса. Ибо у всѣхъ на

родовъ пресса всегда служить замѣною народнаго представительства и естественно первая должна воспринимать на себя удары, направляемые противъ послѣдняго. Пресса становится на второй планъ лишь тогда, когда народное представительство занимается принадлежащее ему мѣсто.

Послѣдующая характеристика не имѣетъ цѣлю представить дѣйствующаго права европейской прессы во всемъ его объемѣ. Она очертитъ только общія основанія, существующую въ Европѣ систему, изъ которой легко будутъ понятны частности. Ничто такъ не способствуетъ къ уразумѣнію своего отечественнаго, какъ сличеніе его съ иностраннымъ подъ общею точкою зрѣнія.

Англія.

Намъ кажется, что англійское право прессы рѣдко разсматривается въ его истинномъ существѣ. Поэтому очень многіе еще доселѣ держатся того мнѣнія, что это право съ давнихъ временъ въ своихъ основаніяхъ было право *свободное*. Это мнѣніе *совершенно ложно*. Единственное отличіе англійскаго права прессы отъ континентальнаго составляя всегда *судъ присяжныхъ*. Во всемъ остальномъ Англія, несмотря на все хвастовство свободою прессы, лишь съ 1848 года освободилась отъ принципа репрессивной системы. До этого времени характеръ англійскаго права прессы есть характеръ репрессивный, только смягченный употребленіемъ суда присяжныхъ.

Мы очень хорошо понимаемъ, что высказывая такое наше мнѣніе и не съ особеннымъ уваженіемъ относясь къ *формальной* сторонѣ англійскаго законодательства о прессѣ, мы идемъ вопреки принятой традиціи; тѣмъ не менѣе дѣло было такъ. До 1848 года свободнаго права въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ это мы, т.-е. что направленіе сочиненія не можетъ быть предметомъ суда, не существуетъ въ Англіи; при этомъ существуетъ самая строгая полиція и право полицейскихъ каръ выработано такъ, какъ едва-ли оно выработано и во Франціи. Если, несмотря на это, пресса въ Англіи фактически была свободна, то причина этого заключалась не въ формальномъ правѣ, а въ существованіи тамъ свободнаго народнаго представительства, при которомъ осужденіе кого нибудь за церковныя или политическія *тенденціи* сдѣлалось невозможнымъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Поэтому здѣсь, какъ и во всемъ въ Англіи, надобно различать законъ отъ его примѣненія, не забывая при томъ, что и законодательство прессы никогда не было органическое, напротивъ оно выработывалось по частямъ. При чемъ судебныя рѣшенія имѣли, какъ нѣкогда въ Римѣ, болѣе вліянія на образованіе права, нежели самые законы. Ходъ развитія былъ слѣдующій:

I. Сословная эпоха англійскаго права прессы совершенно

сходна съ континентальною. Уже во время Генриха IV появляется законъ о сожженіи еретическихъ книгъ (*de haeretico comburendo* 1400) съ строгимъ запрещеніемъ сочиненія и списыванія книгъ противу ивѣры; при Генрихѣ V 12 инквизиторовъ занимаются розысканіемъ книгъ Виблефа. При Генрихѣ VIII Вольсей былъ великимъ инквизиторомъ. Въ 1527 году великое ауто-да-фе книгъ и законъ Генриха VIII, запрещающій продажу еретическихъ сочиненій.

Собственно полицейская эпоха начинается лишь при Елизаветѣ. При ней выходитъ законъ, объявляющій государственною измѣною писаніе, печатаніе или изданіе книгъ, содержащихъ возбужденія къ мятежу или *клеветы* на королеву. Преступленіе это подвергалось преслѣдованію судебнымъ порядкомъ; но присяжные должны были давать свой вердиктъ *только* о томъ, дѣйствительно ли обвиняемый сочинитель; остальное не подлежитъ ихъ разсмотрѣнію. Поэтому судья здѣсь, какъ и во всемъ въ Англіи, есть вмѣстѣ и полицейскій органъ. Почти одновременно съ этимъ была введена цензура; кажется, впрочемъ, что цензура въ Англіи, какъ и въ Германіи, простиралась только на цѣлую книгу, давала одобреніе на цѣлое сочиненіе. Съ 1500 года *Звѣздная камера* (высшее судебно-полицейское учрежденіе, находившееся непосредственно въ распоряженіи короля и завѣдывавшее всѣми дѣлами, изъянными изъ круга дѣятельности обыкновенныхъ судовъ и учреждений, въ особенности политическихъ — нѣчто въ родѣ нашей бывшей тайной экспедиціи, съ которой была сходна и по приѣмамъ въ розыскахъ и наказаніяхъ) сдѣлалась высшимъ цензурнымъ учрежденіемъ и дѣйствовала на правахъ суда и полиціи. Во всю эту эпоху, не появляется однакожь мысли о томъ, чтобы духъ или направленіе прессы сдѣлать свободнымъ и ограничиться частными выраженіями; поэтому цензура отдѣльныхъ мѣстъ, здѣсь, какъ и въ Германіи, была совершенно ненужною. Законъ Карла II былъ первымъ превентивнымъ закономъ противъ прессы; хотя онъ дѣйствовалъ только до 1679 года, но былъ возобновленъ въ 1685 и 1692, и Маколей показываетъ намъ, какъ въ то время институтъ суда и присяжныхъ сильно дѣйствовалъ противъ направленія прессы и вообще каждаго свободнаго движенія. Цензурный законъ 1692 года, конечно, не возобновлялся уже съ 1694 годомъ. Здѣсь былъ конецъ превентивной системы. Но прочія постановленія продолжаютъ существовать, и все англійское право прессы XVIII и XIX столѣтій до 1848 года есть не что иное, какъ тщательно выработанная *репрессивная система*, которая налагала на судей формальную и даже нравственную обязанность подлѣ частныхъ выраженій въ прессѣ разыскивать и преступный духъ прессы, и наказывать его. Лишь съ 1848 года, является въ Англіи *законно* свободное право прессы. Мы постараемся разяснить здѣсь, какъ это произошло. Такъ-какъ для уразумѣнія даже и чисто-теоретическихъ воззрѣній

о прессѣ, вѣтъ законодательства болѣе поучительнаго, какъ англійское.

II. *Англійская репрессивная система до 1848 года.* Вообще англійское право прессы въ самой Англии начало выясняться лишь съ половины прошедшаго столѣтія, съ появленіемъ англійской журналистики. Право прессы и здѣсь опредѣлилось общимъ состояніемъ и правомъ народнаго представительства. Извѣстно, что въ началѣ прошедшаго столѣтія парламентъ и его значеніе были почти совершенно уничтожены, и что лишь съ половины этого столѣтія, онъ начинаетъ дѣлаться самостоятельнымъ, опираясь на общественное мнѣніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самомъ парламентѣ продолжаетъ дѣйствовать также великій антагонизмъ, который снова волнуетъ англійскій народъ, и который какъ въ принципѣ, такъ и въ своихъ проявленіяхъ принадлежитъ къ великому европейскому процессу развитія и побѣды гражданскаго общества—это борьба между свободнымъ и сословнымъ элементомъ общества. Естественно, что и здѣсь молодая пресса становится на сторону свободного элемента противу реакціоннаго сословнаго. Но реакціонный элементъ нѣмѣлъ за собою большинство и, слѣдовательно, держалъ въ своихъ рукахъ управленіе. Слѣдствіемъ этого было то, что послѣдняя половина прошедшаго столѣтія полна если на пренотивныхъ мѣрѣ, которыя исчезаютъ уже въ семнадцатомъ столѣтіи, то, по крайней-мѣрѣ, репрессивныхъ мѣрѣ противъ прессы; но въ то же время дѣлается живо сознаніе необходимости свободной прессы во всѣхъ сословіяхъ, и эта совершенно характеристическая борьба между двумя элементами образуетъ теперь право, которое въ основныхъ своихъ чертахъ вполне отражаетъ характеръ репрессивной системы.

Тѣсная связь между ежедневною прессою и развитіемъ народнаго духа была такъ очевидна въ Англии, что здѣсь никогда не возникало сомнѣнія о томъ, что *подлѣ* частныхъ выраженій и духъ или направленіе сочиненій есть также явленіе совершенно самостоятельное, поэтому и здѣсь, при свободномъ возрѣніи на общественное право, прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ: можетъ ли духъ или направленіе сочиненія подвергаться преслѣдованію? На практикѣ никогда не сомнѣвался въ этомъ. Блэкстонъ, одинъ изъ лучшихъ англійскихъ юристовъ прошедшаго столѣтія, понималъ свободу прессы совершенно формально; она состояла, по его мнѣнію, только въ освобожденіи отъ стѣсненій предварительной цензуры. «Для сохраненія мира и добраго порядка — говорить онъ — необходимо наказывать опасныя и наносящія оскорбленія (*offensive*) сочиненія, если ихъ *тенденціи* будутъ обличены справедливымъ и безпристрастнымъ судебнымъ процессомъ (присяжными). Свобода мысли и изслѣдованія этимъ не нарушится. Частное мнѣніе свободно, но распространеніе или оглашеніе дурныхъ, цѣлямъ обществъ противодѣйствующихъ *мнѣній*, есть

преступленіе, которое общество имѣть право наказывать». Что само это «общество» руководится воззрѣніями, совершенно противоположными, и что одна часть въ немъ почитаетъ весьма опаснымъ, то другая находитъ самымъ полезнымъ, и что поэтому повѣрива судомъ общества частнаго мнѣнія представляетъ величайшую опасность для свободы послѣднаго — это Блэкстонъ совершенно опускаетъ изъ виду. И именно, на основаніи такого взгляда юристовъ, представителемъ которыхъ служить Блэкстонъ, во время существованія Звѣздной Камеры на всю прессу былъ натянута самый благонадежный намордникъ. Съ другой стороны, право прессы, при такомъ всеобщемъ воззрѣніи, которое смѣшивало уголовное право духа или направленія прессы съ уголовнымъ правомъ частныхъ выраженій, оставалось все-таки неопредѣленнымъ, и эта неопредѣленность въ Англии, по особенностямъ англійскаго судебного процесса, проявлялась въ характеристической формѣ. Присяжные должны были давать свой вердиктъ; но вопросъ о томъ: *относительно чего* они должны были изречь свое: *виновать* или *невиновать*, не былъ рѣшенъ. Если присяжные обращали вниманіе на *частныя выраженія*, тогда духъ или направленіе ускользали отъ дѣйствія закона; если же они, напротивъ того, произносили свой приговоръ надъ цѣлымъ, тогда они представляли собою только свободную форму репрессивной системы, — и свободного права прессы не существовало. Такая неопредѣленность оставалась до конца прошедшаго столѣтія, именно до того времени, когда дѣйствія французской революціи проникли и черезъ каналъ. Тогда началась борьба свободного народнаго представительства съ крайне замкнутою парламентскою системою. Само собою разумеется, что правительство стало на сторону послѣдней. Но очевидно, что съ закономъ, который подвергалъ уголовному преслѣдованію только частныя выраженія въ сочиненіяхъ, немного можно было выиграть въ этой борьбѣ. Надобно было одолѣть самое направленіе. И вслѣдствіе этого, появился *собственно уголовный законъ репрессивной системы*, первый въ Европѣ, который гораздо болѣе, нежели думаютъ, послужилъ образчикомъ для послѣдующихъ законодательствъ. Такъ-называемый Fox-Libell-Bill (законъ о пасквиляхъ) говорить въ своемъ первомъ отдѣлѣ, что противъ каждаго сочиненія можетъ быть начата или частная жалоба (indictment) или государственное обвиненіе (information), послѣднее противъ цѣлаго сочиненія, и что «присяжные обязаны, относительно *цѣлаго*, предложеннаго на ихъ рѣшеніе предмета обвиненія, произнести свой приговоръ», при чемъ они вправѣ и относительно *частныхъ* выраженій, кромѣ общаго вердикта, постановить еще и специальный вердиктъ. Это значитъ, что присяжные могутъ давать свой вердиктъ и относительно духа или направленія сочиненія въ смыслѣ блэкстоновскихъ принциповъ и относительно правонарушеній, содержащихся въ частныхъ выраженіяхъ — для этой

цѣли и приспособлены двѣ формы обвиненія (action of the case и information). Что направленіе сочиненія, здѣсь въ *первый разъ* отдѣленное отъ частныхъ выраженій, должно подлежать уголовной отвѣтственности, въ этомъ англичане такъ мало сомнѣвались, что даже еще въ 1830 году Штарки (Starkie) говорилъ: «Такіе, достойные наказанія поступки невозможно иначе ограничить, какъ имѣя въ виду *тѣ дѣйствія*, которыя они производятъ»; когда нападаютъ на правительство, подъ благовиднымъ предлогомъ выяснить его ошибки или исправить его промахи, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы управленіе общественными дѣлами *поставить въ затрудненіе* (?) и привести въ замѣшательство, или «чтобы *продолжить путь* мятежу и революціи разрушеніемъ узъ вѣрноподданнической вѣрности и законности» (1), то «такое сочиненіе обществу вредно и опасно и, слѣдовательно, *преступно*». Болѣе жесткихъ принциповъ противъ духа или направленія прессы не можетъ представить цѣлый континентъ, ни даже сама Франція. Безъ сомнѣнія, эта жестокая система смягчалась въ Англіи судомъ присяжныхъ и, кромѣ того, какъ говоритъ одинъ юристъ, «духомъ англійской конституціи, дозволяющимъ иногда (?) очень сильныя выраженія о предметахъ, представляющихъ собою особенный интересъ для общественнаго мнѣнія». Но въ существѣ дѣла англійское право прессы все-таки не было *правомъ свободнымъ*.

На основаніи изложенныхъ принциповъ выработалась вторая часть англійской репрессивной системы, собственно уголовное право прессы. На практикѣ оказывалось несомнѣннымъ, что, въ силу этихъ принциповъ, каждый издатель и писатель находился цѣликомъ въ рукахъ судовъ и ихъ усмотрѣнія, какъ бы онъ ни былъ остороженъ въ изложеніи и словѣхъ и какъ бы ни старался избѣгнуть всякихъ новодовъ къ судебной отвѣтственности. Даже честный англійскій судъ присяжныхъ долженъ былъ чувствовать естественную нужду въ какомъ-нибудь законномъ указаніи, на основаніи котораго онъ могъ бы различать подлежащее наказанію отъ неподлежащаго наказанію и произносить свой приговоръ относительно обвиняемыхъ сочиненій — ибо на основаніи означенныхъ принциповъ уничтожалась совершенно всякая граница между преступнымъ и не преступнымъ. Вотъ почему почти одновременно съ Fox-Libell-Bill является попытка опредѣлять вѣншіе признаки, по которымъ можно бы было отличать подлежащее наказанію отъ неподлежащаго наказанію. Дается опредѣленіе понятію «Libell». Libell есть сочиненіе, подлежащее уголовной отвѣтственности за свое частное содержаніе. Первый весьма замѣчательный въ этомъ направленіи законъ принадлежитъ Георгу III (Stat. 60) и Георгу IV (8). Въ немъ объявляется подлежащимъ уголовной отвѣтственности каждое сочиненіе, «которое *стремится привести въ ненависть и презрѣніе* лицо короля, его наслѣдниковъ и преемниковъ, или регента, или *правительство и конституцію* Соединеннаго Ко-

релевства, или которую-нибудь изъ палатъ парламента». Такой Libell составляет *нарушеніе мира* и, вслѣдствіе этого, можетъ быть преслѣдуемъ въ одно и то же время двоякимъ образомъ: гражданскимъ порядкомъ (action on the case съ indictment) и чрезъ information. Наказанія налагаются очень тяжкія. Такойъ былъ законъ, который далъ уголовному праву духа прессы политическое содержаніе. Законъ этотъ, основывавшійся на неограниченномъ господствѣ сословныхъ парламентскихъ элементовъ и угрожавшій уголовною отвѣтственностью за каждое стремленіе къ реформѣ, существовалъ до 1830 года. Въ это время волны французской революціи начинаютъ снова бить въ берега Англійи. Стремленіе къ болѣе свободному народному представительству дѣлается непреодолимымъ. Становится болѣе невозможнымъ чрезъ information прокурорской власти преслѣдовать каждую попытку нападенія на «правительство» или на одну изъ палатъ и, слѣдовательно, преслѣдовать *этомъ* духъ прессы по силѣ 60-й ст. статута Георга III. Но движеніе въ пользу реформы одерживаетъ побѣду только въ половину, поэтому и мысль сдѣлать духъ или направленіе прессы законно свободнымъ только на половину достигаетъ своего исполненія. Область гдѣ *это* движеніе останавливается, есть понятіе Libell. Вопросъ въ томъ, что превращаетъ сочиненіе въ Libell — направленіе ли его или частныя выраженія въ немъ? До сихъ поръ Libell могло дѣлаться и посредствомъ направленія и посредствомъ частныхъ выраженій; въ такомъ положеніи не рѣшаются оставить дѣло, но не рѣшаются и измѣнить его. Это всеобщее колебаніе изображаетъ лучше всѣхъ Штарки, обозначая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и путь, на который вступило англійское публичное право, чтобы достигнуть прочнаго положенія. Стали пытаться опредѣлить тѣ *частныя* выраженія и случаи, которые на будущее время должны были дѣлать изъ сочиненія Libell. Теорія съ своей стороны, признала это совершенно невозможнымъ. «Утвержденіе и обозначеніе въ этомъ случаѣ границъ, говорить Штарки, въ высшей степени трудно. Несомнѣнно одно, что оно не можетъ быть достигнуто запрещеніемъ извѣстныхъ *мысли* и извѣстныхъ выраженій». Оставалось, такимъ образомъ, установленіе этихъ границъ, а слѣдовательно, и границъ свободы прессы въ каждомъ данномъ случаѣ предоставить судѣ. Это значило бы публично признать несостоятельность науки права и, конечно, не могло бы никого удовлетворить. Необходимо было что-нибудь болѣе опредѣленное. Но лишь только въ 1833 году правительство рѣшилось сдѣлать первый шагъ и для этого внесло билль, основная мысль котораго состояла въ томъ, что за *общія* нападенія на правительство не можетъ быть болѣе внизяема information и что только то сочиненіе должно почитаться Libell, которое прямо направлено противъ какого-нибудь лица или корпораціи, такъ что Libell должно имѣть характеръ диффамациі, defamatory-libell. Этими, конечно,

рѣшался вопросъ, и право прессы въ Англіи дѣлалось свободнымъ. Но консервативная партія продержала этотъ билль *десять лѣтъ* и, наконецъ, вмѣсто его, явился законъ объ оскорбительныхъ сочиненіяхъ, такъ-называемый *Cambells-Libell-Bill* (1843), который содержалъ опредѣленіе отвѣтственности за učinяемыя черезъ прессу *обиды*, нисколько не касаясь при этомъ того принципа, въ силу котораго подвергался уголовному преслѣдованію духъ или направленіе сочиненій. Для права объ обидахъ билль этотъ имѣлъ рѣшительное значеніе. На него должно смотрѣть, какъ на основной законъ той части англійскаго уголовного права, которая содержитъ въ себѣ правонарушенія, совершаемыя прессою противу частныхъ лицъ и корпорацій въ качествѣ обидъ, или противъ царственныхъ лицъ въ качествѣ оскорбленія величества, но вопросъ о свободѣ прессы этимъ биллемъ нисколько не рѣшается.

Въ такомъ положеніи находится дѣло въ сороковыхъ годахъ. Всего важнѣе было въ *Cambells-Libell-Act* то постановленіе, что, при обидахъ, никто не можетъ быть допущенъ къ *exsertio veritatis*, т.-е. къ доказательству того, что то или другое заявленіе, сдѣланное объ извѣстномъ лицѣ и принимаемое имъ за оскорбленіе, есть, однакожь, истинна; далѣе характеристична и достойна вниманія въ билль мысль, что показанная оскорбителемъ готовность примириться, безъ процесса, должна смягчать наказаніе. Но *Cambells-Libell-Act* былъ не что иное, какъ уголовное право объ оскорбленіяхъ чести (*defamation*) и, кромѣ печати, обнималъ и всѣ другіе виды оскорбленія чрезъ заявленіе мысли, слѣдовательно, принадлежалъ не къ уголовному праву прессы, а къ общему уголовному праву. Законъ Георга III или *Fox-Libell-Bill* остался во всей своей силѣ, хотя и не примѣнялся на практикѣ. Рядомъ съ этимъ развивалась простая и весьма энергичная полиція прессы, и трудно сказать, кто болѣе у кого учился, англійская ли полиція у французской или французская у англійской.

III. *Нынешняя система свободы прессы и полиція прессы въ Англіи.* Едва прошло четыре года со времени билля лорда Камбелля, какъ страшный 1848 годъ поколебалъ всю Европу. И опять море понесло континентальное волненіе на берега Англіи. Одна изъ областей, на которой Англія увидѣла себя въ своемъ публичномъ правѣ захваченною этимъ волненіемъ, было право прессы. И Англія должна была, съ своей стороны, принять участіе въ той свободѣ, которою пьяна была Европа. Такимъ образомъ, 22-го апрѣля 1848 года явился законъ, который совершенно уничтожилъ репрессивную систему и на мѣсто ея установилъ свободу прессы. Законъ этотъ прямо и ясно отмѣняетъ законъ Георга III о печати, т.-е. и *Fox-Libell-Bill* и тогдашнее понятіе о *Libell*, за исключеніемъ тѣхъ сочиненій, которыя «возвѣщаютъ, выражаютъ, объявляютъ» смерть, погибель или плѣнъ короля, его наслѣдниковъ или преемниковъ;

«представляется дѣлсообразнымъ, говорить новый законъ, уничтожить всѣ содержащіяся въ помянутомъ актѣ (Георга III) опредѣленія, которыя не относятся къ преступленію противъ лица регента». Этимъ въ первый разъ уничтожалось законно преслѣдованіе всѣхъ тѣхъ сочиненій, которыя не содержали государственной измѣны; духъ или направленіе прессы дѣлалось свободнымъ и освобождалось отъ всякаго суда; въ государственной измѣнѣ сочиненіе могло быть обвиняемо только тогда, когда въ немъ «въ качествѣ мнѣній были выражены или объявлены какіе-нибудь планы, умыслы, предначертанія, проекты». Причемъ, вмѣстѣ съ печатью, одинаковой отвѣтственности за измѣну подлежали и письма, публичныя или преднамѣренныя рѣчи, открытыя дѣла и поступки. Этимъ былъ положенъ конецъ той эпохѣ, содержаніе которой юридически формулировалъ Блэкстонъ, а законно Георгъ III; въ Англіи гвѣтъ болѣе преступленій прессы, а есть только проступки и преступленія, совершаемые черезъ прессу.

Теперь слѣдовало бы рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи билль Камбелля, не уничтоженный новымъ закономъ, находится къ послѣднему. Мы можемъ, имѣя въ виду предъидущее изложеніе, отвѣчать на это кратко. *Онъ остается*; но онъ и его герменевтика даже и формально не имѣютъ теперь никакого отношенія къ праву прессы; онъ относится къ уголовному праву объ обидахъ. Такимъ образомъ, Англія не имѣетъ теперь никакого отдѣльнаго права для прессы, а имѣетъ только полицію прессы.

Эта полиція проста, но строга. Полиціи для печатнаго промысла въ Англіи не существуетъ. Но обязательные экземпляры съ именемъ типографщика и издателя требуются, равно какъ и залогов, которые существуютъ даже для политическихъ брошюръ. Строгія предписанія Георга III относительно періодическихъ изданій (1798) никогда, однакожъ, не заходили такъ далеко, чтобы узаконить право разрѣшенія на изданіе газетъ (concession) и чрезъ это, или чрезъ угрозу отнятія концессіи, дѣйствовать косвенно на направленіе газетъ и журналовъ, хотя ложное обозначеніе на обязательномъ экземплярѣ имени типографщика или издателя было наказуемо, какъ клятвопреступленіе. Какъ ни сильно старался Георгъ III стѣснить прессу, но онъ никогда не пытался дѣйствовать на нее съ этой стороны. Самое крайнее, на что онъ рѣшился, это былъ законъ, по которому типографщики, продавцы шрифтовъ и даже словолитчики должны были дѣлать о себѣ заявленіе clerk of peace: также они обязаны были вести точный списокъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ они продаютъ шрифты; тайная пресса розыскивалась полиціей, и продавцы сочиненій, напечатанныхъ въ противность полицейскимъ уставамъ, подвергались наказанію. Рядомъ съ этимъ остались и теперь еще въ силѣ прежніе за-

коны, воспрещающіе распространеніе ложныхъ, возбуждающихъ опасенія извѣстій.

Франція.

Право прессы во Франціи, несмотря на великое разнообразіе его частныхъ положеній и часто мѣняющіяся точки зрѣнія, въ общемъ весьма просто. *Сословная* эпоха продолжалась здѣсь до XVIII столѣтія; *проибитивная* система господствовала до революціи; затѣмъ очень недолго существовало свободное право прессы. Послѣдующая исторія дѣйствующаго права прессы во Франціи представляетъ непрестанное колебаніе между превентивною и репрессивною системою до хартіи 1830 года, а съ того времени господство репрессивной системы. Французская репрессивная система имѣетъ тотъ непріятный характеръ, что она дѣйствуетъ не какъ честный открытый врагъ противъ духа или направленія прессы и не объявляетъ послѣднему прямой войны, но старается поработить его себѣ косвенно посредствомъ имущественнаго раззоренія. Нигдѣ съ большимъ искусствомъ рабская зависимость не прикрывается *видомъ* свободы.

Что касается *проибитивной* системы во Франціи, русскій читатель можетъ достаточныя свѣдѣнія приобрѣсти о ней изъ имѣющихся на русскомъ языкѣ книгъ *Истории XVIII столѣтія* Шлосера (мѣстами) и изъ *Истории цивилизаціи* Бокля.

Время репрессивной системы начинается деклараціею правъ (*declaration des droits*): «*tout citoyen peut parler, ecrire, imprimer librement, sauf à repondre de l'abus de cette liberté dans les cas determinés par la loi*». Но какія постановленія должны были содержаться въ законѣ о являющихся въ печати сочиненіяхъ — этого не было сказано. Борьба между партіями не давала возможности приняться немедленно за законодательство. Лишь когда кровавая эпоха прошла и побѣда буржуазнаго общества была рѣшена, послѣднее начало своего врага, *красную республику*, органы которой оно вытѣсняло изъ народнаго представительства, преслѣдовать и въ прессѣ. Законъ 27-го жерминаля года IV, опредѣлилъ смерть за возбужденіе къ сопротивленію; законъ 28-го жерминаля года IV требовалъ означенія имени типографщика и сочинителя подъ страхомъ строгаго наказанія; законъ 19-го фруктидора года V зашелъ такъ далеко, что всѣ журналы вообще поставилъ (на годъ) подъ полицейскій надзоръ; законъ 9-го вандеміера года V вводилъ штемпель, исключая спеціальныхъ періодическихъ изданій; законъ 27-го нивоза годъ VIII подчинилъ изданіе журналовъ прямо *autorisation préalable du Gouvernement*, пока наконецъ Наполеонъ декретомъ 5-го февраля 1810 года возстановилъ вполнѣ превентивную систему. Этотъ новый законъ ограничиваетъ число типографій, требуетъ для каждой изъ нихъ разрѣшенія, формальной присяги типографщиковъ, для всѣхъ журналовъ

устанавливаетъ необходимость концессій и предписываетъ цензуру. Рядомъ съ этимъ издаются полицейскія предписанія для букинистовъ или разносчиковъ книгъ по домамъ (17-го жерминаля годъ XI), театры подчиняются строгой цензурѣ (секретъ отъ 29-го іюня 1807 года), духовнаго содержанія книги могутъ выходить только съ разрѣшенія епископовъ (7-го жерминаля годъ XIII), въ каждомъ департаментѣ вообще можетъ быть только одинъ журналъ (3-го августа 1810 года). Такимъ образомъ превентивная система развилась до такихъ предѣловъ, до какихъ она не достигала никогда прежде.

Вмѣстѣ съ этою системою является и уголовное право для прессы. Еще ни одинъ французъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію безъ закона; поэтому Code Pénal долженъ содержать въ себѣ и наказанія собственно за преступленія прессы, — и вотъ въ первый разъ является понятіе *Delits de la presse*, которое вноситъ такъ много неясности въ общее представленіе, ибо преступленіе, совершаемое черезъ прессу (*par la voie de la presse*), понимается какъ преступленіе прессы, черезъ это теряется различіе между частными выраженіями и духомъ или направленіемъ прессы. Что относительно послѣднихъ не могло быть никакихъ специальныхъ законовъ, въ родѣ Fox-Libell-Bill, понятно само собою, потому что пресса находится подъ цензурою и *одобрениемъ*.

Второй періодъ начинается реставраціей; это періодъ борьбы съ цензурою. Эпоха эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней «направленіе» въ первый разъ признается какъ самостоятельный фактъ наравнѣ съ частными выраженіями, подлежащими дѣйствію Code Pénal, и дѣлается предметомъ судебного преслѣдованія. Въ началѣ пресса преслѣдуется жестоко, пока по совершенномъ утверженіи новаго королевства, она сама въ свою очередь начинаетъ дѣйствовать на законномъ основаніи. Тогда законодательство 1819 года ограничиваетъ ее тремя законами. Первый законъ отъ 17-го мая усиливаетъ наказанія за преступленія, совершенныя чрезъ прессу; второй отъ 26-го мая опредѣляетъ процессъ въ такихъ случаяхъ; именно въ немъ излагаются правила наложенія ареста на сочиненія и *action publique* предъ трибуналомъ. Третій отъ 9-го іюня направляется, наконецъ, специально противъ ежедневной прессы; онъ систематизируетъ полицію прессы, поставляя въ обязанность журналамъ дѣлать заявленія о своемъ изданіи, доставлять обязательные экземпляры и вносить залогомъ. Очевидно, однакожъ, что всего этого было недостаточно для репрессивной системы; Code Pénal, на основаніи котораго производился судъ, все-таки требовалъ опредѣленнаго, юридически доказаннаго факта преступленія, и потому было легко ускользнуть отъ судебного преслѣдованія: между тѣмъ, существовала сильнѣйшая оппозиція. Тогда явился законъ 17-го марта 1822 года, *Loi des tendances*. *Первымъ* постановленіемъ этого закона было введеніе принципа концессіи

для изданія журнала; *вторымъ* — временное или совершенное отнятіе этой концессіи; *dans le cas où l'esprit d'un journal ou écrit periodique résultant d'une succession d'articles serait de nature à porter atteinte à la paix publique. au respect du à la religion de l'Etat ou aux autres religions légalement reconnues en France, à l'autorité du Roi et à la stabilité des institutions constitutionnelles*. Cours royales, королевскіе суды, могли, по предложенію procureur de Roi, королевскаго прокурора, останавливать изданіе, по крайней мѣрѣ, на мѣсяць; во второй разъ на два мѣсяца; въ третій — отнимать совсѣмъ концессію. Это былъ первый законъ континента, ясно и прямо выражавшій репрессивную систему; «духъ или направленіе прессы», «выводы», дѣлаемые изъ цѣлаго ряда статей, признаются юридически фактомъ преступленія; судъ дѣлается полицейскимъ органомъ, а наказанію подвергается не сочинитель, но самое *предпріятіе*. Здѣсь выражается точно то же, что и въ законѣ Георга III, только гораздо яснѣе и съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что за преступленіе преслѣдуется не сочинитель, какъ въ Англіи, а капиталъ изданія. Если при этомъ вспомнимъ, что и типографшникъ попрежнему въ своемъ промыслѣ состоитъ подъ концессіей и присягаетъ, то поймемъ, что репрессивная система достигаетъ здѣсь своего апогея, умственная зависимость отъ капитала существуетъ полная.

Послѣдствіемъ всего этого была, естественно, сильнѣйшая оппозиція со стороны журналовъ; возрастающее вліяніе палатъ, въ особенности послѣ вступленія на престолъ Карла X, сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее существованіе подобнаго порядка и закономъ 18-го іюля 1828 года *Loi des tendances* былъ уничтоженъ. Только залогомъ и наложеніемъ ареста были удержаны; основаніе журналовъ сдѣлано, напротивъ того, свободнымъ и наказаніе по *Code Pénal* восстановлено. Тогда журналы начали оппозицію столь сильную, что снова сдѣлалось яснымъ для всѣхъ, что пресса служить замѣною свободнаго представительства. Реставрація могла держать въ рукахъ своихъ палаты, но не прессу. Было очевидно, что скоро начнется борьба съ послѣднею на жизнь и смерть. Дѣйствительно, рѣшились на крайнюю мѣру — отъ репрессивной системы перейти снова къ превентивной. 20-го іюля 1830 года вышли новые законы о печати, которые уничтожали свободу періодической прессы и восстанавливали цензуру. Это была послѣдняя попытка на превентивную систему. Народъ, видѣвшій въ уничтоженіи свободы прессы уничтоженіе народнаго представительства, отвѣчалъ на эту попытку революціей.

Естественно, что одною изъ первыхъ мѣръ новаго правительства было уничтоженіе цензуры. «*La censure ne pourra jamais être rétablie*» (*charte* 1830 г.); 8-го октября 1830 года преступленія о прессѣ вмѣсто государственныхъ судовъ переданы были суду присяжныхъ; но пресса начала уже тогда от-

носятся критически къ нѣкоторымъ явленіямъ въ учрежденіяхъ буржуазнаго общества. Палата охотно дозволяла усиленіе полицейскихъ мѣръ противъ прессы; публичные объявленія и разносчики объявленій были поставлены подъ строгій контроль (законъ 10-го декабря 1830 г.), снова организована система залоговъ (законъ 14-го декабря 1830 г.) и преслѣдованіе преступленій, учиненныхъ *par la voie de la presse*, предоставлено *Cours d'Assises* (законъ отъ 8-го апрѣля 1830 г.), также введена пошлина (мая 1832 г.). Распоряженіемъ 6-го апрѣля 1834 года рѣшительно возстановлялись прежнія полицейскія предписанія относительно печатныхъ сочиненій и книжной торговли, и завѣдываніе послѣдними вручалось министерству полиціи, для разносчиковъ объявленій требовалось полицейское разрѣшеніе (законъ 6-го февраля 1834 г.). Въ сентябрѣ 1835 года послѣдовалъ новый органическій законъ о печати, который — по англійскому примѣру всякое возбужденіе къ преступленію, означенному въ статьяхъ 86 и 87 *Code pénale, soit qu'elle ait été ou non suivie d'effet*, объявлялъ преступленіемъ противъ безопасности государства (*felonie*); диффамация была разграничена отъ этого. Общественная опасность выдвигается теперь на первый планъ, ибо «*toute attaque contre la propriété, toute provocation à la haine entre les diverses classes de la société*» можетъ подвергаться теперь двойному наказанію закона 17-го мая 1819 года (ст. 8-я). *Собственники* журнала вносятъ залогъ; редакторъ — отвѣтственное лицо, и вноситъ третью часть залога *собственнаго*; *Cours d'Assises* могутъ опять останавливать на известное время изданіе согласно закону 9-го іюня 1819 года; на журналы налагается обязанность принимать отвѣты и поправки (*reponses et rectifications*); учрежденіе новыхъ театровъ требуетъ концессіи, точно такъ же и постановка новыхъ мѣстъ на сценѣ; однимъ словомъ, за исключеніемъ цензуры и *autorisation préalable* для основанія журнала, возстановлена вся репрессивная система до послѣдняго, безъ сомнѣнія, весьма существеннаго пункта, который состоитъ въ требованіи для остановки журнала и другихъ наказаній *судебнаго приговора*. Это надобно твердо помнить, ибо недавнее состояніе французской прессы отличалось отъ состоянія 1835 года существенно только тѣмъ, что судебный процессъ былъ замѣненъ чисто полицейскими мѣрами.

Законъ этотъ остается до 1848 года. Мы не будемъ здѣсь говорить о другихъ средствахъ, которыми правительство вліяло на независимость прессы; въ *закономъ* порядкѣ дѣйствія оно держалось закона 1835 года. Революція 1848 года немедленно уничтожила законъ 1835 года (декретъ 6-го марта 1848 г.). Уголовное право статей *Code Pénal* и закона 1819 года осталось въ силѣ; необходимыя измѣненія въ нихъ были сдѣланы декретомъ 11-го августа 1848 года; новая конституція всѣ преступленія, совершаемыя прессою, снова передала суду при-

связныхъ (ст. 12-я), пока явился главный законъ 27-го іюля 1849 года, который соединилъ въ себѣ всѣ эти постановленія, отнесшись, впрочемъ, съ особенною строгостію къ сообщеніямъ, дѣлаемымъ журналами вопреки запрещенію. Переворотъ, который потерпѣло это законодательство о прессѣ, начинается закономъ 16 іюля 1850 года. Законъ возвышаетъ залогъ, вводитъ снова штемпель, и въ первый разъ выставляетъ требованіе, чтобы *каждая статья была подписана авторомъ* (ст. 3-я). Этимъ въ руки репрессіи давалось сильное средство держать въ страхѣ индивидуальныя личности; оставался еще одинъ только шагъ для полнаго восстановленія репрессивной системы, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ, наконецъ, органическимъ декретомъ 17-го февраля 1852 года. Постановленія его не имѣютъ нужды въ комментаріи. Всѣ газеты могутъ основываться только съ *autorisation préalable*, даже и тѣ, которыя занимаются *économie sociale* (?); на полученіе иностранныхъ журналовъ также нужно дозволеніе; для газеты усливается обязательство принимать одни сообщенія, и вмѣстѣ запрещеніе печатать другія; преступленія печати передаются въ вѣдѣніе *tribunaux correctionnels*; доказательство посредствомъ свидѣтелей не дозволяется. Законъ тщательно избѣгаетъ названія *esprit du journal* или *tendance*, но при этомъ не только судъ можетъ остановить изданіе журнала на извѣстный срокъ, но статья 32-я прямо говоритъ: «по произнесеніи приговора даже за одну только контравенцію, правительство можетъ *приостановить* журналъ на два мѣсяца или прекратить; журналъ можетъ быть остановленъ на два мѣсяца даже и *безъ* всякаго приговора, по двукратномъ *предостереженіи* министерствомъ, и *совершенно прекращенъ* безъ всякаго законнаго основанія, *par mesure de sureté générale*». Къ этому нечего прибавлять, кромѣ развѣ того наивнаго объясненія, которое даетъ такому *repression administrative* Bathié: «*c'est le droit qu'a le ministre ou le prefet d'avertir un journal pour des motifs non déterminés par la loi et dont le ministre ou le prefet a le souverain appréciation*». При такой абсолютной зависимости, конечно, не было нужды называть *tendance* самостоятельнымъ объектомъ полицейскихъ мѣръ; но на самомъ дѣлѣ этотъ декретъ былъ примѣненіемъ *loi des tendances* 1822 года, съ тѣмъ только различіемъ, что тотъ приводимъ былъ въ исполненіе судомъ, а здѣсь все дѣло отдавалось просто въ безответственное распоряженіе полиціи. Все это, въ совокупности съ зависимою печатнаго промысла и индивидуальными ярлыками, наклеиваемыми на каждую статью, представляло высшее развитіе репрессивной системы, какое только встрѣчается въ исторіи. Эта репрессія значительно смягчена недавнимъ новымъ закономъ о печати, отмѣнившимъ систему предостереженій и требованіе концессіи на изданіе журналовъ и газетъ.

Германія.

Когда событія 1848 года окончательно уничтожили вмѣстѣ съ старою системою и цензуру, то новая свобода прессы была понятна для всѣхъ только съ отрицательной ея стороны; въ основныхъ правахъ для свободы прессы требовалось просто уничтоженія всѣхъ репрессивныхъ мѣръ и разсмотрѣнія преступленій прессы судомъ присяжныхъ. Очевидно, что въ первомъ изъ этихъ понятій не было никакого яснаго представленія о полиціи прессы, и о томъ, какіе она должна принять размѣры; въ основаніи второго лежало традиціонное представленіе собственно о преступленіи прессы, безъ сознанія о томъ, что преступленіе прессы возможно только при судебномъ преслѣдованіи самаго «духа или направленія» прессы. Поэтому съ самаго начала было ясно, что при однихъ только основныхъ правахъ остаться нельзя, что необходимо органическое законодательство. Что частныя государства приняли остовъ основныхъ правъ въ свою конституцію, это не значило ровно ничего; опредѣленный образъ новой свободы прессы могъ получиться лишь изъ развитія собственно законовъ прессы.

Если посмотрѣть, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Германіи съ 1848 года, то получимъ два главныхъ результата. Въ теоріи не были согласны относительно понятія свободы прессы, не были согласны въ томъ, что свобода прессы должна состоять въ устраненіи всякаго прямаго и косвеннаго вліянія на духъ или направленіе прессы, что, далѣе, уголовное право прессы не есть самостоятельное право, но только часть уголовного права обнаруженія преступныхъ мыслей вообще, и что поэтому законъ о прессѣ можетъ быть только закономъ полиціи прессы. Не были согласны даже въ томъ, нужна ли такая полиція, и чѣмъ она должна заниматься? Этотъ недостатокъ теоретическаго пониманія вопроса далъ возможность, съ одной стороны, подчинить прессу и въ ея духѣ или направленіи власти управленія, съ другой — распространить уголовное право и на духъ или направленіе прессы—и литература не сумѣла представить никакого серьёзнаго возраженія противъ этого. Кромѣ того, одновременно съ этимъ появился снова союзный сеймъ, и снова сдѣлалась ходячею мысль, что законодательство о прессѣ должно принадлежать, какъ было оно и до 1848 года, союзному сейму. Такимъ образомъ, явились два законодательства: одно союзное, другое — территориальное. Само собою разумѣется, что между обоими какъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, такъ и въ самыхъ постановленіяхъ нѣтъ никакого единства. Поэтому мы должны характеризовать обѣ эти основныя формы и въ нимъ присоединить частныя законодательства.

Можно вообще сказать, что союзное законодательство *снова возстановило* принципъ репрессивной системы, между тѣмъ,

какъ законодательства большихъ государствъ избавлялись отъ нея по мѣрѣ того, какъ они достигали самостоятельности, и, по крайней-мѣрѣ, отчасти провели въ себѣ систему права свободной прессы.

Историческій ходъ этого законодательства въ краткихъ чертахъ былъ слѣдующій:

Первымъ государствомъ, издавшимъ самостоятельное законодательство о прессѣ, была Пруссія (законъ о прессѣ 12-го мая 1851 года). Законодательство это почти во всѣхъ своихъ пунктахъ остается дѣйствующимъ и до настоящаго времени. Въ Австрiи первый свободный законъ о прессѣ является 13-го марта 1849 года; потомъ послѣдовалъ законъ о прессѣ 27-го мая 1852 года, который снова возстановилъ репрессивную систему, и наконецъ, новый законъ 17-го декабря 1862 года, который въ принципѣ и подробностяхъ провелъ свободное право прессы. Въ Баварiи уже положенiемъ 13-го iюня 1803 года, цензура была уничтожена, но удержана для газетъ (1806), и такимъ образомъ, продолжалось до 1848 года, когда эдиктъ о свободѣ прессы (4-го iюня 1848) совершенно уничтожилъ цензуру, а законъ отъ 7-го марта 1850 года, для огражденiя отъ злоупотребленiй прессы, организовалъ полицiю прессы. Рѣшенiе союзнаго сейма 1854 года здѣсь не было обнародовано. Законодательство Баварiи есть самое свободнѣйшее изъ всѣхъ нѣмецкихъ законодательствъ; оно не знаетъ ни концессiй, ни залоговъ, ни ограниченiя печатнаго и издательскаго промысла, дѣла рѣшаются судомъ присяжныхъ, и даже при наказанiи за полицейскiе проступки юрисдикцiя принадлежитъ не полицiи, а судамъ. Королевство Саксонское издало 14-го марта 1851 собственнiй законъ о прессѣ, который рядомъ съ обыкновенными полицейскими мѣрами для прессы (заявленiе объ изданiи газеты, обязательнiй экземпляръ, означенiе типографщика и издателя, залогъ, право наложенiя ареста) содержитъ также постановленiе, что наказанiя могутъ налагаться только въ судебномъ порядкѣ. Но если газета въ теченiе года подверглась двумъ судебнымъ приговорамъ, то окружное управленiе имѣетъ право временно или совершенно запретить газету. Точно такой же законъ относительно типографщиковъ и издателей. Законъ 4-го апрѣля 1851 года, дѣлая нѣкоторыя уголовныя постановленiя, опредѣлилъ прямо отвѣтственность, между прочимъ, и «за порицающiя критики правительства, официальныхъ начальствъ, и частныхъ служебныхъ дѣйствiй, если при этомъ высказывались такiя побужденiя или приписывались такiя свойства, которыя могутъ возбудить въ немъ въ публикѣ (?) ненависть или презрѣнiе». Здѣсь прямо узаконяется борьба съ направлениемъ и полагается основанiе репрессивной системѣ. Поэтому, союзное рѣшенiе 1854 года здѣсь безъ дальняго разсмотрѣнiя было обнародовано для всей Саксонiи указомъ отъ 31-го января 1855 года. Въ сущности оно и не прибавило ничего новаго.

Т. CLXXXVI. — Отд. II.

7

Въ Виртембергѣ исторія развитія права прессы представляетъ нѣчто совершенно иное, но результатъ тотъ же самый. Виртембергское право прессы двухсоставное: оно содержитъ въ себѣ собственно виртембергское право на основаніи закона отъ 30-го января 1817 года, и различные законы нѣмецкаго союза. Либеральный законъ 1817 года, несмотря на то, что онъ былъ утвержденъ въ объявленіи о конституціи 1819 года, оставался безъ примѣненія на практикѣ, но 1-го марта 1848 года былъ вновь восстановленъ, и съ этого времени начинается вторая эпоха виртембергскаго права прессы. Когда въ 1854 году явилось рѣшеніе сейма, то снова началась борьба союза съ свободнымъ государствомъ, ибо королевскій указъ отъ 7-го января 1856 года ввелъ рѣшенія сейма относительно печатнаго промысла, между тѣмъ, относительно собственно прессы былъ соблюдаемъ законъ 1817 года. Суда присяжныхъ и здѣсь нѣтъ; окружныя полицейскія начальства имѣютъ, между тѣмъ, право приостанавливать въ полицейскомъ порядкѣ не только газеты, но и печатный, и издательскій промыселъ, если этотъ промыселъ, по двукратномъ судебномъ приговорѣ или *предостереженіи*, не перестаетъ заниматься распространеніемъ «опасныхъ для государства сочиненій». Очевидно, что здѣсь личное усмотрѣніе администраціи относительно того, что должно считать «государственной опасностью», безапелляционно. Это тотъ же *loi des tendances*, только въ жесткой формѣ французскаго закона 1852 года, съ верховенствомъ вмѣсто суда полиціи. Такимъ образомъ, виртембергское право прессы приняло вполне французскую репрессивную систему, и этимъ рѣзко отличается отъ свободнаго баварскаго права прессы. Остальные нѣмецкія государства не имѣютъ внутренняго права прессы; они просто приняли и обнародовали рѣшеніе союзнаго сейма 1854 года.

Это рѣшеніе остается дѣйствующимъ еще въ значительной части Германіи. Основанія его просты. Оно содержитъ, во-первыхъ, полицію прессы, которая, впрочемъ, организована весьма правильно. Но вмѣстѣ съ этимъ оно прямо и открыто становится на точку зрѣнія французской репрессивной системы. Оно *отдѣляетъ* нарушеніе полицейскихъ предписаній для прессы отъ «наказаній, налагаемыхъ за самое содержаніе». Оно утверждаетъ принципъ «предостереженій». Оно воспрещаетъ передавать суду присяжныхъ именно тѣ преступленія, которыя совершаются чрезъ прессу. Оно весь печатный промыселъ во всѣхъ его вѣтвяхъ ставитъ въ зависимость отъ концессій, которыя могутъ послѣдовать «и путемъ административнымъ». Наконецъ, оно почти буквально, какъ и саксонскій законъ, по образцу *loi des tendances*, постановляетъ, что подлежитъ уголовной отвѣтственности и та критика (*Angriff*), «въ которой *форма изложенія* можетъ предметъ критики подвергнуть ненависти или презрѣнію». Очевидно, что подобное неопредѣ-

ленное формулированіе само по себѣ превращаетъ судебный процессъ въ полицейскій, а при правѣ полиціи останавливать по своему усмотрѣнію цѣлое литературное предпріятіе и даже печатный промыселъ, возможность подобнаго наказанія, даже и въ репрессивной системѣ, составляетъ излишнюю жестокость.

Если на основаніи всего вышесказаннаго, мы взглянемъ на право прессы въ цѣлой Германіи, то намъ будетъ ясно, что здѣсь дѣйствуютъ рядомъ другъ съ другомъ двѣ системы права. *Право свободной прессы* существуетъ въ Пруссіи, Австріи, Баваріи; репрессивная система въ прочихъ государствахъ на основаніи рѣшенія союзнаго сейма 1854 года. Принципы законодательства въ первыхъ трехъ государствахъ слѣдующіе: во первыхъ, свобода печатнаго и издательскаго промысла, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Баваріи этотъ промыселъ совершенно свободенъ, въ Австріи подчиненъ концессіи, въ Пруссіи, по несчастно-удержавшемуся здѣсь принципу сословной эпохи для типографщика и книгопродавца, требуется даже особое *испытаніе*: прусскій законъ о прессѣ 1-го іюня 1863 года, который объявлялъ отмѣняемость концессіи полицейскимъ путемъ, былъ, къ счастью, уничтоженъ энергическимъ противодѣйствіемъ палаты депутатовъ (засѣданіе 19-го ноября 1863 года); несмотря на свое совершенное противорѣчіе съ конституціей, онъ снова ввелъ бы репрессивную систему разными окольными путями, такъ-какъ самое полномочіе на отнятіе права промысла въ практическомъ примѣненіи употреблялось бы въ качествѣ полицейскаго наказанія за направленіе того или другаго нелюбимаго журнала. Второй принципъ—свобода мысли и уголовная отвѣтственность выраженія—свобода умственного труда и уголовная отвѣтственность умственного дѣла. Первое выраженіе этого принципа—промышленная свобода въ предпріятіяхъ прессы какъ въ печатаніи книгъ, такъ и періодическихъ изданій, впрочемъ: подъ условіемъ заявленія полиціи, наложенія ареста, при судебномъ процессѣ. Второе его выраженіе—отсутствіе системы предостереженій и полицейскаго запрещенія. Третье выраженіе—свобода отъ суда самого предпріятія и личная только отвѣтственность редактора. Третій принципъ—подвѣдомственность преступленій, совершенныхъ чрезъ прессу, суду, и притомъ на основаніи общаго уголовного права наравнѣ со всѣми другими формами обнаруженія мысли; ибо въ свободномъ правѣ прессы нѣтъ особаго уголовного права для прессы. Такова въ общемъ система трехъ большихъ нѣмецкихъ государствъ. Въ малыхъ государствахъ остается пока французская репрессивная система.

Голландія и Вельгія.

Голландское и бельгійское право прессы, по формѣ своей, существенно разнится отъ англійскаго, французскаго и герман-

скаго. Отличительный характер этой формы состоитъ въ томъ, что въ ней право прессы не знаетъ формально организованной полиціи прессы и что все уголовное право прессы здѣсь сводится на преступленіе, совершенное посредствомъ прессы. Въ Голландіи и Бельгіи существуютъ два различныхъ права прессы, но оба они имѣютъ то между собою общее, что они не формулировали даже самыхъ необходимѣйшихъ постановленій полицейскаго права, и это, можно сказать, не почему другому, какъ изъ опасенія стѣснить черезъ это прессу. Въ Голландіи и Бельгіи мысль свободнѣе, нежели мыслящій; потому здѣсь нѣтъ ни объявленій о началѣ изданія, ни наложенія ареста и все полицейское право остается еще весьма неразвитымъ, какъ не существуетъ вообще никакого собственно закона прессы.

Что касается Голландіи, то до паденія наполеоновскаго владычества она находилась подъ превентивною системою Франціи. Тотчасъ по освобожденіи отъ наполеоновскаго ига, Вильгельмъ I началъ свое правленіе уничтоженіемъ цензуры (14-го января 1814 года), «какъ совершенно противорѣчащей свободному образу мыслей, который всякій истинный нидерландецъ цѣнитъ дороже всего и который издавна отличалъ правительство этой страны». Была признана *полная* свобода всякаго обнародованія подлѣ чисто судебною отвѣтственностью, съ точнымъ опредѣленіемъ, что если сочинитель неизвѣстенъ, то отвѣтственности подвергается *одинъ типографщикъ* (ст. 4-я). Далѣе, каждое сочиненіе, которое издано безъ имени сочинителя или типографщика и безъ означенія мѣста и времени печатанія, признается за *Libel*, и издатель и распространители его могутъ быть преслѣдуемы, какъ сочинители пасквилей. О борьбѣ противъ духа или направленія прессы здѣсь нѣтъ и рѣчи; точно также и о наложеніи ареста на сочиненія. Старый основной законъ понималъ прессу — и это едва-ли не *единственный* случай въ цѣлой Европѣ — не какъ предметъ полиціи, но съ высшей, совершенно вѣрной точки зрѣнія, какъ одно изъ главнѣйшихъ образовательныхъ средствъ и выражалъ свою руководящую мысль (законы 1815 и 1817 года) такимъ образомъ: «дозволяется каждому безъ всякаго особаго на то дозволенія сообщать свои мысли и чувства черезъ прессу, какъ самое важнѣйшее изъ средствъ для *распространенія познаній* и для *устыховъ просвѣщенія*; каждый за все то, что онъ пишетъ, печатаетъ, издаетъ, распространяетъ, остается отвѣтственнымъ передъ обществомъ или частнымъ лицомъ, если нарушаются права послѣднихъ». Дальнѣйшее разъясненіе этой основной мысли содержитъ законъ 28-го сентября 1816 года. Главною задачею этого закона, предоставлявшаго полную свободу прессы внутри государства, была защита иностранныхъ государей противъ голландской журналистики. Какъ прекрасно и мужественно въ то время, когда цензура парила на всемъ континентѣ и самая Англія подчинялась Fox-Libel-Bill, звучать слѣдующія слова голланд-

скаго правительства: «доболѣ разсудительность и искренность будутъ составлять основы національнаго характера, дотолѣ въ здѣшней странѣ никогда не можетъ быть сомнѣнія относительно исхода борьбы между истинною и заблужденіями, поэтому мы никогда не будемъ ограничивать какими бы ни было предписаніями, исключая уже существующаго права, никакихъ разсужденій и никакихъ воззрѣній, какъ бы они ни выражались, относительно внутренняго управленія страны». Были, впрочемъ, закономъ 6-го марта 1818 года введены нѣкоторыя болѣе строгія полицейскія мѣры «противъ возмущенія покоя чрезъ прессу»; но законъ 16-го мая 1824 года снова уничтожилъ ихъ, хотя по французскому примѣру подвергъ уголовной отвѣтственности возбужденіе «ненависти и презрѣнія противъ короля», а закономъ 1-го іюня 1830 года сюда включены и высшія правительственныя коллегіи, — но полиція нисколько не сдѣлалась строже; она осталась попрежнему въ зависимости суда. Но и это законодательство послѣ іюльской революціи было отмѣнено и восстановленъ старый законъ 1815 года. Когда поэтому данъ былъ новый основной законъ 1848 года, новаго законодательства относительно прессы составлять было вовсе ненужно. Новый законъ гласитъ (ст. 8): «никто не имѣетъ нужды въ предварительномъ дозволеніи для обнародованія чрезъ прессу своихъ мыслей и воззрѣній, оставаясь отвѣтственнымъ по закону». При этомъ остаются въ своей силѣ постановленія полиціи прессы 1815 года, именно въ отношеніи означенія типографщика, мѣста изданія и издателя; есть также право на предварительное наложеніе ареста.

Существенно на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ покоится и право прессы въ Бельгии. Бельгія основала это право конституціею 1830 года такъ прочно, что послѣдующее законодательство не произвело въ немъ никакого измѣненія. Отличительный характеръ этого права — полная свобода прессы и отсутствіе систематической полиціи прессы. Въ Бельгии не только печатный и издательскій промыселъ совершенно свободны, но объявленіе, изданіе, основаніе газетъ не имѣетъ совершенно никакого отношенія къ полиціи; декретомъ 19-го іюля 1831 года уничтоженъ даже всякій штемпель на газеты, а закономъ 3-го мая 1839 года почтовая пересылка облегчена до послѣдней возможности. При этомъ, въ случаѣ нападеній на правительство, допускается *доказательство истины* — случай едва-ли не *единственный* во всей Европѣ, — такъ что это доказательство можетъ освободить сочинителя отъ всякой отвѣтственности. Даже ложныя порицанія остаются безотвѣтными, если они сдѣланы по невѣдѣнію. Всѣ совершаемыя чрезъ прессу преступленія судятся судомъ присяжныхъ (декретъ отъ 20-го іюня 1831 года). О томъ, что должно почитать *delit de presse*, замѣчательно рѣшеніе *Cour de cassation* отъ 28-го марта 1839 года. Оно въ такой ясной формѣ выражаетъ существенное различіе между направленіемъ и

словомъ, составляющее основу всей разницы системы репрессивной отъ системы свободнаго права прессы, что мы приведемъ его здѣсь, какъ лучшее доказательство правильности сдѣланнаго нами разграниченія. «Pour qu'il y ait delit de presse, il faut qu'il y ait expression *directe* de la pensée, ou la manifestation *d'une opinion*, et que de plus il y ait écrit. Cependant le jury connait de la calomnie commise par des imprimés contre un fonctionnaire, bien que ce ne soit pas là un delit d'opinion ou de tendance et qu'il ne puisse pas revetir un caractère politique». Декретъ 20-го іюля 1831 года составляетъ основной законъ для права прессы вообще. По нему участники преступления: типографщики, распространители, разносчики объявленій. Наказанія опредѣляются за «нападеніе на обязательную силу законовъ и возбужденіе къ возмущенію, неповиновеніе, клевету на лицо короля, обиды; доказательство истинны *допускается*; преслѣдованіе начинается по жалобѣ обиженной стороны, за исключеніемъ единственно оскорбленій величества. Рѣшаетъ судъ присяжныхъ; если сочинитель неизвѣстенъ, отвѣтствуетъ лично типографщикъ; право на помѣщеніе отвѣта въ журналѣ въ случаѣ личныхъ нападеній». Каждый экземпляръ «журнала», кромѣ имени типографщика, долженъ содержать адресъ его въ Бельгій. Съ 1852 года, по вліянію Наполеона, закономъ 20-го декабря 1852 года оскорбленіе иностранныхъ государей объявлено подлежащимъ законной отвѣтственности; законъ 12-го марта 1858 года воспрещаетъ «atteintes aux relations internationales»; впрочемъ, прокурорская власть для судебного преслѣдованія этого преступления должна испросить разрѣшеніе министра юстиціи. Контравенціи или проступки противъ полицейскихъ предписаній судятся не присяжными, но какъ *gereration civile du dommage* гражданскимъ судомъ или какъ *delit correctionnel*, «auxquels la presse servirait accidentellement d'instrument, p. e. l'escroquerie, l'annonce des loteries prohibées etc. предъ tribunal correctionnel.

Швеція.

Шведское право прессы уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія такъ хорошо поставлено, что лучшаго и желать нельзя. Шведскій законъ (6-го іюня 1812 г.) о прессѣ принадлежитъ къ числу четырехъ основныхъ законовъ чисто-публичнаго права (законъ о *формѣ правленія* 6-го іюня 1809 г., о *сеймахъ* 10-го февраля 1810 г.), о *порядкѣ наследства престола* 26-го сентября 1810 г.. Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ право прессы было бы поставлено такъ свободно и широко, какъ въ Швеціи. Помянутымъ закономъ устранены всякія *превентивныя* мѣры, точно такъ же, какъ и репрессія. Объ уголовномъ правѣ для направленія прессы здѣсь нѣтъ не только рѣчи, но даже мысли о томъ, что каждое преслѣдованіе прессы своимъ объектомъ

можетъ имѣть только *частныя* выраженія, выражена яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ. Шведское право прессы самымъ тщательнымъ образомъ отдѣлило уголовный элементъ отъ полицейскаго. Печатный промыселъ совершенно свободенъ; о концессіи или залогѣ для ежедневной прессы нѣтъ и рѣчи. Полицейскимъ предписаніемъ требуется обозначеніе имени типографщика, мѣста изданія и года на каждомъ печатномъ сочиненіи; экземпляръ каждаго сочиненія *предъ* появленіемъ въ свѣтъ долженъ быть доставленъ суду (министру юстиціи или уполномоченному имъ); прокурорская власть (канцлеръ юстиціи) можетъ наложить арестъ на сочиненіе или начать судебное преслѣдованіе безъ наложенія ареста. Судебное преслѣдованіе можетъ быть начато и по частной жалобѣ. Она состоитъ въ письменномъ *заявленіи*, въ которомъ должны быть точно обозначены подлежащія *частныя* мѣста; на нее дается письменный же отвѣтъ; на этотъ отвѣтъ слѣдуетъ возраженіе, и на послѣднее снова отвѣтъ; потомъ образуется характеристичное жюри. Каждая сторона выбираетъ по четыре человѣка, самъ судъ пятирныхъ; изъ этихъ избранныхъ каждая сторона отводитъ по одному, безъ означенія причинъ, такъ, что всѣхъ присяжныхъ остается девять. Передъ этими присяжными дѣлается краткое изложеніе спора, и предлагается вопросъ: «виновно ли сочиненіе въ означенныхъ истцомъ мѣстахъ передъ закономъ?» Для приговора требуется шесть голосовъ; но этотъ вердиктъ не опредѣляетъ наказанія, а рѣшаетъ только *фактъ преступленія, совершеного чрезъ прессу*. На основаніи этого судъ приговариваетъ къ наказанію, противъ котораго возможна еще апелляція. Для наблюденія за выполненіемъ законовъ прессы сеймъ выбираетъ шесть (извѣстныхъ своими познаніями и ученостію) сочленовъ, которые имѣютъ родъ высшаго надзора за прессою; впрочемъ, надзоръ этотъ болѣе литературно-историческаго, чѣмъ статистическаго или полицейскаго свойства. Свободное право прессы въ Швеціи *никогда* не подавало повода ни къ какимъ неустройствамъ.

Италія

Въ ряду изложенныхъ доселѣ законодательствъ итальянское опять имѣетъ свои особенности, которыя состоятъ не въ особенностяхъ принципа, но въ характеристическомъ смѣшеніи упомянутыхъ выше элементовъ. Основной законъ для права прессы составляетъ законъ 26-го марта 1848 года, за которымъ слѣдуютъ законы 26-го февраля 1858 года и 20-го іюня 1858 года. Общій принципъ и здѣсь, безъ сомнѣнія, свобода прессы; базисъ полиціи прессы составляетъ то основное положеніе, что на каждомъ сочиненіи должно быть означено имя типографщика и мѣсто изданія, и за 24 часа до появленія въ свѣтъ сочиненіе должно быть представлено прокурорской власти, которая имѣетъ

право наложить арестъ. Если издатель и сочинитель не названы, то отвѣчаетъ типографчикъ. Периодическія изданія здѣсь отдѣлены отъ прочихъ сочиненій; право на изданіе журналовъ свободно, однакожь, должно быть сдѣлано предварительное заявленіе; редакторъ, по французскому примѣру, отвѣтственное лицо; передъ выходомъ въ свѣтъ доставляется обязательный экземпляръ; на журналахъ лежитъ обязательство принимать официальные сообщенія. Законы о наказаніяхъ здѣсь, какъ и вездѣ, двойкіе: уголовныя наказанія за преступленія, совершаемыя черезъ прессу, внесены вполнѣ въ законъ о прессѣ, хотя и принадлежать собственно уголовному праву; полицейскія наказанія за нарушеніе полицейскихъ предписаній состоятъ въ штрафахъ. Судъ по англійско-шведскому образцу относительно факта преступленія предоставленъ присяжнымъ, а относительно назначенія наказанія суду; по наложеніи ареста на сочиненіе должно быть объявлено впродолженіи 24 часовъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Особенность при судѣ состоитъ въ томъ, что присяжнымъ передъ вердиктомъ дѣлается слѣдующее поясненіе: «законъ требуетъ отъ судей о фактѣ не разсмотрѣнія или изслѣдованія болѣе или менѣе широкаго смысла частныхъ выраженій — смысла, который тому или другому изъ послѣднихъ можетъ быть приписанъ; законъ налагаетъ на нихъ обязанность, спокойно, собравшись съ мыслями, спросить самихъ себя и испытать искренно, какое дѣйствіе произвела на ихъ умъ совокупность (цѣлое) обвиняемаго сочиненія», не думая при этомъ о примѣненіи наказанія. Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ призывается здѣсь къ произнесенію приговора о духѣ или направленіи прессы, и послѣднее разсматривается, какъ самостоятельный фактъ. Самое наказаніе рядомъ съ наказаніемъ отвѣтственному редактору состоитъ въ *остановкѣ журнала* на то время, пока продолжается наказаніе перваго, *если* только онъ не поставитъ вмѣсто себя другаго редактора. По бесполезности перваго постановленія ясно видна шаткость принципа; означенный вопросъ къ присяжнымъ въ существѣ дѣла есть послѣдняя форма остатка репрессивной системы, но эта форма не смягчена существенно и послѣдующими законами.

Россія.

Изъ сдѣланнаго доселѣ обзора различныхъ правъ прессы въ различныхъ странахъ Европы, читатель, конечно, усмотрѣлъ уже, что образованіе того или другаго права прессы въ странѣ условливается состояніемъ въ ней династическаго вопроса въ связи съ тѣми внутренними волненіями или движеніями, которыми вызвано образованіе новаго права. Такимъ образомъ, во Франціи, гдѣ въ послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ было три страшныхъ государственныхъ переворота, гдѣ въ это непродолжительное время смѣнились нѣсколько разъ формы правленія, перемежа-

лись династіи, гдѣ, наконецъ, династическая борьба и борьба партій вообще находится до настоящаго времени въ самомъ напряженномъ состояніи, готовая при каждомъ удобномъ случаѣ перейти въ дѣло,—существуетъ самая строгая репрессивная система. Въ Германіи, гдѣ переходъ отъ превентивной системы прессы совершился послѣ довольно сильныхъ революціонныхъ волненій и именно вслѣдствіе этихъ волненій, однакожь, волненій такого рода, которыя не коснулись трона, бывшее подцензурное состояніе было скоро замѣнено свободнымъ правомъ прессы во всѣхъ большихъ государствахъ. Только маленькія нѣмецкія земельки, неимѣвшія достаточно силы и самостоятельности и опасавшіяся вступитъ въ разногласіе съ рѣшеніемъ союзнаго сейма, принявшаго репрессивную систему, изъ коихъ при томъ нѣкоторыя находились подъ сильнымъ французскимъ вліяніемъ, бывшее подцензурное состояніе прессы замѣнили репрессивною системою. Наконецъ, въ государствахъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ революціонныхъ движеній, гдѣ верховная власть не имѣла никакихъ причинъ питать недовѣріе къ народу, не было и рѣчи ни о какомъ другомъ правѣ прессы, кромѣ свободнаго, немедленно съ уничтоженіемъ феодальныхъ состояній и наступленіемъ гражданскаго полноправія.

Суда по всему этому, право прессы въ Россіи должно было бы быть самымъ свободнѣйшимъ изъ всѣхъ. Ибо ни одно государство не было такъ далеко и чуждо революціонныхъ волненій, какъ Россія; далѣе, ни въ одной странѣ верховная власть не стоитъ такъ твердо и не пользуется такою безпредѣльною преданностію народа, какъ въ Россіи.

Несмотря на это, Россія, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и съ дарованіемъ всѣмъ гражданскаго полноправія, совершила поворотъ отъ подцензурнаго состоянія прессы не къ свободному праву прессы, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а къ репрессивной системѣ, и притомъ къ такой репрессивной системѣ, которая своею жестокостію и строгостію превосходитъ репрессивныя системы всѣхъ странъ, вмѣстѣ взятыя.

Причина этого, на первый взглядъ весьма страннаго явленія, заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что хотя съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права у насъ положены начатки свободы личности и гражданской равноправности, но въ сущности сословный порядокъ остается попрежнему господствующимъ почти вездѣ, онъ примѣчается съ своимъ всемогущимъ вліяніемъ даже и въ новыхъ учрежденіяхъ и имъ въ стѣсненіи удерживается слово, какъ самое могущественное орудіе личности. Въ этомъ случаѣ у насъ повторяется то же, что было въ Англіи при Георгѣ III, когда сословный парламентъ старался поставить преграду движенію новыхъ элементовъ развивавшагося гражданскаго общества; на каждую мысль, критически относившуюся къ существующему порядку, онъ смотрѣлъ, какъ на преступленіе, и въ первый разъ въ Европѣ, въ Fox-Libell-Bill, создалъ ре-

пресивную систему для обузданія слова. Что наша репрессивная система жестка и строга — это вещь совершенно случайная. Развившись не изъ практики собственной печати, а воспользовавшись чуждыми законами, она восприняла въ себя самое развитое по репрессии законодательство, въ томъ предположеніи, что печать одного народа не имѣть никакой существенной разницы отъ печати другого народа и что преступленія, предусмотрѣнныя въ одной печати, неизбѣжно должны повторяться и въ другой.

Но въ этомъ именно и состоитъ существенная ошибка. Ни одна система не требуетъ такого строгаго приспособленія къ данному состоянію общества, къ уровню его умственнаго и политическаго развитія, главнымъ же образомъ къ существующимъ въ немъ отношеніямъ къ власти, какъ репрессивная. То, что можетъ имѣть смыслъ и достигать извѣстныхъ цѣлей во Франціи, можетъ не имѣть никакого смысла и достигать цѣлей, вовсе не желательныхъ во всякомъ другомъ государствѣ.

Каждое правительство имѣетъ твердое свое основаніе въ нравственномъ довѣрїи къ нему управляемаго имъ народа. Пока сильно это довѣріе — непоколебимо и правительство, и не имѣетъ никакой нужды въ поголовномъ устрашеніи всѣхъ штыками, тюрьмами и вообще всякаго рода репрессіями. Напротивъ, оно тщательно избѣгаетъ всего этого, ибо подобныя устрашенія и репрессіи, принятія какъ норма дѣйствія, какъ принципъ законодательства, суда и полиціи, могутъ поколебать, наконецъ, и уничтожить самое твердое довѣріе. Вотъ почему во всѣхъ государствахъ, гдѣ правительство пользуется довѣріемъ народа, чувствуетъ себя твердымъ, оно смотритъ на прессу, какъ на совершенно свободный трудъ, какъ на лучшее средство для развитія своего народа, и избѣгаетъ всякихъ, исключая вызываемыхъ крайнею необходимостью, ограниченій ея, до того, что, напримѣръ, въ Бельгіи чувствуется недостатокъ даже и въ необходимыхъ полицейскихъ мѣрахъ. Только во Франціи пресса основана на совершенно другомъ принципѣ — на принципѣ полнаго недоувѣрїя къ народу. Подобное положеніе прессы не только не нормальное и не желанное, а напротивъ, вполне несчастное, и въ самой Франціи невольное. Узурпаторство власти, основанное единственно на военной силѣ и держащееся единственно военной силой, должно, естественно, видѣть для себя самага страшнаго врага въ прессѣ и слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Безъ этого, при общей, возбужденной къ нему враждѣ всѣхъ партій, оно не могло бы продержаться и одинъ годъ. Такимъ образомъ, подобное положеніе вещей имѣетъ свой смыслъ во Франціи и достигаетъ необходимыхъ для нелюбимаго и непрочнаго правительства цѣлей. Но представимъ себѣ, что въ одинъ прекрасный день репрессивная система прессы, во всемъ ея развитіи, переносится цѣликомъ въ Англію, Бельгію, Голландію, Швецію или Гер-

манію. Не изумился ли бы, не почелъ ли бы себя глубоко оскорбленнымъ образованный гражданинъ каждой изъ означенныхъ странъ, питающій полную преданность къ своему правительству, подобнымъ незаслуженнымъ къ нему недоувѣріемъ, безпричинною и ненужною репрессією лучшаго его достоянія — мысли?

Но, помимо этого, репрессія, взятая изъ чужой практики, теряетъ обыкновенно на новой почвѣ, куда она переносится, возможность всякаго разумнаго примѣненія и представляетъ въ своемъ дѣйствіи, съ одной стороны, характеръ шуточной дѣтской игры въ политику взрослыхъ; съ другой — характеръ во все не шуточного, хотя и совершенно безпричиннаго наказанія за преступленія не только не существующія, но часто вовсе невозможныя. Такъ изъ недолговременнаго дѣйствія французской репрессивной системы и у насъ вполне выяснилось, что у насъ для этой системы не существуетъ въ дѣйствительности самаго объекта примѣненія, что она представляетъ у насъ подобіе боеваго войска, для котораго нѣтъ непріятеля.

Существо репрессивной системы состоитъ, какъ мы уже видѣли, въ борьбѣ съ направлениемъ или духомъ сочиненій. Борьба эта производится двоякимъ образомъ: вопервыхъ, духъ или направление сочиненій посредствомъ закона превращается въ такой же самостоятельный фактъ преступленія (*Corpus delicti*), какъ и частныя выраженія. А такъ-какъ направленіе сочиненія или, что то же, тѣ же или другіе выводы, дѣлаемые изъ сочиненія каждымъ частнымъ лицомъ, могутъ быть дѣломъ не только чисто личнаго впечатлѣнія, усмотрѣнія, но и личнаго желанія, личныхъ цѣлей, слѣдовательно, дѣломъ совершенно произвольнымъ, то уже однимъ этимъ закономъ почти вся литература ставится внѣ твердаго покровительства закона, ибо трудно себѣ представить сочиненіе, которое не могло бы быть предано суду, по обвиненію во вредномъ направленіи, если только это окажется нужнымъ чьему-нибудь авторитетному личному впечатлѣнію, усмотрѣнію, желанію и т. п. Но такъ-какъ для суда все-таки требуются извѣстныя формальности, неизбѣжная проволочка времени, что не всегда можетъ удовлетворять раздраженію и нетерпѣнію минуты, притомъ же выводы личнаго усмотрѣнія или желанія изъ того или другаго сочиненія иногда могутъ быть такъ отдаленны, что даже судъ, привыкшій дѣйствовать на основаніи принципа борьбы съ направлениемъ, можетъ не признать ихъ, то рядомъ съ означеннымъ закономъ вводится 2) *система предостереженій*, которая захватываетъ уже рѣшительно все то, что не попадаетъ въ означенную уголовную сѣть, сплетаемую исключительно для репрессивной системы, и которая казнитъ уже безпричинно, фатально, въ качествѣ судьбы, единственно *par mesure de sûreté générale*.

Мы должны, однакожъ, сказать, что то, что въ репрессивной системѣ называется направлениемъ, имѣетъ совершенно не то

значение, какое придается этому слову у насъ. Направление не есть чисто-теоретическій образъ мыслей о томъ или другомъ предметѣ, какія бы радикальныя воззрѣнія въ немъ ни заключались. Направление непременно предполагаетъ систему дѣйствія, которой оно должно служить только выраженіемъ и проводникомъ. Направление должно имѣть извѣстную политическую программу, враждебную существующему порядку, и проводить ее настоятельно, неуклонно, потому оно можетъ обнаруживаться, по *Loi de tendances*, только цѣлымъ рядомъ статей *resultant d'un succession d'articles*. Но и этого мало: направление предполагаетъ стоящую за нимъ извѣстную партію людей, раздѣляющую эту политическую программу, партію непременно болѣе или менѣе многочисленную и если и не особенно опасную, то, по крайней мѣрѣ, на столько сильную, что ея возбужденіе можетъ имѣть значение для правительства. Ибо если мы предположимъ, что извѣстная политическая программа, проводимая направлениемъ, никѣмъ не раздѣляется, кромѣ нѣсколькихъ журналистовъ, которые ее проводятъ, то въ дѣйствительности она такъ же безопасна, какъ и самая отвлеченная ученая диссертация. Во всѣхъ, напримѣръ, монархическихъ государствахъ, въ томъ числѣ и у насъ, самымъ подробнымъ образомъ излагаются и восхваляются американскія учрежденія, діаметрально противоположныя монархическимъ, однакожь, это не производитъ никакого возбужденія и нигдѣ не считается опаснымъ.

Всѣ означенныя качества, дѣйствительно, имѣетъ то, что называется направлениемъ во Франціи. Тамъ направление не есть мертвое, ничего не значущее для политическаго движенія измышленіе журналиста. Напротивъ, оно выработалось тамъ политическою борьбою партій, воспиталось, такъ сказать, на полѣ сраженія въ страшную силу и владѣетъ водоворотомъ политической жизни. Поэтому, репрессивная система бьетъ тамъ въ направленіи не только существующаго, но дѣйствительно сильнаго и опаснаго врага, бьетъ извѣстную политическую программу, извѣстную политическую партію.

Есть ли что нибудь подобное у насъ?—Если мы будемъ разсматривать наши журналы и газеты какъ бывшіе, такъ и существующіе, то мы должны будемъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Мы не можемъ указать у насъ ни одного журнала, ни одной газеты, ни изъ бывшихъ, ни изъ настоящихъ, которые бы имѣли netолько какую-нибудь политическую программу дѣйствія, но даже вообще опредѣленную программу дѣйствія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это прилагается къ журналистикѣ французской, съ стоящею за ними партіею. Когда у насъ говорятъ, что извѣстная газета или журналъ либеральнаго или консервативнаго направленія, то подъ этимъ ничего болѣе не разумѣютъ, кромѣ того, что они проводятъ консервативныя или либеральныя воззрѣнія. И журналъ или газета считаются не только имѣющими направленіе, но и твердыми въ своемъ направленіи,

если они остаются всегда вѣрными принципу общихъ, проводимыхъ ими, воззрѣній. Но подобное направленіе есть чисто-теоретическій либеральный образъ мыслей, который, до какихъ бы крайнихъ воззрѣній ни доходилъ, нигдѣ въ Европѣ не подвергается ни осужденію, ни преслѣдованію. Въ принципѣ онъ признается не подлежащимъ осужденію и преслѣдованію и у насъ, но на дѣлѣ очень частыя бывають отъ этого отступленія. Положимъ, во Франціи, на примѣръ, въ той самой Франціи, которая славится у насъ и повсюду самую тираническую репрессією мысли, каждый французъ можетъ написать самую сильную статью о томъ, на примѣръ, что собственность никогда не доставляла счастья человечеству, никогда не доставитъ его и въ будущемъ, что фаланстеры Фурье, во всякомъ случаѣ, обѣщаютъ лучшее будущее, и что человечество хорошо сдѣлаетъ, если сомнется въ эти фаланстеры и будетъ пользоваться плодами трудовъ своихъ съобща. Написавъ такую статью или книгу, французъ не только можетъ не опасаться никакихъ непокойствъ за нее, но можетъ надѣяться, если имѣетъ желаніе, сдѣлаться правительственнымъ кандидатомъ, и даже получить орденъ почетнаго легіона. И это весьма основательно. Ибо, имѣя означенныя, сочувственныя социализму и коммунизму мысли, онъ можетъ въ своихъ дѣйствіяхъ быть самымъ благонадежнымъ охранителемъ существующаго порядка по той простой причинѣ, что идеалы и дѣйствительность двѣ вещи совершенно разныя; можно понимать всю красоту идеала, давать чувствовать эту красоту другимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ понимать всю невозможность примѣненія его къ дѣйствительности въ данное время. Вотъ торыхъ, еслибы французъ и не былъ на столько дальновиденъ, чтобы понимать абсолютную невозможность примѣненія своего идеала къ дѣйствительности и, можетъ быть, не удостоился выбора ни въ правительственные кандидаты, ни почетнаго легіона, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не подвергся бы осужденію или преслѣдованію, такъ-какъ частный, чисто-теоретическій образъ мыслей нигдѣ давно не преслѣдуется въ Европѣ и можетъ быть распространяемъ свободно. У насъ это сдѣлалось бы не такъ, хотя принципъ признается тоже. О сочинителѣ, рѣшившемся написать подобную книгу или статью, тысячи голосовъ закричали бы, что онъ отпѣтый социалистъ и коммунистъ, что онъ стремится къ разрушенію существующаго порядка, что его надобно засадить въ кутузку, предать суду, стереть съ лица земли — и все это въ видахъ *sureté générale*. Подобное непростѣнное состояніе нашего общества, конечно, очень прискорбно видѣть, — но еще бываетъ прискорбнѣе видѣть, когда правительственная кара въ такомъ же именно смыслѣ постигаетъ ни въ чемъ неповиннаго, но неосторожнаго сочинителя. 8-го января 1866 года дано было предостереженіе «Русскому Слову», между прочимъ, за статью Шелгунова, подъ названіемъ: «Рабочія ассоціаціи», такъ какъ, де, «на страницахъ 20, 26, 30 и 35 предлагается оправданіе и даже дальнѣйшее развитіе коммунистическихъ

теорій, при чемъ усматривается косвенное возбужденіе къ осуществленію этихъ теорій на практикѣ». Очевидно, что статья г. Шелгунова по содержанию точно такая же, какую могъ бы написать предположенный нами выше французъ, т.-е. частный, чисто-теоретическій образъ мыслей г. Шелгунова. Такъ-какъ она даже формальнымъ образомъ не подходитъ подъ законъ о направленіи, ибо она одиночная въ журналѣ, то трудно доказать, чтобы мысли, въ ней высказанныя, раздѣляли даже остальные сотрудники журнала; о какойнибудь партіи позади г. Шелгунова и думать нечего. Но еслибы все это и было, т.-е. еслибы сотрудники «Русскаго Слова» заразились коммунизмомъ, и образовалась партія людей коммунистическаго образа мыслей по новой теоріи г. Шелгунова, то этотъ образъ мыслей, все-таки какъ частный и чисто-теоретическій, никакому преслѣдованію и осужденію подлежать не можетъ. Наконецъ, еслибы даже означенная партія съ сотрудниками «Русскаго Слова», косвенно возбуждаемая г. Шелгуновымъ къ осуществленію своей теоріи, отправилась куданибудь осуществлять ее, то и это нетолько не угрожало бы никакой опасностію обществу, но и не противно было бы нашему закону. У насъ живутъ же свободно духоборцы въ коммуны, — въ коммуны жили нѣмецкіе колонисты съ полнаго разрѣшенія правительства. И такъ, опасности для *sureté générale* ни въ какомъ изъ означенныхъ случаевъ не было бы. Опасность для *sureté générale* отъ статей о коммунизмѣ — и то не отъ одной статьи, а отъ направленія, поддерживаемаго непрерывнымъ рядомъ ихъ — могла бы быть только тогда, когда бы значительная часть нашего общества была увлечена идеями коммунизма и стремилась, несмотря на всѣ противодѣйствія правительства, къ осуществленію ихъ въ жизни. А такъ-какъ у насъ нѣтъ и слѣдовъ существованія коммунистическихъ доктринъ въ обществѣ, то нетолько одна статья, но цѣлый рядъ самыхъ страстныхъ къ этимъ доктринамъ статей былъ бы для общества равно ничѣмъ, а слѣдовательно не могъ бы подлежать дѣйствию предостереженія, которое должно по закону являться только въ случаѣ опасности, угрожающей *sureté générale*.

И такъ, повторяемъ опять, что если мы будемъ разсматривать нашу литературу, то увидимъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго тому, что извѣстно подъ направленіемъ во Франціи, и что, слѣдовательно, французская репрессивная система, приспособленная главнымъ образомъ къ борьбѣ съ извѣстнаго рода направленіемъ, у насъ вовсе непримѣнима и ненужна.

Но если будемъ разсматривать дѣйствія нашей репрессивной системы, особенно за самое первое время ея существованія, то можетъ показаться, по крайней-мѣрѣ, на первый разъ, что у насъ идетъ сильная политическая борьба, которая отражается въ прессѣ направленіемъ, едва-ли еще не болѣе опаснымъ, чѣмъ во Франціи. Возьмемъ, напри-мѣръ, пространство времени

отъ начала дѣйствія новаго закона о печати (1-го сентября 1865 года) до начала 1867 года—всего годъ и четыре мѣсяца. Въ это короткое время изъ бывшихъ тогда повременныхъ изданій получили предостереженія:

„Петербургскія Вѣдомостн“.	„Голосъ“.	„Московскія Вѣдомостн“.	„Современникъ“.	„Русское Слово“.	„Вѣстъ“.
20 сент. (1865)	1 декаб. (1865)	20 марта (1866)	10 и апр. (1865)	20 декаб. (1865)	12 янв. (1865)
12 апр. (1866)	7 мая (1866)	6 мая (1866)	4 декаб. (1866)	8 янв. (1866)	11 окт. (1866)
2 сент. (1866)	5 декаб. (1866)	7 мая (1866)		16 янв. (1866)	

Итакъ, въ течение съ небольшимъ одного года изъ самыхъ главныхъ и распространенныхъ газетъ и журналовъ 4 были совершенно остановлены административными предостереженіями, и два остались на шагъ отъ подобной участи.

Замѣтимъ здѣсь, что одинъ изъ основныхъ принциповъ репрессивной системы состоитъ въ томъ, что печать въ случаѣ преступленій преслѣдуется въ ней не иначе, какъ судебнымъ порядкомъ, что право предостереженій есть не болѣе, какъ чрезвычайное исключеніе изъ этого принципа, даваемое на чрезвычайные случаи въ видахъ de sûreté générale. Такъ точно выражено существо репрессивной системы вообще и существо системы предостереженій въ частности и въ высочайшемъ указѣ о печати отъ 6-го апрѣля 1867 года. «Освобожденные—говорится въ немъ—отъ предварительной цензуры повременныя и другія изданія, сочиненія и переводы, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются *судебному преслѣдованію*; повременныя же изданія, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ *вреднаго направленія*, подлежатъ и дѣйствию административныхъ взысканій».

Такимъ образомъ, и по принципу репрессивной системы, и по смыслу высочайшаго указа отъ 5-го апрѣля, предостереженія должны были даваться исключительно противъ вреднаго направленія, угрожающаго общественной безопасности.

Между тѣмъ, разсматривая всѣ означенныя выше предостереженія, въ одинъ годъ остановившія окончательно выходъ четырехъ повременныхъ изданій, и два изданія оставшіяся на одинъ шагъ отъ такой же участи, мы не находимъ въ нихъ ни одного, которое бы дано было не только за направленіе, угрожающее общественной безопасности (ибо и случаевъ подобной опасности не было и быть не могло), но даже вообще за направленіе. Мы разумѣемъ здѣсь направленіе уже не въ смыслѣ Loi de tendances, а въ смыслѣ чисто-русскомъ, какъ то или другое либеральное воззрѣніе, чисто-теоретическое, нѣмѣющее за собой никакого дѣйствія, но обнаружившееся въ цѣломъ рядѣ статей. Ничего даже подобнаго. Всѣ рѣшительно предостереженія даны были противъ одиночныхъ статей въ газетѣ или журналѣ, которыя уже по этому самому, что онѣ были одиночныя, были совершенною случайностію въ этихъ изданіяхъ, слѣдовательно, не могли выражать собою ихъ направленіе, а слѣдовательно, подлежатъ дѣйствию предостереженій.

Если бы всѣ тѣ случаи, за которые даны были предостереженія разсматриваемаго нами времени, составляли дѣйствительныя и несомнѣнныя преступленія печатнаго слова, то и въ такомъ случаѣ сдѣланныя предостереженія были бы несогласны съ высочайшимъ указомъ о печати отъ 6-го апрѣля; ибо, по прямому смыслу этого указа, какъ мы уже видѣли, только «среднее направленіе» подлежитъ дѣйствию административныхъ взысканій». Но мы не можемъ сказать, чтобы случаи, за которые даны были предостереженія, имѣли даже и преступный характеръ вообще. Мы уже разсмотрѣли выше одно изъ предостереженій въ этомъ отношеніи. Представимъ еще одинъ или два примѣра:

Первенцомъ русской системы предостереженій было предостереженіе, данное 20-го сентября 1865 года «Петербургскимъ Вѣдомостямъ» за статью, напечатанную въ 243 № тѣхъ вѣдомостей по поводу предположеній о залогѣ въ частномъ кредитномъ учрежденіи нѣкоторыхъ частей государственныхъ имуществъ. Въ предостереженіи говорится, что въ статьѣ этой «заключаются несогласныя съ интересами государственнаго кредита сужденія о такихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о которыхъ не было доселѣ объявлено никакихъ положительныхъ свѣдѣній; что въ означенной статьѣ не только подвергается сомнѣнію, но и отрицается право, которое несомнѣнно принадлежитъ правительству, и которымъ оно постоянно пользовалось при каждомъ, какимъ бы то ни было способомъ, совершаемомъ отчужденіи казенныхъ статей или земель, и что въ ней неправильно приписывается государственнымъ имуществамъ свойство спеціальнаго обезпеченія 5⁰/₁₀₀ банковыхъ билетовъ, указывается на мнимое уменьшеніе этого обезпеченія въ случаѣ залога или отчужденія какихъ нибудь статей государственныхъ имуществъ, и такимъ образомъ возбуждаются сомнѣнія или опасенія, могущія имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются означенные билеты».

По нашему мнѣнію, во всѣхъ этихъ пунктахъ нѣтъ и тѣни преступности. А если принять во вниманіе обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ появилась предостерегаемая статья, то именно то, въ чемъ она обвиняется, надобно поставить ей въ заслугу.

Мы помнимъ эту статью. Она не содержала въ себѣ ничего болѣе, какъ только недоумѣнія, появившіяся въ обществѣ по поводу предположеній о залогѣ государственныхъ имуществъ. Толики эти и недоумѣнія, положимъ, были нисколько не основательны и ложны, но поэтому самому они тѣмъ болѣе требовали скорѣйшаго разъясненія со стороны правительства. Статья оказывала неоцѣненную услугу правительству, обнаруживая эти толики и недоумѣнія; ибо давала ему возможность немедленно остановить дальнѣйшее распространеніе ихъ и успокоить общество разъясненіемъ дѣла. Въмѣсто этого разъясненія послѣдовало

предостереженіе за статью, и редакторъ газеты за свое усердіе на пользу общую поплатился взысканіемъ.

Другой примѣръ:

7-го мая 1866 года дано было второе предостереженіе «Голосу», впервыхъ, за то, что «въ фельетонѣ, подъ заглавіемъ «Московская Жизнь» (№ 109 и 114), найдутся оскорбительные отзывы (а не выраженія?), могущіе возбудить недовѣріе къ мѣстному начальству и неудовольствіе противъ принятыхъ имъ распорядительныхъ мѣръ», и, ввторыхъ, за статью: «О государственныхъ сбереженіяхъ» (№ 118), «въ которой (сказано) включаются бездоказательныя нареканія на правительство за непроизводительное, будто бы, употребленіе финансовыхъ средствъ на созданіе или поддержку синекуръ, и на смету нашихъ высшихъ учреждений, и что подобныя систематическія (?) и голословныя нареканія на правительственныя власти и на правительственныя дѣйствія вообще не могутъ быть терпимы безъ нарушенія коренныхъ условій общественнаго порядка (!?)».

Ни та, ни другая изъ поименованныхъ въ предостереженіи статей, по нашему мнѣнію, также не содержатъ ничего криминальнаго, и предостереженіе за нихъ находится въ прямомъ противорѣчій съ мнѣніемъ государственнаго совѣта 1865 г. 6-го апрѣля пункт. 55, гдѣ говорится: «не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденіе къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей».

Первая изъ помянутыхъ статей могла бы только тогда содержать преступленіе, когда бы она содержала оскорбительныя выраженія противъ власти, но и тогда она могла бы быть преслѣдуема только частнымъ искомъ на основаніи закона о диффамаци; что касается до второй статьи, то предостереженіе вмѣняетъ ей въ преступленіе недостатокъ доказательности. Но понятіе о доказательности есть понятіе совершенно условное. Чтò представляется одному недоказательнымъ, то другому можетъ казаться весьма доказательнымъ. Разъ допущено закономъ право обсуждать правительственныя распоряженія, вмѣстѣ съ тѣмъ допущена законно и возможность бездоказательныхъ статей. Ихъ можно обличать въ бездоказательности разъясненіемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, но не обвинять въ преступности.

Было бы утомительно, да для нашей цѣли и излишне, входить въ разсмотрѣніе всѣхъ предостереженій указаннаго нами выше времени и того, на сколько преслѣдуемое ими было дѣйствительно преступно. Довольно и указанныхъ нами примѣровъ, чтобы видѣть, что ихъ резонность не можетъ быть признана даже съ простой, чисто уголовной точки зрѣнія.

При всемъ томъ мы питаемъ такое глубокое уваженіе къ лич-

ности бывшего министра внутреннихъ дѣлъ, что никакъ не позволимъ себѣ думать, что означенныя предостереженія, дававшіяся по его волѣ, несмотря на ихъ несоотвѣтствіе съ высочайшимъ указомъ 6-го апрѣля, были слѣдствіемъ недоразумѣнія, или явились съ такимъ своимъ произвольнымъ содержаніемъ совершенно безпричинно. Напротивъ, мы твердо убѣждены, что были сильныя, хотя и неизвѣстныя намъ причины, заставлявшія его направлять удары предостереженій въ мѣста, не указанные закономъ.

Но это самое только еще болѣе утверждаетъ въ той мысли, что система предостереженій не имѣетъ у насъ для себя объекта примѣненія, и что она будетъ всегда, вопреки высочайшему указу отъ 6-го апрѣля о печати, только орудіемъ постороннихъ давленій и цѣлей.

Почти то же самое, что мы сказали о нашей системѣ предостереженій, прилагается въ извѣстной мѣрѣ и къ уголовному праву нашей прессы. Когда французскій законъ о печати говорить: «всякое сочиненіе, возбуждающее «ненависть и презрѣніе къ существующему порядку государственному, общественному», или «всякое сочиненіе, нападающее на начала собственности, возбуждающее ненависть между различными классами общества», подлежатъ уголовной отвѣтственности, то этими положеніями предусматриваются такія преступленія, для которыхъ почва во Франціи очень хорошо подготовлена и которыхъ нетолько въ-роятность, но и самая форма и опасность для общества слишкомъ хорошо всѣмъ знакомы и понятны. Потому что все это тамъ было уже не разъ и не два — и порядокъ общественный и государственный испровергался, и начала собственности потрясались, и шла страшная борьба между различными классами общества. Но тамъ это не то, что было да прошло, а собственно говоря, нисколько не прошло; ибо элементы, которыми все это творилось, не умерли и теперь, и нетолько не умерли, а находятся, можетъ быть, еще въ болѣе сильнѣ и напряженіи, чѣмъ прежде, готовые каждую минуту произвести то же самое. Эта близость, это обиліе горючаго матеріала даютъ самому факту преступленія, образуемому, по принципу репрессивной системы, не изъ частныхъ только, неподлежащихъ сомнѣнію выраженій, но изъ направленія сочиненія, т.-е. изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ выводовъ изъ него, извѣстную степень въ-роятія или, по крайней мѣрѣ, могутъ до извѣстной степени юридическую несостоятельность подобнаго незаконнаго приема оправдывать наглядностью возможной опасности. Перенесенные на наши отношенія, означенные выше законы оказываются совершенно безпочвенными. Самая форма предусматриваемыхъ ими преступленій дѣлается для насъ непонятною, а опасность, которую они, будто бы, могутъ угрожать обществу, фиктивною, невозможною. Напримѣръ, когда нашъ законъ говоритъ: «учинившій въ печати воззваніе, возбуждающее вражду въ одной

части населенія государства противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другаго, подвергается» и проч., является невольно вопросъ: что значить возбуждать вражду одной части населенія противъ другой или одного сословія противъ другаго? Въ чемъ состоитъ эта вражда? Какъ она можетъ быть даже возбуждена посредствомъ литературы тамъ, гдѣ о существованіи литературы 99 частей всего населенія не имѣютъ никакого представленія, а послѣдняя сотая часть, интересующаяся литературой, заключена почти въ одномъ сословіи? И наконецъ, почему и чѣмъ такая вражда опасна? Ничего подобнаго у насъ не бывало, не предвидится ни малѣйшихъ элементовъ къ тому въ будущемъ, и потому ни форма предусматриваемаго въ показанномъ законѣ преступленія, ни опасность его, ни самая возможность для насъ совершенно непредставимы. При переходѣ извѣстнаго всѣмъ дѣла гг. Жуковскаго и Пыпина въ судебную палату, прокурорская власть обвиняла разсматривавшуюся статью: *Вопросъ молодого поколѣнія* въ возбужденіи противъ дворянства. При этомъ, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ: кого возбуждаетъ статья противъ дворянства? Прокурорская власть рѣшила, что она возбуждаетъ противъ дворянства молодое поколѣніе. Но защитникъ обвиняемыхъ весьма основательно доказалъ, что статья обращена къ людямъ взрослымъ, а не молодому поколѣнію. Спрашивается, однакожь: кто же тѣ взрослые люди, къ которымъ обращается статья? Очевидно, не крестьяне, которые литературы нашей вовсе не знаютъ, далѣе, не купцы, не мѣщане, не духовенство, которые до настоящаго времени свѣтскою литературою и ея вопросами интересуются весьма слабо. Взрослые, которыхъ статья возбуждаетъ противъ дворянства, очевидно, тѣ же самые дворяне. Дворянство до настоящаго времени остается у насъ главнымъ носителемъ и представителемъ образованія. Но дворянство распадается на двѣ половины: одна идетъ впередъ, старается усвоить себѣ идеи времени и прогресса, пропагандируетъ ихъ; другая отстаётъ, отстаиваетъ и старается удержать старые порядки и учрежденія, вооружается противъ всего новаго. Естественно, что между тою и другою половиною существуетъ разнь при разсмотрѣніи политическихъ, социальныхъ, экономическихъ и т. п. вопросовъ. Заходитъ ли вопросъ о собственности? Одна половина крѣпко отстаиваетъ ее, другая возражаетъ. Заходитъ ли вопросъ о капиталахъ и рабочихъ? Одна — горой за капиталистовъ, другая — за рабочихъ. Заходитъ ли вопросъ о тѣхъ или другихъ правахъ и льготахъ крестьянъ? Одна половина опять за крестьянъ, другая противъ нихъ и т. д. Ни крестьяне, ни рабочіе въ нашей литературѣ персонально не представлены, вовсе ея не знаютъ, къ радѣнію о нихъ дворянства никакого довѣрія не обнаруживаютъ, никакихъ новыхъ правъ не отыскиваютъ, не сознавая и не пользуясь даже тѣми правами, которыя у нихъ есть, однимъ

словомъ, живутъ такъ мирно, какъ будто ихъ вовсе и не было. Такимъ образомъ, означенная рознь идетъ чисто въ средѣ дворянства, и рознь чисто словесная. Конечно, съ точки зрѣнія строгаго порядка было бы, можетъ быть, очень желательно, чтобы и такой розни не было, и г. Тизенгаузенъ, вчинявшій по должности прокурора въ судебной палатѣ обвиненіе противъ гг. Пыпина и Жуковскаго, можетъ быть, совершенно справедливо говорить, что «въ исторіи народовъ — этой «вѣчной» — по выраженію философа — поэмѣ божественнаго разума», бывають такіе торжественные моменты», когда «прежде всего нужно устранить всякую рознь, всякую вражду и раздраженіе въ настоящемъ и спокойно, безъ ненависти и ожесточенія, отнестись къ дѣламъ прошедшаго», что такіе моменты переживаемъ теперь и мы, вступая «въ новую эру жизни», «на широкій путь полнаго пересозданія всего строя нашей гражданственности». Тѣмъ не менѣе, извѣстна старинная русская пословица, что «милые бранятся, только тѣшатся». Что дворяне ведутъ между собою горячіе споры и даже перебраниваются за пониманіе различныхъ политическихъ, социальныхъ, экономическихъ и др. вопросовъ, изъ этого нетолько ничего опаснаго произойти не можетъ, а происходитъ, напротивъ, весьма много полезнаго: во первыхъ, получается несомнѣнное оживленіе литературы и притомъ не пустяками какими-нибудь, какъ прежде, а вопросами серьезными; вовторыхъ, мало по малу, вырабатываются такія формы и формулы теоретическихъ воззрѣній и практическихъ отношеній и положеній, въ которыхъ то, что казалось доселѣ неисконнымъ противорѣчіемъ, незамѣтно сглаживается и даже изящно округляется, старое и новое, прежде непримиримо враждебное, мирно и удобно улаживается вмѣстѣ, даже то, что носило клеймо неизгладимаго отверженія, подставленное и украшенное добытыми въ спорахъ за пониманіе разныхъ вопросовъ принципами, возрождается въ качествѣ феникса еще съ большимъ противъ прежняго блескомъ. Кто наблюдалъ ходъ нашего развитія за послѣднія десять лѣтъ, тотъ пойметъ, что мы говоримъ правду.

Такимъ образомъ, изъ той словесной борьбы, которую ведетъ между собою дворянство за пониманіе разныхъ вопросовъ, никакой опасности произойти не можетъ, элементовъ же для какой-нибудь другой борьбы между различными сословіями или населеніями у насъ никакихъ нѣтъ и возможности подобной борьбы вовсе не предвидится. Вотъ почему немножко странно видѣть, когда система репрессій, переноса французскіе законы на наши состоянія, принимаетъ происходящую между дворянствомъ словесную борьбу о капиталистахъ и рабочихъ, собственниковъ и неимущихъ классовъ и т. п. какъ бы за существующую, и въ дѣйствительности борьбу между капиталистами и рабочими, собственниками и неимущими классами, и становится принципиально на сторону капиталистовъ противъ рабочихъ, соб-

ственниковъ противъ неимущихъ! Въ этомъ направленіи, въ теченіе одного съ небольшимъ года, даны были предостереженія: «*Современнику*», 10-го ноября 1865 года, за статью «Записки Современника», въ которой-де «заключается косвенное порицаніе началъ собственности въ примѣненіи къ капиталистамъ, несправедливо, будто бы, присвоившимъ себѣ сбереженіе рабочихъ классовъ»; «*Современнику*» же, 4-го декабря 1865 года, за стихотвореніе «Желѣзная дорога», такъ-какъ въ этомъ стихотвореніи «сооруженіе николаевской желѣзной дороги изображено, какъ результатъ притѣсненія народа и построеніе желѣзныхъ дорогъ выставляется вообще сопровождаемымъ какъ бы тяжкими для рабочихъ послѣдствіями»; «*Русскому Слову*», 20-го декабря 1865 года, за статью о капиталѣ, такъ-какъ она «свраждебно сопоставляетъ собственниковъ съ неимущими и рабочими классами»; тому же «*Русскому Слову*», 16-го января 1866 года, за статьи: «Производительныя силы Европы», «Засоренныя дороги», А. Михайлова, «Передъ разсвѣтомъ», Благовѣщенскаго, и «Библиографическій листокъ», потому что эти статьи «заключаютъ въ себѣ сопоставленіе неимущественныхъ классовъ общества съ собственниками и распространеніе социалистическихъ понятій». Читая все это, можно подумать, что передъ нашими капиталистами и собственниками въ самомъ дѣлѣ стоятъ несмѣтные толпы рабочихъ и неимущихъ съ угрожающимъ видомъ! На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ; на самомъ дѣлѣ наши капиталисты и собственники благоденствуютъ, какъ нигдѣ, рабочіе и неимущіе классы находятся въ забитомъ и загнанномъ состояніи, какъ тоже нигдѣ; отношенія здѣсь остаются еще тѣ самыя, которыя выработаны были патріархально крѣпостнымъ началомъ. Самъ законъ сознаетъ это — и давно уже готовится уставъ для регулированія отношеній между капиталистами и рабочими. Въ виду всего этого не странно ли видѣть, что наша репрессія беретъ подъ свою защиту разныхъ Китовъ Кытычей, не только нигѣмъ не угнетаемыхъ, но извѣстныхъ съ давнихъ временъ своею алчностью и безчеловѣчіемъ, противъ находящихся пока дѣйствительно въ угнетенномъ и загнанномъ состояніи рабочихъ? На нашъ взглядъ это даже несполитично. Во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы, гдѣ по мѣстамъ рабочіе сплочены въ огромныя массы, хорошо организованы, выработали для себя опредѣленныя программы дѣйствія, гдѣ они дѣйствительно могутъ быть опасны своими соединенными силами, и нравственными и матеріальными, рабочій вопросъ разрабатывается совершенно свободно въ литературѣ и отъ этого не только нѣтъ никакого вреда или опасности, а напротивъ, есть величайшая польза, потому что этимъ путемъ правительство узнаетъ дѣйствительное положеніе дѣла и имѣетъ возможность принимать надлежащія мѣры и средства для регулированія отношеній болѣе правильныхъ. Тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ не представляется ни малѣйшихъ поводовъ къ ка-

кимъ бы то ни было опасеніямъ и гдѣ для устройства рабочаго класса пока ничего не сдѣлано, свобода для литературы рабочаго вопроса должна бы быть полная.

Но если наши состоянія таковы, что нельзя и представить себѣ, чтобы не только литературою, но и какими бы то ни было другими средствами могло быть возбуждено одно сословіе противъ другаго, одна часть населенія противъ другой *, рабочіе противъ капиталистовъ и т. п., то очевидно, что всѣ литературныя попытки проиввести подобное возбужденіе, еслибы таковыя и были, долженствовали бы быть причислены къ числу таковыхъ, которыя вмѣненію не подлежатъ. Такъ точно, какъ нельзя вмѣнять человѣку въ преступленіе, если онъ задумалъ низвергнуть луны на землю и дѣлаетъ для этого нужныя, по его мнѣнію, приготовленія. Вотъ почему фактъ подобнаго преступленія, еслибы онъ былъ основанъ на точныхъ и неподдающихся сомнѣнію выраженіяхъ сочиненія и, слѣдовательно, показывалъ бы несомнѣнно злую волю сочинителя, былъ бы несостоятеленъ, ничтоженъ; по принципу же репрессивной системы, гдѣ онъ образуется не на точныхъ выраженіяхъ сочиненія, а на произвольныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ выводахъ обвиняющей власти, онъ просто комиченъ, и подобная инверминація ничего болѣе не доказываетъ, кромѣ нашего страстнаго желанія, такъ свойственнаго всякому политическому малолѣтству, играть въ политику взрослыхъ.

Замѣчательно, что какъ французскій органическій декретъ о печати 17-го февраля 1852 года, возстановляя Loi de tendances 1822 года въ гораздо стѣснительнѣйшей формѣ, заботливо старается, однакожь, избѣгнуть словъ: «esprit du journal или tendance», такъ, напротивъ, наша система репрессіи, воспроизводя французскій декретъ, не только не скрываетъ мысли о преслѣдованіи именно направленія, напротивъ идетъ еще далѣе, и въ этомъ отношеніи дѣлаетъ отчасти шагъ назадъ сравнительно съ цензурнымъ уставомъ 1828 года.

Уставъ 1828 года говоритъ: «руководясь симъ (то-есть узаконеніями о преступленіяхъ, которыя цензура въ печати должна преслѣдовать), цензура обращаетъ особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую дѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ всегда принимаетъ за основаніе явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольно толкованія о ней въ дурную сторону. Объясненія автора на замѣчанныя цензоромъ мѣста допускаются, если только сіи объясненія непротивны ясному смыслу рѣчи.

Новый законъ говоритъ: «издатели и редакторы, виновные въ напечатаніи сочиненій по своему прямому содержанію, или

* Мы не думаемъ, чтобы ктонибудь споры между нашей журналистикою и Остзейскою могъ принять за возбужденіе одной части населенія противъ другой.

и по косвеннымъ намекамъ, принадлежащихъ къ роду тѣхъ, которыя означены въ законахъ такихъ-то и проч.

Обвиненіе по косвеннымъ намекамъ?! — Это есть уже нѣчто такое, что не входитъ ни въ намѣренія Loi de tendances 1822 года, ни въ Decret organique 17-го февраля 1852 года. Это— прямое возстановленіе чисто-русскаго цензурнаго закона 1826 года о двойномъ смыслѣ каждой рѣчи. Правда, мы имѣемъ все основаніе думать, что это выраженіе попало въ новый законъ только по недосмотру: въ противномъ случаѣ, въ немъ, то-есть въ новомъ законѣ не могло бы стоять вышеприведеннаго параграфа устава 1828 года, предписывающаго ясно не искать двойнаго смысла рѣчи. Тѣмъ не менѣе, означенное выраженіе въ новомъ законѣ пока стоитъ, и, слѣдовательно, можетъ прилагаться къ дѣлу и обвиняющею властію и судами на томъ, пожалуй, основаніи, что § устава 1828 года, какъ находящійся въ отдѣлѣ о цензурѣ и ея учрежденіяхъ, можетъ быть относимъ только къ подцензурнымъ изданіямъ. Такъ ли это, или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, дѣло это требуетъ разъясненія *.

Далѣе старый законъ, то-есть уставъ 1828 года точно и ясно опредѣляетъ преступленія, за которыя должно быть преслѣдуемо напечатанное безъ цензуры сочиненіе; эти преступленія — суть

* Какъ тяжело было отыскиваніе двойнаго смысла рѣчи для нашихъ честныхъ людей еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, это показываетъ статья бывшаго цензора Глинки: «Мое цензоровство», напечатанная въ «Современникѣ» за 1865 годъ. Глинка желалъ поступить въ цензоры еще въ 1826 году, но въ это время какъ разъ вышелъ новый цензурный уставъ, составленный министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ. Прочитавъ этотъ уставъ, Глинка отказался отъ цензоровства, говоря, что «въ силу такого чуждаго устава онъ не можетъ быть цензоромъ». Чугуннымъ этотъ уставъ Глинка называлъ по двумъ причинамъ: 1) «Екатерина-Великая, переища выраженіе Паскаля въ свой «Наказъ», повторила: «можно перетолковать и молчаніе»; а 151 § чугуннаго устава обязывалъ цензоровъ отыскивать двойной смыслъ, то-есть превращалъ цензурный комитетъ въ инквизицію. Ужели крапатели этого устава не знали и не вѣдали, что, и самую святую небесную молитву, что и «Отче нашъ», можно перетолковать якобинскимъ нарѣчіемъ?» Но еще болѣе Глинкѣ не нравилось то, что этотъ уставъ давалъ цензорамъ право при малѣйшемъ намекѣ противъ самодержавной хвататѣ сочинителей и граверовъ. Нужда, однакожъ, заставила Глинку поступить въ цензоры и при чугунномъ уставѣ. Но тогда немедленно, при вступленіи въ должность, онъ собралъ своихъ товарищей по службѣ на совѣтъ, на которомъ сказалъ имъ: «если будемъ буквально руководствоваться уставомъ, то намъ ни одного слова нельзя будетъ пропустить. Уставъ обязываетъ отыскивать двойной смыслъ, а каждое почти слово подвержено перетолкованію и т. д.». На этомъ и было порѣшено. Объ уставѣ 1828 года Глинка говоритъ: «со времени существованія цензуры никогда не было такого свободнаго, такого льготнаго устава для мысли человѣческой, какимъ казался уставъ 1828 года. Въ уставѣ отжившемъ налагали тяжелую обязанность дорываться до двойнаго смысла. Въ новомъ предписывается смотрѣть на явный смыслъ рѣчи и не толковать ничего въ дурную сторону» и проч.

преступленія: 1) противъ вѣры; 2) государственныя; 3) противъ порядка управленія, и 4) противъ частныхъ лицъ. Подробное изложеніе этихъ статей таково, что по прочтеніи ихъ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что законъ преслѣдуетъ дѣйствительныя преступленія, и притомъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда они выражены были въ ясныхъ, неподлежащихъ сомнѣнію, выраженіяхъ.

Новый законъ, допуская двойной смыслъ рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписываетъ преслѣдованіе просто образа мыслей. Такъ пунктъ 3-й § 179 новаго устава говоритъ: «За прямое оспариваніе и порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ собственности и семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, *хотя бы притомъ не было возбужденія къ совершенію преступленія*, виновный подвергается», и проч. Здѣсь законъ прямо вноситъ въ уголовный кодексъ то, что, по его собственному признанію, не составляетъ преступленія, что, слѣдовательно, не можетъ быть заклеяемо именемъ преступленія, даже по хитросплетенному понятію о преступленіи репрессивной системы. Этимъ принципиально дается полиціи и суду право вторгаться въ чисто-отвлеченную сферу мысли, неимѣющую никакого отношенія къ жизненной сферѣ, въ свободную область индивидуальнаго изслѣдованія. Хотя прибавляя слова: *съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы*, законъ хочетъ этимъ показать какую-то будто преступность мысли изслѣдующей, предполагающей, повидимому, возможнымъ такое мышленіе, гдѣ бы начала собственности и семейнаго союза прямо оспаривались или порицались, а между тѣмъ, и теоретически они ни сколько отъ этого не распатывались бы а, пожалуй, еще бы и укрѣплялись. Но такое мышленіе, гдѣ бы одно и то же вмѣстѣ и отрицалось, и полагалось, очевидно, невозможно, — и прямой смыслъ закона тотъ, что всякое свободное разсужденіе о собственности и брачномъ союзѣ есть преступленіе. Такъ, дѣйствительно, и смотреть на этотъ законъ наша репрессія. 10-го ноября 1865 года, дано было предостереженіе «Современнику», между прочимъ, за статью «Новыя времена», такъ-какъ въ ней «оскорбляются начала брачнаго союза». «Новыя времена» есть небольшой переводный разсказъ о какой-то маленькой курьёзной общинѣ въ Америкѣ, непризнающей, между прочимъ, и существующей формы брака. Переводчикъ предпослалъ этой статьѣ предисловіе, въ которомъ отчуривается всѣми святыми отъ содержанияго въ ней образа мыслей и за автора статейки, и за себя, и кажется, даже за все свое потомство. Самая статейка, помимо фактической своей стороны, не имѣетъ никакого ни значенія, ни интереса, представляя эксцентричный взглядъ членовъ общины на форму брака, который нельзя назвать ни оспариваніемъ, ни порицаніемъ началъ семейнаго союза въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это законъ. Несмотря на все это, статейка найдена «оскор-

бляущею начало брачнаго союза.» Въ чемъ это оскорбленіе заключается, даже и понять невозможно.

Наконецъ, уставъ 1828 года не содержитъ особаго уголовного права для прессы. Пресса подчиняется общимъ законамъ нравствъ со всеми другими способами обнаруженія мысли—рисункомъ, письмомъ, рѣчью. Всѣ четыре вида преступленій, совершаемыхъ преступною мыслью въ различныхъ формахъ ея проявленія, именно 1) противъ вѣры, 2) государственныя, 3) противъ порядка управленія и 4) противъ частныхъ лицъ, опредѣлены ясно и точно. Къ государственнымъ преступленіямъ и противъ порядка управленія государствомъ причисляются слѣдующія (будутъ ли онѣ совершены прессой, рисункомъ, письмомъ, рѣчью): 1) возбужденіе неуваженія къ верховной власти или къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ; 2) возбужденіе къ бунту или явному неповиновенію верховной власти; 3) стремленіе оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или дерзостно порицать установленный государственнымъ законами образъ правленія и порядокъ наслѣдія престола; 4) возбужденіе къ противодѣйствію или сопротивленію властямъ, отъ правительства установленнымъ; 5) составленіе и распространеніе писемъ, сочиненій, изображеній, и т. д., ругательныхъ и оскорбительныхъ для высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ, наконецъ, 6) составленіе и распространеніе сочиненій, заключающихъ въ себѣ недозволенные сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства. Просто и ясно! Государственныя преступленія—это исключительно преступленія противъ верховной власти. Преступленія противъ порядка управленія состоятъ: 1) въ возбужденіи сопротивленія или противодѣйствія противъ власти; 2) въ оскорбленіи высшихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ и 3) въ недозволенномъ сужденіи о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, т.-е., или верховной власти и высшихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Затѣмъ, всѣ оскорбленія въ прессѣ лицъ и мѣстъ управленія, не принадлежащихъ къ высшимъ, подлежатъ частному иску на основаніи общихъ законовъ о диффамациі, съ тѣмъ только различіемъ, что за оскорбленіе ихъ наказаніе налагается одною степенью выше, чѣмъ за оскорбленіе частныхъ лицъ.

Новый законъ говоритъ (§ 119, 1): «напечатавшій оскорбительныя и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, также дозволившій себѣ въ печати оспаривать обязательную силу закона и одобрять или оправдывать воспрещенныя имъ дѣйствія, съ цѣлію возбудить къ нимъ неуваженіе, подвергается» и проч.

Тотъ же законъ въ примѣчаніи 5-мъ къ § 181 говоритъ: «не вѣнчаются въ преступленіе и не подвергаются наказа-

ніямъ обсужденія, какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила, и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей».

Первое, что представляется на нашъ взглядъ въ этихъ двухъ постановленіяхъ, это то, что они взаимно другъ друга отчасти исключаютъ или по крайней-мѣрѣ затемняютъ. Примѣчаніе 5-е къ § 181 позволяетъ свободно говорить, о всѣхъ законахъ и распоряженіяхъ, если не возбуждается неповиновеніе къ нимъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей. Напротивъ § 179 говоритъ, что и *оскорбительные*, направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы какъ о законахъ, такъ и о распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ недовольствы. Ограниченіе противу предвѣдущаго не только сильно увеличивается, но и вводится неопредѣленность и темнота. Что значить дѣлать оскорбительные, направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о законахъ и распоряженіяхъ? Если я доказываю, что извѣстный законъ недостаточенъ, не достигаетъ своей цѣли или вовсе ненуженъ, что его надобно измѣнить или уничтожить, — колеблю я общественное довѣріе къ закону и оскорбляю его, или нѣтъ? — Если *да*, въ такомъ случаѣ примѣчаніе 5-е къ § 171 совершенно сдѣлано напрасно, ибо даруемая имъ свобода разсмотрѣнія законовъ этимъ совершенно уничтожается. Если *нѣтъ*, то трудно понять, въ чемъ могутъ заключаться оскорбительные, направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о законахъ, — и нужно это точно опредѣлить. Далѣе, что разумѣется подъ постановленіями и распоряженіями правительственныхъ и судебныхъ установлений? Разумѣть ли подъ правительственными и судебными постановленіями и распоряженіями только постановленія и распоряженія высшихъ мѣстъ и лицъ, какъ разумѣлъ это законъ 1828 года, — или всѣхъ—до послѣдней нисшей полицейской и судебной инстанціи? Наконецъ, кого разумѣть подъ тѣми установленными властями, оскорбительныя выраженія которымъ поставлены въ примѣчаніи 5-мъ § 181 наравнѣ съ возбужденіемъ къ неповиновенію законамъ и оспариваніемъ обязательной ихъ силы? Всякая власть установлена. Законъ 1828 года признавалъ подлежащими особому наказанію только оскорбленія высшихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, оскорбленія всѣхъ другихъ одною степенью только почитались выше оскорбленія частныхъ лицъ. Возбужденіе же къ неповиновенію законамъ далеко не уравнивалось въ законѣ 1828 года не только съ оскорбленіемъ какнхъ бы то ни было властей, но даже и высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ.

Пониманіе новаго закона во всѣхъ означенныхъ случаяхъ

становится тѣмъ труднѣе, что въ дѣйствующемъ нашемъ правѣ рядомъ съ нимъ стоитъ и признается дѣйствующимъ и законъ 1828 года.

Еслибы мы вздумали обратиться къ практикѣ нашей репрессивной системы въ предостереженіяхъ и здѣсь поискать разрѣшенія встрѣченныхъ нами недоразумѣній и неопредѣленностей, то здѣсь мы уже совершенно запутались бы и потеряли бы всякій ключъ къ уразумѣнію закона о печати вообще. Практика нашихъ предостереженій держится совершенно своеобразныхъ представленій о законности и незаконности, имѣющихъ съ закономъ мало общаго. Подъ правительствомъ она разумѣетъ не только верховную власть и высшія государственныя лица и мѣста, но и всѣ мѣстныя начальства, какъ читатель уже имѣлъ случай видѣть изъ приведеннаго нами выше предостереженія «Голосу» отъ 7-го мая 1866 г. за фельетонъ: «Московская жизнь», далѣе администрацію вообще и даже наконецъ все дворянство. «За возбужденіе недовѣрія къ администраціи вообще» и «за систематическое порицаніе ея также вообще» дано было два предостереженія «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» (12-го апрѣля 1866 и 2-го сентября 1866 года). «Голосу» 1-го декабря 1865 года дано было первое предостереженіе за нѣкоторыя статьи, между прочимъ, потому, что въ нихъ «взводятся оскорбленія на все дворянское сословіе, на служащихъ правительству лицъ». — Вмѣстѣ съ раздвиженіемъ понятія правительства раздвигается понятіе о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительства, такъ что постановление и распоряженіе какой-нибудь нисшей полицейской инстанціи есть уже постановленіе и распоряженіе правительства. Но что всего страннѣе, преслѣдуются не только оскорбительныя, направленныя къ колебанію общественаго довѣрія отзывы объ этихъ распоряженіяхъ или постановленіяхъ, что имѣло бы еще хоть какое нибудь принаровленіе къ закону, но и оскорбительныя, колеблющія довѣріе отзывы о самихъ лицахъ, такъ что всѣ полицейскія и другія власти и начальства всѣхъ инстанцій въ имперіи ставятся въ такое же положеніе, какое по закону 1828 года, дѣйствующему, какъ мы сказали выше, и теперь принадлежитъ только высшимъ въ государствѣ мѣстамъ и лицамъ. Читатель, конечно, помнитъ нѣсколько разъ уже упомянутое нами предостереженіе за фельетонъ «Московская жизнь», такъ-какъ, де, «тутъ находятся оскорбительныя отзывы, могущіе возбудить недовѣріе къ мѣстному начальству и неудовольствіе противъ принятыхъ имъ распорядительныхъ мѣръ» (1?). 5-го декабря 1866 года «Голосу» дано было предостереженіе за статью, напечатанную въ № 318 по поводу преобразования петербургской полиціи, такъ-какъ въ статьѣ «заключаются неприличныя извѣты на высшихъ чиновъ полицейскаго управленія, хотя непоменованныхъ въ упомянутой статьѣ, но тѣмъ не менѣе ясно обозначенныхъ по присвоеннымъ имъ мундирамъ, что подобныя бездоказательныя и

предосудительныя нареканія не могутъ быть терпимы безъ нарушения того уваженія и довѣрія (*ничего подобнаго въ законѣ нѣтъ*), которыя должны принадлежать должностнымъ лицамъ, при отправленіи ими служебныхъ обязанностей». Такимъ образомъ предостереженіемъ вводится совершенно новое преступленіе, неизвѣстное въ цѣломъ нашемъ уголовномъ кодексѣ: *недовѣріе къ полицейскимъ властямъ и разнымъ мѣстнымъ начальствамъ*. Отъ каждаго подданнаго можно требовать довѣрія только къ верховной власти, — ко всѣмъ другимъ властямъ и начальствамъ, какъ бы они ни были высоко поставлены, онъ въ правѣ имѣть довѣріе или не имѣть, смотря по тому, заслуживаютъ они этого или нѣтъ, и въ правѣ такое свое мнѣніе высказывать публично, лишь бы только оно не имѣло оскорбительныхъ для нихъ выраженій. Безъ этого немислимо бы было ни обсужденіе законовъ, ни правительственныхъ распоряженій. Такъ именно и понимаетъ это дѣло законъ 1828 года, налагая, какъ мы уже упоминали нѣсколько разъ, — даже въ случаѣ оскорбленій, болѣе значительныхъ наказанія только за оскорбленія «высшихъ въ государствѣ лицъ и мѣстъ», а прочія всѣ полицейскія и другія начальства почти уравнивая съ частными лицами. Наконецъ, замѣчательно еще предостереженіе *относительно начальства*, данное 11-го октября 1866 года газетѣ «Вѣсть» за статью по поводу назначенія новаго генераль-губернатора сѣверо-западныхъ губерній, въ которой, де, «заключаются неумѣстныя (?) сужденія о личныхъ свойствахъ и распоряженіяхъ его предмѣстника, и что означенная статья могла бы послужить поводомъ къ появленію въ другихъ газетахъ статей, несоотвѣтствующихъ чувству приличія, достоинству государственной службы и обязанностямъ періодической печати». Здѣсь преслѣдуется даже уже и не недовѣріе. Но что же однако здѣсь преслѣдуется? Подъ какую статью существующаго закона это можетъ быть подведено?

Здѣсь мы оканчиваемъ разсмотрѣніе болѣе общихъ уголовныхъ законовъ для нашей прессы. Въ слѣдующей статьѣ мы рассмотримъ законы о диффамациі и законы полиціи нашей прессы.

Практическій выводъ изъ всего нами сказаннаго, относительно уголовныхъ законовъ, приблизительно можно вывести слѣдующій:

Принимая во вниманіе, что 1) наши новые уголовные законы о печати предусматриваютъ, слѣдуя французскому кодексу, такіа преступленія, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ; что 2) они вводятъ въ принципъ преслѣдованіе чисто-теоретической мысли, чего у насъ никогда не бывало, отысканіе двоякаго смысла рѣчи, что въ самое темное время нашей литературы оскорбляло людей честныхъ; наконецъ что 3) новаго нужнаго они ничего къ уголовному закону 1828 года не прибавляютъ, прежняго нисколько не уясняютъ, напротивъ вносятъ неопредѣленность и путаницу понятій, — мы полагаемъ,

что было бы полезно всѣ три положенія новаго закона, со-держащіяся въ § 179, о которыхъ мы говорили выше, совершенно уничтожить, и если признается еще неблаговременнымъ дать новый уголовный законъ для прессы дѣйствительно либеральный, то оставить уголовный законъ въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ въ уставѣ 1828 года, съ небольшими только измѣненіями; для большей ясности, въ опредѣленіи самыхъ преступленій и съ перемѣною, разумѣется, самыхъ наказаній въ сообразность съ временемъ. Мы увѣрены, что даже дѣйствіе уголовного закона 1828 года, при отсутствіи цензуры, облегчило бы прессу.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Будущее нашихъ дѣтей. — Правила приѣма дѣтей въ воспитательные дома. — Предполагаемая реформа въ московскомъ воспитательномъ домѣ. — Солдаты-воспитатель. — Какіе выходятъ иногда воспитательницы изъ институтокъ. — Два случая жестокаго обращенія съ дѣтьми. — О калѣвахъ, — откуда они берутся. — Проналъ ребенокъ. — Похищеніе ребенка. — Съ какими свѣчами удобнѣе воровать? — Учебно-воспитательное заведеніе для несовершеннолѣтнихъ проститутокъ. — О петербургскомъ духовномъ училищѣ. — Кое-что о преніяхъ училищнаго съѣзда. — Какъ уничтожить бурсацкій духъ въ духовныхъ училищахъ? — Сліяніе духовныхъ училищъ съ свѣтскими и препятствіе къ этому. — Участіе общества въ дѣлахъ школы — по взгляду школы и по взгляду общества. — Одежа — врагъ просвѣщенія. — Вспомогательная касса семинаристовъ, и почему она закрыта. — Правила о воспитанникахъ высшихъ учебныхъ заведеній. — Необходимость «исправительныхъ» учебныхъ заведеній. — Обращеніе къ содѣйствию полиціи при поступленіи въ высшія учебныя заведенія. — Дѣтскій праздникъ. — Еще объ устюжскомъ судѣ и о приѣмѣ семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія.

Предметомъ моея бесѣды на настоящій разъ будутъ почти исключительно — дѣти.

Не знаю, какъ кому, а мнѣ этотъ предметъ представляется и интереснымъ и, по обилію накопившихся за послѣднее время разныхъ фактовъ, современнымъ. — Дѣтей многіе не любятъ, — не любятъ ихъ, искренно или притворно, старые холостяки и старыя дѣвы; не особенно любятъ ихъ и многіе родители, особенно тѣ, у которыхъ дѣтей слишкомъ много. Дѣти такія неспокойныя, надоедливыя созданія — они такъ много кричатъ, шумятъ, шалить; такъ любятъ производить во всемъ безпорядокъ и рвать, ломать, портить все попадающееся имъ подъ руки. Матерямъ отъ нихъ покою нѣтъ; отцы принуждены записывать отъ нихъ въ свои кабинеты — если у нихъ таковыя нѣтъ, — или же давать имъ чувствительныя внушенія, въ видѣ щелчковъ, подзатыльниковъ и т. п., чтобы заставить ихъ вести

себя тихо, смирно, чинно. Многие стараются избѣгать даже тѣхъ квартиръ, по сосѣдству съ которыми есть дѣти и откуда можетъ доноситься до нихъ дѣтскій шумъ. Даже люди, избравшіе своею профессіею постоянное обращеніе среди дѣтей, ихъ воспитаніе и образованіе, и тѣ едва-ли всегда могутъ сказать, что дѣти не въ тягость имъ, что имъ непротивны, что ихъ не беспокоятъ и не возмущаютъ разными проявленіями дѣтской природы; и они, за весьма рѣдкими исключеніями, постоянно кричатъ на своихъ питомцевъ: тише, смирно, не шалить, молчать и т. д., и всевозможными мѣрами стараются подавить и сломить ихъ дѣтскую натурку.

Бѣдныя дѣти!

Одни смотрятъ на нихъ какъ на игрушку, какъ на забаву для себя; другіе — какъ на бремя и наказаніе Божіе. Никто или почти никто не смотритъ на нихъ какъ на людей. А между тѣмъ, это — тоже люди! съ такими же общечеловѣческими свойствами и правами, какъ и взрослые люди. Правда, бить дѣтей и особенно бранить ихъ можетъ почти всякій безнаказанно, — чуть-чуть не наравнѣ съ какойнибудь комнатной собачкой. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, нашелся даже такой мировой судья, который официально заявилъ, что бить дѣтей можно! Но убивать дѣтей до смерти — запрещено; за это такъ же точно отправятъ въ Сибирь, какъ и за убійство взрослога. Строго запрещено даже и плодъ человѣческой вытравлять, — если зародился человѣкъ, то онъ уже непременно долженъ родиться — хотя бы иная мать вовсе и не желала этого, хотя бы это было стыдомъ и позоромъ для нея и у нея не было бы средствъ кормить и воспитывать своего ребенка. До этого никому нѣтъ дѣла — хоть съ голоду умирай и ребенка своего умори, но обращайся съ нимъ какъ съ человѣкомъ — умори его, постепенно, медленно — голодною смертью! Потому что вѣдь это человѣкъ, такой же человѣкъ, какъ и вы, и я, и всякій взрослый человѣкъ.

Да; человѣкъ. Конечно. По всей вѣроятности, даже гораздо лучшій человѣкъ, чѣмъ мы съ вами, читатель; потому что вѣдь всѣ увѣряютъ, что человѣчество идетъ все впередъ и каждое новое поколѣніе людей бываетъ лучше, совершеннѣе предшествовавшаго. Вы можете быть умнѣйшимъ человѣкомъ, всесторонне образованнымъ, ученымъ; можете быть страшнымъ богачемъ, вельможей или знаменитостью какоюнибудь; можете держать въ своихъ рукахъ какіянибудь своего рода бразды правленія и играть сотнями и тысячами людей, какъ пашками; словомъ, вы можете находиться въ такомъ положеніи, что не только всякій ребенокъ, но и многое множество взрослыхъ людей предъ вами ничто, — черви, а не человѣки. Но почему вы знаете, что вотъ изъ этого, перваго встрѣчнаго вамъ, ребенка не выйдетъ современемъ такой же точно великій человѣкъ, какъ и вы, а пожалуй даже и болѣе почтенный, чѣмъ вы. —

та бы теперь ребенокъ этотъ и былъ одѣтъ въ нищенскіе

дохмотья? Почему знать, что онъ не сдѣлается какимъ нибудь Ломоносовымъ, Суворовымъ, Меншиковымъ, Сперанскимъ, Пушкинымъ и т. д. и т. д.? По всей вѣроятности, что не сдѣлается, потому что дѣтей каждый годъ родится множество, а великіе и знаменитые люди очень рѣдки; однако возможность остается. Изъ насъ вотъ съ вами больше того, что мы теперь, едва-ли уже что можетъ сдѣлаться; мы уже опредѣлились, приняли извѣстную форму, и если можемъ еще расширить ее, то не особенно далеко. Ни объ одномъ ребенкѣ, даже болѣзненнымъ и хиломъ, даже такомъ, который представляется намъ глупымъ и идиотичнымъ, сказать этого нельзя. Вѣроятно, вѣдь у каждаго изъ насъ найдется нѣсколько примѣровъ того, какъ люди, считавшіеся въ школѣ глупыми и ни къ чему въ жизни не годными, которыхъ воспитатели заранѣе записывали даже въ разрядъ преступниковъ, оказывались потомъ людьми и далеко не глупыми и вовсе не бездѣльными.

Но путь даже не выйдетъ изъ современнаго намъ поколѣнія дѣтей и ни одного, въ какомъ бы то ни было отношеніи, великаго или замѣчательнаго человѣка; пусть даже слѣдующее за нами поколѣніе будетъ и не лучше теперешняго (чего ожидать, конечно, трудно), — во всякомъ случаѣ это люди будущаго, люди другаго времени, другихъ политическихъ и гражданскихъ событій, другой обстановки жизни, другихъ нравовъ, понятій и убѣжденій — намъ совершенно неизвѣстныхъ. Остановитесь только на этой мысли подольше, и вамъ едва-ли не сдѣлается страшно и тоскливо! Картина будущаго не то, что картина прошедшаго. Въ прошедшемъ мы дома, — хозяева и судьи. Здѣсь для насъ все ясно и опредѣленно. Мы видимъ начало и причины всего: всѣ ошибки, слабости и заблужденія нашихъ предшественниковъ, равнымъ образомъ и всѣ ихъ добрыя и мудрыя начинанія и попытки и весь ходъ ихъ дѣятельности. Все это, все прошедшее предъ нами какъ на картинѣ, — и мы, нашъ вѣкъ, наше поколѣніе — выше всего этого, совершеннѣе. Мы судьи, а всѣ прежде насъ жившіе люди, со всѣми ихъ дѣлами, — наши подсудимые. Но что будетъ послѣ насъ, — даже и не особенно далеко, а чрезъ какія нибудь 25 — 40 лѣтъ, когда насъ или совсѣмъ не будетъ, или дѣятелями, голосъ, власть и силу имѣющими, будемъ уже не мы, а вотъ эти 15 — 10 — 5 лѣтнія дѣти? Какъ устроится жизнь людская тогда, какія будутъ господствовать понятія, правила, законы тогда, какія имена будутъ гремѣть и благословляться по Россіи и за что благословляться, и о какихъ именахъ будутъ люди сожалѣть, что они ихъ помнятъ? И такъ далѣе и т. д. Ничего мы объ этомъ, ровно ничего не знаемъ! Вѣдь это больно и страшно ничего не знать о томъ, что теперь насъ, можетъ быть, такъ интересуетъ, на что мы посвящаемъ, можетъ быть, всѣ свои силы, всю свою физическую и умственную дѣятельность. Даже о такой грандіозной вещи, какъ судьба нашего отечества, и то мы не

можемъ предсказать ничего опредѣленнаго, — останется ли Россія и черезъ 40 — 50 лѣтъ такой же великой и единой Россіей, какъ теперь, или, можетъ быть, явится какой нибудь новый Чингисъ-Ханъ и разгромить ее! А вотъ эти глупыя, безмысленныя, противныя, надобдливныя, дѣивныя, «развращенныя» и т. д. дѣти, они будутъ все это знать и видѣть; они будутъ знать и видѣть тысячи такихъ предметовъ и явленій, о которыхъ мы теперь и понятія себѣ составить не можемъ. Но главное — они будутъ судьями нашими; они будутъ вспоминать объ насъ и разбирать, критиковать всю нашу дѣятельность, наши понятія, правила, законы; а болѣе всего и прежде всего — наше отношеніе къ нимъ, то, какъ мы съ ними обращались и какъ воспитывали ихъ.

Я не скажу, что, можетъ быть, кости наши повернутся въ могилѣ оттого, что дѣти наши будутъ говорить объ насъ, и мать сыра земля наляжетъ на насъ тяжелымъ камнемъ. Этого бояться нечего — отъ однихъ словъ осужденія кости наши въ могилѣ не повернутся и земля не будетъ давить ихъ тяжелѣе обыкновеннаго; равно какъ и отъ словъ благодарности и похвалы какъ нибудь легче и лучше намъ въ могилѣ тоже не будетъ. Да пусть даже наши кости и повертываются тамъ, какъ угодно, — что намъ за дѣло до этого теперь, когда мы, слава Богу, живемъ и дѣйствуемъ! Мы живемъ насущными интересами и для настоящаго времени; мы можемъ смѣло устроить свои дѣла такъ, какъ это представляется намъ выгоднѣе и удобнѣе, не заботясь много о томъ, что скажутъ объ насъ наши потомки. Если то, что они будутъ говорить объ насъ по смерти, не можетъ лишить насъ того почета, того положенія въ обществѣ, тѣхъ правъ, привилегій и удобствъ жизни, которыми мы пользуемся теперь, то пусть говорятъ, что угодно, пусть бранятъ и осуждаютъ, даже, пожалуй, проклинаятъ насъ, какъ угодно, — теперь намъ это не вредить, слѣдовательно, все равно! Съ другой стороны, что пользы намъ и въ тѣхъ воздаяніяхъ, которыя должны будутъ воздать намъ наши потомки за наши похвальные дѣла! Чувствовать эти похвалы, наслаждаться ими, любоваться тѣми монументами, которые они, можетъ быть, поставятъ намъ, мы не можемъ. Блаженъ еще тотъ, кто надѣется жить вторично; но кто въ вѣрѣ этой слабъ, для того, можетъ быть, рѣшительно все равно, что бы его потомки объ немъ ни думали и ни говорили и какъ бы его кости въ землѣ ни лежали.

На счетъ костей и давленія на нихъ земли мы можемъ быть совершенно спокойны. А все-таки желательно, чтобы потомки наши имѣли объ насъ лучше хорошее мнѣніе, чѣмъ дурное. Желаніе идеальное и страхъ чисто-идеальный, совершенно пустой и напрасный; но тѣмъ не менѣе дѣятельный и реальный на столько, что имѣетъ вліяніе на нашу дѣйствительность. Такое или другое мнѣніе объ насъ нашихъ потомковъ — это то же

самое, что общественное мнѣніе нашихъ современниковъ, которое часто такъ же точно бесцельно измѣнить наше общественное положеніе, не можетъ ни улучшить, ни ухудшить его, не можетъ лишить насъ нашихъ реальныхъ благъ, и все-таки имѣетъ для насъ огромное значеніе, и мы дорожимъ имъ и стараемся примѣниться въ нему, или задобрить его, замаскироваться предъ нимъ. Но предъ общественнымъ мнѣніемъ потомковъ замаскироваться трудно; поэтому-то оно дороже и страшнѣе для насъ мнѣнія современниковъ, — еслибы люди почаще обращали на него вниманіе и оно такъ же давало бы себя чувствовать, какъ даетъ себя чувствовать общественное мнѣніе живыхъ людей, то, по всей вѣроятности, многое дѣлалось бы не такъ, какъ теперь дѣлается.

Есть, впрочемъ, средство замаскироваться и предъ общественнымъ мнѣніемъ потомковъ, — не бояться того, что современнымъ заговорятъ объ насъ наши дѣти, и смотрѣть имъ смѣло въ глаза даже тогда, когда видимъ, что они имѣютъ право быть недовольны нами. Это — заставлять ихъ опускать предъ нами глаза, запрещать имъ имѣть объ насъ свое сужденіе, стараться внушить и привить имъ тѣ же самыя возрѣнія на все, какія и мы имѣемъ. Бить дѣтей нехорошо, лишать ихъ образованія — тоже; но можно сдѣлать такъ, что и они будутъ воспитывать своихъ дѣтей, какъ говорится, въ страхѣ Божіемъ и образованіе будутъ считать вреднымъ. Тогда они, конечно, не будутъ уже осуждать насъ за то, что мы воспитывали ихъ при помощи розогъ и лишали образованія. Отъ строгаго суда потомковъ мы будемъ, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на одно поколѣніе обезопасены; можно обезопасить себя такъ и на нѣсколько поколѣній, даже на цѣлую тысячу лѣтъ! Вѣдь не смѣли же мы цѣлую тысячу лѣтъ имѣть своихъ мнѣній о нашихъ предкахъ, а отчасти даже и доселѣ не имѣемъ! Поколѣніе за поколѣніемъ воспитывалось подъ розгами и палками и не получало почти никакого образованія, и всѣ находили это совершенно нормальнымъ. Вотъ и мы можемъ сдѣлать (и, какъ извѣстно, стараемся дѣлать) то же самое!

Но, увы! нынѣ время уже не такое, — если не мы сами, такъ со стороны, желѣзныя дороги и телеграфы приносятъ и все болѣе и болѣе будутъ приносить нашимъ дѣтямъ свѣта и свободы. На одно поколѣніе мы, можетъ быть, кое-какъ еще обезопасимъ себя отъ строгаго и справедливаго суда потомковъ; а тамъ будетъ все хуже и хуже, пока наконецъ объ насъ не скажутъ прямо: какое это было темное, безалаберное время.

Глядя на дѣтей, не мѣшаетъ думать объ этомъ почаще. И чѣмъ ребенокъ меньше, тѣмъ болѣе долженъ онъ вызывать на размышленіе, потому что тѣмъ дальше отъ насъ понесетъ онъ нашу память, тѣмъ строже и неподкупнѣе будетъ его сужденіе объ насъ и о всѣхъ нашихъ великихъ и малыхъ дѣлахъ; тѣмъ въ болѣе лучшемъ времени будетъ онъ жить и тѣмъ

страннѣе, нелѣпнѣе, несправедливѣе, можетъ быть, даже преступнѣе должно будетъ казаться ему то, что по сознанию лучшей части и нашего поколѣнія не особенно хорошо и справедливо.

Да и независимо заботъ о томъ, что скажутъ о насъ наши потомки, одна уже мысль, что вотъ этотъ ребенокъ будетъ жить и дѣйствовать и тогда, когда насъ давно уже въ живыхъ не будетъ, что онъ будетъ жить, по всей вѣроятности, во времена несравненно лучшія, или по крайней мѣрѣ хоть въ старости своей, сходя въ могилу, увидить эти времена, увидить другую жизнь, другой общественный строй, другихъ людей, услышать другіе голоса — должна наполнять нашу душу не снисходительнымъ и покровительственнымъ пренебреженіемъ къ нему, а своего рода благоговѣніемъ, подобнымъ тому, которое ощущалъ въ известную минуту известный библейскій старецъ Симеонъ.

Теперь посмотримъ, на основаніи разныхъ фактовъ за послѣднее время, какъ мы относимся къ нашимъ дѣтямъ и что сдѣлали и дѣлаемъ для нихъ.

Что мы дѣтей любимъ и заботимся объ нихъ, это, повидимому, не должно подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; недаромъ же вѣдь народное образованіе, т.-е., образованіе собственно молодого поколѣнія, теперь на языкѣ у всѣхъ и cadaго и извѣстіями о разныхъ событіяхъ по этой части переполнены всѣ газеты!

Начнемъ съ первыхъ дней жизни ребенка. — Во всѣхъ странахъ много рождается такихъ несчастныхъ дѣтей, отъ которыхъ родители ихъ тотчасъ же по рожденіи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, отказываются и бросаютъ ихъ на произволъ судьбы. Въ однихъ странахъ прирѣніе и воспитаніе такихъ дѣтей принимаетъ на себя государство; въ другихъ — нѣтъ. Въ послѣднихъ странахъ несчастныхъ дѣтей буквально бросаютъ на улицу или умерщвляютъ. Россія принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ числу государствъ цивилизованныхъ, — въ ней для прирѣнія подкидышей существуютъ специально для этой цѣли устроенные воспитательные дома. Въ Петербургѣ и Москвѣ несчастнымъ матерямъ, нежелающимъ или почему бы то ни было немогущимъ оставить своихъ дѣтей при себѣ, нѣтъ необходимости умерщвлять ихъ или подкидывать — воспитательные дома принимаютъ такихъ дѣтей во всякое время дня и ночи, безъ малѣйшихъ препятствій, безъ малѣйшихъ попытокъ какъ нибудь разузнать, нарушить тайну матери приносимаго ребенка. Но... «если заглянуть въ «Вѣдомости Московской городской полиціи» за май і іюнь мѣсяцы, то просто поражаетъ тѣмъ громаднымъ числомъ случаевъ подкинутія младенцевъ, которые сообщаются въ этомъ органѣ полиціи. Не мало случаевъ и заявляемыхъ въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. Мы знаемъ, на примѣръ, такой случай — продолжаетъ московскій корреспондентъ, что шла въ Москву, за 500 верстъ, крестьянская женщина и на дорогѣ родила. Кое-какъ добралась она до Москвы, пришла

въ воспитательный домъ, а тамъ у нея ребенка не взяли!» — Почему? Надобно полагать потому, что у ребенка уже пуповина отпала! такъ-какъ по новымъ правиламъ безпретственно принимаются дѣти только до отпаденія у нихъ пуповины; а послѣ отпаденія пуповины надобно представить метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи ребенка.

Затѣмъ, по этимъ правиламъ, родители могутъ во всякое время взять своего ребенка обратно, — но только въ теченіе первыхъ шести недѣль, а послѣ этого времени они уже лишаются этого права! Ребенка же, принесеннаго съ метрическимъ свидѣтельствомъ можно получить обратно всегда, — при этомъ нужно только уплатить и воспитательному дому всѣ его расходы на ребенка. Впрочемъ, ребенка безъ пуповины и безъ метрическаго свидѣтельства можно всегда сдать въ воспитательный домъ; только уже не прямой дорогой, а окольной — стоитъ только оставить его гдѣ нибудь на улицѣ, чтобы его нашла такъ полиція, — полиція сдать его въ воспитательный домъ, хотя и будетъ производить розыскн о томъ, кто подбросилъ ребенка. Если мать такого ребенка захочетъ когда нибудь взять его обратно, то ей слѣдуетъ заявить объ этомъ полиціи, и полиція вытребуетъ ребенка обратно и сдать его матери, не требуя уже никакой уплаты расходовъ.

Странныя правила! и хорошо, что они введены только въ видѣ опыта, на одинъ годъ, — можно, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что, по прошествіи срока, они будутъ уничтожены.

Не зная причинъ, по которымъ введены эти правила, нѣсколько трудно судить о достоинствѣ и цѣлесообразности ихъ. По всей вѣроятности, они введены для того, чтобы уменьшить наплывъ дѣтей въ воспитательные дома. Эта цѣль достигается; но тогда несполнѣнъ достигается цѣль самыхъ воспитательныхъ домовъ. Если же это сдѣлано для того, чтобы уменьшить число незаконныхъ рожденій, то самымъ лучшимъ возраженіемъ противъ этого можетъ служить огромное количество незаконныхъ рожденій въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ вовсе никакихъ воспитательныхъ домовъ.

Во всякомъ случаѣ, эти правила едва-ли могутъ свидѣтельствовать объ особенной заботѣ нашей о судьбѣ безпріютныхъ дѣтей.

Но, съ другой стороны, тѣ же самые воспитательные дома хотятъ засвидѣтельствовать и о самомъ разумномъ и гуманномъ пониманіи ими началъ воспитанія. Въ малолѣтнемъ отдѣленіи московскаго восп. дома предполагается (и не далѣе, какъ въ сентябрѣ этого года) «раздѣлить воспитывающихся дѣтей на группы изъ десяти человѣкъ, и поручить каждую группу постоянному наблюденію одной наставницы, которая безсмысленно день и ночь должна находиться съ воспитанниками, такъ что даже не будетъ имѣть своего отдѣльнаго помѣщенія, а тутъ же въ общемъ съ дѣтьми ея группы дортуарѣ, отдѣленный ширмами уголокъ. Проектъ предполагаетъ ввести, во первыхъ, методу

фребелевскихъ садовъ, и, на сколько это возможно, семейное воспитаніе, отсутствіе всякой формальной дисциплины, дѣйствовать на дѣтей посредствомъ любви и убѣжденія, а не наказаніями, чего надѣются достигнуть тѣсною связью между воспитательницей и воспитываемыми. Далѣе, въ предполагаемой программѣ воспитанія предполагается для каждой группы дать участокъ сада, гдѣ дѣти будутъ, подъ руководствомъ своей воспитательницы, копать гряды, сажать цвѣты, разные огородныя и хлѣбныя растенія, собирать ихъ, сохранять и знать ихъ употребленіе. Желаютъ также ознакомить дѣтей съ устройствомъ мельницы и гумна. Дѣти будутъ соединяться массами только во время игръ и прогулокъ, остальное же время находиться въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ съ своими воспитательницами, неразстающими съ ними даже и въ праздничные дни, такъ-какъ въ проектѣ полагается имѣть только двухъ резервныхъ дамъ на все заведеніе на случай болѣзни постоянныхъ наставницъ, а большая часть дѣтей сироты, немогущіе рассчитывать проводить праздники въ отпуску.

Все это до того хорошо, что даже какъ-то не вѣрится, чтобы это осуществилось — въ томъ видѣ, съ тѣмъ духомъ и характеромъ, какъ это здѣсь изображается, — у насъ было уже множество подобныхъ прекрасныхъ проектовъ, оказавшихся далеко не такими прекрасными на дѣлѣ. Это до того хорошо, что многимъ дѣтямъ останется только желать лучше попасть въ воспитательный домъ, на чужія руки, чѣмъ пользоваться ласками, перемѣшанными съ бранью, побоями и грязью родительскаго воспитанія. Это можетъ даже вызвать нѣкоторые голоса противъ воспитательныхъ домовъ, что они поощряютъ-де безнравственность, потому что не устрашаютъ легкомысленныхъ родителей незавидною судьбою бросаемыхъ ими дѣтей.

Такіе голоса могутъ утѣшиться картиною воспитанія подкидышей или вообще бросаемыхъ родителями дѣтей внѣ воспитательныхъ домовъ. «Отставной солдатъ N, живущій съ своею женою нѣсколько уже лѣтъ въ Бердичевѣ, бралъ на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей, за что получалъ по 15 и 20 руб. единовременно. Каждый ребенокъ вскорѣ по поступленіи къ N умиралъ. Какъ родители отданныхъ дѣтей, такъ и бердичевская полиція не придавала сначала особеннаго значенія такой смертности дѣтей у воспитателя N; но въ послѣднее время полицейскій приставъ обратилъ вниманіе на эту смертность и вскорѣ послѣ принятія солдатомъ N послѣдняго ребенка, сдѣлалъ у него обыскъ; но ребенка уже не оказалось на лицо. На спросъ пристава: «куда дѣвался ребенокъ», солдатъ отвѣчалъ, что «онъ умеръ и я самъ похоронилъ его на кладбищѣ»; но ребенокъ нашелся на дворѣ убитымъ и зарытымъ въ навозѣ. *Такихъ убійствъ воспитатель N совершилъ до 20!*»

Можно сказать, что это случай слишкомъ исключительный, что здѣсь дѣйствующимъ лицомъ оказывается грубый, необра-

зованный солдатъ, и притомъ солдатъ старыхъ временъ, когдѣ на него самаго смотрѣли не какъ на человѣка, а какъ на живую машину и *chair à saupon*. За этого человѣка современное общество не можетъ отвѣчать; онъ не можетъ никакъ служить къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ нравовъ. Но вотъ героинею является: женщина, *дама*; притомъ же молодая, притомъ же образованная, и образованная еще самымъ лучшимъ образомъ, въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Слава о ея образованности и воспитательскихъ способностяхъ распространена далеко за предѣлы того губернскаго города, въ которомъ она живетъ, и къ ней привозятъ дѣтей «приготовлять въ гимназіи» изъ другихъ губерній. И вотъ эта образцовая дама-воспитательница «приказываетъ одному изъ воспитанниковъ бить линейкой свою соученицу, родную сестру, 12-тилѣтнюю дѣвочку, а во время наказанія дѣвочки розгами, держать ее за ноги. Самое же наказаніе производится чрезъ деньщика, который, набравъ розогъ, ведетъ дѣвочку на дворъ въ дровяной амбаръ, гдѣ и сѣчетъ ее. Кромѣ того, дѣвочка оставалась по цѣлымъ днямъ безъ кушанья. Деньщикъ сѣкъ такъ усердно, что однажды, будто бы, сказалъ: «ну, и драли! Всѣ руки себя вымотали».

Относительно дальнѣйшей судьбы этихъ дѣтей мы можемъ нѣсколько успокоиться,—родители взяли ихъ обратно. Но потеряла ли чрезъ оглашеніе всего этого господа воспитательница свою педагогическую славу, взяли ли отъ нея своихъ дѣтей и другіе родители, и отвернутся ли отъ нея тѣ, которые, можетъ быть, намѣрены были обратиться къ ней,—это еще неизвѣстно. Потому что въ какой нибудь глухой провинціи воспитательница эта можетъ казаться въ самомъ дѣлѣ рѣдкой женщиной, находкой для родителей, желающихъ дать своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Она будто бы, по ея собственнымъ словамъ, «къ образованію дѣтей вполне приготовлена; она весьма недавно окончила курсъ въ одномъ институтѣ и знаетъ въ совершенствѣ англійскій и французскій языки. Учениковъ своихъ она дѣйствительно заставляла наказывать другъ друга линейкой; но дѣлала это единственно потому, что была нездорова и сама не могла встать съ постели; дѣвочку она дѣйствительно приказывала сѣчь въ амбарѣ, но единственно потому, что она того заслуживала». Она не находитъ въ этомъ ничего необыкновеннаго, страннаго и дикаго; супругъ ея, офицеръ, тоже ничего такого не находитъ. Онъ даже обидѣлся, что на нихъ пожаловались роднымъ дѣвочки; счелъ это оскорбленіемъ для его жены и, будто бы, потребовать удовлетворенія.

Если, послѣ этого, даже институтки, эти, какъ извѣстно, ангелы во плоти, проливающія слезы даже надъ околовшими собачками, оказываются способными дѣлаться такими мегерами, то что удивительнаго, если въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, гдѣ живетъ эта господа, и въ окрестныхъ съ нимъ городахъ и се-

лахъ немало найдется родителей, которые не найдутъ въ воспитательныхъ приемахъ этой госпожи ничего страннаго и будутъ попрежнему благоговѣть предъ ней и — отдавать ей своихъ дѣтей на воспитаніе!

Газетные корреспонденты любятъ все разрпсовывать, расграшивая и отгвнать; оттого въ печати и выходитъ часто страшно безобразнымъ то, что въ дѣйствительности представляется дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Скажи могилевскій корреспондентъ просто: «въ Могилевѣ одна женщина иногда сѣчетъ своихъ воспитанниковъ», и на это едва-ли бы кто обратилъ вниманіе, даже едва-ли бы какая газета напечатала это извѣстіе; потому что бить и сѣчь дѣтей, когда они того заслуживаютъ, явленіе у насъ такое обыкновенное! Нѣтъ, надо было ему въ подробности пуститься: рассказать объ амбарѣ, о деньщикѣ, о державѣ за ноги, рассказать біографію воспитательницы! Картина вышла эффектная; но только обстановка-то эта и придаетъ ей, въ глазахъ огромнаго большинства, эффектъ и омерзѣніе; только обстановку-то эту многіе и будутъ считать дѣломъ не похвальнымъ, а сѣчь, просто взять, да и высѣчь, само по себѣ, — ничего!

Не правда ли, нѣкоторые изъ моихъ читателей, вѣдь ничего? Конечно! Вѣдь вы, навѣрное, и сами сѣчете или сѣкли своихъ дѣтей; только, можетъ быть, не чрезъ деньщиковъ, а собственноручно, и не въ амбарѣ, а въ кабинетѣ или въ спальнѣ, не по голому тѣлу, а чрезъ рубашку. Это совсѣмъ не такъ дико, жестоко и непедagogично, какъ оно выходитъ, когда напишутъ объ этомъ въ газетахъ!

Вотъ, напримѣръ, «изъ Екатеринослава пишутъ, что пріѣхавшіе на мѣстную ярмарку гг. Дерсенъ и Галіяни съ своими конными цирками немного выручили денегъ, но за-то оставятъ по себѣ воспоминаніе (?) въ Екатеринославѣ по другому случаю... Живущая у г. Галіяни 12-тилѣтная дѣвочка, уроженка г. Вильни, принесла полиціи жалобу на своего хозяина въ томъ, что онъ бьетъ ее внудомъ или хлыстомъ, и чтобы побои были сильнѣе. то на концѣ хлыста онъ завязываетъ узелъ; что такъ же точно Галіяни бьетъ и другую дѣвочку, Матильду; что, сверхъ того, обучая ихъ наѣздничеству, онъ не даетъ имъ спать до часа или двухъ часовъ и будить ихъ въ 6 часовъ утра. При медицинскомъ осмотрѣ дѣвочки, на тѣлѣ ея оказалось» то-то и то-то.

«Неужели же извѣстіе объ этомъ въ самомъ дѣлѣ возмутило екатеринославцевъ и оно останется у нихъ въ воспоминаніи? Что-то не вѣрится, чтобы екатеринославцы или жители какого бы то ни было нашего города могли возмущаться тѣмъ, что содержатели цирковъ или вообще хозяева бьютъ своихъ ученицъ; не вѣрится также и тому, чтобы наша провинціальная полиція была, въ самомъ дѣлѣ, такъ ужъ очень гуманна, чтобы по однимъ жалобамъ дѣтей, сажала содержателей цирковъ «на сва-

мью подсудимыхъ». Желательно, чтобы это было такъ; но едва-ли это не останется однимъ только желаніемъ.

«Вѣдомости Московской Городской Полиціи» сообщаютъ просто, безъ прибавленій: возмущились ли москвичи сообщаемымъ или нѣтъ, — должно быть, что нѣтъ — присмотрѣлись или, вѣрнѣе, не проснулись еще отъ вѣковой спячки! Вѣдомости эти сообщаютъ, что такого-то числа, въ такомъ-то часу вечера, «крестьянинъ такой-то представилъ въ полицейское управленіе крестьянскую дѣвочку Анисью Егорову, 13-ти лѣтъ, которую онъ вынулъ изъ ямы, наполненной водою до 2 $\frac{1}{2}$ арш. глубины, откуда добывается глина. При дознаніи, Егорова объяснила, что она бросилась въ воду съ намѣреніемъ лишить себя жизни и избавиться тѣмъ отъ обидъ (?), наносимыхъ ей мастерицами бахромочнаго заведенія, гдѣ она находится въ ученицахъ». И только! Коротко и ясно! А объ обидахъ, наносимыхъ мастерицами разнымъ другимъ ученицамъ и разныхъ мастерскихъ заведеній, да равнымъ образомъ и объ обидахъ, наносимыхъ самимъ этимъ мастерицамъ, мы узнаемъ тогда, когда онѣ тоже бросятся въ воду, съ намѣреніемъ лишить себя жизни, и если такихъ случаевъ наберется слишкомъ уже много или они описаны будутъ со всею ихъ ужасающей обстановкой, такъ что намъ вполне понятна будетъ рѣшимость этихъ несчастныхъ лучше умереть, чѣмъ дольше выносить «обиды», тогда мы, наконецъ, возмутимся и... по всей вѣроятности, ограничимся предписаніемъ: обидъ ни ученицамъ, ни мастерицамъ впередъ не наносить!

Вотъ еще одно такое сообщеніе, разукрашенное корреспондентомъ. Оно производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, но производитъ его только потому, что разукрашено, что сдѣлано не въ двухъ-трехъ словахъ, а на цѣлыхъ трехъ страницахъ. Трагуетъ оно о предметѣ самомъ обыкновенномъ — объ уродахъ и калѣкахъ. Но кто же не видывалъ калѣкъ, въ комъ не возбуждали они болѣзненнаго чувства, смѣшаннаго съ отвращеніемъ, и кто не спѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ подачею милостыни! Мы привыкли къ нимъ, мы считаемъ ихъ явленіемъ нормальнымъ, въ порядкѣ вещей, мало того, мы нѣкоторымъ образомъ даже любимъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и мѣстахъ, видѣть ихъ, желаемъ ихъ, потому что это — человѣки Божіи; потому что они поддерживаютъ благочестивыя чувства! Но прочитайте вотъ это описаніе и оно, навѣрное, возбудитъ въ васъ чувство ужаса. Описаніе это очень длинно, но я считаю полезнымъ перепечатать его вполне:

«Послѣдній романъ В. Гюго «l'Homme qui rit», снова натолкнулъ меня на одну вѣсть, уже много лѣтъ меня занимавшій и, къ сожалѣнію, никѣмъ еще, до сего времени, не затронутый у насъ, въ Россіи.

«Въ XVII вѣкѣ», по словамъ Гюго, «въ Англии и въ другихъ странахъ водился разрядъ людей, занимавшихся промн-

шленностію особаго рода. Это были *компрачикосы*. Названіе это значить, поиспански, «покушцики дѣтей». Компрачикосы торговали дѣтьми: покупали и продавали ихъ. Покупая дѣтей, они дѣлали изъ нихъ уродовъ, чтобъ забавлять народъ. Прямой ребенокъ не забавлялъ; веселѣе было смотрѣть на горбатаго. Компрачикосы искусственно превращали ребятъ въ карликовъ, или давали ихъ лицамъ шутовское, смѣхотворное выраженіе. Иногда подобные уроды поступали въ услуженіе къ знатымъ особамъ того времени».

«Многіе изъ читателей, безъ сомнѣнія, съ большимъ отвращеніемъ прочтутъ эти строки и, можетъ быть, скажутъ: «какая гадость, эта Англія, и какъ могли въ ней, хоть въ давнее время, существовать эти чудовища-компрачикосы!» Иные же болѣе чувствительные, пожалуй, и совсѣмъ этому не повѣрять, сочтутъ это чистымъ вымысломъ романиста и скажутъ: «нѣтъ, это ужъ черезчуръ гадко и невѣроятно!»

«Такъ. А что же будетъ съ ними, съ моими читателями, когда я скажу имъ, на ушко, что и у насъ, въ Россіи, есть свои компрачикосы, да такіе, которымъ англійскіе, какъ говорится, въ подметки не годятся!? Да. Англійскіе компрачикосы все еще, какъ видно изъ словъ автора, оставляли, по крайней-мѣрѣ, въ своихъ жертвахъ—человѣка, хоть и уродливаго, но все-таки къ чему-нибудь способнаго, и, притомъ, ихъ въ настоящее время уже нѣтъ тамъ, въ Англіи; а наши компрачикосы не оставляютъ въ своихъ жертвахъ и этого: они дѣлаютъ изъ людей почти одни обезображенные трупы и, на счетъ этого занятія, изволятъ доселѣ существовать среди нашего благоустроеннаго общества!

«Родина моя—Курскъ. Прожилъ я тамъ около 15-ти лѣтъ и съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только началъ себя помнить, я больше всего помню нищихъ — калѣки, привозимыхъ откуда-то каждый годъ въ Курскъ къ 9-й пятницѣ, т.-е. въ времени выноса иконы Знаменской Божіей Матери въ Коренную пустынь, когда стекается въ Курскъ нѣсколько десятковъ тысячъ богомольцевъ. Калѣки эти были разставляемы, въ телѣжкахъ, на площади, подлѣ монастыря. Боже мой! я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ содроганія,—хотя прошло уже 15 лѣтъ, какъ я въѣхалъ изъ Курска—что это были за несчастныя созданія! Я по цѣлымъ часамъ стоялъ передъ ними, какъ прикованный, и, по истинѣ, ничего въ мірѣ жалче ихъ представить себѣ не могу! Вообразите себѣ изъязвленный трупъ, но и то не цѣлый, а вотъ какой: или вовсе безъ рукъ и ногъ, или—съ вывихнутыми, сухими руками, безъ кистей и страшно распухшими, изъязвленными красно-багровыми ногами, или же—безъ рукъ и ногъ только по локти и колѣна, съ навлеенными по концамъ камнями-то пластырями и, наконецъ, самое главное, всегда — безо-рта, т.-е. ни губъ, ни зубовъ, ни языка нѣтъ, а вмѣсто всего этого одно пустое отверстіе, обложеное по краямъ мокрою тряпкою и, затѣмъ, вы видите прямо маленькій язычекъ и гортань, откуда

безпрерывно, неумолкаемо издается стонъ бѣдняжки-калѣки, да какой стонъ! Кажется, что страшнѣе и жалобнѣе этого уже не можете стонать человѣкъ! Но въ этомъ-то безпрерывномъ стонѣ и вся штука. Лежи онъ, калѣка, покойно, молча, его бы, въ толпѣ, немногіе замѣтили, и тогда отъ него было бы мало пользы компаньйосамъ. Когда же онъ, — благодаря своимъ язвамъ и обсыпавшимъ его мухамъ, весь почти раскрытый напоказъ, противъ солнца, — стонеть, то всѣ мимоидущіе невольно останавливаются и кладутъ въ телѣжку деньги, въ особенности черныя народъ. Этого-то и нужно компаньйосамъ, которые, бывъ вполне убѣждены, что жертва ихъ лишена всякой возможности открыть кому-либо страшную тайну, рѣдко даже находятся при несчастномъ, а, чаще, поставивъ его, съ утра, на извѣстномъ мѣстѣ, идутъ, какъ меня увѣряли въ томъ монахи, по трактирамъ и кабакамъ, кутить на вчерашній сборъ, а за нынѣшнимъ они придутъ вечеромъ; вромѣ ихъ вѣдь ни у кого не поднимется рука — воспользоваться набросанными деньгами: стонъ страдальца остановилъ бы важдого.

«Судя по тѣмъ сборамъ денегъ, которые я наблюдалъ только въ Курскѣ и въ Коренной, въ теченіе одной недѣли, можно предположить общую годовую цифру дохода въ такомъ размѣрѣ, что имѣи самъ страдалецъ хоть какую-нибудь возможность проявить свою волю, или будь у него хоть одинъ въ мірѣ человѣкъ, который бы его призналъ за своего роднаго и принялъ въ немъ участіе, для него, года въ два, въ три, можно было бы приобрѣсти на эти деньги домикъ и обезпечить остальные годы жалваго его существованія. Но, увы! ему этого не суждено: изъ Курска его везутъ въ Коренную, изъ Коренной въ Воронежъ, въ Задонскъ, оттуда въ Кіевъ и т. д., и ему, въ концѣ концовъ, остается только — все также неизмѣнно тянуть, до послѣдняго издыханія, тѣ едва-едва слышное «а—а!», отъ котораго у мимопроходящихъ дѣлаются судороги.

«Я увѣренъ, что тѣ изъ читателей, которые бывали въ помннованныхъ мною мѣстахъ, во время стеченія тамъ богомольцевъ, не могутъ сказать, чтобъ я преувеличилъ уродство нѣкоторыхъ калѣкъ и ихъ страданія.

«Теперь скажите мнѣ, читатель: слышали-ль вы когда-нибудь, чтобъ рождались люди безъ рукъ, безъ ногъ, безо рта, безъ языка — въ одно и то же время? Едва-ли. Кто бывалъ въ анатомическихъ кабинетахъ, тотъ знакомъ уже сколько-нибудь съ тѣмъ, каково, вообще, сорта бываютъ природные уроды. Да еслибъ, наконецъ, и рождались гдѣ-нибудь такіе калѣки, какъ мною описанные, то развѣ нашлись бы такіе родители, которые бы оставляли такихъ жалкихъ дѣтей своихъ безъ всякаго призрѣнія и отдавали ихъ нищимъ, или бы мучили ихъ сами, возя ихъ всю жизнь, почти голыми, по разнымъ мѣстамъ, для позорнаго торга ими? Вѣдь это было бы ужъ совершенно не въ порядкѣ вещей!

«Итакъ, очевидно, описанные мною калѣки — дѣло рукъ компаньисовъ, о которыхъ я неоднократно слыхалъ въ дѣтствѣ и которые извѣстны въ простомъ народѣ подѣ именемъ «гладырей». Они-то, безъ сомнѣнія, или крадутъ дѣтей, или ловятъ взрослыхъ и, въ какихъ-нибудь дѣсахъ, совершаютъ надъ ними тѣ страшныя операціи, при помощи которыхъ и выдѣлывается ихъ товаръ.

«Разсказываютъ, что въ тридцатыхъ годахъ одна изъ странницъ-богомолокъ, по какимъ-то родимымъ пятнамъ, признала своего сына въ одномъ изъ такихъ калѣкъ и когда назвала его по имени, тотъ встрепенулся и страшно «заакалъ». Она пошла заявить объ этомъ въ полицію, но когда возвратилась съ полицейскимъ, то подлѣ калѣки никого изъ его вожаковъ уже не было и съ тѣхъ поръ, сколько онъ ни дожидалась, никто уже изъ нихъ не подходилъ къ нему. О дальнѣйшемъ — не помню.

«Не мало скорбя о томъ, что на мою долю выпало первому поднять этотъ вопросъ — *о происхожденіи у насъ изуверческихъ до безглаголія нищихъ* — я, въ заключеніе, прошу добрыхъ людей раздѣлнить со мною, не славу, а печаль этого открытія и — кто изъ нихъ знаетъ что-либо по этому предмету — подать и свой голосъ: авось, такимъ образомъ, это дойдетъ, современемъ, до тѣхъ, кому это вѣдать надлежитъ и затѣмъ, — если это окажется такъ, какъ я предполагаю, — безъ сомнѣнія, будетъ сдѣлано что-нибудь для прекращенія постыднѣйшаго изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ!»

Что же можетъ быть сдѣлано? Въ самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ, можетъ быть наряжено строжайшее слѣдствіе о томъ, кто такіе эти калѣки, откуда они взялись, кто ихъ показываетъ народу и какъ ихъ содержатъ; затѣмъ, запрещено будетъ возить ихъ напоказъ и приказано будетъ забирать ихъ и помѣщать въ богадѣльни. Но вѣдь и въ настоящее время такое распоряженіе, должно быть, существуетъ; въ Петербургѣ вотъ строжайшимъ образомъ запрещено показываться и нищимъ и калѣкамъ, а ихъ въ каждый день можете встрѣтить даже на Невскомъ, гдѣ постоянно проходятъ всякія власти и цвѣтъ, въ самомъ дѣлѣ лучшіе люди русскаго общества. Стало быть, административныя запрещенія, хотя бы то и самыя строжайшія, ни къ чему не ведутъ. А вотъ въ Берлинѣ, напри- мѣръ, и безъ постоянно возобновляемыхъ запрещеній, не появится на улицѣ ни одинъ калѣка, да даже и нищаго увидите только въ самыхъ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ; потому что тамъ это — не въ духѣ народа. Передѣлайте духъ народа, его взглядъ на нищихъ, юродивыхъ и калѣкъ, его отношенія къ нимъ, и тогда дѣйствительные нищіе, сироты и калѣки будутъ находиться въ пріютахъ и богадѣльняхъ, а искусственные исчезнутъ сами собою. Но административными распоряженіями, безъ поддержки со стороны общества, это не дѣлается. Вонъ на какую-то юродивую, которая всѣхъ встрѣчаю-

щихъ ей женщинъ и дѣвицъ обзываетъ... проститутками и то и дѣло сама обнажается, жалуются изъ Пошехоньи въ столицу, а сами мѣстные жители не предпринимаютъ противъ нея ничего, потому что женщина эта—блаженная! Въ Петербургѣ, пожалуй, и смилостивятся надъ пошехонцами и пошлютъ имъ какое нибудь приказаніе или распоряженіе; но невѣжественная масса, а отчасти и не масса, навѣрное, сочтеть это гоненіемъ. Московскаго Ивана Яковлевича посѣщала вѣдь не невѣжественная масса, и въ Петербургѣ въ настоящее время какой-то юродивый помоями съ своихъ рукъ испѣляетъ отъ болѣзней не невѣжественную только массу! Жаловаться и приказаній и распоряженій просить легко, и давать ихъ тоже не особенно трудно. Это не то, что просить, давать и въ жизнь проводить, не мѣшать другимъ проводить чтò нибудь болѣе дѣйствительное.

Далѣе о дѣтяхъ. — «Въ Воронежѣ изъ земской богадѣльни, находящейся близъ Тихвино-Онуфриевской церкви, *пропала, на дняхъ, мальчикъ семи лѣтъ*, только что привезенный изъ деревни, куда онъ былъ отданъ на воспитаніе».

Убѣжалъ обратно въ деревню? Или ужь... не у компаньйосовъ ли онъ?

«Въ Одессѣ, 24 августа, на Ришельевской улицѣ была остановлена женщина, похитившая на базарѣ какого-то малолѣтняго мальчика, который былъ узнавъ какимъ-то родственникомъ и задержанъ.»

Опять,—ужь не для компаньйосовъ ли хотѣли похитить ребенка?!

Во Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ крестьянинъ, по наговору жены своей, завелъ въ лѣсъ и убилъ 13-лѣтняго мальчика, — *чтобы добыть изъ него человѣческаго жиру и сдѣлать изъ жиру свѣчу, съ которой удобно будетъ воровать!*

Опять—частный, слишкомъ исключительный случай; но отчего возможны у насъ такіе случаи? Конечно, оттого, что у насъ образованіе мало распространено, что народъ нашъ коснѣеть въ невѣжествѣ; но теперь на это уже обращено должное вниманіе; повсюду возникаютъ школы и можно смѣло надѣяться, что слѣдующее за нами поколѣніе будетъ стоять несравненно выше теперешняго.

Пойдемте же теперь въ школы и посмотримъ, чтò тамъ дѣлается,—не съ той точки зрѣнія, какъ тамъ учатъ и достаточно ли у насъ школъ, а каковы бытъ дѣтей въ школахъ и какія условія требуются отъ нихъ для поступленія туда.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ такою школою, возможность и необходимость существованія которой и подозрѣвать было трудно. Это «Домъ милосердія. Отдѣленіе для несовершеннолѣтнихъ», въ Лѣсномъ Корпусѣ, подлѣ Петербурга.

«Въ этомъ домѣ содержатся тридцать-три дѣвочки отъ тринадцати до шести лѣтъ (за исключеніемъ одной пансіонерки, которой шестнадцать лѣтъ). Надзоръ надъ ними порученъ

смотрительницѣ, которой помогаютъ учительница, швея и... акушерка, специально изучившая сифилитическія болѣзни... Пусть не удивляются читатели. Въ «Отдѣленіи», о которомъ идетъ рѣчь, есть пансіонерки уже знакомы съ развратомъ и большею частью поступили въ заведеніе, зараженныя сифилисомъ. Это ужасно, но это фактъ. Самое существованіе «Отдѣленія» вызвано именно этою ужасающею чертою нашихъ нравовъ. Большая часть пансіонерокъ находится въ заведеніи уже по нѣсколькимъ лѣтъ; между ними есть такія, которыя до поступленія жили на содержаніи; есть и такія, которыя сдѣлались жертвами животной страсти своихъ собственныхъ отцовъ. Младшая пансіонерка, *шестилѣтняя дѣвочка*, попала въ заведеніе, будучи растлѣна еще четырехъ лѣтъ вмѣстѣ съ своей сестрой, и надъ ними обѣими совершилъ чудовищное насиліе одинъ и тотъ же человекъ, въ довершеніе всего, какъ намъ сообщали, оставшійся безнаказаннымъ (онъ уже умеръ)... Самое заведеніе устроено уже нѣсколькимъ лѣтъ назадъ на частныя пожертвованія. Этихъ несчастныхъ дѣвочекъ обучаютъ закону божію, чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариметики, пѣнію, шитью и вязанью. Сверхъ того, онѣ сами стираютъ себѣ бѣлье, убираютъ комнаты и помогаютъ на кухнѣ кухаркѣ въ стиркѣ и печеніи хлѣбовъ. При заведеніи имѣется своя домовая церковь и пансіонерки сами поютъ въ ней на елиросѣ во время богослуженія. Содержаніе ихъ болѣе, чѣмъ удовлетворительно; чистота и даже нѣкоторая щеголеватость обстановки, прекрасное бѣлье и довольно разнообразная пища рассчитана на то, чтобы удерживать дѣвочекъ въ заведеніи благоприятною матеріальною обстановкою и тѣмъ предупреждать побѣги, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать отдохнуть отъ презней ужасной жизни. По достиженіи пансіонерками шестнадцатилѣтняго возраста, ихъ полагаютъ отпускать на пріискиваемыя для нихъ мѣста, предоставляя, однакожъ, оставаться въ заведеніи, если онѣ того пожелаютъ. Выпусковъ до сихъ поръ еще не было, такъ что о результатѣ пока нельзя судить по фактамъ, но все заставляетъ ожидать результатовъ благоприятныхъ. По отзывамъ смотрительницы, справляться со вновь поступающими не очень-то легко. Но онѣ вскорѣ привыкаютъ къ новой обстановкѣ и мирятся съ нею. Лечение сифилиса, которымъ часто бывають заражены вновь поступающія, производится акушеркой-специалисткой, о которой уже упомянуто выше, и врачомъ, посѣщающимъ заведеніе два раза въ недѣлю; въ настоящую минуту нѣтъ ни одной дѣвочки съ этою болѣзнию».

Хорошая школа, можно сказать даже прекрасная школа, въ нѣкоторомъ родѣ образцовая, потому что содержаніе въ ней воспитанницъ такъ хорошо, а обращеніе съ ними, по всей вѣроятности, гуманно. Мы можемъ смѣло гордиться ею, можемъ ублажать себя мыслию о томъ, какіе же мы, однако, хорошие люди, какихъ у насъ теперь учрежденій, школъ и пріютовъ нѣтъ! Даже вотъ для такихъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ слу-

чаевъ. и то есть у насъ особая школа, особое, специальное учрежденіе! Но не лучше ли бы было, еслибы вмѣсто этихъ необыкновенныхъ, специальныхъ школъ, побольше было у насъ школъ обыкновенныхъ, еслибы учрежденіе этихъ обыкновенныхъ школъ было свободнѣе, а внутреннее устройство ихъ и обращеніе въ нихъ съ воспитанниками было хоть на половину похоже вотъ на это? Школы и разныя другія учрежденія подобнаго рода сильно напоминаютъ собою извѣстную раздачу милостыни въ какой нибудь опредѣленный день недѣли, преимущественно въ субботу, — цѣлые пять дней человекъ всѣми возможными средствами обманываетъ и плуствуетъ, а въ субботу заглаживаетъ свои грѣхи раздачею бѣднымъ какихъ нибудь 5—10 рублей, — чтобы съ понедѣльника тѣмъ спокойнѣе начать плутовать снова!

Другое петербургское училище заставило, въ послѣднее время, говорить о себѣ совершенно съ другой стороны. Это училище старинное, весьма многимъ въ Петербургѣ очень хорошо извѣстное — училище для дѣтей столичнаго духовенства и духовенства Петербургской губерніи. Петербургское духовенство говорить о себѣ, что оно самое просвѣщенное въ Россіи; оно знакомо со всѣми современными педагогическими требованіями, оно имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ здѣшнихъ казенныхъ и частныхъ школахъ (въ качествѣ законоучителей) и владѣетъ, надобно полагать, лучшими матеріальными средствами, чѣмъ духовенство какой-либо другой губерніи, для того, чтобы устроить училище для своихъ дѣтей по возможности самымъ лучшимъ образомъ. Духовенство остальной Россіи должно представлять себѣ петербургское духовное училище во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. И вотъ однакоже недавно открыли мы въ этомъ училищѣ такое внутреннее устройство, какого и не подозревали. «На крышѣ главнаго корпуса въ двухъ мѣстахъ образовалась течь и испортила въ двухъ комнатахъ потолоки. Одна комната въ третьемъ этажѣ сдѣлалась совершенно негодною для жилья, потому что стѣна и потолокъ въ ней промокли, отъ воды, выливающейся изъ устроеннаго надъ нею бака для снабженія зданія водой. Во всѣхъ комнатахъ спертый душный воздухъ; въ банѣ полъ покривился; въ двери, ведущей въ переданникъ, гдѣ воспитанники раздѣваются, щели, въ которыя свободно входятъ пальцы руки. Кладовая, гдѣ хранятся ученическая одежда и бѣлье — сырая; погребъ, гдѣ хранятся припасы, залитъ водой; въ больницѣ чесоточные не отдѣлены отъ другихъ больныхъ. Члены повѣрочной комиссіи видѣли мальчика, у котораго на рукахъ образовались даже довольно большія раны, и потому руки были обязаны тряпками. На вопросъ «отчего онъ не идетъ въ больницу», мальчикъ отвѣчалъ, что докторъ не позволяетъ такимъ больнымъ оставаться въ больницѣ и не прописываетъ имъ лекарствъ; потому что, по словамъ его, это золотуха, и сама собою пройдетъ на воздухѣ. Слова этого мальчика подтвердили

и другіе. Въ теченіе года, по рецептамъ доктора, выписано изъ аптеки лекарствъ только на 9 р. с. Докторъ очень рѣдко посѣщаетъ больницу, а всѣмъ завѣдуетъ и распоряжается фельдшеръ. Далѣе въ отчетѣ говорится, что въ библіотекахъ нѣтъ книгъ, назначенныхъ по уставу; учебники не раздаются ученикамъ и лежатъ въ безпорядочной грудѣ; несмотря на ученикѣ матрацовъ, воспитанникамъ дозволялось спать подвое; тифяки малолѣтнихъ воспитанниковъ, страдающихъ извѣстною дѣтскою болѣзнію мочевыхъ органовъ, не просушивались и не провѣтривались, а гнили въ спальняхъ, распространяя дурной запахъ. Полотенець оказалось только 90 на 357 учениковъ; потому нѣкоторые воспитанники для утиранія лица брали простыни съ ароматами, другіе употребляли для этого полу своего сюртука, а иные даже фуражку. Бѣлье не распределялось между учениками по номерамъ, а выдавалось кому какъ попало; оттого случалось, что большому воспитаннику доставалось бѣлье съ маленькаго, и здоровому бѣлье чесоточнаго. Въ баню ученики ходили каждую недѣлю, по на 357 воспитанниковъ, шесть гувернеровъ и двадцать служителей, т.-е. на 383 человека, отпускалось только 4 фунта сѣраго мыла. Когда члены сѣзда пришли въ недоумѣніе, какимъ образомъ такой небольшой кусокъ мыла можетъ быть разрѣзанъ на столь громадное число долей пли порцій, одинъ изъ членовъ повѣрочной комиссіи представилъ сѣзду нѣсколько образчиковъ такихъ долей. Вообразите квадратную пластинку, длиною четверть вершка и толщиною въ нѣсколько линий — и вы будете имѣть точное понятіе о количествѣ мыла, отпускаемаго ученикамъ. Нѣкоторые изъ членовъ сѣзда взяли себѣ образчики мыла, какъ замѣчательную рѣдкость. Въ кладовой найдено триста паръ новыхъ сапоговъ, но заплеснѣвшихъ, а между тѣмъ, многіе ученики отпущены на каникулы въ дырвыхъ и съ ветхими подошвами сапогахъ. Въ кладовой оказалось полтораста испеченныхъ хлѣбовъ (во время каникулъ). Пища воспитанниковъ была всегда скудная и дурная.

Открыли мы все это и очень удивились. Какъ же это въ Петербургѣ, въ самомъ Петербургѣ — въ этомъ центрѣ русской образованности, этомъ горнилѣ всякихъ реформъ, мѣропріятій и предначертаній, въ этой, такъ сказать, коланчѣ, откуда и денно, и ночно блюдемъ мы за порядкомъ и благочиніемъ во всѣхъ углахъ Россіи, и откуда исходятъ и разсылаются по Россіи всѣ эти грозныя ревизіи и всѣ эти всевидящіе, всеразсѣдующіе и ничему потачки недоющіе ревизоры — и вдругъ такіе безпорядки!

Впрочемъ, надобно сознаться, что изумленіе и негодованіе, овладѣвшее духовенствомъ и нѣкоторыми свѣтскими лицами по поводу этихъ открытій, отчасти напускное. Духовенство, дѣти котораго не со вчерашняго только дня находятся въ этомъ училищѣ, давно должно же бы было знать, что дѣлается и какъ

живется въ этомъ училищѣ,—не можетъ же быть, чтобы дѣти его, пріѣзжая на каникулы и по праздникамъ по домамъ, ничего не говорили о томъ, каково ихъ житье въ училищѣ, или не сказали бы, еслибы родители разспрашивали ихъ. Со стороны петербургскаго духовенства такое невѣдѣніе относительно состоянія училища для его дѣтей особенно непонятно. Хотя училище это находится и на краю города, но, по особенному значенію для духовенства этой части города (тамъ находятся: консисторія, лавра, мѣстопробываніе митрополита, духовная академія и семинарія), вѣроятно, каждое духовное лицо бываетъ въ этой сторонѣ по нѣскольку разъ въ годъ. Можно бы, кажется, при этомъ заглянуть и въ то заведеніе, въ которомъ, можетъ быть, и сами учились, и дѣти ихъ учатся, которое, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ исключительно этому сословію, тѣсно замкнутому въ одну сословную рамку, связанному одними интересами, такъ горячо защищаемыми отъ всякихъ постороннихъ нападеній или вторженій. А заглянувши, нельзя было не замѣтить хотя бы «спертаго, душнаго воздуха». И, однако же, вотъ не замѣчали и ничего не видали! Въ настоящее время замѣтили это депутаты училищнаго сѣзда (собственно, двое-трое изъ нихъ); но и депутаты духовенства собираются сюда уже не въ первый разъ. Какъ же они въ тѣто раза не замѣчали ни испорченной крыши, ни сырой кладовой, ни негодной двери въ передбанникѣ?

Не объясняется ли все это извѣстнаго рода забитостію и запуганностію,—прежде не смѣли замѣчать и говорить, а теперь начинаютъ осмѣливаться? Или тѣмъ, что къ лучшему и сами не привыкли и что въ ихъ время училища были еще хуже? Въ самомъ дѣлѣ, тогда духовныя училища были «бурсами», извѣстными, классически-безобразными бурсами, въ которыхъ сапоговъ не только худыхъ, а и вовсе никакихъ не носили; о мылѣ понятія не имѣли; бѣлья не смѣняли до износу; спали на войлокахъ и голыхъ доскахъ, и вдобавокъ ко всему этому, тогда еще «драли», а теперь только «сѣкутъ», да и объ этомъ послѣдній отчетъ ничего уже не упоминаетъ. Только лица и тогда была «скудная и дурная», но и подъ этими словами разумѣлось тогда, надобно полагать, что-нибудь совершенно другое! А теперь какое же сравненіе! Какія-то тамъ щели въ передбанникѣ и язвы на рукахъ,—стоитъ ли на это обращать вниманіе! Прежде со всего тѣла не сходили язвы, — производимыя розгами. Во всякомъ случаѣ, теперь,—по глубокому ли убѣжденію или нѣтъ, по настоятельной ли внутренней потребности или такъ только, съ вѣтру современнаго ученія,—но заявляются другія желанія, другія требованія относительно училищнаго быта дѣтей—и прекрасно; въ добрый часъ!

По поводу сѣзда духовенства, сдѣлавшаго эти открытія въ училищѣ, я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе отъ глав-

ной своей темы и рассказать о другой сторонѣ дѣятельности или заявленій этого сѣзда.

Замѣтивъ въ училищѣ разные недостатки и, отыскивая причину ихъ, а затѣмъ и средства для устранения этихъ недостатковъ, сѣздъ, не чрезъ слишкомъ длинный рядъ заключеній, дошелъ, наконецъ, до мысли о томъ, что причина всего скрывается-де гораздо дальше, чѣмъ въ однихъ упущеніяхъ или недостаткахъ училищнаго начальства и въ простомъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ училища. Причина всего скрывается главнымъ образомъ въ бытѣ самаго духовенства и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя поставлено оно къ благочиннымъ, къ консисторіи и духовному попечительству о бѣдныхъ. Сѣздъ нашелъ, что гораздо лучше было бы, еслибы начальники и попечители его не сверху назначались, а избирались бы самимъ духовенствомъ; а потому, по долгомъ и горячемъ разсужденіи, и постановилъ: ходатайствовать объ этомъ предъ высшимъ начальствомъ.

Такъ-какъ во многихъ уже епархіяхъ благочинные выбираютъ самимъ духовенствомъ и мысль о замѣщеніи консисторскихъ должностей тоже посредствомъ выборовъ довольно распространена между духовенствомъ, то въ преніяхъ и разсужденіяхъ объ этомъ сѣзда петербургскаго духовенства, повидимому, не могло быть ничего ни предосудительнаго, ни страннаго; тѣмъ не менѣе разсужденія эти до того однихъ разгорячили, а другихъ оскорбили, что нѣкоторымъ членамъ сѣзда, особенно горячо нападавшимъ на теперешніе порядки и на теперешній составъ консисторіи и попечительства, угрожаютъ, говорятъ, опасность попасть подъ судъ, — подъ судъ той самой консисторіи, на которую они нападали! Укажите же, говорятъ имъ, какія это члены консисторіи и какіе благочинные дурны и докажите, чѣмъ они дурны.

Положеніе неловкое — явиться на судъ и сказать судьямъ, что вотъ такой-то и такой-то изъ васъ нехорошъ, или всѣ вы нехороши, и потомъ отъ этихъ же самыхъ судей ждать приговора себѣ — правду ли говоришь! Хорошо бы еще, еслибы такое засѣданіе суда было публичное или еслибы все имѣющее произойти на немъ было затѣмъ опубликовано, — тогда, кромѣ судей присяжныхъ, могли бы произнести свое сужденіе и нѣкоторые другіе судьи. А то вѣдь консисторскій судъ — келейный судъ; исторія же умалчиваетъ о томъ, оправдывалъ ли, напримеръ, извѣстный судъ-десяти какого-либо изъ тѣхъ, которые взводили, какія бы-то ни было, обвиненія на него самаго!

Сѣздъ этотъ обвиняютъ еще въ томъ, что онъ не имѣлъ права вовсе разсуждать ни о консисторіи, ни о благочинныхъ, ни вообще о чемъ бы то ни было, выходящемъ изъ его программы — дѣла училища. Сѣздъ отвѣчаетъ на это, что онъ имѣлъ право, и главнымъ образомъ то, что — благо случая представилъ, благо мы собрались вмѣстѣ!

Право, какъ видно, не совсѣмъ правое, даже вовсе не правое, тѣмъ не менѣе совершенно уважительное. Такого права ни въ какихъ законахъ нѣтъ и никогда не бывало, но имъ пользовались и пользуются люди всѣхъ временъ и народовъ, будучь и впередъ пользоваться, когда только случай представится. Это, такъ сказать, особое право — право неумѣстна или даже беззаконна, естественное человѣческое право говорить и дѣлать хороша дѣла даже и не у мѣста и не имѣя на то дозволенія. При неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, за это достается, при благопріятныхъ — люди въ герои и благодѣтели человѣчества попадаютъ!

Пользуясь этимъ правомъ, члены съѣзда могли бы высказать и еще одно желаніе — расширить, или, пожалуй, съюзить программу ученія въ училищѣ. На это они имѣли бы даже законное право, такъ-какъ вопросъ этотъ касается прямо училища; имѣли бы, по всей вѣроятности, и полнѣйшее внутреннее основаніе заявить такое желаніе, потому что не можетъ быть, чтобы они довольны были теперешней училищной программой; особенно, когда они очень хорошо знаютъ, что даже половина всѣхъ воспитанниковъ, если не больше, проходящихъ чрезъ училище, не дойдеть до послѣдняго курса семинаріи, слѣдовательно, и своего классическаго образованія не закончить и священническихъ и діаконскихъ мѣстъ не получить.

На съѣздѣ прочитана была записка о томъ, что нужно устроить еще другое духовное училище, потому что теперешнее тѣсно, и при этомъ высказана была мысль, что воспитанниковъ изъ стараго училища въ новое переводить не слѣдуетъ, не слѣдуетъ всякое сообщеніе между старымъ училищемъ и новымъ, — чтобы это новое училище было совершенно чисто отъ бурсацкаго духа и старыхъ училищныхъ преданій, живущихъ, такъ-сказать, въ самыхъ стѣнахъ училищныхъ и переходящихъ отъ одного выпуска учениковъ къ другому, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Новое училище надобно наполнить только вновь поступающими, свѣжими людьми.

Проектъ другаго училища, кажется, уже разрабатывается, но будетъ ли принято предложеніе о недопущеніи въ него бурсацкаго, духовно-училищнаго духа, еще неизвѣстно. Да такою мѣрою и невозможно преградить ему туда входъ — онъ проникнетъ чрезъ братьевъ, родственниковъ и знакомыхъ, обучающихся въ старомъ училищѣ и въ семинаріи, его принесутъ изъ дома — отъ отцовъ; его принесутъ учителя и надзиратели, хотя бы они поступили сюда на службу и не изъ стараго училища; а главное — онъ явится самъ собой, потому что это будетъ все то же духовное, сословное и замкнутое училище. Уничтожить этотъ духъ можно только съ уничтоженіемъ самыхъ училищъ, сливши ихъ съ общими гражданскими.

Нельзя сказать, чтобы духовенство было положительно про-

тивъ такого слиянія — столичное духовенство почти уже совсѣмъ не отдаетъ своихъ дѣтей въ свое сословное училище, его наполняютъ только дѣти сельскаго духовенства и дѣти столичныхъ приетниковъ. Не можетъ стоять особенно горячо за свои собственные училища и сельское духовенство, потому что изъ двухъ вышеупомянутыхъ цѣлей училища эти не достигаютъ вполнѣ ни которой.

Предубѣжденія противъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній духовенство не имѣетъ или почти не имѣетъ; но оно имѣетъ противъ нихъ одно возраженіе, чрезвычайно сильное. Это то, что содержаніе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, вообще говоря, превышаетъ его средства.

Дѣйствительно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, содержаніе въ свѣтскихъ училищахъ очень дорого. Но эта дороговизна едва-ли не на половину искусственная, которая можетъ быть уничтожена однимъ простымъ предписаніемъ. Содержаніе въ нихъ дороже, чѣмъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, потому, что въ нихъ учителя лучше и, слѣдовательно, дороже; учебныя пособія лучше и — дороже; вся обстановка лучше и — дороже. Но если духовенство заявляетъ желанія и требованія, чтобы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и его учебныя заведенія были лучше, чѣмъ теперь, чтобы они приближались, по возможности, къ совершенству, то имѣетъ, вѣроятно, въ виду и какія-нибудь матеріальныя средства для достиженія этого. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи духовныя учебныя заведенія не могутъ быть дешевле, экономнѣе свѣтскихъ.

Но расходъ на ученическое форменное платье будетъ совершенно новымъ и совершенно случайнымъ. вовсе не необходимымъ для того, чтобы дѣтямъ и жить было лучше и ученіе ихъ шло бы лучше. И у воспитанниковъ духовныхъ учебныхъ заведеній есть форма, но она простирается немногимъ далѣе того, чтобы воспитанники не ходили въ халатахъ и босикомъ или въ лаптяхъ.

Есть въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ еще другая сторона, которой нѣтъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какою бы вѣдомства они ни были. Это вотъ эти самыя училищныя сѣзды духовенства, прямое участіе родителей въ дѣлахъ школы. Сѣзды эти учрежденіе еще слишкомъ молодое; ихъ значеніе для училищъ и вліяніе на нихъ еще не успѣло высказаться. Но уже и теперь они дѣлаютъ вотъ открытія тамъ, гдѣ до нихъ совсѣмъ нечего было открывать. Свѣтскія учебныя заведенія идутъ, относительно говоря, во всѣхъ отношеніяхъ лучше; но еслибы для каждой гимназій и прогимназій устроился особый сѣздъ родителей тѣхъ дѣтей, которые обучаются въ этихъ училищахъ, и заставилъ бы все себѣ показать и рассказать, то, можетъ быть, и здѣсь были бы сдѣланы тоже какія-нибудь открытія, а еслибы и никакихъ открытій не было сдѣлано, то все же училища эти приняли бы тогда совершенно другой

видъ — хотя бы только потому, что умъ хорошо, а два лучше того!

Потребность прямого участія родителей въ дѣлахъ школы сознаютъ и сами школы—гражданскія гимназiи не разъ уже высказывали это. Такъ, напримѣръ, года два назадъ тому, одинъ директоръ гимназiи, на публичномъ актѣ своей гимназiи, жаловался собравшейся публикѣ, что она — публика эта — мало принимаетъ участiя въ томъ, что дѣлается въ гимназiи, не идетъ гимназическому начальству на встрѣчу, не помогаетъ ему воспитывать ея дѣтей, ибо *на выдаваемыхъ гимназистамъ мисткахъ, или тетрадкахъ, родители не дѣлаютъ отмытокъ, какъ ученики ведутъ себя дома!*

Такое участiе общества въ дѣлахъ школы было бы для школы конечно, вождельно; но не такого понятiя объ этомъ участiи само общество.

Родители дѣтей, воспитывающихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведенiяхъ — вѣроятно, поощряемые примѣромъ духовенства, пользующагося уже правомъ принимать дѣятельное участiе въ дѣлахъ своихъ училищъ и высказывать свои взгляды на воспитанiе и образованiе его дѣтей — рѣшились, наконецъ, тоже попытать счастья и, въ прошенiи къ министру народнаго просвѣщенiя, будто бы, высказали свои взгляды на... Хорошенько неизвѣстно, на что; прошенiе нигдѣ не напечатано, даже вполнѣ достовѣрно неизвѣстно, существуетъ ли оно, но, кажется, что на слишкомъ большое количество предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназiяхъ, или, можетъ быть, на то, что предметы эти хотятъ преподавать дѣтямъ въ слишкомъ короткое время. Можно бы говорить и о томъ и о другомъ, потому что гимназiи страдаютъ и, тѣмъ и другимъ недостаткомъ. Прошенiе это подали, будто бы, лица очень почтенныя по своему общественному положенiю въ Петербургѣ. «Министръ народнаго просвѣщенiя передалъ прошенiе попечителямъ, которые переслали его директорамъ гимназiй для разсмотрѣнiя, обязавъ ихъ доставить по поводу его свои заключенiя».

Газета, сообщающая это извѣстiе, прибавляетъ: «Надо надѣяться, что директора отнесутся къ этому дѣлу серьезно и, ничего не скрывая и не лѣстя существующей системѣ народнаго образованiя, изложатъ недостатки ея съ полною откровенностью».

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, надѣяться, что директора не пощадятъ дѣла рукъ своихъ и разобьютъ его въ пухъ и прахъ? И можно и нельзя! Потому что есть полнѣйшее основанiе и надѣяться и не надѣяться. Все дѣло зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ того, какъ *должно* быть. Наши директора гимназiй, а равнымъ образомъ и другiя лица, которыя въ подобныхъ дѣлахъ свой голосъ подаютъ, имѣютъ самыя гибкiя, податливыя мнѣнiя — сегодня они высказываютъ одно, а завтра совершенно другое, даже противоположное. Это однажды было

заявлено даже въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Въ небольшой промежутокъ времени они ужъ столько переищили откровенныхъ и безпристрастныхъ мнѣній, что едва ли не перестали, наконецъ, совсѣмъ имѣть какія-либо мнѣнія. Они подавали откровенныя и безпристрастныя мнѣнія и за реальное образование и реальныя гимназіи и противъ нихъ; подавали мнѣнія за классическія гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ и за гимназіи съ двумя языками, за экзамены и противъ экзаменовъ, за репетиціи и противъ репетицій и т. д. Могло происходить все это оттого, что разныя мнѣнія, можетъ быть, и лица подавали разныя, — хотя здѣсь и не должно бы быть такого же разнообразія во вкусахъ, какъ относительно пищи; могло происходить это также и оттого, какъ вопросы имъ ставились и какой отвѣтъ считали они не за самый вѣрный, а за самый современный. А такъ-какъ о современности такихъ или другихъ отвѣтовъ могутъ судить не одни только директоры гимназій, то и можно заранѣе рѣшить, что если число предметовъ и уроковъ въ гимназіяхъ и будетъ, вслѣдствіе ходатайства родителей, сокращено, то классическое образование, во всякомъ случаѣ, ущерба при этомъ не потерпитъ.

Во всякомъ случаѣ, это ходатайство родителей, это постороннее (?) вмѣшательство въ дѣла нашихъ общественныхъ школъ свидѣтельствуетъ о томъ, что быть этихъ школъ общество считаетъ ненормальнымъ, положеніе дѣтей въ нихъ жалкимъ.

Но мало того, и въ эти-то школы слишкомъ многимъ дѣтямъ попасть трудно, а попавши — трудно удержаться въ нихъ, не потому, чтобы дѣти эти были неспособны къ ученью, вели бы себя въ училищѣ дурно; не потому, что родители, по непониманію пользы просвѣщенія, не пускаютъ своихъ дѣтей туда, и не потому, наконецъ, что у насъ школъ мало, а дѣтей слишкомъ много; нѣтъ, просто потому, что дѣти являются въ школу въ одеждѣ не извѣстнаго, опредѣленнаго цвѣта и фасона, и другаго — какой случится. Это невѣроятно, а между тѣмъ, это такъ! Наши потомки — можно надѣяться, самыя неотдаленныя — не повѣрятъ этому, не въ состояніи будутъ этого понять. Да и мы сами не повѣрили бы или, наученные горькимъ опытомъ, съ трудомъ повѣрили бы и, во всякомъ случаѣ, наши бы до крайности страннымъ, еслибы намъ сказали, напримѣръ, что въ древнемъ Римѣ-де имѣлъ право слушать публичнаго оратора только тотъ, кто одѣтъ былъ въ красную тогу съ синей бордюркою, а кто одѣвался въ красную тогу съ голубой или бѣлой бордюркою, того прочь прогоняли. А между тѣмъ, и у насъ «въ одной губернской гимназіи, имѣющей 400 учениковъ, только 180 могутъ завести новую форму; остальнымъ, слѣдовательно, двумъ третямъ изъ всего числа, придется отказать отъ воспитанія».

«Будемъ надѣяться — оиътъ прибавляетъ газета, изъ которой я заимствую это сообщеніе — будемъ надѣяться, что ученики, не имѣющіе средствъ завести новую форму, не будутъ подвергаться изгнанію изъ заведенія».

Будемъ надѣяться!

Въ «Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что при донской семинаріи учреждена вспомогательная касса для нуждающихся воспитанниковъ. Распорядителемъ кассы состоятъ пока одинъ изъ учениковъ 6-го класса; на будущее время, когда средства кассы увеличатся, предполагается избрать по одному распорядителю изъ каждаго класса, которые будутъ давать деньги изъ кассы за своимъ ручательствомъ. Учредилась касса въ октябрѣ прошлаго года, по мысли и стараніямъ самихъ воспитанниковъ, съ дозволенія и одобренія начальства».

Это напечатано въ № 185-мъ одной газеты, а въ № 189-мъ той же газеты напечатано совсѣмъ другое.

«Изъ «Донскаго Вѣстника» узнаемъ, что, къ сожалѣнію, на учрежденіе этой кассы не было испрошено разрѣшенія и предпріятію этому не суждено было достигнуть предполагаемой цѣли. Св. правительствующій синодъ, находя неудобнымъ существованіе при семинаріи кассы, сдѣлалъ уже распоряженіе закрыть ее и впредь не открывать, а собранную сумму (которая доходила до 70 р. слишкомъ) раздать бѣднѣйшимъ воспитанникамъ».

Разныя вспомогательныя и ссудо-сберегательныя общества теперь въ большемъ ходу и то и дѣло разрѣшаются новыя. Всѣ этому радуются, всѣ находятъ это полезнымъ и въ экономическомъ отношеніи и въ общественномъ, потому что общества эти сближаютъ людей, обобщаютъ ихъ интересы, приучаютъ ихъ быть, такъ-сказать, болѣе людьми. Дурное въ этихъ обществахъ начинаютъ усматривать только тогда, когда они принимаютъ какой-нибудь политической характеръ или отѣнокъ, начинаютъ, какъ бы то ни было, угрожать нарушеніемъ существующаго общественнаго порядка. Видать, какъ учреждаются такія общества, какъ ихъ, не только терпятъ, но даже разрѣшаютъ и поощряютъ, конечно, и дѣти, болѣе или менѣе уже взрослые и могущіе управлять собой сами, по крайней мѣрѣ, имѣющіе уже право распоряжаться своими деньгами по собственному усмотрѣнію. Могутъ ли они, послѣ этого, понять и оцѣнить тѣ слишкомъ отдаленныя, слишкомъ тонкія причины, по которымъ они не могутъ, не должны дѣлать изъ своихъ денегъ складчины и помогать другъ другу? Достигнется ли чрезъ такія запрещенія та цѣль, которая имѣется въ виду? Не скорѣе ли наоборотъ. Хотѣли люди сдѣлать доброе дѣло, такое дѣло, которое совершеннолѣтніе дѣлаютъ свободно, а имъ это запретили — не объявивши, почему же они не могутъ и не должны этого дѣлать. Хорошо еще, если дѣти эти совершенно лишены способности разсуждать и доискиваться причинъ всего;

если они привыкли всему подчиняться не только наружно безмолвно и безпрекословно, но и внутренно, без малѣйшаго протеста или вопроса даже въ мысляхъ. Но вѣдь такихъ людей почти нѣтъ; на это способны только идиоты. А идиотовъ въ дѣтяхъ видѣть никто не желаетъ; напротивъ, имъ постоянно внушаютъ и напоминаютъ, и особенно въ общественныхъ школахъ, что они должны думать и размышлять, все изслѣдовать и стараться объяснить себѣ. До чего же они, послѣ этого, додумаются, если относительно ихъ принимаются мѣры, основанія которыхъ они никакъ не въ состояніи себѣ объяснить? Не подумаютъ ли они, что ихъ какъ будто за что-то все наказываютъ и преслѣдуютъ? Но вѣдь и наказанія дѣтей, если уже наказанія должны существовать, должны быть только исправительныя, а не карательныя; вѣдь это же дѣти,—люди, которые только еще растутъ и формируются, только еще развиваютъ свои силы и способности, набираются свѣдѣній, понятій, взглядовъ, практической опытности; въ нихъ ничто еще, ни хорошее, ни дурное, не установилось окончательно. Если и допустить, что человѣкъ можетъ быть неисправимъ, то о дѣтяхъ-то сказать этого уже никакъ нельзя. Иначе въ чему были бы и всѣ эти школы и разные воспитательныя приемы въ нихъ! Тогда школы не учебно-воспитательныя, а полицейскія учрежденія.

Посмотримъ теперь—тоже на основаніи фактовъ послѣдняго времени—на положеніе молодого поколѣнія, т.-е. тоже дѣтей, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Надобно полагать, что высшія учебныя заведенія не считаются уже учрежденіями воспитательными, а только учебными—въ нихъ преподаются только науки, только свѣдѣнія одна, разные факты, въ извѣстной группировкѣ ихъ; здѣсь должна работать только мысль, а на характеръ человѣка, на формировку этого характера высшее учебное заведеніе не обращаетъ уже вниманія—оно отказывается воспитывать человѣка. Поэтому сюда принимаются только люди уже воспитанные, т.-е. совершеннолѣтніе, вполне сформировавшіеся, съ опредѣленнымъ, установившимся характеромъ.

«Дабы на будущее время не былъ нарушаемъ порядокъ. со стороны принимаемыхъ въ высшія учебныя заведенія лицъ, предложено подтвердить начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній, чтобы они при выдачѣ свидѣтельствъ и аттестатовъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ сихъ заведеніяхъ, обращали особенное вниманіе на поведеніе выпускаемыхъ и дѣлали въ выдаваемыхъ аттестатахъ строгую и вѣрную ему оцѣнку».

Изъ этого видно, что въ высшія учебныя заведенія допускаются не вообще люди съ опредѣлившимся и установившимся характеромъ, а только съ характеромъ хорошимъ; не просто «воспитанные», а «благовоспитанные»; «молодые люди, заявив-

шіе еще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дурныя склонности», въ высшія учебныя заведенія не могутъ быть принимаемы.

Отсюда — цѣлый рядъ правилъ, указывающихъ условія, при которыхъ молодыя люди могутъ быть принимаемы въ высшія учебныя заведенія и терпимы въ нихъ. Правила эти, между прочимъ, гласятъ:

«Принимать въ высшія учебныя заведенія молодыхъ людей изъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ только тѣхъ, которые имѣютъ хорошія аттестаціи о поведеніи.

«При переходѣ изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое, не довольствоваться одними свидѣтельствами объ одобрительномъ поведеніи, выданными заведеніями, откуда кто переходитъ, *но требовать подробныхъ о переходящемъ съѣздый по-средствомъ частныхъ сношеній.*

«При перечисленіи постороннихъ слушателей въ студенты, а равно и при приѣмѣ вновь въ студенты уволенныхъ изъ учебнаго заведенія по какому бы то ни было случаю, обращать особенное вниманіе на прежнее поведеніе зачисляемыхъ въ студенты.

«Вмѣнить въ обязанность начальствамъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, чтобы они изыскали надлежащія мѣры, дабы всѣ члены учрежденной въ сихъ заведеніяхъ инспекціи, по возможности, знали въ лицо всѣхъ посѣщающихъ учебное заведеніе.

«Строго наблюдать, чтобы замѣчанія, выговоры и другія взысканія со стороны инспекціи заносились въ особую книгу и чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ (выдача пособій и стипендій и освобожденіе отъ платы или отсрочка оной).

«Учащихся, отлучающихся изъ города (далѣе подгородныхъ мѣстъ) безъ разрѣшенія начальства, увольнять отъ заведенія.

«Въ сообщеніяхъ, кому предписано, объ исключенныхъ или удаленныхъ изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, должны быть въ точности означаемы причины исключенія или удаленія.

«Установить для высшихъ учебныхъ заведеній слѣдующія высшія (кромѣ еще низшихъ) мѣры взысканія: 1) увольненіе на годъ, но съ правомъ вступить немедленно въ другое высшее учебное заведеніе (находящееся въ другомъ городѣ); 2) удаленіе на одинъ годъ (безъ этого права); 3) удаленіе на два года (безъ того же права) и 4) исключеніе изъ высшаго учебнаго заведенія, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ не принимать въ другія учебныя заведенія, и, при томъ, не иначе, какъ подъ отвѣтственностію начальства учебнаго заведенія, которое рѣшится (!) принять исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія того вѣдомства, къ коему учебное заведеніе принадлежитъ.

«Студенты считаются отдѣльными посѣтителями учебнаго заве-

денія (вѣроятно, кромѣ такихъ, какъ училище правовѣдѣнія, лицей, духовныя академіи, филологическій институтъ?), а потому не должно быть допускаемо никакое дѣйствіе, носящее на себѣ характеръ корпоративный; на семъ основаніи не дозволяется подача адресовъ, присылка такъ-называемыхъ депутатовъ, выставленіе отъ имени учащихся какихъ бы то ни было объявленій... Не допускаются въ зданіи учебнаго заведенія, ни во дворахъ и садахъ его, никакія сборища или сходки, театральныя представленія, концерты и т. п.; равнымъ образомъ (не дозволяются) особенныя студенческія бібліотеки, читальни, вспомогательныя или ссудныя кассы.

«Внѣ зданій и учрежденій учебнаго заведенія учащіеся подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи; но подчиненіе учащихся надзору общей полиціи не избавляетъ ихъ отъ повинновенія учебному начальству, по принадлежности, и внѣ зданій учебныхъ заведеній. *Полиція*, принимая всѣ по закону зависящія отъ нея по надзору за учащимися внѣ заведенія мѣры, *обязана извѣщать непосредственное начальство учебныхъ заведеній о проступкахъ учащихся, совершаемыхъ ими въ заведеніи*, и вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ, навлекающихъ сомнѣніи въ ихъ нравственной и политической благонадежности, а *начальства учебныхъ заведеній обязаны исполнять то же самое въ отношеніи полиціи*, по мѣрѣ доходящихъ до нихъ свѣдѣній.

«Въ устраненіе потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекцій не дозволяется учащимся устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній».

Все это, повидимому, служить только подтвержденіемъ предположенія о томъ, что наши высшія учебныя заведенія не суть заведенія учебно-воспитательныя, какъ среднія и низшія, а только учебныя; они имѣютъ дѣло только съ людьми, уже готовыми, вполне опредѣлившимися, и притомъ только съ людьми хорошихъ склонностей. Съ людьми, заявившими болѣе или менѣе дурныя склонности, дѣла имѣть они не хотятъ, и исправлять, руководить и направлять ихъ они не берутся. Задача этихъ заведеній только одна: ученіе, преподаваніе науки. Но при этомъ невольно рождается вопросъ: отчего же науками могутъ заниматься только люди, неимѣющіе дурныхъ склонностей, то-есть отчего люди съ дурными склонностями не могутъ изучать наукъ въ специально для этой цѣли существующихъ учрежденіяхъ, когда они могутъ изучать ихъ и у себя дома, и въ разныхъ публичныхъ читальняхъ, бібліотекахъ, музеяхъ и разныхъ другихъ хранилищахъ произведеній человѣческаго ума и знанія; могутъ изучать и одни и подъ руководствомъ какъ частныхъ лицъ, такъ даже тѣхъ же самыхъ профессоровъ, которые преподаютъ науки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Они могутъ дѣлать все это, имъ оставляется право дѣлать это, и они могутъ достигать при этомъ даже благихъ результатовъ. Отсюда какъ будто выходитъ, что право изучать науки и воз-

возможность изучать ихъ успѣшно не находится въ непосредственной, неразрывной связи съ такимъ или другимъ характеромъ чловѣка, съ такими или другими склонностями его, и, затѣмъ, что наши высшія учебныя заведенія не суть заведенія чисто-учебныя, преслѣдуютъ не науку только одну; или же, что, будучи заведеніями чисто и исключительно учебными, отказывающимися отъ всякой воспитательной роли—отъ исправленія людей, въ нравственномъ отношеніи несовершеннолѣтнихъ — они *сообщаютъ научныя свѣдѣнія только въ награду* молодымъ людямъ *за ихъ хорошее поведеніе*.

Оставлять людей въ незнаніи, въ невѣжествѣ, дѣйствительно, самое сильное наказаніе для нихъ, какое только можно придумать; но вѣдь, вмѣстѣ съ тѣмъ, это наказаніе и для самаго общества—невѣжество его членовъ, ихъ необразованность, особенно соединенная съ «дурными склонностями» — несчастіе, бѣдствіе для него. Невѣжественные, необразованные члены общества такіе же точно гнилыя, вредныя вѣтви, какъ и люди порочные и преступные. Отъ людей порочныхъ и преступниковъ общество освобождаетъ себя тѣмъ, что изгоняетъ ихъ своей среды, отправляетъ ихъ въ ссылку или заключаетъ въ тюрьмы и разныя карательно-исправительныя заведенія. Должно освобождать себя общество и отъ членовъ невѣжественныхъ. Но какимъ же образомъ? Конечно, тѣмъ, что должно просвѣщать ихъ, давать имъ образованіе, помѣщать ихъ въ нарочно для сего учреждаемыя учебныя заведенія.

Но ни одно изъ существующихъ въ настоящее время общественныхъ учебныхъ заведеній не хочетъ имѣть дѣла съ невѣжественными людьми, имѣющими дурныя склонности, — они не принимаютъ къ себѣ такихъ людей или изгоняютъ ихъ вонъ, положимъ, для того, чтобы они не заражали своими дурными свойствами, не развращали другихъ воспитанниковъ. Въ такомъ случаѣ, необходимо устроить особыя учебныя заведенія—исправительныя, гдѣ бы были уже только одни молодые люди съ дурными склонностями, но ищущіе просвѣщенія. Пусть тогда наказаніемъ за дурныя склонности будетъ для нихъ не лишеніе дальнѣйшаго просвѣщенія, а только удаленіе изъ общества товарищей благонамѣренныхъ и благонаправленныхъ. А удаленіемъ такихъ людей изъ учебныхъ заведеній, лишеніемъ ихъ дальнѣйшаго образованія, какъ это теперь дѣлается, если мы, дѣйствительно, и наказываемъ ихъ за дурныя ихъ моральныя свойства, если, можетъ быть, и заставляемъ ихъ задумываться надъ тѣмъ, за что они изъ заведеній удалены, даже, можетъ быть, заставляемъ исправиться и сдѣлаться людьми благонаправленными, то, во всякомъ случаѣ, лишаемъ ихъ возможности сдѣлаться такими полезными членами общества, какими были бы они, еслибы получили еще образованіе, еслибы надлежащимъ образомъ развили и обогатили свой умъ.

Противъ предложенія устроить такія учебно-исправительныя

заведенія можетъ быть сдѣлано много возраженій, и очень основательныхъ, и не столько основательныхъ, сколько остроумныхъ; но, надѣюсь, никто и никогда не докажетъ, что лишеніе людей образованія для общества полезно, или что вредно, но не въ такой мѣрѣ, какъ образованность, соединенная съ дурными склонностями; потому что основательная образованность сама по себѣ дѣлаетъ человѣка лучше и исправляетъ его дѣйствительно дурныя склонности.

Новыя правила относительно приѣма молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія нагнали на многихъ такой страхъ, что къ петербургскому оберъ-полиціймейстеру стали поступать прошенія о томъ, чтобы онъ далъ одобрительное свидѣтельство, что такой-то-де, желающій нынѣ поступить въ такое-то высшее учебное заведеніе, вель себя доселѣ хорошо и ни въ чемъ неодобрительномъ городскою полиціею замѣченъ не былъ. Но оберъ-полиціймейстеръ отказался отъ выдачи подобныхъ свидѣтельствъ, «по немѣннѣю въ виду закона, предоставляющаго полиціи право выдавать въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельства, а съ другой стороны, по отсутствію какихъ либо указаній на то, чтобы представленіе подобныхъ свидѣтельствъ было обязательно для лицъ, желающихъ поступить въ высшія учебныя заведенія».

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ какая бы то ни была полиція въ мірѣ можетъ засвидѣтельствовать, что такое-то лицо благонадежно? Почему можетъ она это знать? Она можетъ давать свидѣтельства только о томъ, что такое-то лицо неизвѣстно ей со стороны своей неблагонадежности, что дурнаго за нимъ полиція ничего доселѣ не замѣтила; но это вѣдь не есть еще ручательство въ томъ, что извѣстное лицо неспособно ни на какую неблагонадежность. А высшія учебныя заведенія требуютъ отъ лицъ, поступающихъ въ нихъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, именно такихъ положительныхъ аттестацій. Но все же жаль, что петербургскій оберъ-полиціймейстеръ отказался выдавать хотя бы то и отрицательныя свидѣтельства, что дурного-де, за такимъ-то лицомъ полиціею ничего не замѣчено — при извѣстномъ чуть-чуть не всевѣдѣніи петербургской полиціи, при ея не только вѣшнихъ, уличныхъ, но и внутреннихъ, то-есть надворныхъ околочныхъ надзирателяхъ и при ея съискныхъ агентахъ, бывающихъ даже тамъ, гдѣ ихъ никто не предполагаетъ, голосъ этой полиціи, выражающій невѣдѣніе ничего дурнаго, имѣлъ бы въ глазахъ начальства высшихъ учебныхъ заведеній, по всей вѣроятности, тоже не малое значеніе.

Вотъ главнѣйшіе факты, касающіеся быта нашего молодого поколѣнія и условій, при которыхъ оно растетъ и готовится занять наше мѣсто, которые должны будутъ составлять воспоминаніе его дѣтства и по которымъ оно будетъ вспоминать объ насъ и судить о нашемъ времени и о нашихъ заботахъ и попеченіяхъ о дѣтяхъ. Это все факты и извѣстія только за два послѣдніе мѣсяца. 2

еслибы пойти далѣе назадъ, то крупныхъ фактовъ и извѣстій, подобныхъ настоящимъ, нашлось бы огромное количество. Взгляните же, читатель, на весь этотъ бытъ нашихъ дѣтей съ той точки зрѣнія, съ какой, чрезъ 20—40—60 лѣтъ, *могутъ* посмотреть на него они. Увѣрены ли вы, что они найдутъ все это нормальнымъ, такимъ, какъ это и быть должно? Скажутъ ли они, по крайней-мѣрѣ, что «въ то-де, старое время, когда еще было то-то и то-то, и не было ни того-то, ни того-то, иначе и быть не могло?» Извинять ли они насъ? Вѣдь сами мы такъ строги въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ не только о томъ, что дѣлали, и какъ мыслили наши предки за сто или двѣсти лѣтъ, но даже и о томъ, что было за какія нибудь 50—25 лѣтъ, даже гораздо ближе!

Взрослые люди обыкновенно увѣряютъ дѣтей, а отчасти и себя самихъ, и притомъ совершенно искренно, что, будто бы, время дѣтства самое счастливое время во всей жизни человѣка, потому что дѣти не знаютъ никакихъ заботъ; вся ихъ забота состоитъ только въ одномъ — приготовить урокъ, и затѣмъ играй-себѣ и наслаждайся жизнью! Но кажется ужъ если кто, такъ именно взрослые, то-есть собственно тѣ, которые любятъ вотъ такъ рассуждать, не могутъ пожаловаться на то, что они, будто бы, мало «играютъ»! Предложите кому угодно изъ взрослыхъ, которые такъ говорить, хоть на одинъ день войти въ кожу ребенка, особенно учащагося, то-есть готовить его уроки, выслушивать выговоры, брань и всевозможныя наставленія и назиданія, подвергаться наказаніямъ, какимъ дѣти подвергаются, переносить постоянный надзоръ за собой, ѣсть кое-какъ, спать кое-какъ и т. д., а въ заключеніе всего — ничего не смѣть — не смѣть имѣть своей воли, своихъ мнѣній и сужденій, не смѣть идти туда-то, сѣсть тамъ-то, стоять такъ-то, брать то-то и то-то и т. д. и т. д. — и будьте увѣрены, что никто не согласится на это добровольно даже и на одинъ часъ, хотя бы въ награду за это вы и обѣщали пряникъ или часъ свободнаго времени для игры въ бабки. Въ чемъ же состоитъ, послѣ этого, хваленое счастье времени дѣтства? Еще деревенскіе дѣти, пока они не сдѣлались годными къ какой либо работѣ, пожалуй, знаютъ это счастье дѣтства; но дѣтямъ «благовоспитаннымъ» мы даемъ его слишкомъ мало.

Вотъ наши иноязычные и иновѣрные соотѣвственники — петербургскіе нѣмцы ушли въ этомъ отношеніи нѣсколько дальше насъ. Ихъ дѣти растутъ тоже не въ особенной холѣ; но, по крайней-мѣрѣ, хоть иногда родители устраиваютъ для нихъ особенные «праздники», чисто и исключительно дѣтскіе. Таковой праздникъ, Kinderfest, былъ устроенъ, въ концѣ іюля, въ деревнѣ Коломагахъ. Деревню эту лѣтомъ заселяютъ почти исключительно одни нѣмцы, и придають ей на это время совершенно нѣмецкій видъ. Живущіе между ними немногіе русскіе тоже стараются казаться нѣмцами и держатся мѣстныхъ обычаевъ —

спать ложиться рано, гуляютъ солидно, кушаютъ на балконахъ и принимаютъ участіе въ Kinderfest'ѣ. Все лѣто дѣти твердятъ объ этомъ праздникѣ, вспоминая, какъ они веселились на немъ въ прошедшемъ году, и предполагая, какъ будутъ веселиться въ настоящемъ. Въ послѣдніе дни передъ праздникомъ ажитация достигаетъ высшей степени — о Kinderfest'ѣ твердятъ и малыя, и старыя. Въ общественномъ саду вывѣшивается объявленіе съ программой праздника, и всѣ читаютъ и перечитываютъ его по нѣскольку разъ. Наканунѣ праздника дѣтей моютъ, чистятъ, стригутъ и завиваютъ. Вечеръ и ночь проводятся въ какой-то благоговѣйной тишинѣ, точно въ русской деревнѣ вечеръ передъ Пасхой. На утро, часамъ къ 10-ти, вся деревня принимаетъ праздничный видъ, всадѣ мелькаютъ флаги, ленты и дѣти въ праздничныхъ костюмахъ. Около 12-ти часовъ всѣ дѣти собираются на одной улицѣ (въ настоящемъ году ихъ было до 400!). Дѣвочки, отъ 3 до 12—14 лѣтъ, въ бѣлыхъ и розовыхъ платьяхъ, съ гирляндой изъ живыхъ цвѣтовъ черезъ плечо и съ жезлами, украшенными зеленью и развѣвающимися лентами въ рукахъ; мальчики въ курткахъ и жакетахъ, съ разноцвѣтной перевязью черезъ плечо и съ флагами въ рукахъ. Въ назначенное время дѣти становятся по два въ рядъ — дѣвочки впереди, и между ними самыя младшія, по бѣдшей части, въ первыхъ парахъ; мальчики за ними; въ интервалахъ помѣщаются костюмированныя маски, съ огромными, болѣе или менѣе комическими головами. Передъ первой парой становятся наемные музыканты; впереди ихъ нѣсколько мальчиковъ, съ знаменами въ рукахъ, на коняхъ; въ концѣ всѣхъ опять мальчики на коняхъ. По сторонамъ улицы — остальное населеніе деревни. Музыка играетъ маршъ и начинается шествіе по всѣмъ улицамъ деревни, продолжающееся почти цѣлый часъ. Во все это время и дѣти, и взрослые безъ умолку кричатъ «ура», особенно же передъ нѣкоторыми дачами. Шествіе достигаетъ, наконецъ, сада. Всѣ взрослые платятъ здѣсь что-нибудь за входъ (для покрытія расходовъ праздника) и получаютъ по голубому банту, который приваливаютъ себѣ на грудь. Въ саду поставлена высокая мачта, съ разными призами на верху. Призы состоятъ изъ крестьянскихъ рубахъ, сапоговъ, шапокъ, платковъ, и они всѣ достаются коломагскимъ парнямъ; при этомъ каждому, кто доберется до верха мачты, музыканты играютъ тушь, а вся публика аплодируетъ. Кругомъ мачты устроены мѣста. Въ одной сторонѣ круга стоитъ огромный столъ съ лакомствами для дѣтей; на другомъ такомъ же столѣ разставлены разныя бездѣлушки. Каждому ребенку даютъ по лотерейному билету на какую-нибудь изъ этихъ вещей. Все это продолжается часа полтора или два, и во все это время четырехсотенная масса дѣтей веселится самымъ задушевнымъ весельемъ. Затѣмъ, расходятся обѣдать, и вечеромъ собираются снова въ садъ и устраиваютъ разныя игры. Продолженія праздника вечеромъ я не ви-

далъ. По всей вѣроятности, вечеръ проведенъ былъ такъ же весело, какъ и утро. Или, вѣрнѣе, былъ бы проведенъ, еслибы мы жили не въ такое время, когда русскимъ нѣмцамъ приходится жутко отъ русскихъ, а русскимъ житья нѣтъ отъ нѣмцевъ! Между играми, устроенными для потѣхи дѣтей, были, конечно, и глупыя игры; такъ, напр., завязавши двумъ мальчикамъ глаза, заставили ихъ кормить другъ друга черничнымъ вареньемъ, причѣмъ они, конечно, часто проносили ложки мимо рта и мазали другъ друга. Это бы еще ничего, что игра глупая, потому что и русскіе устраиваютъ подобныя игры, какъ, напр., на царыцynomъ лугу, гдѣ мужики, проѣзжая подъ доской съ ведромъ воды и стараясь попасть палкой въ отверстие на доскѣ, обливаютъ себя водою. Но нѣмцы заставили ѣсть варенье «русскихъ, деревенскихъ мальчиковъ» (предварительно подаривши имъ собственно за это по рубашкѣ). Зачѣмъ они для исполненія такой шутовской роли, для потѣхи своихъ нѣмчатъ, избрали русскихъ? Зачѣмъ они надъ «русскими» смѣялись? Нѣкоторые русскіе (или одинъ, — не знаю) очень обидѣлись этимъ и... крупно поговорили съ нѣмцами, даже, будто бы, какой-то полицейскій протоколъ былъ составленъ! Мы ли, послѣ этого, не патріоты?

Но надобно полагать, что, и несмотря на это патріотическое нарушеніе веселья нѣмецкихъ дѣтей, веселье это было искренно и беззавѣтно, и оставить въ дѣтяхъ самыя пріятныя воспоминанія.

Глядя на эту массу веселящихся дѣтей, думая о томъ, какое они «счастливое время переживаютъ», я хотя и завидовалъ имъ, но, признаюсь, не желалъ возвратиться ни въ свое дѣтство, ни въ ихъ, чтобы сейчасъ же сдѣлаться такимъ же счастливымъ, какъ они. Мнѣ было только грустно и досадно, что не только во времена моего дѣтства, но и «въ счастливое время дѣтства» дѣтей настоящаго времени подобныхъ праздниковъ русскимъ дѣтямъ не устраивали, и не устраиваютъ!

Въ № VII «Отеч. Зап.» за настоящій годъ сообщено было мною извѣстіе, что устюжскій окружный судъ, по убѣдительной просьбѣ одного крестьянина, присужденнаго на 15 мѣсяцевъ въ рабочій домъ, замѣнилъ ему это наказаніе розгами. Теперь предсѣдатель устюжскаго суда заявляетъ, что извѣстіе это, сообщенное первоначально въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», невѣрно и что опредѣленіе суда о замѣнѣ заключенія въ рабочій домъ наказаніемъ розгами сдѣлано на основаніи статьи закона, предписывающей за немѣніемъ рабочаго дома заключать преступниковъ извѣстнаго рода въ тюрьму, а «въ случаѣ явной невозможности подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ» наказывать розгами. Просилъ ли крестьянинъ примѣнить къ нему именно это послѣднее наказаніе, было ли оно ему примѣнено и радовался ли онъ ему, — настоящее сообщеніе предсѣдателя объ этомъ умалчиваетъ.

Тамъ же былъ сообщенъ мною слухъ, что будто бы, существуетъ распоряженіе о томъ, чтобы по возможности затруднять семинаристамъ поступленіе въ нѣкоторыя высшія учебныя заведенія. Въ настоящее время газеты сообщаютъ, что министръ народнаго просвѣщенія, будто бы, разрѣшилъ воспитанникамъ семинаріи, съ успѣхомъ прошедшимъ курсъ общеобразовательнаго воспитанія, поступать въ университетъ безъ экзамена кромѣ *попрочно* по какому либо предмету, отъ чего не освобождается, если то угодно университетскому начальству (но вѣдь новыя правила о студентахъ прямо предписываютъ производить повѣрочныя испытанія и при томъ еще «по возможности изъ нѣсколькихъ предметовъ?») и окончившій полный курсъ гимназіи. Судя по этому, надобно полагать, что слухъ о распоряженіи затруднять воспитанникамъ семинаріи поступленіе въ высшія учебныя заведенія былъ новѣрнъ, или же, что распоряженіе это теперь отмѣнено.

Д. Р.

— Судь вызвалъ. Филиппъ повѣсилъ. Надо было осмотрѣть трупъ и заявить, точно ли это мой братъ.

— Ужасно! Впрочемъ, въ его положеніи это самое лучшее.

— Конечно!

— Гдѣ онъ прятался все это время?

— Положительно не знаю. Трупъ висѣлъ въ лѣсу нѣсколько недѣль. Еслибъ въ карманѣ не нашли собственноручнаго его письма, такъ нельзя бы и узнать, кто онъ такой: онъ совершенно испортился.

— Чтѣ жъ это за письмо?

— Предсмертное письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что дальше не можетъ сносить горькаго существованія, что безвинно страдаетъ, что оклеветанъ... знаете, какъ я прочелъ эти слова, такъ у меня выступили слезы...

— Понимаю, сочувствую! сказалъ Шмей.

— Но вообразите, каковъ это негодяй! дальше онъ пишетъ, что я виновникъ всѣхъ его несчастій, что я своей скаредностью ввергъ его въ долги, что я воспользовался несчастьемъ роднаго брата... Какъ вамъ это правится?

— Возмутительно! сказалъ Шмей.

— Признаюсь, я того мнѣнія, что люди, подобные Филиппу, только вредятъ...

— Несомнѣнно! сказалъ Шмей.— Однако, прощайте, мнѣ пора идти.

Штроппъ остался одинъ, обуреваемый заботами. Онъ раскидывалъ умомъ, куда прежде всего ему кинуться, когда вошелъ лакей и доложилъ, что его желаетъ видѣть какой-то г. Гамденъ.

— Просите! сказалъ Штроппъ.

Вошелъ красивый и статный молодой человѣкъ.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ Штроппъ мягкимъ и граціознымъ движеніемъ руки, указывая посѣтителю на кресло.

— Вотъ мои бумаги, отвѣчалъ красивый и статный молодой человѣкъ. — Вы изъ нихъ увидите, что въ продолженіе пяти лѣтъ я завѣдывалъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ торговыхъ домовъ. Обстоятельства заставили меня оставить дѣла въ Америкѣ. У меня, видите, тутъ, въ Вѣнѣ, невѣста, и невѣста не бѣдная, такъ что я имѣю въ виду поселиться въ вашихъ краяхъ и заняться здѣсь различными спекуляціями. Меня одно только смущаетъ: я тутъ совершенно чужой, никого не знаю, и меня никто не знаетъ. Поэтому я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ...

— Вы хотите моего совѣта? спросилъ Штроппъ, ласково глядя на красиваго и статнаго, но, повидимому, совершенно неопытнаго и крайне простаго молодаго человѣка.

— Мнѣ бы хотѣлось ближе познакомиться съ мѣстными, такъ сказать, обывателями...

— Хвалю вашу предусмотрительность. Можно и съ малыми средствами начать. Я вотъ женился по любви на бѣдной, простой дѣвушкѣ, съ грошей началъ дѣло, а вотъ, какъ видите, трудомъ, да молитвою выбрался въ люди.

— О, да! отвѣчалъ красивый и статный молодой человекъ. — Трудъ и молитва — это главное! Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою?

— Сдѣлайте одолженіе! Я очень радъ!

— Не можете ли вы меня принять къ себѣ въ контору? Я могу вести книги, корреспонденціи...

— Я собственно въ людяхъ не нуждаюсь, но вы внушаете мнѣ съ перваго свиданія непонятное участіе. Это иногда бываетъ такая внезапная симпатія! Что касается гонорарія...

— Ахъ, помилуйте! перебилъ красивый и статный молодой человекъ. — Не вамъ, а мнѣ слѣдовало бы платить...

— Но вы, вѣроятно, знаете, что обыкновенно вступающіе въ торговые дома вносятъ что-нибудь... Залогъ вносятъ, обезпеченіе...

— Я съ удовольствіемъ! сказалъ красивый и стройный молодой человекъ, и вынулъ бумажникъ. — Двадцати тысячъ гульденовъ достаточно?

— Вполнѣ достаточно, сказалъ Штроппъ. — Я вамъ дамъ шесть процентовъ. Вы какъ разъ во время явились: вы очень выгодно можете помѣстить свой капиталъ. Я говорю объ акціяхъ тибольдсеггскихъ каменноугольныхъ копей.

— Я уже кое-что приобрѣлъ, сказалъ красивый и статный молодой человекъ, вынимая изъ кармана и показывая десять акцій.

— Онѣ и есть! сказалъ Штроппъ. — Онѣ удивительно поднимаются!

— Позвольте вручить вамъ пока задатокъ въ пять тысячъ гульденовъ.

Красивый и стройный молодой человекъ подаль Штроппу деньги.

— Совершенно вѣрно! сказалъ Штроппъ, пересчитавъ сумму. — Когда же мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ въ конторѣ?

— Въ понедѣльникъ.

— Прекрасно! сказалъ Штроппъ, крѣпко пожимая руку господину Гамдену. — Вы обѣдали?

— Нѣтъ еще.

— Не угодно ли вамъ отобѣдать у меня?

— Благодарю васъ, господинъ Штропъ, но меня ждетъ не-
вѣста.

— А! Противъ этого нѣтъ возраженій! любезно сказала
Штропъ. — И такъ до понедѣльника!

Господинъ Гамденъ раскланялся и уѣхалъ.

«Вотъ находка, такъ находка!» подумалъ Штропъ. «Вѣшь
за здоровье этого юноши лишнюю рюмочку. Удивительная про-
стота!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Неожиданное приключеніе.

Однажды Артуръ Гальденридь вошелъ къ Леони очень блѣд-
ный и разстроенный.

— Что такое, Артуръ? Что случилось? вскрикнула Леони.

— Я пришелъ съ тобой проститься. Вотъ уже три дня, какъ
полученъ приказъ выступить, но я все не рѣшался тебѣ сказать
объ этомъ. Полкъ уже выступилъ, и я непременно долженъ до-
гнать его завтра. Мы идемъ въ Германштадтъ.

Леони стала блѣдна, какъ полотно.

— Мы больше не увидимся? проговорила она. — Я это чув-
ствую, я это знаю!

— Что за мысль, Леони! Вѣдь я не на войну иду! Милая! Мы
увидимся!

— А я должна оставаться тутъ, съ «законнымъ супругомъ»! О,
Господи! Неужели ты меня такъ оставишь?

— Что же мнѣ дѣлать, Леони?

— Увези меня! Поѣдемъ въ Англію, куда хочешь! Мнѣ опос-
тыдливо притворство...

— Леони! Развѣ солдатъ можетъ располагать собой, какъ ему
удобно?

— Солдатъ можетъ, какъ и всякій рабъ, разорвать свои цѣпи!

— Леони! Я и такъ очень несчастенъ, не мучь меня, не говори
о счастьѣ, которое теперь невозможно! Лучше помоги мнѣ пере-
нести всю эту пытку! Мы еще увидимся, я ворочусь, и тогда...

— Я не могу, я не хочу съ тобой разставаться! вскрикнула
Леони.

Она громко зарыдала и припала къ его груди.

Артуръ чуть держался на ногахъ отъ отчаянія.

— Милая! началъ онъ молить. — Не плачь такъ, я...

Дверь пріотворилась и мягкій, но неприятный голос проговорилъ:

— Можно войти?

— Войдите! отвѣчала Леони.

Вошла графиня Софи Тибольдсеггъ и смиренно объяснила, что заѣхала къ баронессѣ, желая узвать о ея здоровьѣ, и въ то же время спросить, не пожелаетъ ли она участвовать въ сборѣ милостыни въ пользу сестеръ «Исусова Сердца».

Леони стояла передъ ней растерянная, и не могла выговорить ни слова. Артуръ нѣсколько оправился.

Нисколько, повидимому, не замѣчая ихъ смущенія, графиня усѣлась на диванѣ и трогательно принялась разсказывать о подвигахъ сестеръ «Исусова Сердца».

Старья ханжи очень любятъ жарить грѣшниковъ на медленномъ огонькѣ.

Артуръ простился и ушелъ.

Его терзала тоска. Нѣсколько времени онъ бродилъ безцѣльно по городу, потомъ пошелъ домой. Но дома показалось ему до того невыносимо, что онъ схватилъ опять шапку и пошелъ къ товарищамъ.

Онъ пробылъ у товарищей до одиннадцати часовъ, все время мучительно протосковалъ, и воротился домой весь разбитый.

На порогѣ его встрѣтилъ лакей и съ тревогой шепнулъ, что какая-то дама ждетъ его уже часа два или три.

Артуръ кинулся въ свою комнату — его ждала Леони.

— Какъ ты долго не приходилъ! вскрикнула она. — Я давно тебя жду!

— Леони! какая неосторожность!

— Такъ лучше было не приходить? Даже не попрощаться съ тобой? Слова тебѣ не сказать? Я не могла! Артуръ! возьми меня съ собой! Не бросай меня здѣсь!

— Леони! въ умѣ ли ты!

— Да! я въ умѣ! Я все обдумала! все взвѣсила. Артуръ! мнѣ тяжело лгать, я больше не хочу... помоги мнѣ выйти изъ оута, избавь меня отъ человѣка, котораго я терпѣть не могу! Помнишь, ты говорилъ, что готовъ отдать мнѣ свою жизнь? Не покидай меня!

— Леони, ты требуешь невозможнаго! Боже мой, ужъ двѣнадцать часовъ! Можетъ, тебя ужъ хватились!

— Пусть хватятся, отвѣчала Леони. — Однимъ ударомъ лучше!

— Леони! все это можно устроить иначе, гораздо тише. Требуй развода съ мужемъ и разведись. Но зачѣмъ безполезно пода-

вать поводъ чернить свое имя? Милая, я желалъ бы, чтобы твое имя...

— Я иду, иду! Съ твоей стороны очень мило такъ заботиться о моемъ имени! Прощай!

Артуръ обнялъ ее и удержалъ.

— Не уходи отъ меня такая сердитая! говорилъ онъ. — Послѣ ты сама увидишь, что я правъ. Мы скоро увидимся и устроимъ жизнь, какъ намъ угодно.

Леони ничего не отвѣчала; лихорадочное волненіе замѣнилось полнѣйшимъ изнеможеніемъ. Когда Артуръ сводилъ ее съ лѣстницы, она шаталась, и слезы ея падали ему на руки.

— Проводи меня до дому, сказала она: — только до угла нашей улицы!

Артуръ сѣлъ съ ней въ карету.

Они молча ѣхали. Леони, положивъ голову ему на плечо, тихо плакала; онъ цаловалъ ее и уговаривалъ.

Вдругъ лошади понеслись, кучеръ вскрикнулъ, и не успѣли они опомниться, какъ карета ударилась обо что-то и опрокинулась.

Паденіе на нѣсколько минутъ ошеломило Артура; прійдя въ себя, онъ поднялся и осмотрѣлся. Онъ чувствовалъ страшную боль въ рукѣ. Леони лежала безъ чувствъ. Кучеръ стоналъ и бранился гдѣ-то неподалеку.

Артуръ обратился къ прохожимъ за помощью. Позвали другую карету и уложили въ нее безчувственную Леони.

«Но куда везти?» мучился благоразумный ротмистръ, немилбившій «шуму».

Однако, любовь побѣдила всѣ другія чувства. Онъ велѣлъ везти ее къ себѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЧЕСТЬ БУРДНО ОСКОРВЛЕНА.

— А пророс! сказалъ редакторъ «Дунайскаго Княжества» одному изъ своихъ любимыхъ сотрудниковъ: — милѣйшій Гаутингеръ, вы написали статью? знаете, ту?

— Написалъ, господинъ Шмей. Не угодно ли посмотрѣть?

Шмей взялъ листокъ и прочелъ заглавіе:

Свобода и церкви!

— Отлично, великолѣпно! Да, свобода всюду! Свобода и католицизму!

Онъ быстро просмотрѣлъ всю статью.

— Хорошо, хорошо! Вы меня поняли, очень удачно все это изложили. Я только черкну еще кое-гдѣ по словечку, и статьи готова!

Шмей взялъ перо и сѣлъ за письменный столъ.

— Послушайте! Клейнцугъ!

Клейнцугъ влетѣлъ, какъ птица изъ сосѣдней комнаты.

— Что вамъ угодно, господинъ Шмей?

— Да, въ завтрашній номеръ статью надо. Напишите, пожалуйста. Дѣло вотъ въ чемъ: правительство значительно увеличило составъ полиціи и жандармовъ, и общество относится къ этому какъ-то недовѣрчиво — понимаете? Надо подобрать рядъ маленькихъ фактовъ, которые бы указывали на необходимость этой силы, на ея пользу. Если вы не найдете примѣровъ подъ руками, то... Да какъ не найти! Вы человекъ талантливый, и пустяками не станете затрудняться! Такъ я на васъ полагаюсь? Вы понимаете, въ чемъ дѣло?

— Понимаю, господинъ Шмей! Я постараюсь выразить въ статьѣ...

— Да, да, пожалуйста!

Оставшись вдвоемъ съ Гаутингеромъ, Шмей сказалъ:

— А я въ затруднительномъ положеніи. Всѣ газеты высказываютъ свое мнѣніе по поводу отставки Тибольдсегга, только наша газета нигугу. Я положительно не знаю, что сказать. Я ѣздилъ къ князю посоветываться, а онъ говоритъ: предоставляю все вашему такту! Ему хорошо предоставлять!

— Мнѣ кажется, сказалъ Гаутингеръ:— надо что-нибудь написать.

— Я набросалъ нѣсколько строкъ, только все сомнѣваюсь... прочтите ихъ, милѣйшій, и скажите ваше мнѣніе.

Гаутингеръ принялся читать поданную ему рукопись, а Шмей взялся опять за поправку статьи.

— Чего жъ вы сомнѣваетесь, сказалъ Гаутингеръ, окончивши чтеніе.

— Ваша замѣтка образцовая! Въ ней выражается и сожалѣніе, что такой достойный сановникъ сходитъ со сцены, и есть намекъ, что ему давно пора съ нею сойти; вы отдаете справедливость его уму и талантамъ, — и тутъ же наглядно показываете, что взглядъ у него несовременный, что онъ поотсталъ... И деликатно и сильно, — статья написана на славу!

— Такъ посылайте въ типографію!

У дверей постучались.

— Войдите, сказалъ Шмей.

Въ кабинетъ вошелъ знакомый читателю щеголь Бурда.

Шмея покорило; но какъ человекъ, умѣющій владѣть своимъ чувствами, онъ встрѣтилъ агента князя Кроненбурга съ самымъ привѣтливымъ видомъ.

— Добро пожаловать, любезнѣйшій Бурда! вскрикнулъ редакторъ, крѣпко пожимая руку шпиону. — Какія вѣсти приносите?

— Да я по своему дѣлу. Можете вы мнѣ удѣлить четверть часика?

— Я очень занятъ и каждая минута мнѣ дорога, но для васъ конечно я найду время. Неужодно ли сигару? Вотъ огонь. Ну, чѣмъ же я могу вамъ служить?

Тутъ Шмей замѣтилъ, что у Бурды сильно распухъ правый глазъ и что Бурда норовитъ садиться къ нему лѣвымъ бокомъ.

— Вы конечно знаете, что въ послѣднее время я познакомился съ вашимъ пріятелемъ, г. Штроппомъ. Я даже ему оказалъ нѣкоторыя услуги. Я никогда не ожидалъ, что г. Штроппъ оплатитъ мнѣ такую черною неблагодарностью!

— Что такое? Вѣрно какое-нибудь недоразумѣніе. Я знаю, Штроппъ дѣлаетъ вамъ очень расположенъ. Да что это у васъ съ правымъ глазомъ?

— Теперь, слава Богу, уже проходитъ, сказалъ Бурда, съ благородной откровенностью показавъ распухшій глазъ, украшенный двумя фіолетовыми рубцами. — Это несчастье постигло меня четырнадцать дней тому назадъ.

— Да какъ же это?

— Видите, сдѣлано покушеніе на мою жизнь. Человекъ это, конечно, самый низкій, самый безнравственный; прошедшее его самое подозрительное.

— Ну да что же, онъ глазъ подбилъ?

— Его посадили на три недѣли — ну, что это за наказаніе! Всего три недѣли! Я ему этого не спущу! Я вотъ только жду, чтобъ его выпустили, — я ему удружу!

— Да съ чего же онъ на васъ напалъ?

— Разбойникъ, дезертиръ, — его давно слѣдовало упрятать куда нибудь въ тюрьму! Онъ, видите, служилъ у князя берейторомъ, ну, и князь ему отказалъ. Онъ начинаетъ орать, обвиняетъ во всемъ меня и въ тотъ же вечеръ я гуляю въ паркѣ, вдругъ онъ выдвигается на меня съ кнутомъ. Онъ бы меня захлесталъ до смерти, коли бъ не отбили княжескіе кучера.

— Какая дерзость! сказалъ Шмей. — Какъ этого негодяя зовутъ?

— Стефанъ Небой.

— Ну, что же вы хотѣли сказать о Штроппѣ?

— Да видите, нѣсколько дней тому назадъ я писалъ г. Штроппу и просилъ внести за себя пять тысячъ гульденовъ, т. е. купить

для меня акцій. Что жъ, вы думаете, онъ отвѣтилъ? Прислалъ мнѣ сто гульденовъ! Каково вамъ это кажется? Послать мнѣ, словно милостыню! А я, вы знаете, какъ ему служилъ! Сколько для него сдѣлалъ, такъ вѣдь это уму невообразимо! Нельзя ли вамъ внушить г. Штроппу, что такъ оскорблять честныхъ людей нельзя! Я не нищій! Какъ же это онъ могъ рѣшиться такъ обидѣть меня?

— Вы отослали ему назадъ эти сто гульденовъ? спросилъ Шмей.

— Нѣтъ, еще не отсылалъ. Я погожу, пока все это дѣло хорошенько выяснится. Лучше я перетерплю несправедливость, чѣмъ обижу другаго. Вы спросите г. Штроппа, что все это значить.

— Непремѣнно спрошу, сказалъ Шмей.

— Вы понимаете, что тутъ оскорблена моя честь!

— Понимаю, понимаю! отвѣчалъ Шмей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дипломатъ въ отставку.

Графъ Тибольдсеггъ былъ какъ громомъ пораженъ своею отставкой. Онъ даже слегъ въ постель.

Между тѣмъ Бруно уговорилъ Корнелію бѣжать.

Сначала это ужаснуло Корнелію. Она привыкла слѣпо повиноваться отцу и къ тому же она отца любила. Долго она боролась и мучилась, пока рѣшилась.

Все было готово, какъ вдругъ графъ заболѣлъ.

Корнелія конечно не захотѣла бросить больного, и бѣгство было отложено. Она ничего не знала объ отставкѣ отца, но видѣла, что онъ чѣмъ-то убитъ и это ее терзало.

Понемногу графъ началъ оправляться. Онъ разсказалъ дочери о своемъ паденіи очень искусно, такъ что въ конецъ ее разжалобилъ.

— Но это не главное мое горе, сказалъ онъ тихо и кротко. — Главное мое горе это то, что ты ко мнѣ перемѣнилась. Ты уже не любишь меня. И ты права. Я огорчилъ тебя, я оскорбилъ тебя, — я это знаю. Прости меня, Корнелія! Мнѣ было очень тяжело, — прости меня!

Корнелія схватила его руки и зарыдала.

— Милый, милый папа! Я тебя люблю, какъ прежде! Мнѣ было очень тяжело. Я не хотѣла ничего отъ тебя тайть...

— Корнелія, я желаю только одного: чтобы ты считала меня твоимъ вѣрнымъ, беззавѣтно тебѣ преданнымъ другомъ, сказалъ графъ еще мягче и кротче. — Обѣщай мнѣ это!

— Обѣщаю, сказала Корнелія.

— Повѣрь, я не буду мѣшать твоему счастью; оно для меня дороже всего въ мірѣ. Я тобой вѣдь только и живу, сказалъ графъ совсѣмъ мягко и кротко, даже голосъ его нѣсколько дрожалъ.

Въ порывѣ чувствъ дипломатъ простеръ обѣ руки къ дочери и заключилъ ее въ свои объятія.

— Мы не можемъ здѣсь оставаться, сказалъ онъ нѣсколько усноковившись, тѣмъ же мягкимъ и кроткимъ голосомъ. — Мы поѣдемъ въ Италію, въ Венецію. Мы выѣдемъ недѣля черезъ двѣ, черезъ три.

Этотъ разговоръ измѣнилъ рѣшеніе Корнелія.

— Еслибъ ты зналъ, какъ онъ добръ, какъ любитъ меня! сказала Корнелія Бруно. — Онъ не будетъ намъ мѣшать. Онъ только боялся за мое счастье, а теперь онъ согласенъ. Какъ только онъ оправится, я тебѣ напишу и ты пріѣжай въ Венецію.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Бруно:— что онъ никогда не согласится.

— Если не согласится, то я уйду съ тобой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЕНЕРАЛЪ ВСТРЕВОЖЕНЪ.

Бруно въ страшной тоскѣ сидѣлъ дома. Онъ только что вернулся съ желѣзной дороги, куда ѣздилъ провожать Корнелію.

Вошелъ слуга и подалъ ему записку отъ Артура.

Въ запискѣ было:

«Приходи сію минуту».

Бруно тотчасъ же пошелъ. Его встрѣтилъ Граувакъ.

— Ну ночка! сказалъ Граувакъ. — Артуръ сломалъ себѣ руку! Входи скорѣй!

Артуръ лежалъ на диванѣ блѣдный, какъ смерть.

— Все это пустяки, сказалъ онъ: — но она!

Онъ указалъ глазами на сосѣднюю комнату. Бруно туда вошелъ.

Комната была слабо освѣщена лампой, на кровати лежала Леона, а надъ ней стоялъ докторъ и прикладывалъ ледъ къ ея вискамъ.

Бруно былъ пораженъ. Онъ до сихъ поръ не зналъ о ея любви къ Артуру. Онъ тихонько вышелъ изъ спальни и вернулся къ Артуру.

— Чтò дѣлать? сказалъ Артуръ.

— Мнѣ кажется, ее надо перевезти домой, отвѣчалъ Бруно.

Граувакъ взялся сопровождать больную и объясняться съ генераломъ.

— Вы сначала постарайтесь вызвать ея горничную, французенку Сюзанну, сказалъ Бруно. — Она вамъ все устроитъ.

На разсвѣтѣ у подъѣзда генерала Грейфенштейна остановилась карета.

Граувакъ позвонилъ и послалъ дворника за горничной Сюзанной.

Горничная Сюзанна въ ту же минуту выпорхнула на крыльцо.

— Милосердый Боже! вскрикнула она, всплескивая руками. — Баронесса безъ чувствъ!

— Съ ней случилось несчастье, — лошади понесли, карета опрокинулась, — уложите ее скорѣй въ постель и пошлите за докторомъ.

Баронессу понесли на верхъ. Граувакъ шепнулъ Сюзаннѣ:

— Баронесса поѣхала прощаться съ графиней Тибольдсеггъ, на дорогѣ встрѣтила ротмистра Гальденрида и пригласила его съ собою; лошади понесли... доложите объ этомъ генералу. Онъ згаеть, что баронессы нѣтъ дома?

— Господи! бѣдный старичокъ ничего не знаетъ! отвѣтила Сюзанна. — Онъ спитъ!

— Разбудите его и вотъ, дайте ему мою карточку.

Генераль Грейфенштейнъ чрезвычайно встревожился и огорчился и вмѣстѣ съ тѣмъ разсердился.

— Бѣдная, бѣдная! говорилъ онъ. — Пошлите за всѣми докторами. Это чортъ знаетъ, что такое! И къ чему тутъ этотъ ротмистръ подвернулся? Бѣдная! Да вѣдь графиня Тибольдсеггъ уѣхала еще въ восемь часовъ вечера? Что же доктора? Отчего ихъ до сихъ поръ нѣтъ? Бѣдная! О, женщины!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Завѣщаніе.

Болѣе мѣсяца ужъ прошло послѣ отъѣзда Корнелии въ Венецію. Письма отъ нея приходили очень рѣдко; графъ все еще не поправился, и хотя она не жаловалась, видно было изъ каждаго слова, что ей живется трудно.

Бруно давно бы уѣхалъ къ ней, но его удержала болѣзнь дяди. Старикъ былъ при смерти.

— Я скоро умру, Бруно! сказалъ онъ разъ по утру. Я это чувствую. Я все оставляю тебѣ.

Онъ нѣсколько минутъ помолчалъ, потомъ заговорилъ опять:

— Бруно! не сбивайся съ пути! Вытаскивай другихъ изъ ому-та, но самъ туда не попадись! Помни это! Вотъ тутъ мое завѣща-ніе, — ты мой наслѣдникъ.

— Артуръ...

— Артуръ прикроется черножелтымъ знаменемъ! Помни же, что я тебѣ сказалъ: вытаскивай изъ ому-та, но самъ берегись, туда не попади!

Это были послѣднія слова старика. Къ разсвѣту онъ умеръ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

П р и з н а н і е .

— Прощай, Артуръ! Я сегодня ѣду въ Венецію, сказалъ Бруно. — А что, какъ здоровье баронессы?

— Ей лучше.

— Что ты такъ грустенъ?

— Да все плохо! Задумали мы устроить ея разводъ съ мужемъ, да Богъ вѣсть, какъ это будетъ и когда кончится. Если даже все устроится самымъ лучшимъ образомъ, такъ и то радость будетъ отравлена: намъ будетъ вѣсть нечего.

— Неужели ты думаешь, что я...

— Не договаривай! Покойный дядя лишилъ меня наслѣдства, и я скорѣй умру голодной смертью, чѣмъ возьму хоть копейку изъ твоихъ денегъ. Пусть его завѣтъ будетъ исполненъ, прибавилъ ротмистръ съ горечью.

— Но вѣдь я тебѣ родной братъ и дядя никогда не предпола-галъ, что я могу...

— Перестанемъ говорить объ этомъ! Прощай, Бруно!

Онъ обнялъ его и быстро вышелъ изъ комнаты.

— Ты къ ней? спросилъ Бруно, догнавъ его на улицѣ.

— Къ ней. Прощай.

Леони сидѣла въ креслѣ, еще обложенная подушками, и нетерпѣ-ливо вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ. Она уже три дня не по-лучала писемъ отъ Артура и самъ онъ не являлся.

— Я никогда не думалъ, что ты такъ скоро поправишься, го-ворилъ генералъ Грейфенштейнъ, сидѣвшій противъ жены въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. — Докторъ сказалъ правду: спокойствіе лучшее для тебя лекарство.

— Спокойствіе, а не скука, отвѣтила Леони. — Съ утра до вечера сижу одна, ни души не вижу...

— Тебѣ нельзя принимать гостей! возразилъ генераль. — Докторъ сказалъ, что это тебя волнуешь.

— Хоть бы ротмистръ Гальденридь пришелъ! Отчего это онъ такъ долго не былъ?

— Имѣеть причину не бывать, потому и не былъ.

Леони вскочила съ кресла.

— Я это подозрѣвала! Я это знала! Ты изволилъ затѣять съ нимъ ссору? Ты отказалъ ему отъ дома? Ты всегда гонишь тѣхъ, кто мнѣ нравится!

— Съ чего ты поднимаешь такой шумъ? Ты знаешь, докторъ тебѣ запретилъ раздражаться.

— Что мнѣ докторъ! Что мнѣ здоровье! вскрикнула Леони. — Очень я дорожу жизнью! Это не жизнь, а мученье! Ты желаешь угощать меня своими товарищами? Я ихъ терпѣть не могу, видѣть не хочу! Я хочу имѣть своихъ знакомыхъ, по своему вкусу! Ротмистръ...

— Чтò это съ тобою? сказалъ генераль съ безпокойствомъ. — Глядя на тебя, можно подумать, что въ бабьихъ сплетняхъ есть доля правды. Но ради Бога садь, не волнуйся! Докторъ сказалъ...

— Лучше бы меня до смерти раздавило колесами! вскрикнула Леони со слезами.

— Тьфу ты пропасть! сказалъ огорченный генераль: — и съ чего ты мучишь себя и другихъ? Я съ ротмистромъ не говорилъ, не видался, забылъ думать о немъ, — за что ты напустилась на меня? Если онъ не идетъ, значитъ есть причина, значитъ онъ еще не такъ здоровъ, или что-нибудь задержало. По настоящему онъ долженъ отправляться къ своему эскадрону, а не развѣзаться съ визитами къ дамамъ. Ужъ и безъ того начальство очень косо на него смотреть.

— Глупое начальство, и больше ничего! Начальство! Конечно, не начальству оцѣнить порядочнаго человѣка!

— Оно бы, конечно, лучше для него, еслибъ начальство такъ же милостиво къ нему относилось, какъ ты: тогда бы онъ получилъ орденъ, а теперь получить строгій выговоръ. Да! Я слышалъ, онъ взятъ на замѣчаніе еще за какія-то глупыя разсужденія о преобразованіи арміи. Кажую-то онъ книжку написалъ, или хотѣлъ написать, хорошенько не знаю, только онъ взятъ на замѣчаніе. Вотъ, какъ засадятъ его лѣтъ на десять, такъ будетъ знать преобразовывать армію! Я этому буду очень радъ: я предвижу...

— А, такъ вотъ что вы противъ него затѣваете? Какая низость! Какая подлость! Какъ вы смѣете признаваться...

— Да, что жь это наконецъ? сказалъ генераль.— Тутъ и оселъ догадается! Я теперь вспоминаю и соображаю, что въ Красницѣ...

— Не трудись вспоминать и соображать! Я тебѣ сама скажу: я люблю его! Я измѣнила тебѣ! Я за него готова жизнь отдать! Гони меня! Позоры! Мнѣ все ни почемъ!

Генераль былъ ошеломленъ и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на жену во всѣ глаза съ ужасомъ и замѣшательствомъ. Наконецъ, придя нѣсколько въ себя, онъ проговорилъ:

— Я не знаю, въ здоровомъ ли ты разсудкѣ. Что это бредъ, или правда?

Онъ схватилъ колокольчикъ и позвонилъ.

— Просить ко мнѣ ротмистра Гальденрида, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Лакей встрѣтилъ Артура уже на дорогѣ и передалъ ему приглашеніе генерала.

Артуръ, не подозрѣвая бури, вошелъ въ генеральскую гостиную.

Генераль стоялъ у окна и глядѣлъ на улицу. Леони лежала въ креслѣ, закрывъ лицо платкомъ.

— Артуръ! вскрикнула она, вскочила и съ рыданіемъ кинулась къ нему.

Ротмистръ растерялся отъ этого приѣма, поблѣднѣлъ и слегка отстранилъ отъ себя Леони. Генераль тоже растерялся, уставился глазами въ окно и началъ изъ всей силы барабанить по стеклу пальцами.

Артуръ, принявъ волненіе Леони за болѣзненное разстройство, старался знаками и взглядами ее образумить.

— Онъ все знаетъ! вскрикнула Леони. — И слава Богу! Пора, наконецъ, все это покончить!

Тутъ генераль подошелъ къ ротмистру и сказалъ ему дрожащимъ отъ злобы голосомъ:

— Позволю себѣ спросить васъ, г. ротмистръ: моя жена съума сошла, или... она осмѣлилась мнѣ признаться, что... отвѣчайте!

— Баронесса это сказала? проговорилъ Артуръ едва слышно.

— Да, да, она это сказала, отвѣтилъ генераль. — Она призналась, что вы съ ней въ любовныхъ отношеніяхъ.

— Вы сказали? спросилъ Артуръ, обращаясь къ Леони.

— Да, сказала! Наконецъ-то! Теперь ни лжи, ни хитростей, — наконецъ-то!

— Баронесса! проговорилъ ротмистръ.

— Зачѣмъ ты меня называешь баронессой?

— Объясните же, г. ротмистръ! Она забѣсилась, что ли? вскрикнулъ генераль.

— Генераль! баронесса сказала вамъ правду: я имѣлъ несча-

стіе полюбить ее, имѣлъ слабость сказать ей объ этомъ, но ябд-
ный солдатъ и понимаю свое положеніе.

— И это твоя любовь! вскрикнула Леони въ ужасѣ.—И я глупа
могла...

Она отчаянно всплеснула руками.

— Я не поддамся вашему безумству: мой долгъ удержать васъ
отъ гибели, отвѣтилъ ей ротмистръ. — Я нищій. Генералъ! я го-
товъ дать вамъ какое угодно удовлетвореніе. Я уѣзжаю завтра.

— Я ни минуты не останусь въ этомъ домѣ, проговорила Леони.

— А ты думаешь, я тебя стану удерживать, сказала генералъ.—
Отправляйся куда и когда хочешь. Прощайте, г. ротмистръ!

Ротмистръ направился къ дверямъ.

Леони вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Нѣсколько дней спустя ротмистръ Гальденрихъ явился къ своему
полку, а баронесса Грейфенштейнъ отправилась въ Парижъ къ
своей теткѣ, виконтесѣ Вернье.

Удивленный и огорченный генералъ неожиданно очутился добро-
вольнымъ вдовцомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Б а л ь.

Недоразумѣніе съ Бурдой по поводу «безсердечной» присылки
ста гульденовъ было удовлетворительно объяснено къ взаимному
удовольствію шпіона и банкира. Дружба ихъ укрѣпилась.

Дальновидный Арнольдъ Штроппъ недаромъ говорилъ робкому
доктору Шмею, что бояться нечего. Красницкія акціи, правда, вре-
менно пали, но затѣмъ снова поднялись выше прежняго: Всѣ дѣла
Штроппа вообще такъ шли блистательно, что онъ счелъ прилич-
нымъ дать балъ.

Холодная январьская ночь. Карета за каретой подвигается къ
освѣщенному подъѣзду банкира; дама за дамой вышаркиваетъ и
летитъ вверхъ по установленной цвѣтами лѣстницѣ, блистая если
не красотой, то нарядомъ. Зала уже полна. Здѣсь и чиновники, и
банкиры, и литераторы, и даже попадаются аристократы.

Балъ начался. Докторъ Шмей граціозно танцуетъ первую га-
дриль и по окончаніи танца ведетъ свою даму, прелестную Лизу
Штроппъ, на мѣсто, стараясь вразумить ее нѣжными улыбками и
томными взорами.

Прелестная Лиза слушаетъ его съ улыбкой, но разсѣянно и все
кого-то ищетъ глазами.

Подведа ее къ мѣсту, докторъ Шмей садится около нея. Въ его сердцѣ начинается разгораться пламя ревности. Онъ замѣчаетъ, куда обращаются прекрасные глаза его дамы; онъ видитъ какого-то необычайно статнаго и красиваго молодого человѣка, который, между тѣмъ, раскланивается съ проходящей дамой въ бѣломъ платьѣ и вступаетъ съ ней въ разговоръ.

— Посмотрите! живо говорить прелестная Лиза.—Посмотрите! Дочь г. Эггерсдорфа, — видите въ бѣломъ?

— Я ее знаю, отвѣчаетъ Шмей.

— Совсѣмъ она не хороша! Даже не интересна! За что это ее прославили красавицей? Съ чего молодые люди сходятъ по ней съ ума?

— Вамъ ли завидовать ея успѣхамъ!

— Да, нѣтъ, я вѣдь только говорю, что мнѣ удивительно...

— И кто же за ней ухаживаетъ? Развѣ только этотъ статный господинъ, который теперь съ ней разговариваетъ. Такъ вѣдь съ перваго взгляда видно, что онъ за птица: пустоголовный франтъ, и больше ничего!

— Что это вы! Это г. Гамденъ! почти вскрикнула прелестная Лиза, и вспыхнула съ досады.

— Гамденъ—это американецъ, что служить у васъ въ конторѣ?

— Такой умный, такой любезный!

— Вы, вѣроятно, часто пользуетесь его обществомъ?

— Нѣтъ, рѣдко. Онъ скоро женится.

— Да вѣдь невѣста пока въ Нью-Йоркѣ!

— Нѣтъ...

Но въ эту минуту красивый и статный г. Гамденъ направился къ нимъ и прелестная Лиза, не договоривъ фразы, обратилась къ американцу:

— Погодите! Я завтра же напишу вашей невѣстѣ анонимное письмо и все расскажу ей, какъ вы тутъ ухаживаете за дамами!

— Сударыня, отвѣтилъ статный и красивый Гамденъ: — еслибъ я былъ заносчивъ и легковѣренъ, я бы возмечталъ о себѣ въ настоящую минуту очень высоко. Какъ! вы удостоили обратить на меня вниманіе среди толпы такого избраннаго общества!

Статный и красивый Гамденъ сѣлъ возлѣ нея.

Глубоко оскорбленный редакторъ «Дунайскаго Княжества» отошелъ, и желая увѣриться въ справедливости своихъ подозрѣній, употребилъ простой, но вѣрный способъ: сталъ подглядывать и подслушивать.

Ему недолго пришлось ждать. Скоро онъ услышалъ, какъ простодушная Лиза говоритъ:

— Не смѣйте же говорить съ ней, ни танцовать! Слышите! Иначе между нами все кончено!

Арнольдъ Штроппъ блисталъ между гостей, какъ солнце. Вдругъ къ нему приблизился официантъ и тайственно доложилъ, что его вызываетъ г. Брукнеръ по «очень важному» дѣлу.

— Что случилось, Брукнеръ? спросилъ Штроппъ, глядя на взволнованное лицо своего кассира.

— Я открылъ, кто подсовываетъ намъ фальшивые билеты, сказалъ Брукнеръ, притворяя двери.

— Кто же?

— Гамденъ.

— Гамденъ?! Чѣмъ вы это можете доказать?

— Сегодня утромъ я аккуратно отсчиталъ Натану Мейеру пятнадцать тысячъ гульденовъ и положилъ ихъ на конторку. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ Гамдена. Черезъ часъ беру, пересматриваю и нахожу между ними фальшивыя бумажки. Я рѣшился освидѣтельствовать его бюро, повалъ слесаря...

— Ну, и что нашли?

— Фальшивые кредитные билеты на десять тысячъ гульденовъ.

— А я-то, я-то считалъ его за простака! О!

— Не теряйте времени. Пойдемте въ его комнату, осмотрите сами и пошлемъ за полиціей.

Они поднялись въ третій этажъ, въ комнату Гамдена. Брукнеръ подошелъ къ бюро, открылъ потаенный ящикъ и показалъ Штроппу фальшивые билеты. Штроппъ тщательно осмотрѣлъ ихъ и сказалъ:

— Сомнѣнія нѣтъ! зовите скорѣй полицію, только, пожалуйста, постарайтесь, чтобы не было шуму.

Едва успѣлъ онъ договорить, какъ на лѣстницѣ послышались шаги и Гамденъ вошелъ въ комнату.

Увидавъ неожиданныхъ гостей, онъ остановился, плотно заперъ дверь и безъ всякаго волненія, безъ всякой перемѣны въ лицѣ, вопросительно на нихъ поглядѣлъ.

— Вы теперь будете отпираться! крикнулъ Штроппъ.

— Нѣтъ, г. Штроппъ не буду, хладнокровно отвѣчалъ Гамденъ.

— Значить, не о чемъ разсуждать, сказалъ кассиръ.

— Это дѣло наше, мое и г. Штроппа, а вась прошу не мѣшаться.

— Я не мѣшаюся, а пойду за полиціей.

Кассиръ хотѣлъ отворить дверь.

— погодите, сказалъ ему Штроппъ. — Ну, извольте объясниться, обратился онъ грубо къ Гамдену. — Что вы мнѣ скажете?

— Скажу, что въ вашихъ выгодахъ отнестись къ этому дѣлу помягче.

— Это почему? Говорите яснѣе!

— Сперва позвольте мнѣ, сказалъ Гамденъ, быстро подойдя къ бюро и выхвативъ револьверъ: — взять эту вещичку.

Онъ снова подошелъ къ двери и заступалъ выходъ.

Кассиръ, слабый, тщедушный старикъ страшно испугался и отскочилъ, какъ ужаленный. Штроппъ схватилъ стулъ и замахнулся на американца.

— Полноте! сказалъ спокойно Гамденъ. — Вы лучше меня выслушайте.

— Такъ говорите же! крикнулъ Штроппъ.

— Разсмотримъ двѣ вещи: вопервыхъ, какой убытокъ я принесъ вамъ своими фальшивыми билетами, а, во вторыхъ, какой вредъ я могу вамъ принести на допросѣ. Если принять во вниманіе залогъ, что вы мнѣ не возвратили, то убытки ваши невелики.

— Подожми! Что же дальше?

— Дальше то, что я недаромъ служилъ у васъ въ конторѣ. Я все подмѣчалъ, за всѣмъ слѣдилъ и накопилъ довольно значительный матеріалъ...

— Что это вы, угрожаете?

— Вы сами хорошо знаете, что за вашей конторой водятся довольно интересные грѣшки, и что мнѣ будетъ о чемъ поболтать на допросѣ. Прибавлю, что я запасаюсь нужными доказательствами, слѣдовательно...

— Какъ бы тамъ ни было, а я васъ покрывать не могу! сказалъ Штроппъ въ сильномъ волненіи. — Почему я знаю, можетъ, завтра же васъ схватятъ и дознаются, что у меня, съ моего вѣдома, жилъ дѣлатель фальшивыхъ билетовъ! Что жъ тогда? Пугайте сколько хотите вашимъ револьверомъ, а я все-таки долженъ послать за полиціей.

— Позвольте, я еще кое-что сообщу вамъ.

— Не трудитесь! Я скорѣй позволю убить себя...

— Экой у васъ горячій темпераментъ! Но благоразуміе возьметъ верхъ, я знаю. Я дѣйствовалъ заодно съ вашимъ братомъ.

— Съ моимъ братомъ! У меня нѣтъ брата!

— А братъ Филиппъ.

— Онъ умеръ! Повѣсился!

— Конечно, это было бы для васъ пріятнѣе, но Филиппъ живъ.

— Я самъ видѣлъ его трупъ!

— То-есть видѣли чей-то трупъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые Черно-желтой знамя.

соображенія заставили насъ въ то время распустиль слухъ о смерти Филиппа и подстроить всю эту комедію. Что будешь дѣлать! Приходится иногда прибѣгать къ довольно эксцентричнымъ вещамъ.

— О, это ложь!

— Погодите, убѣдитесь. Филиппъ подалъ мнѣ мысль поступить къ вамъ въ контору.

— Такъ это онъ! О, какая новость!

— А вы чего ожидали? Вы его оставили безъ куса хлѣба, а я ему помогъ. Если я выйду благополучно и спокойно изъ вашего дома (въ чемъ я не сомнѣваюсь), то мы вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же покинемъ этотъ край, а если...

— Чѣмъ вы докажете, что Филиппъ живъ?

— Будьте такъ добры, г. Бруннеръ, выньте изъ бюро, изъ верхняго ящика, — письма.

Онъ бросилъ ему ключикъ.

Штроппъ самъ его поднялъ, отперъ указанный ящикъ, досталъ изъ него около десятка писемъ и передалъ ихъ Гамдену.

Гамденъ выбралъ одно и спросилъ:

— Знаете вы барона Шнорра?

— Отъ роду не слыхивалъ этого имени.

— Во всякомъ случаѣ вы почеркъ узнаете. Вотъ!

Онъ подалъ Штроппу письмо.

— Это рука Филиппа, то-есть я хочу сказать очень похожа.

— Это писалъ Филиппъ, такъ не мудрено, что похоже. А вотъ еще письмо, видите? отъ 8 января. А вотъ еще два письма. А вотъ еще одно, сегодня передъ баломъ только получилъ. Видите: графу Визони? Я иногда графомъ Визони называюсь, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Вы Визони? вскрикнулъ Штроппъ, впиваясь въ него глазами.

— Я, отвѣчалъ Гамденъ, любезно повертываясь передъ банкиромъ во всѣ стороны и позволяя такимъ образомъ съ удобствомъ любоваться изящнымъ покроемъ чернаго фрака, элегантно повязаннымъ бѣлымъ галстукомъ, плѣнительно подвитыми кудрями и цвѣткомъ бѣлой камелии, которую прекрасная банкирша выбрала изъ своего букета и собственноручно воткнула въ петличку счастливаго американца.

— Гдѣ жъ теперь Филиппъ?

— А! Это моя тайна. Могу васъ увѣрить, что Филиппъ въ безопасности. Онъ явится только въ крайнемъ случаѣ, напримѣръ, если вы повредите мнѣ. Онъ тоже можетъ сообщить кое-какія свѣдѣнія о вашей дѣятельности.

Нѣсколько минутъ Арнольдъ Штроппъ молчалъ; затѣмъ, направляясь къ дверямъ, угрюмо проговорилъ:

— Завтра поутру я донесу на васъ, а пока убирайтесь!

Гамденъ пропустилъ его и кассира въ двери, потомъ спокойно началъ укладываться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЕРЕНОСИТЬ ЧИТАТЕЛЯ ВЪ КРАЙ, ГДѢ ЦВѢТУТЪ АНЕЛЬ-
СИНЫ И ЗРѢЮТЪ ЛИМОНЫ.

Оружіе Радецаго и бомбы неаполитанскаго короля не вполнѣ умнотворили безпокойную Италію. Безпрестанно то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ вспыхивали искорки и правительственныя лица металсь изъ стороны въ сторону, стараясь тушить живущее пламя.

Въ это время графъ Тибольдсеггъ прибылъ въ Венецію. Онъ нанялъ домъ на берегу канала и устроился въ немъ очень удобно.

Прежде всего графъ позаботился найти для Корнеліи приличное общество. Онъ началъ бывать въ аристократическихъ собраніяхъ, встрѣтился съ маркизомъ и маркизою Пиньятелли и завелъ съ ними знакомство.

Маркиза очень понравилась Корнеліи; она не только не избѣгала ея общества, но скоро сама стала его искать. Графъ былъ этимъ чрезвычайно доволенъ, однако, какъ человѣкъ осторожный, счелъ нужнымъ навести кое-какія справки о новыхъ знакомыхъ. Онъ узналъ, что маркизъ потомокъ древняго, знатнаго, венеціанскаго дома, мужчина самыхъ благонамѣренныхъ воззрѣній: сочувствуетъ Австріи; прошедшее его, равно какъ и настоящее, славно обѣдами, балами, маскарадами, дружбой съ высокопоставленными особами, пожертвованіями въ пользу святаго Петра и т. п.

Что касается до маркизы, то она замѣчательна была привлекательною наружностью, а еще болѣе какою-то особою энергіей, сказывавшейся въ каждомъ ея словѣ, движеніи и взглядѣ. Впрочемъ, это была, повидимому, женщина спокойная, немѣшающаяся въ чужія дѣла, — безопасная. Эта смѣсь прорывавшейся энергіи и постоянного спокойствія именно плѣняла въ ней всего болѣе. Самъ графъ Тибольдсеггъ незамѣтно поддался очарованію и изъза ея привѣтливаго, но холоднаго слова готовъ былъ бросить всѣ свои дѣла и летѣть туда, гдѣ надѣялся ее встрѣтить.

Пиньятелли былъ женатъ всего два года; женился онъ заграни-

цею и только что возвратился въ Италію. Онъ былъ уже человекъ пожилой, на видъ дряблѣй и добродушный.

«Какъ это она вышла за него!» не разъ думала Корнелія.

Мало по малу Корнелія повѣрила маркизѣ печальную исторію своей любви. Она умолчала только о задуманномъ бѣгствѣ въ случаѣ отповскаго отказа, умолчала потому только, что Бруно просилъ ее никому на свѣтѣ этого не говорить.

Маркиза слушала ее съ большимъ участіемъ. Очень подробно обо всемъ спрашивала, дала нѣкоторые дѣльные совѣты; но откровенностью за откровенность не заплатила. Нетрудно было понять, что она никогда не могла любить Пиньятелли, что была совершенно одинока и никого изъ окружающихъ не чтитъ особою дружбою.

Разъ Корнелія вдругъ стала передъ ней на колѣни, обняла ее и сказала:

— Лидія! мнѣ кажется ты очень несчастна.

— Отчего же тебѣ кажется, что я несчастна?

— Ты вѣрно любишь другаго... Ты борешься... Ахъ, это ужасно! Эта борьба, эти волненія...

— Нѣтъ ни борьбы, ни волненій: я люблю не живаго, а мертваго.

— Какъ мертваго! вскрикнула Корнелія.

— Онъ умеръ, пояснила маркиза.

Лицо ея вдругъ какъ будто преобразилось: оно теперь дышало глубокою нѣжностью и невыразимой тоскою.

Вошелъ маркизъ и завелъ разговоръ о предстоящемъ маскарадѣ.

Нѣсколько дней спустя, подруги снова сѣдѣли вмѣстѣ у маркизы; на этотъ разъ онѣ бесѣдовали о политикѣ, или лучше сказать о неудобствахъ, которыя доставляютъ мирнымъ гражданамъ политическія смуты.

— Я вотъ, богъ знаетъ, сколько времени не получаю изъ Англіи писемъ, сказала маркиза.— Это очень неприятно. У меня въ Англіи есть близкіе знакомые, можно сказать друзья. Если итальянецъ, или итальянка переписывается съ кѣмънибудь изъ Англіи, ужъ это кажется подозрительнымъ.

— Знаешь что, сказала Корнелія:— пусть твои друзья пишутъ тебѣ на мое имя. Намъ отовсюду всѣ письма доставляются безъ задержки.

— Это было бы, конечно, очень хорошо, отвѣчала маркиза:— но твой отецъ...

— Да отецъ не обратитъ на это вниманія. У меня тоже много знакомыхъ въ Англіи, и я съ ними всегда переписываюсь. Отецъ это знаетъ.

— Я очень тебѣ благодарна!

Черезъ пять дней Корнелія получила изъ Англии письмо къ маркизѣ, и съ той поры маркизини друзья стали аккуратно каждую недѣлю извѣщать ее о себѣ.

Наступилъ знаменитый венеціанскій карнавалъ; въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней полиція разрѣшила жителямъ наряжаться и веселиться.

Въ первый день карнавала графъ Тибольдсеггъ отправился на балъ къ одному германскому принцу, проводящему зиму въ Венеціи. Корнелія, несмотря на всѣ просьбы отца, рѣшительно отказалась отъ бала.

Вечеру, часовъ въ девять, маркиза пріѣхала провѣдать подругу.

— Что это значитъ? спросила маркиза, посмотрѣвъ кругомъ. — Ты куда-то собираешься?

Въ комнатѣ Корнелія былъ большой беспорядокъ: всѣ ея вещи были раскиданы, всѣ ящики выдвинуты, всѣ шкафы открыты.

— Нѣтъ, отвѣчала Корнелія. — Я просто убираю свои вещи.

— Я тебя ждала вчера, сказала маркиза. — Не допытывайся болѣе: твой отецъ говорилъ намъ, что ты нездорова.

— Нѣтъ, я не хочу тебя обманывать! Я не просто убираю вещи, я... Я говорила съ отцомъ, я убѣдилась, что мнѣ нечего на него надѣяться! Я долго терпѣла — больше не могу! За что же я буду губить и мое и его счастье?

— Что жъ ты хочешь дѣлать?

— Ты развѣ не догадываешься?

— Ты хочешь бѣжать?

— Да! мнѣ горько, мнѣ страшно, но...

— Ты когда бѣжишь?

— Сегодня ночью. Бруно ужъ четыре дня въ Венеціи; мы уже условились; надежные люди, онъ говоритъ, помогутъ. Мы бѣжимъ въ Швейцарію. Что ты на это скажешь?

— Что ты хорошо дѣлаешь. Твой отецъ очень любитъ тебя, но онъ и въ родительскую любовь проводитъ австрійскую систему: онъ хочетъ устроить тебѣ счастье по своему вкусу, рабское счастье.

— Ахъ, сказала Корнелія: — какъ все это тяжело! Я твердо рѣшилась, а между тѣмъ, какъ подумаю!...

— Что жъ тутъ страшнаго? Твой отецъ, конечно, очень разсѣдится, но, во избѣжаніе скандала, не захочетъ продолжать ссоры.

— Ты думаешь?

— Я увѣрена. Однако, прощай. Теперь тебѣ каждая минута дорога.

Бруно долженъ былъ пріѣхать въ четыре часа утра. Было уже три четверта четвертаго. Корнелія открыла окно. Ночь была тем-

ная. Корнелія стала тревожно прислушиваться. Отецъ уже возвратился съ бала; она слышала, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ. Затѣмъ наступила тишина, — только плескали въ берегъ волны, да издали доносились пѣсни и крики праздноующихъ карнавалъ. Вдругъ послышался шумъ веселья и показалась плывущая гондола.

Гондола остановилась и изъ нея осторожно и молча вышло нѣсколько человѣкъ.

На городскихъ часахъ пробило четыре.

«Это Бруно», подумала Корнелія.

Она высунулась изъ окна, но не могла ясно разсмотрѣть ни одной фигуры: ночь была слишкомъ темна.

Эти люди подошли къ подъѣзду и одинъ изъ нихъ зажегъ фонарь. Корнелія чуть не вскрикнула: это были вооруженные солдаты. У воротъ раздался сильный звонокъ.

Что же это? «Бруно уже» взять! Или они сюда пришли за нимъ?

Между тѣмъ двери открылись и солдаты вошли, поднялись по лѣстницѣ и направились къ апартаментамъ графа. Корнелія слышала, какъ отецъ съ ними разговаривалъ; затѣмъ все смолкло. Солдаты не выходили изъ дому, значить они ждали Бруно. Долго Корнелія съ тоскою прислушивалась къ малѣйшему шороху. Бруно не являлся. Наконецъ снова послышались шаги, спускавшіеся съ лѣстницы, солдаты вышли изъ дому, сѣли въ гондолу и уплыли.

Неизвѣстность была такъ мучительна, что даже терпѣливая Корнелія не выдержала этой пытки. Она взяла свѣчу, быстро прошла по корридору и открыла двери въ комнату отца.

— Что случилось? спросила она.

Графъ стоялъ посреди комнаты, въ халатѣ, раздраженный и угрюмый.

— Ничего такого, что бы касалось тебя, или меня, отвѣтилъ онъ коротко и сухо.

Графу видимо было неприятно внезапное появленіе дочери.

— Да вѣдь у насъ были солдаты? вскрикнула Корнелія.

— Да, были солдаты. Они кого-то искали, — вотъ и все!

Корнелія стояла передъ нимъ, хотѣла говорить, но голосъ ея словно замеръ.

— Иди, ложись въ постель, сказалъ графъ, повернулся, вошелъ въ свою спальню и заперъ за собою двери.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАЦАТАЯ

ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ КАРТИНУ ИЗЪ ВЕНЕЦІАНСКАГО КАРНАВАЛА.

Корнелія дожидалась утра съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Она надѣялась узнать отъ домашнихъ какія-нибудь подробности, но никто ничего не могъ ей сказать; всѣ спали, кромѣ дворника, а дворникъ разъяснилъ немного. По его словамъ, пришло нѣсколько солдатъ съ офицерами. Офицеры пожелали видѣть графа, оставили солдатъ внизу, пошли къ его сіятельству, пробыли довольно долго въ его апартаментѣ, потомъ вышли, сѣли въ гондолу и отчалили.

Корнелію мучило недоумѣніе, зачѣмъ являлась полиція въ домъ, неподлежащій полицейскому надзору? отчего не явился Бруно въ условленный часъ? Если ему что помѣшало, отчего онъ не пріѣхалъ позже? Отчего хоть не далъ знать о себѣ?

Она была въ отчаяніи.

Нелегко было и графу. Онъ получилъ въ эту ночь страшное оскорбленіе: у него былъ полицейскій обыскъ. У него, у графа фонъ-Тибольдсегга! Чтѣ могло сравниться съ подобною обидою! Чѣмъ заслужилъ онъ недовѣріе правительства, которому всегда служилъ вѣрою и правдою?

Конечно, ему нечего было опасаться; онъ тотчасъ же показаль сыщикамъ всѣ свои бумаги, письма, и только когда очередь дошла до переписки дочери, онъ отказался безпокоить ночью молодую дѣвушку:

— Помилуйте, сказалъ онъ: — и неприлично и смѣшно!

Однако, онъ все-таки вынужденъ былъ дать подробный отчетъ, куда она пишетъ и съ кѣмъ именно переписывается. Сыщики захватили съ собою нѣсколько писемъ.

«Это дѣло Кроненбурга», думалъ графъ. «О, еслибы я могъ отплатить ему! Еслибы мнѣ удалось овладѣть Гуго и женить его на Корнеліи!»

Корнелія долго напрасно ждала извѣстій отъ Бруно; сама она не могла къ нему послать: не было у нея ни одного надежнаго человѣка въ цѣломъ домѣ. Наконецъ, она обратилась къ маркизѣ, и та скоро ее увѣдомила, что Бруно оставилъ гостиницу, гдѣ жилъ. вчера ввечеру, не сказавъ никому, куда ѣдетъ.

Послѣ этого извѣстія Корнелія не сомнѣвалась, что Бруно со-

брался въ условленное время, что ея отецъ какъ-нибудь открылъ ихъ тайну и постарался по своему разстроить ихъ планы.

Они сѣли за обѣдъ. Графъ былъ хотя молчаливъ, но, по обыкновенію своему, милъ и ласковъ.

«Какъ онъ легко притворяется!» думала Корнелія. «Какъ искусно! Какъ онъ безжалостенъ! Какъ спокойно губить людей!»

Она пристально на него поглядѣла, и въ первый разъ въ ея кроткихъ и ясныхъ глазахъ выразилась ненависть. Передъ ней словно сдернули завѣсу и она вдругъ увидала все, чего до сихъ поръ и не подозрѣвала. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нахлынула тысяча воспоминаній, пришли на умъ тысячи мелкихъ невольныхъ замѣтокъ, одно другимъ пополнялось, одно другимъ объяснялось и она сразу поняла, что это за человекъ.

— Поѣдешь сегодня въ маркизъ въ маскарадъ? спросилъ графъ.

— Да, поѣду, отвѣчала Корнелія.

— Въ такомъ случаѣ я провожу тебя, оставлю тамъ, а потомъ опять заѣду.

Маскарадъ былъ самый блестящій. Корнелія пробралась сквозь шумную, разряженную толпу къ огню и помѣстилась въ оконной нишѣ.

Улучивъ свободную минуту, маркиза подошла къ ней.

— Не удалось? спросила она. — погоди, успокойся и постарайся въ другой разъ устроить дѣло лучше.

Къ нимъ подошли три маски: одна представляла попугая, другая лисицу, третья льва.

Попугай уставился на маркизу и не сводилъ съ нея глазъ.

Маркиза сказала:

— Попугай говорливая птица, — что же ты безмолвствуешь? Можно подумать, что ты выпотрошенъ, не живой попугай, а только чучело.

Попугай, казалось, не обратилъ вниманія на это привѣтствіе и продолжалъ все такъ же пристально на нее глядѣть, но лисица выдвинула свою мордочку и, низко раскланиваясь, сказала плохимъ французскимъ языкомъ:

— Какъ вы обѣ прелестны! Не знаю, кому отдать преимущество: югу или сѣверу! Я...

— Оставь бесполезные комплименты, сказала маркиза. — Ты какъ лисица должна любить птицъ. Что бы тебѣ съѣсть этого попугая, — Корнелія, ты вѣрно будешь за это благодарна!

— Да, отвѣчала Корнелія, улыбаясь. — А потомъ, когда лисица справится съ попугаемъ, я попросила бы льва схватить и ее и исчезнуть съ добычей.

— Э-э! отвѣчала лисица. — Что жъ ты такъ не благоволяшь

къ лисицамъ? Вѣдь лисица урожденный дипломатъ. Въ такомъ случаѣ, ты, значитъ, и съ дипломатами въ дурныхъ отношеніяхъ? Но не смущайся моимъ дипломатическимъ видомъ, милая Корнелія: моя наружность обманчива. Внутри меня кроется самый яростнѣйшій демократъ, какого ты когда либо любила. Позволь мнѣ на минуту отойти въ сторону, я сниму эту маску и явлюсь предъ тобой въ настоящемъ моемъ видѣ.

Корнелія растерялась, вскочила, схватила маркизу за руку и проговорила:

— Кто это? Голосъ мнѣ знакомъ, я его гдѣ-то слышала... Уйдемъ отсюда поскорѣй.

Но въ эту минуту къ нимъ подошла маска, которая заставила толпу невольно попятиться. То былъ австрійскій арестантъ. На немъ была арестантская одежда изъ толстаго сѣраго сукна; на обрѣтой головѣ надѣта такъ-называемая деревянная фуражка. Отъ правой руки къ лѣвой ногѣ шла тяжелая цѣпь, которая звякала при каждомъ движеніи. На арестантѣ маски не было; лицо его было только намазано бѣлою краскою и поразительно напоминало мертвенную блѣдность измученныхъ австрійскихъ преступниковъ.

Арестантъ прямо подошелъ къ Корнеліи и сказалъ:

— Не убѣгай! Я вѣдь та лисица, съ которой ты только что разговаривала. Погоди: ты меня полюбишь всѣмъ сердцемъ, когда хорошенько въ меня вступишься. Погляди-ка! Я бѣгалъ, какъ травленный звѣрь изъ края въ край, преслѣдуемый доносцами, и перебивалъ во всевозможныхъ тюрьмахъ. Ахъ, Корнелія! я и теперь вотъ только что вышелъ изъ пестской крѣпости...

Корнелія увидала вдали отца и сдѣлала ему знакъ подойти.

Арестантъ продолжалъ:

— Да, я вышелъ оттуда, но знаю, что скоро опять попаду въ такое же мѣстечко. Одна надежда на тебя: походатайствуй, чтобъ меня заставили судебнымъ порядкомъ на тебѣ жениться.

— Боже мой! вскрикнула Корнелія, дрожа всѣмъ тѣломъ и идя къ подходившему отцу,

— Что случилось? съ живостью спросилъ графъ. — Чѣмъ ты такъ испугана?

Арестантъ, увидя графа, надѣлъ лисью голову и направился къ дверямъ залы.

— Что съ тобой? добивался графъ.

Маркиза начала было рассказывать, но графъ не дослушалъ и бросился за уходящей маской.

Онъ догналъ ее уже у самыхъ дверей. Она со смѣхомъ и очень громко говорила идущему съ ней рядомъ попугаю:

— Каково я ее угостилъ? На славу!

— Вы оскорбили мою дочь! сказалъ графъ, задыхаясь отъ волненія и дрожащей рукой останавливая маску.

— Мнѣ это рѣшительно все равно, отвѣчала маска. — Ваша ли дочь, или не ваша.

Графъ схватилъ маску за шиворотъ и повелительно сказалъ:

— Долой маску!

— Пустите! Я барахтаться съ вами не намѣренъ. Я, пожалуй, сниму маску.

Гуго Кроненбургъ снялъ маску и отеръ носовымъ платкомъ набыленное лицо.

Графъ былъ пораженъ. Онъ не могъ выговорить ни слова.

— Разговаривать я съ вами не желаю, а коли угодно искать удовлетворенія, такъ я всегда къ вашимъ услугамъ. Завтра вы обо мнѣ услышите. Счастливо оставаться! Пойдемте, друзья!

Гуго ушелъ съ своими друзьями, а графъ, шатаясь, какъ пьяный, возвратился къ дочери.

Корнелія была въ обморокѣ, отецъ уложилъ ее въ карету и отвезъ домой.

Въ залѣ было такълюдно, шумно и весело, что эта сцена не могла обратить на себя большаго вниманія; къ тому же послѣднія фразы были сказаны понѣмцеди и ихъ никто изъ обружающихъ не понялъ.

Маркиза проходила въ толпѣ, желая пробраться въ боковую комнату, гдѣ было прохладнѣе и свѣжѣе. Она замѣтила, что отъ нея не отстаютъ алое атласное домино.

— Уйди, навязчивая маска, сказала маркиза, остановясь въ дверяхъ угловой комнаты.

— Мнѣ надо съ тобой поговорить, отвѣчала маска чистымъ французскимъ языкомъ.

— Не понимаю, о чемъ можешь ты со мной поговорить.

— Я хочу кой о чемъ спросить у тебя. Позволь мнѣ войти за тобой въ эту комнату.

— Войди и говори, только прошу не задерживать меня.

— Я желалъ бы знать, когда умеръ твой первый мужъ?

— Мой первый мужъ маркизь.

— Нѣтъ, маркизь второй.

— Ты желаешь говорить оскорбленія?

— Я! О, никогда! Ты забыла меня, но я тебя помню. Я помню сеньору Косенцо.

— Я не понимаю.

— Я съ тобой путешествовалъ, — ты и это забыла!

— Покажи мнѣ свое лицо; можетъ быть, я вспомню.

Алое домино сняло маску. Передъ маркизой стоялъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ пріятными чертами лица.

— Не узнаю, никогда ни видала, сказала маркиза.

— А я думалъ, отвѣчалъ онъ:— что легче забыть человѣка, котораго видѣлъ сто разъ, чѣмъ того, съ кѣмъ одинъ разъ ѣздилъ на островъ Санто-Стефано.

— Вы хотите меня погубить? сказала маркиза.

— Нѣтъ, я скорѣй самъ погибну, отвѣчалъ русскій графъ Островъ.

— Зачѣмъ же вы меня преслѣдуете?

— Съ вами говорить другъ, а не доносчикъ, продолжалъ графъ съ жаромъ, выпуская изъ виду обращенный къ нему вопросъ.— Развѣ, вы думаете, я тогда не замѣтилъ, что мы веземъ съ острова въ Гаэту запрещенный товаръ. Я только дѣлалъ видъ, что не замѣчаю. Не всѣ русскіе варвары!

Маркиза задумалась, потомъ послѣ нѣкотораго молчанія спросила:

— Чтò вы дѣлаете въ Венеціи?

— Я ѣду въ Туринъ, я тамъ при посольствѣ.

— Я надѣюсь съ вами увидаться въ Туринѣ.

— О, еслибы вы сдержали слово! вскрикнулъ съ восторгомъ графъ Островъ.— Но скажите, неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, жена маркиза Пиньятелли? Я этому не вѣрю!

Сестра Негрони отвѣчала:

— Прошу васъ, не забывайте, что я свое отжила и никого ужъ любить не буду.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отецъ и дипломатъ.

Корнелія слегла въ постель и призванный докторъ объявилъ, что она серьезно больна: вся нервная система потрясена, нуженъ совершенный покой.

Графъ дни и ночи сидѣлъ у изголовья дочери, былъ въ отчаяніи, но, несмотря на отчаяніе, отъ своего не отступалъ и попрежнему твердо держался «австрійской системы», какъ говорила маркиза.

Во время болѣзни Корнеліи, полиція доставила графу связку писемъ. Графъ развернулъ и обомлѣлъ. То была переписка его дочери съ Бруно Гальденридомъ. Изъ этой переписки графъ узналъ, что Бруно въ Венеціи, что они видѣлись, что сбирались бѣжать.

— Какъ же я ничего не зналъ! Я думалъ, она шагъ не посмѣетъ сдѣлать послѣ нашего объясненія... Боже мой! Что же это, почему полиція такъ этимъ интересуется? Онъ подъ надзоромъ полиціи, но къ чему этотъ обмыскъ у меня? Можетъ быть, желали предупредить скандалъ; дочь графа Тибольдсегга все-таки дорога правительству! Въ прежнее время сейчасъ бы я все это разузналъ, а теперь не то!

Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать къ себѣ швейцара.

— Я хочу васъ кой о чемъ спросить, сказалъ графъ явившемуся швейцару.

— Извольте спрашивать, ваше сіятельство! отвѣчалъ швейцаръ съ низайшимъ поклономъ.

— Вотъ насчетъ полиціи. Зачѣмъ она сюда являлась, какъ вы думаете?

— Не знаю, ваше сіятельство.

— Вы не замѣтили ничего особеннаго?

— Я только замѣтилъ, что вошли и вышли. Я такъ и графинѣ доложилъ.

— Графиня спрашивала?

— Изволили спрашивать на другой день рано по утру.

— Солдаты не захватили никого около нашего дома?

— Не видалъ, ваше сіятельство.

— Можетъ быть, вы замѣчали, что мимо насъ часто проходитъ какой либо подозрительный человѣкъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство. Приходилъ безъ васъ къ графинѣ какой-то господинъ, да только это не подозрительный.

— Графиня принимала его?

— Всегда изволили принимать.

— Не помните, сколько разъ онъ былъ?

— Четыре раза, ваше сіятельство.

— Онъ молодой человѣкъ?

— На видъ лѣтъ тридцати, ваше сіятельство.

— Онъ не приходилъ въ эти послѣдніе дни?

— Нѣтъ, ваше сіятельство. Къ графинѣ приходили только отъ баронессы Грейфенштейнъ, спрашивали объ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, можете идти.

Графъ зналъ, что Леони въ Парижѣ и не могла прислать узнать о здоровьѣ. Прислала, значить, Бруно. Изъ переписки ему ужъ извѣстно было, что Бруно переѣхалъ въ гостиницу Св. Марка.

Графъ быстро одѣлся, сѣлъ въ гондолу и приказалъ везти себя туда.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ довольно сердитаго на

видъ человѣка въ дорожномъ костюмѣ, съ сигарой въ зубахъ. Лицо его показалось графу знакомымъ.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ любезно графъ, приподнявъ шляпу: — то мы земляки? Что, веселитесь въ Венеціи?

— Полиція уже однажды спрашивала объ этомъ, а ей отвѣчалъ, а во второй разъ докладывала о томъ же считаю излишнею роскошью, отвѣчалъ, извѣстный читателю, раздражительный Граувакъ.

— Тысячу разъ прошу извиненія, сказалъ графъ: — лицо ваше мнѣ показалось знакомымъ; къ тому же всякій соотечественникъ въ чужой сторонѣ...

— Лицо мое должно быть знакомо съ тѣхъ поръ, какъ ваше сѣтельство изволили пригласить меня на чай и желали подкупить, перебилъ неучтивый журналистъ и пошелъ своей дорогой.

— Проклятые плебеи! прошепталъ графъ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ и постучался въ дверь Бруно.

Бруно сидѣлъ въ своей комнатѣ и терзался печалью. Онъ былъ увѣренъ, что графъ какъ нибудь дознался объ условленномъ обѣщаннѣ и призвалъ полицію.

«Мнѣ удалось ускользнуть!» думалъ Бруно. «Но что изъ этого? Когда я се увижу? Что дѣлать?»

Услыхавъ стукъ въ двери, онъ сказалъ:

— Войдите!

Вошелъ графъ грустный, разстроенный, но старающійся овладѣть своими чувствами.

— Г. Гальденридъ, началъ графъ: — я долженъ сознаться, что мнѣ стоило не малаго труда этотъ визитъ. — Я пріѣхалъ объяснить съ вами касательно вашего поведенія...

— Графъ, прервалъ Бруно: — вы напрасно будете угрожать мнѣ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ графъ. — Я явился къ вамъ не съ угрозами, а явился отъ имени дочери.

— Я васъ не понимаю, сказалъ Бруно.

— Вы сейчасъ меня поймете. Я убѣдился, что любовь ваша—любовь глубокая и сильная, а долженъ отдать вамъ эту справедливость. Но со стороны Корнелии любви нѣтъ. Она, конечно, увлеклась сначала...

— Это неправда! вскрикнулъ Бруно. — Неправда!

— Выслушайте меня. Дочь моя долго скрывала отъ меня свой внутренній разладъ, но, наконецъ, не выдержала и повѣрила мнѣ свои мученія. Она считаетъ себя связанной и обращается къ вашему великодушію. Я много здѣсь виноватъ, я это знаю. Я желалъ выдать ее за Кроненбурга, преслѣдовалъ ее своими просьбами, и довелъ до того, что она ухватилась за первую встрѣтившуюся ей возможность любви, увлеклась первымъ интереснымъ лицомъ. Въ

последнее время наши отношенія сдѣлались натянутыми, я видѣлъ ея слезы, постоянную тоску... Повѣрьте—мнѣ было нелегко! Наконецъ, она мнѣ все сказала...

— Я не вѣрю этому! перебилъ Бруно.

— Позвольте. Корнелія согласилась бѣжать, собралась, но когда настала рѣшительная минута, она не имѣла силъ исполнить данное обѣщаніе. Она пришла ко мнѣ, во всемъ созналась, просила помочь ей, поручила мнѣ обратиться къ вамъ. Вотъ ваши письма. Она проситъ васъ возвратить ея портретъ и письма.

Онъ подалъ Бруно пакетъ, доставленный ему полиціей.

Бруно сказалъ:

— Я только тогда этому повѣрю, когда Корнелія сама мнѣ скажетъ. Я хочу ее видѣть.

— Это невозможно.

— Въ вашемъ присутствіи ее видѣть, но только видѣть!

— Я думалъ, г. Гальденридь, что послѣ всего мною сказаннаго вы этого не будете требовать, не пожелаете. Вспомните хотя то, что она теперь опасно больна и всякое волненіе будетъ для нея гибельно!

— Да, она больна, сказалъ Бруно, какъ бы машинально.

— Г. Гальденридь! вдругъ заговорилъ графъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.—Я ея отецъ! Я страшно страдалъ! Я видѣлъ, я знаю, чего это ей стоило! Пощадите ее!

— Вы правы, сказалъ Бруно:—мнѣ незачѣмъ съ нею видѣться. Думаете вы... Думаете вы, она умретъ?

— О, нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ графъ, въ порывѣ отчаянія схватывая себя за голову. — Докторъ сказалъ, что она опасна, но надежда есть. О, Боже мой!

— Я уѣзжаю изъ Венеціи, сказалъ Бруно: — и не буду больше ее смущать.

Графъ схватилъ его за руку.

— Вы честный человѣкъ! прошепталъ графъ. — Вы честный человѣкъ! Я васъ уважаю! Я бы теперь съ радостью отдалъ вамъ дочь, еслибъ она любила васъ! Я не зналъ васъ!

— Графъ, прошу васъ, прекратите незаслуженныя похвалы, сказалъ Бруно. — Позвольте мнѣ съ вами проститься.

На слѣдующее же утро Бруно уѣхалъ вмѣстѣ съ Граувакомъ изъ Венеціи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПЕРЕНОСИТЬ ЧИТАТЕЛЯ ВЪ ПОГРАНИЧНУЮ ГОСТИНИЦУ
ВЪ ГЕНЦБАХЪ.

Пусть читатель вообразить себѣ холмистую, покрытую лѣсомъ, однообразную мѣстность.

Весенній вечеръ. Мѣсяцъ слабо свѣтитъ. На горизонтѣ темнѣютъ тучи. дуетъ сильный южный вѣтеръ. На лѣсной прогалинѣ мальчикъ лѣтъ шестнадцати собираетъ сухіе сучья. Вдругъ откуда-то изъ лѣсу вѣтеръ прпрнесъ бѣлую бумажку, покрутилъ ею и бросилъ ее въ находившуюся по близости лужу.

Любопытный мальчикъ кинулся за бумажкой и схватилъ ее.

— Банковый билетъ! вскричалъ мальчикъ съ удивленіемъ. — Ай! еще! еще!

Онъ поспѣшно поднималъ еще два вылетѣвшіе изъ-за деревьевъ банковые билета, побѣжалъ въ лѣсъ и принялся аукать.

Онъ нѣсколько времени бѣжалъ по лѣсу и вдругъ увидалъ въ сторонѣ, подъ деревомъ, новое мужское пальто, оранжевый шелковый платокъ и развернутый бумажникъ, изъ котораго вѣтеръ разнесилъ банковые билеты.

Мальчикъ опять сталъ звать, но никто не отвѣчалъ. Мальчикъ подумалъ, нашелъ камень, навалилъ его на бумажникъ, сложилъ получше платокъ и пальто и побѣжалъ домой разсказать отцу.

Отецъ выслушалъ его, удивился, побранилъ за то, что оставилъ такіа вещи въ лѣсу, и самъ пошелъ за ними. Но когда они добѣжали до того мѣста, гдѣ были вещи, то ничего уже не нашли. Погоревали, поспорили и возвратились домой, рѣшивъ представить найденные банковые билеты мѣстнымъ властямъ.

Въ маленькомъ мѣстечкѣ Генцбахѣ была только одна приличная гостиница. Въ будни, она по большей части была пуста, но въ описываемый вечеръ, тамъ сидѣло около десятка мужиковъ, которые распивали пиво.

Часовъ въ десять въ гостиницу вошелъ человекъ, обратившій на себя общее вниманіе.

То былъ человекъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, красивой наружности, но исхудалый и истомленный. На немъ было новое коротшее пальто и шелковый шарфъ, на головѣ новая шляпа, въ рукахъ тросточка.

Человекъ этотъ тихонько отворилъ двери и, увидѣвъ посѣтителей, попятился-было назадъ, но подбѣжавшая хозяйка засыпала

его привѣтствіями и, такъ сказать, втолкнула въ комнату. Онъ вошелъ, остановился и оглянулъ всѣхъ проницательнымъ, тревожнымъ взглядомъ. Онъ тяжело и отрывисто дышалъ, осматривался и, наконецъ, забрался въ уголь и сѣлъ въ тѣни.

Когда прислужница подошла къ нему и спросила, не угодно ли ему чего-нибудь выпить или закусить, онъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и торопливо отвѣтилъ:

— Ничего не надо, ничего.

Прислужницу позвали, и онъ всталъ и поспѣшно ушелъ.

Ночь была темная, тихая; только и слышно было, какъ бьетъ ключъ невдалекѣ подъ горою. Онъ остановился, снялъ шляпу и утеръ съ лица потъ.

— Это большая неосторожность! прошепталъ онъ. — Большая неосторожность! Мужики народъ хитрый, наблюдательный — они сейчасъ все подмѣтятъ. Ахъ, прежде я умѣлъ разыгрывать всякія роли! Я боялся ѣсть, чтобы не увидали, какъ я голоденъ! Можетъ быть, они ужъ подозрѣваютъ? Боже мой! Не воротится ли? Чего я такъ боюсь? Что мнѣ жандармы? У меня паспортъ великолѣпный. Ворочусь!

Онъ твердой походкой воротился въ гостиницу, поднявъ голову и посвистывая.

Мужики удивились еще больше, чѣмъ прежде.

Онъ не подвинулъ, а подшвырнулъ себѣ стулъ, развязно на немъ раскинулся и принялся стучать вилкою:

Хозяйка прибѣжала.

— Что это значить? Зову, зову, и никого не дозовусь! Я не привыкъ ждать!

— Вы сказали, ничего не надо, отвѣтила хозяйка.

— Я попрошу васъ не разсуждать, а подать мнѣ пиво! И мяса, и всего, что тамъ у васъ есть: за деньгами не постою!

Онъ вдругъ оглянулся и перемѣнился въ лицѣ.

«Наблюдають» подумалъ онъ. «Наблюдають! И вдругъ случится кто нибудь знакомый и узнаетъ меня!»

Прислужница принесла между тѣмъ пиво, онъ залпомъ выпилъ стаканъ, другой, третій и замѣтно повеселѣлъ. Онъ сталъ напѣвать пѣсенку, хотя время отъ времени вздрагивалъ и хватался за шляпу, которую не снималъ съ головы.

Въ смежной комнатѣ начали молотъ кофе; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Кофейная мельница, прошепталъ онъ. — Я не могу слышать!

Прислужница подала ему кушанье. Онъ бросился на него, какъ голодный волкъ.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ высокій, сухощавный человекъ. Фуражка съ кокардой и шинель на немъ были мокрыя. Онъ былъ вооруженъ.

— Богъ помощь! сказалъ вошедшій.

— Добро пожаловать, отвѣтили ему всѣ мужики очень дружелюбно.

Вошедшій тотчасъ же замѣтилъ незнакомаго въ новомъ пальто и въ шляпѣ и пристально на него поглядѣлъ.

Тотъ вдругъ потерялъ аппетитъ, и воспользовавшись минутой, пока вошедшій развѣшивалъ свою шинель и стоялъ къ нему спиною, выпоркнулъ изъ гостиницы.

— Развѣ это жандармъ? шепталъ онъ, снѣша по улицѣ.— Чего я такъ трушу? У меня великолѣпный паспортъ и отличная шляпа! Да что жъ, если меня и схватятъ? Ничѣмъ нельзя доказать, никто не выдастъ! Я его схватилъ за горло и швырнулъ въ воду, и онъ не успѣлъ пикнуть! Однако я веду себя чрезвычайно глупо! Я возбуждаю подозрѣніе. Надо опять воротиться и всѣ эти подозрѣнія разсѣять!

Онъ снова вошелъ въ гостиницу.

Высокій человекъ съ кокардой на фуражкѣ былъ лѣсничій; онъ сидѣлъ теперь за столомъ и разговаривалъ съ мужиками. Тутъ же вертѣлась хозяйка и суетилась прислужница.

— Добрый вечеръ! ласково сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ лѣсничему: — добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ! отвѣчалъ лѣсничій.— А мы вотъ только что о васъ говорили. Скажите, вы не были сегодня въ лѣсу, тутъ по сосѣдству?

— Нѣтъ, проговорилъ незнакомецъ съ испугомъ.

— А мнѣ кажется, я васъ тамъ видѣлъ, сказалъ лѣсничій.

— Да, это правда, я заблудился въ какомъ-то лѣсу, но только въ какомъ и гдѣ, не знаю.

— Ну, въ такомъ лѣсу мудрено заблудиться: не великъ. Да кромѣ того, я васъ засталъ сегодня утромъ, вы спали подъ кустомъ, какъ убитый.

— Неправда! рѣзко сказалъ незнакомецъ.

— Ой-ой! Вы что-то путаете! Вы сегодня прошли мимо меня, только меня не замѣтили; я хотѣлъ-было догнать васъ, посмотреть, кто вы такой, да вижу, вы оставили свои вещи...

— Да! да! живо перебилъ незнакомецъ:— я оставилъ тамъ свое пальто. Я ужасно рассѣянъ и забывчивъ! Я такой съ самаго дѣтства. Вы не смотрите на то, что у меня аппетитъ хорошій, я человекъ больной, очень больной!

Онъ вынулъ носовой платокъ и отеръ выступившія на лбу капли пота.

— Вы забыли тоже свой бумажникъ? началъ лѣсничій.

— Да, да, бумажникъ! Коричневый бумажникъ! Это мой! Въ немъ много денегъ, очень много, но это ничего! Главное, нас портъ!

— Не тревожьтесь, успокоивающимъ голосомъ сказалъ лѣсничій. — Все вамъ возвратятъ.

Никто не сомнѣвался, что незнакомецъ помѣшанъ.

— Подайте паспортъ! закричалъ онъ съ отчаяніемъ. — Подайте! подайте! Сейчасъ, сію минуту! Вы меня измучаете! Мнѣ надобенъ паспортъ! Я сынъ богатаго купца изъ Песта! Меня зовутъ Робертъ Шмидтъ; и всѣ меня любятъ! Что-жъ вы стоите? Чего смотрите? Отдайте мои вещи! Мнѣ паспортъ дороже всего! И шляпа дороже всего! Видите, я разсѣянъ: теряю то паспортъ, то шляпу! А вѣдь моя жизнь зависитъ отъ паспорта и отъ шляпы!

— Успокойтесь, успокойтесь, говорилъ лѣсничій мягкимъ голосомъ. — Вы все получите.

— Отдайте, по крайней мѣрѣ, паспортъ! Я вамъ заплачу сколько хотите!

— Успокойтесь, успокойтесь, повторилъ лѣсничій: — вещи ваши въ сохранности; я ихъ отдалъ полицейскому чиновнику, а вѣдь вы знаете, въ полиціи ужъ не пропадетъ.

Незнакомецъ вскрикнулъ:

— Измѣна! измѣна! Мужики меня перехитрили! Отдайте паспортъ! Отдайте шляпу! Я погибъ!

Онъ началъ метаться по комнатѣ.

— Визони надулъ меня! Негодяй! Эхъ, еслибъ мнѣ опять спрятаться у Ильки. Ахъ, еслибъ убѣжать!

Онъ бросился къ двери и побѣжалъ. Всѣ кинулись догонять. На дворѣ было темно и скоро помѣшанный исчезъ у нихъ изъ виду.

— Гдѣ жъ его ловить? заговорили мужики.

— Кого это ловить? крикнулъ съ двора парень. — Вотъ тамъ кто-то на сѣновалѣ залѣзъ.

Принесли фонарь; лѣсничій и трое мужиковъ стали взбираться по лѣстницѣ.

Они увидели помѣшаннаго на самомъ верху, на балкѣ. Онъ поглядѣлъ на нихъ оттуда, какъ дикая кошка; онъ пробирался къ слуховому окошку.

— Сойдите, мы васъ обижать не станемъ, сказали мужики.

— Сойдите, паспортъ получите, сказалъ лѣсничій.

Помѣшанный не слушалъ, достигъ слуховаго окошка, слу-

стился съ крыши и ударился о землю. Раздался крикъ, потомъ все смолкло.

Филиппъ Штроппъ разможилъ себѣ черепъ о колесо телѣги и умеръ на мѣстѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРЕНОСИТЬ ЧИТАТЕЛЯ СНОВА ВЪ КРАСНИЦЪ

Весна во всей красѣ и блескѣ. Надъ замкомъ графа фонъ-Тибольдсегга развѣвается бѣлый съ краснымъ флагъ — значить господа дома.

Графъ, противъ своего обыкновенія, пожаловалъ въ красницкій замокъ ранней весною: доктора предписали молодой графинѣ деревенскій воздухъ.

Со времени своей болѣзни въ Венеціи Корнелія не поправлялась. Не поправили ее ни деревенскій воздухъ, ни живительный май мѣсяцъ; силы ея падали съ каждымъ днемъ; графъ былъ въ отчаяніи.

Онъ былъ въ отчаяніи не только потому, что дочь умирала, но и потому, что онъ чувствовалъ, что она ненавидитъ его. Устроивъ дѣло съ Бруно, онъ точно также устроилъ его и съ Корнеліей. Корнелія ничего ему не отвѣтила. Онъ даже не зналъ, повѣрила ли она тому, что Бруно отъ нея отрекся, или нѣтъ. Она только просила не возобновлять этого разговора.

Къ концу мая, доктора объявили, что нѣтъ никакой надежды спасти молодую графиню. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни дипломатъ потерялся, написалъ Бруно Гальденриду, прося его немедленно пріѣхать.

При больной давно уже находилась г-жа Гассенфельдъ. Ей графъ поручилъ приготовить Корнелію къ радостному свиданію.

— Какъ ты себя чувствуешь? спросила г-жа Гассенфельдъ, взявъ больную за руку.

— Мнѣ лучше, не такъ тяжело дышать, отвѣчала больная.

— Выздоровливай: все пойдетъ теперь хорошо. Теперь отецъ на все согласится.

— Ты думаешь?

— Не думаю, а увѣрена. Ты знаешь, онъ написалъ къ Бруно и просилъ его пріѣхать.

— Онъ тебѣ это сказалъ?

— Сказалъ.

— Онъ солгалъ.

- Да нѣтъ, я сама видѣла письмо.
- Онъ тебя обманулъ. Онъ умѣеть!
- Говорю тебѣ, что я видѣла собственными своими глазами.
- Бруно бы пріѣхалъ.
- И пріѣдетъ!

Бруно нѣсколько замедлилъ пріѣздомъ потому, что замедлило письмо, — всѣ письма, адресованныя на его имя, подвергались предварительной цензурѣ въ одномъ заботливомъ отдѣленіи почтоваго вѣдомства. Онъ пріѣхалъ въ Красницъ поздно ночью, побоялся безпокоить больную, промучился остальную часть ночи безъ сна, насилу дождался девяти часовъ утра, собрался, отворилъ дверь и встрѣтилъ на порогѣ полицейскаго чиновника.

- Вы г. Бруно Гальденридь? спросилъ полицейскій чиновникъ.
- Я, что вамъ угодно?
- Позвольте вашъ паспортъ.

Бруно подалъ ему паспортъ.

Чиновникъ тщательно осмотрѣлъ его и сказалъ:

- Пожалуйста къ окружному начальнику.
- Зачѣмъ?
- Не мое дѣло.

Бруно вынужденъ былъ отправиться къ окружному начальнику, знакомому читателю г. фонъ-Ракку.

Г. фонъ-Раккъ былъ занятъ съ другимъ посѣтителемъ и Бруно пришлось долго ждать. Наконецъ, онъ не выдержалъ и подошелъ къ столу, за которымъ воссѣдалъ примѣрный чиновникъ.

- Вы требовали меня? началъ онъ.
- Ваша очередь придетъ, сухо перебилъ его г. фонъ-Раккъ.
- Нечего дѣлать, надо было дожидаться очереди.

Когда эта очередь пришла, г. фонъ-Раккъ просмотрѣлъ его паспортъ.

- Вы пріѣхали сегодня ночью? спросилъ онъ.
- Сегодня ночью.
- Долго думаете пробыть въ Красницѣ?

— Я еще самъ не знаю. Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

— Вы такой отвѣтъ можете давать празднему товарищу въ ресторанѣ, а не мнѣ! Я требую точнаго и положительнаго отвѣта!

— Болѣе точнаго отвѣта я дать не могу. Я думаю, впрочемъ, что правительству, дозволившему мнѣ сюда пріѣхать, все равно, сколько я ни пробуду.

— Вы ошибаетесь. Вамъ дозволено путешествовать, но жить на одномъ мѣстѣ не дозволено. Извольте мнѣ сказать, что за дѣлъ вашего пріѣзда въ Красницъ!

— Я прїѣхалъ посѣтить знакомыхъ.

— Кого именно вы прїѣхали сюда посѣтить?

— Графа фонъ-Тибольдсегга.

— Можете вы представить мнѣ въ этомъ удостовѣреніе? Имѣете вы какое-нибудь письмо, приглашеніе, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Могу, но не хочу. Въ этомъ нѣтъ юридической необходимости.

— Ваше прошедшее такъ темно, что допускаетъ подобныя мѣры. Извольте войти въ переднюю и ждите рѣшенія этого дѣла.

Г. фонъ-Раккъ отправилъ въ замокъ чиновника узнать, правду ли сказалъ Бруно, а самъ сталъ у окна въ ожиданіи отвѣта.

Вскорѣ чиновникъ возвратился, и подъѣхала графская коляска.

— Что можетъ быть общаго у Тибольдсегга съ этимъ человѣкомъ? недоумѣвалъ г. фонъ-Раккъ.

Онъ велѣлъ позвать Бруно.

— Г. Гальденридь! сказалъ онъ нѣсколько мягче: — я просмотрѣлъ ваши бумаги; вы можете оставаться въ Красницѣ восемь дней. Впрочемъ, если вы пожелаете продлить ваше пребываніе, то получите отсрочку.

Черезъ нѣсколько минутъ Бруно уже былъ въ замкѣ.

Графъ встрѣтилъ его на этотъ разъ съ неподдѣльнымъ волненіемъ; г-жа Гассенфельдъ пошла приготовить Корнелію.

— Я думаю, Бруно сегодня прїѣдетъ, сказала она, садясь около кровати больной.

— Не утѣшай меня обманами, — я не вѣрю, отвѣчала Корнелія.

— Но, а если онъ вдругъ войдетъ къ тебѣ?

— Пожалуйста, не играй этой комедіи! Мнѣ это тяжело.

— Я не шучу.

Въ комнату вошелъ графъ.

— Графъ! сказала г-жа Гассенфельдъ: — она не вѣритъ, что прїѣдетъ г. Гальденридь.

— Онъ непременно прїѣдетъ, проговорилъ графъ.

— Ахъ, еслибы прїѣхалъ! Я бы, кажется, выздоровѣла! прошептала Корнелія.

— Онъ здѣсь, сказала г-жа Гассенфельдъ, отворяя дверь.

Увидѣвъ Бруно, Корнелія протянула къ нему руки, хотѣла что-то сказать, но ей сдѣлалось дурно. Когда ее привели въ чувство, она была въ безпамятствѣ, металась и бредила до слѣдующаго утра. Утромъ, она пришла въ себя и тотчасъ же спросила:

— Гдѣ Бруно?

— Я здѣсь, отвѣчалъ Бруно, сидѣвшій у ея кровати. — Какъ ты себя чувствуешь?

ЧЕРНО-ЖИТОКЪ ЗНАМЯ.

— Мнѣ совсѣмъ хорошо; завтра мы поѣдемъ кататься туда, въ паркъ. Теперь идите, вы всѣ устали; доброй ночи!

Она подала Бруно руку.

— Спокойной ночи, Бруно!

Это были послѣднія ея слова...

Приключенія нашего героя еще не кончены; онъ только вступаетъ въ новый періодъ. Авторъ намѣренъ рассказать читателю его дальнѣйшую судьбу.

Конецъ.

